МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

ИСТОРИЧЕСКИЙ ФОРМАТ

№ 4 / 2021

THE INTERNATIONAL SCIENCE MAGAZINE

HISTORICAL FORMAT

№ 4 / 2021

МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

ИСТОРИЧЕСКИЙ ФОРМАТ

ОСНОВАН В 2015 ГОДУ

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

* * *

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Меркулов Всеволод Игоревич, канд. ист. наук
главный редактор

Жих Максим Иванович
заместитель главного редактора

Колтырин Сергей Анатольевич
ответственный редактор

Лобачева Ирина Ивановна
редактор-переводчик

Артамонов Герман Анатольевич, канд. ист. наук, доц. (Россия)
Афанасьев Михаил Николаевич, докт. соц. наук (Россия)
Богданов Андрей Петрович, докт. ист. наук, проф. (Россия)
Грот Лидия Павловна, канд. ист. наук (Швеция)
Кулаков Владимир Иванович, докт. ист. наук (Россия)
Лубков Алексей Владимирович, докт. ист. наук, проф. (Россия)
Майоров Александр Вячеславович, докт. ист. наук, проф. (Россия)
Пузанов Владимир Дмитриевич, докт. ист. наук, проф. (Россия)
Фомин Вячеслав Васильевич, докт. ист. наук, проф. (Россия)

* * *

E-mail редакции: **mail@histformat.com**
Официальный сайт: **http://histformat.com/**

© Исторический Формат, 2021-2022
ISSN 2411-9415

THE INTERNATIONAL SCIENCE MAGAZINE

HISTORICAL FORMAT

ESTABLISHED IN 2015

SCIENTIFIC PUBLICATION

* * *

EDITORIAL BOARD:

PhD in History Vsevolod Merkulov
Editor-in-Chief

Maksim Zhikh
Deputy Editor-in-Chief

Sergey Koltyrin
Managing Editor

Irina Lobacheva
Editor-Translator

PhD in History German Artamonov (Russia)
Doctor of Sociology Mikhail Afanasiev (Russia)
Doctor of History, Professor Andrey Bogdanov (Russia)
PhD in History Lidia Groth (Sweden)
Doctor of History Vladimir Kulakov (Russia)
Doctor of History, Professor Aleksey Lubkov (Russia)
Doctor of History, Professor Alexander Maiorov (Russia)
Doctor of History, Professor Vladimir Puzanov (Russia)
Doctor of History, Professor Vyacheslav Fomin (Russia)

* * *

E-mail: **mail@histformat.com**
Website: **http://histformat.com/**

© Historical Format, 2021-2022
ISSN 2411-9415

ОБЩЕСТВЕННЫЙ ПОПЕЧИТЕЛЬСКИЙ СОВЕТ ЖУРНАЛА «ИСТОРИЧЕСКИЙ ФОРМАТ»:

Вотрин Дмитрий Вячеславович (Академия ДНК-генеалогии)
Греков Анатолий Иванович (канд. технич. наук)
Зиновьев Станислав Валерьевич (предприниматель)
Кривошеин Александр Васильевич (адвокат)
Самусев Дмитрий Николаевич (Академия ДНК-генеалогии)
Смирнов Владимир Александрович (историк-любитель)
Сухов Николай Вадимович (канд. ист. наук)
Фурсевич Оксана Владимировна (эстетический тренер, педагог)

Международный научный журнал «Исторический формат» посвящён публикации результатов актуальных научных исследований по истории России и других стран мира. Журнал публикует оригинальные статьи с результатами научных исследований на русском, английском, французском и немецком языках, относящиеся к исторической тематике, а также сообщения о проводимых под эгидой или при участии журнала научных мероприятиях.

The international science magazine «Historical Format» is dedicated to the publication of the results of relevant scientific research on the history of Russia and other nations. The magazine publishes original articles in Russian, English, French and German, presenting the results of scientific research on historical themes, as well as notifications of research conducted under the umbrella of the magazine or with its direct participation.

Die internationale wissenschaftliche Zeitschrift «Historisches Format» veröffentlicht aktuelle Ergebnisse der wissenschaftlichen Forschung zur Geschichte Russlands und weiterer Länder. Die Zeitschrift veröffentlicht Publikationen zu historischen Themen in russischer, englischer, französischer und deutscher Sprache, sowie Berichte über wissenschaftliche Veranstaltungen unter Leitung oder Beteiligung der Zeitschrift.

La Revue internationale scientifique «Format historique» est consacrée à la publication des résultats des recherches scientifiques actuelles sur l'histoire de la Russie et d'autres pays du monde. La Revue publie des articles originaux sur les résultats des recherches scientifiques en russe, anglais, français et allemand et aussi l'information sur des activités scientifiques organisées sous la tutelle de la Revue ou avec sa participation.

СОДЕРЖАНИЕ / CONTENTS

ЖУРНАЛ НУЖДАЕТСЯ В ВАШЕЙ ПОДДЕРЖКЕ
OUR JOURNAL NEEDS IN YOUR SUPPORT 8

В.В. Фомин
ВАРЯГО-РУССКИЙ ВОПРОС В ПРОШЛОМ, НАСТОЯЩЕМ, БУДУЩЕМ

Vyacheslav Fomin
VARANGIAN-RUSSIAN QUESTION IN THE PAST, PRESENT AND FUTURE 12

А.А. Карпенко
ПРЕДЫСТОРИЯ РУСИ, РУССКИЙ И ВАРЯЖСКИЙ ВОПРОСЫ В КОНЦЕПЦИИ А.Г. КУЗЬМИНА

Andrey Karpenko
EARLY HISTORY OF RUSSIA, RUSSIAN AND VARANGIAN QUESTIONS IN THE CONCEPT OF A.G. KUZMIN 60

С.Н. Беззаконов, М.И. Жих
ПОХОД РУСОВ НА КОНСТАНТИНОПОЛЬ В 860 Г.: ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИЧЕСКОЙ ГЕОГРАФИИ И ЛОГИСТИКИ

Sergey Bezzakonov, Maksim Zhikh
MILITARY EXPEDITION OF THE RUS' TO CONSTANTINOPLE IN 860: PROBLEMS OF HISTORICAL GEOGRAPHY AND LOGISTICS 78

И.Л. Рожанский
ОБЗОР ДАННЫХ ИСКОПАЕМОЙ ДНК: ГАПЛОКАРТЫ G и I

Igor Rozhanskii
A REVIEW OF ANCIENT DNA DATA: HAPLOMAP OF G AND I 125

В.И. Кулаков
ПРИЁМЫ ДОМОСТРОИТЕЛЬСТВА И ТИПЫ ПОСЕЛЕНЧЕСКИХ АГЛОМЕРАЦИЙ В ИСТОРИЧЕСКОЙ ПРУССИИ X – НАЧАЛА XX ВЕКОВ

Vladimir Kulakov
HOUSE BUILDING TECHNIQUES AND TYPES OF SETTLEMENT AGGLOMERATIONS IN HISTORICAL PRUSSIA OF THE 10TH - BEGINNING OF THE 20TH CENTURIES 141

К.А. Анисимов
ОДРИССКИЙ ЦАРЬ КОТИС I: ЛИТЕРАТУРНЫЙ ОБРАЗ И БИОГРАФИЯ

Konstantin Anisimov
ODRIS KING COTYS I: LITERARY IMAGE AND BIOGRAPHY 175

В.П. Ануфриев
АТАКА ТРЁХ МАРШАЛОВ. СЕМЕНОВСКИЕ ФЛЕШИ ОКОЛО 8 (10) ЧАСОВ УТРА

Vadim Anufriev
THE BATTLE OF BORODINO. SEMENOVSKY FLÈCHES AT ABOUT 8 (10) A.M. ATTACK OF THREE MARSHALS 181

И.Ю. Васильев
БЕЛОПОВСТАНЧЕСКОЕ ДВИЖЕНИЕ НА КУБАНИ И ЕГО ПОДАВЛЕНИЕ: ПРИМЕРЫ ВОСПРИЯТИЯ ОЧЕВИДЦАМИ

Igor Vasiliev
THE WHITE REBELLION MOVEMENT IN KUBAN AND ITS SUPPRESSION: EXAMPLES OF EYEWITNESS PERCEPTION 189

Д.В. Суржик, М.П. Кузовкин
В ПАУТИНЕ «ОТТЕПЕЛИ»: АНАЛИТИЧЕСКИЙ ДОКЛАД «ЦЕЗАРЬ ИКС-59» ЦРУ США С ОЦЕНКОЙ ДИСКУССИЙ ПО ИСТОРИИ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ В СОВЕТСКОМ ОБЩЕСТВЕ 1945-1959 ГГ.

Dmitry Surzhik, Mikhail Kuzovkin
IN THE WEB OF "THAW": THE US CIA'S ANALYTICAL REPORT "CAESAR X-59" WITH ASSESSMENT OF DISCUSSIONS ON THE HISTORY OF THE GREAT PATRIOTIC WAR IN SOVIET SOCIETY OF 1945-1959 195

И.Ю. Васильев
СЛАВЯНЕ ОБЩИННОЙ ЭПОХИ. РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ: ЖИХ М.И. ВОСТОЧНЫЕ СЛАВЯНЕ НАКАНУНЕ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ. М.: ВЕЧЕ, 2020. 448 С.

Igor Vasiliev
SLAVS OF THE COMMUNAL EPOCH. BOOK REVIEW: ZHIKH M.I. EAST SLAVS ON THE EVE OF STATEHOOD. M.: VECHE, 2020. 448 p. . . 201

4 номера в год
около 40 статей
более 40 авторов

2022 №1 2 3 4

Журнал нуждается в Вашей поддержке

Международный научный журнал «Исторический формат» успешно состоялся и в разгар пандемии коронавируса отметил свой пятилетний юбилей. Как и планировалось, ежегодно выходят 4 выпуска, которые можно свободно скачать на официальном сайте http://histformat.com/ в формате pdf. Редакция получила немало позитивных отзывов, среди которых были и такие: «Ваш журнал – это глоток свежего воздуха», «Исторический формат – начало новой русской исторической мысли…», «гениальный проект»… Это означает, что работа редакции не была напрасной.

Мы – независимые историки, кандидаты и доктора наук, которые решили выпускать и развивать новый международный научный журнал «Исторический формат», посвященный истории славян, Руси, России, соседних стран и народов, изучению исторических источников, археологии, ДНК-генеалогии.

Азбелев

1926-2017

выдающийся филолог и историк

2022 №1 2 3 4

Наш проект – принципиально некоммерческий! Как для авторов (вопреки распространенной практике взимать плату за публикации в научном журнале, особенно, индексируемом), так и для читателей. Редакция «Исторического формата» категорически против этого. Поэтому журнал будет совершенно бесплатным для читателей и для авторов. Свободно скачивайте, читайте и используйте в научной работе.

«Исторический формат» – первый в России независимый научный журнал, который выходит в формате Open Science. Это свободная трибуна для ученых, которые рассказывают о результатах своих исторических исследований. Это некоммерческий проект, идея которого состоит в том, чтобы стать всенародным научным журналом. Зачем это нужно? Чтобы люди гордились своей историей, знали и понимали её, получая информацию напрямую от профессиональных историков.

В 2022 году журнал «Исторический формат» запускает масштабный проект публикации научного наследия выдающегося русского историка и фольклориста Сергея Николаевича Азбелева (1926-2017), доктора филологических наук, многолетнего ведущего научного сотрудника Института русской литературы (Пушкинский дом) РАН, известного исследователя Древней Руси, Великого Новгорода, русского летописания и фольклора, члена редколлегии нашего журнала, ветерана Великой Отечественной войны, автора многих работ по истории, литературе и фольклору Древней Руси.

Сергей Николаевич Азбелев на фронте

С.Н. Азбелев аргументированно обосновал точное место Куликовской битвы, будучи одновременно историком и филологом он плодотворно изучал исторические основы русского героического эпоса. Некоторые статьи С.Н. Азбелева опубликованы на сайте Переформат.ру http://pereformat.ru/azbelev/ Подробнее о нём в отдельной статье в Википедии.

Заместитель главного редактора «Исторического формата» М.И. Жих проделал работу по разбору его личного архива и готовит к печати неизданные работы учёного, а также документы, связанные с ключевыми этапами его жизни и творчества. В каждом новом номере «Исторического формата» в рамках рубрики «Наследие Сергея Николаевича Азбелева» планируется издавать одну из его неопубликованных статей или документальных подборок о жизни выдающегося исследователя. Вы можете поддержать это важное для российской науки предприятие.

Редакция «Исторического формата» приглашает попечителей оказать поддержку изданию журнала в 2022 году. Почему так важна ваша поддержка? Журнал «Исторический формат» существует без финансирования со стороны государства и научно-образовательных структур. Это совместный проект известных ученых, которые опираются только на общественную поддержку, на поддержку людей, которые неравнодушны к истории. Журнал является электронным периодическим изданием, выпускается ежеквартально, рецензируется, индексируется

Сергей Николаевич Азбелев в неформальной обстановке

в базе РИНЦ и является принципиально бесплатным для всех читателей и авторов.

На что требуются средства? На подготовку и выпуск номеров «Исторического формата» за 2022 год, редактуру и корректуру, оформление статей в соответствии с требованиями РИНЦ, верстку и прочие технические нюансы. Без финансирования немного отстаём, не можем запустить те материалы, что уже написаны и ждут своего читателя.

Вы можете принять непосредственное участие в выпуске «Исторического формата». Если вам интересен наш журнал, нравится наша позиция и для вас необременительно поддержать работу редакции, войти в число попечителей журнала, то это станет хорошим подспорьем.

Спасибо вам за то, что читаете «Исторический формат» и поддерживаете его!

ЧТОБЫ ПОДДЕРЖАТЬ ИЗДАНИЕ ЖУРНАЛА, ПЕРЕХОДИТЕ ПО ССЫЛКЕ:

https://planeta.ru/campaigns/181512

ВАРЯГО-РУССКИЙ ВОПРОС В ПРОШЛОМ, НАСТОЯЩЕМ, БУДУЩЕМ

В.В. Фомин
Липецкий государственный педагогический университет им. П.П. Семенова-Тян-Шанского
Россия, 398020, г. Липецк, ул. Ленина, д. 2
e-mail: vfominv@mail.ru
SPIN-код: 1914-6761

АВТОРСКОЕ РЕЗЮМЕ
Ключевой вопрос нашей истории – варяго-русский – зарубежная историография, в том числе украинская и белорусская, решает в силу политических причин только в норманистском духе. В том же духе преподносится он в основном и в отечественной науке. Такая ситуация вызвана тем, что данный вопрос давно монополизировали археологи, которые, априори считая варягов и русь норманнами, весьма предвзято интерпретируют свой материал, вследствие чего представляют ошибочную историю Руси, некритично принимаемую другими специалистами, также норманистами. Но археологи в решении варяжского вопроса не могут быть носителями абсолютной истины по причине своей предубежденности, поверхностного и фрагментарного знания богатейшей истории разработки этого вопроса (в связи с чем ими сейчас используются доводы, от которых отказались, под влиянием оппонентов, ведущие норманисты прошлого) и неумения работы с письменными источниками, показания которых либо используют в качестве иллюстрации к готовым уже схемам, либо просто игнорируют.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: норманизм, ультранорманизм, антинорманизм, первые норманисты – шведские авторы XVII в., Г.З. Байер, А.Л. Шлецер, Г. Эверс, С.А. Гедеонов, А.А. Куник, В. Томсен, Т.Ю. Арне, А. Стендер-Петерсен, П. Сойер, Л.С. Клейн, В.Я. Петрухин, Ф.А. Андрощук, археология, лингвистика, история, комплексный и междисциплинарный подходы.

VARANGIAN-RUSSIAN QUESTION IN THE PAST, PRESENT AND FUTURE

Vyacheslav Fomin
Lipetsk state pedagogical university
Russia, 398020, Lipetsk, Lenin Street, 2
e-mail: vfominv@mail.ru

ABSTRACT
Foreign historiography, including Ukrainian and Belarusian, views the key issue of our history – Varangian-Russian – only through the prism of the Normanist theory, due to political reasons. National science also looks on this question mainly in the same context. Such a situation arose because the issue has long been monopolized by archaeologists, who apriori consider the Varangians and Rus as Normans, interpret their material in a biased way, and consequently present an erroneous history of Russia, which other specialists, including Normanists, accept uncritically. But archaeologists cannot be the carriers of absolute truth in the Varangian question because of their Normanist prejudice, superficial and fragmentary knowledge of the extensive study of this issue (nowadays they use arguments that were abandoned long ago by the leading Normanists of the past conceding to the arguments of their opponents) and due to incompetence at working with written sources which they use to illustrate their already prepared schemes or simply ignore.

KEYWORDS: Normanism, ultra-Normanism, anti-Normanism, first Normanists – Swedish authors of the 17th century, G.Z. Bayer, A.L. Shletzer, G. Evers, S.A. Gedeonov, A.A. Kunik, V. Thomsen, T.Yu. Arne, A. Stander-Petersen, P. Sawyer, L.S. Klein, V.Ya. Petrukhin, F.A. Androshchuk, archaeology, linguistics, history, complex and multidisciplinary approaches.

Исследование выполнено при финансовой поддержке Фонда Русской цивилизации «Светославъ» в рамках научного проекта № 2/2022 по теме: «Варяго-русский вопрос в системе современных наук: итоги дискуссии и перспективы изучения»

Как с ранних пор привыкли верить мы,
что нам без немцев нет спасенья!
А.С. Грибоедов

Варяго-русский (варяжский) вопрос связан с именами Руси и Россия, с началами русского народа и русской государственности, и потому является, что в редчайшем согласии отмечают норманисты и антинорманисты, главным вопросом нашей истории и нашего самосознания (Лебедев 1999: 102, 109; 2002: 4-5; Лебедев, Жвиташвили 2000: 87; Фомин 2021: 232). В свете чего правильный ответ на него исключительно важен для нас. Но путь к нему лежит через преодоление препятствий принципиального свойства, т.к. он, во-первых, тотально преподносится лишь в норманистском духе (и только в этом духе воспитывается с младых ногтей каждое новое поколение отечественных и зарубежных исследователей, приучаемых априори отвергать альтернативный взгляд как ненаучный).

Во-вторых, серьезно запутан в интерпретации источников, прежде всего древнейшей нашей летописи – Повести временных лет (ПВЛ); так, норманисты преподносят работавших над нею летописцев в качестве «первых норманистов», якобы целенаправленно проводивших идею скандинавского происхождения варягов и руси. Весьма основательно запутан он и в историографии: советские ученые, например, считая варягов, а затем русь норманнами, позиционировали себя в качестве самых научных «антинорманистов», что до сих пор вводит в концептуальное заблуждение специалистов, причем не только начинающих, инициирует мешающие установлению истины разговоры, если послушать Е.В. Пчелова, о «воинствующем», «примитивном» антинорманизме советской поры (Пчелов 1994: 27; 1999: 367; Фомин 2017: 126-133; 2018: 98-164; 2019: 60-97).

В-третьих, имеет ярко выраженную политическую окраску, особенно проступающую в сложные периоды истории России, включая наши дни (и чему мощный импульс был дан «перестройкой»). В том числе и по этой причине в руси и варягах видели норманнов, славян, франков, финнов, литовцев, венгров, хазар, герулов, готов, грузин, роксолан, кельтов, тюрков, евреев, фризов и пр. (Мошин 2010: 69-70; Шаскольский 1983: 36-47). Таким образом, наряду с другими версиями варяжского вопроса существует норманская версия, но нет норманской проблемы/теории, как о том говорят норманисты.

Говорят же они так для того, чтобы узаконить тезис, возводя его, пользуясь своим огромным численным преимуществом, в статус абсолютной и обязательной для всех истины, что варяги и русь есть скандинавы (особую настойчивость в этом проявляют наши археологи, которые, навязав даже историкам низкую оценку потенциалу письменных источников, превозносят данные своей науки, возможности которой весьма ограничены и которая в России с самого начала своего бытия исповедует, под влиянием «вскормившей» ее шведской археологии, норманизм). А уже на основе этой ложной посылки навязать науке еще одну такого же качества посылку – выяснение роли скандинавов в русской истории (в целом и в частностях), также массово твердя, что именно к ней только и сводится данный вопрос.

Западноевропейская наука во взглядах на историю Руси IX-XI вв. несколько столетий непоколебимо стоит на позициях норманской версии. Лишь самое короткое время – с конца XVII по середину XVIII в. – ряд представителей немецкой науки, например, Ф. Томас, Г.Г. Клювер, С. Бухгольц выводили Рюрика и пришедших с ним к восточным славянам варягов и русь, согласно давней традиции, отраженной в 1540-х гг. немцами С. Мюнстером и С. Герберштейном, с территории славянской и славяноязычной Южной Балтики. В русле их рассуждений и шел потом М.В. Ломоносов.

Впервые положения норманской версии (в том числе шведская трактовка имен Рюрика, Синеуса и Трувора) были изложены в «Истории о великом княжестве Московском» шведа П. Петрея, опубликованной в 1615 г. Посредством такой «апелляции» к истории шведы, стремясь к гегемонии в Северной Европе, хотели удержать за собой оккупированные ими в годы Смуты земли Северо-Западной России вместе с Великим Новгородом. Стоит пояснить, что план отбрасывания нашей страны от Балтийского, Баренцева и Белого морей, захват ее обширных владений был детально прописан в «Великой восточной программе», принятой при шведском короле Юхане III в 1580 г., когда стало ясно, что Россия проиграет Ливонскую войну (Фомин 2005: 8-57; 2006: 226-337; 2015: 229-248; Грот 2010: 103-202; 2012: 85-100).

Затем идею, по исчерпывающей характеристике 1808 г. немецкого историка Г. Эверса, «пустомели» Петрея весьма энергично навязывали западной историографии другие пустомели – его соотечественники, также стремясь, будучи одержимы мифотворчеством готицизма, заполнить пустоту своей древней истории всякого рода небылицами про невероятные подвиги их пращуров в прошлом других народов, – О. Верелий (1672), О. Рудбек (1689, 1698), А. Моллер (1731), А. Скарин (1734) и др., работы которых издавались на шведском, немецком и латинском языках.

Итог их кипучей деятельности в целом подвел в 1802 г. А.Л. Шлецер. Соглашаясь с К.Г. Делиусом, «что никакая история не может представить такого бреда ученой фантазии, как шведская», он подчеркнул: в XVII в. «в Швеции почти помешались на том, чтобы распространять глупые выдумки, доказывающие глубокую древность сего государства и покрывающие его мнимою славою, что называлось любовию к отечеству». В 1967 г. швед Ю. Свеннунг констатировал, что один из главных апологетов «мнимой славы» Швеции Рудбек, «Атлантидой» которого зачитывалась германская часть Европы, «довел шовинистические причуды фантазии до вершин нелепости» (Шлецер 1809: 390, 429; Ewers 1808: 53, anm. 2; Видаль-Накэ 2001: 381; Грот 2010: 139-176). Рудбек, отождествив Швецию с Атлантидой Платона, отвел ей центральное место в европейской истории вообще и в русской, в частности: что на Русь из Швеции явились

«три брата Roderick, Sinaus и Trygo», что родственники Рюрика, «или девери/зятья… правили в Литве, Финляндии, Швеции и Норвегии», что «великокняжеское имя русской династии явилось из Швеции», что объединитель Новгорода и Киева «Вальдемар»/Владимир Святославич являлся «потомком Эрика Вэдерхата, короля Швеции», оказавшегося сказочным персонажем, менявшим направление ветра поворотом своей шляпы.

В 1870-х гг. авторитетный норманист А.А. Куник, именуя П. Петрея «первым норманистом», полно обрисовал объем работы, проделанный шведами до публикации в 1735 г. статьи (как его ошибочно представляли, «отца» норманизма) Г.З. Байера «О варягах» (т.е. за 120 лет после Петрея): ими были открыты «все главные источники, служившие до XIX в. (т.е. до выхода на немецком языке пятитомного “Нестора” Шлецера. – В.Ф.) основою учения о норманском происхождении варягов-руси» (в их поле зрения не попали лишь Бертинские анналы, в 1641 г. изданные на латинском языке в Париже в третьем томе «Historiae Francorum Scriptores», которые к разговору о русской истории привлек Байер, как норманист придав им тенденциозное звучание: в 839 г. Людовик I Благочестивый «уведомился подлинно», что росы «родом шведы»).

Вместе с тем они определили и проработали самые главные темы в норманистике: связь имени «Русь» с названием Рослаген (часть береговой полосы области Упланд, что напротив Финского залива) и с Ruotsi – финским наименованием Швеции; древнескандинавская основа слова «варяг»; имена русских князей есть шведские, но искаженные, ибо русские не могут, как об этом первым сказал тот же Петрей, «правильно произносить иностранные слова» (Байер 2006: 347; Куник 1875: 461; 1878: 1-2, 4, 6; 1903: 39, 47, 54-55; Фомин 2013: 265-266).

Особенно шведские ученые, самозабвенно творившие мнимую славу своего отечества за счет фальсификации истории России, активизировались после проигранной в 1721 г. Северной войны, положившей конец великодержавным амбициям Швеции, и после краха их попытки перечеркнуть в войне 1741-1743 гг. позорные условия Ништадского мира, что было историческим реваншем, врачевавшим тяжелейшие душевные раны шведов и тешившим их предельно уязвленное национальное самолюбие, ведь якобы их предки – варяги русских летописей – и приобщили ненавистных «русских варваров» к государственной жизни (тех варваров, которые у царских скифов, выдаваемых Рудбеком за шведов, «были батраками или слугами»). Параллельно ими и столь же энергично пропагандировался миф о викингах, который, объяснял в 1999 г. немецкий историк Р. Зимек, начал формироваться в Скандинавии в Средневековье и который сложился и стал популярным в XVIII-XIX вв. (по его словам, тому во многом способствовал своей «Frithiofs saga» знаменитый шведский поэт Э. Тегнер, вероятно, несущий «главную ответственность… за общую направленность искажения»).

Согласно этому мифу, также очень быстро отравившему умы зарубежных исследователей («Frithiofs saga/Сага о Фритьофе», написанная душевнобольным Тегнером по мотивам исландских саг и в завершенном виде опубликованная в Стокгольме в 1825 г., была переведена практически на все европейские языки, включая русский, причем в Германии вышло очень большое число ее переводов, выдержавших десятки переизданий), викинги, предстающие в многочисленных аутентичных источниках (франкских, английских, ирландских и др.) варварами, грабителями и безжалостными убийцами (о том же говорят и поздние исландские саги), уже выглядят благородными воинами, бесстрашными первооткрывателями и поселенцами, «викингами-джентльменами», носителями развитой культуры раннесредневековой Скандинавии. Под его воздействием возникла и тенденция, указал в 2015 г. английский специалист Д. Хейвуд, «преуменьшать их жестокость, считая описания монахов-хронистов преувеличением», и начали приписывать совершенно чуждые им вещи, например, рогатые шлемы, что «исторически недостоверно», ибо данное «заблуждение родилось из-за неверной атрибуции шлемов бронзового века как викингских» (Зимек 2001: 9-12, 14-16, 23-25; Хейвуд 2017: 14-15).

И этот норманизм, вызванный к жизни в Швеции антирусской политикой и постоянно питаемый ею, и потому представляющий собой шведский взгляд на истоки и развитие нашей государственности, попытались привить зарождающейся русской исторической науке немецкие ученые, работавшие в Петербургской Академии наук: в 1735 г. Г.З. Байер статьей «De Varagis»/«О варягах», ретранслирующей в академических «Комментариях» фантазии шведов о русской истории (особый интерес у него вызвали «диссертация» 1731 г. «весьма честного и ученого» А. Моллера «De Varegia»/«О Варегии», т.е. Швеции, и этимологии О. Рудбека, которыми был, по собственным словам, «очень увлечен»), и в 1749 г. Г.Ф. Миллер речью «De origine gentis russicae»/«О происхождении народа и имени российского», повторяющей выводы как Байера, так и шведа О. Далина (которого ставил в один ряд со знаменитыми авторами древности Фукидидом и Ливием).

Но в ходе открытого обсуждения речь Миллера, которую планировалось заслушать 6 сентября 1749 г. на публичном торжественном заседании Академии, приуроченном к одному из главных на то время государственному празднику – «царскому дню» – ко дню тезоименитства императрицы Елизаветы Петровны, дочери сокрушителя великодержавия Швеции (в предыдущие годы на таких мероприятиях присутствовали первые лица нашего государства, включая его главу, и представители иностранных держав), в сентябре 1750 г. была, по инициативе в том числе русского М.В. Ломоносова, немцев Ф.Г. Штрубе де Пирмонта и И.Э. Фишера, отвергнута Петербургской Академией наук (в 1875 г. и норманист А.А. Куник охарактеризовал ее как «препустую»). Критика коллег Миллера была настолько убедительной, что под ее воздействием он навсегда расстался с норманистскими заблуждениями и выводил варягов-русь из пределов Южной Балтики (Куник 1875: 640, прим. 5; Грот 2012а: 35-46; Фомин 2021: 132-153).

Однако норманизм как аксиома скоро прочно закрепился в зарубежной историографии, и заслуга в том принадлежит двум шведам: О. Далину и Ю. Тунману.

В трехтомной «Истории шведского государства» (ее первый том вышел в 1746 г., а в 1756 г. – на немецком в померанском Грейфсвальде) Далин, разделяя, пояснял А.Н. Котляров, реваншистские настроения политиков своей страны, порожденные поражениями в войнах с Россией 1700-1721 и 1741-1743 гг., увлеченно рисовал, действуя по прямому заказу правительства от 7 сентября 1743 г. (т.е. спустя ровно три недели после заключения 18 августа Абоского мира), масштабную картину шведского начала русской жизни и государственности (и потому «книга сия была принята, – восторженно представлял в 1756 г. немецкой аудитории профессор И.К. Денерт собственный ее перевод, – в отечестве своем с таким уважением, о каковом может быть нигде не ведают. Знатные и простые, ученые и неученые нашли в ней любовь к истине, образ ума, рассудок, искусство в толковании и выражении всего того, что токмо могло заключать в себе новое и изящное»).

И Далин, ведомый «любовью к истине», услаждал «великодержавный слух» соотечественников, по оценке даже А.Л. Шлецера, «бреднями»: что около 125 г. н.э. судебная власть скандинавского правителя Гете/Гота простиралась «над той частью России, которая ныне называется Новгородской губернией», что в 860-х гг. конунг Гвитсерк покорил Голмгардское царство, что в 864/865 г. он вместе со своим племянником «шведским принцем» Аслеиком/Аскольдом или Аскольдом Диаром совершил поход на Константинополь (в его войске «было множество шведов»), что варяжские князья были приглашены из «Варяжского или Шведского государства». Причем сама просьба русских совпала с желанием шведов «власти своей на Россиею не упустить из рук» «от себя или древнего Инглингова рода, который тут столь долго царствовал», и на Русь «для взятия наследственных своих земель во владение» был послан принц Рюрик-Роэрик – Эрик Биэрнзон, 10-12 лет от роду.

При этом убеждая, что имена первых русских князей являются скандинавскими (ведь «наши скандинавские имена часто искажены были»), что Русское государство «состояло под верховным начальством шведской державы», что лишь только приход монголов разорвал пуповину, связывающую с ней Русь и т.д., и т.п. Верный взгляду (отравившему сознание многих поколений шведов) на чуть ли не мессианскую роль своих древних сородичей в мировой истории, Далин уверял, что они под именем «варягов»/«веринговъ» служили византийским императорам со времени Константина Великого, т.е. с первой трети IV века. А все сомнения в том отметал словами, на которых изначально покоится шведский взгляд на русскую историю: «… что они из Скандинавских мест пришли, сие никакого не требует доказательства» (Dalin 1756: I-II, 34, 46-47, 78, 234, 306, 409-418; Далин 1805. Ч. 1. Кн. 1: I, XVIII-XIX, 51, 71-72, 123-124, 137, 385-386, 438, 503; Ч. 1. Кн. 2: 654, 674-687; Ч. 2. Кн. 1: XXXV; Шлецер 1809: 346, 359-366, 369, 473; Котляров 1989: 6-20; 1992: 3-18; Шольц 2000: 111; Scholz 2000: 299-304).

В 1774 г. Тунман, также ведомый «любовью к истине» в силу той же реваншистской мотивации и целенаправленно обращаясь к читателю материковой Европы (его монография «Исследования по истории восточноевропейских народов», вобравшая в себя выдумки-причуды его соотечественников о русской истории, вышла в Лейпциге на немецком языке), втолковывал ему, что руссы – это шведы и что, как прямо впервые было четко сказано, «скандинавы, или норманны в пространном смысле основали Русскую державу» (Thunmann 1774: 371-377).

Слова Тунмана о норманнах как создателях Русского государства пали на благодатную почву, в возделывании которой важную роль сыграли и властители дум того времени – выдающиеся представители французского Просвещения Ш.Л. Монтескье, Д. Дидро и Ф.М.А. Вольтер. Первый в 1748 г. в сочинении «О духе законов», оказавшем громадное влияние на современников, пропагандировал тезис о «великом преимуществе» народов Скандинавии, ставящем их «выше всех народов в мире: «они были источником свободы Европы, т.е. им мы обязаны почти всей той свободой, которой пользуются в настоящее время люди», и разнесли своими походами «благодетельные начала демократии вне границ прежней Германии». Второй в 1756 г. в популярной (и не только во Франции) «Энциклопедии, или Толковом словаре наук, искусств и ремесел» говорил, пересказывая статью Г.З. Байера «De Varagis», о скандинавском происхождении русских варягов. Третий в «Истории Российской империи при Петре Великом», в 1759 и 1761 гг. изданной в Женеве, Гааге, Лионе, Амстердаме и Лейпциге, объяснял, что история этой великой державы есть «подтверждение и дополнение к истории Швеции» (Монтескье 1955: 300, 391; Гурвич 1949: 113; Грот 2012а: 43).

В бесповоротном утверждении в западноевропейской науке (и одновременно в самом основательном закреплении в российской) идеи о норманстве варягов и руси заключительным мощным аккордом прозвучал «Нестор» немецкого ученого А.Л. Шлецера, вышедший в Геттингене в 1802-1809 гг. (в России был издан в 1809-1819 гг.). Шлецер, попав под влияние Тунмана и увлеченный, диагностировал норманист К.Н. Бестужев-Рюмин, «гордостью своего немецкого патриотизма», многократно усилившего политическое (антирусское) звучание норманизма, проповедовал «истину», что в землях полудиких восточных славян, которых он называет «получеловеками» («Halbmenschen»), бродивших «подобно овцам, не имевшим пастуха» («у них не было никаких законов», «скотоводства» и «большого звероловства»), распространили «человечество» его братья по крови – германцы-скандинавы.

В связи с чем не только категорично подчеркивал, что «руская история начинается от пришествия Рурика и основания рускаго царства» шведами, но и строго-настрого наказывал: «никто не может более печатать, что Русь задолго до Рюрикова пришествия называлась уже Русью» (хотя еще в 1768 г. сам же вел речь, а об этом до него говорили многие, например, немец Г.В. Лейбниц и русский М.В. Ломоносов, о давнем – до призвания варягов в 862 г. – пребывании руси на юге Восточной Европы и очень резко критиковал шведских авторов, заявлявших о ее принадлежности к своему народу).

Одновременно, предельно оскорбительно и уничижительно отзываясь о В.Н. Татищеве и М.В. Ломоносове как историках, обвинил их в ложно понятом патриотизме, который не позволил им понять «ученое историческое доказательство» принадлежности варягов и руси к скандинавам. Тогда как, вводил Шлецер тест, до сих пор определяющий, с точки зрения норманистов, правящих бал в науке, кто ученый, а кто нет, «ни один ученый историк в етом не сомневается» (Шлецер 1809: 2-3, XV-XVII, XXIX-XXXI, нд-не, ркз-рки, рмв-рмд, рнѳ-рξ, 50-52, 67, 120, 303-306, 316-317, 325-330, 368, 391-392, 418-422, 429-430, 433; 1816: 168-169, 175, 178-180, 259-260, 288-289, 695; 1819: 91, 347-348, 351; 1875: 3, 26, 30, 48, 51-56, 70-71, 73, 153-155, 164, 187, 192-231, 238, 241, 244, 272-273, 460-461, 464-465; 2015: 279-283; Бестужев-Рюмин 1997: 199; Мошин 2010: 24-25; Вольтер 1999: 23-24; Свердлов 2011: 590-595). В своем представлении о дикости восточных славян он исходил из давней и глубокой предубежденности к ним западноевропейцев. Так, просветитель Вольтер в 1731 г. «просвещал» читателей «Историей Карла XII», что до Петра I «московиты были менее цивилизованы, чем обитатели Мексики при открытии ее Кортесом. Прирожденные рабы таких же варварских, как и сами они властителей, влачились они в невежестве, не ведая ни искусств, ни ремесел и не разумея пользы оных». О варварском состоянии допетровской России знаменитый философ и литератор говорил и в «Анекдотах о царе Петре Великом», изданных в 1748 г. в Дрездене (Вольтер 1999: 23-24; Свердлов 2011: 590-595).

Эту предубежденность еще больше усилили затем другие вольтеры и шлецеры, в особенности Г.В.Ф. Гегель своими рассуждениями об «исторических» и «неисторических» народах, способных и неспособных создавать государства, из которых к первым были отнесены германцы, ко вторым – славяне. В «Философии истории», представляющей собой курс лекций по философии всемирной истории, читаемый им в Берлинском университете в 1822-1831 гг., и дважды изданной в 1837 и 1840 гг., он очень низко отозвался о государственных возможностях славян: что «Польша, Россия, славянские государства… лишь поздно вступают в ряд исторических государств», что «в Восточной Европе мы находим огромную славянскую нацию, обитавшую на западе вдоль Эльбы до Дуная… Однако вся эта масса исключается из нашего обзора потому, что она до сих пор не выступала как самостоятельный момент в ряду обнаружений разума в мире».

Параллельно с тем всемирно известный философ утверждал, что на германцев «была возложена задача не только принимать понятие истинной свободы за религиозную субстанцию при служении мировому духу, но и свободно творить в мире, исходя из субъективного самосознания», что в них «жил совершено новый дух, благодаря которому должен был возродиться мир, а именно свободный, самостоятельный, абсолютное своенравие субъективности». Характеризуя скандинавов, согласно мифу о викингах, все больше набиравшему обороты под влиянием известной, наверное, в каждом уголке тогдашней Европы «Frithiofs saga» Э. Тегнера, как «рыцари в чужих странах», Гегель, обращаясь к широкой аудитории, с огромным вниманием ловившей слова своего кумира, становившиеся основами восприятия ею европейской и русской истории, а затем тысячами голосами разносившей их по всему свету, резюмировал, что «часть их направилась в Россию и основала там русское государство». По оценке Г.В. Вернадского, «в пренебрежении к восточно-европейской истории не последнюю роль, несомненно, сыграли расовые предрассудки, особенно традиционное презрение германцев к славянам. Показательно, что даже такой выдающийся мыслитель как Гегель не нашел места для славян в своей “Философии истории”» (Гегель 1935: 97, 323-324, 329-330; Вернадский 2000: 7).

Шлецеру подавляющая часть наших историков, включая самых именитых (Н.М. Карамзина, М.П. Погодина, С.М. Соловьева, В.О. Ключевского, П.Н. Милюкова), без раздумий следовала (в большинстве своем и в его оценке Ломоносова) по причине как своей непомерной абсолютизации западной науки в целом, так и стремления (часто неосознанного) выглядеть в ее глазах «объективными» (потому как твердо усвоила, что «ни один ученый историк в етом не сомневается»). Причем «для утверждения норманства руси и о великом влиянии на нашу жизнь варягов, – пояснял в 1870-х гг. И.Е. Забелин, – не требовалось никакого самостоятельного знания и труда. Достаточно было только крепче держаться Шлецера и приводить уже обработанные, готовые доказательства из его сочинений», «чем копаться в новых источниках» (Забелин 1876: 97; 1879: 85; Фомин 2006: 11-99). Однако Шлецера не держался его бывший студент Г. Эверс, за что был публично подвергнут своим университетским учителем оскорблениям и предан проклятию, потому как уже в 1808 г. доказал, копаясь в восточных и византийских памятниках, не только присутствие руси в азовско-черноморском регионе задолго до 862 г., но и отсутствие какой-либо ее связи со скандинавами, и тем самым потрясший, по признанию норманистов, «систему скандинавского происхождения руси» (Сазонов 1835: 322; Мошин 2010: 26-27, 50; Фомин, Исакова 2018: 151-174).

Русские исследователи, с невероятным восторгом приняв идеи Шлецера о своей родной истории за путеводную нить, превзошли его в ее норманизации (вместе с тем применительно к ней развивая, с истинно русским размахом, миф о викингах, вышибающий, указывал Р. Зимек, «почву из-под ног историка»). Так, например, согласно Н.М. Карамзину, норманны «основали монархию Российскую» и «систему феодальную», «принесли с собою общие гражданские законы» (в том числе суд божий – испытание водой и железом), что «русским назывался скандинавский» язык, что один из пяти языков, которыми владел, как о том писал его сын Владимир Мономах, великий князь Всеволод Ярославич, был «скандинавский» (Карамзин 1989: 95-98, 165-169; 1991: 37, прим. 91, 100, 233 к т. II), согласно О.И. Сенковскому, «эпоха варягов есть настоящий период Славянской Скандинавии», что сами шведы смотрели на Русь «как на часть их отечества» (Сенковский 1834: 18, 22-23, 26-27, 30-40, 70, прим. 30; 1834а: 47-49, 53, 60, прим. 23;

1859: 150), согласно С.К. Сабинину, масса скандинавов на Руси, «превосходила массу славян», что из Скандинавии перешло «основание всего нашего древнего быта», «обыкновение мыться в субботу, соблюдаемое доселе в России», дарить детям на зубок и пр. (Сабинин 1837: 44-45, 71, 77-79, 81-83; 1843: 23, 29-52).

Согласно М.П. Погодину, особенно преклонявшемуся перед «великим учителем» Шлецером, «самые действия поселившихся у нас варягов руссов, сколько мы знаем о них по нашим летописям, обличают в них… воинственных, отважных норманнов», что в истории Руси с 862 по 1054 г. существовал «норманский период», что русские князья тех лет есть «истые и гордые норманны», что «норманской в своем основании» является Русская Правда, что «законы и обычаи русские=норманские=скандинавские=варяжские сохранились между нами, как верования, как имена, как язык, как дух», ведь у варягов «красота уважалась», «известно, как норманны уважали красоту», у наших князей «многоженство допускалось», и «норманские обычаи были совершенно те же», «норманны любили пировать: Руси есть веселие пити, сказал Володимер» и пр. (Фомин 2020: 39-43), согласно А.А. Кунику, Русь была «русской Нормандией», окончание на мир в имени Владимир заимствовано от гото-германского, первая часть имени Святослав есть готское «svinths» (крепкий, сильный), а любимый герой русского народа Илья Муромец был норманн (Kunik 1845: 105, 111, 134; Куник 1875: 54).

И много чего подобного вбрасывалось в науку (на их основе западноевропейские ученые плодили новые «истины», которые незамедлительно подхватывали и еще больше развивали их русские коллеги), под воздействием, по оценке антинорманиста Ю.И. Венелина от 1836 г., «скандинавомании» (Венелин 2015: 25-81). Эту же тотальную норманизацию Руси норманист В.А. Мошин в 1931 г. назвал «ультранорманизмом “шлецеровского типа”», который «похоронил», по его оценке, С.А. Гедеонов. Норманист Н.П. Ламбин, констатируя в 1874 г., что он, «можно сказать, разгромил эту победоносную доселе теорию», уже сам говорил, под воздействием его сокрушительных контрдоводов, о ее «несостоятельности», ибо она доходит до выводов, явно невозможных, «до крайностей, резко расходящихся с историческою действительностью». А похоронил Гедеонов ультранорманизм потому, что самым убедительным образом продемонстрировал в 1860-х – 1870-х гг., помимо прочего, что ПВЛ «всегда была и останется, наравне с остальными памятниками древнерусской письменности, живым протестом народного русского духа против систематического онемечения Руси» (Ламбин 1874: 226, 228, 238-239; Мошин 2010: 12, 15, 24, 26-27, 33-35, 40, 42-44, 70; Фомин 2018: 6-110).

Вот почему оппонент Гедеонова А.А. Куник стал утверждать в 1875 г., что невозможно разрешить варяго-русский вопрос «чисто историческим путем» (ибо норманизм доходит, признал же Ламбин, «до крайностей, резко расходящихся с историческою действительностью», отраженной широким кругом письменных памятников) и что его решение выпадает «на долю лингвистики», к этому времени уже надежно поставленную тем же Куником, воспитанником германской школы языкознания, в прямое услужение норманской версии, т.к. все этимологические изыскания она призвана была начинать с обязательного отыскания германских параллелей, при этом «строго научно» заверяя, если такие параллели отыскиваются, что славяне непременно заимствовали у германцев, а не наоборот.

Спустя три года Куник уже требовал историю Руси описывать не по ее главному источнику – ПВЛ (хотя и преподносил летописца Нестора, явно нарушая принцип историзма, в качестве «самого старинного норманиста» и именовал норманистов «несторовцами», антинорманистов – «антинесторовцами»), а по отрывочным и весьма спорным показаниям иностранных памятников (Куник 1875: 396-397, 399, 457; 1903: 4-8, 32-33, 39). В 1892 и 1899 гг. лингвист Ф.А. Браун, приведя данные Бертинских анналов, Лиутпранда, восточных писателей, сказал, что центр тяжести норманской версии лежит «не в этих исторических обстоятельствах, а в данных лингвистических». Причем «лучшие» из них – «и не опровержимые для антинорманистов» – он видел прежде всего в «собственных именах древнейших русских князей и их сподвижников», в «русских» названиях днепровских порогов, зафиксированных византийским императором Константином Багрянородным в середине X в.

Ультранорманизм вскоре восстановил именно авторитетом своей принадлежности к западноевропейской науке датский лингвист В. Томсен. В мае 1876 г. он прочитал в Оксфорде три лекции, которые в виде книги были изданы: в 1877 г. в Англии под названием «Об отношениях древней Руси к Скандинавии и о происхождении русского государства», в 1879 г. в Германии – «Происхождение русского государства», в 1891 г. в России – «Начало Русского государства», в 1883 и 1888 гг. в Швеции и в 1919 г. в Дании, т.е. в скандинавских странах, под «домашним» названием, для своих, в котором уже все «доказано», – «Основание русского государства скандинавами».

Упор делая именно на «скандинавскую филологию» (и потому легко давал нужную норманизму трактовку в первую очередь летописным именам и «русским» названиям днепровских порогов), Томсен вместе с тем заручался, чтобы придать своим лингвистическим выводам законность, поддержкой ПВЛ, которая абсолютно ничего не дает, что следует и из приведенных слов Куника, норманской версии: «на лицо прямое утверждение летописца, что племя, основавшее Русское государство и давшее ему свое имя, было скандинавского происхождения» (норманисты, заострял внимание в 1808 г. Г. Эверс, видя бесцеремонное обращение А.Л. Шлецера с летописью, заставляют Нестора говорить то, что «от него хотят услышать», т.е. приписывают главному по истории Руси памятнику все, что им заблагорассудится).

Как разъяснял потомок древних норманнов принципы своего «объективного» подхода, сразу же жестко задавая его конечную цель (а это тенденциозность, несовместимая с наукой), необходимо разобрать варяжский вопрос «без пристрастия и национальных предубежде-

ний и доказать ко всеобщему умиротворению, что племенем, которое основало в IX в. Русское государство, и к которому первоначально применялось имя руси, были действительно норманны или скандинавы, родом из Швеции», ибо, объяснял он опять же в характерном для норманистов декларативном стиле, «волна переселений, направленная к западу, исходила главным образом из Дании и Норвегии, течение на восток шло преимущественно из Швеции».

И, разумеется, «доказал»: его «небольшая книжечка» стала, восторгался советско-российский археолог Л.С. Клейн, «новой “Библией норманизма”», после которой «стало невозможно отрицать, что варяги русских летописей – это скандинавы, норманны». Но сделав вместе с тем признание, перечеркивающее все его лингвистические «доказательства»: что скандинавского племени по имени русь не было и что скандинавы «не называли себя русью» (на данном факте заострял внимание еще М.В. Ломоносов, и его почти 130 лет отрицали норманисты).

Ко всему эти «доказательства» не совсем убедили даже его сторонников. Так, Ф.А. Браун, говоря, что норманская версия «давным-давно… стала теоремой, неоспоримо доказанной фактами лингвистическими», вместе с тем подчеркнул: что вопрос о происхождении имени «Русь» является одним из «слабейших пунктов норманской позиции» и что если бы ее противникам «удалось доказать нескандинавское происхождение его, то они этим поколебали бы самую основу норманизма, и сторонникам его пришлось бы начать работу сначала» (т.е. не признавать очевидного ни при каких обстоятельствах и продолжать заниматься от имени «строгой науки» изобретением лингвистических выдумок).

Одновременно Томсен уверял, приводя тому опять же «доводы» «скандинавской филологии», что в «скандинавском государстве» Русь существовал особый язык – «скандинаво-русское наречие», что славянские имена божеств представляют собою переводы имен скандинавских: Перун=Тор, Волос=Фрей (и в данном случае он повторял, а это один из многих примеров оплодотворения друг друга родственных в отношении этноса варягов и руси историографий – западноевропейской и российской, С.К. Сабинина, Н.А. Полевого, М.П. Погодина, радостно убеждавших, что языческие божества их предков Велес и Перун есть скандинавские Один и Тор). Однако иначе считают, тиражировал датчанин, в связи с ее, как показала практика, эффективным воздействием на сознание научного мира, мысль Шлецера, только русские антинорманисты со своими «шаткими и произвольными фантазиями, внушенными, очевидно, более нерассуждающим национальным фанатизмом, чем серьезным стремлением найти истину» (Ewers 1808: 102; Томсен 1891: 14-16, 19-20, 34-130; Браун 1892: 45-58; 1892a: 570-573; 1899: 366-367; 1899a: 3-4, 17-18; Клейн 2009: 36).

Причем слова эти были обращены прежде всего к российской интеллигенции, зараженной, по точной оценке К.Н. Бестужева-Рюмина от 1873 г., «крайним западничеством» (Бестужев-Рюмин 1997: 303), губительным, как демонстрирует наш исторический опыт, для России, отчего в ее сознании понятие «патриотизм» стало синонимом «квасного патриотизма», косности и монархизма. В силу чего представители нашей науки усиленно занимались, чтобы быть принятыми западноевропейскими коллегами в круг «ученых историков», дискредитацией работ соотечественников-антинорманистов (по оценке М.П. Погодина от 1846 г., «невеж»: Погодин 1846: 296, прим. 700), якобы отрицавших норманизм из патриотических побуждений. При этом, однако, не вступая с ними, помня громкое фиаско Г.Ф. Миллера, в открытую дискуссию и не объясняя, почему первыми антинорманистами были в конце XVII – первой половине XVIII в. немцы М. Преторий, И. Хюбнер, Ф. Томас и др., затем в XIX в. с антинорманистских позиций без проблем рушили построения норманистов немцы Г. Эверс, И.Г. Нейман, швед Г.А. Розенкампф, евреи Д.А. Хвольсон, А.Я. Гаркави и др.

И вот с Томсена на Западе по сей день варяжский вопрос излагают по нему как проблему, указывал в 1986 г. историк И.П. Шаскольский, окончательно решенную и теперь достаточно лишь повторять его положения, хотя, как отмечали наши и зарубежные специалисты – В.А. Мошин, Е.А. Рыдзевская, Х. Ловмяньский и др., он не внес в дискуссию ни новых аргументов, ни новых источников и во многом повторял доказательства А.А. Куника, в том числе и те, от которых тот, под воздействием критики С.А. Гедеонова, отказался (Мошин 2010: 52-53; Рыдзевская 1978: 130; Ловмяньский 1985: 65; Шаскольский 1986: 122-123).

Позиции ультранорманизма, реанимированного посредством грубейшего насилия над лингвистикой, а этот процесс, в коем «высший класс» продемонстрировали шведы XVII в., точно описал А.Л. Шлецер: слово «поднимают на этимологическую дыбу и мучают до тех пор, пока оно как будто от боли не даст из себя стона или крика такого, какого хочет жестокий словопроизводитель» (Шлецер 1816: 114-115), затем многократно усилила археология. Ибо предъявляла, казалось, несокрушимые аргументы в виде материальных вещей, в лице другого потомка древних норманнов – шведа Т.Ю. Арне, который в 1914 г. выступил, активно задействуя выводы русских коллег-норманистов, с теорией норманской (шведской) колонизации Руси IX-X вв., что в условиях начавшейся Первой мировой войны выглядело историческим обоснованием векового германского «Drang nach Osten». Согласно Арне, викинги взяли под свой контроль все торговые пути от Балтийского до Черного и Каспийского морей, вдоль которых повсюду «расцвели шведские колонии», основали Киев и создали государство, составляя в нем господствующий класс, управлявший славянами и финнами (и превращавшийся в «обрусевших шведов»).

В выстраивании своей теории шведский археолог руководствовался абсолютно чуждым науке правилом: если в погребении найдена хотя бы одна скандинавская вещь, значит – здесь захоронен норманн (заодно к шведским причисляя – потому как большие цифры очень впечатляют – и те курганы, которые не содержали шведских предметов, но отличались богатством инвен-

таря). В связи с чем объявил норманскими принципиально важные для понимания древнерусской истории могильники и поселения (на р. Паше, в Гнездове, в Большом Тимереве, у с. Михайловского).

Хотя решающим фактором в установлении этнической принадлежности памятника является весь погребальный комплекс в целом, т.е. и вещевой инвентарь, и особенно обряд погребения, который весьма консервативен. «Не исключено, – заострял внимание в 1968 г. английский сторонник норманской версии Г. Джонс, – что археологические данные, полученные при раскопках захоронений, интерпретируются пристрастно. Многие разновидности оружия и погребального инвентаря, равно как и практики захоронения, могли использоваться славянами с тем же успехом, что и скандинавами, поэтому более внимательное и объективное изучение находок может скорее поколебать, нежели упрочить позиции "норманистов"» (Джонс 2003: 247, прим. 2; Фомин 2020: 116-124; 2021: 231-253).

Однако отсутствие аргументов – исторических, лингвистических, археологических (многие артефакты, например, «норманские мечи» и «крестики скандинавского типа», которыми оперировал Арне, не являются норманскими) – нисколько не помешало выдумке этого шведа получить, отмечала в 1955 г. эмигрантка Н.Н. Ильина, «большой успех в Западной Европе по причинам, имеющим мало отношения к исканию истины», т.е. по причинам, в силу изначально антирусской нацеленности норманизма, лишь политического свойства (Ильина 2010: 59). В 1917 г. Арне, под воздействием ультранорманистского самогипноза отнеся былинных Илью Муромца и Алешу Поповича к норманнам, начал именовать Русь «Великой Швецией» (Arne 1917: 37-75), что было сразу подхвачено западноевропейскими учеными, потому как отпадала необходимость что-то доказывать, ибо это как раз тот случай, когда форма определяет содержание.

Теорию Арне усиленно пропагандировал в 1930-х –1950-х гг., додумывая к ней разные детали (или что-то в ней корректируя), датский лингвист А. Стендер-Петерсен, прямо позиционировавший себя – как скандинав – в качестве «варяга». Отсюда и его выводы (результат, как он «божился», «чисто объективной интерпретации ряда фактов из истории русско-варяжских отношений» и «известных этимологических фактов, которые пора бы считать незыблемыми»), тиражируемые в разноязычных изданиях: что свеи-землепашцы издавна двигались из средней Швеции на восток, что это движение, возможно, было активировано созданием в Центральной Швеции в VI-VII вв. крепкого государства свейских конунгов – Svеariki (но такого государства источники не знают), в результате чего в треугольнике Белоозеро, Ладога, Изборск прочно осело шведское племя – доисторическая русь (получившее это имя в своем продвижении через финскую среду): «das schvedische Ruotsi – oder Rus'-volk», которое до начала IX в., «может быть, и признавало верховную власть князя свеев в Упсале» (т.е. являлось частью шведского государства – Svеariki, созданного ультранорманистской фантазией этого «объективного» датчанина), что в первой половине IX в. «возникло вокруг Ладоги, а затем при Ильмене под руководством свеев первое русское государство, в создании которого приняли участие и славяне и финны» – Ладожский или «шведско-русский каганат».

Подчеркивая, что в «растительной» жизни восточных славян IX-X вв. произошла, вызванная норманнами, «своеобразная революция», пробудившая их к быстрому культурному развитию и вовлечению в мировую торговлю, Стендер-Петерсен заключил: после захвата Киева конунгами «шведско-русского каганата» возникло мощное «норманно-русское государство», в котором весь высший слой – князья, дружинники, управленческий аппарат, купцы – состоял исключительно из скандинавов (их имена «сплошь скандинавские») и в котором общение шло на смешанном скандинаво-русском языке. Вместе с тем он утверждал, что на Двине существовало во главе с «könig Ragnvald»-Рогволодом еще одно «скандинаво-славянское» государство с центром в Полоцке, разгромленное «скандинавским каганом»-«könig'ом» Владимиром (отец которого – «könig Sv᾽atoslav»), что Тор и Перун (представлявшие собой, как известно, совершенно разные по социальному значению религии) равнозначны абсолютно (и много таких еще «что» узрел в нашей истории этот самозваный «варяг») (Stender-Petersen 1934: 48-49, 52-53, 56, 62; 1953: 5, 17-18, 42-83, 89-113, 115-138, 140, 241-262; 1954: 8-22, note с на р. 15; 1955: 167-168, 174-188; 1959: 43-55; 1960: 1, 3-4, 8-17; Стендер-Петерсен 1960: 144-152).

Сейчас ситуация в западноевропейской науке в отношении варяжского вопроса такая же, как ее описал в 1965 и 1974 гг., ведя речь о шведских специалистах, И.П. Шаскольский: они полагают, что главным содержанием истории Швеции IX-XI вв. «были не события внутренней жизни страны, а походы в Восточную Европу и основание шведами Древнерусского государства», при этом видя в том «самое яркое событие шведской истории "эпохи викингов"» (Шаскольский 1965: 27; 1974: 64), а говорить так им приходится и потому еще, что их история указанных веков невероятно скудна и их далекие предки в кровавых набегах норвежцев и датчан на земли Западной Европы практически не принимали участия, т.е. без «самого яркого события» на Востоке в шведской истории нет ничего мало-мальски значимого.

В деталях шведский взгляд на русскую историю, торжествующий в Западной Европе, демонстрирует изданная в России в 1996 г. книга-описание проводимой в Московском Кремле выставки «Наследие варягов – диалог культур» (авторы которой – шведские археологи И. Янссон, Ё. Тегнер и их российская коллега Т.Д. Панова): о существовании оживленных, прочных и разносторонних контактах между Русью и Швецией в эпоху викингов (конец VIII-XI в.) «свидетельствуют исторические и археологические источники», из скандинавских саг и русских летописей известно, что шведские торговцы тогда «прочно обосновались в центрах, расположенных вдоль водных путей на юг», что «шведские воины служили у русских князей. Рунические камни свидетельствуют о том, что многие жители Швеции бывали на Руси». Конкретно же археологические находки показывают, что туда шли в основном из центральных провинций

Швеции вокруг о. Меларен, из других провинций восточного побережья и с Аландских островов, причем фибулы «являются одним из надежных показателей присутствия скандинавок на западе и на востоке» (в Восточной Европе большинство из них найдено «вплоть до Мурома на востоке и Киева на юге»).

Уверяя вместе с тем, что слово «русь» произошло, по мнению многих филологов, включая российских, от финского Ruotsi, производимого «от скандинавского слова rodhr, современного шведского rodd, что означает “гребля”, а также “регион, отличающийся греблей” и “команда гребцов”» (финны и эстонцы, часто сталкиваясь с такими командами шведов, «восприняли это слово в качестве их имени» и передали его восточным славянам), что первоначально русью назывались скандинавы, что «в средние века “Роденом” (Roden), позднее “Руслагеном” (Roslagen) именовался прибрежный район Упланда, провинции к северу от озера Меларен», что в самых ранних византийских и восточных источниках «скандинавов называют “Рос” (Rhos) на греческом или “Рус” (Rus) на арабском языках». Но поскольку скандинавы «активно участвовали в политической борьбе на Руси, а княжеская семья – Рюриковичи, возводила свой род к скандинавам», по причине чего термин «русь» стал обозначать вначале «людей, окружавших вождей рождающегося государства», а затем его землю и его жителей, то «возникла необходимость найти для скандинавов другое имя и таковым стал термин “варяги”, от скандинавского Vœringjar, который первоначально, возможно, обозначал определенные группы людей, давших клятву друг другу».

Подчеркивая, что в ПВЛ скандинавам отведена «выдающаяся роль – настолько важная, что сообщается о создании ими самого русского государства» (т.е. скандинавы «сыграли важную роль в ранней истории Руси»), что имена Рюрика, Синеуса, Трувора есть скандинавские, что на восток переселялись, судя по обширному археологическому материалу (детали мужской и женской одежды, оружие, множество культурных элементов и др.), группы скандинавов «для занятия сельским хозяйством, как это было с датчанами и норвежцами на западе», авторы резюмировали: ныне вопрос «заключается в конкретизации характера деятельности скандинавов и выявлении их места в различных слоях общества». Пояснив при этом, что, если советские и российские историки отмечали роль скандинавов «в окружении местных князей, основываясь в первую очередь на летописной информации», то «современные скандинавские и западные исследователи, главным образом, опираются на сообщения византийских и исламских источников IX-X вв., в которых акцентируется внимание на торговой деятельности русов и варягов» (Янссон, Тегнер, Панова 1996: 5-7, 9-12, 19, 24, 49).

Ныне на Западе также стараются, в чем высокую активность проявляют те же скандинавы, тезис о создании шведами Русского государства закрепить в глазах массового обывателя доходчивыми для его сознания средствами, в том числе, чтоб на века, монументального характера. С этой целью в шведских городах Норчепинге и Нортелье возведены стелы-«близнецы», увенчанные бронзовыми норманскими корабликами, с выбитыми на них портретами (в понимании шведов, «первых русских князей-скандинавов») Рюрика, Олега, Игоря и летописной датой призвания варягов на Русь – 862 (Фомин 2021б: 317). В июле 1993 г. в датском городе Роскильде начала работать выставка «Россия викингов», которую открывал, что прямо свидетельствует о ее политической подоплеке, министр иностранных дел Дании Н. Хельвег Петерсен, в мае 1994 г. та же выставка встречала посетителей в шведской Сигтуне (Бильдт 1998: 11; Кирпичников, Сарабьянов 2003: 165).

Впрочем, эту подоплеку норманской версии западные политики и не скрывают. Так, стоило только президенту В.В. Путину в послании к Федеральному Собранию в декабре 2014 г. напомнить, говоря о важности возвращения Крыма в «родную гавань», что именно там, «в древнем Херсонесе… принял крещение князь Владимир, а затем и крестил всю Русь», как его тут же поспешили «поправить», точнее, одернуть, из Швеции, где нынешние пустомели все также убеждены, что лучше нас знают нашу родную историю. И таким «крупным знатоком» оказался активно включившийся в антирусскую политику Украины бывший премьер-министр К. Бильдт, который оперативно отозвался в Твиттере: «Это был античный греческий город Херсонес, где викинг князь киевский Вальдемар был крещен. Сомнительные основания для Москвы претендовать на Крым» (Викинг 2014).

Разумеется, нисколько не церемонятся представители скандинавского мира и с нынешними русскими учеными-антинорманистами, с фактами на руках опровергающими рожденный в Швеции в антирусских целях норманизм, преподносимый и их политиками в качестве незыблемой истины. Они являются, выносил в 2011 г. приговор датский историк Д. Линд, «националистами советского стиля». В том же давно апробированном духе и в полнейшем единомыслии друг с другом ведут «дискуссию» с оппонентами, потому как не способны возразить им по существу, украинские и отечественные норманисты. В 2007 г. киевский историк Н.Ф. Котляр охарактеризовал их как «средневековые обскуранты», как «квасные» и «охотнорядческие патриоты», не способные «на какую бы то ни было научную мысль». Два года спустя петербургский археолог Л.С. Клейн в том же сильнейшем раздражении выдавал антинорманизм за «искусственное, надуманное течение, созданное с ненаучными целями – чисто политическими и националистическими», за «шовинистическую ангажированность», а его сегодняшних представителей – за «дилетантов» и «ультра-патриотов», которые «повторяют то, что в XVIII в. придумал Ломоносов, да так и не смог доказать», и которым «противостоят норманисты с их “объективными исследованиями”», отвергающими «блаженную “ультрапатриотическую” убежденность» (Lind 2011: 217, 221; Котляр 2007: 343-353; Клейн 2009: 7-12, 25, 33, 69, 89-91, 114, 142, 199-201, 204, 209, 211-212, 217, 220, 224, 250-255, 261).

На данный момент из зарубежья наибольшую активность в норманизации Руси проявляют украинские археологи, в том числе и потому, что стремятся подвести,

обслуживая настроения своей политической верхушки, «материальную базу» под тезис об извечных связях Украины с Западом (при этом даже не отдавая себе отчета в том, что роль такой базы играют самые ненавистные и самые презираемые европейцами той эпохи убийцы, о защите от которых они столетиями молили Создателя: «Боже, избави нас от неистовства норманнов!»).

Так, в 2001 г. А.П. Моця, повторяя «классику», что «в западном направлении двигались в основном датчане и норвежцы, а в восточном шведы», возглавляемые представителями «рода Рюриковичей, которые и стали основателями древнерусской княжеской династии», рассказывал, по обыкновению норманистов приписывая ПВЛ ей абсолютно несвойственное, что в 944 г. среди воинов Игоря в его походе на Константинополь «на первом месте стоят скандинавы» (но в летописи читается иное: «Игорь же совкупив вои многи, варяги, русь»), что «одними из первых христиан», погибших в 983 г. в Киеве, «были отец и сын родом из Скандинавии» (однако и в этом случае у летописца и близко нет ничего такого: «Бе же варяг той пришел из грек, и держаше веру хрестеяньску, и бе у него сын красен лицем и душею, на сего паде жребий по зависти дьяволи») (Лаврентьевская летопись 1897: 44, 80; Моця 2001: 10-11).

В 2004 г. Ф.А. Андрощук, заверяя, что количество скандинавских древностей в Восточной Европе «несопоставимо огромно в сравнении с Западной Европой», заключил: речь идет о «колонизации скандинавами отдельных районов Восточной Европы, колонизации, размах которой вполне сравним с колонизацией датчанами восточной Англии». Свою идею, что в Верхнем городе Киева «находились, вероятно, как усадьбы, так и расположенные рядом с ними курганы» знатных скандинавов (ибо обнаружены камерные/срубные погребения, скорлупообразные/черепаховидные/овальные фибулы, мечи), подкреплял ссылкой на ПВЛ: Ольма (сканд. Holmi, по Томсену) соорудил церковь св. Николая на месте могилы Аскольда, а Туры (сканд. Þórir, также по Томсену) имел свою божницу поблизости от Десятинной церкви, где в X в. располагался языческий могильник. Утверждая, что в Киеве церкви на месте погребения языческих предков «сооружались элитой скандинавского происхождения» (чего, конечно, в летописи нет), привел примеры того, что «практика сооружения христианских церквей на месте или поблизости от языческих родовых могильников известна в Дании», в Швеции, в Исландии, дополнительно предположив, «что скандинавский язык был домашним языком в семье Мстислава», сына Владимира Мономаха, женатого на Кристине, дочери шведского короля Инги Стейнкельсона и др. (Андрощук 2004: 8, 10, 19-22, 26-34, 44-47).

В 2006 г. В.П. Коваленко и А.П. Моця, видя в викингах «смелых морских воинов», убеждали, что они, грабившие сотни европейских городов, с IX в. активно включились в оживленную торговлю разрозненных восточнославянских племен со странами Востока и Византией (у норманистов как-то все чудесно совмещается – там викинги грабят и убивают, но здесь торгуют), что эти викинги-варяги-русь «оперативно попытались взять ее под свой контроль», что «совпадение интересов социальной верхушки славянских племен и вождей отдельных дружин викингов привело к…“призванию варягов” и зарождению державы Рюриковичей», что в Шестовицах под Черниговом обнаружены захоронения викингов, потому как и там обнаружены погребения в срубных гробницах, сожжения с согнутыми мечами, женские погребения с черепаховидными фибулами. Стоит сказать, что в советское время Моця, на том же основании приписав скандинавам более 20 срубных гробниц в пределах Южной Руси и говоря, что они служили в великокняжеских дружинах и в значительном количестве оставались жить на южнорусских землях, все же отметил факты, на которые заостряли внимание антинорманисты и которые перечеркивают его «думки»: упоминание о Киеве отсутствует в самых ранних скандинавских памятниках, а саги, столь внимательные к генеалогии своих героев, «зовсім не знают родоводу князя Володимира Святославича, в дружинах якого служило богато вихідців із Скандінавії».

Свои рассуждения Коваленко и Моця венчали констатацией того, как подобные исторические фантомы (ибо о них оглушительно молчат многочисленные русские и зарубежные письменные источники, включая скандинавские) весьма серьезно воздействуют на массовое сознание: «привлеченные духом викингов, в Шестовицу потянулись любители исторических реконструкций»: в 2001 г. там на базе международной археологической экспедиции прошел первый «Фестиваль исторического фехтования и славяно-варяжской культуры». Сами же эти археологи в своих мечтах видят в Шестовицах «первый в Восточной Европе живой игровой музей-заповедник славяно-скандинавской истории – научно-просветительное и одновременно культурно-развлекательное предприятие нового типа» (Моця 1990: 99, 103, 106-107; 1990а: 90-97; Коваленко, Моця 2006: 40-43), своего рода, можно сказать, «Скандоленд», в постройке которого у их российских коллег уже имеются успехи.

В 2007 г. М.А. Сагайдак (при участии наших археологов В.В. Мурашевой и В.Я. Петрухина) говорил, что в создании инфраструктуры торговых путей в Восточной Европе и налаживании торговых связей активное участие приняли норманны-«русь», что в Ладоге находилась резиденция конунга, что значительную часть населения Гнездова «составляли выходцы из Скандинавии», что камерные погребения обычно связывают с варягами-скандинавами, что характер городской планировки Киева «очень напоминал принятую в городах Северной Европы» и т.д. (Сагайдак 2007: 86-87, 90, 93, 95-98, 102-108, илл. 60 на с. 87, прим. 82 на с. 107).

Пятью годами позже А.В. Комар полагал, что в составе населения Чернигова выделяют «вероятный скандинавский элемент», что в качестве проявления скандинавской традиции рассматривают камерные погребения, что каролингские мечи (которые во времена Т.Ю. Арне именовали «норманскими») есть скандинавские предметы, что в военизированных купеческих группах, «курсирующих по пути “из варяг в греки”, преобладали выходцы из Скандинавии», что в важных административных и торговых центрах Черниговщины «заметную

роль играли и выходцы из Скандинавии» и т.д. (Комар 2012: 343, 354, 357, 359-360, 362, 365).

В том же 2012 г. Ф.А. Андрощук и В.Н. Зоценко в каталоге «Скандинавские древности Южной Руси», вышедшем в Париже и включающем в себя «около 249 вещей скандинавского происхождения», обнаруженных на территории современной Украины, убеждали внесение каролингских мечей в перечень «индикаторов скандинавского присутствия на Руси» тем, что их исключение из него (а так правомерно поступали советские археологи с середины 1940-х гг.) «существенно исказило бы его картину. Получалось бы, что на Руси проживали только скандинавские женщины, поскольку их украшения наиболее своеобразны и нередко предполагают специфический тип одежды» (словно скандинавки не могли тогда оказаться вдали от родных мест и с другими спутниками в качестве жен/наложниц, потому как были таким же товаром/трофеем, что и украшения на них).

Заостряя внимание на том, что «на Руси находят в основном именно те типы мечей, которые были популярны в Скандинавии», авторы заключали (но ведь можно рассуждать и наоборот): «это дает основание считать большую группу мечей скандинавской по происхождению, хотя и не следует забывать и некоторую условность самого определения “скандинавский”» (причем теоретически, какая-то часть рукоятей мечей, в том числе каролингских, «могла быть изготовлена на Руси скандинавами»). К «скандинавским» археологи отнесли, основываясь все на той же более чем зыбкой основе – «наличие четких параллелей в материальной культуре Северной Европы форме и соответствие художественным и технологическим традициям этого региона» – копья, скрамасаксы, железные умбоны щитов, разнообразные типы фибул, ножи, изготовленные в технике трехслойного пакета, и др. (Андрощук, Зоценко 2012: 24-38). В двух приложениях к каталогу В.П. Коваленко, А.П. Моця, Ю.Н. Сытый и В.М. Скороход добавили еще несколько десятков таких и других артефактов из Шестовиц, так что в общей сложности их стало 287 (Ясновська 2013: 131).

Украинские историки, взращенные в норманистском духе и потому безоглядно руководствуясь выводами своих и российских археологов (а такая ситуация характерна и для нашей науки), спешат еще больше норманизировать историю Руси, «открывая» в ней деяниях норманнов, о которых не знает ни один письменный источник. Так, византинист А.А. Роменский в 2017 г. утверждал, что «в этнически и социально близкой к правящим кругам русов Скандинавии бытовали схожие представления о конунге как носителе магических знаний», что Ярополка Святославича убили варяги – скандинавские наемники его сводного брата Владимира, что он затем с помощью опять же скандинавов взял, после долгой осады, Корсунь потому как там в одном погребении обнаружены железные черешковые наконечники стрел и нож-скрамасакс, а такой комплект вооружения, говорилось с ссылкой на каталог Андрощука и Зоценко, «характерен для скандинавских древностей», с ссылкой на тот же «источник» подчеркивалось, что наконечник ножен меча, найденный в южной части городища, имеет «скандинавское происхождение и может принадлежать воину-варягу».

Коснувшись личности варяга Ждьберна, который, согласно «Житию особого состава», помог Владимиру взять Корсунь (Херсонес), ученый заключал, что этимология его имени, «несомненно, скандинавская» («Sigbjorn по М.Г. Халанскому или Ingibjorn, согласно Н.И. Милютенко»), что скандинав Ждьберн – есть Анастас Корсунянин в крещении (по ПВЛ, благодаря ему пала Корсунь), а т.к. «в Дании двуименность была более характерной и традиционной, и, весьма, вероятно, что варяги князя Владимира были выходцами именно из этой страны», что он, живя в Херсонесе, соплеменникам был известен под своим скандинавским именем, а его христианское имя «стало актуальным со времени деятельности херсонита в храме Богородицы в Киеве».

Еще больше русская история предстает весьма похожей на ту, как ее изображал, к примеру, швед О. Далин, одержимый националистическим зудом взятия исторического реванша над победившей его отечество Россией, в свете рассуждений Роменского о том, что Святослав Игоревич был «последним викингом», а сын его Владимир – «конунгом Гардов», что (повторяет он выводы российских филологов А.Ф. Литвиной и Ф.Б. Успенского, по примеру русских ультранорманистов XIX в. увлеченно превращающих русское в скандинавское) отказ полоцкой Рогнеды пойти замуж за Владимира – «не хочю розути робичича, но Ярополка хочю» – более логичным выглядят «в свете скандинавских правовых традиций, согласно которым ребенок, рожденный от свободного и рабыни, не мог наследовать имущество отца», и что неканонический акт «крещения» в 1044 г. останков Ярополка и Олега «находит аналогии в скандинавском материале». Как в целом резюмировал Роменский, словно это и было его главной задачей, «влияние скандинавских традиций на Руси выглядит столь же несомненным, как и присутствие византийской идеологии и культурной рецепции» (Роменский 2017: 89, 91, 93, 99, 108, 126, 145-146, 154-158, 199-200, 213, 236, 242).

В полнейшем согласии с украинскими археологами пребывают их белорусские коллеги. В 2006 г. С.Д. Дернович опубликовал перечень «скандинавских древностей» эпохи викингов (порядка 100), найденных на территории его страны – предметы вооружения, снаряжения всадника и верхового коня, быта, украшения и детали костюма, языческие символы и амулеты (включая и те, которые имеют близкие/широкие параллели/аналогии в североевропейских материалах). При этом твердо считая, что они маркируют присутствие норманнов (каждый артефакт есть «непредвзятый источник» и свидетельство «отношений местного населения с норманнами»). Первым из названных предметов у него идет оружие и прежде всего мечи (некоторые из них согнуты), появление которых относит к концу IX в. и тем же временем датирует проникновение скандинавов в регион (и что указывает на использование ими ответвлений «пути из варяг в греки» «как по Березине Днепровской, так и по Каспле, в направлении север-юг»).

Затем следуют наконечники копий и стрел ланцетовидной формы, равноплечные и подковообразные фибулы (хотя археолог и отметил, в противоречии с собственной норманистской установкой, что в инвентаре мужских латгальских захоронений последние «встречаются уже в IX в., а начиная с X в. такая форма застежек становится единственной»), шпоры, металлические кнутовища, удила, булавки, ременной наконечник (в стиле Борре), некоторые детали скандинавской мужской одежды, отдельные артефакты и монеты с руническими знаками или надписями (однако сложность однозначного толкования хотя бы граффити заключается в том, что среди них имеются, констатировали в 1991 г. И.Г. Добровольский, И.В. Дубов, Ю.К. Кузьменко, также символы и надписи арабские, причем они «составляют довольно внушительную серию», тюркские, грузинские, греческие) и пр.

Абсолютизируя археологический материал (ибо только с его помощью «может быть выявлен масштаб, характер и динамика взаимоотношений с соседними народами, а также определена и уточнена степень их влияния»), Дернович подчеркивал, что, судя по местной материальной культуре, в IX-XI вв. «присутствие и деятельность выходцев из Скандинавии становится весьма ощутимым», что через их посредничество по пути «из варяг в греки» поступали «как собственно скандинавские изделия, так и импорт с Запада, Востока и Юга» (но Русь напрямую была связана с Западной Европой намного более экономным – и по времени, и по затратам – и безопасным торговым путем, идущим через Краков, Прагу, Эстергом, Регенсбург и др. Именно по этому пути, указала в 2009 г. Т.М. Калинина, каролингские мечи вывозились из Германии и Фландрии «в страны западных славян, далее через Краков попадали в земли восточных славян»).

Слова, что в конце I тысячелетия н.э. Восточная Европа оказалась, вместе с Западной и Центральной, «в зоне норманской экспансии», в ходе которой скандинавы достигли «бассейна Западной Двины, Днепра и Волги», автор проиллюстрировал обычной норманистской практикой ссылки на известия ПВЛ, расположенные под 859 г.: «Имаху дань варязи из заморья на чюди и на словенех, на мери, и на всех кривичех», и под 862 г.: «“Земля наша велика и обилна, а наряда в ней нет; до поидете княжит и володети нами”. И изъбрашася 3 братья с роды своими… и придоша; старейший, Рюрик, седе Новегороде», причем последнюю цитату, в которых нет того, что грезится Дерновичу, он предварил «пояснением»: в ней «сообщается о призвании славянскими и финскими племенами на княжение варяжского конунга Рюрика для прекращения междоусобных распрей и защиты от пиратских набегов» (Добровольский, Дубов, Кузьменко 1991: 32-33, 38, 48, 51, 127, 133; Дернович 2006: 3-42, 55-65; ДРЗИ III: 30, коммент. 45).

В 2012 г. Н.А. Плавинский резюмировал, что «научный каталог скандинавских древностей Южной Руси» Ф.А. Андрощука и В.Н. Зоценко «является важным событием в восточноевропейской археологии» (т.е. и украинской, и белорусской, и российской), «станет надежным основанием для дальнейших научных исследований по вопросам о роли выходцев из Северной Европы в процессах формирования древнерусской государственности», ставит «новые научные вопросы и задачи», «станет катализатором активизации работы по обобщению и полноценной публикации североевропейских материалов, происходящих из других регионов Руси».

При этом однозначно сказав (тем самым указывая, кто является «главным» в толковании варяго-русского вопроса), что, «собственно говоря, современная восточноевропейская археологическая наука “норманскую проблему” для себя уже решила. На сегодняшний день научные дискуссии ведутся вокруг конкретных вопросов участия выходцев из Северной Европы в тех или иных процессах в различных регионах Руси, хронологии определенных археологических памятников и степени распространения в их материалах североевропейских древностей и т.д.», так скандинавы на Руси «сыграли значительную роль в процессах формирования трансъевропейских торговых коммуникаций и раннегородских центров» (Плавинский 2012: 218-221).

В соответствующем духе ведут разговор о начале русской государственности (с некоторой местной спецификой, также продиктованной политикой) и белорусские историки. Согласно взглядам, например, М.Н. Самоновой, изложенным в 2010 г. (и повторяющим крепко укоренившиеся в науке мнения известных российских норманистов Г.С. Лебедева, Е.А. Мельниковой и Ф.Б. Успенского), проникновение скандинавов-варягов «на территорию современной Беларуси было одним из проявлений широкой экспансии викингов» («запад был естественным направлением движения норвежцев и датчан, шведы отправлялись на восток»), что «продуктом эпохи викингов стала Скандобалтийская цивилизация, появившаяся в результате совместного творчества скандинавских, славянских, балтских и прибалтийско-финских народов», что скандинавские дружины и их предводители сыграли организующую и консолидирующую роль «в образовании восточнославянской государственности», что этимология и эволюция названия «русь» (от roðr – «гребец, участник похода на гребных судах») «стали ярким отражением тесных взаимоотношений восточных славян и скандинавов в эпоху викингов».

Заострив внимание на сообщении Бертинских анналов под 839 г. о народе рос, Самонова подчеркивает, во-первых, что оно «позволяет говорить об активном участии скандинавов (шведов) в социально-политических и экономических процессах зарождения древнерусской государственности в первой половине IX в., а именно в деятельности “каганата росов”» (столицей которого был Киев и политическая сфера воздействия которого распространялась от Балтики до Черного моря). Во-вторых, что этот каганат распался под ударами «вновь прибывших отрядов викингов на севере и давлением хазар на юге», в результате чего появились два образования – «Верхняя (Северная, Приволховская) Русь с центром в Ладоге, а позднее в Новгороде, и Нижняя (Южная, Приднепровская) Русь с центром в Киеве» (и которая представляла собой «довольно мощное славяно-скандинавское объединение», во главе кото-

рого стоял сильный скандинавский правитель Аскольд=Höskuldr, окруженный скандинаво-славянской элитой).

Полагая, что Северная Русь, составной частью которой была Полоцкая земля, «оформилась как государственное образование при активном участии выходцев из Скандинавии» – приглашенного по договору скандинавского князя Рюрика (Hroerekr) с братьями, став «следующим за “каганатом росов” этапом оформления древнерусской государственности», Самонова отмечает большое значение Полоцкого княжества «в геополитическом пространстве Восточной Европы», обусловленное «выгодным положением в зоне пересечения трансконтинентальных речных путей – Волжского и Днепровского». В силу чего в середине X в. (а «к этому времени потомки предыдущей скандинавской волны, во главе которой были Рюрик и Олег, были славянизированы и уже практически утратили свою связь с прародиной») в землю кривичей прибыл представитель новой волны скандинавов Рогволод, возглавивший Полоцк и ставший родоначальником полоцкой княжеской династии.

Принадлежность Рогволода к скандинавам подтверждает, по мысли исследовательницы, прежде всего ПВЛ, ибо выводит его «из заморья» (но по такой логике тогда и фольклорное клише, знакомое всем по детству, «за горами, за долами, за синими морями» следует понимать в качестве указания только на Швецию, а также и слова, например, «Песни о Щелкане Дюдентьевиче», хотя там и назван конкретный адрес, без которого «за море»/«из-за моря», как уже установлено в науке, абсолютно тождественно понятиям «за рубеж»/«за граница» и определяет территорию вне пределов Руси, независимо от того, действительно она за морем или нет: «уезжал-та млад Щелкан в дальнюю землю Литовскую, за моря синея»).

На причастность того же летописного персонажа к скандинавам указывает, по ее мнению, и «скандинавская этимология имен Рогъволодъ и Рогънѣдь», которые есть «Ragnvaldr и Ragnheiðr». Автор, не сомневаясь, что в событиях 980 г., междоусобицы сыновей Святослава – Ярополка, Олега и Владимира, «Полоцкое княжество выступало как независимое государственное образование, в котором единолично правил Рогволод», действия Владимира, вернувшего спустя годы Рогнеде, после ее попытки убить его, Полоцкое княжество, интерпретирует «в контексте скандинавских правовых обычаев, которые были вполне актуальны при дворе Владимира, поскольку в его окружении находились варяги, да и сама Рогнеда была скандинавкой».

Как подводит черту Самонова (а это и было ее изначальной целью), «можно сказать (разумеется, с необходимой долей условности), что в основе государственности на белорусских землях лежит ярко выраженный “скандинавский след”. Он отразился, во-первых, в названии нашего государства (Русь – Беларусь); во-вторых, в первых летописных известиях о белорусских землях и их правителях (Рюрик, Рогволод, Рогнеда, Тур); в-третьих, в легитимизации в Полоцке власти скандинавского по происхождению княжеского рода Рогволодовичей. Началом собственной государственной традиции стало обособление Полоцкого княжества в составе Киевской Руси», обусловленное все тем же скандинавским фактором, в конечном итоге закрепившим за потомками Рогнеды и Изяслава наследственные права на это княжество (Хрестоматия 2004: 403; Фомин 2003: 146-168; Самонова 2010: 16-29).

* * *

Но сегодня именно наша отечественная наука – археологическая, филологическая и историческая – идет в авангарде развития норманской версии русской истории, является главным ее оплотом и главным центром ее массовой репродуктивности (на Западе она существует, уже отмечалось, в качестве постулата, и ей там специально мало кто занимаются, т.к. достаточно того, что выдают «на-гора» российские, а одновременно с ними и вслед за ними, «зеркально» и с местным колоритом, украинские и белорусские норманисты). И старательно преумножает – в их принципиальной основе – идеи шведов добайеровского периода, А.Л. Шлецера (и его русских последователей XIX в.), В. Томсена, Т.Ю. Арне в редакции А. Стендер-Петерсена.

А это означает, что норманская версия есть ультранорманизм, согласно которому русская история IX-XI вв. предстает, если повторить Л.С. Клейна, в «объективных исследованиях» (а их только у нас ежегодно выходит несметное количество) как продукт деятельности норманнов, как пояснение собственно шведской истории. В 1836 г. Ю.И. Венелин, ведя речь о статье Г.З. Байера «О варягах», верно заметил, что она «есть попытка пояснить собственно не русскую, а шведскую древность» (Венелин 2015: 29), о которой имеют смутное представление сами же скандинавские источники – исландские саги. Выше указывалось, что шведы почти не участвовали в походах викингов на Запад. Но желание представить своих предков в качестве полноправных и активных участников «эпохи викингов» оказалось у шведских авторов XVII-XVIII вв. столь велико, что этому комплексу несостоявшихся героев оказалось посильным не только создать – на фоне все более растущего восхищения у тогдашней Европы норманнами, которые некогда принесли ей неисчислимые беды и которых она нещадно проклинала, – «истину» о шведах-варягах, но и повести их на «вакантный» Восток, на Русь.

И этот ультранорманизм его российские адепты выдают либо за «взвешенный и объективный норманизм» (археолог А.А. Хлевов, 1997 г.), либо за «научный, т.е. умеренный, норманизм» (скандинавист А.С. Кан, 1999 г.) (Хлевов 1997: 91; Кан 1999: 50), осуществляющий цивилизационный подход к освещению истории Руси. При этом традиционно пренебрежительно-уничижительно отзываясь, в стиле А.Л. Шлецера, о «патриотах»-антинорманистах, относя их, как это делает, например, археолог В.В. Мурашева (для которой «эпоха викингов, безусловно, была героической», и «скандинавам есть чем гордиться») к «вне- или околонаучным кругам», ибо они не допускают «и мысли об участии выходцев из Скандинавии в процессе образования русско-

го государства», тогда как они «сыграли большую роль в ранней русской политической истории» (Мурашева 1997: 8, 11; 2009: 174-175, 179).

Итогом цивилизационного подхода «взвешенных» и «умеренных», в массовом порядке осуществляющих, с опорой на мощные финансовые ресурсы (государственные, а также зарубежные в виде дождя из грантов), норманизацию Руси и выдающих только себя за представителей «академической науки» (в том числе, видимо, и потому, что многие из них работают в академических центрах – археологических, исторических, филологических, определяющих уровень и вектор развития соответствующих наук), стала фабрикация ими ультранорманистских дефиниций, коими они преднамеренно стремятся заменить имя «Русь» как имя крупнейшего государства раннего Средневековья, зафиксированное нашими и зарубежными источниками.

«Скандославией» и «Скандовизантией» называл Русь в 1989-1992 и в последующие годы авторитетный и поныне в науке филолог, академик Д.С. Лихачев (и рекомендовал принять его предложение) (Лихачев 1992: 14; 1994: 113-114; 2001: 35-37). За эту новацию тут же ухватились наши археологи, подводя под свои «открытия» «следов пребывания» скандинавов в русской истории своего рода теоретическую базу (которая ими же и была вызвана к жизни). В 1992-1999 гг. Г.С. Лебедев, полностью поддерживая идею переименования Руси в «Скандовизантию»/«Скандославию», навязывал научной общественности (и не только, разумеется российской) мысль, что «в культурно-исторической атрибуции Древней Руси утвердилась введенная акад. Д.С. Лихачевым характеристика “Скандовизантия”». В 1997 г. А.А. Хлевов, сославшись на выдуманную Лихачевым «Скандославию», проповедовал мысль, что «Скандинавия и Русь составили исторически удачный и очень жизнеспособный симбиоз» (Лебедев 1994: 133-134; 1999: 106; Лебедев, Жвиташвили 2000: 159; Хлевов 1997: 80).

В 1995-2000 гг. «Восточно-Европейской Нормандией» именовал Русь (изучением которой дотоле никогда не занимался) известный историк Р.Г. Скрынников. Фоном чему служили его рассказы о постоянных и массовых наплывах скандинавов на Русь, о «норманских» Киевском и Полоцком «княжествах», о «норманских княжествах» в Причерноморье и Прикаспии, о походе скандинавов в 941 г. на Византию, о заключении ими русско-византийских договоров, о их разгроме Хазарского каганата, о том, что благодаря опять же им произошел перелом в балканской кампании «старшего из конунгов» Святослава, что, судя по «русским» названиям днепровских порогов, в середине X в. «для руссов основным языком оставался скандинавский язык», что христианство принял «норманский конунг» Владимир Святославич, которому удалось при этом избежать «конфликта с норманской языческой знатью», что со временем норманская дружина киевского князя, поклонявшаяся Перуну и Велесу, «забыла собственный язык, саги превратились в славянские былины» и т.д., и т.п.

Примечательно, что разговоры о «Восточно-Европейской Нормандии» Скрынников сопровождал созданием у читателя иллюзии присутствия скандинавских терминов в древнейшей нашей летописи. И потому в его передаче речь новгородцев, которые, согласно ПВЛ, в 970 г. у великого князя Святослава «просяще князя собе: “аще не поидете к нам, то налезем князя собе”», звучит уже с ярко выраженным шведским акцентом: «что найдут себе князя (конунга) по своему усмотрению». В 2010 г. историк Е.В. Пчелов преподнес «Скандославию» Лихачева и «Восточно-Европейскую Нормандию» Скрынникова в качестве идеи «о славяно-скандинавском синтезе», ставшей «в последние годы… одной из центральных в науке» (Лаврентьевская летопись 1897: 67-68; Скрынников 1995: 25-37; 1997: 3-4, 6-11; 1997: 8, 12, 51, 54-55, 63-64, 67; 1999: 15-55, 59-62, 65, 71-72, 75-76; 2000: 5, 9-27, 30-32; Пчелов 2010: 112). Параллельно с тем в качестве подтверждения всего того, что с таким неподдельным энтузиазмом говорили тогда наши норманисты, археологи В.Я. Петрухин и А.Н. Кирпичников массово тиражировали в 1997 и 2002 гг. посредством журнала «Родина» фотографию «памятника» в шведском Норчепинге «первым русским князям-скандинавам» Рюрику, Олегу и Игорю (Петрухин 1997: 12; Кирпичников 2002: 64).

С особенным шумом «взвешенные» и «умеренные» выразили итог своим изысканиям в 2012 г., ибо он президентским указом был объявлен годом 1150-летия зарождения российской государственности. Проблему о роли варягов-скандинавов, категорично подводила черту В.В. Мурашева, «на раннем этапе отечественной истории… к началу XXI в… можно считать решенной в рамках академической науки». Как бы поясняя слова коллеги С.П. Щавелев утверждал, что «горсточка» приглашенных викингов во главе с Рюриком «основала целое государство, даже в начале своего развития равное по площади среднему европейскому королевству», на Русь скандинавы, будучи носителями «более сложной культуры» и жившие там «семьями, с женщинами и детьми», привнесли «качественно необходимую присадку образцов военного дела, дальней торговли и сложных ремесел», составляли «как бы офицерский корпус, возглавлявший военное ополчение аборигенов» и пр. (Мурашева 2012: 36; Щавелев 2012: 13, 18-20).

В самом же объемно-детальном виде этот итог демонстрирует вышедшая в 2014 г. из-под пера российских, украинских и белорусских ученых энциклопедия «Древняя Русь в средневековом мире» (Древняя Русь 2014: 22, 44-45, 49-50, 65, 69, 102-104, 121, 188, 198, 215, 245-246, 249-250, 256-259, 289, 313, 405-406, 441, 474, 553, 559-561, 571-572, 575, 615-616, 634, 657, 665-668, 681, 686, 695, 700-703, 716-717, 721, 744, 808, 845, 856, 875, 891, 894-895, 915), согласно которой русская история середины VIII-XI в. во многом есть история чудесных деяний шведов среди восточных славян, венцом чего стало самое яркое событие в шведской истории «эпохи викингов» – создание Русского государства, является, таким образом, частью шведской истории, блестящим проявлением, если вспомнить А.Л. Шлецера и Г.В.Ф. Гегеля, шведского (германского) духа.

Подобное видение русской истории с той же настойчивостью навязывается нашему обществу с младых лет. В тот же юбилейный 2012 г. Е.В. Пчелов в учебнике для 6

класса «История России с древнейших времен до конца XVI века» (рекомендован Министерством образования и науки РФ, не раз был переиздан) идею о варягах-скандинавах закреплял в сознании детей с помощью ставшей буквально иконой для наших норманистов фотографии «Памятник первым русским князьям – Рюрику, Олегу, Игоря», сопроводив ее вопросом: «Как вы думаете, почему в Швеции был установлен памятник первым русским князьям?» (Пчелов 2012: 41).

Годом ранее В.Г. Вовина-Лебедева в учебнике для будущих историков – учителей, преподавателей, ученых – «История Древней Руси» утверждала, что скандинавы оседали в городах вдоль Днепровского пути, «составляя там значительную часть жителей, что подтверждается данными археологии», что этот путь «был источником обогащения» варягов-свеев, контролировавших и Волжский путь, что «имена всех первых князей… их жен и дочерей – скандинавские», что «скандинавские имена имело и подавляющее большинство дружинников» русско-византийских договоров X века.

Старательно прививая студентам шведский взгляд на историю Руси, она уверяла, что, «несмотря на свое славянское имя Святослав являлся, по-видимому, настоящим варяжским конунгом по образу жизни и пристрастиям» (согласно ультранорманисту М.П. Погодину, Святослав имел «норманский характер», воспитан был «в бранных норманских обычаях» и «мечтал только о кровавых сечах или пирах за столом Одиновым, в чертогах Валгаллы»), что Владимир Святославич для борьбы с братом Ярополком, союзником которого «был варяжский князь Полоцка Рогволод (Rognvald)», «отправился прямо в Скандинавию и нанял там варяжскую дружину» (по летописи же, в 977 г. Владимир, узнав «яко Ярополк уби Ольга, убоявся бежа за море», которое никак – ни прямо, ни косвенно, ни как-то еще иначе – не пояснено, а в 980 г. пришел «с варяги Ноугороду») и т.д., задействуя при этом и незамысловатую логику того же Погодина: «у скандинавов меч считался священным оружием», «и дружинники русских князей приносили клятву на мече», «норманны всегда сражались пешими», и «на Руси в IX-X вв. также был распространен пеший бой» и пр. (Лаврентьевская летопись 1897: 74; Погодин 1859: 48; 2020: 43; Вовина-Лебедева 2011: 58-61, 63-74, 76, 79).

Выше речь шла о выставке «Наследие варягов – диалог культур», проведенной в 1996 г., в рамках программы культурного обмена между Россией и Швецией, в выставочном зале Успенской звонницы Московского Кремля, на которой демонстрировались артефакты из собрания Исторического музея г. Стокгольма, т.е. скандинавские вещи, обнаруженные в Скандинавии и объявленные шведскими археологами варяжскими. В 2017 г. на экраны страны вышел фильм «Викинг», который словно был призван продемонстрировать правоту шведского политика К. Бильдта, потому как его главным героем является великий русский князь, креститель Руси, равноапостольный Владимир Святославич. В качестве научного консультанта данного «киношедевра», бюджет которого составил астрономическую сумму – 1 млрд. 250 млн. рублей, выступил археолог В.Я. Петрухин, для которого основными действующими силами русской истории являются норманны и хазары. По словам публициста и телеведущего Е.С. Холмогорова, этот «фильм позволит каждому пришедшему зрителю постичь: как видит русскую историю тот, кто ее не знает, не любит и ею не интересуется. А видит он ее как сплошную грязь» (Кондрашов 2017).

Годом позже Е.В. Пчелов, в изложении родной истории уже успешно составляя конкуренцию шведским авторам XVII в. (О. Рудбеку и др.), издал в знаменитой серии «Жизнь замечательных людей» книгу, своим лишь только названием долженствующую убеждать русского читателя в правоте шведского взгляда на родную историю: «Олег Вещий. Великий викинг Руси». На пропаганду ультранорманизма и закрепление его в общественном сознании России масштабно задействованы ресурсы Интернета, Википедии, при этом не только в ложном свете излагающие позиции антинорманизма и его сторонников, но и ведущие целенаправленно организованные грязные кампании по дискредитации и шельмованию современных антинорманистов.

Рюриково городище (именуется так с XVIII в., находится в городской черте Новгорода), которое преподносится в качестве места пребывания скандинава Рюрика и княжеской дружины, состоящей из большого числа северных воинов (а с ними были и скандинавские женщины), включено в общеевропейский каталог Совета Европы как памятник, рекомендуемый для посещения туристами в рамках культурной программы «По путям викингов», о чем с большим удовлетворением писал, браня антинорманистов, датчанин Д. Линд (Кирпичников 2010: 12; Lind 2011: 220). Идет работа над созданием археологического музея «Княжая гора» на Передольском погосте (Новгородская область) рядом с сопками IX-X вв., который будет носить «древнескандинавский характер». И этот скандинавско-славянский проект уже получил от Европейской комиссии по культурному развитию грант размером в 300 тысяч евро (добавит, конечно, деньги на такое «благое дело» и сама Новгородская область) (Призрак 2011).

Свой ультранорманизм «взвешенные» и «умеренные» навязывают и нашим политикам. В 1998 г. мэр северной столицы А.А. Собчак с пафосом говорил по шпаргалке петербургских археологов, что «великим событием было появление на Руси скандинава Рюрика, возможно, отправившего туда из Средней Швеции», что «при участии норманнов было положено начало государственным институтам и основана правящая династия Рюриковичей», что «так сформировалась Русская держава, ставшая могущественным фактором европейской истории» (Собчак 1998: 14). Видимо, те же слова норманистам очень хотелось услышать, чтобы придать ультранорманизму официальный характер, который он имел в дореволюционной России (и тем самым поставить его вне критики), и от Президента В.В. Путина. Но, дважды, в 2003-2004 гг., посетив раскопки Старой Ладоги, которые вел А.Н. Кирпичников, он их не произнес.

Несомненно потому, что разобрался в политическом подтексте норманской версии, о котором предельно

точно сказал в 1968 г. бывший белогвардеец М.Д. Каратеев, очень тревожась за судьбу своей Родины, которая сделала его изгоем. Поняв, оказавшись после Гражданской войны за границей, «сколько непоправимого вреда принес норманизм престижу нашей страны и нам самим» («нашу эмиграцию принимали в Западной Европе в полном соответствии с учением норманизма… не скрывая расценивая нас как представителей низшей расы»), он констатировал: Запад держится за норманизм не только из-за своего тщеславного желания «отстоять видимость своего превосходства над русским народом. Дело обстоит гораздо серьезней: норманская доктрина пошла на вооружение тех русофобских сил западного мира, которые принципиально враждебны всякой сильной и единой России, – вне зависимости от правящей там власти, – и служит сейчас чисто политическим целям: с одной стороны как средство антирусской обработки мирового общественного мнения, а с другой – как оправдание тех действий, которые за этой обработкой должны последовать» (Каратеев 2003: 190-191).

А именно так и действовал взращенный на западноевропейских расистских идеях Гитлер, идеологически обосновывая агрессию против СССР: «Организация русского государственного образования не была результатом государственно-политических способностей славянства в России; напротив, это дивный пример того, как германский элемент проявляет в низшей расе свое умение создавать государство». И потому, вещало это чудовище, которое пожрет, пока не захлебнется их кровью, почти 27 миллионов советских людей (по его «классификации», «Untermenschen» – «недочеловеков»), «сама судьба как бы хочет указать нам путь своим перстом: вручив участь России большевикам, она лишила русский народ того разума, который породил и до сих пор поддерживал его государственное существование» (Русская земля 1986. Кн. 1: 6).

Главную роль в развитии – и вширь, и вглубь – ультранорманизма, выдающего вместо истории Руси историю «Скандовизантии» и «Восточно-Европейской Нормандии» (а также развлекательно-туристические «Скандоленды», рассчитанные на потеху западному потребителю, в первую очередь скандинавскому, с непременным появлением там всякого рода шутовских «ряженных»), играют, явно превышая возможности своей науки и пристрастно характеризуя артефакты, археологи. Как неоднократно подчеркивал член-корреспондент и директор Института истории материальной культуры РАН Е.Н. Носов, «по убедительным данным археологии», скандинавы «на Руси были купцами и ремесленниками, воинами и князьями, чиновниками и посланниками, наемниками и грабителями», что в ряде центров они «жили постоянно, семьями и составляли довольно значительную и влиятельную группу общества», «значительную прослойку в княжеской среде», с гордостью при этом произнося, что археологические материалы Рюрикова городища, раскопки которого он много лет занимался, «попали в европейские каталоги скандинавских древностей».

Эти выводы, основанные на якобы скандинавских находках, с огромным удовлетворением принимают лингвисты и историки, создавая на их основе новые «аргументы» в пользу норманства варягов и руси, которыми, в свою очередь, пользуются затем археологи… и вот по этому бесконечному кругу движется, постоянно обрастая новыми «открытиями», «научная мысль» норманистов. Подражая Д.С. Лихачеву и Р.Г. Скрынникову, Носов – ведущий археолог России – «откопал» на Новгородской земле «Нормандию», для легализации которой и ее пропаганды в науке он от имени своего академического института заключил с французскими учеными программу научного обмена «Две “Нормандии”: междисциплинарное сравнительное исследование культурного присутствия скандинавов в Нормандии (Франция) и на Руси (Новгородская земля) и его историческое значение» (см., напр.: Носов 2007: 28-30; 2009: 10; 2012: 101-109, 114-119; 2012а: 42-43; Фомин 2010: 453-458).

Археологи (Л.С. Клейн, В.Я. Петрухин и др.) в норманизации русской истории первенствующее значение отводят идее, что камерные погребения середины и второй половины X в. Ладоги, Пскова, Гнездова, Тимерева, Шестовиц, Киева являются специфически скандинавскими и представляют собой захоронения норманнов, входивших в высший слой Руси. В 1970 г. Клейн (в соавторстве с Г.С. Лебедевым и В.А. Назаренко), принимая во внимание прежде всего число таких погребений, привел цифры, и ныне продолжающие жить в нашей и зарубежной науке, порождая в них такие же фантомы (а те другие и т.д.): в X в. скандинавы – знатные дружинники, купцы и их жены, простые воины, ремесленники и, возможно, крестьяне (последних, о которых не пробовал говорить швед Т.Ю. Арне, в массовом порядке повел в Восточную Европу датчанин А. Стендер-Петерсен) – составляли «не менее 13% населения отдельных местностей» Руси по Волжскому и Днепровскому торговым путям, в стольном Киеве – 18-20%, а в Ярославском Поволжье их численность уже «была равна, если не превышала, численности славян» (Клейн, Лебедев, Назаренко 1970: 232-234, 238-239, 246-249, 251-252).

Но камерные гробницы шведской Бирки IX в., на основании которых воцарилось мнение, выдвинутое Арне в 1931 г., о норманском характере сходных погребений на Руси, не являются шведскими, потому как бытовали у разных, и притом неродственных народов, например, у чехов и у немцев. В 1980 г. шведский археолог А.-С. Грёслунд, изучая погребальные камеры Бирки, установила, что они «не имеют местных прототипов, и появление их, очевидно, связано с интернациональным характером» города «и особенно с купеческим слоем». Ее коллега и соотечественник Б. Шернквист указывал, что «камерные погребения шли с континента в Бирку, а не наоборот» (Шаскольский 1965: 179; Фомин 2013: 70-75). Фиктивность «процентов» Клейна и его «птенцов» продемонстрировала в 1973-1974 гг. известный антрополог Т.И. Алексеева, которая, проанализировав камерные захоронения Киева и сопоставив их с германскими, с удивлением констатировала, ибо, не сомневаясь в норманстве варягов, ожидала совершенно иного: «Это сопоставление дало поразительные результаты – ни одна из славянских групп не отличается в такой мере от германских, как городское население Киева» (Алек-

сеева 1973: 267; 1974: 81; 1974а: 67). Позже, в 1978 и 1986 гг., один из соавторов Клейна – Лебедев – признал, тем самым отрекаясь от фальшивых 18-20% киевских норманнов, уже прочно прописавшихся в науке, что только в одном из 146 погребений киевского некрополя на территории так называемого «Города Ярослава» мог быть захоронен скандинав», причем это погребение датируется поздним временем: концом X – началом XI в. (Булкин, Дубов, Лебедев 1978: 12; Кирпичников и др. 1978: 77; Кирпичников и др. 1986: 229, 232).

По такому же твердому убеждению археологов, преднамеренная порча оружия (оно поломано или согнуто) в погребениях Восточной Европы представляет собой «специфическую черту культуры» скандинавов: «Хороня своих воинов, – уверяет Л.С. Клейн, – норманны ломали их оружие и клали в таком виде в могилу – сломанные мечи обнаружены и в Гнездовских погребениях» (Гнездово шведские археологи представляют важнейшей шведской колонией на Руси, именно сопоставляя материалы тамошних погребений с погребениями в Бирке в Швеции). В.В. Мурашева свое мнение, что «есть основания говорить об элементах колонизации» норманнами юго-восточного Приладожья, выводит из особенностей погребального обряда, включая порчу оружия, в котором «очень четко прослеживается скандинавское влияние» (Клейн 2009: 53, 71; Мурашева 1996: 33).

Однако этот обряд был характерен для племен пшеворской культуры бассейна Вислы и междуречья ее и Одера (конец II в. до н.э. – начало V в. н.э.), представлявших собой смешанное славяно-германское население, испытавшее значительное кельтское влияние. «Порча оружия и заостренных предметов, – в 1979 и 1994 гг. акцентировал внимание археолог В.В. Седов, – типичная особенность пшеворских погребений», что «этот обычай был распространен среди кельтов» и что от них он «распространился на соседние племена» (Седов 1979: 56; 1994: 169, 178, 182, 197). Еще в 1898 и 1913-1914 гг. чех Л. Нидерле и француз Ж. Дешелетт указывали, что обряд порчи меча являлся частью погребального обряда многих народов со времен Гальштата (Авдусин 1949: 4-5), а это примерно 900-400 гг. до н.э., саму же культуру той эпохи обычно связывают с кельтами и их распространением по Западной Европе. В 1987 г. коллега Седова Н.В. Тухтина отметила, «что обычай сгибать оружие, положенное в могилу, наблюдается» «у некоторых групп финно-угорского населения, а также в Люцинском могильнике» (кладбище латгалов и ливов, датируемое приблизительно X в., на территории современной Латвии) (Тухтина 1987: 195-197).

Такое же огромное значение в системе доказательств присутствия на Руси скандинавов археологи отводят находкам на ее территории скорлупообразных фибул, характеризуя их в качестве надежных этнических индикаторов исключительно только скандинавских женских погребений, а согласно «открытию» Ю.Э. Жарнова от 1991 г., что рядом со скандинавкой непременно должен – «по характеру соотношения различных половозрастных групп» – покоиться только ее соплеменник, число захоронений «скандинавов» в Гнездове, представлявших собой, конечно, знать, социальную верхушку поселения, тут же резко возросло. «При самых осторожных прикидках, – восторгалась в 1997-1998 и 2009 гг. В.В. Мурашева результатами «гадательно-гендерной методы» Жарнова (и очень вдохновлялась ими в своей норманизации истории Руси), – исследователями подсчитано, что не менее четверти населения Гнездова составляли выходцы из Скандинавии (!)» (Жарнов 1991: 200-225; Мурашева 1997: 10; 1998: 159; 2009: 178).

Однако подобные фибулы были широко распространены среди женщин многих народов (мода на них, указала в 1971 г. Н.В. Тухтина, и «обычай скреплять юбки именно в финно-угорской среде нашли себе благоприятную почву»). В 1982 г. В.В. Седов, отмечая, что их носили в Приладожье весские женщины, т.к. эти застежки встречаются в курганах с местным погребальным ритуалом, резюмировал: вообще находки скандинавских вещей – скорлупообразных фибул, широких выпукловогнутых браслетов, плетенных браслетов, подвесок – «не являются этноопределяющими. Их присутствие в трупосожжениях ростово-суздальских курганов отнюдь не означает, что погребенные с такими украшениями были норманнами», потому как украшения эти попали в Восточную Европу в результате оживленной торговли» (Тухтина 1971: 165, 171, 179-181; Седов 1982: 184, 189).

Столь же огромное значение российские археологи придают, вопреки даже здравому смыслу, совершенно случайным скандинавским и «скандинавского облика» (а под это расплывчатое понятие можно подогнать что угодно) находкам (но чаще всего – псевдоскандинавским, какими были, например, «норманские мечи»). Так, В.В. Мурашева, в 1997 г. задаваясь вопросом в стиле Т.Ю. Арне, «невольно задумаешься: а не была ли и впрямь Древняя Русь частью Великой Швеции?», годом позже заключила: ременной наконечник из Старой Рязани (слой XI в.), орнамент которого «связан по своему происхождению с предметами в стиле Борре», «можно считать одним из немногих археологических свидетельств присутствия скандинавов на Руси в XI в.». В юбилейном 2012 г. директор Института археологии РАН, академик Н.А. Макаров, фиксируя немногочисленность скандинавских вещей в Суздальском Ополье, все же посчитал обязательным ввести в разговор «любимчиков» нашей науки: «Очевидно, некоторые из них отражают присутствие в Суздальской земле выходцев из Скандинавии» (Мурашева 1997: 8-11; 1998: 163; Макаров 2012: 200, 211).

Но ременные наконечники, отмечала в 1967 г. археолог М.В. Фехнер, как поясные бляшки и привески, носившиеся в ожерельях, выполненные в стилях Борре и Еллинге, попали на Русь в результате торговли. В 2004 г. другой коллега Мурашевой С.В. Томсинский сказал по поводу угличских древностей: «Однако были ли все владельцы наконечников ножен мечей и пряжки в стиле Borre, находящихся в коллекции индивидуальных находок горизонта 2 слоя 3, скандинавами, остается неясным, поскольку в дружинах древнерусских князей традиции скандинавской культуры воспринимались и представителями других этносоциумов» (Фехнер 1967: 40; Томсинский 2004: 151).

По «научной» логике Мурашевой и Макарова, дискредитирующей археологию как науку, за каждым дир-

хемом тогда надлежит видеть представителя Востока и на Руси, и в Скандинавии (только на о. Готланд найдено около 40000 восточных монет: Янссон, Тегнер, Панова 1996: 29), а саму Швецию следует заполонить нешведами. Потому как мужские пояса, богато украшенные металлическими бляшками и подвесными ремешками, характерные для воинов тюркско-иранского мира и вошедшие в костюм русского дружинника, там массово встречаются. Шведский археолог И. Янссон отмечал в 1985 г., что большинство их происходит из Центральной Швеции, что в основном они обнаружены именно в дружинных погребениях X в., в том числе камерных, и зачастую богатых, что в позднюю эпоху викингов эти пояса становятся еще более многочисленными в Швеции, наиболее часто встречаясь на Готланде.

Согласно еще одному его заключению, другие остатки одежды в погребениях в Швеции позволяют полагать, что мужчины были захоронены в более или менее полном костюме восточного характера, к тому же большинство кольцевидных или подковообразных застежек, которыми закреплялись их накидки, имеет, говорил Янссон в 1996 г., восточное происхождение, но объяснение всему этому дается, в стиле двойных стандартов норманизма, иное: что русские дружинники в X в. заимствовали восточный костюм, а благодаря многим скандинавам, бывшим их соратниками, такая мода достигла Швеции, что «часть этой одежды была получена владельцами в подарок во время поездок в качестве послов или торговцев ко дворам различных князей на Руси и в далекие страны востока и юго-востока», другая же «часть, возможно, была сшита в Швеции по восточным моделям» (Янссон 1987: 126-131; Янссон, Тегнер, Панова 1996: 16, 27). К упомянутым поясам стоит добавить и значительное число находок в Швеции венгерских сумок-ташек, русских ювелирных изделий, височных колец, совершенно чуждых скандинавской традиции, и пр. (Седов 1995: 53-65).

Примечательно, что ряд зарубежных ученых рассуждает иначе, чем Мурашева и Макаров. Крупнейший специалист по эпохе викингов англичанин П. Сойер говорил в 1962 г., называя причину беспочвенности выводов Т.Ю. Арне и его ученика Х. Арбмана, что «сами по себе археологические находки… свободны от пристрастности, они не говорят ни за, ни против скандинавов», что «тенденциозность создают те, кто работает с этим материалом», что скандинавские вещи в русских захоронениях «еще не доказывают того, что люди, погребенные в этих могилах, были скандинавами или имели скандинавских предков. Предметы такого рода могут переходить из рук в руки, нередко оказываясь очень далеко от народа, который их изготовил или пользовался им первым. Это может показаться ясным как день, но порой об этом забывают. Некоторые ученые воспринимают обнаружение скандинавских предметов, особенно в России, как доказательство тесных связей со Скандинавией». По находкам скандинавских вещей трудно определить, констатировала в 1980-х гг. норвежский археолог А. Стальсберг, попали ли они к восточным славянам в результате торговли или вместе со своими владельцами. В 1996 г. и ее шведский коллега И. Янссон с соавторами подчеркивал, что «сложно определить, какие из найденных в Восточной Европе типов оружия принадлежали» скандинавам, «а какие местным жителям» (Сойер 2002: 17, 21, 73-74, 99-100; Стальсберг 1987: 74; Янссон, Тегнер, Панова 1996: 26).

В целом более чем проблематичными выглядят выводы археологов по этнической атрибуции находок/памятников, потому как эти выводы жестко продиктованы их норманизмом, который заставляет (а точно такая ситуация, как уже отмечалось, и в лингвистике) обязательно находить в материальных остатках что-то скандинавское, что-то «скандинавского облика», что-то «северное», что-то вообще эфемерное (типа с чем-то какая-то параллель), и видеть в том свидетельство обязательного присутствия на Руси скандинавов, при этом в расчет не принимая ни торговлю, ни военные походы, ни браки, ни, зачастую, проблему копирования и подражания. Как буквально из ничего появляются, словно джины восточных сказок, «герои Севера», видно из слов И.И. Еремеева, произнесенных в 2012 г., что, «вероятно, самую раннюю дату проникновения норманнов в Полоцкую землю (начало 890-х гг.) дает Брилевский комплекс с верховьев Березины, содержащий, наряду с куфическими монетами и мечом каролингского типа, серебряный спиральный браслет, имеющий параллели в кладах Северной Европы» (Еремеев 2012: 278).

В 1966 г. Г.Ф. Корзухина, рассматривая найденный в 1910 г. в Старой Ладоге бронзовый со стальным лезвием топорик и фиксируя, что «ни одной прямой аналогии этому шедевру искусства неизвестно», сочла нужным увязать его именно со скандинавами (с применением, как заведено у норманистов, водного слова для демонстрации своей якобы «научной осторожности»): «По-видимому, мастер, создавший ладожский топорик, был выходцем из Швеции» (Корзухина 1966: 89-96). В 2002 г. А.Н. Кирпичников и А.И. Сакса, датируя топорик временем не позже IX-X вв. и указывая, что «среди скандинавских древностей нет аналогий» его орнаментальному убору, посчитали сей артефакт финским изделием. В 2010-2011 гг. В.Я. Петрухин, подчеркивая, что ему нет аналогий и в Финляндии, подытоживал, «что мотивы литья воспроизводят распространенные образцы, свойственные как Востоку в широком смысле, так и романскому западу» (Кирпичников 2002: 135; Петрухин 2010: 498, прим. 5; 2011: 269, прим. 5). Ф.А. Андрощук в 2004 г. отметил, что «ничего скандинавского нет» и в бронзовой зооморфной рукояти кресала, орнаментный сюжет которой Корзухина «ошибочно считала скандинавским. Ни стиль изображения птиц, ни сами вещи совершенно не характерны для искусства эпохи викингов» (Андрощук 2004: 45).

Но благодаря Корзухиной топорик и кресало – якобы скандинавские – дали в науке (да и до сих пор еще дают) соответствующие всходы и плоды. Продолжает плодить в зарубежной литературе мифы ее мнение от 1965 г., рожденное норманизмом, что «древнейший период в жизни Ладоги выпадает из истории собственно древней Руси», которое лишь в 1978 и 1980 гг. археологи А.Н. Кирпичников, Г.С. Лебедев, В.А. Булкин, И.В. Дубов, В.А. Назаренко оценили как «поспешное». А на таких норма-

нистских «поспешностях» и стоит отечественная археология, занимающаяся варяго-русскими древностями, и на их основе фундаментально искажающая (в ряде случаев явно не без умысла) историю Руси, благодаря чему на ее месте уже проросли «Скандовизантия», «Скандославия», «Восточно-Европейская Нормандия», а сюжеты из русской ПВЛ – о призвании Рюрика, Синеуса и Трувора, об Олеге Вещем и Игоре – включены археологом В.Я. Петрухиным в 2003 г. в книгу «Мифы древней Скандинавии», которые в таком контексте воспринимаются, согласно замыслу археолога, как скандинавские (Корзухина 1965: 14; Кирпичников и др. 1978: 67; 1980: 27).

В 2003 2013 гг. тот же Петрухин утверждал по поводу черниговского кургана Черная могила, что он, насыпанный в 960-х гг. с соблюдением скандинавских обычаев, содержит захоронение знатного русского дружинника «скандинавского происхождения» и представляет собой «единый монумент», который «славяне, норманны и хазары возвели своему предводителю» (в связи с чем, заклинал археолог, противоестественно «стремление принизить» роль скандинавского и хазарского экзогенных факторов «на ранних этапах становления русской государственности»). Свой вывод Петрухин аргументировал тем, что рядом с котлом, с костями и шкурами козла «располагалась пара огромных питьевых рогов с роскошными серебряными оковками и маленькая бронзовая статуэтка скандинавского сидячего божка, держащего себя за бороду. Весь этот пиршественный комплекс был накрыт грудой доспехов и представлял настоящую модель Вальхаллы», по его словам, и князь Святослав, имя которого «оказывалось славянским “продолжением” скандинавского антропонима», был достоин Вальхаллы – «загробного чертога Одина» (Петрухин 2000: 253; 2003: 291; 2007: 63, 70; 2011: 126; 2013: 316).

В 1978 и 1980 гг. археологи А.Н. Кирпичников, Г.С. Лебедев, В.А. Булкин, И.В. Дубов, В.А. Назаренко заключили, что «знаменитые большие курганы Чернигова – Гульбище, Черная могила, с исключительным своеобразием обряда, богатством инвентаря, не содержат никаких специфических северных элементов» (Кирпичников и др. 1978: 78; 1980: 31). Рога-ритоны из Черной Могилы, говорил в 1982 и 1999 гг. В.В. Седов, «тесно связаны со славянским языческим культом и были атрибутами языческих богов». В последнем случае он резюмировал в целом, что особенности обрядности Черной могилы «не свойственны скандинавам» (Седов 1982: 254; 1995: 58-59; 1999: 211). В 2011 г. украинские археологи А.П. Моця и А.В. Казаков курганы Черной могилы и Княжны Черной атрибутировали «как погребение князей местной славянской династии». Годом позже их соотечественник и коллега А.В. Комар отметил, что «в орнаментации резных костяных предметов, происходящих из Черной могилы, Гульбища, Безымянного кургана, нет характерных скандинавских мотивов, только древнерусские и “ориентальные”» (Комар 2012: 337, 345).

Также не соответствует истине и активно тиражируемая Петрухиным идея, что бронзовая золоченная статуэтка (вторая половина X в.) из Черной могилы есть «сидячий божок» и «передает, скорее всего, образ громовержца Тора: он держится за бороду – атрибут и характерный жест громовержца в индоевропейской традиции», а Тор точно потому, что «борода – его характерный атрибут» (Петрухин 2007: 63, 64, прим. 38; 2010: 498, прим. 4; 2011: 124, 267, прим. 4). В 2014 г. украинские археологи А.В. Комар и Н.В. Хамайко, отметив, что эта статуэтка найдена «в комплексе с костяными игральными фигурками и костями», что «аналогичные фигурки присутствуют и в ряде скандинавских комплексов с игральными принадлежностями» (причем «во всех случаях персонажи изображены сидящими… и все они держат в руках собственную бороду, заплетенную в одну или две косы») и что «этот образ близок средневековым изображениям шахматных королей Северной Европы, а для комплексов эпохи викингов фигурки уверенно интерпретируются как “короли” наборов игры hnefataft» (“тавлеи”)», отнесли черниговскую находку «к “королям” популярной в “дружинной” среде русов X в. настольной игре скандинавского происхождения, наглядно демонстрирующей былинные “тавлеи золоченые”», причем «зарубежные исследователи, – указывал Хамайко в 2012 г., – солидарны в определении подобных находок как королей игральных наборов эпохи викингов» (Хамайко 2012: 286-288; Комар, Хамайко 2014: 190, 194).

В 2010 г. И.И. Еремеев, И. Янссон, С. Сёдерберг поставили под самое серьезное сомнение и другой «аргумент» Петрухина, также им многократно воспроизводимый, о «скандинавской» природе больших курганов Руси, датируемых серединой и преимущественно второй половиной X в. (они, считает Петрухин, принадлежа всему княжескому роду, очевидно моделируют Вальхалу), допуская при этом возможность обратного влияния восточноевропейских традиций «на культуру Средней Швеции X в.». К тому же русский и шведские археологи заострили внимание на сложности «прямого сопоставления больших курганов Швеции и Руси», поскольку шведские большие курганы связаны с усадьбами богатых землевладельцев, тогда как древнерусские курганы – с мобильной военно-торговой аристократией, «группировавшейся в торговых и военно-административных центрах» (Еремеев, Янссон, Сёдерберг 2010: 206-223).

В 2014 г. А.В. Комар и Н.В. Хамайко в рецензии на каталог «Скандинавские древности Южной Руси» Ф.А. Андрощука и В.Н. Зоценко, констатируя, что «термин “скандинавский” для авторов является условным» и что «каталогизированию подвергнут широкий спектр предметов североевропейского круга влияния» (но при этом обойдены молчанием проблемы как «вещей-гибридров», так копирования и подражания), указали на значительное число ошибок при отнесении артефактов к «скандинавским». Например, «щитообразные» подвески «проблематично считать импортом или продукцией скандинавских мастеров на Руси – корректнее говорить о “предметах скандинавского круга влияния”», что составители каталога собрали все известные им «южнорусские мечи X – начала XI в., невзирая на наличие или отсутствие собственно скандинавских черт», что скандинавской принято считать «по происхождению технологическую

традицию трехслойного пакета, а не все изготовленные таким способом предметы». К тому же, справедливо заострили внимание рецензенты, речь не идет об исключительной монополии Севера на трехслойный пакет, т.к. этот прием использовали салтовские кузнецы VIII-IX вв., славяне, носители волынцевской культуры VIII – начала IX в., что «фигурка бога Тора» есть фикция.

Отмечая далее, что наиболее распространенные на юге Руси наконечники ножен мечей «не содержат специфически скандинавского декора», что целая серия наконечников стрел, отнесенная к ланцетовидным, «однозначно таковыми не являются», что вполне ординарные оселки из Шестовицких захоронений отнесены к «скандинавским древностям», видимо, по их находке «в комплексе с другими предметами скандинавского круга» и т.д., Комар и Хамайко резюмировали: «Наконец, наиболее серьезной проблемой комплектации каталога следует признать наличие предметов из “частных коллекций”», многие из которых возникли незаконным путем и потому степень достоверности их информации во многом сомнительна (из указанного ли пункта происходят артефакты, вообще ли они найдены на территории Украины, проверены ли они Андрощуком на подлинность и каким именно методом? «Уверенность, с которой автор без кавычек и замечаний повторяет в каталоге “легенды” грабителей, просто поражает!»). Показательно и их заключение: «Недоработки и досадные неточности в каталоге, очевидно, разочаруют читателя, надеявшегося получить готовый подручный справочник» (Комар, Хамайко 2014: 188-197), так что Н.А. Плавинский, мягко говоря, чрезмерно преувеличивал, говоря о его «научности».

Однако этот каталог, подготовленный с явным стремлением специально внести в него большое число якобы скандинавских артефактов (под воздействием угара ультранорманизма даже нечищеный обломок железного изделия из вала городища Шестовицы представлен как амулет скандинавского круга), вовсю работает и активно способствует дальнейшей норманизации русской истории (что видно хотя бы по монографии византиниста А.А. Роменского). Но издания с таким набором ошибок принципиального свойства (а к ним надо добавить и камерные погребения, и скорлупообразные фибулы, и пр.), плюс к тому бросающийся в глаза непрофессионализм в оформлении каталога («минимум для трети предметов не установлено место хранения», включая и экспонаты «из тех учреждений, коллекции которых хорошо описаны, и обрабатывались для каталога», есть также большая проблема с локализацией находок, особенно киевских: Комар, Хамайко 2014: 192-194) следует авторам незамедлительно аннулировать, ибо очень велика цена научных ошибок.

Сторонники норманской версии, в первую очередь оперируя выводами археологов, в полной мере задействуют и лингвистику (в той роли, конечно, какую ей отвел А.А. Куник). И прежде всего в вопросе трактовки названия «Русь», ибо он прямо связан с вопросом происхождения Русского государства и русского народа, уверяя, что это название восходит к слову «Ruotsi», коим финны именуют Швецию.

Согласно их представлениям (особенно пропагандируемым археологом В.Я. Петрухиным и филологом Е.А. Мельниковой), сотканным, как это принято у сторонников норманской версии, только из предположений, имя «Русь» якобы восходит «к древнескандинавскому корню rōþ-», который якобы производен от предполагаемого «германского глагола *rōwan “грести, плавать на весельном корабле”», из которого якобы возникло слово *roþ(e)R, якобы означавшее «гребец, участник похода на гребных судах». Все эти предположения венчает точно такое же предположение: «Так, предполагается, называли себя скандинавы, совершавшие в VII-VIII вв. плавания в Восточную Прибалтику и в глубь Восточной Европы, в Приладожье, населенные финскими племенами», которые «усвоили их самоназвание в форме ruotsi, поняв его как этноним». И уже от них восточные славяне заимствовали это ruotsi, которое приобрело в их языке «форму русь» (см., напр.: Петрухин 1995: 27-28, 55, 84, 98, 109, 242-243; 2013: 162, 177-181, 188-190, 195, 202-204, 207, 218-219, 230, 281-285, 319, 403; Мельникова, Петрухин 1994: 56-68; Мельникова 1999: 12-13). Менее все же категоричны в данном вопросе западные исследователи. В 1996 г. англичане С. Франклин и Д. Шепард признали, что «процесс превращения такого термина, как “ruotsi/rōtsi” в термин “русь” до конца не ясен, но то, что они связаны, кажется весьма вероятно» (Франклин, Шепард 2000: 53).

Идею шведских авторов XVII в. о связи терминов «Ruotsi» и Русь отвергали известные норманисты прошлого. Г.З. Байер в посмертно изданной в 1741 г. статье «Origines Russicae»/«Происхождение Руси», рассмотрев все известные на то время свидетельства, подытожил, что «россы приняли свое название не от скандинавов». В 1816 г. немецкий ученый Г.Ф. Голлман заключил, что финское слово Ruotsi «столь не сходно со словом руссы, что на нем никак нельзя основаться» (Bayer 1741: 411; Голлман 1819: 17, 25, 28-29). Под воздействием контрдоводов С.А. Гедеонова М.П. Погодин в 1864 г. согласился, что финское название Швеции Ruotsi не имеет отношения к имени «Русь». В 1943 г. Г.В. Вернадский решительно отказался, «в соответствии с законами лингвистики», от «трансмутации ruotsi в Rus», подчеркивая, что «возможно ли в действительности, что скандинавы, пришедшие на Русь, взяли себе имя в той форме, которая была искажена финнами, встретившимися им на пути?… И наконец, если имя “русь” произошло от искаженного финского ruotsi, то как нам объяснить, что это название (в форме “рось”, Рῶς) было известно византийцам задолго до прихода варягов в Новгород?», он имя «Русь» увязал, как это делал М.В. Ломоносов, с роксоланами (Погодин 2015: 179; Вернадский 1996: 267-271, 281-286; Жих 2018: 176-245; Беззаконов, Жих 2021: 9-58).

О несостоятельности скандинавской этимологи речь ведут лингвисты, являющиеся приверженцами норманской версии. В 1982 и 2002 гг. немец Г. Шрамм, охарактеризовав идею происхождения имени «Русь» от Ruotsi как «ахиллесова пята», т.к. не доказана возможность перехода ts в с, категорично потребовал убрать «вопрос о происхождении слова Ruotsi из игры!»

И академик О.Н. Трубачев в 1990-х гг. отказался от той же конструкции и вел наименование Руси из Северного Причерноморья (ибо там «испокон веков наличествуют названия с корнем Рос-»). В 2006 г. К.А. Максимович указал, что скандинавская версия «остается не более чем догадкой – причем прямых лингвистических аргументов в ее пользу нет», и что в лингвистке, как и в математике, доказательства типа «определения одного неизвестного (*rôp(e)R) через другое (Ruotsi)… не имеют силы» (Schramm 2002: 98-104, 107; Трубачев 2005: 162-165; Максимович 2006: 14-56), к тому же слово «Ruotsi» в финском языке зафиксировано применительно лишь к XVI-XVII вв., что не позволяет, согласно основополагающим принципам исторической науки, переносить его на раннее время, а тем более на IX в., потому как мы не знаем, называли ли тогда так финны скандинавов.

Лингвистическое неприятие скандинавской этимологии подкрепляется свидетельствами письменных источников об очень давнем присутствии народа русь (и его имени) в Причерноморье. Применительно к IV в. готский историк VI в. Иордан ведет речь о причерноморском племени «росомонов» – «народе рос», сирийский автор VI в. Захарий Ритор под 555 г. называет народ «рус», помещая его к северу от Кавказа, византийские жития Стефана Сурожского (составленное в первой половине IX в., рассказывает о нападении в конце VIII – самом начале IX в. на крымский Сурож «рати великой русской») и Георгия Амастридского (написанное до 842 г., фиксирует широкую известность руси на берегах Черного моря: «Было нашествие варваров, росов – народа, как все знают, в высшей степени дикого и грубого»), константинопольский патриарх Фотий (очевидец излагаемых им событий) повествует о нападении русов на столицу Византии в июне 860 г. и их последующем, около 867 г., крещении (Иордан 1997: 86; Хрестоматия 2004: 93-95, 99-102; Пигулевская 1941: 166), причем они приняли епископа, что прямо указывает на крещение именно народа – черноморской руси. И русская епархия – Росия – присутствует во всех церковных уставах византийских императоров, по крайней мере, с 879 года. Вероятно, она находилась в городе Росия, отождествляемом с Боспором, что в районе нынешней Керчи, и просуществовала до XII в. (Захаров 1999: 151-156; Коновалова 2001: 128-140; Кузьмин 2003б: 260).

В этом плане важно обратиться и к показаниям Лиутпранда (ум. 971/2), объясняющего, почему русь, под предводительством князя Игоря напавшую в 941 г. на Константинополь, кто-то из западноевропейцев именует норманнами: «В северных краях есть некий народ, который греки по его внешнему виду называют Ρουσιος, русиями, мы же по их месту жительства зовем “нордманнами”. Ведь на тевтонском языке “nord” означает “север”, а “man” – “человек”; отсюда – “нордманны”, то есть “северные люди”», таким образом, термин «норманны» имел, как специально заостряет внимание кремонский епископ, географическое, а не этническое значение, как на том настаивают его комментаторы-норманисты. «Ибо имя норманны, Nordmanni, – вразумлял антинорманистов с их «легкомысленным скептицизмом» В.Томсен, – служило в средние века специально для обозначения скандинавов, в особенности когда они являлись в качестве викингов».

Вместе с тем Лиутпранд дает определенный ключ к решению вопроса этимологии имени «Русь»: греки русский народ «по его внешнему виду называют Ρουσιος, русиями», т.е. «красными», «рыжими». А этими словами автор отражает непосредственный интерес своего отчима выяснить у византийцев в 942 г. – по самым горячим следам! – вопрос наименования русов, посмевших напасть на столицу великой империи, и на казни которых он присутствовал. Но при этом хорошо информированные очевидцы событий 941 г. не указали ему ни на скандинавов, хотя о них бы в обязательном порядке зашел разговор, будь русы действительно норманнами, наводившими смертельный ужас на Западную Европу, ни на «гребцов»-русь. Ничего подобного не услышал и сам Лиутпранд, который дважды посещал Константинополь в качестве посла в 949 и 968 гг. и который мог продолжить «розыск» отчима.

Сегодня А.В. Назаренко повторяет давнее мнение, что «народная этимология, производящая название руси от греч. ῥούσιος “рыжий”, принадлежит, очевидно, самому Лиутпранду», владевшему греческим. Но, не соглашался с таким мнением в 1892 г. В.З. Завитневич, он передает «не собственный домысел, а живой факт, имевший в Константинополе в половине X века», в пользу чего ученый приводит слова Льва Диакона (вторая половина X в.), что тавроскифы «в просторечии обычно называются росами».

Заостряя затем внимание на свидетельствах жития Георгия Амастридского (первая половина IX в.), что руссы обнаруживают «свою кровожадность уже одним своим видом», Прокопия Кесарийского (VI в.), что цвет кожи и волос у славян и антов «очень белый и золотистый и не совсем черный, но все они темно-красные», Ибн Фадлана (920-е гг.), что русы «румяны, красны» (в переводе А.Я. Гаркави – «они рыжи»), второй редакции Русского хронографа, составленной в первые десятилетия XVI в. под сильным влиянием западных источников, что «русь нарицается от цвету лица и власов», Завитневич понимает под внешним видом русов и цвет их одежды – пурпуровый цвет и заключает, что уже в VIII в. имя «Русь» было известно византийцам (Хрестоматия 2004: 52-53, 94, 129; Лев Диакон 1988: 36; Томсен 1891: 44-45; Завитневич 1892: 582-589; Назаренко 2012: 17, прим. 12; ДРЗИ IV: 38, коммент. 17). С выводом Завитневича согласуется как факт распространенной окраски щитов русских воинов – червленой, темно-красной, о чем, например, повествует «Слово о полку Игореве», так и информация Низами о «краснолицых русах»: «Краснолицые русы сверкали», а один из них – Тартус – «красный дракон, быстрым пламенем рея», т.е. был облачен в одежду красного цвета (СПИ 1981: 95, 101; Низами 1986: 376, 389).

Важно указать, что имеется еще одно объяснение византийцами происхождения имени «Русь» (а это вновь отражает их самый повышенный интерес к данному вопросу), также не связанного со скандинавами и придуманными норманистами «гребцами». В хронике Псевдо-Симеона X в. сказано, причем со слов самих

же росов, что они «получили свое имя от некоего могущественного Роса после того, как им удалось избежать последствий того, что предсказывали о них оракулы, благодаря какому-то предостережению или божественному озарению того, кто господствовал над ними». Как заметил С.А. Гедеонов, «любознательному византийцу, допрошавшему русина IX X-го века о происхождении его народа и народного имени, этот киевский русин не сказал», что народ рос, «нападавший на греков в 865-907 годах, получил свое имя от поработивших его за три или за сорок лет шведских рôдсов» (ДРЗИ II: 182; Гедеонов 2004: 336).

Весьма эффективно обыгрывают норманисты летописные имена. По В. Томсену, в ПВЛ «насчитывается около девяноста имен, выдающих более или менее свое скандинавское происхождение» и решительно указывающих на Швецию. То же самое сейчас говорит Е.А. Мельникова: «скандинавский именослов в Древней Руси обширен» – он насчитывает 89 антропонимов (Томсен 1891: 65-69, 119-130; Мельникова 1994: 23-24). В упомянутой энциклопедии «Древняя Русь в средневековом мире» исследовательница «истину», что имена Рюрик, Синеус, Трувор «имеет очевидную скандинавскую этимологию»: Рюрик – Hrœrikr, Синеус – Signjótr, Трувор – Þorvarðr, сопроводила фотографией «Памятника Рюрику, Олегу и Игорю в г. Норчёпинг» (Древняя Русь 2014: 703), т.е. эта фотография мемориальной фантазии шведов, продолжающих услаждать себя исторической ложью, ими же сфабрикованной, стала для наших норманистов одним из главных аргументом.

Но все суждения о якобы скандинавской основе летописных имен разбиваются о наблюдение С.А. Гедеонова в отношении якобы норманских имен Синеуса и Трувора: или летописцу мало было всеизвестных, вследствие сношений с Ганзою и норманнами, «норманских Гаральдов, Олавов, Сигурдов, Сигвальдов, Свейнов, что он вздумал окрестить своих небывалых шведов небывалыми шведскими именами?» (Гедеонов 2004: 441, прим. 244). Надлежит заметить, что шведские ученые, в отличие от Мельниковой, не столь категоричны и лишь предположительно трактуют имена Синеус и Трувор как Signjut и Thorvard (Янссон, Тегнер, Панова 1996: 10-11).

Мода повально относить летописные имена к скандинавским началась с Г.З. Байера, убеждавшего в 1735 г., что «есче от Рюрика все имяна варягов, в руских летописях оставшияся, никакого иного языка, как шведского, норвежского и датского суть», с сожалением признавшего, что только к имени Синеус он не мог ничего схожего подыскать. Но его последователи быстро исправили этот недодел (Байер 2006: 347-348). А.Л. Шлецер, следуя за «великим Байером», уверял, что Рюрик, Синеус и Трувор – это «настоящие германские, а особливо древлешведские имена, только немного испорченные в чужой земле», «что варяги были норманны или скандинавы, это доказывается сими именами, как они, впрочем, не исковерканы переписчиками», хотя вместе с тем и отмечал, но забывая эту простую мудрость, что «сходство в именах, страсть к словопроизводству – две плодовитейшие матери догадок, систем и глупостей». Подтверждением чему служит его же производство в 1764 г., продиктованное чувством превосходства германца над русскими, славянского слова «князь», ставшего высшим титулом русского дворянства, от немецкого Knecht – холоп, от которого он отказался под воздействием критики М.В. Ломоносова (Ломоносов 1955: 426-427; Шлецер 1809: 337; 1816: 100-108, 114, 642-643, 653-654, 703; 1819: 98-100).

Выше указывалось, что Байер был очень увлечен этимологиями шведа О. Рудбека, который своими словопроизводствами, основанными «на одном только внешнем сходстве звуков», возбуждал, по С.М. Соловьеву, «отвращение и смех в ученых». К чему эти увлечения привели самого Байера, констатировали ведущие норманисты прошлого. Тот же Соловьев резюмировал, что к своим «странным» словопроизводствам он шел «путем внешних филологических сближений», впадая при этом «в крайность»: Москва «от Моского, т.е. мужескаго монастыря; Псков от псов, город псовый», «в имени Святослав непременно хочет видеть скандинавский корень свен; во Владимире – Валдемера, в Всеволоде – Визавалидура». В.О. Ключевский, рассуждая о способе востоковеда Байера переиначивать имена летописных героев в скандинавские, пришел к весьма неутешительному для норманизма выводу: «Впоследствии многое здесь оказалось неверным, натянутым, но самый прием доказательства держится доселе» (Соловьев 1901: 1547; 1901а: 1358-1359; Ключевский 1959: 398), т.е. в конце XIX века. Но тоже самое следует сказать и о XX в., и идущем XXI столетии.

Против лингвистического произвола, учиненного Байером, выступил Ломоносов, наглядно продемонстрировав его антинаучную суть во время обсуждения речи Г.Ф. Миллера: «Ежели сии Бейеровы перевертки признать можно за доказательства, то и сие подобным образом заключить можно, что имя Байер происходит от российского бурлак». «Мы видим только сходство звука, – подчеркивал позже Г. Эверс, – но самое величайшее сходство не предохраняет от заблуждения», ибо «в самых далеких между собою странах звуки по одному случаю часто бывают разительно сходны: кто не почел бы имен Лохман и Свенванга за германския или скандинавския, если бы сии имена не были бы ему известны прежде? И между тем то принадлежит арабу, а сие китайцу».

В ходе того же обсуждения Ломоносов заметил, что летописные имена сами по себе не указывают на язык их носителей и потому не могут считаться при разрешении варяго-русского вопроса доказательствами: «Почти все россияне имеют ныне, – задавал он Миллеру вопрос, оставленный, понятно, без ответа, – имена греческие и еврейские, однако следует ли из того, чтобы они были греки или евреи и говорили бы по-гречески или по-еврейски?» Справедливость слов «гения, превосходящего всех» (характеристика академика Г.В. Крафта), видна в свете показаний Иордана, зафиксировавшего в VI в. факт давнего международного обмена именами: «Ведь все знают и обращали внимание, насколько в обычае племен перенимать по большей части имена: у римлян – македонские, у греков – римские,

у сарматов – германские. Готы же преимущественно заимствуют имена гуннские» (Иордан 1960: 72; Ломоносов 2011: 17, 24-25, 41; Ewers 1808: 162-163; Эверс 1825: 18, 70-72, 133).

В 1774 г. швед Ю. Тунман в обосновании тезиса, что Русское государство создали его далекие предки, важное место отвел «русским» названиям днепровских порогов Константина Багрянородного, выводя их из скандинавских языков. Но его интерпретации вызвали возражения в первую очередь у А.Л. Шлецера, сказавшего, что некоторые из них «натянуты». Саму сложность толкования этих названий точно выразил Г. Эверс. Напоминая, что Ф. Дурич объяснил их из славянского «также счастливо», как и Ю. Тунман из скандинавского, а И.Н. Болтин из венгерского, он с оправданной иронией произнес: «Наконец, может быть найдется какой-нибудь словоохотливый изыскатель, который при объяснении возьмет в основание язык мексиканский». Вместе с тем ученый, ведя речь о несостоятельности этимологий Тунмана, резонно заметил, что если бы русы были норманнами, «то сие должно бы быть видно не из семи названий порогов, но из всего языка подвластного народа», причем шведы-моряки, добавлял историк к сказанному, «не смогли даже привить порабощенным руссам то, чего тем недоставало – обозначения судоходных инструментов. А вместо этого они переводили на скандинавский язык обнаруженные славянские названия порогов Днепра, значительно удаленных от Киева?! Весьма странно!» (Thunmann 1774: 371-372, 386-390; Шлецер 1809: 330, прим. *, 382; Ewers 1808: 162; Эверс 1825: 133, 138-139).

Будучи «советскими антинорманистами», призванными вести бескомпромиссную битву с «буржуазными норманистами», археолог В.Я. Петрухин и филолог Е.А. Мельникова уверяли в 1989 г., что «русские» названия порогов есть бесспорно скандинавские, что для Константина Багрянородного «народ “росов” тождественен со скандинавами» и противопоставлен массе славян как великокняжеская дружина, состоящая «в значительной степени из скандинавов» и пользующаяся скандинавским языком, что он «отождествляет язык росов с древнескандинавским, т.е. языком части дружинников киевских князей» и пр. (Константин Багрянородный 1989: 292-293, 295-307, 312, 315, 319-325, 329, 331). Но у императора, естественно, нет таких отождествлений, и он ничего не пишет, в связи с названиями порогов, о скандинавах. Однако в 1985 г. М.Ю. Брайчевский к «русским» наименованиям порогов привел убедительные параллели из осетинского (аланского) языка, подчеркнув при этом, что из германских языков нельзя объяснить ни одного из них. В 1999 г. В.П. Тимофеев вновь продемонстрировал, что они не имеют никакого отношения к скандинавским языкам вообще, из которых, с нарушением норм, принятых в лингвистике, их пытаются выводить (Брайчевский 1985: 23-28; Тимофеев 1999: 120-146).

Когда в 1878 г. А.А. Куник требовал воссоздавать историю Руси не по ПВЛ, а по иностранным источникам, он прежде всего имел в виду Бертинские анналы, являющиеся главным бриллиантом доказательной базы норманистов. Согласно анналам, в 839 г. к франкскому императору Людовику I Благочестивому прибыло посольство византийского императора Феофила, вместе с которым явились люди, утверждающие, «что они, то есть народ их, называются рос». В ходе тщательного расследования было установлено, «что они принадлежат к народности свеонов», после чего были задержаны до выяснения, результат которого не известен (ДРЗИ IV: 19-21). Под свеонами обычно понимают шведов (ибо, уверял В. Томсен, «всякий беспристрастный читатель тотчас увидит… и признает» их в росах анналов), прибывших либо из Скандинавии, либо из Прибалтики, либо из Старой Ладоги, либо из Хазарского каганата, либо еще откуда-то (Томсен 1891: 41; Литаврин 2000: 38-40).

Но, во-первых, довольно странно, что свеоны Бертинских анналов, если в них видеть шведов, отличают себя, отмечал С.А. Гедеонов, тем названием, под которым они известны у «чуди», т.е. именуют себя перед императором «гребцами». Во-вторых, «этническое название свеоны”» (svioni, sueni), подчеркивал А.Г. Кузьмин, исторически не совпадало с названием «свевы» (будущие шведы, самоназвание svear), и свеонов отличали, например, Тацит, от свевов/свебов (и потому под свеонами понимать свевов – это тоже самое, что под немцами понимать ненцев, а под парижанами пражан). В-третьих, правомерно заострял внимание Кузьмин, Бертинские анналы не столько отождествляют росов и свеонов, сколько противопоставляют их: назвались росами, но оказались свеонами (Гедеонов 2004: 337-349; Кузьмин 1970: 40; 2003: 195; 2003а: 99-100; 2003б: 98, 271), так и Гришка Отрепьев назвался царевичем Дмитрием, однако им не был.

В целом же норманскую версию разбивает лишь только один факт из скандинавской истории: многочисленные саги из русских князей знают только Владимира Святославича и его сына Ярослава Мудрого. А тем самым они прямо указывают, что скандинавы стали появляться на Руси лишь с момента вокняжения Владимира в Киеве, которое произошло либо в 978, либо в 980 г., т.е. спустя почти 120 лет после призвания не имеющих к ним абсолютно никакого отношения варягов/варяжской руси, и только близко к тому времени они и услышали слово «Русь». О буквально единичном и редчайшем пребывании тогда скандинавов на территории Русского государства говорят их самые смутные представлении о нем, например, по сравнению с немцами. Так, если Титмар Мерзебургский в начале XI в. очень подробно информирует о столице Руси Киеве, а Адам Бременский, описывая в 70-х гг. того же столетия морской путь из южнобалтийского Волина в Новгород, сказал, что столица Руси – это «Киев, соперник Константинопольской державы» (Титмар Мерзебургский 2005: VIII, 32; Славянские хроники 2011: II, 22), то, согласно сагам, ее столицей является Новгород (Джаксон 2001: 37, 65, 83-84, 92).

Принципиально важен вместе с тем и тот факт, что саги не знают Олега, Игоря, Святослава, совершавших походы на Византию, в которых активнейшими участниками выступали варяги (в войске Олега их «мно-

жество») и русь («Игорь же совкупив вои многи, варяги, русь…»). Но такие события, потрясшие самую могущественную тогда Империю, будь варяги и русь норманнами, обязательно бы отразились в хвастливых сагах, часто повествующих о самых незначительных стычках конунгов. Наконец, названные памятники не знают Рюрика, и этот факт их полнейшего молчания о нем Г. Эверс в 1808 и 1814 гг. емко охарактеризовал как «убедительное молчание» (Лаврентьевская летопись 1897: 29, 31, 43-44; Ewers 1808: 179-184; Эверс 1825: 148-151).

Хотя они о Рюрике, будь этот родоначальник династии, стоявшей во главе мощной Руси с территорией более 1 млн. кв. км., скандинавом, обязательно бы сказали, как говорится ими о его младшем современнике, Ролло-Роллоне, в 911 г. основавшем микроскопическое, лишь через два века с лишним доросшее до площади около 30 тыс. кв. км., герцогство Нормандское. В сагах, отмечал С.А. Гедеонов, уделявших исключительное внимание генеалогиям своих конунгов и в самых мельчайших деталях их расписывавших, «не только нет намека на единоплеменность шведов с так называемою варяжскою русью, но и сами русские князья представляются не иначе как чужими, неизвестными династами», и в них не сказано, чтобы Владимир, знаменитый по всему Северу прославленный Гардский династ, «состоял в родстве с норманскими конунгами» (Гедеонов 2004: 82, 383-384, 440, прим. 235, 456, прим. 294).

Против норманской версии свидетельствует, о чем справедливо говорил тот же Гедеонов, ПВЛ, потому как сообщает, что по прибытию на Русь варяги основывают города, давая им славянские названия. Польский лингвист С. Роспонд в 1972 г. констатировал совершенное отсутствие среди названий русских городов IX-X вв., а это есть время самого пика деятельности варягов и руси среди восточных славян, «скандинавских названий» (Роспонд 1972: 21, 62). Так, с деятельностью Рюрика, Трувора и Синеуса летопись связывает основание Новгорода, Изборска и Белоозера. В 882 г. Олег, сев в Киеве, «нача городы ставити». Причем в войске князя первыми летописец называет варягов, его окружают варяжская дружина и варяжские «мужи», заключавшие русско-византийский договор 911 г.: «Карлы, Инегелд, Фарлоф, Веремуд, Рулав, Гуды, Руалд, Карн, Фрелав, Руар, Актеву, Труан, Лидул, Фост, Стемид» (Лаврентьевская летопись 1897: 22, 32; ПСРЛ. II: 16, 23).

Но при этом названия городов, «срубленных» Олегом с помощью варягов/руси, представители которой носили якобы норманские имена, не являются норманскими. А это заставляет напомнить вопрос, заданный норманистам в 1876 г. П. Бурачковым: «Если Олег начал ставить города и посадил в них варягов-князей… то почему самые города получили названия славянские, а пороги – норманские?» (Бурачков 1876: 259). И кардинально, конечно, иная картина наблюдается, например, в Восточной Англии, подвергшейся датской колонизации: там «выявлено огромное число топонимов скандинавского… происхождения», причем в восточном графстве Линкольншир «они превосходят число английских названий», а, судя лишь по «Книге Страшного суда» (кадастровая опись 1086 г.), «скандинавских названий только одной категории, а именно оканчивающихся на -ву, на пространстве между реками Тис на севере и Уэлленд на юге существовало более 500, т.е. по крайней мере 150 на 10 тыс. кв. м.». К тому же пребывание датчан отразилось в английском языке в виде многочисленных лексических заимствований – до 10% современного лексического фонда – и ряда морфологических инноваций, однако скандинавских примесей нет в русском языке (Ловмяньский 1985: 97-98, 101; Мельникова 1984: 66).

В ПВЛ имеется еще один принципиально важный «антинорманистский» аргумент: перечисляя богов пантеона Владимира 980 г., в котором присутствуют боги разных народов – славян, иранцев, угро-финнов (т.е. каждая этническая группа, входившая в состав русского общества той эпохи, могла молиться своим богам), она не называет среди них скандинавских Одина и Тора. Хотя их-то князь и должен был, если бы имел (как и его многочисленное окружение – бояре и дружинники) отношение к скандинавам, непременно не только ввести в пантеон, но и поставить на первое место. Тем более, что тогда скандинавы, по мнению норманистов, в социальных верхах численно преобладали. А ведь «обычно главные боги, – отмечал А.Г. Кузьмин, – это боги победителей, преобладающего в политическом или культурном отношении племени» (Кузьмин 1970: 53; 2003а: 103, 120-121; 2003б: 211, 213, 318, 339, 347).

В науке вместе с тем давно ведется речь о принципиальном различии в поведении скандинавских викингов и русских варягов. Так, И.Н. Сугорский в 1907 г. заострял внимание на том, что викинги «вбивают кровавый след» в жизнь Западной Европы, но «ничего подобного не было у нас». В 1913 г. В.А. Пархоменко резонно ставил вопрос, почему норманны везде в Западной Европе пираты, береговые разбойники, а на Руси – «вооруженные купцы, культурные государственники, творцы русской государственности?» «Норманны, – подчеркивал в 1986 г. А.Г. Кузьмин, – всюду оставили след, и след кровавый, разрушительный. Правильным будет сказать, что они нигде не играли созидательной роли» и этот вывод, «во всяком случае, должен учитываться нынешними приверженцами идеи “норманно-славянского синтеза”, пытающимися представить дело таким образом, будто известные всей Европе кровожадные разбойники сразу “размякли”, как только увидели созревших для получения государственности славян» (Сугорский 1907: 35-36; Пархоменко 1913: 26; Русская земля 1986. Кн. 2: 19).

Данное обстоятельство фиксируют и наши норманисты (но не придают ему, конечно, принципиального значения). В 1990 г. Е.А. Мельникова и В.Я. Петрухин, специально задавшись вопросом, каково было восприятие норманнов на Западе и варягов на Востоке, констатировали, что если для Запада «типичен образ викинга-грабителя», то «в образе варяга на Востоке отсутствуют основные стереотипные характеристики норманна-врага». В археологических материалах, добавляла затем Мельникова, «следы борьбы местного населения» с варягами практически не прослеживаются, они «скорее рисуют картину мирного существования» (Мельникова, Петрухин 1990: 55-57, 63; Мельнико-

ва 1995: 24; 2012: 24-29). А.Н. Кирпичников в 1998-2003 гг. проводил мысль, что первые норманны-правители принесли не потрясения, «а мир нескольким поколениям жителей Северной Руси», создали для нее, «едва ли не впервые, особо благоприятные условия» (Кирпичников, Сарабьянов 2003: 79; Кирпичников 1998: 52; 2003: 19). «Русь, – резюмировал в 2012 г. С.П. Карпов, – также входила в зону экспансии викингов. Но если в другие страны они шли с мечом, то на Русь они шли с договором». В 2012-2013 гг. С.П. Щавелев признал, что «варяги на востоке отличались от западных викингов. Предпочитали сотрудничество, а не агрессию» (Карпов 2012: 6; Щавелев 2012: 15; 2013: 89).

Точно так рассуждают и зарубежные норманисты. Датчанин А. Стендер-Петерсен утверждал в 1949-1953 гг., что на Западе викинги совершали бурные завоевательные набеги и нашествия на побережья многих стран и народов, в Восточной же Европе «их деятельность носила иной характер» – «норманны здесь не выступали в роли воинов и завоевателей, а преследовали мирные цели» (Stender-Retersen 1953: 246-248; Шаскольский 1965: 184-185). Норвежка А. Стальсберг говорила в 1985 г., что археологический материал на Руси не свидетельствует в пользу враждебности и антагонизма между местным населением и чужеземцами, а напротив, говорит об отсутствии отчуждения между ними (Стальсберг 1987: 77). Англичане С. Франклин и Д. Шепард отмечали в 1996 г., что «скандинавская русь» больше путешествовала с торговыми целями, чем воевала. В 2015 г. их соотечественник Д. Хейвуд указывал, что целью норманнов на Западе был грабеж, на Русь же они «шли ради торговли» (Франклин, Шепард 2000: 50; Хейвуд 2017: 267).

Но такого рода утверждения нисколько не вяжутся с кровавой историей норманских завоеваний на Западе, где норманны занимались лишь грабежом и насилием (и где их потому именовали «омерзительными варварами», «грабителями-головорезами», «убийцами», «мерзейшими из всех людей», «нечестивым народом», «грязной заразой», «дьявольским отродьем»: Зимек 2001: 14-16, 23-25; Симпсон 2005: 10-12, 16-17), захватывали земли, строили на них крепости и подчиняли себе окрестные территории, превращая его население в своих рабов. Варяги же не ставили крепости на землях славян и не порабощали их, а воздвигали крепости по пограничью и защищали Русь от внешнего врага. А в середине IX в., когда норманны наводили ужас на Западную Европу, заливая ее кровью, и не играли там созидательной роли, в Восточной Европе варяжская русь мирно включилась в идущий процесс создания Русского государства. И потому это принципиальное различие в поведенческом типе варягов (руси) и викингов, как показывает история, весьма устойчивом во времени, не позволяет их смешивать. Из чего непреложно следует, что первые не имели никакого отношения к скандинавскому миру.

* * *

Для подлинно научного решения этнической принадлежности варягов и руси, активных участников нашей ранней истории, необходимо наличие нескольких принципиально важных условий. Во-первых, «главным условием на право исследования вопроса о начале русского государства, – как справедливо было сказано в 1931 г. В.А. Мошиным в лучшем и по сей день историографическом обзоре варяго-русского вопроса, – должно быть знакомство со всем тем, что уже сделано в этой области» (Мошин 2010: 13-14). Но этому условию норманисты соответствуют далеко не в полной мере. Так, археологи В.Я. Петрухин, Д.А. Мачинский, Л.С. Клейн проводят стародавнюю мысль, что скандинавы переняли славянское язычество (Петрухин 1995: С. 107, 109-111, 141, 231-232; Древняя Русь 2000: 149, 252, 257-259, 261; 2003: 281, 403; 2013: 266-267, 366, 370; Мачинский 1997: 164; Клейн 2004: 42, 136, 142, 144, 146, 173-174; 2009: 172, 208). Однако «промена одного язычества на другое, – объяснял еще С.А. Гедеонов, – не знает никакая история» (Гедеонов 2004: 92), да и не мог, конечно, господствующий класс отказаться, что неоднократно отмечалось в литературе, от своей религии в пользу религии подчиненных.

В прошлом норманисты (шведы XVII-XVIII вв., А.Л. Шлецер, Н.М. Карамзин, А. Стендер-Петерсен и другие) дополнительно имя «Русь» связывали с названием шведской прибрежной полосы Рослаген. Первым эту идею опроверг Г. Эверс, который, указав на очень позднее его появление в источниках, заключил, что оно «потому ничего не может доставить для объяснения русского имени в IX столетии». В 1827-1839 гг. Г.А. Розенкампф, констатируя, что берега Упландии в старину именовались Seeland – поморская земля, отметил, что Rodslagen, т.е. корабельный стан, производно от rodhsi-гребцы, что буква d в его произношении «почти не слышна», а затем ее вовсе выпустили, поэтому это слово стало звучать как Roslagen.

Говоря далее, что Rodslagen-Roslagen не было принято «как географическое назначение самой области», что в Упландском своде законов 1296 г., в общем Земском уложении середины XIV в. и в уложении 1733 г. термин rodhsi употребляется в смысле профессии, ученый подытоживал: что слова Ruotsi и Рослаген «не доказывают ни происхождения, ни отечества руссов», что упландские гребцы-«ротси» не могли сообщить «свое имя России» и что Шлецер ошибался, принимая «название военного ремесла за имя народа».

В 1837 г. Н.А. Иванов подчеркивал, что «нынешний Рослаген не назывался так в древности», а именовался Роден, что буква с входит в название Род-лагена «только по грамматической форме германских языков для обозначения родительного падежа» и «что росс или русс не означает гребца по-шведски». В 1862 г. С.А. Гедеонов, верно заметив, что норманизм основан на мнении о скандинавском начале имени «Русь», доказал «случайное сходство между финским Ruotsi, шведским Рослагеном и славянским русь» (). И это было сделано им столь блестяще, что от связи Рослагена с Русью отреклись столпы норманизма той эпохи: немец А.А. Куник (норманская школа «обанкротилась» с Рослагеном, ибо «сопоставление слов Rôslag и Русь, Rôs является делом невозможным уже с лингвистической стороны»), рус-

ский М.П. Погодин («посредством финского названия для Швеции Руотси и шведского Рослагена объяснять имени русь нельзя») и датчанин В. Томсен («самое имя Roslagen появляется слишком поздно для того, чтобы быть принятым в соображение», да и нет «никакой прямой генетической связи между Рослагеном как географическим именем и Ruotsi или Русью»).

Сегодня норманисты, по причине острейшего дефицита аргументов, вновь название Рослаген ставят в непосредственную связь с именем «Русь»: археологи, филологи и историки В.Я. Петрухин, Е.А. Мельникова, В.Г. Вовина-Лебедева, А.Г. Бобров, А.М. Введенский, Л.В. Войтович, С.Л. Николаев, при этом игнорируя заключения не только Куника, Погодина, Томсена, но и вывод норманиста, немецкого лингвиста Г. Шрамма, признавшего в 2002 г., что «Ruotsi никогда не значило гребцов и людей из Рослагена, что так навязчиво пытаются доказать».

Будут они игнорировать и результаты исследования Л.П. Грот, показавшей в 2012 г., что прибрежная полоса Средней Швеции, первичное название которой было Roden (с 1296 г.), а Roslagen – вторичное (с 1493 г.), в IX-XII вв. находилась в процессе образования (шел подъем дна Балтийского моря): по расчетам шведских специалистов, «уровень моря в районе, где сейчас расположен Рослаген, в IX в. был минимум на 6-8 м выше нынешнего» (даже в XI-XII вв. «уровень моря был на 5 м выше, чем сейчас»). Следовательно, во времена варягов, от которых, согласно ПВЛ, «прозвася Руская земля», он находился под толщей воды. И лишь только к концу XIII в., как показывает королевский указ 1296 г., природные условия этой полосы «стали пригодны для проживания населения, количество которого стало интересно для включения Северного Рудена в систему административного деления Упланд» (см. об этом подробнее: Фомин 2013а: 265-283).

Л.С. Клейн, обращаясь к клятвам руси X в. на оружии, описанным в летописи, заключал, что «клятва на оружии – типично норманская». Но клятва на оружии не является, на чем заострял внимание, приводя тому примеры, С.А. Гедеонов, «типично норманской». Потому как, по справедливому замечанию от 1902 г. уже норманиста К.Ф. Тиандера, полемизирующего с датским норманистом С. Рожнецким, убеждавшим годом ранее именно в скандинавских корнях такой клятвы, «поклонение оружию, как мстителю за правоту и правду, могло водвориться везде на земном шаре, где царил воинский дух; оружием клянутся папуасы» (Гедеонов 2004: 79, 391, прим. 11; Тиандер 1902: 386; Клейн 2004: 141-142).

В историографии, включая современную, подчеркивается, что оружием клялись, помимо германцев, сибирские остяки, авары, болгары, чехи и что эта традиция отражена в нарто-осетинском и чечено-ингушском эпосах. Таким образом, «на основании этих аналогий, – указывал в 2001-2002 гг. А.А. Фетисов, – можно говорить о единообразии мифологических и этнокультурных форм, на основе которых складывается раннегосударственная политическая (потестарная) культура». В силу норманистских настроений ученый все же сказал по поводу клятвы на оружии, что она «может свидетельствовать о скандинавском влиянии на формирующуюся древнерусскую раннегосударственную политическую культуру». Но тогда скандинавское влияние следует распространить на все народы, клявшиеся оружием, не забыв при этом папуасов (Фетисов 2001: 113-119; 2002: 36-46; Стефанович 2006: 398-399).

В.Я. Петрухин настойчиво проводит мысль, что летописная традиция – аутентичная – возводит начало Руси к призванию норманских князей, что летописец пользовался преданием «о происхождении руси из Скандинавии» и знал, что само имя русь имеет скандинавское происхождение (и потому все поиски изначальной руси помимо Скандинавии, хотя там народа русь или рос не обнаружено, «могли осуществляться лишь при решительном абстрагировании от контекста летописи»). «В летописи, – вторит ему Л.С. Клейн – описано призвание варягов-норманнов как начало истории Древнерусского государства» (Петрухин, Раевский 1998: 237, 257; Петрухин 2000: 59, 84-87, 99-100; 2013: 190, 218; Клейн 2010: 136). Но в ПВЛ, что было доказано Гедеоновым, нет и намека на норманство варягов и руси. Именно по этой причине А.А. Куник в 1875 г. признал, что «одними ссылками на почтенного Нестора теперь ничего не поделаешь» и что «лучше всего, кажется, русскую летопись пока не принимать за исходную точку спора» (Куник 1875: 397, 399, 457).

Археологи Г.С. Лебедев, И.Л. Измайлов, В.Я. Петрухин и др. утверждают, что восточные источники (прежде всего Ибн Фадлан и Ибн Русте) под русью понимают именно скандинавов. По Петрухину, обычай умывания русов, зафиксированный Ибн Фадланом, есть скандинавский, ибо способ умывания «снизу», из таза, «несвойственен народам Восточной Европы, в том числе славянам – они использовали рукомойник; этот обычай присущ народам Европы Северной», что набизом, как «мы можем догадаться», «было любимое скандинавами пиво», что «ангел смерти» – это «воплощение смерти» великанша Хель скандинавской мифологии, что «нас не удивляет чрезмерный смех, которым сопровождал участник похорон завершение ритуала. Этот смех в эпоху викингов означал не только достижение умершим рая, но и презрение к смерти», что «не удивляет и пьянство на похоронах – мы помним, что еще германцы были невоздержанны в потреблении пива, и даже один из Инглингов погиб, упав в пивной чан», что в целом рассказ о похоронах руса есть рассказ о погребении норманна-викинга – «русского вождя» (Лебедев 1978: 22-24; Измайлов 1999: 98-100; Петрухин 2001: 133; 2001а: 79; 2003: 279-292, 295, 318, 380, 409).

Датчанин В. Томсен, используя любую возможность, чтобы выдать варягов и русь за скандинавов, все же вынужден был констатировать неконкретность восточных источников: «Однако, как бы ни были интересны эти различные повествования о руси, они проливают мало света на вопрос о национальности руси» (тогда как русский М.П. Погодин в 1846 г. был твердо уверен в том, что «арабские свидетельства о наших руссах совершенно согласны со скандинавскими»). По причине чего, резюмировал Томсен, «любая теория происхождения руси может находить себе кажущуюся опору в сочине-

ниях восточных писателей. При этих условиях следует пользоваться этими сочинениями с большою осторожностью». Коснувшись же рассказа Ибн Фадлана о погребении руса, он заключил: «Арабский писатель перемешал здесь черты норманского и славянского быта». Но в 1968 г. Н.Н. Велецкая детально продемонстрировала соответствие рассказа этого путешественника именно древнеславянской погребальной обрядности (Погодин 1846: 424; Томсен 1891: 34-35, 47; Велецкая 1968: 192-212).

Показательно, что даже в самых известных вопросах, связанных с историей разработки варяго-русского вопроса, археологи демонстрируют вопиющее незнание. Так, в 2009 г. Л.С. Клейн смерть М.В. Ломоносова, которая произошла в 1765 г., отнес к 1764 году. Тогда же его коллега В.В. Мурашева дискуссию по речи Г.Ф. Миллера, проходившую в 1749 1750 гг. и хорошо известную студентам-историкам по курсу «Историография истории России», датировала «второй половиной XVIII в.», близко к 1764 году. В 2011 г. другой археолог, А.С. Смирнов, вел речь о полемике «М.В. Ломоносова с Г.З. Байером и Г.Ф. Миллером» (Клейн 2009: 24; Мурашова 2009: 175; Смирнов 2011: 17-18), хотя Байер умер более чем за одиннадцать с половиной лет до ее начала, в феврале 1738 года. В связи с чем Ломоносов полемизировал лишь с Миллером, речь которого, не будучи оригинальной, была в основном построена на выводах как Байера, так и здравствующего тогда шведа О. Далина.

Второе условие, обязательное для решения варяго-русского вопроса – это осознание проблемы, четко сформулированной в 1922 г. В.А. Пархоменко: «Нужно пытаться искать разгадок древней Руси не только в судьбах городов – Киева и Новгорода – и не только в истории т.н. Рюрикова дома. До-киевская и вне-киевская Русь IX-XI вв. – вот, думается, главная тема для новых изысканий по древнерусской истории» (Пархоменко 1922: 476, 482).

Глубокое понимание этой проблемы блестяще продемонстрировал в советское и наше время А.Г. Кузьмин, показав, с привлечением самого широкого круга источников (в том числе ранее не задействованных), историческое бытие более десятка разных Русий: Прикарпатской, Приазовско-Черноморской (громко заявившей о себе в июне 860 г., осадив Константинополь, а затем крестившись), Подунайской (Ругия-Рутения-Руссия-Рутенская марка-Рутония-Ругиланд), несколько балтийских: о. Рюген (Русия, Ругия, Рутения, Руйяна), район устья Немана, побережье Рижского залива (устье Западной Двины) и западная часть Эстонии (Роталия-Руссия) с островами Эзель и Даго и др. И с ними в той или иной мере была связана наша Русь, и из пределов части их являлись к нам русь и варяги, ведя затем ожесточенную борьбу друг с другом за власть, приведшую к смерти, например, Аскольда, Дира, Олега Вещего, Олега Древлянского, Ярополка Святославича (см. напр.: Кузьмин 2003а: 69-113; 2003б: 187-356; Фомин 2006: 42-63).

В-третьих, как справедливо заострял внимание в 1808 и 1814 гг. Г. Эверс, «русское государство при Ильмене озере образовалось и словом и делом до Рюрикова единовластия, коим однако же Шлецер начинает русскую историю... Призванные князья пришли уже в государство, какую бы форму оно не имело». В 1886 г. и норманист М.Ф. Владимирский-Буданов заключил, что «князья-варяги застали везде готовый государственный строй» (Ewers 1808: 186; Эверс 1825: 84; Владимирский-Буданов 1907: 14). Действительно, приход в 862 г. варягов/варяжской руси не означал ни начало русской истории, ни начало русской государственности. Они органически включились и в историю восточных славян, и в уже идущий процесс создания у них государственности.

Письменная история застает восточных славян с четко действующей организацией управления, связанной с хозяйственно-экономическими задачами и выстроенной снизу вверх, путем делегирования, вплоть до высшей власти. Так выстраивалась земская власть или, иначе сказать, естественная государственность, которая была наиболее экономически целесообразной формой организации для восточных славян и при которой высший слой еще не отделился от низших звеньев. И вершиной земской власти явились племенные союзы IX в., которые отличались внушительными размерами, превышающими площадь большинства европейских стран. Однако эта естественная государственность не могла объединить восточнославянские земли, т.к. для этого не было экономических потребностей. Окончательно соединить восточных славян перед лицом нарастающей внешнеполитической угрозы смогла внешняя сила. И этой силой стали русы или «род русский», включавший в себя разные этнические группы руси, выходцев прежде всего из Поднепровья, Подонья, Прибалтики и Подунавья (Фомин 2008: 170-189).

Но перечисленные условия могут быть успешно реализованы лишь при выполнении первоочередного условия, лишающего археологов-норманистов права только себя считать носителями абсолютной истины в решении варяжского вопроса. В 1960-х гг. лидер советской археологии А.В. Арциховский заявил, что «варяжский вопрос чем дальше, тем больше становится предметом ведения археологии... Археологические материалы по этой теме уже многочисленны, и, что, самое главное, число их из года в год возрастает». Тогда как письменные источники для IX-X вв. «малочисленны, случайны и противоречивы». Эту глубоко ошибочную мысль, приведшую к почти полнейшему параличу действительно научной мысли, активно пропагандировали и смогли навязать науке младшие коллеги Арциховского – Г.Ф. Корзухина, Л.С. Клейн, Г.С. Лебедев, А.Н. Кирпичников и др. (Фомин 2021: 232-234).

Монополизировав право на истину в решении ключевого вопроса нашей истории и выступая от имени «академической науки», археологи с нескрываемым пристрастием «одушевляют» артефакты, большинство из которых не имеет отношения к норманнам, и создают (буквально заставляя филологов и историков делать тоже самое) ложную историю Руси, которую, обслуживая великодержавные замыслы своих политиков, начали проповедовать шведы XVII в. и с которой совершенно не согласуются показания абсолютно всех письменных источников. При этом они, более чем вольно рассуждая

по сугубо историческим проблемам, точно также действуют и в сугубо лингвистических вопросах. Например, согласно Клейну, слово «князь», которое «в древности звучало близко к “конинг”», производят «из скандинавского древнегерманского “конунг” (“король”)», согласно Петрухину, слово «витязь» производно из скандинавского «викинг» (Клейн 2009: 77; Петрухин 2008: 44; 2009: 130; 2011: 70, 235; 2012: 29; 2013: 203).

Но эти слова распространены, помимо русского, в языках многих славян, включая тех, кто вообще не сталкивался со скандинавами: «князь» – в болгарском, сербском, хорватском, чешском, словенском, словацком, польском, верхнелужицком, нижнелужицком, полабском языках; «витязь» – в болгарском, сербском, хорватском, чешском, словацком, словенском, чешском, польском, верхнелужицком языках (Фасмер I: 322-323; II: 266). Со временем сами норманисты убедились, отмечал в 1965 г. лингвист С. Роспонд, «что слишком неосторожно относили к заимствованиям многие общеславянские слова», например, витязь от викинг (Роспонд 1965: 6). Цену лингвистике, которой прикрывают свои норманистские измышления названные археологи, точно выразил в 1767 г. Ф.А. Эмин, заметив, что сходство слов «Knecht» (холоп) и «князь», на котором настаивал А.Л. Шлецер, равно тому, если немецкое «König», «у вестфальцев произносимое конюнг», сопоставить с русским «конюх» (Эмин 1767: 36-37).

Монополизировав право на решение чисто исторического вопроса, археологи не являются, хотя и закончили исторические факультеты, историками в классическом понимании. И прежде всего потому, что их учат работать с материальными останками прошлого (вещеведению, причем, в нашем случае, крайне тенденциозному), но не учат работать со сложнейшими и весьма противоречивыми письменными памятниками. Хотя последние, объяснял археологам в 1962 г. английский историк П. Сойер, «требуют такого же специального изучения, как и их собственный материал. Непонимание природы исторического источника может иметь самые серьезные последствия». И советский археолог Д.А. Авдусин объяснял с 1967 г. не одному поколению студентов, изучающих археологию, что «методы анализа вещественных источников существенно отличаются от методов исследования письменных документов» (Сойер 2002: 16-17, 24; Авдусин 1967: 10).

Само же непонимание археологами природы разновременных, разнохарактерных и разноязычных письменных источников ведет к тому, что их они используют – и прежде всего ПВЛ – лишь в качестве иллюстрации (словно это фотография норчепингского памятника «первым русским князьям-скандинавам» Рюрику, Олегу, Игорю, установленного в 1960-х гг. не без влияния советских археологов-«антинорманистов») к уже существующим в их головах схемам и выводам, которые в 1874 г. В.О. Ключевский назвал «фантазиями археологов». На те же фантазии указывали позже и другие историки, также сторонники норманской версии. В 1916 г. И.Н. Бороздин, заостряя внимание на излишнем увлечении скандинавизмом шведа Т.Ю. Арне, констатировал, что, «усиленно подчеркивая скандинавское влияние, он умаляет финский и, особенно, славянский элемент». В 1938 г. С.В. Бахрушин отметил, что в трактовке археологического материала «возможна очень большая субъективность» и что Арне построил на них «в высшей степени тенденциозный вывод о сильном проникновении скандинавского элемента в Восточную Европу, вывод, который противоречит всем объективным данным» (Ключевский 1968: 257; Бороздин 1916: 277-283; Бахрушин 1938: 89).

В прошлом раздавались протесты против абсолютизации археологического материала в изучении истории Руси. В 1957 г. польский историк Х. Ловмяньский, указывая, что данный материал не дает «достаточного основания для всесторонней характеристики социально-экономического развития» и еще меньше пригоден «для исследования политической истории формирования» Русского государства, заключил: этой цели прежде всего служат письменные источники (в первую очередь русские летописи), поэтому их анализ и интерпретация являются существенным условием решения варяго-русского вопроса. Спустя пять лет англичанин П. Сойер предостерегал специалистов от абсолютизации в изучении эпохи викингов какого-то только одного вида источников: они, независимо от узости своей непосредственной задачи, «обязаны использовать весь спектр свидетельств, важно глубокое понимание общего характера всего имеющегося материала в целом». В противном случае их результат не может «претендовать на объективность».

Затем предостерегая конкретно историков от безоглядного доверия выводам археологов, ученый сказал: «…Важно всегда помнить о том», что археология «оперирует гипотезами… Историк эпохи викингов должен остерегаться принятия на веру бездоказательных, а иногда и безосновательных домыслов и использования их таким образом, как будто они являются непреложным фактом, не вызывающим сомнения». Вместе с тем он назвал еще один существенный момент, также плодящий многочисленные ошибки и мифы, что «историки не всегда осознают, насколько велика может быть погрешность датировки в археологии», ибо «невозможно установить точную историческую дату материальных находок, объектов и даже стилей и технических приемов, а значит установить прочную связь между археологическими открытиями и историческими событиями очень трудно».

Ныне из рядов норманистов иногда слышатся трезвые голоса. В 2010 г. историк С.В. Соколов все же заметил Л.С. Клейну в своей хвалебной рецензии на его монографию «Спор о варягах. История противостояния и аргументы сторон», что «археология не дает окончательного решения, так как вопросы, связанные с тождеством варягов и скандинавов, а также с происхождением термина “русь” решаются все же историками и филологами. Археологические же материалы привлекаются, скорее, как обоснование возможности подобного отождествления и реальности присутствия скандинавов в Восточной Европе в IX-X вв.» (Ловмяньский 1985: 38-56, 68-70; Сойер 2002: 16-18, 94-100; Соколов 2010: 107).

Из сказанного вытекает последнее условие, обеспечивающее именно научное решение варяго-русского вопроса, – это комплексный и междисциплинарный подходы, привлечение всех имеющихся источников – исторических (отечественных и зарубежных), археологических, антропологических, нумизматических, лингвистических, данных ДНК-генеалогии. Но при этом приоритетное значение принадлежит письменным памятникам, потенциал которых (в первую очередь ПВЛ) неисчерпаем и круг которых лишь по истории Руси IX в., указал в 2012 г. норманист А.В. Назаренко, «довольно обширен, более того – он продолжает пополняться». Исключительно важную информацию дают, начиная с I в. н.э., «Сведения иностранных источников о руси и ругах», опубликованные в 1986 г. антинорманистом А.Г.Кузьминым (Русская земля 1986. Кн. 1: 664-682; Назаренко 2012: 13), но абсолютно игнорируемые норманистами.

Перечисленные источники вкупе и в полнейшем согласии с друг другом демонстрируют научную несостоятельность норманской версии и связывают варягов (русь), прибывших, по ПВЛ, в 862 г. с Рюриком в пределы Восточной Европы, с балтийскими Русиями. Так, согласно материалам ДНК-генеалогии, подытоживает А.А. Клёсов, среди современных русских, украинцев и белорусов нет потомков скандинавов, на что указывает отсутствие на Русской равнине характерной скандинавской «метки» – необратимой мутации R1a-Z284, которая обильно встречается в Швеции, Дании, Норвегии и на Британских островах. Вместе с тем ученый отмечает еще один столь же принципиальный факт, что Рюриковичи – Оболенские, Волконские, Барятинские, Шуйские, Шаховские, Гагарины и др. – не имеют к скандинавам никакого отношения: они «либо носители гаплогруппы R1a, славяне, либо носители южнобалтийской, славянской ветви гаплогруппы N1a1» (Клёсов 2013: 368-369; 2018: 302-305), а о славянском языке варягов и руси информируют и славянские, о чем речь шла выше, названия городов, «срубленных» варягами Рюрика и Олега.

О давних и теснейших связях Южной Балтики с Северо-Западной Русью свидетельствует массовый археологический материал. Особенно в этом плане показательны данные нумизматики, которая, по точной оценке С.А. Гедеонова, действует «с математической определенностью» (Гедеонов 2004: 93). «Древнейшие клады арабских монет в Западной Европе, – как особо подчеркивал ведущий наш археолог и историк В.Л. Янин, – пересекшие территорию русского Северо-Запада, и зарытые там на рубеже VIII-IX вв. и в первой четверти IX в., концентрируются не на Готланде и в материковой Швеции, а на южном – славянском – побережье Балтики» (Янин 2007: 207).

Известный американский ученый и норманист Т.С. Нунан в 1986 г. установил, что «русские отношения с Южной Прибалтикой были даже несколько более активными или интенсивными, чем отношения со Скандинавией», что «все увеличивается число данных, которые говорят о том, что нескандинавы могли также играть важную роль в распространении исламского серебра по Прибалтике, и что эти нескандинавы создали основные рынки в славянских и поморских землях Южной Прибалтики. По-видимому, этими нескандинавами могли быть и прибалтийские славяне» (Нунан 2001: 28-33, 45-56). Без всякого, как показывает истинная лингвистика, «по-видимому». В 1912 г. С.Н. Сыромятников, исходя из того, что славянское слово «torg» распространилось по всему скандинавскому северу, до Дании и Норвегии, абсолютно правомерно заключил: «Мы должны признать, что люди, приходившие торговать в скандинавские страны и приносившие с собою арабские монеты, были славянами» (Сыромятников 1912: 133).

В 2002-2003 гг. археолог В.В. Седов пришел к выводу, что «анализ граффити на арабских монетах свидетельствует о весьма скромной роли норманнов в экономике Восточной Европы в IX в. Рунические надписи обнаружены только на двух монетах Петергофского клада 805 г., найденного на южном побережье Финского залива, и на одном из дирхемов Тимеревского клада 869 г., где имеется знак в форме ладьи, который может иметь скандинавское начало. На монетах других восточноевропейских кладов, зарытых в этом столетии, выявлены исключительно надписи и отдельные буквы, а также символические, находящие параллели на Востоке, в Византии или тюркском мире… Очевидно, на Восточно-Европейской равнине до последних десятилетий IX в. хозяйничали арабские, русские, славянские и еврейские купцы» (Седов 2002: 34; 2003: 7-8).

В 1992-2007 гг. В.Л. Янин не раз говорил, что «поиски аналогов особенностям древнего новгородского диалекта привели к пониманию того, что импульс передвижения основной массы славян на земли русского Северо-Запада исходил с южного побережья Балтики, откуда славяне были потеснены немецкой экспансией» и что эти наблюдения «совпали с выводами, полученными разными исследователями на материале курганных древностей, антропологии, истории древнерусских денежно-весовых систем и т.д.» (Янин 1992: 55-56; 2000: 922-923; 2003: 80; 2007: 207). В конечном итоге наш выдающийся исследователь, хотя и был норманистом, резюмировал в 2007 г., что «наши пращуры», призвали Рюрика из пределов Южной Балтики, «откуда многие из них и сами были родом. Можно сказать, они обратились за помощью к дальним родственникам» (Итоги. 2007. № 38 (588). С. 24; Русский Newsweek. 2007. № 52-2008. № 2 (176). С. 58).

А это и есть та истина, которая вытекает из анализа русской ПВЛ и которая присутствует как в еврейском хронографе «Книга Иосиппон» (середина X в.), помещающем русов рядом с саксами и англами-датчанами «на великом море» (в перечне «Афетова колена» нашей летописи русь также соседствует с англами), так и в заметках посетившего в 960-х – 980-х гг. германские и славянские земли испанского иудея Ибрахима ибн Йа'куба, что на прусов производят «набеги русы на кораблях с запада». При этом чуть ранее он говорит, что с польским князем Мешко на севере соседят прусы, а на востоке русы, т.е. автор не смешивает русов о. Рюгена-Русии, нападавших на кораблях с запада на прусов, с жителями Киевской Руси (Лаврентьевская летопись 1897: 4; ДРЗИ III: 79, 171). Ту же истину произносит араб Ад-Димаш-

ки (1256-1327): варяги, живущие на «море Варенгском» (Варяжском), «суть славяне славян (т.е. знаменитейшие из славян)» (Венелин 1871: 10), и ее же впервые в Западной Европе печатно озвучили в 1544 и 1549 гг. независимо друг от друга немцы С. Мюнстер и С. Герберштейн.

Согласно Мюнстеру, Рюрик, приглашенный на княжение на Русь, был из народа, как он специально отмечает устойчивое двойное наименование этого народа, «вагров» или «варягов». Согласно Герберштейну, в качестве посла Священной Римской империи германской нации посещавшему Россию в 1517 и 1526 гг. и специально интересовавшемуся варягами, их родиной была Вагрия (так именовался северо-восточный угол современного Шлезвиг-Гольштейна ФРГ, который венчает остров Фембре и который был завоеван немцами во второй половине XII в., в XII-XIII вв. данную область нередко именуют в документах «Руссией») и что они «не только отличались могуществом, но и имели общие с русскими язык, обычаи и веру, то, по моему мнению, русским естественно было призвать себе государями вагров, иначе говоря, варягов (т.е. он также, как и Мюнстер, констатирует два имени одного и того же народа. – В.Ф.), а не уступать власть чужеземцам, отличавшимся от них и верой, и обычаями, и языком» (Münster 1628: 1420; Герберштейн 1988: 60; Хрестоматия 2004: 141).

И эту историческую истину, выводящую варягов и русь из пределов славянской Южной Балтики и подтверждаемую русской, иудейской, арабской и западноевропейской традициями, перечеркнул шведский взгляд на русскую историю. Этот взгляд, абсолютно не имея опоры прежде всего в письменных источниках, ибо есть историческая фальшивка, аналогичная «Завещанию Петра Великого», сфабрикованному французами в XVIII в.) и продолжая отравлять наше самосознание и захламлять нашу историю викингами, есть пережиток/предрассудок прошлого (он ко всему еще весьма «омолаживает» историю Руси, увязывая начало ее городов, имеющих славянские названия, с предметами скандинавского или предположительно скандинавского происхождения, как это, например, произошло с Белоозером, который был основан братом Рюрика Синеусом и у которого официально отняли, по настоянию археологов, 100 лет (Фомин 2021б).

В настоящем же, чтобы не остаться без будущего, надлежит руководствоваться исторической истиной, а не подделкой под нее, даже если она исходит от имени «академической науки». Свое выступление против «мнимонорманского происхождения Руси» С.А. Гедеонов объяснил просто и ясно: «Полуторастолетний опыт доказал, что при догмате скандинавского начала Русского государства научная разработка древнейшей истории Руси немыслима». Говоря об искусственности и бессилии норманизма, «основанного не на фактах, а на подобозвучиях и недоразумениях», он уточнил: русская история «одинаково невозможна и при умеренной и при неумеренной системе норманского происхождения Руси» (Гедеонов 2004: 56-59).

Прошедшие с той поры полтора столетия не только полностью подтврдили вывод Гедеонова, но еще больше его актуализировали.

ЛИТЕРАТУРА

Авдусин 1949 - Авдусин Д.А. Варяжский вопрос по археологическим данным // Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР. Вып. 30. М.; Л., 1949.

Авдусин 1967 - Авдусин Д.А. Археология СССР. М., 1967.

Алексеева 1973 - Алексеева Т.И. Этногенез восточных славян по данным антропологии. М., 1973.

Алексеева 1974 - Алексеева Т.И. Антропологическая дифференциация славян и германцев в эпоху средневековья и отдельные вопросы этнической истории Восточной Европы // Расогенетические процессы в этнической истории. М., 1974.

Алексеева 1974а - Алексеева Т.И. Славяне и германцы в свете антропологических данных // Вопросы истории. 1974. № 3.

Андрощук 2004 - Андрощук Ф.А. Скандинавские древности в социальной топографии древнего Киева // Ruthenica. 2004. № 9.

Андрощук, Зоценко 2012 - Андрощук Ф.А., Зоценко В.Н. Скандинавские древности Южной Руси. Каталог. Paris, 2012.

Байер 2006 - Байер Г.З. О варягах // Фомин В.В. Ломоносов: Гений русской истории. М., 2006.

Бахрушин 1938 - Бахрушин С.В. Держава Рюриковичей // Вестник древней истории. 1938. № 2 (3).

Беззаконов, Жих 2021 - Беззаконов С.Н., Жих М.И. Хакан народа рос // Исторический формат. 2021. № 3.

Бестужев-Рюмин 1997 - Бестужев-Рюмин К.Н. Биографии и характеристики (летописцы России). М., 1997.

Бильдт 1998 - Бильдт К. Швеция и Россия в веках истории. Конфронтация или культурное взаимообогащение? // Викинги и славяне. Ученые, политики, дипломаты о русско-скандинавских отношениях. СПб., 1998.

Бороздин 1916 - Бороздин И.Н. Из области русско-скандинавских отношений // Сборник статей в честь графини П.С. Уваровой. М., 1916.

Брайчевский 1985 - Брайчевский М.Ю. «Русские» названия порогов у Константина Багрянородного // Земли Южной Руси в IX-XIV вв. История и археология. Киев, 1985.

Браун 1892 - Браун Ф.А. Варяжский вопрос // Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А. Энциклопедический словарь. Т. Va. СПб., 1892.

Браун 1892а - Браун Ф.А. Гипотеза профессора Будиловича о готском происхождении названия «Русь» // Записки неофилологического общества. Вып. II. № 1. СПб., 1892.

Браун 1899 - Браун Ф.А. Разыскания в области гото-славянских отношений. СПб., 1899.

Браун 1899а - Браун Ф.А. Русь (происхождение имени) // Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А. Энциклопедический словарь. Т. XXVII. СПб., 1899.

Булкин, Дубов, Лебедев 1978 - Булкин В.А., Дубов И.В., Лебедев Г.С. Археологические памятники Древней Руси IX-XI веков. Л., 1978.

Бурачков 1876 - Бурачков П. Греко-скифский мир на берегах Понта // Журнал Министерства народного просвещения. Ч. 188. СПб., 1876.

Велецкая 1968 - Велецкая Н.Н. О некоторых ритуальных явлениях языческой погребальной обрядности (к анализу сообщения Ибн-Фадлана о похоронах «русса») // История, культура, фольклор и этнография славянских народов. М., 1968.

Венелин 1871 - Венелин Ю.И. Известия о варягах арабских писателей и злоупотребление в истолковании оных // Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете. Кн. 4. М., 1871.

Венелин 2015 - Венелин Ю.И. Скандинавомания и ее поклонники, или столетние изыскания о варягах. Историко-критическое рассуждение // Скандинавомания и ее небылицы о русской истории. М., 2015.

Вернадский 1996 - Вернадский Г.В. Древняя Русь. Тверь; М., 1996.

Вернадский 2000 - Вернадский Г.В. Киевская Русь. Тверь; М., 2000.

Видаль-Накэ 2001 - Видаль-Накэ П. Черный охотник. Формы мышления и формы общества в греческом мире. М., 2001.

Викинг 2014 - Викинг Вальдемар в Крыму. 2014 / Электронный ресурс: http://pereformat.ru/2014/12/viking-valdemar/ (дата обращения - 26.01.2021).

Владимирский-Буданов 1907 - Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права. Издание пятое. СПб.; Киев, 1907.

Вовина-Лебедева 2011 - Вовина-Лебедева В.Г. История Древней Руси: учебник для студентов учреждений высшего профессионального образования. М., 2011.

Вольтер 1999 - Вольтер. История Карла XII, короля Швеции, и Петра Великого, императора России. СПб., 1999.

Гегель 1935 - Гегель Г.В.Ф. Сочинения. Т. VIII. М.; Л., 1935.

Гедеонов 2004 - Гедеонов С.А. Варяги и Русь. В двух частях / Автор предисловия, комментариев, биографического очерка В.В. Фомин. М., 2004.

Герберштейн 1988 - Герберштейн С. Записки о Московии. М., 1988.

Голлман 1819 - Голлман Г.Ф. Рустрингия, первоначальное отечество первого российского великого князя Рюрика и братьев его. М., 1819.

Грот 2010 - Грот Л.П. Путь норманизма: от фантазии к утопии // Варяго-русский вопрос в историографии. М., 2010.

Грот 2012 - Грот Л.П. Смутное время и мутная история первого нормaниста // Русское поле. Научно-публицистический альманах. Стокгольм; Красноярск, 2012. № 2.

Грот 2012а - Грот Л.П. Шведские ученые как наставники востоковеда Г.З. Байера в изучении древнерусской истории // Вестник Липецкого государственного педагогического университета. Серия: Гуманитарные науки. 2012. Вып. 1 (6).

Гурвич 1949 - Гурвич Д. М.В. Ломоносов и русская историческая наука // Вопросы истории. 1949. № 11.

Далин 1805 - Далин О. История шведского государства. Ч. 1-2. СПб., 1805.

Дернович 2006 - Дернович С.Д. Скандинавские древности эпохи викингов в Беларуси. Минск, 2006.

Джаксон 2001 - Джаксон Т.Н. AUSTR Í GÖRÐUM: Древнерусские топонимы в древнескандинавских источниках. М., 2001.

Джонс 2003 - Джонс Г. Викинги. Потомки Одина и Тора. М., 2003.

Добровольский, Дубов, Кузьменко 1991 - Добровольский И.Г., Дубов И.В., Кузьменко Ю.К. Граффити на восточных монетах: Древняя Русь и сопредельные страны. Л., 1991.

Древняя Русь 2014 - Древняя Русь в средневековом мире: энциклопедия / Под общей редакцией Е.А. Мельниковой, В.Я. Петрухина. М., 2014.

ДРЗИ. II - Древняя Русь в свете зарубежных источников. Хрестоматия. Т. II. Византийские источники / Составитель М.В. Бибиков. М., 2010.

ДРЗИ. III - Древняя Русь в свете зарубежных источников. Хрестоматия. Т. III. Восточные источники / Составители Т.М. Калинина, И.Г. Коновалова, В.Я. Петрухин. М., 2009.

ДРЗИ. IV - Древняя Русь в свете зарубежных источников. Хрестоматия. Т. IV. Западноевропейские источники / Составление, перевод и комментарии А.В. Назаренко. М., 2010.

Еремеев 2012 - Еремеев И.И. Полоцкая земля // Русь в IX-X веках: археологическая панорама / Отв. ред. Н.А. Макаров. М.; Вологда, 2012.

Еремеев, Янссон, Сёдерберг 2010 - Еремеев И.И., Янссон И., Сёдерберг С. Курган в Вибю (Упланд) и проблема происхождения больших «дружинных курганов Древней Руси // Диалог культур и народов средневековой Европы: К 60-летию со дня рождения Е.Н. Носова. СПб., 2010.

Жарнов 1991 - Жарнов Ю.Э. Женские скандинавские погребения в Гнездове // Смоленск и Гнездово (к истории древнерусского города) / Под редакцией Д.А. Авдусина. М., 1991.

Жих 2018 - Жих М.И. Работы Дмитрия Тарасовича Березовца и проблема локализации Русского каганата // Исторический формат. 2018. № 3-4.

Забелин 1876 - Забелин И.Е. История русской жизни с древнейших времен. Ч. 1. М., 1876.

Забелин 1879 - Забелин И.Е. История русской жизни с древнейших времен. Ч. 2. М., 1879.

Завитневич 1892 - Завитневич В.З. Происхождение и первоначальная история имени Русь // Труды Киевской духовной академии. Киев, 1892. № 12.

Захаров 1999 - Захаров В.А. Где находился город «Росия»? // Сборник Русского исторического общества. Т. 1 (149). М., 1999.

Зимек 2001 - Зимек Р. Викинги: миф и эпоха. Средневековая концепция эпохи викингов // Древнейшие государства Восточной Европы. Материалы и исследования. 1999. М., 2001.

Измайлов 1999 - Измайлов И.Л. «Русы» в Среднем Поволжье (этапы болгаро-скандинавских этно-социальных контактов и их влияние на становление городов и государств) // Международные связи, торговые пути и города Среднего Поволжья IX-XII веков. Материалы Международного симпозиума. Казань, 1999.

Ильина 2010 - Ильина Н.Н. Изгнание норманнов. Очередная задача русской исторической науки // Изгнание норманнов из русской истории. М., 2010.

Иордан 1997 - Иордан. О происхождении и деяниях гетов (Getica). СПб., 1997.

История Швеции 1974 - История Швеции. М., 1974.

Кан 1999 - Кан А.С. Швеция и Россия в прошлом и настоящем. М., 1999.

Карамзин 1989 - Карамзин Н.М. История государства Российского. Т. I. М., 1989.

Карамзин 1991 - Карамзин Н.М. История государства Российского. Т. II-III. М., 1991.

Каратеев 2003 - Каратеев М.Д. Норманская болезнь в русской истории // Сборник Русского исторического общества. Т. 8 (156). Антинорманизм. М., 2003.

Карпов 2012 - Карпов С.П. О варягах, юбилеях и нашем образовании… // Родина. 2012. № 9.

Кирпичников 1998 - Кирпичников А.Н. Сказание о призвании варягов. Легенды и действительность // Викинги и славяне. Ученые, политики, дипломаты о русско-скандинавских отношениях. СПб., 1998.

Кирпичников 2002 - Кирпичников А.Н. Великий Волжский путь // Родина. 2002. № 11-12.

Кирпичников 2003 - Кирпичников А.Н. Новые историко-археологические исследования Старой Ладоги // Ладога и истоки российской государственности и культуры. СПб., 2003.

Кирпичников 2010 - Кирпичников А.Н. Творческий путь Евгения Николаевича Носова. К 60-летию со дня рождения // Диалог культур и народов средневековой Европы: К 60-летию со дня рождения Е.Н. Носова. СПб., 2010.

Кирпичников и др. 1978 - Кирпичников А.Н., Лебедев Г.С., Булкин В.А., Дубов И.В., Назаренко В.А. Русско-скандинавские связи в эпоху образования Древнерусского государства (IX-XI вв.) // Scando-Slavica. T. 24. Copenhagen, 1978.

Кирпичников и др. 1980 - Кирпичников А.Н., Лебедев Г.С., Булкин В.А., Дубов И.В., Назаренко В.А. Русско-скандинавские связи эпохи образования Киевского государства на современном этапе археологического изучения // Краткие сообщения Института археологии АН СССР. Вып. 160. М., 1980.

Кирпичников и др. 1986 - Кирпичников А.Н., Дубов И.В., Лебедев Г.С. Кирпичников А.Н., Дубов И.В., Лебедев Г.С. Русь и варяги (русско-скандинавские отношения домонгольского времени) // Славяне и скандинавы: Перевод с немецкого / Общая редакция Е.А. Мельниковой. М., 1986.

Кирпичников, Сакса 2002 - Кирпичников А.Н., Сакса А.И. Финское население в составе северорусских средневековых городов // Старая Ладога и проблемы археологии Северной Руси. Сборник статей памяти О.И. Давидан. СПб., 2002.

Кирпичников, Сарабьянов 2003 - Кирпичников А.Н., Сарабьянов В.Д. Старая Ладога. Древняя столица Руси. СПб., 2003.

Клейн 2004 - Клейн Л.С. Воскрешение Перуна. К реконструкции восточнославянского язычества. СПб., 2004.

Клейн 2009 - Клейн Л.С. Спор о варягах. История противостояния и аргументы сторон. СПб., 2009.

Клейн 2010 - Клейн Л.С. Трудно быть Клейном: Автобиография в монологах и диалогах. СПб., 2010.

Клейн, Лебедев, Назаренко 1970 - Клейн Л.С., Лебедев Г.С., Назаренко В.А. Норманские древности Киевской Руси на современном этапе археологического изучения // Исторические связи Скандинавии и России IX-XX вв. Л., 1970.

Клёсов 2013 - Клёсов А.А. Происхождение славян. ДНК-генеалогия против «норманской теории». М., 2013.

Клёсов 2018 - Клёсов А.А. Практическая ДНК-генеалогия для всех. М., 2018.

Ключевский 1959 - Ключевский В.О. Лекции по русской историографии // Ключевский В.О. Сочинения в восьми томах. Т. VIII. М., 1959.

Ключевский 1968 - Ключевский В.О. Письма. Дневники. Афоризмы и мысли об истории. М., 1968.

Коваленко, Моця 2006 - Коваленко В.П., Моця А.П. Викинг из Шестовиц // Родина. 2006. № 10.

Комар 2012 - Комар А.В. Чернигов и Нижнее Подесенье // Русь в IX-X веках: археологическая панорама / Отв. ред. Н.А. Макаров. М.; Вологда, 2012.

Комар, Хамайко 2014 - Комар А.В., Хамайко Н.В. Рецензия на книгу: Андрощук Ф.А., Зоценко В.Н. Скандинавские древности Южной Руси. Paris, 2012 // Археологія і давня історія України. 2014. № 1 (12).

Кондрашов 2017 - Кондрашов А. Перуна на вас нет! 2017 / Электронный ресурс: https://lgz.ru/article/-1-2-6582-18-01-2017/peruna-na-vas-net/ (дата обращения - 25.01.2021).

Коновалова 2001 - Коновалова И.Г. Город Россия/Русийа в XII в. // Византийские очерки. Труды российских ученых к XX Международному конгрессу византинистов. СПб., 2001.

Константин Багрянородный 1989 - Константин Багрянородный. Об управлении империей. Текст, перевод, комментарий / Под редакцией Г.Г. Литаврина, А.П. Новосельцева. М., 1989.

Корзухина 1965 - Корзухина Г.Ф. Этнический состав населения древнейшей Ладоги // Тезисы докладов Второй научной конференции по истории, экономике, языку и литературе скандинавских стран и Финляндии. М., 1965.

Корзухина 1966 - Корзухина Г.Ф. Ладожский топорик // Культура Древней Руси. М., 1966.

Котляр 2007 - Котляр Н.Ф. В тоске по утраченному времени // Средневековая Русь. Вып. 7. М., 2007.

Котляров 1989 - Котляров А.Н. Развитие взглядов Г.-Ф. Миллера по «варяжскому вопросу» // Проблемы истории дореволюционной Сибири. Томск, 1989.

Котляров 1992 - Котляров А.Н. К происхождению и сущности «крайнего» норманизма (теория шведского историка середины XVIII в. О. Далина) // Методологические и историографические вопросы исторической науки. Вып. 20. Томск, 1992.

Кузьмин 1970 - Кузьмин А.Г. «Варяги» и «Русь» на Балтийском море // Вопросы истории. 1970. № 10.

Кузьмин 2003 - Кузьмин А.Г. Два вида русов в юго-восточной Прибалтике // Сборник Русского исторического общества. Т. 8 (156). Антинорманизм. М., 2003.

Кузьмин 2003а - Кузьмин А.Г. История России с древнейших времен до 1618 г. Кн. 1. М., 2003.

Кузьмин 2003б - Кузьмин А.Г. Начало Руси. Тайны рождения русского народа. М., 2003.

Куник 1875 - Куник А.А. Дополнения // Дорн Б.А. Каспий. СПб., 1875.

Куник 1878 - Куник А.А. Замечания по поводу критики Ф.Я. Фортинского. СПб., 1878.

Куник 1903 - Куник А.А. Известия ал-Бекри и других авторов о руси и славянах. Ч. 2. СПб., 1903.

Лаврентьевская летопись 1897 - Летопись по Лаврентьевскому списку. Издание третье. СПб., 1897.

Ламбин 1874 - Ламбин Н.П. Источник летописного сказания о происхождении Руси // Журнал Министерства народного просвещения. Ч. CLXXIII. № 6. СПб., 1874.

Лебедев 1978 - Лебедев Г.С. Этнографические сведения арабских авторов о славянах и русах // Из истории феодальной России. Л., 1978.

Лебедев 1994 - Лебедев Г.С. «Год Александра Невского» в Ленинграде – пролог возрождения Санкт-Петербурга // Древний Псков. Исследования средневекового города. Материалы конференции. СПб., 1994.

Лебедев 1999 - Лебедев Г.С. Varangica проблемного семинара Л.С. Клейна // Stratum plus. 1999. № 5.

Лебедев 2002 - Лебедев Г.С. От редактора // Археология и не только. СПб., 2002.

Лебедев, Жвиташвили 2000 - Лебедев Г.С., Жвиташвили Ю.Б. Дракон «Нево» на Пути из Варяг в Греки: Археолого-навигационные исследования древних водных коммуникаций между Балтикой и Средиземноморьем. Издание второе. СПб., 2000.

Лев Диакон 1988 - Лев Диакон. История / Перевод М.М. Копыленко, статья М.Я. Сюзюмова, комментарий М.Я. Сюзюмова, С.А. Иванова. М., 1988.

Литаврин 2000 - Литаврин Г.Г. Византия, Болгария, Древняя Русь (IX – начало XII в.). СПб., 2000.

Лихачев 1992 - Лихачев Д.С. Россия никогда не была Востоком // Литературная газета. 1992. № 6 (5383).

Лихачев 1994 - Лихачев Д.С. Нельзя уйти от самих себя… Историческое самосознание и культура России // Новый мир. 1994. № 6.

Лихачев 2001 - Лихачев Д.С. Россия никогда не была Востоком (Об исторических закономерностях и национальном своеобразии: Евразия или Скандославия?) // Лихачев Д.С. Раздумья о России. СПб., 2001.

Ловмяньский 1985 - Ловмяньский Х. Русь и норманны. М., 1985.

Ломоносов 1955 - Ломоносов М.В. Полное собрание сочинений. Т. 9. М.; Л., 1955.

Ломоносов 2011 - Ломоносов М.В. Полное собрание сочинений. Т. 6 / Научные редакторы А.Н. Сахаров, В.В. Фомин. Издание второе, исправленное и дополненное. М.; СПб., 2011.

Макаров 2012 - Макаров Н.А. Суздальское Ополье // Русь в IX-X веках: археологическая панорама / Отв. ред. Н.А. Макаров. М.; Вологда, 2012.

Максимович 2006 - Максимович К.А. Происхождение этнонима Русь в свете исторической лингвистики и древнейших письменных источников // ΚΑΝΙΣΚΙΟΝ. Юбилейный сборник в честь 60-летия профессора И.С. Чичурова. М., 2006.

Мачинский 1997 - Мачинский Д.А. Ладога / Aldeigja: религиозно-мифологическое сознание и историко-археологическая реальность (VIII-XII вв.) // Ладога и религиозное сознание. Третьи чтения памяти А. Мачинской. СПб., 1997.

Мельникова 1984 - Мельникова Е.А. Древнерусские лексические заимствования в шведском языке // Древнейшие государства на территории СССР. 1982. М., 1984.

Мельникова 1994 - Мельникова Е.А. Скандинавские антропонимы в Древней Руси // Восточная Европа в древности и средневековье. Древняя Русь в системе этнополитических и культурных связей. Чтения памяти В.Т. Пашуто. М., 1994.

Мельникова 1995 - Мельникова Е.А. К типологии предгосударственных и раннегосударственных образований в Северной и Северо-Восточной Европе (постановка проблемы) // Древнейшие государства Восточной Европы. 1992-1993. М., 1995.

Мельникова 1999 - Мельникова Е.А. Зарубежные источники по истории Руси как предмет исследования // Древняя Русь в свете зарубежных источников: Учебное пособие для студентов вузов. М., 1999.

Мельникова 2012 - Мельникова Е.А. Норманны и даны, русь и варяги: скандинавы за западе и востоке Европы // Исторический вестник. Т. 1 (148). М., 2012.

Мельникова, Петрухин 1990 - Мельникова Е.А., Петрухин В.Я. Норманны и варяги. Образ викинга на западе и востоке Европы // Славяне и их соседи. Этнопсихологические стереотипы в средние века. М., 1990.

Мельникова, Петрухин 1994 - Мельникова Е.А., Петрухин В.Я. Скандинавы на Руси и в Византии в X-XI веках: к истории названия «варяг» // Славяноведение. 1994. № 2.

Монтескье 1955 - Монтескье Ш.Л. Избранные произведения. М., 1955.

Моця 1990 - Моця А.П. Срубные гробницы Южной Руси // Проблемы археологии Южной Руси. Киев, 1990.

Моця 1990а - Моця О.П. Поховання скандінавів на Півдні Київської Русі // Археология. 1990. № 4.

Моця 2001 - Моця А.П. Викинги на юге Руси // Древний мир. 2001. № 1.

Мошин 2010 - Мошин В.А. Варяго-русский вопрос // Варяго-русский вопрос в историографии. М., 2010.

Мурашева 1996 - Мурашева В.В. Предметный мир эпохи // Путь из варяг в греки и из грек. М., 1996.

Мурашева 1997 - Мурашева В.В. Была ли Древняя Русь частью Великой Швеции? // Родина. 1997. № 10.

Мурашева 1998 - Мурашева В.В. Скандинавские наборные ременные накладки с территории Древней Руси // Историческая археология: традиции и перспективы. К 80-летию со дня рождения Д.А. Авдусина. М., 1998.

Мурашева 2009 - Мурашева В.В. «Путь из ободрит в греки…» (археологический комментарий по «варяжскому вопросу») // Российская история. 2009. № 4.

Мурашева 2012 - Мурашева В.В. Славяне, варяги и иные «языци» на речных путях Восточной Европы // Меч и златник: К 1150-летию зарождения Древнерусского государства: Каталог выставки. М., 2012.

Назаренко 2012 - Назаренко А.В. Русь IX века: обзор письменных источников // Русь в IX-X веках: археологическая панорама / Отв. ред. Н.А. Макаров. М.; Вологда, 2012.

Низами 1986 - Низами Гянджеви. Искендер-наме // Низами Гянджеви. Собрание сочинений в пяти томах. Т. 5. М., 1986.

Носов 2007 - Носов Е.Н. Тридцать лет раскопок Городища: итоги и перспективы // У истоков русской государственности. Материалы международной конференции. СПб., 2007.

Носов 2009 - Носов Е.Н. Откуда пошел «Новый город»? // Родина. 2009. № 9.

Носов 2012 - Носов Е.Н. Новгородская земля: Северное Приильменье и Поволховье // Русь в IX-X веках: археологическая панорама / Отв. ред. Н.А. Макаров. М.; Вологда, 2012.

Носов 2012а - Носов Е.Н. У истоков Руси и Новгорода // Родина. 2012. № 9.

Нунан 2001 - Нунан Т.С. Зачем викинги в первый раз прибыли в Россию // Американская русистика: вехи историографии последних лет. Период Киевской и Московской Руси. Антология. Самара, 2001.

Пархоменко 1913 - Пархоменко В.А. Начало христианства Руси. Очерк из истории Руси IX-X вв. Полтава, 1913.

Пархоменко 1922 - Пархоменко В.А. Из древнейшей истории восточного славянства. По поводу изысканий А.А. Шахматова в области территории и этнографии древнейшей Руси // Известия Отделения русского языка и словесности Академии наук. 1920. Т. XXV. Пг., 1922.

Петрухин 1995 - Петрухин В.Я. Начало этнокультурной истории Руси IX-XI веков. Смоленск; М., 1995.

Петрухин 1997 - Петрухин В.Я. «От тех варяг прозвася…» // Родина. 1997. № 10.

Петрухин 2000 - Петрухин В.Я. Древняя Русь: Народ. Князья. Религия // Из истории русской культуры. Т. I (Древняя Русь). М., 2000.

Петрухин 2001 - Петрухин В.Я. «Русский каганат», скандинавы и Южная Русь: средневековая традиция и стереотипы современной историографии // Древнейшие государства Восточной Европы. 1999. М., 2001.

Петрухин 2001а - Петрухин В.Я. О «Русском каганате», начальном летописании, поисках и недоразумениях в новейшей историографии // Славяноведение. 2001. № 4.

Петрухин 2003 - Петрухин В.Я. Мифы древней Скандинавии. М., 2003.

Петрухин 2007 - Петрухин В.Я. Дохристианские древности: по археологическим материалам IV-X века // История русского искусства. Т. 1. Искусство Киевской Руси. IX – первая четверть XII века. М., 2007.

Петрухин 2008 - Петрухин В.Я. Легенда о призвании варягов и Балтийский регион // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2008. № 2 (32).

Петрухин 2009 - Петрухин В.Я. Русь из Пруссии: реанимация историографического мифа // Труды Государственного Эрмитажа. Т. XLIX. Сложение русской государственности в контексте раннесредневековой истории Старого Света. СПб., 2009.

Петрухин 2010 - Петрухин В.Я. О скандинавских изобразительных традициях в древнерусском искусстве // Славяно-русское ювелирное дело и его истоки. Материалы Международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения Г.Ф. Корзухиной. СПб., 2010.

Петрухин 2011 - Петрухин В.Я. «Русь и вси языци». Аспекты исторических взаимосвязей: Историко-археологические очерки. М., 2011.

Петрухин 2012 - Петрухин В.Я. Кто и зачем призывал варягов? // Родина. 2012. № 9.

Петрухин 2013 - Петрухин В.Я. Русь в IX-X веках. От призвания варягов до выбора веры. М., 2013.

Петрухин, Раевский 1998 - Петрухин В.Я., Раевский Д.С. Очерки истории народов России в древности и раннем средневековье. М., 1998.

Пигулевская 1941 - Пигулевская Н.В. Сирийские источники по истории народов СССР. М.; Л., 1941.

Плавинский 2012 - Плавинский Н.А. Рецензия на книгу: Андрощук Ф.А., Зоценко В.Н. Скандинавские древности Южной Руси. Paris, 2012 // Ruthenica. 2012. № XI.

Погодин 1846 - Погодин М.П. Исследования, замечания и лекции о русской истории. Норманский период. Т. 3. М., 1846.

Погодин 1859 - Погодин М.П. Норманский период русской истории. М., 1859.

Погодин 2015 - Погодин М.П. Господин Гедеонов и его система о происхождении варягов и руси // Скандинавомания и ее небылицы о русской истории. М., 2015.

Погодин 2020 - Погодин М.П. Древняя русская история до монгольского ига. Т. I. М., 2020.

Призрак 2011 - Сколько стоит вызвать скандинавского призрака? 2011 / Электронный ресурс: http://pereformat.ru/2011/12/shum-gora/ (дата обращения - 30.09.2021).

ПСРЛ. II - Полное собрание русских летописей. Т. 2. Ипатьевская летопись. М., 1962.

Пчелов 1994 - Пчелов Е.В. Легендарная и начальная генеалогия Рюриковичей // Летопись Историко-родословного общества в Москве. Вып. 2 (46). М., 1994.

Пчелов 1999 - Пчелов Е.В. Предки Рорика Ютландского // Россия в IX-XX веках. Проблемы истории, историографии и источниковедения. М., 1999.

Пчелов 2010 - Пчелов Е.В. Рюрик. М., 2010.

Пчелов 2012 - Пчелов Е.В. История России с древнейших времен до конца XVI века. Учебник для 6 класса общеобразовательных учреждений. М., 2012.

Роменский 2017 - Роменский А.А. Империя росов и «тавроскифы». Очерки русско-византийских отношений последней четверти X в. Харьков, 2017.

Роспонд 1965 - Роспонд С. Структура и классификация древневосточнославянских антропонимов (имена) // Вопросы языкознания. 1965. № 3.

Роспонд 1972 - Роспонд С. Структура и стратиграфия древнерусских топонимов // Восточно-славянская ономастика. М., 1972.

Русская земля 1986 - Откуда есть пошла Русская земля. Века VI-X / Составление, предисловие, введение к документам, комментарии А.Г. Кузьмина. Кн. 1-2. М., 1986.

Рыдзевская 1978 - Рыдзевская Е.А. Древняя Русь и Скандинавия в IX-XIV вв. М., 1978.

Сабинин 1837 - Сабинин С.К. О происхождении наименований боярин и болярин // Журнал Министерства народного просвещения. Ч. XVI. СПб., 1837.

Сабинин 1843 - Сабинин С.К. Волос, языческое божество славяно-руссов, сравненное с Одином скандинавов // Журнал Министерства народного просвещения. Ч. XL. СПб., 1843.

Сагайдак 2007 - Сагайдак М.А. (при участии В.В. Мурашёвой и В.Я. Петрухина). К истории градообразования на территории Древней Руси. VI – первая половина XI века // История русского искусства. Т. 1. Искусство Киевской Руси. IX – первая четверть XII века. М., 2007.

Сазонов 1835 - Сазонов Н. Об исторических трудах и заслугах Миллера // Ученые записки императорского Московского университета. 1835. № 2.

Самонова 2010 - Самонова М.Н. Скандинавы на белорусских землях в IX-X вв.: к постановке проблемы // Studia Historika Europae Orientalis = Исследования по истории Восточной Европы. Вып. 3. Минск, 2010.

Свердлов 2011 - Свердлов М.Б. М.В. Ломоносов и становление исторической науки в России. СПб., 2011.

Седов 1979 - Седов В.В. Происхождение и ранняя история славян. М., 1979.

Седов 1982 - Седов В.В. Восточные славяне в VI-XIII вв. М., 1982.

Седов 1994 - Седов В.В. Славяне в древности. М., 1994.

Седов 1995 - Седов В.В. Изделия древнерусской культуры в Скандинавии // Славяно-русские древности. Древняя Русь: новые исследования. Вып. 2. СПб., 1995.

Седов 1999 - Седов В.В. Древнерусская народность. Историко-археологическое исследование. М., 1999.

Седов 2002 - Седов В.В. Русы в VIII – первой половине IX века // Краткие сообщения Института археологии РАН. Вып. 213. М., 2002.

Седов 2003 - Седов В.В. О русах и Русском каганате IX в. // Славяноведение. 2003. № 2.

Сенковский 1834 - Сенковский О.И. Скандинавские саги // Библиотека для чтения. Т. I. Отд. II. СПб., 1834.

Сенковский 1834а - Сенковский О.И. Эймундова сага // Библиотека для чтения. Т. II. Отд. III. СПб., 1834.

Сенковский 1859 - Сенковский О.И. О происхождении имени руссов // Сенковский О.И. Собрание сочинений. Т. VI. СПб., 1859.

Симпсон 2005 - Симпсон Ж. Викинги. Быт, религия, культура. М., 2005.

Скрынников 1995 - Скрынников Р.Г. Войны Древней Руси // Вопросы истории. 1995. № 11-12.

Скрынников 1997 - Скрынников Р.Г. Древняя Русь. Летописные мифы и действительность // Вопросы истории. 1997. № 8.

Скрынников 1997а - Скрынников Р.Г. История Российская. IX-XVII вв. М., 1997.

Скрынников 1999 - Скрынников Р.Г. Русь IX-XVII века. СПб., 1999.

Скрынников 2000 - Скрынников Р.Г. Крест и корона. Церковь и государство на Руси IX-XVII вв. СПб., 2000.

Славянские хроники 2011 - Адам Бременский, Гельмольд из Босау, Арнольд Любекский. Славянские хроники / Перевод с латинского И.В. Дьяконова, Л.В. Разумовской. М., 2011.

Смирнов 2011 - Смирнов А.С. Власть и организация археологической науки в Российской империи (очерки институционной истории науки XIX – начала XX века). М., 2011.

Собчак 1998 - Собчак А.А. Русско-шведские связи Санкт-Петербурга // Викинги и славяне. Ученые, политики, дипломаты о русско-скандинавских отношениях. СПб., 1998.

Сойер 2002 - Сойер П. Эпоха викингов. СПб., 2002.

Соколов 2010 - Соколов С.В. Рецензия на: Клейн Л.С. Спор о варягах. История противостояния и аргументы сторон. СПб., 2009 // Славяноведение. 2010. № 2.

Соловьев 1901 - Соловьев С.М. Август-Людвиг Шлецер // Соловьев С.М. Собрание сочинений. СПб., 1901.

Соловьев 1901а - Соловьев С.М. Писатели русской истории XVIII века // Соловьев С.М. Собрание сочинений. СПб., 1901.

СПИ 1981 - Слово о полку Игореве. Древнерусский текст и переводы / Составление, вступительная статья, подготовка древнерусского текста и комментарий В.И. Стеллецкого. М., 1981.

Стальсберг 1987 - Стальсберг А. Женские вещи скандинавского происхождения на территории Древней Руси // Труды V Международного конгресса славянской археологии. Т. III. Вып. 1б. М., 1987.

Стендер-Петерсен 1960 - Стендер-Петерсен А. Ответ на замечания В.В. Похлебкина и В.Б. Вилинбахова // Kuml. 1960. Aarhus, 1960.

Стефанович 2006 - Стефанович П.С. Клятва по русско-византийским договорам X в. // Древнейшие государства Восточной Европы. 2004. М., 2006.

Сугорский 1907 - Сугорский И.Н. В туманах седой старины. К варяжскому вопросу. Англо-русская связь в давние века. СПб., 1907.

Сыромятников 1912 - Сыромятников С.Н. Древлянский князь и варяжский вопрос // Журнал Министерства народного просвещения. Новая серия. Ч. XL. Июль. СПб., 1912.

Тиандер 1902 - Тиандер К.Ф. Рецензия на: St. Roźniecki. Perun und Thor. Ein Beitrag zur Quellenkritik der russischen Mythologie Archiv für slavische Philologie. T. XXIII. 1901 // Известия Отделения русского языка и словесности Академии наук. 1902. Т. VII. Кн. 3.

Тимофеев 1999 - Тимофеев В.П. А все-таки «Людота ковалъ» (Названия днепровских порогов – возвращение к старой проблеме) // Сборник Русского исторического общества. Т. 1 (149). М., 1999.

Титмар Мерзебургский 2005 - Титмар Мерзебургский. Хроника в восьми книгах / Перевод с латинского И.В. Дьяконова. М., 2005.

Томсен 1891 - Томсен В. Начало Русского государства. М., 1891.

Томсинский 2004 - Томсинский С.В. Углече поле в IX-XIII веках. СПб., 2004.

Трубачев 2005 - Трубачев О.Н. В поисках единства. Взгляд филолога на проблему истоков Руси. Издание третье, исправленное и дополненное. М., 2005.

Тухтина 1971 - Тухтина Н.В. Этническая принадлежность погребенных в курганах Юго-Восточного Приладожья // История и культура Восточной Европы по археологическим данным. М., 1971.

Тухтина 1987 - Тухтина Н.В. К вопросу о скандинавских погребениях в Приладожье // Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы. М., 1987.

Фасмер I-IV - Фасмер М. Этимологический словарь русского языка / Перевод с немецкого и дополнения О.Н. Трубачева. Издание второе, стереотипное. В четырёх томах. Т. I-IV. М., 1986-1987.

Фетисов 2001 - Фетисов А.А. Ритуальное содержание клятвы оружием в русско-византийских договорах X в. // Славяне и их соседи. XX конференция памяти В.Д. Королюка. Становление славянского мира и Византия в эпоху раннего Средневековья. М., 2001.

Фетисов 2002 - Фетисов А.А. Ритуальное содержание клятвы оружием в русско-византийских договорах X в.: сравнительно-типологический анализ // Славянский альманах. 2001. М., 2002.

Фехнер 1967 - Фехнер М.В. Некоторые данные археологии по торговле Руси со странами Северной Европы в X-XI вв. // Новое о прошлом нашей страны. Памяти академика М.Н. Тихомирова. М., 1967.

Фомин 2003 - Фомин В.В. «За море», «за рубеж», «заграница» русских источников // Сборник Русского исторического общества. Т. 8 (156). Антинорманизм. М., 2003.

Фомин 2005 - Фомин В.В. Варяги и варяжская русь: К итогам дискуссии по варяжскому вопросу. М., 2005.

Фомин 2006 - Фомин В.В. Варяго-русский вопрос в трудах А.Г. Кузьмина // Судьба России в современной историографии. Сборник научных статей памяти А.Г. Кузьмина. М., 2006.

Фомин 2006а - Фомин В.В. Ломоносов: Гений русской истории. М., 2006.

Фомин 2008 - Фомин В.В. Народ и власть в эпоху формирования государственности у восточных славян // Отечественная история. 2008. № 2.

Фомин 2010 - Фомин В.В. Ломоносовофобия российских норманистов // Варяго-русский вопрос в историографии. М., 2010.

Фомин 2013 - Фомин В.В. Голый конунг. Норманизм как диагноз. М., 2013.

Фомин 2013а - Фомин В.В. Фальсификации современного норманизма // Российская государственность в лицах и судьбах её созидателей: IX-XXI вв. Материалы областной научно-практической конференции по проблемам гуманитарных наук. Липецк, 2013.

Фомин 2015 - Фомин В.В. К 400-летнему юбилею начала норманской теории // Актуальные вопросы гуманитарных наук: теория, методика, практика. Вып. 2. М., 2015.

Фомин 2017 - Фомин В.В. «Советский антинорманизм» и его норманистская сущность // Известия Воронежского государственного педагогического университета. 2017. № 4 (277).

Фомин 2018 - Фомин В.В. Норманистская сущность «советского антинорманизма». Ч. 1 // Исторический формат. 2018. № 3-4.

Фомин 2018а - Фомин В.В. Сокрушение С.А. Гедеоновым норманистского мифа // Гедеонов С.А. Варяги и Русь. Историческое исследование / Составитель, автор предисловия, комментариев, примечаний В.В. Фомин. М., 2018.

Фомин 2019 - Фомин В.В. Норманистская сущность «советского антинорманизма». Ч. 2 // Исторический формат. 2019. № 1.

Фомин 2020 - Фомин В.В. История Руси глазами шведского археолога Т.Ю. Арне и его российских последователей // Манускрипт. 2020. Т. 13. Вып. 11.

Фомин 2020а - Фомин В.В. С.М. Соловьев и его критика «ультранорманизма» // С.М. Соловьев и его эпоха: К 200-летию со дня рождения историка / Отв. ред. Ю.А. Петров. М., 2020.

Фомин 2021 - Фомин В.В. Варяго-русский вопрос в интерпретации отечественных археологов дореволюционного и советского времени // Вопросы истории. 2021. № 5 (1).

Фомин 2021а - Фомин В.В. Дискуссия по «диссертации» Г.Ф. Миллера 1749-1750 гг.: завязка, ход, результаты // История и историки: историографический вестник. 2015-2019. М., 2021.

Фомин 2021б - Фомин В.В. К истории одного украденного юбилея // Отечественные записки. 2021. № 2 (729).

Фомин, Исакова 2018 - Фомин В.В., Исакова Л.В. Вклад Густава Эверса в изучение начального периода истории Руси // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2018. Т. 17. № 1.

Франклин, Шепард 2000 - Франклин С., Шепард Д. Начало Руси. 750-1200 / Под ред. Д.М. Буланина. СПб., 2000.

Хамайко 2012 - Хамайко Н.В. Тавлейные короли X в. // Славяне Восточной Европы накануне образования Древнерусского государства. Материалы международной конференции, посвященной 110-летию со дня рождения И.И. Ляпушкина. СПб., 2012.

Хейвуд 2017 - Хейвуд Д. Люди Севера: История викингов. 793-1241. М., 2017.

Хлевов 1997 - Хлевов А.А. Норманская проблема в отечественной исторической науке. СПб., 1997.

Хрестоматия 2004 - Хрестоматия по истории России с древнейших времен до 1618 г. / Под ред. А.Г. Кузьмина, С.В. Перевезенцева. М., 2004.

Шаскольский 1965 - Шаскольский И.П. Норманская теория в современной буржуазной науке. М.; Л., 1965.

Шаскольский 1983 - Шаскольский И.П. Антинорманизм и его судьбы // Проблемы отечественной и всеобщей истории. Генезис и развитие феодализма в России. Вып. 7. Л., 1983.

Шаскольский 1986 - Шаскольский И.П. Норманская проблема в исторической науке 1970-х – 1980-х гг. // X Всесоюзная конференция по изучению истории, экономики, литературы и языка скандинавских стран и Финляндии. Тезисы докладов. Ч. 1. М., 1986.

Шлецер 1809 - Шлецер А.Л. Нестор. Ч. I. СПб., 1809.

Шлецер 1816 - Шлецер А.Л. Нестор. Ч. II. СПб., 1816.

Шлецер 1819 - Шлецер А.Л. Нестор. Ч. III. СПб., 1819.

Шлецер 1875 - Шлецер А.Л. Общественная и частная жизнь Августа Людвига Шлецера, им самим описанная. СПб., 1875.

Шлецер 2015 - Шлецер А.Л. Опыт изучения русских летописей // Скандинавомания и ее небылицы о русской истории. М., 2015.

Шольц 2000 - Шольц Б. Немецко-российская полемика по «варяжскому вопросу» в Петербургской академии // Русские и немцы в XVIII веке: встреча культур. М., 2000.

Щавелев 2012 - Щавелев С.П. 1150: юбилей российской государственности. От «призвания варягов» до основания житийно-летописного города Курска. Курск, 2012.

Щавелев 2013 - Щавелев С.П. Дань Мнемозине. Рецензии и отзывы на издания и рукописи 1990-2000-х годов по историографии отечественной истории и археологии. Кн. 1. Курск, 2013.

Эверс 1825 - Эверс Г. Предварительные критические исследования для российской истории. Кн. 1. М., 1825.

Эмин 1767 - Эмин Ф. Российская история. Т. I. СПб., 1767.

Янин 1992 - Янин В.Л. Древнее славянство и археология Новгорода // Вопросы истории. 1992. № 10.

Янин 2000 - Янин В.Л. Археология и исследование русского средневековья // Вестник Российской Академии наук. Т. 70. № 10. 2000.

Янин 2003 - Янин В.Л. 70 лет Новгородской археологии. Итоги и перспективы // Ладога и истоки российской государственности и культуры. СПб., 2003.

Янин 2007 - Янин В.Л. О начале Новгорода // У истоков русской государственности. Материалы международной конференции. СПб., 2007.

Янссон 1987 - Янссон И. Контакты между Русью и Скандинавией в эпоху викингов // Труды V Международного конгресса славянской археологии. Т. III. Вып. 1б. М., 1987.

Янссон, Тегнер, Панова 1996 - Янссон И., Тегнер Ё., Панова Т. Наследие варягов. Диалог культур. М., 1996.

Ясновська 2013 - Ясновська Л.В. Рецензия на книгу: Андрощук Ф.А., Зоценко В.Н. Скандинавские древности Южной Руси. Paris, 2012 // Археология. 2013. № 2.

Arne 1917 - Arne T.J. Det stora Svitjod. Essauer om gångna tiders svensk-ruska kulturföbindelser. Stockholm, 1917.

Bayer 1741 - Bayer G.S. Origines Russicae // Commentarii Academiae Scientiarum Imperialis Petropolitanae. T. VIII. Petropoli, 1741.

Dalin 1756 - Dalin O. Geschichte des Reiches Schweden. Th. 1. Greifswald, 1756.

Ewers 1808 - Ewers J.P.G. Vom Urschprunge des russischen Staats. Riga; Leipzig, 1808.

Kunik 1845 - Kunik E. Die Berufung der schwedischen Rodsen durch die Finnen und Slawen. Bd. II. Saint-Petersburg, 1845.

Lind 2011 - Lind J. «Vikings» and the Viking Age // Висы дружбы. Сборник статей в честь Т.Н. Джаксон. М., 2011.

Münster 1628 - Münster S. Cosmographia. T. IV. Basel, 1628.

Scholz 2000 - Scholz B. Von der Chronistik zur modernen Geschichtswissenschaht. Die Warägerfrage in der russischen, deutschen und schwedischen Historiographie. Wiesbaden, 2000.

Schramm 2002 - Schramm G. Altrusslands Anfang. Historische Schlüsse aus Namen, Wörtern und Texten zum 9. und 10. Jahrhundert. Freiburg, 2002.

Stender-Petersen 1934 - Stender-Petersen A. Die Varägersage als Quelle der altrussischen Chronik. Aarhus, 1934.

Stender-Petersen 1953 - Stender-Petersen A. Varangica. Aarhus, 1953.

Stender-Petersen 1954 - Stender-Petersen A. Anthology of Old Russian Literature. New York, 1954.

Stender-Petersen 1955 - Stender-Petersen A. Das Problem der ältesten byzantinisch-russisch-nordischen Beziehungen // X Congresso Internazionale di Scienze Storiche. Relazioni. Vol. III. Roma, 1955.

Stender-Petersen 1959 - Stender-Petersen A. Varægerspørgsmålet // Viking. Bd. XXIII. Oslo, 1959.

Stender-Petersen 1960 - Stender-Petersen A. Der älteste russische Staat // Historische Zeitschrift. Bd. 191. H. 1. München, 1960.

Thunmann 1774 - Thunmann J. Untersuchungen über die Geschichte der östlichen europaischen Völker. Th. 1. Leipzig, 1774.

REFERENCES

Alekseeva 1973 - Alekseeva T.I. Etnogenez vostochnyh slavyan po dannym antropologii [Ethnogenesis of the Eastern Slavs according to anthropology], Moscow, 1973 [in Russian].

Alekseeva 1974 - Alekseeva T.I. Antropologicheskaya differenciaciya slavyan i germancev v epohu srednevekov'ya i otdel'nye voprosy etnicheskoj istorii Vostochnoj Evropy [Anthropological differentiation of Slavs and Germans in the Middle Ages and

separate issues of the Ethnic History of Eastern Europe], in: Rasogeneticheskie processy v etnicheskoj istorii [Rasogenetic processes in ethnic history], Moscow, 1974 [in Russian].

Alekseeva 1974a - Alekseeva T.I. Slavyane i germancy v svete antro-pologicheskih dannyh [Slavs and Germans in the light of anthropological data], in: Voprosy istorii [History issues], 1974, № 3 [in Russian].

Androshchuk 2004 - Androshchuk F.A. Skandinavskie drevnosti v soci-al'noj topografii drevnego Kieva [Scandinavian Antiquities in the social topography of ancient Kiev], in: Ruthenica, 2004, № 9 [in Russian].

Androshchuk, Zocenko 2012 - Androshchuk F.A., Zocenko V.N. Skandinavskie drevnosti YUzhnoj Rusi. Katalog [Scandinavian antiquities of Southern Russia. Catalog], Paris, 2012 [in Russian].

Arne 1917 - Arne T.J. Det stora Svitjod. Essauer om gångna tiders svensk-ruska kulturföbindelser [The great Svitjod. Essays on past Swedish-Russian Cultural Relations], Stockholm, 1917 [in Swedish].

Avdusin 1949 - Avdusin D.A. Varyazhskij vopros po arheologicheskim dannym [The Varangian question according to archaeological data], in: Kratkie soobshcheniya Instituta istorii material'noj kul'tury AN SSSR [Brief reports of the Institute of the History of Material Culture of the USSR Academy of Sciences], Vol. 30, Moscow; Leningrad, 1949 [in Russian].

Avdusin 1967 - Avdusin D.A. Arheologiya SSSR [Archaeology of the USSR], Moscow, 1967 [in Russian].

Bahrushin 1938 - Bahrushin S.V. Derzhava Ryurikovichej [The Power of the Rurikovich], in: Vestnik drevnej istorii [Bulletin of Ancient History], 1938, № 2 (3) [in Russian].

Bajer 2006 - Bajer G.Z. O varyagah [About the Varangians], in: Fomin V.V. Lomonosov: Genij russkoj istorii [Lomonosov: The Genius of Russian History], Moscow, 2006 [in Russian].

Bayer 1741 - Bayer G.S. Origines Russicae [The Origins of the Russian], in: Commentarii Academiae Scientiarum Imperialis Petropolitanae [Commentaries Academy of Imperial St. Petersburg Academy of Sciences], Vol. VIII, Petropoli, 1741 [in Latin].

Bestuzhev-Ryumin 1997 - Bestuzhev-Ryumin K.N. Biografii i harakteri-stiki (letopiscy Rossii) [Biographies and characteristics (chroniclers of Russia)], Moscow, 1997 [in Russian].

Bezzakonov, ZHih 2021 - Bezzakonov S.N., ZHih M.I. Hakan naroda ros [Khagan of the Ros people], in: Istoricheskij format [Historical format], 2021, № 3 [in Russian].

Bil'dt 1998 - Bil'dt K. SHveciya i Rossiya v vekah istorii. Konfron-taciya ili kul'turnoe vzaimoobogashchenie? [Sweden and Russia in the centuries of history. Confrontation or cultural mutual enrichment?], in: Vikingi i slavyane. Uchenye, politiki, diplomaty o russko-skandinavskih otnosheniyah [Vikings and Slavs. Scientists, politicians, diplomats on Russian-Scandinavian relations], Saint-Petersburg, 1998 [in Russian].

Brajchevskij 1985 - Brajchevskij M.YU. «Russkie» nazvaniya porogov u Konstantina Bagryanorodnogo ["Russian" names of thresholds by Konstantin Porphyrogenitus], in: Zemli YUzhnoj Rusi v IX-XIV vv. Istoriya i arheologiya [The lands of Southern Russia in the IX-XIV centuries. History and archaeology], Kiev, 1985 [in Russian].

Braun 1892 - Braun F.A. Varyazhskij vopros [Varangian question], in: Brokgauz F.A., Efron I.A. Enciklopedicheskij slovar' [Encyclopedic Dictionary]. Vol. Va, Saint-Petersburg, 1892 [in Russian].

Braun 1892a - Braun F.A. Gipoteza professora Budilovicha o gotskom proiskhozhdenii nazvaniya «Rus'» [Professor Budilovich's hypothesis about the Gothic origin of the name "Rus"], in: Zapiski neofilologicheskogo obshchestva [Notes of the Neophilological Society], Vol. II, № 1, Saint-Petersburg, 1892 [in Russian].

Braun 1899 - Braun F.A. Razyskaniya v oblasti goto-slavyanskih otnoshenij [Searches in the field of Goto-Slavic relations], Saint-Petersburg, 1899 [in Russian].

Braun 1899a - Braun F.A. Rus' (proiskhozhdenie imeni) [Rus (origin of the name)], in: Brokgauz F.A., Efron I.A. Enciklopedicheskij slovar' [Encyclopedic Dictionary], Vol. XXVII, Saint-Petersburg, 1899 [in Russian].

Bulkin, Dubov, Lebedev 1978 - Bulkin V.A., Dubov I.V., Lebedev G.S. Arheologicheskie pamyatniki Drevnej Rusi IX-XI vekov [Archaeological monuments of Ancient Russia of the IX-XI centuries], Leningrad, 1978 [in Russian].

Burachkov 1876 - Burachkov P. Greko-skifskij mir na beregah Ponta [The Greco-Scythian world on the shores of Pontus], in: ZHurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya [Journal of the Ministry of Public Education], Vol. 188, Saint-Petersburg, 1876 [in Russian].

Dalin 1756 - Dalin O. Geschichte des Reiches Schweden [History of the Kingdom of Sweden], Part 1, Greifswald, 1756 [in German].

Dalin 1805 - Dalin O. Istoriya shvedskogo gosudarstva [History of the Swedish State], Part 1-2, Saint-Petersburg, 1805 [in Russian].

Dernovich 2006 - Dernovich S.D. Skandinavskie drevnosti epohi vikingov v Belarusi [Scandinavian antiquities of the Viking Age in Belarus], Minsk, 2006 [in Russian].

Dobrovol'skij, Dubov, Kuz'menko 1991 - Dobrovol'skij I.G., Dubov I.V., Kuz'menko YU.K. Graffiti na vostochnyh monetah: Drevnyaya Rus' i so-predel'nye strany [Graffiti on Eastern coins: Ancient Russia and neighboring countries], Leningrad, 1991 [in Russian].

Drevnyaya Rus' 2014 - Drevnyaya Rus' v srednevekovom mire: enciklope-diya / Pod obshchej redakciej E.A. Mel'nikovoj, V.YA. Petruhina [Ancient Rus in the Medieval world: an encyclopedia / Under the general editorship of E.A. Melnikova, V.Ya. Petrukhin], Moscow, 2014 [in Russian].

DRZI. II - Drevnyaya Rus' v svete zarubezhnyh istochnikov. Hrestomatiya. T. II. Vizantijskie istochniki / Sostavitel' M.V. Bibikov [Ancient Russia in the light of foreign sources. Anthology. Vol. II. Byzantine sources / Compiled by M.V. Bibikov], Moscow, 2010 [in Russian].

DRZI. III - Drevnyaya Rus' v svete zarubezhnyh istochnikov. Hrestomatiya. T. III. Vostochnye istochniki / Sostaviteli T.M. Kalinina, I.G. Konovalova, V.YA. Petruhin [Ancient Russia in the light of foreign sources. Anthology. Vol. III. Eastern sources / Compiled by T.M. Kalinina, I.G. Konovalova, V.Ya. Petrukhin], Moscow, 2009 [in Russian].

DRZI. IV - Drevnyaya Rus' v svete zarubezhnyh istochnikov. Hrestoma-tiya. T. IV. Zapadnoevropejskie istochniki / Sostavlenie, perevod i kommentarii A.V. Nazarenko [Ancient Russia in the light of foreign sources. Anthology. Vol. IV. Western European sources / Compilation, translation and comments by A.V. Nazarenko], Moscow, 2010 [in Russian].

Dzhakson 2001 - Dzhakson T.N. AUSTR Í GÖRÐUM: Drevnerusskie to-ponimy v drevneskandinavskih istochnikah [Old Russian toponyms in Old Norse sources], Moscow, 2001 [in Russian].

Dzhons 2003 - Dzhons G. Vikingi. Potomki Odina i Tora [Vikings. Descendants of Odin and Thor], Moscow, 2003 [in Russian].

Emin 1767 - Emin F. Rossijskaya istoriya [Russian History], Part I, Saint-Petersburg, 1767 [in Russian].

Eremeev 2012 - Eremeev I.I. Polockaya zemlya [Polotsk land], in: Rus' v IX-X vekah: ar-heologicheskaya panorama / Otv. red. N.A. Makarov [Rus in the IX-X centuries: an archaeological panorama / Responsible editor N.A. Makarov], Moscow; Vologda, 2012 [in Russian].

Eremeev, YAnsson, Syoderberg 2010 - Eremeev I.I., YAnsson I., Syoder-berg S. Kurgan v Vibyu (Uppland) i problema proiskhozhdeniya bol'shih «druzhinnyh kurganov Drevnej Rusi [The burial mound in Viby (Uppland) and the problem of the origin of large "druzhin mounds of Ancient Russia], in: Dialog kul'tur i narodov srednevekovoj Evropy: K 60-letiyu so dnya rozhdeniya E.N. Nosova [Dialogue of cultures and peoples of Medieval Europe: On the 60th anniversary of the birth of E.N. Nosov], Saint-Petersburg, 2010 [in Russian].

Evers 1825 - Evers G. Predvaritel'nye kriticheskie issledovaniya dlya rossijskoj istorii [Preliminary critical studies for Russian History], Part 1, Moscow, 1825 [in Russian].

Ewers 1808 - Ewers J.P.G. Vom Urschprunge des russischen Staats [The origin of the Russian state], Riga; Leipzig, 1808 [in German].

Fasmer I-IV - Fasmer M. Etimologicheskij slovar' russkogo yazyka / Perevod s nemeckogo i dopolneniya O.N. Trubacheva. Izdanie vtoroe, stereo-tipnoe. V chetyryoh tomah [Etymological dictionary of the Russian language / Translated from German and supplemented by O.N. Trubachev. The second edition, stereotypical. In four volumes], Vol. I-IV, Moscow, 1986-1987 [in Russian].

Fekhner 1967 - Fekhner M.V. Nekotorye dannye arheologii po torgovle Rusi so stranami Severnoj Evropy v X-XI vv. [Some archaeological data on the trade of Russia with the countries of Northern Europe in the X-XI centuries], in: Novoe o proshlom nashej strany. Pamyati akademika M.N. Tihomirova [New about the past of our country. In memory of Academician M.N. Tikhomirov], Moscow, 1967 [in Russian].

Fetisov 2001 - Fetisov A.A. Ritual'noe soderzhanie klyatvy oruzhiem v russko-vizantijskih dogovorah X v. [The ritual content of the oath by arms in the Russian-Byzantine treaties of the tenth century], in: Slavyane i ih sosedi. XX konferenciya pamyati V.D. Korolyuka. Stanovlenie slavyanskogo mira i Vizantiya v epohu rannego Srednevekov'ya [Slavs and their neighbors. XX Conference in memory of V.D. Korolyuk. The Formation of the Slavic World and Byzantium in the Early Middle Ages], Moscow, 2001 [in Russian].

Fetisov 2002 - Fetisov A.A. Ritual'noe soderzhanie klyatvy oruzhiem v russko-vizantijskih dogovorah X v.: sravnitel'no-tipologicheskij analiz [The ritual content of the oath by arms in the Russian-Byzantine Treaties of the tenth century: comparative typological analysis], in: Slavyanskij al'manah [Slavic Almanac], 2001, Moscow, 2002 [in Russian].

Fomin 2003 - Fomin V.V. «Za more», «za rubezh», «zagranica» russkih istochnikov ["Beyond the sea", "abroad", "abroad" of Russian sources], in: Sbornik Russkogo istoricheskogo obshchestva. T. 8 (156). Anti-normanizm [Collection of the Russian Historical Society. Volume 8 (156). Anti-Normanism], Moscow, 2003 [in Russian].

Fomin 2005 - Fomin V.V. Varyagi i varyazhskaya rus': K itogam diskussii po varyazhskomu voprosu [Varangians and Varangian Russia: To the results of the discussion on the Varangian question], Moscow, 2005 [in Russian].

Fomin 2006 - Fomin V.V. Varyago-russkij vopros v trudah A.G. Kuz'mina [Varyago-the Russian question in the works of A.G. Kuzmin], in: Sud'ba Rossii v sovremennoj istoriografii. Sbornik nauchnyh statej pamyati A.G. Kuz'mina [The fate of Russia in modern Historiography. Collection of scientific articles in memory of A.G. Kuzmin], Moscow, 2006 [in Russian].

Fomin 2006a - Fomin V.V. Lomonosov: Genij russkoj istorii [Lomonosov: The Genius of Russian History], Moscow, 2006 [in Russian].

Fomin 2008 - Fomin V.V. Narod i vlast' v epohu formirovaniya gosu-darstvennosti u vostochnyh slavyan [People and power in the era of the formation of statehood among the Eastern Slavs], in: Otechestvennaya istoriya [Domestic history], 2008, № 2 [in Russian].

Fomin 2010 - Fomin V.V. Lomonosovofobiya rossijskih normanistov [Lomonosovophobia of Russian Normanists], in: Varyago-russkij vopros v istoriografii [Varyago-the Russian question in Historiography], Moscow, 2010 [in Russian].

Fomin 2013 - Fomin V.V. Golyj konung. Normanizm kak diagnoz [The naked king. Normanism as a diagnosis], Moscow, 2013 [in Russian].

Fomin 2013a - Fomin V.V. Fal'sifikacii sovremennogo normanizma [Falsifications of modern Normanism], in: Rossijskaya gosudarstvennost' v licah i sud'bah eyo sozidatelej: IX-XXI vv. Materialy oblastnoj nauchno-prakticheskoj konferencii po problemam gumanitarnyh nauk [Russian statehood in the faces and Destinies of its creators: IX-XXI centuries. Materials of the regional scientific and practical conference on the problems of the humanities], Lipeck, 2013 [in Russian].

Fomin 2015 - Fomin V.V. K 400-letnemu yubileyu nachala normanskoj teorii [To the 400th anniversary of the beginning of the Norman theory], in: Aktual'nye voprosy gumanitarnyh nauk: teoriya, metodika, praktika [Topical issues of the humanities: theory, methodology, practice], Vol. 2, Moscow, 2015 [in Russian].

Fomin 2017 - Fomin V.V. «Sovetskij antinormanizm» i ego norma-nistskaya sushchnost' ["Soviet anti-Normanism" and its Normanist essence], in: Izvestiya Voronezhskogo gosudarstvennogo pedagogiche-skogo universiteta [Proceedings of the Voronezh State Pedagogical University], 2017, № 4 (277) [in Russian].

Fomin 2018 - Fomin V.V. Normanistskaya sushchnost' «sovetskogo anti-normanizma» [The Normanist essence of "Soviet anti-Normanism"], Part 1, in: Istoricheskij format [Historical format], 2018, № 3-4 [in Russian].

Fomin 2018a - Fomin V.V. Sokrushenie S.A. Gedeonovym normanist-skogo mifa [S.A. Gedeonov's Crushing of the Normanist Myth], in: Gedeonov S.A. Varyagi i Rus'. Istoricheskoe issledovanie / Sostavitel', avtor predisloviya, kommentariev, primechanij V.V. Fomin [Varangians and Rus. Historical research / Compiler, author of the preface, comments, notes V.V. Fomin], Moscow, 2018 [in Russian].

Fomin 2019 - Fomin V.V. Normanistskaya sushchnost' «sovetskogo anti-normanizma» [The Normanist essence of "Soviet anti-Normanism"], Part 2, in: Istoricheskij format [Historical format], 2019, № 1 [in Russian].

Fomin 2020 - Fomin V.V. Istoriya Rusi glazami shvedskogo arheologa T.YU. Arne i ego rossijskih posledovatelej [The History of Russia through the eyes of the Swedish archaeologist T.Y. Arne and his Russian followers], in: Manuskript [The manuscript], 2020, Vol. 13, № 11 [in Russian].

Fomin 2020a - Fomin V.V. S.M. Solov'ev i ego kritika «ul'tranormanizma» [S.M. Solovyov and his criticism of "ultranormanism"], in: S.M. Solov'ev i ego epoha: K 200-letiyu so dnya rozhdeniya istorika / Otv. red. YU.A. Petrov [S.M. Solovyov and his epoch: To the 200th anniversary of the historian's birth / Responsible editor Yu.A. Petrov], Moscow, 2020 [in Russian].

Fomin 2021 - Fomin V.V. Varyago-russkij vopros v interpretacii otechestvennyh arheologov dorevolyucionnogo i sovetskogo vremeni [Varyago-Russian question in the interpretation of Russian archaeologists of pre-revolutionary and Soviet times], in: Voprosy istorii [History issues], 2021, № 5 (1) [in Russian].

Fomin 2021a - Fomin V.V. Diskussiya po «dissertacii» G.F. Millera 1749-1750 gg.: zavyazka, hod, rezul'taty [Discussion on G.F. Miller's "dissertation" of 1749-1750: the beginning, the course, the results], in: Istoriya i istoriki: istoriogra-ficheskij vestnik. 2015-2019 [History and Historians: Historiographical bulletin. 2015-2019], Moscow, 2021 [in Russian].

Fomin 2021b - Fomin V.V. K istorii odnogo ukradennogo yubileya [To the Story of one stolen Anniversary], in: Otechestvennye zapiski [Domestic notes], 2021, № 2 (729) [in Russian].

Fomin, Isakova 2018 - Fomin V.V., Isakova L.V. Vklad Gustava Eversa v izuchenie nachal'nogo perioda istorii Rusi [Gustav Evers' contribution to the study of the initial period of the history of Russia], in: Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Istoriya Rossii [Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: History of Russia], 2018, Vol. 17, № 1 [in Russian].

Franklin, SHepard 2000 - Franklin S., SHepard D. Nachalo Rusi. 750-1200 / Pod red. D.M. Bulanina [The beginning of Russia. 750-1200 / Edited by D.M. Bulanin], Saint-Petersburg, 2000 [in Russian].

Gedeonov 2004 - Gedeonov S.A. Varyagi i Rus'. V dvuh chastyah / Avtor predisloviya, kommentariev, biograficheskogo ocherka V.V. Fomin [Varangians and Rus. In two parts / Author of the preface, comments, biographical essay V.V. Fomin], Moscow, 2004 [in Russian].

Gegel' 1935 - Gegel' G.V.F. Sochineniya [Essays], Vol. VIII, Moscow; Leningrad, 1935 [in Russian].

Gerbershtejn 1988 - Gerbershtejn S. Zapiski o Moskovii [Notes about Muscovy], Moscow, 1988 [in Russian].

Gollman 1819 - Gollman G.F. Rustringiya, pervonachal'noe otechestvo pervogo rossijskogo velikogo knyazya Ryurika i brat'ev ego [Rustringia, the original fatherland of the first Russian Grand Duke Rurik and his brothers], Moscow, 1819 [in Russian].

Grot 2010 - Grot L.P. Put' normanizma: ot fantazii k utopii [The Path of Normanism: from Fantasy to Utopia], in: Varyago-russkij vopros v istoriografii [Varyago-the Russian question in Historiography], Moscow, 2010 [in Russian].

Grot 2012 - Grot L.P. Smutnoe vremya i mutnaya istoriya pervogo nor-manista [The Time of Troubles and the murky history of the first Normanist], in: Russkoe pole. Nauchno-publicisticheskij al'manah [Russian field. Scientific and journalistic almanac], Stockholm; Krasnoyarsk, 2012, № 2 [in Russian].

Grot 2012a - Grot L.P. SHvedskie uchenye kak nastavniki vostokoveda G.Z. Bajera v izuchenii drevnerusskoj istorii [Swedish scientists as mentors of Orientalist G.Z. Bayer in the study of Ancient Russian history], in: Vestnik Lipeckogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki [Bulletin of the Lipetsk State Pedagogical University. Series: Humanities], 2012, Vol. 1 (6) [in Russian].

Gurvich 1949 - Gurvich D. M.V. Lomonosov i russkaya istoricheskaya nauka [M.V. Lomonosov and Russian historical science], in: Voprosy istorii [History issues], 1949, № 11 [in Russian].

Hamajko 2012 - Hamajko N.V. Tavlejnye koroli X v. [The kings of the tenth century], in: Slavyane Vo-stochnoj Evropy nakanune obrazovaniya Drevnerusskogo gosudarstva. Materialy mezhdunarodnoj konferencii, posvyashchennoj 110-letiyu so dnya rozhdeniya I.I. Lyapushkina [Slavs of Eastern Europe on the eve of the formation of the Old Russian state. Materials of the international conference dedicated to the 110th anniversary of the birth of I.I. Lyapushkin], Saint-Petersburg, 2012 [in Russian].

Hejvud 2017 - Hejvud D. Lyudi Severa: Istoriya vikingov. 793-1241 [People of the North: The History of the Vikings. 793-1241], Moscow, 2017 [in Russian].

Hlevov 1997 - Hlevov A.A. Normanskaya problema v otechestvennoj is-toricheskoj nauke [The Norman Problem in Russian Historical Science], Saint-Petersburg, 1997 [in Russian].

Hrestomatiya 2004 - Hrestomatiya po istorii Rossii s drevnejshih vremen do 1618 g. / Pod red. A.G. Kuz'mina, S.V. Perevezenceva [Anthology on the history of Russia from ancient times to 1618 / Edited by A.G. Kuzmin, S.V. Perevezentsev], Moscow, 2004 [in Russian].

Il'ina 2010 - Il'ina N.N. Izgnanie normannov. Ocherednaya zadacha russkoj istoricheskoj nauki [The expulsion of the Normans. The next task of Russian historical science], in: Izgnanie normannov iz russkoj istorii [The expulsion of the Normans from Russian history], Moscow, 2010 [in Russian].

Iordan 1997 - Iordan. O proiskhozhdenii i deyaniyah getov (Getica) [On the origin and deeds of the Getae (Getica)], Saint-Petersburg, 1997 [in Russian].

Istoriya SHvecii 1974 - Istoriya SHvecii [History of Sweden], Moscow, 1974 [in Russian].

Izmajlov 1999 - Izmajlov I.L. «Rusy» v Srednem Povolzh'e (etapy bolgaro-skandinavskih etno-social'nyh kontaktov i ih vliyanie na stanov-lenie gorodov i gosudarstv) ["Russ" in the Middle Volga region (stages of Bulgarian-Scandinavian ethno-social contacts and their influence on the formation of cities and states)], in: Mezhdunarodnye svyazi, torgovye puti i goroda Srednego Povolzh'ya IX-XII vekov. Materialy Mezhdunarodnogo simpoziuma [International relations, trade routes and cities of the Middle Volga region of the IX-XII centuries. Materials of the International Symposium], Kazan, 1999 [in Russian].

Kan 1999 - Kan A.S. SHveciya i Rossiya v proshlom i nastoyashchem [Sweden and Russia in the past and present], Moscow, 1999 [in Russian].

Karamzin 1989 - Karamzin N.M. Istoriya gosudarstva Rossijskogo [History of the Russian State], Vol. I, Moscow, 1989 [in Russian].

Karamzin 1991 - Karamzin N.M. Istoriya gosudarstva Rossijskogo [History of the Russian State], Vol. II-III, Moscow, 1991 [in Russian].

Karateev 2003 - Karateev M.D. Normanskaya bolezn' v russkoj istorii [Norman disease in Russian History], in: Sbornik Russkogo istoricheskogo obshchestva. T. 8 (156). Antinormanizm [Collection of the Russian Historical Society. Volume 8 (156). Anti-Normanism], Moscow, 2003 [in Russian].

Karpov 2012 - Karpov S.P. O varyagah, yubileyah i nashem obrazovanii… [About the Varangians, anniversaries and our education], in: Rodina [Homeland], 2012, № 9 [in Russian].

Kirpichnikov 1998 - Kirpichnikov A.N. Skazanie o prizvanii varyagov. Legendy i dejstvitel'nost' [The legend of the vocation of the Varangians. Legends and reality], in: Vikingi i slavyane. Uchenye, politiki, diplomaty o russko-skandinavskih otnosheniyah [Vikings and Slavs. Scientists, politicians, diplomats on Russian-Scandinavian relations], Saint-Petersburg, 1998 [in Russian].

Kirpichnikov 2002 - Kirpichnikov A.N. Velikij Volzhskij put' [The Great Volga Way], in: Rodina [Homeland], 2002, № 11-12 [in Russian].

Kirpichnikov 2003 - Kirpichnikov A.N. Novye istoriko-arheologicheskie issledovaniya Staroj Ladogi [New historical and archaeological studies of Staraya Ladoga], in: Ladoga i istoki rossijskoj gosudarstvennosti i kul'tury [Ladoga and the origins of Russian Statehood and culture], Saint-Petersburg, 2003 [in Russian].

Kirpichnikov 2010 - Kirpichnikov A.N. Tvorcheskij put' Evgeniya Ni-kolaevicha Nosova. K 60-letiyu so dnya rozhdeniya [The creative path of Evgeny Nikolaevich Nosov. On the 60th anniversary of his birth], in: Dialog kul'tur i narodov srednevekovoj Evropy: K 60-letiyu so dnya rozhdeniya E.N. Nosova [Dialogue of cultures and peoples of Medieval Europe: On the 60th anniversary of the birth of E.N. Nosov], Saint-Petersburg, 2010 [in Russian].

Kirpichnikov i dr. 1978 - Kirpichnikov A.N., Lebedev G.S., Bulkin V.A., Dubov I.V., Nazarenko V.A. Russko-skandinavskie svyazi v epohu obra-zovaniya Drevnerusskogo gosudarstva (IX-XI vv.) [Russian-Scandinavian relations in the era of the formation of the Old Russian state (IX-XI centuries)], in: Scando-Slavica, Vol. 24, Copenhagen, 1978 [in Russian].

Kirpichnikov i dr. 1980 - Kirpichnikov A.N., Lebedev G.S., Bulkin V.A., Dubov I.V., Nazarenko V.A. Russko-skandinavskie svyazi epohi obrazo-vaniya Kievskogo gosudarstva na sovremennom etape arheologicheskogo izucheniya [Russian-Scandinavian relations of the epoch of the formation of the Kievan state at the present stage of archaeological study], in: Kratkie soobshcheniya Instituta arheologii AN SSSR [Brief reports of the Institute of Archaeology of the USSR Academy of Sciences], Vol. 160, Moscow, 1980 [in Russian].

Kirpichnikov i dr. 1986 - Kirpichnikov A.N., Dubov I.V., Lebedev G.S. Kirpichnikov A.N., Dubov I.V., Lebedev G.S. Rus' i varyagi (russko-skandinavskie otnosheniya domongol'skogo vremeni) [Rus and the Varangians (Russian-Scandinavian relations of the pre-Mongol period)], in: Slavyane i skandinavy: Perevod s nemeckogo / Obshchaya redakciya E.A. Mel'nikovoj [Slavs and Scandinavians: Translated from German / General edition by E.A. Melnikova], Moscow, 1986 [in Russian].

Kirpichnikov, Saksa 2002 - Kirpichnikov A.N., Saksa A.I. Finskoe naselenie v sostave severorusskih srednevekovyh gorodov [The Finnish population as part of the North Russian medieval cities], in: Staraya Ladoga i problemy arheologii Severnoj Rusi. Sbornik statej pamyati O.I. Davidan [Staraya Ladoga and the problems of the archeology of Northern Russia. Collection of articles in memory of O.I. Davidan], Saint-Petersburg, 2002 [in Russian].

Kirpichnikov, Sarab'yanov 2003 - Kirpichnikov A.N., Sarab'yanov V.D. Staraya Ladoga. Drevnyaya stolica Rusi [Staraya Ladoga. The ancient capital of Russia], Saint-Petersburg, 2003 [in Russian].

Klejn 2004 - Klejn L.S. Voskreshenie Peruna. K rekonstrukcii vo-stochnoslavyanskogo yazychestva [Resurrection of Perun. Towards the Reconstruction of East Slavic Paganism], Saint-Petersburg, 2004 [in Russian].

Klejn 2009 - Klejn L.S. Spor o varyagah. Istoriya protivostoyaniya i argumenty storon [The dispute about the Varangians. The history of the confrontation and the arguments of the parties], Saint-Petersburg, 2009 [in Russian].

Klejn 2010 - Klejn L.S. Trudno byt' Klejnom: Avtobiografiya v monologah i dialogah [It's Hard to Be Klein: An Autobiography in Monologues and Dialogues], Saint-Petersburg, 2010 [in Russian].

Klejn, Lebedev, Nazarenko 1970 - Klejn L.S., Lebedev G.S., Nazarenko V.A. Normanskie drevnosti Kievskoj Rusi na sovremennom etape arheolo-gicheskogo izucheniya [Norman antiquities of Kievan Rus at the present stage of archaeological study], in: Istoricheskie svyazi Skandinavii i Rossii IX-XX vv. [Historical relations of Scandinavia and Russia of the IX-XX centuries], Leningrad, 1970 [in Russian].

Klyosov 2013 - Klyosov A.A. Proiskhozhdenie slavyan. DNK-genealogiya protiv «normanskoj teorii» [The origin of the Slavs. DNA genealogy versus the "Norman theory"], Moscow, 2013 [in Russian].

Klyosov 2018 - Klyosov A.A. Prakticheskaya DNK-genealogiya dlya vsekh [Practical DNA Genealogy for everyone], Moscow, 2018 [in Russian].

Klyuchevskij 1959 - Klyuchevskij V.O. Lekcii po russkoj istoriografii [Lectures on Russian historiography], in: Klyuchevskij V.O. Sochineniya v vos'mi tomah [Essays in eight volumes], Vol. VIII, Moscow, 1959 [in Russian].

Klyuchevskij 1968 - Klyuchevskij V.O. Pis'ma. Dnevniki. Aforizmy i mysli ob istorii [Letters. Diaries. Aphorisms and thoughts about history], Moscow, 1968 [in Russian].

Komar 2012 - Komar A.V. CHernigov i Nizhnee Podesen'e [Chernihiv and Nizhny Podesenye], in: Rus' v IX-X vekah: arheologicheskaya panorama / Otv. red. N.A. Makarov [Russia in the IX-X centuries: an archaeological panorama / Responsible editor N.A. Makarov], Moscow; Vologda, 2012 [in Russian].

Komar, Hamajko 2014 - Komar A.V., Hamajko N.V. Recenziya na knigu: Androshchuk F.A., Zocenko V.N. Skandinavskie drevnosti YUzhnoj Rusi. Paris, 2012 [Book review: Androshchuk F.A., Zotsenko V.N. Scandinavian antiquities of Southern Russia. Paris, 2012], in: Arheologiya i drevnyaya istoriya Ukrainy [Archeology and ancient history of Ukraine], 2014, № 1 (12) [in Russian].

Kondrashov 2017 - Kondrashov A. Peruna na vas net! [There is no Perun on you!], 2017, Electronic resource: https://lgz.ru/article/-1-2-6582-18-01-2017/peruna-na-vas-net/ (Date of access - 25.01.2021) [in Russian].

Konovalova 2001 - Konovalova I.G. Gorod Rossiya/Rusija v XII v. [The city of Russia/Russia in the XII century], in: Vizantijskie ocherki. Trudy rossijskih uchenyh k XX Mezhdunarodnomu kon-gressu vizantinistov [Byzantine essays. Works of Russian scientists for the XX International Congress of Byzantinists], Saint-Petersburg, 2001 [in Russian].

Konstantin Bagryanorodnyj 1989 - Konstantin Bagryanorodnyj. Ob upravlenii imperiej. Tekst, perevod, kommentarij / Pod redakciej G.G. Litavrina, A.P. Novosel'ceva [About the management of the empire. Text, translation, comment / Edited by G.G. Litavrin, A.P. Novoseltsev], Moscow, 1989 [in Russian].

Korzuhina 1965 - Korzuhina G.F. Etnicheskij sostav naseleniya drevnejshej Ladogi [Ethnic composition of the population of ancient Ladoga], in: Tezisy dokladov Vtoroj nauchnoj konferencii po istorii, ekonomike, yazyku i literature skandinavskih stran i Finlyandii [Abstracts of the Second Scientific Conference on the History, Economics, Language and Literature of the Scandinavian countries and Finland], Moscow, 1965 [in Russian].

Korzuhina 1966 - Korzuhina G.F. Ladozhskij toporik [Ladoga Hatchet], in: Kul'tura Drevnej Rusi [The culture of Ancient Russia], Moscow, 1966 [in Russian].

Kotlyar 2007 - Kotlyar N.F. V toske po utrachennomu vremeni [Longing for lost time], in: Srednevekovaya Rus' [Medieval Russia], Vol. 7, Moscow, 2007 [in Russian].

Kotlyarov 1989 - Kotlyarov A.N. Razvitie vzglyadov G.-F. Millera po «varyazhskomu voprosu» [The development of G.-F. Miller's views on the "Varangian question"], in: Problemy istorii dorevolyucionnoj Sibiri [Problems of the history of pre-revolutionary Siberia], Tomsk, 1989 [in Russian].

Kotlyarov 1992 - Kotlyarov A.N. K proiskhozhdeniyu i sushchnosti «kraj-nego» normanizma (teoriya shvedskogo istorika serediny XVIII v. O. Dalina) [On the origin and essence of "extreme" Normanism (theory of the Swedish historian of the middle of the XVIII century O. Dalin)], in: Metodologicheskie i istoriograficheskie voprosy istoricheskoj nauki [Methodological and historiographical issues of historical science], Vol. 20, Tomsk, 1992 [in Russian].

Kovalenko, Mocya 2006 - Kovalenko V.P., Mocya A.P. Viking iz SHesto-vic [Viking of Shestovits], in: Rodina [Homeland], 2006, № 10 [in Russian].

Kunik 1845 - Kunik E. Die Berufung der schwedischen Rodsen durch die Finnen und Slawen [The vocation of the Swedish Rodsen by the Finns and Slavs], Part II, Saint-Petersburg, 1845 [in German].

Kunik 1875 - Kunik A.A. Dopolneniya [Additions], in: Dorn B.A. Kaspij [Caspian Sea], Saint-Petersburg, 1875 [in Russian].

Kunik 1878 - Kunik A.A. Zamechaniya po povodu kritiki F.YA. Fortin-skogo [Comments on F.Ya. Fortinsky's criticism], Saint-Petersburg, 1878 [in Russian].

Kunik 1903 - Kunik A.A. Izvestiya al-Bekri i drugih avtorov o rusi i slavyanah [News of al-Bekri and other authors about Russia and the Slavs], Part 2, Saint-Petersburg, 1903 [in Russian].

Kuz'min 1970 - Kuz'min A.G. «Varyagi» i «Rus'» na Baltijskom more ["Varangians" and "Rus" on the Baltic Sea], in: Voprosy istorii [History issues], 1970, № 10 [in Russian].

Kuz'min 2003 - Kuz'min A.G. Dva vida rusov v yugo-vostochnoj Pribaltike [Two types of Rus in the Southeastern Baltic States], in: Sbornik Russkogo istoricheskogo obshchestva. T. 8 (156). Antinormanizm [Collection of the Russian Historical Society. Volume 8 (156). Anti-Normanism], Moscow, 2003 [in Russian].

Kuz'min 2003a - Kuz'min A.G. Istoriya Rossii s drevnejshih vremen do 1618 g. [The history of Russia from ancient times to 1618], Part 1, Moscow, 2003 [in Russian].

Kuz'min 2003b - Kuz'min A.G. Nachalo Rusi. Tajny rozhdeniya russkogo naroda [The beginning of Russia. Secrets of the birth of the Russian people], Moscow, 2003 [in Russian].

Lambin 1874 - Lambin N.P. Istochnik letopisnogo skazaniya o proishozhdenii Rusi [The source of the chronicle legend about the origin of Russia], in: ZHurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya [Journal of the Ministry of Public Education], Vol. CLXXIII, № 6, Saint-Petersburg, 1874 [in Russian].

Lavrent'evskaya letopis' 1897 - Letopis' po Lavrent'evskomu spisku. Izdanie tret'e [Chronicle of the Laurentian List. Third Edition], Saint-Petersburg, 1897 [in Russian].

Lebedev 1978 - Lebedev G.S. Etnograficheskie svedeniya arabskih avtorov o slavyanah i rusah [Ethnographic information of Arab authors about Slavs and Russ], in: Iz istorii feodal'noj Rossii [From the history of feudal Russia], Leningrad, 1978 [in Russian].

Lebedev 1994 - Lebedev G.S. «God Aleksandra Nevskogo» v Leningrade – prolog vozrozhdeniya Sankt-Peterburga ["The Year of Alexander Nevsky" in Leningrad – the prologue of the revival of St. Petersburg], in: Drevnij Pskov. Issledovaniya srednevekovogo goroda. Materialy konferencii [Ancient Pskov. Studies of the medieval city. Conference materials], Saint-Petersburg, 1994 [in Russian].

Lebedev 1999 - Lebedev G.S. Varangica problemnogo seminara L.S. Klejna [Varangica of L.S. Klein's Problem Seminar], in: Stratum plus, 1999, № 5 [in Russian].

Lebedev 2002 - Lebedev G.S. Ot redaktora [From the editor], in: Arheologiya i ne tol'ko [Archaeology and not only], Saint-Petersburg, 2002 [in Russian].

Lebedev, ZHvitashvili 2000 - Lebedev G.S., ZHvitashvili YU.B. Drakon «Nevo» na Puti iz Varyag v Greki: Arheologo-navigacionnye issledovaniya drevnih vodnyh kommunikacij mezhdu Baltikoj i Sredizemnomor'em. Izdanie vtoroe [The Dragon "Nebo" on the Way from the Varangians to the Greeks: Archaeological and navigational studies of ancient water communications between the Baltic and the Mediterranean. Second edition], Saint-Petersburg, 2000 [in Russian].

Lev Diakon 1988 - Lev Diakon. Istoriya / Perevod M.M. Kopylenko, stat'ya M.YA. Syuzyumova, kommentarij M.YA. Syuzyumova, S.A. Ivanova [History / Translation by M.M. Kopylenko, article by M.Y. Syuzyumov, commentary by M.Y. Syuzyumov, S.A. Ivanov], Moscow, 1988.

Lihachev 1992 - Lihachev D.S. Rossiya nikogda ne byla Vostokom [Russia has never been the East], in: Literaturnaya gazeta [Literary newspaper], 1992, № 6 (5383) [in Russian].

Lihachev 1994 - Lihachev D.S. Nel'zya ujti ot samih sebya… Istoricheskoe samosoznanie i kul'tura Rossii [You can't get away from yourself... Historical self-awareness and culture of Russia], in: Novyj mir [A new world], 1994, № 6 [in Russian].

Lihachev 2001 - Lihachev D.S. Rossiya nikogda ne byla Vostokom (Ob istoricheskih zakonomernostyah i nacional'nom svoeobrazii: Evraziya ili Skandoslaviya?) [Russia has never been the East (About historical patterns and national identity: Eurasia or Scandinavia?)], in: Lihachev D.S. Razdum'ya o Rossii [Thoughts about Russia], Saint-Petersburg, 2001 [in Russian].

Lind 2011 - Lind J. «Vikings» and the Viking Age, in: Visy druzhby. Sbornik statej v chest' T.N. Dzhakson [Viss of friendship. Collection of articles in honor of T.N. Jakson], Moscow, 2011 [in English].

Litavrin 2000 - Litavrin G.G. Vizantiya, Bolgariya, Drevnyaya Rus' (IX – nachalo XII v.) [Byzantium, Bulgaria, Ancient Russia (IX – early XII century)], Saint-Petersburg, 2000 [in Russian].

Lomonosov 1955 - Lomonosov M.V. Polnoe sobranie sochinenij [The Complete Works], Vol. 9, Moscow; Leningrad, 1955 [in Russian].

Lomonosov 2011 - Lomonosov M.V. Polnoe sobranie sochinenij. T. 6 / Nauchnye redaktory A.N. Saharov, V.V. Fomin. Izdanie vtoroe, ispravlennoe i dopolnennoe [The complete works. Volume 6 / Scientific editors A.N. Sakharov, V.V. Fomin. Second edition, revised and expanded], Moscow; Saint-Petersburg, 2011 [in Russian].

Lovmyan'skij 1985 - Lovmyan'skij H. Rus' i normanny [Rus and the Normans], Moscow, 1985 [in Russian].

Machinskij 1997 - Machinskij D.A. Ladoga / Aldeigja: religiozno-mifologicheskoe soznanie i istoriko-arheologicheskaya real'nost' (VIII-XII vv.) [Ladoga / Aldeigja: religious and mythological consciousness and historical and archaeological reality (VIII-XII centuries)], in: Ladoga i religioznoe soznanie. Tret'i chteniya pamyati A. Machinskoj [Ladoga and religious consciousness. Third readings in memory of A. Machinskaya], Saint-Petersburg, 1997 [in Russian].

Makarov 2012 - Makarov N.A. Suzdal'skoe Opol'e [Suzdal Opole], in: Rus' v IX-X vekah: arheologicheskaya panorama / Otv. red. N.A. Makarov [Russia in the IX-X centuries: an archaeological panorama / Responsible editor N.A. Makarov], Moscow; Vologda, 2012 [in Russian].

Maksimovich 2006 - Maksimovich K.A. Proiskhozhdenie etnonima Rus' v svete istoricheskoj lingvistiki i drevnejshih pis'mennyh istochnikov [The origin of the ethnonym Rus in the light of historical linguistics and ancient written sources], in: KANIΣKION. YUbilejnyj sbornik v chest' 60-letiya professora I.S. CHichurova [Anniversary collection in honor of the 60th anniversary of Professor I.S. Chichurov], Moscow, 2006 [in Russian].

Mel'nikova 1984 - Mel'nikova E.A. Drevnerusskie leksicheskie za-imstvovaniya v shvedskom yazyke [Old Russian lexical borrowings in Swedish], in: Drevnejshie gosudarstva na territorii SSSR. 1982 [The oldest states on the territory of the USSR. 1982], Moscow, 1984 [in Russian].

Mel'nikova 1994 - Mel'nikova E.A. Skandinavskie antroponimy v Drevnej Rusi [Scandinavian anthroponyms in Ancient Russia], in: Vostochnaya Evropa v drevnosti i srednevekov'e. Drevnyaya Rus' v sisteme etnopoliticheskih i kul'turnyh svyazej. CHteniya pamyati V.T. Pashuto [Eastern Europe in Antiquity and the Middle Ages. Ancient Rus in the system of ethnopolitical and cultural relations. V.T. Pashuto's Memory Readings], Moscow, 1994 [in Russian].

Mel'nikova 1995 - Mel'nikova E.A. K tipologii predgosudarstvennyh i rannegosudarstvennyh obrazovanij v Severnoj i Severo-Vostochnoj Evrope (postanovka problemy) [On the typology of Pre-State and Early State Formations in Northern and North-Eastern Europe (problem statement)], in: Drevnejshie gosudarstva Vostochnoj Evropy. 1992-1993 [The oldest states of Eastern Europe. 1992-1993], Moscow, 1995 [in Russian].

Mel'nikova 1999 - Mel'nikova E.A. Zarubezhnye istochniki po istorii Rusi kak predmet issledovaniya [Foreign sources on the history of Russia as a subject of research], in: Drevnyaya Rus' v svete zarubezhnyh istochnikov: Uchebnoe posobie dlya studentov vuzov [Ancient Russia in the light of foreign sources: A textbook for university students], Moscow, 1999 [in Russian].

Mel'nikova 2012 - Mel'nikova E.A. Normanny i dany, rus' i varyagi: skandinavy za zapade i vostoke Evropy [Normans and Danes, Rus and Varangians: Scandinavians in the West and East of Europe], in: Istoricheskij vestnik [Historical Bulletin], Vol. 1 (148), Moscow, 2012 [in Russian].

Mel'nikova, Petruhin 1990 - Mel'nikova E.A., Petruhin V.YA. Normanny i varyagi. Obraz vikinga na zapade i vostoke Evropy [Normans and Varangians. The image of the Viking in the West and East of Europe], in: Slavyane i ih sosedi. Etnopsihologicheskie stereotipy v srednie veka [Slavs and their neighbors. Ethnopsychological stereotypes in the Middle Ages], Moscow, 1990 [in Russian].

Mel'nikova, Petruhin 1994 - Mel'nikova E.A., Petruhin V.YA. Skandinavy na Rusi i v Vizantii v X-XI vekah: k istorii nazvaniya «varyag» [Scandinavians in Russia and Byzantium in the X-XI centuries: on the history of the name "Varangian"], in: Slavyanovedenie [Slavonic studies], 1994, № 2 [in Russian].

Mocya 1990 - Mocya A.P. Srubnye grobnicy YUzhnoj Rusi [Log tombs of Southern Russia], in: Problemy arheologii YUzhnoj Rusi [Problems of archeology of Southern Russia], Kiev, 1990 [in Russian].

Mocya 1990a - Mocya O.P. Pogrebeniya skandinavov na YUge Kievskoj Rusi [Burials of Scandinavians in the South of Kievan Rus], in: Arheologiya [Archaeology], 1990, № 4 [in Ukrainian].

Mocya 2001 - Mocya A.P. Vikingi na yuge Rusi [Vikings in the South of Russia], in: Drevnij mir [The Ancient World], 2001, № 1 [in Russian].

Montesk'e 1955 - Montesk'e SH.L. Izbrannye proizvedeniya [Selected works], Moscow, 1955 [in Russian].

Moshin 2010 - Moshin V.A. Varyago-russkij vopros [Varyago-Russian question], in: Varyago-russkij vopros v istoriografii [Varyago-the Russian question in Historiography], Moscow, 2010 [in Russian].

Münster 1628 - Münster S. Cosmographia, Part IV, Basel, 1628 [in Latin].

Murasheva 1996 - Murasheva V.V. Predmetnyj mir epohi [The subject world of the epoch], in: Put' iz varyag v greki i iz grek [The way from the Varangians to the Greeks and from the Greeks], Moscow, 1996 [in Russian].

Murasheva 1997 - Murasheva V.V. Byla li Drevnyaya Rus' chast'yu Velikoj SHvecii? [Was Ancient Russia a part of Great Sweden?], in: Rodina [Homeland], 1997, № 10 [in Russian].

Murasheva 1998 - Murasheva V.V. Skandinavskie nabornye remennye nakladki s territorii Drevnej Rusi [Scandinavian typesetting belt linings from the territory of Ancient Russia], in: Istoricheskaya arheologiya: tradicii i perspektivy. K 80-letiyu so dnya rozhdeniya D.A. Avdusina [Historical archaeology: Traditions and perspectives. To the 80th anniversary of the birth of D.A. Avdusin], Moscow, 1998 [in Russian].

Murasheva 2009 - Murasheva V.V. «Put' iz obodrit v greki…» (arheo-logicheskij kommentarij po «varyazhskomu voprosu») ["The way from Obodrit to the Greeks..." (archaeological commentary on the "Varangian question")], in: Rossijskaya istoriya [Russian History], 2009, № 4 [in Russian].

Murasheva 2012 - Murasheva V.V. Slavyane, varyagi i inye «yazyci» na rechnyh putyah Vostochnoj Evropy [Slavs, Varangians and other "languages" on the river routes of Eastern Europe], in: Mech i zlatnik: K 1150-letiyu zarozhde-niya Drevnerusskogo gosudarstva: Katalog vystavki [Sword and Zlatnik: To the 1150th anniversary of the birth of the Ancient Russian state: Exhibition catalog], Moscow, 2012 [in Russian].

Nazarenko 2012 - Nazarenko A.V. Rus' IX veka: obzor pis'mennyh is-tochnikov [Russia of the IX century: a review of written sources], in: Rus' v IX-X vekah: arheologicheskaya panorama / Otv. red. N.A. Makarov [Russia in the IX-X centuries: an archaeological panorama / Responsible editor N.A. Makarov], Moscow; Vologda, 2012 [in Russian].

Nizami 1986 - Nizami Gyandzhevi. Iskender-name [Iskender-name], in: Nizami Gyandzhevi. Sobranie sochinenij v pyati tomah [Collected works in five volumes], Vol. 5, Moscow, 1986 [in Russian].

Nosov 2007 - Nosov E.N. Tridcat' let raskopok Gorodishcha: itogi i perspektivy [Thirty years of excavations of the Settlement: results and prospects], in: U istokov russkoj gosudarstvennosti. Materialy mezhdunarodnoj konferencii [At the origins of Russian statehood. Materials of the international conference], Saint-Petersburg, 2007 [in Russian].

Nosov 2009 - Nosov E.N. Otkuda poshel «Novyj gorod»? [Where did the "New City" come from?], in: Rodina [Homeland], 2009, № 9 [in Russian].

Nosov 2012 - Nosov E.N. Novgorodskaya zemlya: Severnoe Priil'men'e i Povolhov'e [Novgorod land: Northern Priilmenye and Povolkhovye], in: Rus' v IX-X vekah: arheologicheskaya panorama / Otv. red. N.A. Makarov [Russia in the IX-X centuries: an archaeological panorama / Responsible editor N.A. Makarov], Moscow; Vologda, 2012 [in Russian].

Nosov 2012a - Nosov E.N. U istokov Rusi i Novgoroda [At the origins of Russia and Novgorod], in: Rodina [Homeland], 2012, № 9 [in Russian].

Nunan 2001 - Nunan T.S. Zachem vikingi v pervyj raz pribyli v Rossiyu [Why did the Vikings arrive in Russia for the first time], in: Amerikanskaya rusistika: vekhi istoriografii poslednih let. Period Kievskoj i Moskovskoj Rusi. Antologiya [American Russian studies: milestones of historiography of recent years. The period of Kievan and Moscow Rus. Anthology], Samara, 2001 [in Russian].

Parhomenko 1913 - Parhomenko V.A. Nachalo hristianstva Rusi. Ocherk iz istorii Rusi IX-X vv. [The beginning of Christianity in Russia. An essay from the history of Russia of the IX-X centuries], Poltava, 1913 [in Russian].

Parhomenko 1922 - Parhomenko V.A. Iz drevnejshej istorii vostoch-nogo slavyanstva. Po povodu izyskanij A.A. SHahmatova v oblasti territorii i etnografii drevnejshej Rusi [From the ancient history of the Eastern Slavs. About the research of A.A. Shakhmatov in the field of territory and ethnography of ancient Russia], in: Izvestiya Otdeleniya russkogo yazyka i slovesnosti Akademii nauk [Proceedings of the Department of Russian Language and Literature of the Academy of Sciences], Vol. XXV, Petrograd, 1922 [in Russian].

Pchelov 1994 - Pchelov E.V. Legendarnaya i nachal'naya genealogiya Ryuri-kovichej [Legendary and initial genealogy of the Rurikovich], in: Letopis' Istoriko-rodoslovnogo obshchestva v Moskve [Chronicle of the Historical and Genealogical Society in Moscow], Vol. 2 (46), Moscow, 1994 [in Russian].

Pchelov 1999 - Pchelov E.V. Predki Rorika YUtlandskogo [The ancestors of Rorik of Jutland], in: Rossiya v IX-XX vekah. Problemy istorii, istoriografii i istochnikovedeniya [Russia in the IX-XX centuries. Problems of history, historiography and source studies], Moscow, 1999 [in Russian].

Pchelov 2010 - Pchelov E.V. Ryurik [Rurik], Moscow, 2010 [in Russian].

Pchelov 2012 - Pchelov E.V. Istoriya Rossii s drevnejshih vremen do konca XVI veka. Uchebnik dlya 6 klassa obshcheobrazovatel'nyh uchrezhdenij [The history of Russia from ancient times to the end of the XVI century. Textbook for the 6th grade of general education institutions], Moscow, 2012 [in Russian].

Petruhin 1995 - Petruhin V.YA. Nachalo etnokul'turnoj istorii Rusi IX-XI vekov [The beginning of the ethnocultural history of Russia of the IX-XI centuries], Smolensk; Moscow, 1995 [in Russian].

Petruhin 1997 - Petruhin V.YA. «Ot tekh varyag prozvasya…» ["From those Varangians nicknamed ..."], in: Rodina [Homeland], 1997, № 10 [in Russian].

Petruhin 2000 - Petruhin V.YA. Drevnyaya Rus': Narod. Knyaz'ya. Religiya [Ancient Russia: The People. Princes. Religion], in: Iz istorii russkoj kul'tury. T. I (Drevnyaya Rus') [From the history of Russian culture. Volume I (Ancient Russia)], Moscow, 2000 [in Russian].

Petruhin 2001 - Petruhin V.YA. «Russkij kaganat», skandinavy i YUzhnaya Rus': srednevekovaya tradiciya i stereotipy sovremennoj istoriografii ["Russian Kaganate", Scandinavians and Southern Russia: Medieval Tradition and Stereotypes of Modern Historiography], in: Drevnejshie gosudarstva Vostochnoj Evropy. 1999 [The oldest states of Eastern Europe. 1999], Moscow, 2001 [in Russian].

Petruhin 2001a - Petruhin V.YA. O «Russkom kaganate», nachal'nom le-topisanii, poiskah i nedorazumeniyah v novejshej istoriografii [About the "Russian Khaganate", the initial chronicle, searches and misunderstandings in modern historiography], in: Slavyanovedenie [Slavonic studies], 2001, № 4 [in Russian].

Petruhin 2003 - Petruhin V.YA. Mify drevnej Skandinavii [Myths of ancient Scandinavia], Moscow, 2003 [in Russian].

Petruhin 2007 - Petruhin V.YA. Dohristianskie drevnosti: po arheo-logicheskim materialam IV-X veka [Pre-Christian antiquities: based on archaeological materials of the IV-X century], in: Istoriya russkogo iskusstva. T. 1. Iskusstvo Kievskoj Rusi. IX – pervaya chetvert' XII veka [The history of Russian art. Volume 1. The Art of Kievan Rus. IX – the first quarter of the XII century], Moscow, 2007 [in Russian].

Petruhin 2008 - Petruhin V.YA. Legenda o prizvanii varyagov i Baltijskij region [The legend of the calling of the Varangians and the Baltic region], in: Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki [Ancient Russia. Issues of medieval studies], 2008, № 2 (32) [in Russian].

Petruhin 2009 - Petruhin V.YA. Rus' iz Prussii: reanimaciya istorio-graficheskogo mifa [Rus from Prussia: Reanimation of a Historiographical Myth], in: Trudy Gosudarstvennogo Ermitazha. T. XLIX. Slozhenie russkoj gosudarstvennosti v kontekste rannesrednevekovoj istorii Starogo Sveta [Works of the State Hermitage Museum. Volume XLIX. The Formation of Russian Statehood in the context of the Early Medieval History of the Old World], Saint-Petersburg, 2009 [in Russian].

Petruhin 2010 - Petruhin V.YA. O skandinavskih izobrazitel'nyh tradiciyah v drevnerusskom iskusstve [About Scandinavian visual traditions in Ancient Russian art], in: Slavyano-russkoe yuvelirnoe delo i ego istoki. Materialy Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, posvyashchennoj 100-letiyu so dnya rozhdeniya G.F. Korzuhinoj [Slavic-Russian jewelry and its origins. Materials of the International Scientific Conference dedicated to the 100th anniversary of the birth of G.F. Korzukhina], Saint-Petersburg, 2010 [in Russian].

Petruhin 2011 - Petruhin V.YA. «Rus' i vsi yazyci». Aspekty istoricheskih vzaimosvyazej: Istoriko-arheologicheskie ocherki ["Rus and all languages". Aspects of historical interrelations: Historical and archaeological essays], Moscow, 2011 [in Russian].

Petruhin 2012 - Petruhin V.YA. Kto i zachem prizyval varyagov? [Who called the Varangians and why?], in: Rodina [Homeland], 2012, № 9 [in Russian].

Petruhin 2013 - Petruhin V.YA. Rus' v IX-X vekah. Ot prizvaniya varyagov do vybora very [Russia in the IX-X centuries. From the vocation of the Varangians to the choice of faith], Moscow, 2013 [in Russian].

Petruhin, Raevskij 1998 - Petruhin V.YA., Raevskij D.S. Ocherki istorii narodov Rossii v drevnosti i rannem srednevekov'e [Essays on the History of the Peoples of Russia in Antiquity and the Early Middle Ages], Moscow, 1998 [in Russian].

Pigulevskaya 1941 - Pigulevskaya N.V. Sirijskie istochniki po istorii narodov SSSR [Syrian sources on the history of the peoples of the USSR], Moscow; Leningrad, 1941 [in Russian].

Plavinskij 2012 - Plavinskij N.A. Recenziya na knigu: Androshchuk F.A., Zocenko V.N. Skandinavskie drevnosti YUzhnoj Rusi. Paris, 2012 [Book review: Androshchuk F.A., Zotsenko V.N. Scandinavian antiquities of Southern Russia. Paris, 2012], in: Ruthenica, 2012, № XI [in Russian].

Pogodin 1846 - Pogodin M.P. Issledovaniya, zamechaniya i lekcii o russkoj istorii. Normanskij period [Research, remarks and lectures on Russian history. Norman Period], Vol. 3, Moscow, 1846 [in Russian].

Pogodin 1859 - Pogodin M.P. Normanskij period russkoj istorii [The Norman Period of Russian History], Moscow, 1859 [in Russian].

Pogodin 2015 - Pogodin M.P. Gospodin Gedeonov i ego sistema o pro-iskhozhdenii varyagov i rusi [Mr. Gedeonov and his system about the origin of the Varangians and Russia], in: Skandinavomaniya i ee nebylicy o russkoj istorii [Scandinavomania and its tall tales about Russian history], Moscow, 2015 [in Russian].

Pogodin 2020 - Pogodin M.P. Drevnyaya russkaya istoriya do mongol'-skogo iga [Ancient Russian history before the Mongol yoke], Vol. I, Moscow, 2020 [in Russian].

Prizrak 2011 - Skol'ko stoit vyzvat' skandinavskogo prizraka? [How much does it cost to summon a Scandinavian ghost?], 2011, Electronic resource: http://pereformat.ru/2011/12/shum-gora/ (Date of access - 30.09.2021) [in Russian].

PSRL. II - Polnoe sobranie russkih letopisej. T. 2. Ipat'evskaya letopis' [The complete collection of Russian Chronicles. Volume 2. The Ipatiev Chronicle], Moscow, 1962 [in Russian].

Romenskij 2017 - Romenskij A.A. Imperiya rosov i «tavroskify». Ocherki russko-vizantijskih otnoshenij poslednej chetverti X v. [The Empire of the Roses and the "tavroskifs". Essays on Russian-Byzantine relations of the last quarter of the tenth century], Harkov, 2017 [in Russian].

Rospond 1965 - Rospond S. Struktura i klassifikaciya drevnevostoch-noslavyanskih antroponimov (imena) [Structure and classification of Ancient East Slavic anthroponyms (names)], in: Voprosy yazykoznaniya [Questions of linguistics], 1965, № 3 [in Russian].

Rospond 1972 - Rospond S. Struktura i stratigrafiya drevnerusskih toponimov [Structure and stratigraphy of Ancient Russian toponyms], in: Vostochno-slavyanskaya onomastika [East Slavic onomastics], Moscow, 1972 [in Russian].

Russkaya zemlya 1986 - Otkuda est' poshla Russkaya zemlya. Veka VI-X / Sostavlenie, predislovie, vvedenie k dokumentam, kommentarii A.G. Kuz'mina [Where did the Russian land come from? Centuries VI-X / Compilation, preface, introduction to documents, comments by A.G. Kuzmin], Vol. 1-2, Moscow, 1986 [in Russian].

Rydzevskaya 1978 - Rydzevskaya E.A. Drevnyaya Rus' i Skandinaviya v IX-XIV vv. [Ancient Russia and Scandinavia in the IX-XIV centuries], Moscow, 1978 [in Russian].

Sabinin 1837 - Sabinin S.K. O proiskhozhdenii naimenovanij boyarin i bolyarin [About the origin of the names boyar and bolyarin], in: ZHurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya [Journal of the Ministry of Public Education], Vol. XVI, Saint-Petersburg, 1837 [in Russian].

Sabinin 1843 - Sabinin S.K. Volos, yazycheskoe bozhestvo slavyano-russov, sravnennoe s Odinom skandinavov [Volos, a pagan deity of the Slavic-Russ, compared with Odin of the Scandinavians], in: ZHurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya [Journal of the Ministry of Public Education], Vol. XL, Saint-Petersburg, 1843 [in Russian].

Sagajdak 2007 - Sagajdak M.A. (pri uchastii V.V. Murashyovoj i V.YA. Petruhina). K istorii gradoobrazovaniya na territorii Drevnej Rusi. VI – pervaya polovina XI veka [On the history of town formation in the territory of Ancient Russia. VI – the first half of the XI century], in: Istoriya russkogo iskusstva. T. 1. Iskusstvo Kievskoj Rusi. IX – pervaya chetvert' XII veka [The history of Russian art. Volume 1. The Art of Kievan Rus. IX – the first quarter of the XII century], Moscow, 2007 [in Russian].

Samonova 2010 - Samonova M.N. Skandinavy na belorusskih zemlyah v IX-X vv.: k postanovke problemy [Scandinavians on the Belarusian lands in the IX-X centuries: towards the formulation of the problem], in: Studia Historika Europae Orientalis = Issledovaniya po istorii Vostochnoj Evropy [Studies on the history of Eastern Europe], Vol. 3, Minsk, 2010 [in Russian].

Sazonov 1835 - Sazonov N. Ob istoricheskih trudah i zaslugah Millera [About Miller's historical works and merits], in: Uchenye zapiski imperatorskogo Moskovskogo universiteta [Scientific notes of the Imperial Moscow University], 1835, № 2 [in Russian].

Scholz 2000 - Scholz B. Von der Chronistik zur modernen Geschichtswissenschaht. Die Warägerfrage in der russischen, deutschen und schwedischen Historiographie [From chronology to modern historiography. The Varangian question in Russian, German and Swedish historiography], Wiesbaden, 2000 [in German].

Schramm 2002 - Schramm G. Altrusslands Anfang. Historische Schlüsse aus Namen, Wörtern und Texten zum 9. und 10. Jahrhundert [The beginning of Russia. Historical conclusions from names, words and texts on the 9th and 10th centuries], Freiburg, 2002 [in German].

Sedov 1979 - Sedov V.V. Proiskhozhdenie i rannyaya istoriya slavyan [Origin and early history of the Slavs], Moscow, 1979 [in Russian].

Sedov 1982 - Sedov V.V. Vostochnye slavyane v VI-XIII vv. [Eastern Slavs in the VI-XIII centuries], Moscow, 1982 [in Russian].

Sedov 1994 - Sedov V.V. Slavyane v drevnosti [Slavs in ancient times], Moscow, 1994 [in Russian].

Sedov 1995 - Sedov V.V. Izdeliya drevnerusskoj kul'tury v Skandinavii [Products of ancient Russian culture in Scandinavia], in: Slavyano-russkie drevnosti. Drevnyaya Rus': novye issledovaniya [Slavic-Russian antiquities. Ancient Russia: new research], Vol. 2, Saint-Petersburg, 1995 [in Russian].

Sedov 1999 - Sedov V.V. Drevnerusskaya narodnost'. Istoriko-arheologicheskoe issledovanie [Ancient Russian nationality. Historical and archaeological research], Moscow, 1999 [in Russian].

Sedov 2002 - Sedov V.V. Rusy v VIII – pervoj polovine IX veka [Russ in the VIII – first half of the IX century], in: Kratkie soobshcheniya Instituta arheologii RAN [Brief reports of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences], Vol. 213, Moscow, 2002 [in Russian].

Sedov 2003 - Sedov V.V. O rusah i Russkom kaganate IX v. [About Russ and the Russian Khaganate of the IX century], in: Slavyanovedenie [Slavonic studies], 2003, № 2 [in Russian].

Senkovskij 1834 - Senkovskij O.I. Skandinavskie sagi [Scandinavian Sagas], in: Biblioteka dlya chteniya [Library for reading], Vol. I, Part II, Saint-Petersburg, 1834 [in Russian].

Senkovskij 1834a - Senkovskij O.I. Ejmundova saga [Eimund 's Saga], in: Biblioteka dlya chteniya [Library for reading], Vol. II, Part III, Saint-Petersburg, 1834 [in Russian].

Senkovskij 1859 - Senkovskij O.I. O proiskhozhdenii imeni russov [About the origin of the name Russov], in: Senkovskij O.I. Sobranie sochinenij [Collected works], Vol. VI, Saint-Petersburg, 1859 [in Russian].

SHaskol'skij 1965 - SHaskol'skij I.P. Normanskaya teoriya v sovremennoj burzhuaznoj nauke [Norman theory in modern Bourgeois Science], Moscow; Leningrad, 1965 [in Russian].

SHaskol'skij 1983 - SHaskol'skij I.P. Antinormanizm i ego sud'by [Anti-Normanism and its fate], in: Problemy otechestvennoj i vseobshchej istorii. Genezis i razvitie feodalizma v Rossii [Problems of national and universal history. Genesis and development of feudalism in Russia], Vol. 7, Leningrad, 1983 [in Russian].

SHaskol'skij 1986 - SHaskol'skij I.P. Normanskaya problema v isto-richeskoj nauke 1970-h – 1980-h gg. [Norman problem in Historical science of the 1970s – 1980s], in: X Vsesoyuznaya konferenciya po izuche-niyu istorii, ekonomiki, literatury i yazyka skandinavskih stran i Finlyandii. Tezisy dokladov [X All-Union Conference on the Study of History, Economics, Literature and Language of the Scandinavian Countries and Finland. Abstracts of reports], Part 1, Moscow, 1986 [in Russian].

SHCHavelev 2012 - SHCHavelev S.P. 1150: yubilej rossijskoj gosudarstvennosti. Ot «prizvaniya varyagov» do osnovaniya zhitijno-letopisnogo goroda Kurska [1150: anniversary of Russian statehood. From the "vocation of the Varangians" to the foundation of the hagiographic and chronicle city of Kursk], Kursk, 2012 [in Russian].

SHCHavelev 2013 - SHCHavelev S.P. Dan' Mnemozine. Recenzii i otzyvy na izdaniya i rukopisi 1990-2000-h godov po istoriografii otechestvennoj istorii i arheologii [A tribute to Mnemosyne. Reviews and reviews of publications and manuscripts of the 1990s-2000s on the historiography of national history and archeology], Part 1, Kursk, 2013 [in Russian].

SHlecer 1809 - SHlecer A.L. Nestor [Nestor], Part I, Saint-Petersburg, 1809 [in Russian].

SHlecer 1816 - SHlecer A.L. Nestor [Nestor], Part II, Saint-Petersburg, 1816 [in Russian].

SHlecer 1819 - SHlecer A.L. Nestor [Nestor], Part III, Saint-Petersburg, 1819 [in Russian].

SHlecer 1875 - SHlecer A.L. Obshchestvennaya i chastnaya zhizn' Avgusta Lyudviga SHlecera, im samim opisannaya [The public and private life of August Ludwig Schletzer, described by himself], Saint-Petersburg, 1875 [in Russian].

SHlecer 2015 - SHlecer A.L. Opyt izucheniya russkih letopisej [Experience of studying Russian chronicles], in: Skandinavomaniya i ee nebylicy o russkoj istorii [Scandinavomania and its tall tales about Russian history], Moscow, 2015 [in Russian].

SHol'c 2000 - SHol'c B. Nemecko-rossijskaya polemika po «varyazhsko-mu voprosu» v Peterburgskoj akademii [German-Russian polemic on the "Varangian question" at the St. Petersburg Academy], in: Russkie i nemcy v XVIII veke: vstrecha kul'tur [Russians and Germans in the XVIII century: meeting of cultures], Moscow, 2000 [in Russian].

Simpson 2005 - Simpson ZH. Vikingi. Byt, religiya, kul'tura [Vikings. Life, religion, culture], Moscow, 2005 [in Russian].

Skrynnikov 1995 - Skrynnikov R.G. Vojny Drevnej Rusi [Wars of Ancient Russia], in: Voprosy istorii [History issues], 1995, № 11-12 [in Russian].

Skrynnikov 1997 - Skrynnikov R.G. Drevnyaya Rus'. Letopisnye mify i dejstvitel'nost' [Ancient Russia. Chronicle myths and reality], in: Voprosy istorii [History issues], 1997, № 8 [in Russian].

Skrynnikov 1997a - Skrynnikov R.G. Istoriya Rossijskaya. IX-XVII vv. [Russian history. IX-XVII centuries], Moscow, 1997 [in Russian].

Skrynnikov 1999 - Skrynnikov R.G. Rus' IX-XVII veka [Russia of the IX-XVII centuries], Saint-Petersburg, 1999 [in Russian].

Skrynnikov 2000 - Skrynnikov R.G. Krest i korona. Cerkov' i gosudarstvo na Rusi IX-XVII vv. [Cross and crown. Church and state in Russia IX-XVII centuries], Saint-Petersburg, 2000 [in Russian].

Slavyanskie hroniki 2011 - Adam Bremenskij, Gel'mol'd iz Bosau, Arnol'd Lyubekskij. Slavyanskie hroniki / Perevod s latinskogo I.V. D'yakonova, L.V. Razumovskoj [Slavic Chronicles / Translated from Latin by I.V. Dyakonov, L.V. Razumovskaya], Moscow, 2011 [in Russian].

Smirnov 2011 - Smirnov A.S. Vlast' i organizaciya arheologicheskoj nauki v Rossijskoj imperii (ocherki institucionnoj istorii nauki XIX – nachala XX veka) [The Power and Organization of Archaeological Science in the Russian Empire (Essays on the Institutional History of Science of the XIX – early XX century)], Moscow, 2011 [in Russian].

Sobchak 1998 - Sobchak A.A. Russko-shvedskie svyazi Sankt-Peterburga [Russian-Swedish relations of St. Petersburg], in: Vikingi i slavyane. Uchenye, politiki, diplomaty o russko-skandinavskih otnosheniyah [Vikings and Slavs. Scientists, politicians, diplomats on Russian-Scandinavian relations], Saint-Petersburg, 1998 [in Russian].

Sojer 2002 - Sojer P. Epoha vikingov [The Viking Age], Saint-Petersburg, 2002 [in Russian].

Sokolov 2010 - Sokolov S.V. Recenziya na: Klejn L.S. Spor o varyagah. Istoriya protivostoyaniya i argumenty storon, Saint-Petersburg, 2009 [Review of: Klein L.S. Dispute about the Varangians. The history of confrontation and arguments of the parties. St. Petersburg, 2009], in: Slavyanovedenie [Slavonic studies], 2010, № 2 [in Russian].

Solov'ev 1901 - Solov'ev S.M. Avgust-Lyudvig SHlecer [August-Ludwig Schletzer], in: Solov'ev S.M. Sobranie sochinenij [Collected works], Saint-Petersburg, 1901 [in Russian].

Solov'ev 1901a - Solov'ev S.M. Pisateli russkoj istorii XVIII veka [Writers of Russian history of the XVIII century], in: Solov'ev S.M. Sobranie sochinenij [Collected works], Saint-Petersburg, 1901 [in Russian].

SPI 1981 - Slovo o polku Igoreve. Drevnerusskij tekst i perevody / Sostavlenie, vstupitel'naya stat'ya, podgotovka drevnerusskogo teksta i kommentarij V.I. Stelleckogo [A word about Igor's regiment. Old Russian text and translations / Compilation, introductory article, preparation of the Old Russian text and commentary by V.I. Stelletsky], Moscow, 1981 [in Russian].

Stal'sberg 1987 - Stal'sberg A. ZHenskie veshchi skandinavskogo pro-iskhozhdeniya na territorii Drevnej Rusi [Women's clothes of Scandinavian origin in the territory of Ancient Russia], in: Trudy V Mezhdunarodnogo kongressa slavyanskoj arheologii [Proceedings of the V International Congress of Slavic Archaeology], Vol. III, Part 1b, Moscow, 1987 [in Russian].

Stefanovich 2006 - Stefanovich P.S. Klyatva po russko-vizantijskim dogovoram X v. [The oath under the Russian-Byzantine treaties of the tenth century], in: Drevnejshie gosudarstva Vostochnoj Evropy. 2004 [The oldest states of Eastern Europe. 2004], Moscow, 2006 [in Russian].

Stender-Petersen 1934 - Stender-Petersen A. Die Varägersage als Quelle der altrussischen Chronik [The Varägersage as a source of the Old Russian chronicle], Aarhus, 1934 [in German].

Stender-Petersen 1953 - Stender-Petersen A. Varangica, Aarhus, 1953 [in German].

Stender-Petersen 1954 - Stender-Petersen A. Anthology of Old Russian Literature, New York, 1954 [in English].

Stender-Petersen 1955 - Stender-Petersen A. Das Problem der ältesten byzantinisch-russisch-nordischen Beziehungen [Stender-Petersen A. The problem of the oldest Byzantine-Russian-Nordic relations], in: X Congresso Internazionale di Scienze Storiche. Relazioni [International Congress of Historical Sciences. Report], Vol. III, Roma, 1955 [in German].

Stender-Petersen 1959 - Stender-Petersen A. Varægerspørgsmålet [Varangian question], in: Viking, Vol. XXIII, Oslo, 1959 [in Norwegian].

Stender-Petersen 1960 - Stender-Petersen A. Der älteste russische Staat [The oldest Russian state], in: Historische Zeitschrift [Historical Magazine], Vol. 191, № 1, München, 1960 [in German].

Stender-Petersen 1960 - Stender-Petersen A. Otvet na zamechaniya V.V. Pohlebkina i V.B. Vilinbahova [Response to the remarks of V.V. Pokhlebkin and V.B. Vilinbakhov], in: Kuml, 1960, Aarhus, 1960 [in Russian].

Sugorskij 1907 - Sugorskij I.N. V tumanah sedoj stariny. K varyazhskomu voprosu. Anglo-russkaya svyaz' v davnie veka [In the mists of hoary antiquity. To the Varangian question. Anglo-Russian communication in the old ages], Saint-Petersburg, 1907 [in Russian].

Sverdlov 2011 - Sverdlov M.B. M.V. Lomonosov i stanovlenie isto-richeskoj nauki v Rossii [M.V. Lomonosov and the formation of historical science in Russia], Saint-Petersburg, 2011 [in Russian].

Syromyatnikov 1912 - Syromyatnikov S.N. Drevlyanskij knyaz' i varyazh-skij vopros [The Drevlyansky Prince and the Varangian question], in: ZHurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya. Novaya seriya [Journal of the Ministry of Public Education. New series], Vol. XL, July, Saint-Petersburg, 1912 [in Russian].

Thunmann 1774 - Thunmann J. Untersuchungen über die Geschichte der östlichen europaischen Völker [Studies on the history of the Eastern European peoples], Part 1, Leipzig, 1774 [in German].

Tiander 1902 - Tiander K.F. Recenziya na: St. Roźniecki. Perun und Thor. Ein Beitrag zur Quellenkritik der russischen Mythologie Archiv für slavische Philologie. T. XXIII. 1901 [Review of: St. Rozniecki. Perun und Thor. Ein Beitrag zur Quellenkritik der russischen Mythologie Archiv für slavische Philologie. Vol. XXIII. 1901], in: Izvestiya Otdeleniya russkogo yazyka i slovesnosti Akademii nauk [Proceedings of the Department of Russian Language and Literature of the Academy of Sciences], 1902, Vol. VII, Part 3 [in Russian].

Timofeev 1999 - Timofeev V.P. A vse-taki «Lyudota koval"» (Nazva-niya dneprovskih porogov – vozvrashchenie k staroj probleme) [And yet "Lyudota Koval" (The names of the Dnieper rapids are a return to the old problem)], in: Sbornik Russkogo istoricheskogo obshchestva [Collection of the Russian Historical Society], Vol. 1 (149), Moscow, 1999 [in Russian].

Titmar Merzeburgskij 2005 - Titmar Merzeburgskij. Hronika v vos'mi knigah / Perevod s latinskogo I.V. D'yakonova [Chronicle in Eight Books / Translated from Latin by I.V. Dyakonov], Moscow, 2005 [in Russian].

Tomsen 1891 - Tomsen V. Nachalo Russkogo gosudarstva [The beginning of the Russian State], Moscow, 1891 [in Russian].

Tomsinskij 2004 - Tomsinskij S.V. Ugleche pole v IX-XIII vekah [The coal field in the IX-XIII centuries], Saint-Petersburg, 2004 [in Russian].

Trubachev 2005 - Trubachev O.N. V poiskah edinstva. Vzglyad filologa na problemu istokov Rusi. Izdanie tret'e, ispravlennoe i dopolnennoe [In search of unity. The philologist's view on the problem of the origins of Russia. Third edition, revised and expanded], Moscow, 2005 [in Russian].

Tuhtina 1971 - Tuhtina N.V. Etnicheskaya prinadlezhnost' pogreben-nyh v kurganah YUgo-Vostochnogo Priladozh'ya [Ethnicity of those buried in the mounds of the Southeastern Ladoga region], in: Istoriya i kul'tura Vostochnoj Evropy po arheologicheskim dannym [History and culture of Eastern Europe according to archaeological data], Moscow, 1971 [in Russian].

Tuhtina 1987 - Tuhtina N.V. K voprosu o skandinavskih pogrebeniyah v Priladozh'e [On the question of Scandinavian burials in the Ladoga region], in: Voprosy drevnej i srednevekovoj arheologii Vostochnoj Evropy [Questions of ancient and medieval archeology of Eastern Europe], Moscow, 1987 [in Russian].

Veleckaya 1968 - Veleckaya N.N. O nekotoryh ritual'nyh yavleniyah yazycheskoj pogrebal'noj obryadnosti (k analizu soobshcheniya Ibn-Fadlana o pohoronah «russa») [About some ritual phenomena of pagan funeral rites (to the analysis of Ibn-Fadlan's message about the funeral of "Russ")], in: Istoriya, kul'tura, fol'klor i etnografiya slavyanskih narodov [History, culture, folklore and ethnography of Slavic peoples], Moscow, 1968 [in Russian].

Venelin 1871 - Venelin YU.I. Izvestiya o varyagah arabskih pisatelej i zloupotreblenie v istolkovanii onyh [News about the Varangians of Arab writers and abuse in the interpretation of them], in: CHteniya v Obshchestve istorii i drevnostej rossijskih pri Moskovskom universitete [Readings at the Society of Russian History and Antiquities at Moscow University], Vol. 4, Moscow, 1871 [in Russian].

Venelin 2015 - Venelin YU.I. Skandinavomaniya i ee poklonniki, ili stoletnie izyskaniya o varyagah. Istoriko-kriticheskoe rassuzhdenie [Scandinavomania and its fans, or a century-old research about the Varangians. Historical and critical

reasoning], in: Skandinavomaniya i ee nebylicy o russkoj istorii [Scandinavomania and its tall tales about Russian history], Moscow, 2015 [in Russian].

Vernadskij 1996 - Vernadskij G.V. Drevnyaya Rus' [Ancient Russia], Tver; Moscow, 1996 [in Russian].

Vernadskij 2000 - Vernadskij G.V. Kievskaya Rus' [Kievan Rus], Tver; Moscow, 2000 [in Russian].

Vidal'-Nake 2001 - Vidal'-Nake P. CHernyj ohotnik. Formy myshleniya i formy obshchestva v grecheskom mire [The Black Hunter. Forms of thinking and forms of society in the Greek World], Moscow, 2001 [in Russian].

Viking 2014 - Viking Val'demar v Krymu [Viking Valdemar in Crimea], 2014, Electronic resource: http://pereformat.ru/2014/12/viking-valdemar/ (Date of access - 26.01.2021) [in Russian].

Vladimirskij-Budanov 1907 - Vladimirskij-Budanov M.F. Obzor istorii russkogo prava. Izdanie pyatoe [Review of the history of Russian law. Fifth Edition], Saint-Petersburg; Kiev, 1907 [in Russian].

Vol'ter 1999 - Vol'ter. Istoriya Karla XII, korolya SHvecii, i Petra Velikogo, imperatora Rossii [The story of Charles XII, King of Sweden, and Peter the Great, Emperor of Russia], Saint-Petersburg, 1999 [in Russian].

Vovina-Lebedeva 2011 - Vovina-Lebedeva V.G. Istoriya Drevnej Rusi: uchebnik dlya studentov uchrezhdenij vysshego professional'nogo obrazovaniya [The History of Ancient Russia: a textbook for students of institutions of higher professional education], Moscow, 2011 [in Russian].

YAnin 1992 - YAnin V.L. Drevnee slavyanstvo i arheologiya Novgoroda [Ancient Slavs and the archeology of Novgorod], in: Voprosy istorii [History issues], 1992, № 10 [in Russian].

YAnin 2000 - YAnin V.L. Arheologiya i issledovanie russkogo sredneve-kov'ya [Archaeology and Research of the Russian Middle Ages], in: Vestnik Rossijskoj Akademii nauk [Bulletin of the Russian Academy of Sciences], Vol. 70, № 10, Moscow, 2000 [in Russian].

YAnin 2003 - YAnin V.L. 70 let Novgorodskoj arheologii. Itogi i per-spektivy [70 years of Novgorod archeology. Results and prospects], in: Ladoga i istoki rossijskoj gosudarstvennosti i kul'tury [Ladoga and the origins of Russian Statehood and culture], Saint-Petersburg, 2003 [in Russian].

YAnin 2007 - YAnin V.L. O nachale Novgoroda [About the beginning of Novgorod], in: U istokov russkoj gosu-darstvennosti. Materialy mezhdunarodnoj konferencii [At the origins of Russian statehood. Materials of the international conference], Saint-Petersburg, 2007 [in Russian].

YAnsson 1987 - YAnsson I. Kontakty mezhdu Rus'yu i Skandinaviej v epohu vikingov [Contacts between Russia and Scandinavia in the Viking Age], in: Trudy V Mezhdunarodnogo kongressa slavyanskoj arheologii [Proceedings of the V International Congress of Slavic Archaeology], Vol. III, Part 1b, Moscow, 1987 [in Russian].

YAnsson, Tegner, Panova 1996 - YAnsson I., Tegner YO., Panova T. Nasle-die varyagov. Dialog kul'tur [The heritage of the Varangians. Dialogue of cultures], Moscow, 1996 [in Russian].

YAsnovs'ka 2013 - YAsnovs'ka L.V. Recenziya na knigu: Androshchuk F.A., Zocenko V.N. Skandinavskie drevnosti YUzhnoj Rusi. Paris, 2012 [Book review: Androshchuk F.A., Zotsenko V.N. Scandinavian antiquities of Southern Russia. Paris, 2012], in: Arheologiya [Archaeology], 2013, № 2 [in Russian].

Zabelin 1876 - Zabelin I.E. Istoriya russkoj zhizni s drevnejshih vremen [The history of Russian life since ancient times], Part 1, Moscow, 1876 [in Russian].

Zabelin 1879 - Zabelin I.E. Istoriya russkoj zhizni s drevnejshih vremen [The history of Russian life since ancient times], Part 2, Moscow, 1879 [in Russian].

Zaharov 1999 - Zaharov V.A. Gde nahodilsya gorod «Rosiya»? [Where was the city of "Russia"?], in: Sbornik Russkogo istoricheskogo obshchestva [Collection of the Russian Historical Society], Vol. 1 (149), Moscow, 1999 [in Russian].

Zavitnevich 1892 - Zavitnevich V.Z. Proiskhozhdenie i pervonachal'naya istoriya imeni Rus' [Origin and original history of the name Rus], in: Trudy Kievskoj duhovnoj akademii [Proceedings of the Kiev Theological Academy], Kiev, 1892, № 12 [in Russian].

ZHarnov 1991 - ZHarnov YU.E. ZHenskie skandinavskie pogrebeniya v Gnezdove [Female Scandinavian burials in Gnezdovo], in: Smolensk i Gnezdovo (k istorii drevnerusskogo goroda) / Pod redakciej D.A. Avdusina [Smolensk and Gnezdovo (on the history of the Old Russian city) / Edited by D.A. Avdusin], Moscow, 1991 [in Russian].

ZHih 2018 - ZHih M.I. Raboty Dmitriya Tarasovicha Berezovca i problema lokalizacii Russkogo kaganata [Works of Dmitry Tarasovich Berezovets and the problem of localization of the Rus' khaganate], in: Istoricheskij format [Historical format], 2018, № 3-4 [in Russian].

Zimek 2001 - Zimek R. Vikingi: mif i epoha. Srednevekovaya koncepciya epohi vikingov [Vikings: Myth and Epoch. The medieval concept of the Viking Age], in: Drevnejshie gosudarstva Vostochnoj Evropy. Materialy i issledovaniya. 1999 [The oldest states of Eastern Europe. Materials and research. 1999], Moscow, 2001 [in Russian].

Фомин Вячеслав Васильевич
– Доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной и всеобщей истории Института истории, права и общественных наук Липецкого государственного педагогического университета (Липецк, Россия).

Vyacheslav Fomin
– Doctor of historical sciences, professor of department of national and general history of Institute of history, right and social sciences of the Lipetsk state pedagogical university (Lipetsk, Russia).

vfominv@mail.ru

ПРЕДЫСТОРИЯ РУСИ, РУССКИЙ И ВАРЯЖСКИЙ ВОПРОСЫ В КОНЦЕПЦИИ А.Г. КУЗЬМИНА

А.А. Карпенко
Независимый исследователь (Волгодонск, Россия)
e-mail: alnikar1953@mail.ru
Researcher ID: F-1250-2018
http://orcid.org/0000-0001-5905-2313
SPIN-код: 1459-5673

АВТОРСКОЕ РЕЗЮМЕ
Статья посвящена освещению предыстории Руси, варяжского и русского вопросов в концепции известного историка А.Г. Кузьмина. Учёный верно подмечал, что и в среде варягов, и в среде руссов самым непосредственным образом представлена была древняя индоевропейская основа – славянская, иранская, индоарийская, кельтская и др., взаимодействие между которыми привело к становлению Древнерусской цивилизации. Скандинавы участвовали во всех этих процессах, но их участие было очень скромным, поскольку к моменту их появления на исторической сцене региона, Русь как этнополитическое образование в основном уже было сформировано.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: **А.Г. Кузьмин, этногенез, Восточная Европа, археология, лингвистика, славяне, кельты, иранцы, германцы, Русь, варяги.**

EARLY HISTORY OF RUSSIA, RUSSIAN AND VARANGIAN QUESTIONS IN THE CONCEPT OF A.G. KUZMIN

Andrey Karpenko
Independent researcher (Volgodonsk, Russia)
e-mail: alnikar1953@mail.ru

ABSTRACT
The article sheds light on early history of Russia and the Varangian and Russian questions in the concept of the famous historian A.G. Kuzmin. The scientist rightly noted that environments of both the Varangians and the Russians had clear manifestations of the ancient Indo-European basis - Slavic, Iranian, Indo-Aryan, Celtic, etc., interactions between which led to the formation of the Early Rus' civilization. The Scandinavians took part in all these processes, but their participation was very modest, because by the time they appeared on the historical stage of the region, Rus' as an ethno-political entity had already been mainly formed.

KEYWORDS: **A.G. Kuzmin, ethnogenesis, Eastern Europe, archaeology, linguistics, Slavs, Celts, Iranians, Germans, Russia, Varangians.**

В работах А.Г. Кузьмина предыстории Руси уделялось важное место, поскольку лишь при её скрупулезном изучении в полной мере могут быть найдены ответы на вопросы о первоначальной этнической доминанте таких важных для генезиса древнерусской государственности понятий, как «варяги» и «русь». Истоки Руси уходят, по мнению А.Г. Кузьмина, в период существования так называемой черняховской археологической культуры, то есть, во II-V вв. н.э. Доминирующей в историографии альтернативе германцы или же славяне относительно этнического происхождения носителей этой культуры он противопоставляет поддержку более поздних, по времени своего появления, выводов об её этническом составе, ссылаясь на работы Г.Б. Фёдорова и Э.А. Рикмана (Фёдоров 1960: 90-97; Рикман 1969) и других исследователей, когда «стали больше уделять внимания иранским, фракийским и кельтским истокам» (Кузьмин 2003: 143) этой культуры.

В частности А.Г. Кузьмин обратил внимание, что «среди птолемеевых племён… представляют интерес… соседившие с аорсами боруски» (Латышев 1949: 236-237; Кузьмин 2003: 144). Поскольку аорсы явно ираноязычное племя южнорусских степей, то отождествить борусков с прусами, как чаще всего это делали исследователи, не представляется никакой возможности. Хотя «племенное название боруски известно в Прибалтике, в данном случае племя с таким именем оказывается далеко на левобережье Днепра» (Ременников 1954: 10, 90; Кузьмин 2003: 146). Поскольку, во-первых, «у Географа Баварского (VIII-IX вв.) упоминаются в Прибалтике "пириссани и Бруци"», то есть, «последние, очевидно, – прусы, которые пишутся в ранних источни-

Аполлон Григорьевич Кузьмин (1928-2004)

ках и как бруссы», а, во-вторых, «автор XVII века Г. Гартнох объяснял этноним как По-руссы, то есть, живущие по реке Русса – рукаву низовьев Немана», А.Г. Кузьмин считает верным пояснение автора, согласно которому «этноним традиционно объясняется из славянского языка» (Кузьмин 2003: 387). Птолемеевских «Булонов или Болонов, можно было бы сближать и с полянами, но Птолемей помещает их в бассейне Вислы, и речь может идти о польских полянах, или полонах» (Кузьмин 2003: 388). Если продолжить мысль о сопоставлении борусков с руссами, а булонов или болонов с полянами, помимо Прибалтики и Польши, соответственно, располагавшихся уже в столь раннее время в Среднем Поднепровье, то действительно, можно прийти к выводам, схожим с выводами А.Г. Кузьмина. А он писал, что «если, как полагают некоторые авторы, этноним носит славянский характер, это будет аргументом в пользу существования Руси в Приднепровье во II в. н.э.» (Кузьмин 2003: 146).

Остановившись далее на проблеме гуннов, также известных у Птолемея уже во II в. н.э. (Кузьмин 2003: 144, 146-152), А.Г. Кузьмин полагает, что они вместе с ругами и готами на Днепре «должны были войти в контакт с остатками славянских (анты) и иранских (? росомоны) племён. Здесь оставались и потомки древних, доскифских эпох, в известной мере сохранявших свою культуру и язык» (Кузьмин 2003: 152). Поскольку «черняховская культура складывается до прихода гуннов» и «прямые указания Приска свидетельствуют о том, что языком общения объединения был гуннский» (Кузьмин 2003: 153), есть смысл остановиться на вопросе о том, кем же были гунны в представлении исследователя, подробнее.

А.Г. Кузьмин отмечает, что «в “Норманнской хронике” (837-891 гг.) имеется свидетельство, размещающее “гунов” среди населения острова Скандзы (то есть, Скандинавии)» (Кузьмин2003: 146-147), а «ещё один автор говорит примерно о том же: Вудукинд (X в.) отмечает, что “гунны вышли из готов, а готы, как повествует Иордан, вышли с острова Сульце”», «в славянской… историографии было распространено убеждение, что “хунгары” – это славяне, пришедшие из Поморья, от реки Втра или Укра. Отсюда в некоторых случаях смешение “укран” с “унгарами” (Кузьмин 2003: 147). Среди прочего, любопытно, что «”Унгариорум”… называются Гротсвитом славяне под 880 годом, то есть, ещё до прихода венгров в Дунайскую котловину» (Павинский 1871: 59; Кузьмин 2003: 388). И «сам Атилла в средневековой славянской традиции воспринимался нередко в качестве первого короля Померании, или в качестве первого правителя вандалов, коих обычно рассматривали как предков славян на территории между Эльбой и Вислой. В качестве такового Атилла рассматривается в “Хронике Великопольской”, где также ставится знак равенства между хунгарами и вандалами. В саге о Тидрике Бернском “Гуналанд” располагается на запад от Польши и, – по наблюдению А.Г. Кузьмина, – прямо отождествляется с Фрисландией» (Веселовский 1906: 4-5; Кузьмин 1986: 542-550, 573-632; 2003: 147), а «П. Ша-

фарик привёл большое количество сведений о позднем смешении славян с гуннами, причём даже в XIX веке немцы именовали “гуннами” группу славян, проживавших в Швейцарии» (Шафарик 1837: 259; Кузьмин 2003: 147). «”Городом гуннов”» в некоторых сагах именуется балтийский славянский Волин (Юмна), а этническое название “гуннов” распространяется на вендов-венедов» (Шафарик 1837: 257-258; Кузьмин 2003: 147). Ещё в XI веке «Адам Бременский… знал, что Русь… имела ещё и другое название: Хунгард», как и «Гельмольд, склонный и предполагаемых потомков гуннов – венгров отнести к славянам» (Гельмольд 1963: 33; Кузьмин 2003: 147).

Все выше перечисленные факты подвели А.Г. Кузьмина к выводу о том, что «в гуннах II в. района Приднепровья нет никаких оснований видеть тюрок, как не видно их следа и в “Гунналанде” – Фрисландии. Напротив, и археологические, и лингвистические данные свидетельствуют о их индоевропейской принадлежности», а «Иордан отметил обычай племён «перенимать по большей части имена» и указал на «гуннское» происхождение многих имён готов» (Иордан 1960: 77; Кузьмин 2003: 148). По мнению А.Г. Кузьмина, «очевидно, Иордан, равно как и его потенциальные читатели, понимали, что имена эти не германские. Вместе с тем в них нет и какого-либо тюркского элемента. Это особый пласт индоевропейских имён» (Кузьмин 2003: 148). У гуннов «преобладают индоевропейские “гуннские” имена. Приск указал… на гуннском языке два слова: название напитка – “медос” и название погребальной тризны – “страва”». Но этот язык, возможно, не был и славянским. По-видимому, «осторожнее и правильнее… рассматривать этот язык как родственный славянским», поскольку «напиток “мед”» в том же значении, что и у славян, был распространён и кельтов», а «в форме “строва” понятие имелось и в литовском языке». Причём «характерным “гуннским” является имя самого Аттилы» и «оно явно индоевропейское», а «влияние «гуннского языка сказывается и на имена Тотила, Ругила и др.» (Кузьмин 2003: 149).

По мнению А.Г. Кузьмина, «особый интерес представляет имя первого гуннского вождя IV века Валамира, с которого начинается активность гуннов в южнорусских степях», поскольку «очевидно, близко к нему славянское Велемир» (Кузьмин 2003: 150), а «имена Бливила, Фроила, Оптила, Травстила, Бравила и Синдила не германские, а именно “гуннские”, и если искать им в индоевропейских языках ближайшие аналогии, имеет смысл обратиться к словено-варяжскому Новгороду. В Новгороде нехристианские имена принимали именно такую форму: Нездила, Нерила, Твердила и т.п. В этом же направлении переделывались и христианские имена: Петрило, Данила, Гаврила. В данном случае, как, видимо, и в некоторых других, славянские языки оказываются хранителями отдельных черт исчезнувших языков “венедской” группы» (Кузьмин 2003: 151).

«Гуннская» гидронимия тоже вроде бы указывает на их индоевропейское происхождение. Например, «Иордан привёл и ещё одно свидетельство о языке гуннов: река Днепр называлась на этом языке “Вар”» (Иордан 1960: 120; Кузьмин 2003: 151). И «зафиксированное Иорданом слово довольно ясное по своему значению. В санскрите “вар” – “вода”. В Европе этот корень встречается очень часто как раз для обозначения рек. Такова река “Вар” и производные от этого слова названия притоков в Южной Франции», где впоследствии обосновалась часть алан, до того входивших в состав черняховской археологической культуры, а также «в департаменте Вар, реки в Британии и Шотландии» (Кузьмин 2003: 151). Повсюду, где мы встречаем гуннов, внесших в жизнь последнего периода существования этой культуры существенный вклад, мы видим различные славянские, кельтские и, быть может, иранские параллели.

Именно славяне, иранцы и иные местные народности, по-видимому, составляли основу черняховской культуры, но «где истоки особенностей строения (и быть может быта), которые объединяют черняховцев с балто-скандинавами?» (Кузьмин 2003: 154) – резонно задаётся вопросом А.Г. Кузьмин. Не являются ли те элементы черняховской культуры, в которых обычно видят следы пребывания в ней германцев, осколком какого-то более древнего негерманского пласта древностей? И А.Г. Кузьмин в целом отвечает на этот вопрос положительно, тем более, что антрополог Т.И. Алексеева вообще «не обнаруживает в рамках черняховской культуры германских антропологических черт» (Алексеева 1974: 64-65; Кузьмин 2003: 390), а «А.Л. Монгайт, описывая “большие дома” (трёхчастного деления) северо-запада Германии рассматриваемой эпохи, предположил, что они принадлежат догерманскому местному населению» (Монгайт 1973: 332-333; Кузьмин 2003: 154). Тем более, что «до сих пор кельтоязычные области Британии (Шотландия, Уэльс), а также Ирландия сохраняют своеобразие в постройках жилищ, отличающие их от англо-саксов. Это своеобразие заключается как раз в сооружении “длинных” домов, в которых под общей крышей заключены жилые и хозяйственные отделения» (Гроздова 1970: 169, 191; Кузьмин 2003: 154). И.Н. Гроздова «отмечает более широкое их распространение в прошлом» (Кузьмин 2003: 390). «Нечто подобное было и в черняховской культуре» (Кузьмин 2003: 154) и, судя по всему, её «истоком оказывается именно кельтская среда» (Кузьмин 2003: 155), чему есть некоторое подтверждение и в письменных источниках. Например, «Поллион в описании похода “скифских” племён Причерноморья на Империю в 269 г. в числе других называет кельтов» (Ременников 1954: 128; Кузьмин 2003: 155), а «в жизнеописании Клавдия перечисляются “различные скифские народы”», среди которых между герулами и гепидами называются «кельты» (Кузьмин 2003: 390-391). Исходя из всей совокупности данных А.Г. Кузьмин делает вывод о том, что, «в III в. кельты в Причерноморье сохраняли и собственную племенную организацию, и определённую компактную территорию» (Кузьмин 2003: 155).

Основным письменным источником по истории «черняховцев» является «Гетика» готского (гото-аланского по своему происхождению и византийского по месту своего пребывания) историка VI века Иордана. К его труду следует относиться с немалой долей осторожности, поскольку, например, по наблюдению А.Г. Кузьмина

«версия о происхождении готов из Скандинавии ничем не подтверждается» (Кузьмин 2003: 391). А.Г. Кузьмин в данном случае ссылается на исследование германского исследователя Р. Хахмана, изданное им в Берлине в 1970 году. Особо «Иордан выделяет время правления готского короля Германариха (350-376)», поскольку «именно к этому времени относится борьба готов и антов, а также появляется на арене племя росомонов, которые будут привлекать внимание в поисках истоков Руси». Именно «Иордан является главным источником, на основе которого венеты, склавины и анты рассматриваются как части одного народа. Автор поясняет это, имея в виду разлив славянской экспансии в VI в.» (Кузьмин 2003: 156). По Иордану, венеты «происходят от одного корня и ныне известны под тремя именами: венетов, антов, склавенов. Хотя теперь, по грехам нашим, они свирепствуют повсеместно, но тогда все они подчинялись власти Германариха» (Иордан 1960: 71-72, 90; Кузьмин 2003: 391).

Не смотря на то, что археологические данные о IV-VI вв., казалось бы, позволяют предположить первоначально иранскую основу антов, «сохранившиеся антские личные имена решительно не позволяют относить это племя к иранской группе», поскольку «большинство антских имён являются сложными. Причём второй компонент – “гаст” нередко воспринимается как признак славизма (как и позднейшее “гост”). Однако у этих имён имеются параллели на далёком западе Европы. Славяно-антским именам: Ардагаст, Андрагаст, Анангаст, Доброгаст, Келагаст, Невиогаст, Оногаст, Пирогаст, Радогаст, Унигаст – находятся параллели в именах франков примерно того же времени. Таковы имена: Арогаст, Бодогаст, Ходогаст, Салегаст, Видогаст, Висогаст и др.» (Кузьмин 2003: 156). Подобные имена совершенно не объясняются из германских языков и явно не являются германскими. «Подобными имена были широко распространены у кельтов ещё в галльское время, и компонент “гаст” (“фаст”, “гус”, “уес”) означает в этих именах “благородный”, “достойный” и так далее» (Льюис 1954: 26, 47; Кузьмин 2003: 156). Причём если в антских именах Доброгаст и Радогаст «ясно звучит славянское начало», то «имя Ардагаст окажется целиком кельтическим» (Кузьмин 2003: 156-157). Само «племенное название “анты” помимо Северного Кавказа известно и в Галлии. Причём оно соседствует там с венетами. И этимологически его, видимо, следует поставить в связь с этнонимом “венеты”» и «на восток они продвигались из таких мест, где кельтская речь звучала в галльском варианте» (Кузьмин 2003: 157).

Кельтская основа черняховской культуры в дальнейшем изложении А.Г. Кузьмина гармонично сочетается с кельтским характером значительной части древнерусских «варяжских» имён «Повести временных лет». Тем более, что в Среднем Поднепровье «потомки черняховского населения обнаруживаются по антропологическим данным» в древнерусское и более позднее время, «причём традиция ведёт далее вглубь веков, вплоть до киммерийского времени» (Кузьмин 2003: 160). Однако, отсутствие на Среднем Днепре в достаточном объёме кельтских по своему происхождению гидронимов и явные указания византийских авторов на кельтское происхождение варягов-варангов, говорят о том, что основная их масса на указанной территории в древнерусское время была уже пришлой, то есть, варяжской. К сожалению, изыскания в области изучения ДНК потомков черняховцев в период жизни А.Г. Кузьмина ещё не проводились, однако исследования в области изучения генофонда населения современной Украины этот кельтский или кельтический след выявляют самым непосредственным образом, и объяснить его присутствие, кроме как некоторыми из выводов концепции А.Г. Кузьмина, в настоящее время не представляется никакой возможности.

Значительное внимание А.Г. Кузьмин уделяет и присутствию русов или росов в черняховской среде уже в период существования этой культуры, поскольку «”вероломное племя росомонов”, согласно Иордану, оказывается причиной гибели Германариха». Причём «племя это находилось в самом тесном соседстве с королевской резиденцией, то есть обитало на юге черняховского ареала. Выступление росомонов против готов явилось своеобразным сигналом для наступления на готов гуннов. Ни один исследователь, писавший о начале Руси, начиная с М.В. Ломоносова, не проходил мимо “росомонов” Иордана, поскольку название недвусмысленно фиксирует в южных пределах будущей Руси “народа Рос”». При этом «чаще всего это племя сближают с роксаланами… Между тем не только племенное название, но и имена представителей этого племени свидетельствуют о реальности его существования» (Кузьмин 2003: 161).

Благодаря тому, что «Иордан называет три имени росомонов: Сунильда, Сар и Аммий, эти имена не могут восприниматься как вымысел хотя бы потому, что они не германские», вероятно, не исключительно иранские. Например, в образовании имени Сунильда «имеются местные, автохтонные признаки. Имя Сунильда – это, вероятно, лишь дериват имени Хунильда (Гунильда)». Причём «замена… “х” на “с”, как отмечалось, во многих случаях является отличительным признаком индийской языковой ветви по отношению к иранской. В этом имени может проявляться воздействие меотских племён, в частности, синдов» (Кузьмин 2003: 161-162). Можно также отметить и не раз фиксируемую исследователями параллель обычаю умерщвлению жены на могиле представителей знати или у правителей росов или русов, уже в более позднее время, достаточно подробно описываемому восточными (арабо-персидскими) авторами, и фиксируемому среди индоевропейских народов, помимо восточных славян, также у индусов, и называемому у них обычаем «Сати».

Верный своей концепции А.Г. Кузьмин обнаружил параллель Иордановым росомонам, как и его антам, так же в Западной, – кельтской, – Европе. По его мнению, «представляет интерес… параллель в Ирландии», где «есть графство Роскоммон (провинция Западный Коннаут). Название это весьма древнее. В ирландских хрониках под 807 г. сообщается, что “даны и норвеги пристали в Ирландии, и лежащую перед ними область Роскомонию опустошили железом и огнём”». И ирланд-

ские «и причерноморские росомоны могут осмысливаться как “народ рос”», а их «возможная близость поведёт едва ли не к киммерийскому времени» (Кузьмин 2003: 162). То есть, исследователь постепенно подходил уже к идее весьма древнего и общеиндоевропейского происхождения названия народа «рос». По его мнению, «Иордан остаётся самым авторитетным источником по истории черняховской культуры последнего века его существования. Здесь впервые упоминаются анты, по общему мнению, славяне или ославяненные племена». Именно «у Иордана зафиксировано… “вероломное племя росомонов” в связи с конфликтом, приведшим к кончине Германариха “на сто десятом году жизни”. Росомонов поддержали гунны, утвердившие на волне противостояния росомонов и готов своё господство над всей территорией черняховской культуры. Готы вынуждены были покориться гуннам, но сохранили определённые привилегии. Преемник Германариха Винитарий начал войну против антов, как потенциальных союзников гуннов, и после нескольких сражений “распял короля их Божа с сыновьями его и семидесятью старейшинами для устрашения”. Король гуннов Баламбер вновь наказывает и приводит к повиновению готов» (Иордан 1960: 115; Кузьмин 2003: 163).

Интересно то обстоятельство, что «в литературе неоднократно обращали внимание на весьма любопытную параллель: в “Слове о полку Игореве” в песнях Бояна отмечается “время Бусово”, когда предки Руси вступили в борьбу с готами, о чём вспоминали и “готские девы” в Крыму, жаждая за что-то отмщения и русам XII века. Изустная традиция, как следует из отмеченного факта, могла доносить важные факты и предания на протяжении многих столетий и даже тысячелетий (применительно к генеалогии)» (Кузьмин 2003: 163). Поскольку «судьба росомонов Причерноморья остаётся неясной» и «среди племён Среднего Подунавья, объединённых под гуннским владычеством, они не упоминаются, вполне вероятно, что они остались в Причерноморье, и возможно, что именно их имел в виду, описывая народ на северном побережья Чёрного моря, сирийский автор VI века» (Пигулевская 1952; Кузьмин 2003: 164) Псевдо-Захария Ритор. Они, возможно, и являются одним из источников заимствования восточными славянами имён, упоминаемых в «Повести временных лет», главным образом в договорах Руси с Византией. Примечательно, что тот же «Иордан оставил в этой связи чрезвычайно важное указание», что «в обычае у племён перенимать по большей части имена: у римлян – македонские, у греков – римские, у сарматов – германские. Готы же преимущественно заимствуют имена гуннские» (Иордан 1960: 774; Кузьмин 2003: 165). В этой связи интересно, что, например, согласно Иордану, и «Паннонию занимали остготы под началом короля Валамира и его братьев – Тиудомера и Видемера», которые имели «имена кельтические, похожие на позднейшие славянские» (Кузьмин 2003: 166). Причём, в тот период «чем сильнее поднявшаяся в Средней Европе волна разносила все эти племена в разные стороны, тем явственнее на этой территории проступает славянский элемент» (Кузьмин 2003: 167).

«Склавины», «венты», «анты» Иордан считал лишь разными наименованиями одного и того же народа (Кузьмин 2003: 167-168), а византийские источники смешивают первых и последних с гуннами (Кузьмин 2003: 169). И это не мудрено, поскольку у аваров, которых «обычно рассматривают как ветвь гуннов», «чисто монголоидные черепа встречаются лишь отдельными индивидами», на том же уровне, что и у сарматов» – «племён иранской языковой ветви» (Кузьмин 2003: 169, 393). Причём «источник рубежа V-VI вв. упоминает склавин в районе Иллирии», то есть, уже достаточно глубоко углубленными на запад Балканского полуострова. Сами же анты в основном «представляют восточную ветвь славян» того времени, и хотя «в литературе высказывалось мнение, что анты – это аланское племя…, антские имена не дают оснований для такого рода заключений». К такого рода выводам, возможно, привело то обстоятельство, что «анты находились в Восточной Европе, по крайней мере, с IV в.», то есть, за полтора – два века до первого появления имени славян в письменных источниках, составляя «какую-то часть черняховской культуры, и вероятнее всего территория эта примыкала к Поднепровью», где в средней его части «издревле взаимодействовали разные славяноязычные племена, среди которых были милоградовцы и зарубинцы» (Кузьмин 2003: 168). Анты углублялись на запад Европы порой даже дальше, чем это делали склавины. Например, известен «отряд антов в качестве союзников римлян в области луканов» (Кузьмин 2003: 393) в Италии, а вместе со склавинами и гуннами практически сразу же с момента своего появления в византийских источниках, они нередко опустошали территориально им более близкую Иллирию.

Что же заставило учёных отказаться от возможности присутствия и сосуществования славян с иными народами в рамках черняховской культуры? А.Г. Кузьмин констатирует, что «именно бесспорный факт смены населения на значительной части прежней черняховской территории служит обычно основанием для ограничения славянских древностей начиная с VI века». И «это с особенной чёткостью отразилось в работах И.И. Ляпушкина и, может быть, в ещё большей степени в работах М.И. Артамонова. Но даже и П.Н. Третьяков, уверенно признававший славянскую зарубинецкую культуру, отказался признать какие-либо славянские элементы в культуре черняховцев». Да, «в отличие от черняховской культуры новой культуре была свойственна значительная самобытность, свидетельствующая о том, что она сложилась далеко за пределами римского мира, вне контактов с ним». Но «среднеднепровская культура имеет ряд особенностей, отличающих её от современных ей верхнеднепровских» (Русанова 1968: 143-150; Кузьмин 2003: 170). Вероятно, следы соприкосновения готов и их союзников с антами и росомонами следует искать при соприкосновении черняховской культуры и культуры киевской, в тот период происходившем где-то в районе Новгорода-Северского.

Проблема черняховцев неразрывна связана с проблемой славянского этногенеза в целом. Например, известно, что «VI век – это время бурной славянской экс-

пансии, причём осуществляется она из зоны культуры пражского типа, то есть из полосы от Одера до Днепра. Отсюда славяне выходят к Балтийскому морю, занимая опустевшие после ухода венето-германских (и отчасти, может быть, славяноязычных же) племён поморские территории и острова. Отсюда славяне проходят далее на запад, достигая Британии. Отсюда они вторгаются в задунайские области и на Балканы. Однако нигде на этой территории не просматриваются чёткие нити, ведущие к периоду до великого переселения. И та же пшеворская культура, которая как будто целиком лежит в зоне массового исхода славян, исчезает значительно раньше, ещё в V веке» (Кузьмин 2003: 171-172). При этом территория Среднего Поднепровья является именно той территорией, где являют себя наиболее ранние упоминания в будущем точно славян – антов и росов (росомонов, возможно, первоначально, судя из контекста сообщений Иордана, какой-то часть антов), – и позднее «в целом… является особой культурной областью, довольно значительно отличающейся от соседней древлянской. Различия касаются как элементов материальной культуры, так и антропологического типа населения от черняховского и даже доскифского времени. В сущности, только здесь сохранились остатки черняховского населения» (Алексеева 1971: 256; Кузьмин 2003: 171-172). При этом антрополог Т.И. Алексеева по своему происхождению «отделяет от современных украинцев не всех полян, а полян киевских» (Алексеева 1971: 201-203; Кузьмин 2003: 394) и северян, в основном вошедших в состав русского народа. И даже если «учесть, археологическую близость древлян и дреговичей (ставших, судя по её антропологическим изысканиям, основой современных белорусов), примечательно…, что аналогии древлянским погребениям в ямах находятся не на соседней территории (где этот обряд преобладает), а в латгальских могильниках» (Алексеева 1971: 54-55; Кузьмин 2003: 394). То есть прошлое киевские полян и соседних с ними племён Днепровского Левобережья, северян, уходят в антское или росомонское черняховское и даже доскифское прошлое, в отличие от соседних древлян и дреговичей, придвинувшиеся на свои территории, известные, как места их проживания, во времена близкие к написанию «Повести временных лет», то есть, уже значительно позже.

Любопытно, что места первоначально явления антов в IV веке и Руси в узком смысле этого слова, то есть, в основном земель северян и киевских полян до определённой степени совпадают между собой и одни и те же древности различные учёные порой ассоциировали, например, либо с антами, либо же с русами. А.Г. Кузьмин приводит такой пример когда «древности антов, выделенные в своё время А.А. Спицыным… Б.А. Рыбаков называл… “древностями русов”» (Спицын 1928; Рыбаков 1953: 42; Кузьмин 2003: 173), ставшие своеобразным мостиком между собственно антами и русами. «Характерными для этой культурной группы было Пастырское городище в районе Тясмина… Специфическим элементом материальной культуры этой территории являются пальчатые фибулы, которых в степи вообще нет. Весомые аргументы тюрко-кочевничсеской природы населения, оставивших названные древности, привела также Г.Ф. Корзухина», обратившая внимание, «в частности, что “кочевники никогда не зарывают кладов”» (Корзухина 1955: 68; Кузьмин 2003: 173-174).

По наблюдению А.Г. Кузьмина, «мнение названных авторов в целом поддержал и П.Н. Третьяков», а «посуду с лощёной поверхностью, произведённую на гончарном круге», найденную в Пастырском городище «М.Ю. Брайчевский связывал с черняховской культурой, усматривая, таким образом, прямую преемственность от черняховцев к славянам», а «определённая близость керамики Пастырского городища с салтовской отмечалась многими специалистами» (Кузьмин 2003: 174). В примечании А.Г. Кузьмин уточняет, что «салтовская керамика выявляется и на ряде других поселений», на всех из них «имеется керамика позднечерняховского типа» и, что самое главное, вся она именно «местного производства» (Кузьмин 2003: 394).

При этом, как пишет А.Г. Кузьмин, «выделяя специфическую область “древностей руссов”, Б.А. Рыбаков подчёркивал», что они «по своему характеру очень близки к вещам предмеровингского стиля Западной Европы, что объясняется, разумеется, не готским или лангобардским происхождением приднепровских фибул и поясных наборов, а давно доказанным формированием этого стиля в Приднепровье». Эта культура явно не западная, но она и не соотносима напрямую с гензисом салтовцев в целом, так как «салтовцы ближе к аланскому населению Северного Кавказа» (Кузьмин 2003: 174), а составляла она, возможно, какую-то специфическую славяно- или ираноязычную часть населения сопредельную со славянами салтовской лесостепи. Вероятно, это какая-то особая, специфическая славяно-иранская (славянская с иранскими элементами) этническая группа, располагавшаяся позднее на стыке салтовцев и славян, но сохранившаяся там ещё с дочерняховского времени. По мнению А.Г. Кузьмина, «не только антропологические данные, но и определённые элементы материальной культуры свидетельствуют о сохранении в Среднем Поднепровье черняховского населения, именно его группы, уходящей корнями в глубокую древность» (Кузьмин 2003: 176).

А.Г. Кузьмин даёт подробную реконструкцию того, что происходило в регионе в период накануне образования Древнерусского государства. Указав, что Б.А. Рыбаков отметил, что далёким прототипом срубных гробниц Киевщины древнерусского времени «являются именно скифские курганы» (Кузьмин 2003: 178), А.Г. Кузьмин указал, что «накануне образования Русского государства в Приднепровье происходят изменения, в результате которых оживают очень древние традиции» (Кузьмин 2003: 180). И позднее «летописцы нигде не отмечают никакой разницы в языке, а некоторые из них специально подчёркивают единство “славянского” и “русского” языка», поскольку, «по-видимому, процесс ославянения неславянского населения и Приднепровья и Подунавья происходил в столь отдалённые времена, что никаких реликтов дославянского языка в X в. летописцы уже не замечали. Эти реликты, однако, сохранились не только в обычаях, а и в отдельных

терминах, топонимах, именах дружинников и князей» (Кузьмин 2003: 186, 194). При этом, при господствующей в нашей историографии позиции о тождестве руси с одним из варяжских народов, забывается о том, что «многие упоминания варягов с русью никак не связываются» (Кузьмин 2003: 204).

Мало того, сами скандинавские саги, напрямую противопоставляя варангов и норманнов, говорят об отсутствии последних на византийской службе вплоть до 20-х годов XI века. Как указывает А.Г. Кузьмин, в Лаксдальской саге (Саге о людях из Лосьей долины) рассказывается, что когда Болли Боллисон «поступил в отряд варангов; мы не слышали рассказов о том, чтобы кто-нибудь из норманнов поступил на службу к конунгу Гарда (Константинополя) до Болли, сына Болли» (Васильевский 1912: 185-186; Рыдзевская 1978: 78; Кузьмин 2003: 225). При этом данную «сагу датируют временем между 1230-1260 гг., и восходит она к устной, так и письменной традиции более раннего времени», а «время поступления Болли Боллисона в дружину варангов определяется довольно точно. Он родился в 1007 г., женился в 1025-м, а весной 1027 г. отправляется в Византию» (Кузьмин 2003: 225). Но «варяги на севере “наследили”» и, например, что характерно, топонимы, с ними связанные, «лопари знали… в славянской, а не скандинавской огласовке» (Кузьмин 2003: 228).

Были ли скандинавы на Руси, хотя бы в небольшом количестве? Думается, что, хотя пусть и в весьма небольшом количестве, но всё-таки были, но это было всего лишь капля в бушующем славянском или вообще восточноевропейском море. Из почти сотни личных «варяжских» и русских имён, в «Повести временных лет» лишь одно «имя договора Игоря Фрастен находит аналогию в шведском именослове», но уже «сходное с ним имя Фуръстен не имеет» подобных параллелей» (Кузьмин 2003: 329). И вообще «чисто германских имён в древнерусском именослове нет. Даже имена с компонентом “свен” не могут возникнуть у самих свеев, как, скажем, имя Рус не имеет смысла в Русской земле. Эти имена, в частности, издавна были у данов». И «собственно, скандинавы попадают на Русь лишь с конца X в., причём обычно в составе смешанных варяжских дружин вроде дружины йомских витязей. Саги не знают русских князей ранее Владимира», а «тесные связи со шведами устанавливает лишь Ярослав Мудрый, что и нашло отражение в переписке Ивана Грозного с Юханом III в XVI в.» (Кузьмин 2003: 332).

Любопытно, что норманны захватили часть территории Северной Франции в 912 году, то есть всего через несколько месяцев после заключения Вещим Олегом договора с византийскими императорами и одновременно с одним из походов русов на Восток, закончившимся гибелью русского войска. В могильнике X века Шестовицы под Черниговом наиболее представительной среди местной элиты выявляется гаплогруппа I1, которая преобладала среди европейской знати только среди норвежцев, имя которых «норманны» затем распространилось на жителей всей Скандинавии. Но были ли это именно норвежцы, или всё же это были потомки алан, вернувшиеся туда, откуда они, согласно «Младшей Эдде» («Асгард на реке Танаквис», то есть, Танаис-Дон), пришли на рубеже н.э. и не потеряли связь со своей былой родиной, после возвращения алан с Кавказа в VIII веке? Учитывая, что иранских имён в древнерусском именослове, в отличие от германских, было наоборот, по подсчёту А.Г. Кузьмина, достаточно много, он заметил, что «в Нормандию вообще пришли не норвежцы, а аланы во главе с Роллоном, считавшим себя потомком пришедшего с Дона алана Роллона II века, приведшего современников в северо-западные области нынешней Франции» (Кузьмин 2003: 228). В другом месте А.Г. Кузьмин более осторожно и уже как бы с некоторым сомнением называет «завоевотелей-норманнов», уточняя в скобках, что он подразумевает «в данном случае реальных или мнимых потомков алан» (Кузьмин 2003: 232).

Мысли А.Г. Кузьмина о самом представительном, по числу своих имён в древнерусском летописном именослове, кельтском элементе, имеется некоторое подтверждение в том факте, что «одна из этнических атрибуций варангов содержится в компиляции Кедрина (XII век), воспроизводившего в этой части Скилицу. Говоря о событиях 1056 г., хронист даёт, по выражению Васильевского, “совершенно неожиданное объяснение слову Варанги”. В хронике содержится утверждение, что “варанги, по происхождению кельты, служащие по найму у греков”» (Васильевский 1912: 322; Кузьмин 2003: 229). В.Г. Васильевский «отметил, что аналогичное пояснение содержится и в древних списках Скилицы» (Васильевский 1912: 393-394; Кузьмин 2003: 229). И характерно, что в современной научной литературе по теме до сих пор нет никакого удовлетворительного объяснения существования этой традиции, которая «могла быть связана только с кельтическим или варяго-кельтским началом» (Кузьмин 2003: 233). И нет никакого сомнения в то, что эта кельтская основа, подоснова или субстрат части варяго-русской стражи в Византии относилась именно к варягам, а не на к руси, поскольку «в варяго-русской дружине “варяги” и “русь” и в середине XI века в узком смысле различались» (Кузьмин 2003: 234).

Если внимательно прочитать и проанализировать Сказание о призвании варягов в «Повести временных лет» (ЛЛ 2001: 19-21), а точнее, единственную его часть, позволяющую попытаться хоть как-то определённо отождествить варягов и Русь, то сразу же обращают на себя внимание два важных момента, а именно его начало и окончание, которые выдают позднейшую, скорее хронологически-указующую, чем географическую или этнически атрибутирующую, роль Руси в нём. Имя Руси, вероятно, уже на конечном этапе формирования «Сказания», было вставлено в его середину («идаша за къ Варягомъ к Руси» (ЛЛ 2001: 19); «пояша по собе всю Русь» (ЛЛ 2001: 20); «от тех Варягъ прозвася Руская земля» (ЛЛ 2001: 20) и т.д. Ведь «примучивают» северные племена в его начале не Русь, а только варяги («Имаху дань Варязи из заморья»: ЛЛ 2001: 19). Они же затем и изгоняются («Изгнаша Варяги за море и не даша имъ дани»: ЛЛ 2001: 19). Но потом снова призываются, вопреки расхожему мнению, опять же, вероятно, первоначально только они, а не Русь, поскольку Русь есть и сре-

ди призывающих («реша Русь, Чудь, и Словени, и Кривичи»: ЛЛ 2001: 19-20) и т.д. К тому же в конце указывается на происхождение именно от тех варягов, а не от Руси, жителей основанного ими, словенского Новгорода («Новгородьци ти суть людье Нооугородьци от рода Варяжьска»: ЛЛ 2001: 20), а не, например, «от рода Русскаго», как, согласно договорам Древней Руси с Византией, представляются грекам древнерусские послы.

Важно для определении родины варягов, что «в четырёх хрисовулах византийских императоров от 1060, 1075, 1079 и 1088 гг. даётся как бы “окружение” варангов. При перечислении византийских наёмников во всех случаях на первом месту упоминается “Русь”, на втором – Варанги…, а далее идут “Кулпинги” (очевидно, “колбяги” русских источников) и “Франки”». Причём «в хрисовуле 1088 г. помимо названных этносов добавлены “Англяне” и “Немцы”» (Васильевский 1912: 393-394; Кузьмин 2003: 236). То есть, «они северный народ, соседствующий с англами Ютландии, франками и немцами, а также колбягами» (Кузьмин 2003: 236). В почти современной Германии, «в будущем германской области Тюрингии… графства “Русь” (“Реусс”) и “Русская земля” (“Реуссланд”) сохранились вплоть до 1920 года» (Кузьмин 2003: 403). И поразительно, что «в Византии варягов “дразнили”: “варанги-моранги”», а «именно в кельтских языках звуки “в” и “м” взаимозаменяемы». В своё время «и Покорный и Штейнхаузер указали на чередование, взаимозаменяемость в древнем индоевропейском языковом пласте звуков (или обозначений какого-то специфического звука) “н” и “в”. В кельтских языках до сих пор удерживается подобная взаимозаменяемость звуков “в”, “б”, “м”» (Льюис 1954: 83-84, 106; Кузьмин 2003: 239). «Поэтому скажем, этнонимы “морины” и “варины” – всего лишь дериваты, может быть диалектные формы одного и того же обозначения» (Кузьмин 2003: 239). А «скандинавы попали в число наёмных варяжских дружин лишь во времена Ярослава Мудрого» (Кузьмин 2003: 240), и само это название «свидетельствует о наличии в Прибалтике очень древнего индоевропейского населения негерманского происхождения», поскольку «на побережье Северного и Балтийского морей особенно заметно сказалось выселение ряда кельтских племён после завоевания Галлии Римом», которые «позднее… будут ассимилированы сместившимися сюда с Подунавья славянами» (Кузьмин 2003: 241). Подобные идеи казались многим учёным довольно маловероятными, пока под Берлином не был обнаружен в середине декабря 2021 года клад кельтских монет, датируемых периодом около или чуть более 2000-летней давности (Борисова 2021).

Трудно не согласиться с А.Г. Кузьминым в том, что «по существу, для всех основных концепций начала Руси – балтийской, приднепровской, причерноморской, салтовской – имеются подтверждающие их источники», и наоборот, «без источников до сих пор держится только норманизм». При этом особое внимание им обращалось на «указание восточных источников на “два вида” и “три группы” (области расселения) руссов» (Кузьмин 2003: 242), поскольку иные до него «исследователи искали одну-единственную “Русь”, не объясняя прямого указания восточных авторов» (Кузьмин 2003: 244) на это обстоятельство. По его мнению, сама «природа внутренних противоречий арабских текстов в общем понятна. Арабские купцы встречались с руссами или так себя называвшими местными жителями и в Германии, и в Хазарии, и на Северном Кавказе, и в Причерноморье, и на Днепре, и в Волжской Болгарии. Отзвуки о походах руссов слышались и в Испании, и по южному побережью Каспия. О руссах рассказывали многое и разное. Позднейшие же компиляторы и переписчики должны были сводить все эти весьма разнохарактерные и разновременные данные». В советское время один из достаточно крупных учёных археолог «Д.Т. Березовец доказывал, что под “Русью” на Востоке подразумевалось Подонье и Приазовье – население салтовской культуры» (Березовец 1970; Кузьмин 2003: 245; Жих 2018: 176-245; Беззаконов, Жих 2021: 9-58). Хотя А.Г. Кузьмин поддерживал наблюдение Д.Т. Березовца, что «лишь Ибн Хордадбех рассматривает славян и руссов, как части одного народа», а «все остальные авторы их разделяют» (Березовец 1970: 65-66; Кузьмин 2003: 245), однако «с норманами русы восточных источников увязываются плохо» (Кузьмин 2003: 245). При этом А.Г. Кузьмин убедительно опроверг аргументы оппонентов, в частности, Г.С. Лебедева (Лебедев 1978), который «видит доказательство “норманства” русов даже в замечании о их неопрятности, умывании “посредством самой грязной воды”. По его мнению, “способ омовения, когда несколько человек пользуются одной лоханью, чужд славянской бытовой культуре, несомненно германского происхождения”» (Лебедев 1978: 23; Кузьмин 2003: 405). Это явное передёргивание фактов исследователем, поскольку по верному замечанию А.Г. Кузьмина, «у Ибн-Фадлана нет речи об общей лохани. И вообще, о той ли “чистоте” идёт речь? Этот способ аргументации весьма напоминает доводы старых норманистов: русы любили мыться в бане, норманны – тоже. Следовательно русы – норманны» (Кузьмин 2003: 405).

Комментируя сообщения Константина Багрянородного о том, что русы «кладут хлеб, мясо, или что у кого найдётся; таков их обычай», ещё С.А. Гедеонов заметил, что «о подобном совершенно обряде возношения хлебом, мясом, луком, молоком и хмельным напитком говорится у Ибн-Фадлана» (Гедеонов 2005: 376). Здесь же он приводит обширный восточнославянский материал о совершенно схожем обычае со ссылками на статьи «Третьей Новгородской летописи» и «Слово некоего Христолюбца», привлекает сравнительный материал из обычаев чехов, вендов (балтийских славян) и других славянских народов. Надпись на могиле руса-язычника, виденная Ибн Фадланом на берегах Волги в 922 году ставится С.А. Гедеоновым «в логическую связь… с виденными Кириллом в Херсонесе русскими письменами» (Гедеонов 2005: 385). Подробность обычаев «народа, поразившего Ибн Фадлана своей неопрятностью прямо указывает на бритьё головы; мытьё и чесание волос – на чуб» (Гедеонов 2005: 428). Причём Ибн-Хаукаль, рассказывающий о русах, «свидетельствует о славянском обычае руси брить бороду друг другу» (Гедеонов 2005: 269-270). С.А. Гедеонов был убеждён, что «на Руси стали

отпускать волосы и бороду только вследствие принятия христианской веры». Это, по его мнению, доказывается хотя бы тем, что «в договорах, памятнике языческих времён нет статьи о бороде», но уже в Русской Правде, «составленной под влиянием новых христианских обычаев», рассказывается о взимании «12 гривен продажи за порвание бороды» (Гедеонов 2005: 270).

Если о восточных славянах «В слове Христолюбца» говорится «И куры им режут», то «Ибн-Фадлан рассказывает, что при совершении погребального обряда руссы взяли петуха и курицу, умертвили и бросили в могилу», а «о русах Святослава Лев Диакон» рассказывает, «что они приносили в жертву… петухов» (Гедеонов 2005: 376). Можно упомянуть «о русском, доныне сохранившимся поверии сожигать белого петуха в праздник Ивана Купалы. Ни северная, ни общегерманская мифология не знают почти ничего, чтобы подходило к известиям Константина Багрянородного о жертвоприношениях руси на острове св. Григория. …Г. Куник, весьма тщательно исследовавший рассказ греческого императора, не указывает ни на одну с ним совпадающую особенность религиозных обрядов норманнов» (Гедеонов 2005: 377). К указанным «в известиях Ибн-Фадлана чисто славянским особенностям Руси X века» С.А. Гедеонов далее прибавляет ещё следующие: добровольное сожжение жены с умершем мужем («Хроника» Титмара, «Масуди о руси и славянах своего времени. Что Ибн-Фадлан о Руси, то Димешки знает вообще о славянах», о том же и Ибн-Даста (Гедеонов 2005: 454); обручи на ногах женщин (таких обручей для ног найдено довольно в древних чешских могилах. В Скандинавии и Германии они неизвестны); обряд расчленения на части приносимой в жертву собаки (о Льве Армянине (под 813 г.) и уже давно ославянившихся дунайских болгарах у Продолжателя Феофана) (Гедеонов 2005: 454); особый порядок заклания коней (о заклании коней упоминается и в Житии Муромского князя Константина); бритьё головы.

По мнению С.А. Гедеонова, сделавший много дельных замечаний о славянском характере известий Ибн-Фадлана о Руси И.Д. Беляев «напрасно относит он эти известия к одним северянам; напрасно также уверяет он, что у северян князей не было на том основании, что о них в летописях не упоминается; в летописи не упоминается и о походе в Бердаа» (Гедеонов 2005: 455). Следует отметить, что летописи говорят о существовании у восточных славян множества «княжений» по типу полянского во времена Кия, его братьев и сестры и чуть позднее, а, следовательно, также и князей их возглавляющих (ЛЛ 2001: 10).

Сходится сообщение Ибн-Фадлана и с сообщениями других авторов о русах именно как о славянском народе. Можно отметить, что по наблюдению С.А. Гедеонова, помимо Житий Св. Константина (Кирилла) и Мефодия «о собственно русском письме говорят Ибн-Фадлан и эль-Недим» (Гедеонов 2005: 457).

Важно наблюдение А.Г. Кузьмина о том, что даже если сообщение Ибн-Хордадбеха о руссах, как «виде славян» или «роде славян», позднейшая вставка «она всё-таки сделана не позднее IX века» (Новосельцев 1965: 383; Кузьмин 2003: 246).

Небольшой процент, возможно, скандинавских древностей на Руси часто имеют аналогии себе на территории самой Скандинавии почти исключительно лишь в шведской Бирке. При этом собственно скандинавских древностей, и керамики, в частности, на восточнославянских поселениях нигде не наблюдается выше 12% на севере и 9% на юге. В то же время в самой «шведской Бирке… славянская керамика составляла 13%. И отмеченные Г.С. Лебедевым камерные погребения шли с континента в Бирку, а не наоборот» (Лебедев 1972: 15-16; Кузьмин 2003: 248). Вообще русы восточных источников порой практически не упоминаются вне контекста славян, за счёт ограбления которых они и живут (Кузьмин 2003: 249). Такое явление было бы невозможным, если в момент своей фиксации различия славян и русов не несли социального характера, уже прерывавшего былое этническое различие, если таковое первоначально вообще между ними имелось.

Любопытно, что относительно IV-VI веков, помимо упоминаний у Иордана и Псевдо-Захарии «упоминаются русы и в восточных источниках XI-XV вв., но применительно к тому же VI столетию. А.П. Новосельцев приводит два таких сюжета… – ас-Саалиби и …Захир ад-дин Мараши» (Новосельцев 1965: 362-363; Кузьмин 2003: 251).

А.Г. Кузьмин считает, что «мнение Березовца о тождестве руссов с населением салтовской культуры имеет определённое основание», поскольку «русы, например, смешиваются с аланами у Низами» Гянджеви. Однако принять это мнение полностью нельзя, поскольку в «”Повесть временных лет” постоянно говорит о “ясах и касогах” – аланах и черкесах, ни разу не называя их руссами» (Кузьмин 2003: 253). Разбирая сообщения о походы руссов около 912-913 и 943-944 гг. на Восток он констатирует, что «одним из наиболее осведомлённых и авторитетных авторов середины X в. является Масуди», которым «было отмечено, что “Русы состоят из многих народов разного рода”. Это указывает на определённый отрыв претендентов на первенство среди родственных племён от собственной этнической почвы – явление нередкое в эпоху перехода от племенного строя к государственному». Он повествует о племенах «”Кудкана” и “других племён русов”. Самое многочисленное племя руссов назвается, по Масуди, эль-Лудзана (ал-Ладьана)» (Кузьмин 2003: 254). Названия «лучане» (или «лужане») и «кудяне» явно славянские и являются, вероятно, наименованиями небольших племён в составе какого-то более крупного племенного союза, известного нам по древнерусским летописям. Это тем более важно, что «операции на Чёрном море и Каспии могут всё-таки быть совмещены, как последовательно развивающиеся по времени: в 911 г. Олег заключил мирный договор, в 912-913 гг. русы отправляются на Каспий». Однако, «русские летописи ничего не знают о походах на Каспий», вероятно, по причине того, что, например, в первом походе «при возвращении домой они были полностью перебиты хазарами» (Кузьмин 2003: 255) и некому было сочинять дружинные сказания о походе. Однако в народной памяти, вероятно, удержалась информация о гибели князя где-то на далёкой окраи-

не или на чужбине при возможном отсутствии деталей о том, где именно он погиб, а потому домысливании. Вероятно, с этим, при дальнейшей увязке Олега и Игоря с Рюриком, выбравшей направление поиска для места гибели Вещего князя, связана версия о гибели Олега от коня и укуса змеи где-то далеко – не то в далёкой Ладоге, не то где-то «в заморье» («Иде Олегъ к Новугороду, и оттуда в Ладогу. Другие же сказують, яко идущю ему за море, и уклюну змиа в ногу, и с того умре; есть могыла его в Ладозе»: НІЛ 2000: 109). Смена южного направления последнего похода князя на северное в древнерусском летописании, сначала, вероятно, повлияла и на скандинавский эпос (сюжет о гибели Одда-Стрелы, побывавшего на Руси, но затем погибшего на родине также «от укуса змеи», в «Орвард-саге»), а затем имела обратный отклик на Русь уже из Скандинавии – в исправлении этнической атрибуции княжества Олега с какой-то иной на «урманскую» в «Иоакимовской летописи» В.Н. Татищева (Татищев 1768: 35). О том, что летописец при внесении в «Повесть временных лет», по крайней мере, части легенд о Вещем Олеге учитывал уже существующую версию о северном происхождении древнерусской княжеской династии от Рюрика, прибывшего откуда-то с Севера, вероятно, со славянского балтийского Поморья, говорит следующее интересное соответствие щиту, который, согласно этому древнерусскому источнику, он повесил на вратах едва откупившегося большой данью от русского князя Константинополя в 907 (и/или 911) году, согласно всё той же «Повести временных лет». Имя «Олег» созвучно названию южнобалтийского славянского города Волегаста (Волегаща), названного так, вероятно, по имени своего основателя, поскольку имена с подобным окончанием были характерны для личных имён славян ещё с антского времени (VI век). «О Яровите (возможно, эпитет какого-то другого языческого бога, (вероятно, Перуна), читаем у Герборда, что в святилище этого бога на стене висел огромной величины щит, обтянутый золотом и искуснейшей работы, никому из смертных не дозволено было прикасаться к нему в обыкновенное время, …и только в военное время мог быть тронут с места. Тогда его несли впереди войска и верили, что через это останутся победителями в битвах» (Артёмов 2013: 72, 74-75). Возможно, что созвучие имени этого города с именем Вещего князя и имеющаяся информация о святыне, в ней почитающейся, и породили в восточнославянском фольклоре, или непосредственно у одного из летописцев, легенду о том, что Олег в честь победы, или в знак защиты, водрузил щит на вратах столицы Византийской империи.

Вообще же, когда рассматривается ранняя история начала отечественной государственности, как-то упускается из виду, что под 885 годом в «Повести временных лет» говорится о том, что «властвовал Олег над полянами, и древлянами, и северянами, и радимичами, а с уличами и тиверцами воевал», то есть, как бы на время вовсе забывается о его северных владениях, из которых он якобы прибыл в полянский Киев. Возможно, позднейшее увязывание его личности и Игоря с Рюриком породили мнение о его с Игорем переселении с севера, в чём многие историки не без основания сомневались. Например, Е.С. Галкина отметила, что «ничто не говорит о варяжском происхождении Олега Вещего» (Галкина 2002: 379) По крайней мере, скандинавских древностей на территории вышеуказанных восточнославянских племенных союзов относительно этого времени до сих пор практически не обнаружено.

Русы же восточных походов в основном явно не скандинавы, но это и не кочевое или полукочевое племя южнорусских степей, поскольку «русы, отправившиеся на Каспий, …умерших предавали земле, зарывая с ними оружие. Мусульмане позднее раскапывали эти захоронения с целью овладения погребальным инвентарём русов, в особенностями их мечами» (Кузьмин 2003: 256). Аналогии с мартыновскими «древностями антов» или «древностями руссов» (по Б.А. Рыбакову) двух или трёхвековой давности, упомянутыми нами ранее, напрашиваются сами собой.

По мнению А.Г. Кузьмина не следует увлекаться поиском параллелей славянским названиям древнерусских городов в степной, в частности, в ираноязычной среде. Например, он пишет, как в одной из работ «О. Прицака – известного своими фантазиями американо-украинского тюрколога… даётся своеобразная этимология топонима “Киев”, обозначив» его «название, как “иранское”» (Новосельцев 1990: 62; Кузьмин 2003: 257), а «само название “Киев” авторы ищут в иранских и тюрко-хазарских древностях. Между тем достаточно открыть “Этимологический словарь славянских языков”, чтобы убедиться, что подобные топонимы встречаются практически во всех славянских землях. И не будет ничего удивительного, если параллели найдутся и в ранней индоевропейской письменности: славянский язык один из самых архаичных» (Кузьмин 2003: 257).

С походом руссов 912-913 годов, вероятно, следует увязать то обстоятельство, что «у ряда восточных авторов имеется сообщение, будто русы в 912-913 г. (300 г. хиджры) приняли христианство», причём «русы» действовали под руководством «царя, называемого Уладмир (или Буладмир)» (Заходер 1967: 146-147; Бейлис 1974: 85-87; Кузьмин 2003: 257). А.Г. Кузьмин пишет о том, что «имя Уладмир слишком напоминает крестившего Русь Владимира», что привело к их отождествлению в историографии, в то время, как самом деле, по мнению учёного, «весь этот сюжет относится к какой-то группе салтовцев», и «за ним стоит представление именно о южной локализации Руси» (Кузьмин 2003: 258).

В контексте «антов короля Боза» и «росомонов» Иордана относительно того же IV века «византийский писатель XIV века Никифор Григора упоминает о “русском” князе при дворе Константина Великого (IV в.)» (Тебеньков 1894: 68; Кузьмин 2003: 258). Относительно «народа Рос» сирийского автора VI века Псевдо-Захарии можно упомянуть, что и «поэт XII в. Манасия называет русов в числе участников нападения под эгидой аварского кагана на Константинополь в 626 году» (Гедеонов 1862: 55-57; Тебеньков 1894: 68-69; Кузьмин 2003: 258). По мнению А.Г. Кузьмина, «это сообщение кажется вполне достоверным, во-первых, потому, что русы названы здесь моряками в отличие от совершенно незнакомых с морским делом аваров. Правда, в других визан-

тийских источниках говорится о моряках-славянах, а не о русах» (Кузьмин 2003: 258). По его мнению, «большего внимания, видимо, заслуживает упоминание “русов” в летописи Феофана (ум. 817)», поскольку «под 773 г. в хронике говорится о том, что император Константин Копроним в поход на болгар послал 2000 хеландий, а сам на “русской” хеландии поплыл к устью Дуная» (Тебеньков 1894: 71; Кузьмин 2003: 258-259). Во-первых, некая болгарская Русь в том же самом районе, по его же мнению, фигурирует в источниках конца IX века. Во-вторых, сюда спустя почти век в конце X века, согласно «Повести временных лет», пытался переместить столицу своей державы древнерусский князь Святослав Игоревич. В-третьих, именно из этого района, возвращались в VIII веке на Левобережье Днепра племена, ставшие значимой составляющей северянского племенного союза, по мнения ряда археологов, даже его основой. И, наконец, «Русь упоминается в двух памятниках, близко стоящих к этому времени. Это жития Георгия Амастридского и Стефана Сурожского, проанализированные В.Г. Васильевским. Как источник особенно важно первое, так как оно дошло в списке X века. В житии упоминается эпизод нападения Руси на Амастриду (область Пафлагонии в Малой Азии). Васильевский установил, что житие было написано между 820 и 842 г. Причём «речь идёт о народе “хорошо известном, в высшей степени диком и грубом”» (Васильевский 1915; Кузьмин 2003: 259). «Житие Стефана Сурожского, в котором упоминается о нападении руссов на Сурож в конце VIII или начале IX в., дошло лишь в славянском списке XV в. и краткой греческой редакции. Однако и в нём Васильевский выявляет древнюю историческую основу. Кое-что в этом плане может дать и имя предводителя руссов: Бравлин», имя которого созвучно с восточнославянским князем в «Иоакимовской летописи В.Н. Татищева – Буревоем – отцом Гостомысла (Татищев 1768; Карпенко 2017; 2017а). И «кстати, в русских редакциях жития он называется князем “Новгородским”», что примечательно в том плане, что ни Новгорода, ни Рюрикова городища на севере в указанный ранний период вроде бы ещё не существовало, в отличие от своего Северского города-тёзки, время основания которого может быть отнесено к более ранним временам.

Природа этой к IX веку уже славянской Руси уходит, по мнению О.Н. Трубачева, в очень древние времена индо-иранского господства в регионе. Причём О.Н. Трубачёву было «важно подчеркнуть, что известное объяснение “роксаланы” как “светлые аланы” ведёт в действительности не к иранскому, а к древнеиндийскому языку». А.Г. Кузьмин констатировал, что «следов скандинавского археологического присутствия в акватории Чёрного моря нет вообще». В то же время, «Масуди именовал Чёрное море “Русским”. Так же его именует Идриси и Димашки. «Русским это море называет и Начальная летопись. А.В. Соловьёв называет ещё целый ряд источников, также именующих его “Русским”. Среди них один русский (описание Константинополя архиепископом Новгородским Антонием), два французских (XII-XIII вв.), еврейский (XII в.), три немецких (Еккехард, Анналист Саксон, и Гельмольд). Поистине международное признание Чёрного моря “русским”» (Кузьмин 2003: 261-262).

Кроме того, «у восточных авторов (в частности Масуди и Идриси) упоминается также “Русская река”, под которой обычно разумеют Дон с Северским Донцом. В этом названии, очевидно, отражается чисто этническое начало. И называется река так либо потому, что по её берегам проживали русы (салтовская культура), либо потому, что река служила путём, которым чаще всего пользовались русы в своих походах и передвижениях» (Березовец 1970: 67; Рыбаков 1952: 20-21; Кузьмин 2003: 262). Дон до впадения в Северский Донец и далее вместе с ним назван в «Слове о полку Игореве» «Великим», но сам приток Дона Донец именовался Северским, очевидно, по дополнению к названию Донца – города северян, расположенного у его истоков, а согласно статье «Повести временных лет» под 944 годом, северяне были практически тождественны летописной руси. Северяне, конечно, плавали по реке, на которой жили, а салтовцы жили и на северянской территории в VIII-X века. А.Г. Кузьмин вроде бы сначала склоняется к аланской принадлежности этих росов или русов (Кузьмин 2003: 263, 265), но далее соглашается, что в регионе явно прослеживается и «индоарийская топонимика, которую убедительно выявлял О.Н. Трубачёв» (Кузьмин 2003: 266), повествуя о возможных «контактах пришельцев с северо-запада (то есть, варягов) именно с потомками местного индоарийского (а не иранского) населения» (замена Хунильды на Сунильду у Иордана, подобная замене Хинди на синдов в Северном Причерноморье в первых веках н.э. (Трубачёв 1976: 44, 55; Кузьмин 2003: 267).

Касаясь сведений о Балтийской Руси (Кузьмин 2003: 268-293), А.Г. Кузьмин повторяет уже высказанный им тезис о том, что, с одной стороны, в концепции С.А. Гедеонова «”Русь” – это только южное, приднепровское образование, противостоящее “варягам” – первоначально балтийским славянам», а с другой, «Г. Ловмяньский полагал, что название это (“Ругия” и “Рутения”) не выходит за пределы острова (“Рюген”) и что оно своеобразный “мираж”: смешение ругов с руссами по случайному созвучию» (Кузьмин 2003: 268).

Трудно оспаривать то обстоятельство, что «восточные источники называют “русами” чаще всего именно население салтово-маяцкой культуры, что верно отметил Д.Т. Березовец (неправомерно перенося эту культуру и на Средний Днепр) и обосновала на более широком материале Е.С. Галкина. Свидетельство 871 г. – ответ византийскому императору Василию I Македонянину Людовика Немецкого (843-876), сына Людовика, встречавшего в 839 году послов Русского каганата. И это – своеобразная поправка: “Каганом мы называем государя авар, а не хазар и норманнов”». При этом, даже «предводитель алан из Норвегии Роллон, считавший себя потомком Роллона II века, претендовал лишь на титул “герцога”», а каганы на границе степи с лесостепью на юге Восточной Европы «могли появиться не ранее VIII века, когда более высокая нежели хазарская, культура алан-россов должна была защищать себя от искавших дани восточных пришельцев» (Кузьмин 2003: 272).

А.Г. Кузьмин резюмирует, что «из письма Василия Македонянина вытекало, что титул “кагана” могли присваивать себе князья аваров, хазар, болгар и… “норманнов-росов”» (Кузьмин 2003: 273). Аутентичные византийские письменные источниках о том времени никаких «норманнов» не знают. Следовательно, за «норманнов» франки в 871 году, вероятно, ошибочно приняли росов, так же, как за несколько десятилетий до этого (до 839 года) этих же росов приняли за свеонов (то есть, в последующей этнической номенклатуре шведов). Географ Равеннский, «с которым связывается определённая традиция VIII-IX вв.» (Кузьмин 2003: 273), помещает рядом с «роксаланами» в Прибалтике (ныне район близ Польского Поморья) неких «сваров», а археолог Ф.Д. Гуревич (Гуревич 1961: 181) в Верхнем течении реки Неман, который в славянском своём течении носит созвучное имени роксалан название «Россь» (Белоруссия, близ границ с Литвой), относительно тех же VIII-IX вв. обнаруживала на этой же территории археологические следы пребывания роменской культуры, отождествляемой большинством археологов с летописными северянами. Фонетическая близость «сваров» и наших летописных «северян» между собой не может не обращать на себя внимания, а на существование Неманской Руси, по наблюдению А.Г. Кузьмина, «обращали внимание и антинорманисты и норманисты» (Кузьмин 2003: 288). В частности, Н.М. Карамзин «разделял мнение первого издателя Хроники Дюсбургского Гарткноха (XVII век) о происхождении самого названия “Пруссия” от “Порусья”, то есть территории, прилегающей к реке Русе (нижнее течение Немана или его правый рукав). Существование “Неманской Руси” признал… и М.Н. Погодин, считавший её норманнской колонией» (Карамзин 1852: 78-80; Гедеонов 1862: 20-21; Кузьмин 2003: 415). Возможно не зря позднее «именно в Понеманье зародилась легенда о происхождении Рюрика в 14-ом колене от Прусса – брата Августа» (Кузьмин 2003: 289).

Относительно природы наименования руси ругами А.Г. Кузьмин вступил в полемику с А.В. Назаренко (Кузьмин 2003: 275-277). Ключевым в этой полемике источником являлся «документ, относящийся к 904 году: так называемый Раффельштеттенский устав. В “уставе”, содержащем таможенные правила, говорится о купцах, приходящих в города Верхнего Дуная, из Чехии и “Ругии”. “Ругские” купцы торгуют воском, рабами и конями», то есть, ассортиментом, близким к тому, о котором говорит князь Святослав своей матери, мотивируя необходимость своего пребывания на Дунае и необходимости переноса именно туда своей столицы, согласно «Повести временным лет».

Позднее «в связи с нападением Руси на Константинополь в 941 (или 944) г. три автора – Феофан, Продолжатель Георгия Амастридского и Симеон магистр поясняют, что Росы – это “дромиты”, происходящие “от рода франков”» (Кузьмин 2003: 277). В этой связи любопытно, что и Лиупранд, живущий в Италии, говорил о том, что русов «мы по их месторасположению называем нордманнами», а «для Италии как и для Византии “север” начинался сразу за Дунаем» (Кузьмин 2003: 278).

А.Г. Кузьмин отметил, что «после овладения в 1168 году Рюгеном датская экспансия устремилась далее на восток, к Рутении со столицей в Ротале, и Анналист Саксон оказался современником и почти очевидцем происходящего». Повествуя о них «Саксон чётко отличает рутенов и от датчан, и от шведов, в частности, по обряду погребения. При этом обряд погребальный обряд рутенов в целом соответствует описаниям восточных авторов: умершего хоронят с конём под курганом. В хронике Саксона даётся довольно значительный перечень и рутенских имён» (Кузьмин 2003: 288). Вероятно, изначально и русы, являвшиеся в основном северянами, и руги, – балтийскими славянами, являясь различными народами, совместно участвовали в походах (или походе) Вещего Олега на Византию. И, по всей видимости, это были созвучные наименования разных этносов, как, например, были созвучными имена Игоря и Ингваря на Руси, носители которых в источниках никогда не смешивались. Первое имя является северным (популярным у скандинавов) по своему происхождению и появилось задолго до появления скандинавов (через династические браки) в регионе в отличие от второго. Смешение ругов и рутенов с русами и между собой произошло, вероятно, позднее, когда имя последних, а по созвучию и первых, распространилось на всё восточное славянство. И здесь, по мнению А.Г. Кузьмина, «примечательно, что в связи с традицией сведений о разных… “Русиях”» можно указать «параллель автора “Слова о полку Игореве”: “рутеничи” и “русичи”» (Кузьмин 2003: 290). При этом «датчане… “рутенами”… именовали именно аланскую Русь. Аналист Саксон воспроизвёл и некоторые легенды роталийцев. В одной из них задействован и Один, который пришёл на Балтику с Дона и вернулся на Дон. Он воспроизвёл предание о рождении у дочери рутенского вождя Ринды от Одина сына Боя. Бой же – легендарный герой рутенов из Роталии» (Кузьмин 2003: 291).

Примечательно, что в поздних белорусских легендах и сказаниях героем часто выступает некий полулегендарный Бай, при этом белорусские предания о князе Бое или Бае фиксировались в 1820-1840-е годы преимущественно в белорусском Подвинье (позднее ещё и в районе г. Минска), то есть в районе городов Полоцка и Витебска (Серяков 2013), где течёт река Россь или Руса, и где во второй половине X века правили полоцкий князь Рогволод и туровский Туры, а за век или два до них археологами фиксировались следы пребывания роменцев. Помогали, согласно этим преданиям, князю-богатырю и первопредку Бою или Баю и его сыну первопредку белорусов – Белополю якобы гигантские псы Ставр (Стаур) и Гавр (Гаур) (Алексеев 2009: 341-344), при имени которых вспоминается герой Черниговского цикла былин в составе Киевского – Ставр или «Ставер (возможно, изначально Савер или Север), сын Годинович». Учитывая, что само наименование «северян» чаще всего выводят из иранских языков в качестве обозначения чёрного цвета и таковую же этимологию подыскивают и для расшифровки названия их столичного города Чернигова, то не будет удивительным, что «целый

ряд городов на Среднем Немане» были расположены «в так называемой Чёрной Руси» (Кузьмин 2003: 293).

Интересно, что пик распространения степного по своему происхождению обряда захоронения с конём у соседних с полочанами литовцев достигается в IX-XII вв., причём о распространении его сообщают и письменные источники (Шмидт 1970; Кузьмин 2003: 395). С севером Европы его ошибочно иногда увязывают, по той причине, что ранее всего «этот обычай проявляется у побережья Балтийского моря» (Кузьмин 2003: 418). При этом упускается из виду то обстоятельство, что, хотя «погребения с конями распространялись по всей территории Литвы», то «на территории Латвии этот обычай был распространён только в приморской части Курземе» (Кузьмин 2003: 418-419).

Приднепровскую Русь А.Г. Кузьмин попытался этнически отделить от Руси салтовской, аланской, столь же чётко, как и балтийскую славяно-кельтскую Ругию от балтийской же аланской Рутении. Он отмечает, что «сложение древнерусской цивилизации осуществляется в ходе взаимодействия главным образом славян и русов», и «славянизации подвергаются… отчасти Русы аланов Подонья, не говоря уже о собственно Руси в Приднепровье» (Кузьмин 2003: 297). Но и одна Русь, и другая, по его мнению, не являясь изначально славянскими, в то же время не были скандинавскими или германскими, «и славянство входе взаимодействия проникалось какими-то чертами, характерными для руси или иных племён и народов (в частности иранских), которые участвовали в сложении новой государственности и культуры» (Кузьмин 2003: 298). Все затем перечисленные им в литературе (Кузьмин 2003: 299-302) «ритуальные поиски следов германизмов в культуре Восточной Европы проистекают из априорного понимания варягов как норманнов (именно шведов), что противоречит прямым показаниям источников» (Кузьмин 2003: 302), разбору которых посвящена почти вся итоговая его книга.

Далее А.Г. Кузьмин касается вопроса о «совпадении лексики, фонетики и некоторых других языковых явлений у балтийских славян и жителей северо-западных и северных областей Руси (прежде всего Новгородской земли)», и о том, что «виднейший немецкий учёный Й. Херрман напоминает о построениях историков, археологов и филологов империалистической Германии как об откровенно спекулятивных и бесплодных», со ссылкой на В.М. Потина рассказывает о том, что клады на балтийском Поморье, по меньшей мере, на полвека-век старше, чем в Швеции, и на век-полтора, чем на Готланде, и эти земли опережали по темпам своего развития Скандинавию, поскольку балтийские славяне, в отличие от скандинавов, «унаследовали издавна развитую местную морскую культуру» (Кузьмин 2003: 303).

А.Г. Кузьмин поддерживает мнение В.В. Седова «о несомненной генетической связи древних новгородцев со славянскими племенами Польского Поморья», поскольку «объяснить появление биконических и реберчатых сосудов на ранних славянских памятниках Приильменья можно только предположением о происхождении новгородских славян с запада, из Венедской земли» (Седов 1970: 71-72; Кузьмин 2003: 305).

О существовании весьма древней Руси и в Болгарии говорит, по мнению А.Г. Кузьмина, хотя бы тот факт, что «к русам Болгарского Причерноморья, куда в 70-е гг. X в. Святослав намеревался перенести “центр” Русской земли… в конце XIV в. митрополит Киприан – болгарин по происхождению – выделял ряд городов в “Списке русских городов ближних и дальних”, претендуя на подчинение их единой “Русской” митрополии» (Кузьмин 2003: 310).

Тот факт, что имена, представленные в русско-византийских договорах, в значительной степени не имели отношения к исконной Руси, доказывается метким наблюдением А.Г. Кузьмина о том, что «учитывая довольно распространённую закономерность повторять в роду одни и те же имена…, следует думать, что… носители этих имён не оставили потомков» (Кузьмин 2003: 318). Но были ли они скандинавами? – большой вопрос. Они могли ими быть только лишь в том случае, если предположить что, будучи молодыми, они просто не успевали вступать в брак и погибали в многочисленных походах древнерусских князей. Известно, что из похода времён Олега 912-913 годов на Восток не вернулся никто, из похода 943-944 годов – почти никто, почти вся воинская верхушка (согласно Льву Диакону, в том числе, два высших военачальника и сам князь) погибли на Балканах или в Днепровском Надпорожье. Поэтому возвращаться в Скандинавию было некому и прославлять там этих героев тоже, а следовательно, не осталось памяти и о древнерусских князьях, которым они служили. Конечно, это могли быть только простые воины, а не социальная верхушка – князья и владельцы земель, которые, вероятно, оставляли потомков и, по-видимому, скандинавами не были. Но тогда кем они были? Учёный констатирует, что «в топонимике Поднепровья, помимо славянского пласта, выявляются иранский, тюркский, балтский, в небольшой степени фракийский и, что особенно примечательно, – иллирийский и вообще западнобалканский…, а германизмы единичны и не бесспорны» (Трубачёв 1968: 276-282; Кузьмин 2003: 318).

Если сравнить топонимику региона (за исключением более поздней тюркской) и ономастику личных имён (в интерпретации А.Г. Кузьмина: Кузьмин 2003: 318-332) в древнерусских летописях (за исключением кельтской, вероятно, варяжской их части) друг с другом, то обстоятельство почему в литературе должным образом не обращалось внимания на их значительное совпадение, или, по крайней мере, близость, не может не вызывать удивления, а обстоятельство это указывает скорее на местное Приднепровское происхождение и большинства носителей этих имён.

По мнению А.Г. Кузьмина параллели отыскиваются в кельтских языках следующим летописным личным именам: 1. Алвад, 2. Мутур (первым двум есть ещё параллели и в иранских), 3. Карн, 4. Акун (также в иллирийских), 5. Тилен, 6. Истер (также в балканской гидронимике), 7. Кол (также в иллирийских), 8. Игорь, 9. Труан (также в славянских), 10. Веремуд (также в прибалтийских), 11. Карлы, 12. Фарлаф, 13. Фрелав, 14. Руар, 15. Рулав,

16. Руалд (или Роалд), 17. Туад, 18. Тудор, 19. Тудко (славянизировано), 20. Ивор, 21. Куцы, 22. Кары, 23. Моны, 24. Адун, 25. Аминод (последние два по происхождению финикийские), 26. Алдан, 27. Лют (ещё и в славянских), 28. Блуд, 29. Буды, 30. Берн, 31. Туръберн, 32. Шихъберн, 33. Ждьберн, 34. Рюрик (Рурик), 35. Синеус, 36. Трувор, 37. Дир (всего 37 из 102 имён).

В славянских языках и именословах А.Г. Кузьмин находит параллели именам: 1. Святослав, 2. Володислав, 3. Передъслава, 4. Воико, 5. Клек, 6. Синко, 7. Сфирько, 8. Труан, 9. Вуефаст (начало имени), 10. Иггивлад (окончание имени), 11. Тудко (славянизированный вариант имени Тудор), 12. Лют, 13. Шимон (Балтийское Поморье), 14. Ут (Уто) (есть у балтийских славян и шведов), 15. Етон (возможно, вариант того же имени Ут (Уто) (всего 15).

В иллирийских параллели обнаруживаются именам: 1. Дир (ещё и в кельтских), 2. Боричь, 3. Акун, 4. Егри, 5. Уто, 6. Кол, 7. Гуды, 8. Туръбид (ещё и в фракийских), 9. Руалд (ещё и в кельтских), 10. Воист (всего 10).

Балтские и прибалтийские имена: 1. Ятвяг, 2. Веремуд, 3. Инегелд, 4. Игелъд (Ингелд), 5. Иггивлад, 6. Аскольд, 7. Асмолд (Асмуд), 8. Свенделд (Свенельд), 9. Ивор (прибалтийское и кельтское) (всего 9).

В иранских языках параллели обнаруживаются именам – 1. Сфандра, 2. Простен, 3. Фроудан, 4. Алвад, 5. Мутур, 6. Олег (всего 6).

Фризские (по А.Г. Кузьмину, тоже угро-финские или уральские) имена: 1. Гуннарь, 2. Гунастр, 3. Фост, 4. Вуефаст, 5. Гримм, 6. Бравлин (всего 6).

Скандинавские и другие германские имена – 1. Свен, 2. Кары (по происхождению, правда, тоже кельтское), 3. Адулб, 4. Фрастен (у шведов), 5. Ут (Уто) (у шведов и балтийских славян), 6. Етон (возможно, вариант имени Ут (Уто)) (всего 6, что примерно соответствует проценту скандинавских древностей в археологии в целом по Руси).

Балканские – 1. Истер, 2. Стир, 3. Гомол, 4. Стемид (всего 4).

Финно-угорские (в том числе, чудские или эстонские) – 1. Каницар, 2. Искусеви, 3. Апубьксарь, 4. Улеб (Олеб) (всего 4).

В фракийских языках обнаруживаются параллели именам: 1. Туръбид и 2. Бруни (всего 2).

Неясные по своему этническому происхождению имена: 1. Вузлев (возможно, болгарское), 2. Фудри, 3. Шибрид и 4. Стегги, 5. Слуды, 6. Евлиск, 7. Воист (возможно иллирийское), 8. Емиг, 9. Гунастр, 10. Актеву, 11. Лидул, 12. Фуръстен (всего 12).

Данные археологических раскопок в этом регионе относительно аналогичного периода ещё более красноречиво подкрепляют данное совпадение топонимики и летописной ономастики относительно их возможного этнического окраса, дополняя и уточняя его.

Что касается соотношения первоначального расположения Руси и её соотношения со славянами, то стоит отметить, что об их тождестве говорят два обстоятельства: во-первых, «Ибн Хордадбек в IX веке считал русских купцов “видом славян”», а, во-вторых, в восточных источниках часто «одна и та же река называлась то русской, то славянской» (Новосельцев 1965: 368-371, 384-385; Кузьмин 2003: 333), располагаясь где-то на юго-востоке Европы (вероятно, Дон до впадения Северского Донца и сам Северский Донец). В то же время указание летописи на Новгород как исходный пункт похода Олега, возможно, было «привнесено вместе с явно искусственным привязыванием ребёнка Игоря к славимому в Новгороде (видимо его основателю) Рюрику» (Кузьмин 2003: 335). Северянское происхождение Новгорода из которого в Киев явились Олег и Игорь, возможно, подтверждается исследованием М.Ю. Брайчевского, обнаружившего параллели «русским» названиям днепровских порогов, приводимым византийским императором Константином Багрянородным, в осетинском языке (Кузьмин 2003: 337), поскольку иранские следы в гидронимике на территории Древней Руси наиболее явственны именно на Левобережье Днепра, то есть на территории племенного союза северян, о чём писал ещё В.В. Мавродин (Мавродин 1978).

Но всё же не иранцы, а кельты оставили, по мнению А.Г. Кузьмина, наиболее явственный след практически во всех сферах жизни восточных славян: в религии (Кузьмин 2003: 338-339), в институтах власти, включая такие наименования, как «бояре», «владарь», «власть», «слуги», в институте «300 золотых поясов» в Великом Новгороде и т.д. (Кузьмин 2003: 339-340).

Истоки появления Руси IX в., вероятно, следует связывать с Болгарией. И, по-видимому, не случайно, что «в конце IX в. принимают христианство русы на территории Болгарии» (Кузьмин 2003: 341), «где была самостоятельная митрополия константинопольского подчинения» (Кузьмин 2003: 343), «а самого Мефодия чешская хроника Далимила начала XIV в. называла “русином”» (Кузьмин 2003: 346), вероятно, в том числе, и по той причине, что он, как и его брат Константин (в схиме Кирилл), были уроженцами Солуни, примыкавшей к Болгарии. И именно в Болгарии затем осели практически все ученики святых равноапостольных братьев (Успенский 2002: 196-197, 364). Видимо, не зря А.А. Шахматов считал летописную «Речь философа» князю Владимиру болгарским памятником IX в. (Кузьмин 2003: 349), являвшимся отдельным «сказанием о крещении царя Бориса в IX в.» (Шахматов 1906; Кузьмин 2003: 424), а «греческим митрополитом, возглавлявшим русскую церковь в позднейших летописях… назовут» самого «Фотия, который был на полтора столетия раньше Владимира» (Кузьмин 2003: 352), но писал, рассказывая именно о крещении Болгарии во втором из окружных посланий епископам, о том, что «так называемая русь, этот народ», который «переменил эллинскую и безбожную веру на чистое христианское учение, вступив в число преданных нам друзей» (Успенский 2002: 401).

При Симеоне благодаря его завоевательной политике Болгария раскинулась почти на все Балканы. Возможно, она и есть один из источников болгарской, и шире балканской, ономастики, неожиданно столь широко представленной в летописных договорах Руси с Византией (Кузьмин 2003: 318-332). И тот факт, что оригинал, «известный под именем “Изборника Святослава”», самой древней из сохранившихся рукописи на юге Древней Руси «на самом деле принадлежит времени

Симеона болгарского» (Успенский 2002: 368-369), мог спокойно быть практически дословно переписан с заменой только имени болгарского князя, на имя древнерусского, черниговского, говорит о возможной тесной связи двух стран даже в дохристианский для истории Руси период.

Территория подчинения болгарской митрополии, где впервые были крещены русы, вероятно, со временем стала значительной и включала в период своего расцвета, помимо прочих, земли донских булгар и алан, а от них, шла неизвестно насколько на север, распространяясь даже, «возможно, в Роталию», куда «тоже проникало христианство, причём с Дона» (Кузьмин 2003: 342) и на которую также иногда распространялось имя варягов-варангов. Например, норвежский герой Гарольд (первая половина XI в.), сватавшийся к дочери Ярослава Мудрого и добившийся её расположения, «был сыном короля Варангии», то есть Норвегия также, по-видимому, порой «называлась землёй варягов» (Успенский 2002: 404), несмотря на их несомненно более частое противопоставление в скандинавских сагах.

Касаясь предыстории Руси, варяжского и русского вопросов в концепции А.Г. Кузьмин, следует сказать, что её автор верно наметил, что и в среде варягов, и в среде руссов самым непосредственным образом представлена была древняя индоевропейская основа – славянская, иранская, индоарийская, кельтская и др., взаимодействие между которыми привело к становлению Древнерусской цивилизации. Скандинавы участвовали во всех этих процессах, но их участие было очень скромным, поскольку к моменту их появления на исторической сцене региона, Русь как этнополитическое образование в основном уже было сформировано.

ЛИТЕРАТУРА

Алексеев 2009 - Алексеев С.В. Славянская Европа V-VIII веков. М.: Вече, 2009.

Алексеева 1971 - Алексеева Т.И. Этногенез восточных славян по данным антропологии // Советская этнография. 1971. № 2.

Алексеева 1974 - Алексеева Т.И. Славяне и германцы в свете антропологических данных // Вопросы истории. 1974. № 3.

Артёмов 2013 - Артёмов В.В. Мифы и предания славян. М., 2013. 304 с.

Бейлис 1974 - Бейлис В.М. К оценке сведений арабских авторов о религии древних славян и руссов // Восточные источники по истории народов Юго-Восточной и Центральной Европы. Т. III. М., 1974.

Беззаконов, Жих 2021 - Беззаконов С.Н., Жих М.И. Хакан народа рос // Исторический формат. 2021. № 3.

Березовец 1970 - Березовец Д.Т. Об имени носителей салтовской культуры // Археология. Т. XXIV. Киев, 1970.

Борисова 2021 - Борисова М. Археологическая сенсация: недалеко от Берлина нашли золото кельтов. 2021 / Электронный ресурс: http://www/dw.com/ru/v-germanii-nashli-zoloto-keltov/a-6010792 (дата обращения - 15.11.2021).

Васильевский 1912 - Васильевский В.Г. Труды. Т. II. СПб., 1912.

Васильевский 1915 - Васильевский В.Г. Труды. Т. III. СПб., 1915.

Веселовский 1906 - Веселовский А.Н. Русские и вильтины в саге о Тидреке Бернском (Веронском) // Известия Отделения русского языка и словесности. Т. XI. Кн. 3. СПб., 1906.

Галкина 2002 - Галкина Е.С. Тайны Русского каганата. М.: Вече, 2002. 432 с.

Гедеонов 1862 - Гедеонов С.А. Отрывки из исследований о варяжском вопросе. СПб., 1862.

Гедеонов 2005 - Гедеонов С.А. Варяги и Русь. В двух частях / Автор предисловия, комментариев, библиографического очерка В.В. Фомин. Третье издание, дополненное. М.: Русская панорама, 2005. 664 с.

Гельмольд 1963 - Гельмольд. Славянская хроника. М., 1963.

Гроздова 1970 - Гроздова И.Н. Кельтские народы британских островов // Этнические процессы в странах Зарубежной Европы. М., 1970.

Гуревич 1961 - Гуревич Ф.Д. Этническиий состав населения Верхнего Понеманья по археологическим данным второй половины первого тысячелетия н.э. // Исследования по археологии СССР. Л.: Издательство ЛГУ, 1961. С. 174-181.

Древняя Русь 2001 - Древняя Русь в свете зарубежных источников. М., 2001.

Жих 2018 - Жих М.И. Работы Дмитрия Тарасовича Березовца и проблема локализации Русского каганата // Исторический формат. 2018. № 3-4.

Заходер 1967 - Заходер Б.Н. Каспийский свод сведений о Восточной Европе. Т. II. М., 1967.

Иордан 1960 - Иордан. О происхождении и деяниях гетов. М., 1960.

Карамзин 1852 - Карамзин Н.М. История государства Российского. Т. 7 (Примечания к Т. 1-3). СПб., 1852.

Карпенко 2016 - Карпенко А.А. Русь северян Вещего Олега: рецензии, ответы и статьи, опубликованные в сборниках по итогам научных конференций 2004-2010 гг. Ростов-на-Дону: Книга, 2016. 272 с.

Карпенко 2017 - Карпенко А.А. О генеалогических преданиях Иоакимовской летописи В.Н. Татищева // Исторический формат. 2017. № 3-4. С. 252-280.

Карпенко 2017а - Карпенко А.А. Приложение к статье «О генеалогических преданиях В.Н. Татищева». 2017 / Электронный ресурс: http://narodnazemle.ru/node/97 - 26/12/2017 (дата обращения - 15.11.2021).

Корзухина 1955 - Корзухина Г.Ф. К истории Среднего Поднепровья в середине I тысячелетия н.э. // Советская археология. Т. XXII. М., 1955.

Кузенков 2011 - Кузенков П.В. Походы Олега и Игоря на Константинополь – общее и особенности // Труды Первой Международной конференции «Начала Русского мира». СПб.: Блиц, 2011.

Кузьмин 1986 - Откуда пошла Русская земля. Века VI-X. Кн. 2 / Составление, предисловие, введения к документам, комментарий А.Г. Кузьмина. М.: Молодая гвардия, 1986. 702 с.

Кузьмин 2003 - Кузьмин А.Г. Начало Руси. Тайны рождения русского народа. М.: Вече, 2003. 432 с.

Латышев 1948 - Латышев В.В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе // Вестник древней истории. 1948. № 8.

Лебедев 1972 - Лебедев Г.С. Погребальный обряд скандинавов эпохи викингов. Автореферат диссертации на соискание диссертации на соискание учёной степени кандидата исторических наук. Л., 1972.

Лебедев 1978 - Лебедев Г.С. Этнографические сведения арабских авторов о славянах и руссах // Из истории феодальной России. Л., 1978.

Лев Диакон 1986 - Лев Диакон Калойский. История (отрывок) // Откуда пошла Русская земля. Века VI-X. Кн. 2 / Составление, предисловие, введения к документам, комментарий А.Г. Кузьмина. М.: Молодая гвардия, 1986.

Леонтьев 2001 - Леонтьев К.Н. Византизм и славянство. Великий спор. М.: ЭКСМО-Пресс, 2001.

ЛЛ 2001 - Полное собрание русских летописей. Т. I. Лаврентьевская летопись. М.: Языки славянской культуры, 2001.

Льюис 1954 - Льюис Г., Педерсен Х. Краткая сравнительная грамматика кельтских языков. М., 1954.

Мавродин 1978 - Мавродин В.В. Происхождение Русского народа. Л.: Издательство ЛГУ, 1978.

Монгайт 1973 - Монгайт А.Л. Археология Западной Европы. Каменный век. М., 1973.

НІЛ 2000 - Полное собрание русских летописей. Т. 3. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.: Языки русской культуры, 2000. 720 с.

Новосельцев 1965 - Новосельцев А.П. Восточные источники о восточных славянах и Руси VI-IX вв. // Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965.

Павинский 1871 - Павинский А. Полабские славяне. СПб., 1871.

Пигулевская 1952 - Пигулевская Н.В. Имя «Рус» в сирийском источнике VI века // Академику Борису Дмитриевичу Грекову ко дню семидесятилетия. М., 1952.

Ременников 1954 - Ременников А.М. Борьба племён Северного Причерноморья с Римом в III веке. М., 1954.

Русанова 1968 - Русанова И.П. О керамике раннесредневековых памятников Верхнего и Среднего Поднепровья // Славяне и Русь. М., 1968. С. 143-150.

Рыбаков 1952 - Рыбаков Б.А. Русские земли на карте Идриси 1154 г. // Краткие сообщения Института истории материальной культуры. Т. XLIII. М., 1952.

Рыбаков 1953 - Рыбаков Б.А. Древние русы // Советская археология. Т. XVII. М., 1953.

Рыдзевская 1978 - Рыдзевская Е.А. Древняя Русь и Скандинавия в IX-XIV вв. М., 1978.

Самоквасов 1908 - Самоквасов Д.Я. Северянская земля и Северяне по городищам и могилам – Гущино у Чернигова. М.: Синодальная типография, 1908.

Седов 1970 - Седов В.В. Славяне Верховного Поднепровья и Подвинья. М., 1970.

Серяков 2013 - Серяков М.Л. Духовная прародина славян. М.: Вече, 2024. 448 с.

Спицын 1928 - Спицын А.А. Древности антов // Сборник статей в честь А.И. Соболевского. Л., 1928.

Татищев 1768 - Татищев В.Н. История Российская с самых древнейших времён. Кн. I. Ч. 1. М.: Типография Императорского Московского университета, 1768.

Тебеньков 1894 - Тебеньков М.М. Происхождение Руси. Тифлис, 1894.

Трубачёв 1968 - Тубачёв О.Н. Названия рек Правобережной Украины. М., 1968.

Трубачёв 1976 - Трубачёв О.Н. О синдах и их языке // Вопросы языкознания. 1976. № 4.

Успенский 2002 - Успенский Ф.И. История Византийской империи. Т. 3. Период Македонской династии (867-1057). М.: Астрель; Аст, 2002. 800 с.

Шафарик 1837 - Шафарик П.И. Славянские древности. Т. I. Кн. 1. М., 1837.

Шафонский 1787 - Шафонский А.Ф. Краткое топографическое описание Новгородского Северского наместничества 1787 года // Черниговские губернские ведомости. 1851. № 45.

Шахматов 1906 - Шахматов А.А. Корсунская легенда о крещении Владимира. СПб., 1906.

Шмидт 1970 - Шмидт Е.А. Об этническом составе населения Гнёздова // Советская археология. 1970. № 3.

REFERENCES

Alekseev 2009 - Alekseev S.V. Slavyanskaya Evropa V-VIII vekov [Slavic Europe of the V-VIII centuries], Moscow, Veche Publ., 2009 [in Russian].

Alekseeva 1971 - Alekseeva T.I. Etnogenez vostochnyh slavyan po dannym antropologii [Ethnogenesis of the Eastern Slavs according to anthropology], in: Sovetskaya etnografiya [Soviet ethnography], 1971, № 2 [in Russian].

Alekseeva 1974 - Alekseeva T.I. Slavyane i germancy v svete antropologicheskih dannyh [Slavs and Germans in the light of anthropological data], in: Voprosy istorii [History issues], 1974, № 3 [in Russian].

Artyomov 2013 - Artyomov V.V. Mify i predaniya slavyan [Myths and legends of the Slavs], Moscow, 2013, 304 p. [in Russian].

Bejlis 1974 - Bejlis V.M. K ocenke svedenij arabskih avtorov o religii drevnih slavyan i russov [To evaluate the information of Arab authors about the Religion of the ancient Slavs and Russ], in: Vostochnye istochniki po istorii narodov YUgo-Vostochnoj i Central'noj Evropy [Oriental sources on the history of the peoples of Southeastern and Central Europe], Vol. III, Moscow, 1974 [in Russian].

Berezovec 1970 - Berezovec D.T. Ob imeni nositelej saltovskoj kul'tury [About the name of the Saltovo culture bearers], in: Arheologiya [Archaeology], Vol. XXIV, Kiev, 1970 [in Ukrainian].

Bezzakonov, ZHih 2021 - Bezzakonov S.N., ZHih M.I. Hakan naroda ros [Khagan of the Ros people], in: Istoricheskij format [Historical format], 2021, № 3 [in Russian].

Borisova 2021 - Borisova M. Arheologicheskaya sensaciya: nedaleko ot Berlina nashli zoloto kel'tov [Archaeological sensation: Celtic gold found near Berlin], 2021, Electronic resource: http://www/dw.com/ru/v-germanii-nashli-zoloto-keltov/a-6010792 (Date of access - 15.11.2021) [in Russian].

Drevnyaya Rus' 2001 - Drevnyaya Rus' v svete zarubezhnyh istochnikov [Ancient Russia in the light of foreign sources], Moscow, 2001 [in Russian].

Galkina 2002 - Galkina E.S. Tajny Russkogo kaganata [Secrets of the Russian Kaganate], Moscow, Veche Publ., 2002, 432 p. [in Russian].

Gedeonov 1862 - Gedeonov S.A. Otryvki iz issledovanij o varyazhskom voprose [Excerpts from research on the Varangian question], Saint-Petersburg, 1862 [in Russian].

Gedeonov 2005 - Gedeonov S.A. Varyagi i Rus'. V dvuh chastyah / Avtor predisloviya, kommentariev, bibliograficheskogo ocherka V.V. Fomin. Tret'e izdanie, dopolnennoe [Varangians and Rus. In two parts / Author of the preface, comments, bibliographic essay V.V. Fomin. Third edition, expanded], Moscow, Russkaya panorama Publ., 2005, 664 p. [in Russian].

Gel'mol'd 1963 - Gel'mol'd. Slavyanskaya hronika [Slavic Chronicle], Moscow, 1963 [in Russian].

Grozdova 1970 - Grozdova I.N. Kel'tskie narody britanskih ostrovov [Celtic peoples of the British Isles], in: Etnicheskie processy v stranah Zarubezhnoj Evropy [Ethnic processes in the countries of Foreign Europe], Moscow, 1970 [in Russian].

Gurevich 1961 - Gurevich F.D. Etnicheskiij sostav naseleniya Verhnego Poneman'ya po arheologicheskim dannym vtoroj poloviny pervogo tysyacheletiya n.e. [The ethnic composition of the population of Upper Ponemanya according to archaeological data of the second half of the first millennium AD.], in: Issledovaniya po arheologii SSSR [Research on the archaeology of the USSR], Leningrad, Izdatel'stvo LGU Publ., 1961, pp. 174-181 [in Russian].

Iordan 1960 - Iordan. O proiskhozhdenii i deyaniyah getov [On the origin and deeds of the Getae], Moscow, 1960 [in Russian].

Karamzin 1852 - Karamzin N.M. Istoriya gosudarstva Rossijskogo. T. 7 (Primechaniya k T. 1-3) [The history of the Russian state. Volume 7 (Notes to Volumes 1-3)], Saint-Petersburg, 1852 [in Russian].

Karpenko 2016 - Karpenko A.A. Rus' severyan Veshchego Olega: recenzii, otvety i stat'i, opublikovannye v sbornikah po itogam nauchnyh konferencij 2004-2010 gg. [Russia of the Northerners of Prophetic Oleg: reviews, answers and articles published in collections based on the results of scientific conferences 2004-2010], Rostov-on-don, Kniga Publ., 2016, 272 p. [in Russian].

Karpenko 2017 - Karpenko A.A. O genealogicheskih predaniyah Ioakimovskoj letopisi V.N. Tatishcheva [Ioachim chronicle's genealogical tales according to V.N. Tatishchev], in: Istoricheskij format [Historical format], 2017, № 3-4, pp. 252-280 [in Russian].

Karpenko 2017a - Karpenko A.A. Prilozhenie k stat'e «O genealogicheskih predaniyah V.N. Tatishcheva» [Appendix to the article «Ioachim chronicle's genealogical tales according to V.N. Tatishchev»], 2017, Electronic resource: http://narodnazemle.ru/node/97 - 26/12/2017 (Date of access - 15.11.2021) [in Russian].

Korzuhina 1955 - Korzuhina G.F. K istorii Srednego Podneprov'ya v seredine I tysyacheletiya n.e. [On the history of the Middle Dnieper in the middle of the I millennium AD.], in: Sovetskaya arheologiya [Soviet Archaeology], Vol. XXII, Moscow, 1955 [in Russian].

Kuzenkov 2011 - Kuzenkov P.V. Pohody Olega i Igorya na Konstantinopol' – obshchee i osobennosti [Oleg and Igor's campaigns to Constantinople – general and features], in: Trudy Pervoj Mezhdunarodnoj konferencii «Nachala Russkogo mira» [Proceedings of the First International Conference "The Beginnings of the Russian World"], Saint-Petersburg, Blic Publ., 2011 [in Russian].

Kuz'min 1986 - Otkuda poshla Russkaya zemlya. Veka VI-X. Kn. 2 / Sostavlenie, predislovie, vvedeniya k dokumentam, kommentarij A.G. Kuz'mina [Where did the Russian land come from. Centuries VI-X. Book 2 / Compilation, preface, introductions to documents, commentary by A.G. Kuzmin], Moscow, Molodaya gvardiya Publ., 1986, 702 p. [in Russian].

Kuz'min 2003 - Kuz'min A.G. Nachalo Rusi. Tajny rozhdeniya russkogo naroda [The beginning of Russia. Secrets of the birth of the Russian people], Moscow, Veche Publ., 2003, 432 p. [in Russian].

Latyshev 1948 - Latyshev V.V. Izvestiya drevnih pisatelej o Skifii i Kavkaze [News of ancient writers about Scythia and the Caucasus], in: Vestnik drevnej istorii [Bulletin of Ancient History], 1948, № 8 [in Russian].

Lebedev 1972 - Lebedev G.S. Pogrebal'nyj obryad skandinavov epohi vikingov. Avtoreferat dissertacii na soiskanie dissertacii na soiskanie uchyonoj stepeni kandidata istoricheskih nauk [The funeral rite of the Scandinavians of the Viking age. Abstract of the dissertation for the dissertation for the degree of Candidate of Historical Sciences], Leningrad, 1972 [in Russian].

Lebedev 1978 - Lebedev G.S. Etnograficheskie svedeniya arabskih avtorov o slavyanah i russah [Ethnographic information of Arab authors about Slavs and Russians], in: Iz istorii feodal'noj Rossii [History (excerpt)], Leningrad, 1978 [in Russian].

Leont'ev 2001 - Leont'ev K.N. Vizantizm i slavyanstvo. Velikij spor [Byzantism and Slavs. The Great Controversy], Moscow, EKSMO-Press Publ., 2001 [in Russian].

Lev Diakon 1986 - Lev Diakon Kalojskij. Istoriya (otryvok) // Otkuda poshla Russkaya zemlya. Veka VI-X. Kn. 2 / Sostavlenie, predislovie, vvedeniya k dokumentam, kommentarij A.G. Kuz'mina [Where did the Russian land come from. Centuries VI-X. Book 2 / Compilation, preface, introductions to documents, commentary by A.G. Kuzmin], Moscow, Molodaya gvardiya Publ., 1986 [in Russian].

LL 2001 - Polnoe sobranie russkih letopisej. T. I. Lavrent'evskaya letopis' [The complete collection of Russian Chronicles. Volume I. The Laurentian Chronicle], Moscow, YAzyki slavyanskoj kul'tury Publ., 2001 [in Russian].

L'yuis 1954 - L'yuis G., Pedersen H. Kratkaya sravnitel'naya grammatika kel'tskih yazykov [A brief comparative grammar of the Celtic languages], Moscow, 1954 [in Russian].

Mavrodin 1978 - Mavrodin V.V. Proiskhozhdenie Russkogo naroda [The origin of the Russian people], Leningrad, Izdatel'stvo LGU Publ., 1978 [in Russian].

Mongajt 1973 - Mongajt A.L. Arheologiya Zapadnoj Evropy. Kamennyj vek [Archaeology of Western Europe. Stone Age], Moscow, 1973 [in Russian].

NIL 2000 - Polnoe sobranie russkih letopisej. T. 3. Novgorodskaya pervaya letopis' starshego i mladshego izvodov [The complete collection of Russian Chronicles. Volume 3. The Novgorod first chronicle of the elder and younger izvodov], Moscow, YAzyki russkoj kul'tury Publ., 2000, 720 p. [in Russian].

Novosel'cev 1965 - Novosel'cev A.P. Vostochnye istochniki o vostochnyh slavyanah i Rusi VI-IX vv. [Eastern sources about the Eastern Slavs and Russia of the VI-IX centuries], in: Drevnerusskoe gosudarstvo i ego mezhdunarodnoe znachenie [The Ancient Russian State and its international significance], Moscow, 1965 [in Russian].

Pavinskij 1871 - Pavinskij A. Polabskie slavyane [Polabian Slavs], Saint-Petersburg, 1871 [in Russian].

Pigulevskaya 1952 - Pigulevskaya N.V. Imya «Rus» v sirijskom istochnike VI veka [The name "Rus" in the Syriac source of the VI century], in: Akademiku Borisu Dmitrievichu Grekovu ko dnyu semidesyatiletiya [Academician Boris Dmitrievich Grekov on his seventieth birthday], Moscow, 1952 [in Russian].

Remennikov 1954 - Remennikov A.M. Bor'ba plemyon Severnogo Prichernomor'ya s Rimom v III veke [The struggle of the tribes of the Northern Black Sea region with Rome in the III century], Moscow, 1954 [in Russian].

Rusanova 1968 - Rusanova I.P. O keramike rannesrednevekovyh pamyatnikov Verhnego i Srednego Podneprov'ya [About ceramics of early medieval monuments of the Upper and Middle Dnieper], in: Slavyane i Rus' [Slavs and Rus], Moscow, 1968, pp. 143-150 [in Russian].

Rybakov 1952 - Rybakov B.A. Russkie zemli na karte Idrisi 1154 g. [Russian lands on the map of Idrisi 1154], in: Kratkie soobshcheniya Instituta istorii material'noj kul'tury [Brief reports of the Institute of the History of Material Culture], Vol. XLIII, Moscow, 1952 [in Russian].

Rybakov 1953 - Rybakov B.A. Drevnie Rusy [Ancient Rus], in: Sovetskaya arheologiya [Soviet Archaeology], Vol. XVII, Moscow, 1953 [in Russian].

Rydzevskaya 1978 - Rydzevskaya E.A. Drevnyaya Rus' i Skandinaviya v IX-XIV vv. [Ancient Russia and Scandinavia in the IX-XIV centuries], Moscow, 1978 [in Russian].

Samokvasov 1908 - Samokvasov D.YA. Severyanskaya zemlya i Severyane po gorodishcham i mogilam – Gushchino u CHernigova [Severyanskaya land and Northerners by settlements and graves – Gushchino near Chernihiv], Moscow, Sinodal'naya tipografiya Publ., 1908 [in Russian].

Sedov 1970 - Sedov V.V. Slavyane Verhovnogo Podneprov'ya i Podvin'ya [Slavs of the Supreme Dnieper and Podvinya], Moscow, 1970 [in Russian].

Seryakov 2013 - Seryakov M.L. Duhovnaya prarodina slavyan [The spiritual ancestral homeland of the Slavs], Moscow, Veche Publ., 2024, 448 p. [in Russian].

SHafarik 1837 - SHafarik P.I. Slavyanskie drevnosti [Slavic antiquities], Vol. I, Part 1, Moscow, 1837 [in Russian].

SHafonskij 1787 - SHafonskij A.F. Kratkoe topograficheskoe opisanie Novgorodskogo Severskogo namestnichestva 1787 goda [A brief topographical description of the Novgorod Seversky Viceroyalty of 1787], in: CHernigovskie gubernskie vedomosti [Chernihiv provincial Vedomosti], 1851, № 45 [in Russian].

SHahmatov 1906 - SHahmatov A.A. Korsunskaya legenda o kreshchenii Vladimira [Korsun Legend of Vladimir 's Baptism], Saint-Petersburg, 1906 [in Russian].

SHmidt 1970 - SHmidt E.A. Ob etnicheskom sostave naseleniya Gnyozdova [About the ethnic composition of the Gnezdovo population], in: Sovetskaya arheologiya [Soviet Archaeology], 1970, № 3 [in Russian].

Spicyn 1928 - Spicyn A.A. Drevnosti antov [Antiquities of the Ants], in: Sbornik statej v chest' A.I. Sobolevskogo [Collection of articles in honor of A.I. Sobolevsky], Leningrad, 1928 [in Russian].

Tatishchev 1768 - Tatishchev V.N. Istoriya Rossijskaya s samyh drevnejshih vremyon [Russian history since the most ancient times], Vol. I, Part 1, Moscow, Tipografiya Imperatorskogo Moskovskogo universiteta Publ., 1768 [in Russian].

Trubachyov 1968 - Tubachyov O.N. Nazvaniya rek Pravoberezhnoj Ukrainy [Names of rivers of Right-bank Ukraine], Moscow, 1968 [in Russian].

Trubachyov 1976 - Trubachyov O.N. O sindah i ih yazyke [About the Sinds and their language], in: Voprosy yazykoznaniya [Questions of linguistics], 1976, № 4 [in Russian].

Uspenskij 2002 - Uspenskij F.I. Istoriya Vizantijskoj imperii. T. 3. Period Makedonskoj dinastii (867-1057) [The history of the Byzantine Empire. Volume 3. The period of the Macedonian Dynasty (867-1057)], Moscow, Astrel' Publ.; Ast Publ., 2002, 800 p. [in Russian].

Vasil'evskij 1912 - Vasil'evskij V.G. Trudy [Works], Vol. II, Saint-Petersburg, 1912 [in Russian].

Vasil'evskij 1915 - Vasil'evskij V.G. Trudy [Works], Vol. III, Saint-Petersburg, 1915 [in Russian].

Veselovskij 1906 - Veselovskij A.N. Russkie i vil'tiny v sage o Tidreke Bernskom (Veronskom) [Russians and Viltins in the saga of Tidrek of Bern (Verona)], in: Izvestiya Otdeleniya russkogo yazyka i slovesnosti [News of the Department of Russian Language and Literature], Vol. XI, Part 3, Saint-Petersburg, 1906 [in Russian].

Zahoder 1967 - Zahoder B.N. Kaspijskij svod svedenij o Vostochnoj Evrope [Caspian Summary of information about Eastern Europe], Vol. II, Moscow, 1967 [in Russian].

ZHih 2018 - ZHih M.I. Raboty Dmitriya Tarasovicha Berezovca i problema lokalizacii Russkogo kaganata [Works of Dmitry Tarasovich Berezovets and the problem of localization of the Rus' khaganate], in: Istoricheskij format [Historical format], 2018, № 3-4 [in Russian].

Карпенко Андрей Александрович
– Независимый исследователь (Волгодонск, Россия).

Andrey Karpenko
– Independent researcher (Volgodonsk, Russia).

alnikar1953@mail.ru

ПОХОД РУСОВ НА КОНСТАНТИНОПОЛЬ В 860 Г.: ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИЧЕСКОЙ ГЕОГРАФИИ И ЛОГИСТИКИ

С.Н. Беззаконов[1], М.И. Жих[2]
[1]Независимый исследователь (Ростов-на-Дону, Россия)
e-mail: bezzakonov@mail.ru
[2]Российско-немецкий исторический семинар
(Санкт-Петербург, Россия)
e-mail: max-mors@mail.ru
Scopus Author ID: 55358941500
Researcher ID: F-3154-2014
http://orcid.org/0000-0003-2212-6416
SPIN-код: 6149-3974

АВТОРСКОЕ РЕЗЮМЕ
В статье рассматриваются проблемы исторической географии и логистики похода русов на Константинополь в 860 г. Поскольку никаких следов исторической памяти об этом походе и последовавшем за ним крещении в древнерусских источниках не обнаруживается, а археологически нигде на восточнославянской территории не выявляется признаков политии, которую можно было бы связать с этими событиями, мы считаем наиболее убедительной версию тех историков, которые полагали, что за этими событиями стоит не Киевская (в широком смысле), а предшествующая ей «другая» Русь: Русь аланская, донская и причерноморская, археологическим соответствием которой является салтово-маяцкая культура. Из всех культур Восточной Европы середины IX в. только она располагала всеми необходимыми материальными, демографическими, военными и организационными ресурсами для организации такого масштабного военного предприятия. Поскольку византийские источники говорят о том, что русами в этом походе использовались большие суда морского класса, то исходную базу, с которой был осуществлён поход, следует помещать в Крыму, где работали мастера, способные изготовить такие суда. В Крыму в это время были распространены памятники салтово-маяцкой культуры, свидетельствующие о вхождении его части в состав Русского каганата. Впоследствии Константин Багрянородный писал о существовании здесь особого Аланского княжества, а русско-византийский договор 944 г. говорит о наличии здесь владений Руси, видимо, «по наследству» от Русского каганата перешедших под вассалитет к киевским русам и их правителю.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: аланы, русы, восточные источники, славяне, археология, Византия, салтово-маяцкая культура, Русский каганат, историография, Аскольд и Дир, Константинополь.

MILITARY EXPEDITION OF THE RUS' TO CONSTANTINOPLE IN 860: PROBLEMS OF HISTORICAL GEOGRAPHY AND LOGISTICS

Sergey Bezzakonov[1], Maksim Zhikh[2]
[1]Independent researcher (Rostov-on-Don, Russia)
e-mail: bezzakonov@mail.ru
[2]The Public and Scientific Project «Russian-German Historical Seminar»
(Saint Petersburg, Russia)
e-mail: max-mors@mail.ru

ABSTRACT
The article discusses questions of historical geography and logistics of the Rus' military expedition against Constantinople in 860. Since no traces of historical memory of this campaign and the baptism that followed it have been discovered in early Russian sources, and nowhere signs of polity which could be connected with these events have been found archaeologically in the East Slavic territory, we consider most convincing the version of those historians who believed that not Kyiv (in the broad sense) was behind these events but the "other" Rus' that preceded it: Alanian, Don and Black Sea Rus', the archaeological correspondence of which is the Saltovo-Mayaki culture. Of all the Eastern European cultures of the mid of the 9th century only that culture had all the necessary material, demographic, military and organizational resources for such a large-scale military enterprise. Since Byzantine sources recorded that the Rus' used large sea class ships in this campaign, then the base from which the expedition was carried out should be placed

in the Crimea, where craftsmen capable of making such ships worked. At that time, monuments of the Saltovo-Mayaki culture were widespread in the Crimea, indicating affiliation of part of it with the Rus' Khaganate. Subsequently, Constantine Porphyrogenitus wrote about the existence of a special Alanian principality there, and the Russian-Byzantine treaty of 944 speaks of the presence of Rus' possessions there, apparently, "by inheritance" from the Rus' Khaganate that passed under vassalage to the Kievan Rus' and their ruler.

KEYWORDS: Alans, Rus', Eastern sources, Slavs, archaeology, Byzantium, Saltovo-Mayaki culture, Rus' Khaganate, historiography, Askold and Dir, Constantinople.

Светлой памяти Сергея Васильевича Цветкова

Поход русов на Константинополь в 860 г.[1] является одним из самых загадочных событий древнерусской истории, в первую очередь тем, что это событие, которое произвело большое впечатление на современников, – византийцев и европейцев (Vasiliev 1946; Левченко 1956: 33-90; Пашуто 1968: 58-60; Сахаров 1980: 48-58; Литаврин 2000: 47-60; Кузенков 2003: 3-172; Цветков 2010), – не оставило никакого следа в исторической памяти самого Древнерусского государства. Если, говоря о походах на Византию Олега и Игоря, летописцы, наряду с извлечениями из византийских хроник, активно используют собственно русские исторические предания (ПСРЛ. I: 29-30, 45-46; ПСРЛ. II: 21-22, 34-35; ПСРЛ. III: 107-109), то в рассказе об этом походе они опираются исключительно на византийские данные. Автор Повести временных лет (далее – ПВЛ) прямо говорит, что соответствующую информацию он нашёл в греческом летописании: «В лѣто 6360 (852)[2], индикта 15, наченшю Михаилу цесарьствовати, нача ся прозывати Руская земля. О семъ бо увѣдахом, яко при сем цесари приходиша Русь на Цесарьград, якоже писашеть в лѣтописании грѣцком. Тѣмьже и отселѣ почнем и числа положим» (ПВЛ. 1997: 72).

В рассказе о походе 860 г. в ПВЛ (здесь он датируется 6374 (866) г.[3]) просто цитируется «летописание греческое» (Хроника продолжателя Георгия Амартола), в повествование которого вначале механически вставлены в качестве предводителей набега Аскольд и Дир, бывшие будто бы боярами Рюрика, «испросившимися» у него в поход на Царьград и попутно самовольно вокняжившимися в Киеве:

«В лѣто 6374. Иде Асколдъ и Диръ на Грѣкы, и приде въ 14 лѣто Михаила цесаря. Цесарю же отшедъшю на агаряны, и дошедшю ему Черное рѣкы, вѣсть епархъ посла ему, яко русь идеть на Цесарьград, и воротися цесарь. Си же внутрь Суда вшедъше, много убийство християномъ створиша, и въ двою сту кораблий Цесарьград оступиша. Цесарь же одва в городъ вниде, и с патриарьхом Фотиемъ къ сущий церкви святий Богородици Вълахерни всю нощь молитву створиша, такоже божественую ризу святыя Богородица с пѣсьнѣми изнесъше, в рѣку омочиша. Тишинѣ сущи и морю укротившюся, абье буря с вѣтром въста, и волнамъ великымъ въставшим засобь, и безъбожных руси корабля смяте, и къ берегу привѣрже, и изби я, яко малу ихъ от таковыя бѣды избыти и въсвояси възвратишася» (ПВЛ. 1997: 76).

Версия о гибели русского флота от бури появляется лишь в поздних византийских источниках (и через их посредство в русских летописях). Более ранние источники ни о чём подобном не говорят и сообщают лишь об отступлении русов от стен Константинополя (Левченко 1956: 73-75; Сахаров 1980: 48-52).

В Новгородской Первой летописи младшего извода (далее – НПЛ), отразившей, согласно позиции А.А. Шахматова и большинства последующих летописеведов, предшествующий ПВЛ т.н. Начальный свод 1090-х гг. (Шахматов 2002; Присёлков 1996: 48-83; Насонов 1969: 12-79; Творогов 1976: 3-26; Гиппиус 2012: 37-62; Жих 2018б: 3-44), этот поход с Аскольдом и Диром никак не связывается. Автор Начального свода просто цитирует свой византийский источник (Хронограф по великому изложению), «разрезав» им рассказ об основании Киева (видимо, читавшийся в целостном виде в предшествующей Начальному своду летописи, вообще не знавшей похода Руси на Константинополь 860 г.: Шахматов 2002: 359[4]), но не прибавляя к нему каких-то собственных домыслов:

«В си же времена (во времена Кия, Щека и Хорива – М.Ж., С.Б.) бысть въ Грѣчьско земли цесарь, именемъ Михаилъ, и мати его Ирина, иже проповѣдаеть покланяние иконамъ въ пръвую недѣлю поста. При семъ приидоша Русь на Царьград в кораблех, бещислено корабль; а въ двусту вшедше въ Суд, много зло створиша Грекомъ и убииство велико крестияномъ. Цесарь же съ патриархомъ Фотѣмъ молбу створи въ церкви святыя Богородица Влахернѣ всю нощь; тацѣ святѣи богородици ризу изънесъше, въ море скудь омочиша; а во время то яко тишинѣ сущи, и абие буря въста, и потапляше корабля рускыя, и изверже я на брегь, и во своя сы возвратишася» (ПСРЛ. III: 105).

И только далее в Начальном своде следовал рассказ о смерти Кия с братьями, приходе в Киев варягов Ас-

1 Данная статья является продолжением опубликованной нами ранее работы о Русском каганате IX в. (Беззаконов, Жих 2021: 9-58).

2 Дата начала правления Михаила III в ПВЛ указана не верно: Михаил начал править совместно со своей матерью в 842 г. в младенческом возрасте, а единолично – с 856 г.

3 Точную дату появления русов под стенами Константинополя (18 июня 860 г.) сообщает единственный известный нам источник – опубликованная в 1894 г. бельгийским учёным Фр. Кюмоном найденная им в Королевской библиотеке Брюсселя рукопись (Кузенков 2003: 156). Доступные древнерусским летописцам византийские хронографы не содержали соответствующей даты, что привело к тому, что авторы Начального свода и ПВЛ датировали это событие по-своему.

4 Также, вероятно, в Древнейшем своде 1039 г. вообще отсутствовал рассказ о приходе Аскольда и Дира в Киев, они сразу представали в качестве киевских князей и говорилось только об их убийстве Олегом (Шахматов 2002: 361-362).

кольда и Дира (которые здесь, в отличие от ПВЛ, никак не связываются с Рюриком[5]) и переходе этого города под их власть (ПСРЛ. III: 106). Таким образом, приписывание похода 860 г. Аскольду и Диру – результат осмысления и «упорядочивания» автором ПВЛ данных доступной ему византийского историографии и сведений Начального свода о древнейших правителях Руси. Остававшийся в предшествующей летописной традиции «бесхозным», известный лишь из греческих источников, древнейший поход Руси на Константинополь был приписан им Аскольду и Диру.

Особая картина деяний Аскольда и Дира содержится в Никоновской летописи (XVI в.). Здесь, как и в НПЛ, Аскольд и Дир начинают править в Киеве ещё до призвания варягов, но в отличие от НПЛ, именно они в «царьство Михаила царя и матери его Феодоры» (т.е. между 842 и 856 гг.) совершают набег на Константинополь и «много убийства сотвориша». Затем снова говорится: «Множество съвокупившеся агарянъ прихождаху на Царьградъ, и сия множицею творяще. Слышавше же киевстии князи Асколдъ и Диръ идоша на Царьградъ и много зла сътвориша». Само же призвание Рюрика в Никоновской летописи, как и в ПВЛ, приходится на 6370 (862) г. 6372 (864) г. летопись датирует смерть от болгар безымянного сына Аскольда – уникальный, не известный ни одной другой древнерусской летописи факт. На 6373 (865) г. приходится сразу несколько значимых событий: смерть Синеуса и Трувора, рождение Игоря, а также война Аскольда и Дира с полочанами. И уже в следующем, 6374 (866) г., как и в ПВЛ, автор Никоновской летописи снова отправляет Аскольда и Дира в набег на Константинополь, в тот самый, который, согласно Брюссельской хронике, состоялся летом 860 г. и закончился гибелью русского флота от бури. В дальнейшем, в особой статье под заголовком «О князи рустемъ Осколдѣ» снова говорится о походе Руси на Царьград (ПСРЛ. IX: 7-13).

Б.А. Рыбаков высказал предположение, что эти уникальные сведения восходят к летописи, которая велась в Киеве в период правления Аскольда (Рыбаков 1963: 159-173; 1982: 114-116, 304-309; Толочко 2003: 10-14), однако, О.В. Творогов, проведя текстологический анализ, показал, что причиной четырёхкратного повторения рассказа о походе Аскольда и Дира на Константинополь в Никоновской летописи было то, что её автор особо не утруждал себя систематизацией имеющихся у него под рукой источников, а просто переписывал всё подряд (Творогов 1992: 54-59; Кузенков 2003: 167-168).

Относительно этих легендарных правителей в историографии было высказано множество догадок и предположений. Были или не были Аскольд с Диром боярами Рюрика, пришли ли они в Киев раньше чем в Новгороде (или в Ладоге) объявился он сам, ходили ли они в поход на Константинополь? – это далеко не полный перечень загадок связанных с именами братьев, да и были ли они вообще братьями? Со времен Г.З. Байера и В.Н. Татищева исследователей волнует ещё и более общий вопрос: откуда Русь пришла под стены Константинополя в 860 г., ибо и тут полной ясности до сих пор тоже нет.

Повод для скепсиса в отношении родства наших персонажей дают сами древнерусские летописи, помещая могилы убитых Олегом (или Игорем) князей в разные концы Киева: «И убиша Асколъда и Дира, и несоша на гору, и погребоша на горѣ, еже ся нынѣ зоветь Угорьское, идеже нынѣ Олминъ дворъ; на той могилѣ поставилъ божницю святаго Николы: и Дирова могила за святою Ориною» (ПВЛ. 1997: 76-78).

Не менее показательно и употребление в летописных рассказах об Аскольде и Дире единственного числа вместо двойственного или множественного. Отметив данное обстоятельство, Б.А. Рыбаков писал: «Личность князя Дира нам не понятна. Чувствуется, что его имя искусственно присоединено к Аскольду, потому что при описании их совместных действий, грамматическая форма даёт нам одиночное, а не двойное число, как это должно было бы быть при описании совместных действий двоих лиц» (Рыбаков 1982: 308). Учёный предпочитал говорить об одном лишь Аскольде, в котором, опираясь на известия Яна Длугоша и Никоновской летописи, видел последнего правителя Киева из династии потомков Кия (Рыбаков 1982: 304-309).

Ещё в XVIII в. высказывалась гипотеза, что «Дир» – титул или эпитет князя Аскольда: «Баер думал, что Аскольд и Дир есть имя одного человека; что слово Диар означало на языке скандинавском вельможу или полководца, и что русский летописец по незнанию обратил его в другое собственное имя. Сия мысль полюбилась Татищеву и Миллеру. Но Шлёцер доказал ошибку Баерову… Сам Баер, не уверенный в истине своего толкования, прибегнул к другому, ещё менее основательному: “На арабском и турецком языке Dijar означает собрание домов, страну, область: по тому козары, говорившие турецким языком, назвали Аскольда Дияром, или правителем области”. Но область не есть правитель. К тому же Нестор определяет даже разные места, где Аскольд и Дир были погребены в Киеве: он ещё собственными глазами видел их могилы» (Карамзин 1989: 243).

А.П. Толочко предположил, что Аскольд и Дир могли представлять собой диархию: сакрального правителя и правителя без сакральных функций (Толочко 1990: 54-55). Косвенным подтверждением для данной версии может послужить последующая диархия Игоря и Олега, не вполне понятная уже древнейшим летописцам: если в ПВЛ Олег – великий князь, регент и воспитатель Игоря, то согласно НПЛ (передающей текст Начального свода), он лишь его воевода, совершивший, тем не менее, самостоятельный поход на Царьград (ПСРЛ. III: 107-109). Положение, которое, согласно летописям, Свенельд занимал при Игоре и Святославе, также напоминает диархию (так, дружинники Игоря жаловались, что «отроци Свѣнделжи изодѣлѣся суть оружьемь и порты, а мы нази»; русско-византийский договор 971 г. был заключён «при Святославѣ, велицѣмь князи рустѣмъ и при Свѣнгельдѣ»: ПВЛ. 1997: 104, 120).

М.Б. Свердлов относительно этой гипотезы А.П. Толочко заметил, что «предположение о существовании такой формы организации княжеской власти у восточ-

5 Летописью, в которой Аскольд и Дир не связывались с Рюриком, располагал также Ян Длугош (Щавелева 2004: 226).

ных славян или скандинавов не обосновано ни славянскими материалами, ни норманнскими» (Свердлов 2003: 103).

Однако, такая система власти известна у степных народов Восточной Европы, что могло повлиять на становление политической системы киевских русов. Так, например, в Хазарии в IX-X вв. существовали сакральный правитель (каган) и светский правитель (бек), которому де-факто принадлежала полнота реальной политической власти (Новосельцев 1990: 141-143).

Система диархии известна у аланов: «Важный момент изменения структуры управления у алан IV в. зафиксировал Аммиан Марцеллин: “судьями они выбирают тех, которые отличаются долгое время на войне”. Это указывает на серьёзное наступление аристократии на позиции родо-племенной знати. Вспомним, если в обществах, находившихся на начальных этапах военной демократии, как, например, у скифов времени Анахарсиса, судебные функции принадлежали старейшинам, то у алан в IV в. они уже перешли от “царей” к военачальникам. Сочетание военных и судебных функций характерно для лиц, именуемых “вторыми царями”. Уже в самом названии должности отражено изменение субординации “царя” и военного вождя по сравнению с предшествующими периодами. Теперь последний не просто полководец, а “второй царь”. Наличие этого института у алан отмечено в древнеармянских памятниках агиографической литературы (“Житие Воскеанов”, “Житие Сукиасянов”) и “Истории Армении” Мовсеса Хоренаци. В описании событий первых веков н.э. они помещают рассказ об алане Баракаде (ср. осетин. бæркад – “изобилие”), который был “вторым по престолу соцарствующим царя”» (Гутнов 1993: 27).

Также институт диархии зафиксирован у болгар. Второе лицо в Первом Болгарском царстве, выполнявшее функции главнокомандующего болгарской армии, главного дипломата и судьи, носило титул «кавхан» (греч. καυχάνος). Кавхан заменял правителя, когда последний отсутствовал в столице, он также был членом Совета боляр и одним из самых важных советников болгарского правителя, иногда его регентом или соправителем. Обычно кавханами становились представители одного рода, титул был наследственным и пожизненным. Наиболее известными кавханами у болгар были Пётр, родственник болгарского царя Бориса I, и Исбул, выполнявший функции кавхана при хане Омуртаге, его сыне Маламире и его племяннике Пресиане, причём для Маламира и Пресиана Исбул был регентом и соправителем.

О диархии у русов сообщает Ибн Фадлан (X в.): «Один из обычаев царя русов тот, что вместе с ним в его очень высоком замке постоянно находятся четыреста мужей из числа богатырей, его сподвижников, причём находящиеся у него надёжные люди из их числа умирают при его смерти и бывают убиты из-за него... Эти четыреста [мужей] сидят, а ночью спят у подножия его ложа. А ложе его огромно и инкрустировано драгоценными самоцветами. И с ним сидят на этом ложе сорок девушек для его постели. Иногда он пользуется как наложницей одной из них в присутствии своих сподвижников, о которых мы [выше] упомянули. И этот поступок они не считают постыдным. Он не спускается со своего ложа, так что если он захочет удовлетворить некую потребность, то удовлетворит её в таз, а если он захочет поехать верхом, то он подведёт свою лошадь к ложу таким образом, что сядет на неё верхом с него, а если [он захочет] сойти [с лошади], то он подведёт свою лошадь настолько [близко], чтобы сойти со своей лошади на него. И он не имеет никакого другого дела, кроме как сочетаться [с девушками], пить и предаваться развлечениям. У него есть заместитель, который командует войсками, нападает на врагов и замещает его у его подданных» (Ковалевский 1956: 146).

Это сообщение Ибн Фадлана о царе русов и его «заместителе» можно интерпретировать двояко. С одной стороны, оно может отражать современные ему реалии и «пару» Игорь/Олег или Игорь/Свенельд. С другой стороны, учитывая существенное отличие этого пассажа от той части рассказа Ибн Фадлана, в которой он описывает русов, которых видел своими глазами, а также его явное сходство со следующим у арабского автора далее рассказом об обычаях царя хазар (Ковалевский 1956: 146-148), можно предположить, что он восходит к какому-то литературному источнику и тогда отражает не современные Ибн Фадлану реалии, а более древние, и, возможно, вообще связан не с Киевской Русью, а с предшествующим ей Русским каганатом (о нём см.: Жих 2018: 176-245; 2020: 210-245; Беззаконов, Жих 2021: 9-58).

Видимо, диархия киевских русов имеет степное происхождение и восходит к Русскому каганату, но применительно к Аскольду и Диру мы упираемся в то, что ничего достоверного о них не знаем, в частности, нет ответа на вопрос о том, были ли они вообще современниками или стали таковыми под пером летописцев. Так, существенной популярностью пользуется у исследователей гипотеза, разделяющая правление Аскольда и Дира во времени и рассматривающая их не как современников, а как правивших друг за другом киевских князей (Пархоменко 1913: 68-71; Мавродин 1945: 217-218; Лебедев 1994: 146-152; Рапов 1998: 113-118). Помимо факта их захоронения в разных местах, она основывается на одном из вариантов интерпретации имён в рассказе арабского историка ал-Масуди (ок. 896 – 956) о славянских князьях, согласно которой там читаются «ал-Дир» и «ал-Олванг», которых можно соотнести с летописными Диром и Вещим Олегом в период правления первого в Киеве, а второго в Новгороде (Новосельцев 2000: 472). Однако такое прочтение этих имён в арабском тексте ал-Масуди является лишь одним и возможных и чисто гипотетическим, другие исследователи читают и интерпретируют их совершенно иначе (аль-Лудйер/’л.дир/ад-дайр; аль-Ифрандж/ал-ф.р.н.дж/аль-Авандж) (Ковалевский 1973: 71; Мишин 2002: 68-72; Жих 2016: 71-72), да и указание арабского автора, что второй из них воюет не только с Румом (Византией), но также с франками и лангобардами (Ковалевский 1973: 71) указывает явно не на князя Новгорода или Киева, каковым был летописный Олег, а на какого-то более западного правителя, тем более что славяне как таковые в рассказе ал-Маусди

– это преимущественно западные, а не восточные славяне (Ковалевский 1973: 70-71).

Сами имена «Аскольд» и «Дир» сторонники норманнской теории обычно считают славянизированными формами скандинавских Høskuldr и Díri (Свердлов 2003: 103). А.Г. Кузьмин, рассматривавший летописных варягов не как скандинавов, а как славянизированных кельтов с южного побережья Балтики, связывал имя Дира с кельтским dir – «знатый», «крепкий», «сильный», «верный» и т.д., а имя Аскольда ставил в ряд кельтских имён с компонентом old (варианты: ald, oll, ard) – «высокий», «великий» (Кузьмин 1974: 78; 2003: 319, 325). Б.А. Рыбаков, исходя из гипотезы об автохтонном происхождении Аскольда и опираясь на представленную в Никоновской летописи форму «Осколд», предположил, что это имя может происходить от древнего самоназвания скифов – «сколоты» (которые по Б.А. Рыбакову были не собственно скифами, а праславянами, ошибочно причисленными к скифам Геродотом), отразившегося, по мнению историка, также в именах рек Оскол и Ворскла (Рыбаков 1982: 308).

Другое направление поисков связывает имя летописного Аскольда с упоминаемым Ибн Фадланом болгарским племенем эскел (у Ибн Русте – эсегел: Ибн Русте 1869: 22), правитель которого был подданным и по совместительству зятем царя булгар Алмуша (Ковалевский 1956: 139, 141). Константин VII Багрянородный (945-959) сообщает, что некогда венгры именовались савартами-асфалами (Константин Багрянородный 1991: 158-159), то есть, видимо, савирами и эскел (Вашари 1998: 37). Византийский хронист Феофан Исповедник (ок. 760-818 гг.) сообщает, что в 563 г. к византийскому императору прибыло посольство от Аскила, вождя гермихионов, живших к востоку от Дона «вблизи океана» (Чичуров 1980: 30, 53). Один из половецких ханов, напавший на Русь в 6569 (1061) г., носил имя, передаваемое Лаврентьевской летописью как «Искал» («Бысть же князь их Искал»: ПСРЛ. I: 163. В Ипатьевской летописи это имя представлено в форме «Сокал»: ПСРЛ. II: 152). Подобные взаимосвязанные имена и этнонимы, видимо, уходят своими корнями в дотюркскую и доугорскую древность, – в иранский мир, – и связаны с иранским этнонимом «асы». У Прокопия Кесарийского (между 490 и 507 – после 565) упоминается один из «массагетских» военачальников на византийской службе по имени Аскан (т.е. «князь асов»), который командовал дружиной из шестисот всадников в составе войска византийского полководца Велизария в одной из войн с персами (527-532 гг.) (B.P. I.13.21; 14.44; 18.38; Прокопий Кесарийский 2013: 35, 39, 51). Именно с иранским корнем «ас», весьма продуктивным в иранской антропонимике, Г.В. Вернадский связывал и имя летописного Аскольда (Вернадский 1996: 283).

Интересно, что согласно варианту НПЛ, передающей Начальный свод, Игорь и Олег для того, чтобы выманить Аскольда и Дира, притворились «подугорьскыми гостьми»:

«И узрѣста (Игорь и Олег – М.Ж., С.Б.) городъ Кыевъ, и испыташа, кто в немъ княжить; и рѣша: “два брата, Асколдъ и Диръ”. Игорь же и Олегъ, творящася мимоидуща, и потаистася въ лодьях, и с малою дружиною излѣзоста на брегъ, творящася подугорьскыми гостьми, и съзваста Асколда и Дира. Слѣзъшима же има, выскакаша прочии воины з лодѣи, Игоревы, на брегъ; и рече Игорь ко Асколду: “вы нѣста князя, ни роду княжа, нь азъ есмь князь, и мнѣ достоить княжити». И убиша Асколда и Дира; и абие несъше на гору, и погребоша и Асколда на горѣ, еже ся нынѣ Угорьское наричеть, идеже есть дворъ Олминъ; на тои могылѣ постави Олма церковь святого Николу, а Дирева могыла за святою Ириною. И сѣде Игорь, княжа, в Кыевѣ» (ПСРЛ. III: 107).

С.А. Гедеонов так прокомментировал именование Игоря и Олега «подугорскими гостями»: «Название “Подугорие” могло и должно было существовать у славянских народов, как равносильные ему Подрусие, Подляшие, Подлитовие... Подчехами, Подугорием, Подлитовием назывались ближайшие к тому или другому славянскому племени части этих земель, как пограничные латыши (украинские) летгаллами (летгола) от латышского gall, граница» (Гедеонов 2004: 193).

Рассказ ПВЛ явно вторичен в отношении текста, читающегося в НПЛ, он представляет собой развитие и дальнейшую «династическую» обработку сказания, при этом загадочные слова о «гостях подугорских» автор ПВЛ переделал таким образом, чтобы речь шла о топониме:

«И придоста къ горамъ киевьскымъ, и увидѣ Олгъ, яко Осколдъ и Диръ княжита, и похорони вой въ лодьях, а другыя назади остави, а самъ приде, нося Игоря молода. И приступль под Угорьское, похоронивъ вой свои, и посла къ Асколду и Диру, глаголя, яко “Гостье есмы, идемъ въ Грѣкы от Олга и от Игоря княжича. Да придета к роду своему, к нам”. Асколдъ же и Диръ придоста, и выскакаша вси из лодѣй, и рече Олгъ къ Асколъдови и Дирови: “Вы нѣста князя, ни роду княжя, но азъ есмь роду княжа”, и вынесоша Игоря: “Сь сынъ Рюриковъ”. И убиша Асколъда и Дира, и несоша на гору, и погребоша на горѣ, еже ся нынѣ зоветь Угорьское, идеже нынѣ Олминъ дворъ; на той могилѣ поставилъ божницю святаго Николы: и Дирова могила за святою Ориною. И сѣде Олегъ, княжа в Киевѣ» (ПВЛ. 1997: 76-78).

Но если в изначальном варианте предания Игорь и Олег прикинулись, чтобы заманить Аскольда и Дира в ловушку, «подугорскими гостями», нет ли в этом памяти об истинном происхождении убитых правителей Киева (или одного из них), которые лишь вторично были причислены к варягам? Учитывая вышеназванные «степные» параллели к имени Аскольда, это выглядит одним из возможных сценариев.

Ещё Г. Эверс, обратив внимание на вариант Воскресенской летописи («Яко гость есмь подугорской… да придъте къ намъ къ родомъ своимъ»: ПСРЛ. VII: 270), сделал вывод о венгерском происхождении Аскольда и Дира: «Чтобы вернее заманить Аскольда и Дира в сети Олег выдал себя за их земляка» (Эверс 1826: 216-219). По мнению историка, в изначальном варианте летописного повествования Олег представлялся как «гость есмь родоу Оугорьска».

Опираясь на существование указанных выше имён в «степном» мире, на подчёркивание в летописях чуже-

родности Аскольда и Дира относительно варягов Рюрика, Олега и Игоря («не племени его»), на прикидывание двух последних «подугорскими гостями», на связь могилы Аскольда с «угорской» топонимикой («Угорская гора», «Олмин двор» – Олма (Алма) – имя известное у венгров), С.А. Гедеонов заключил: «Взятая с этой точки зрения сага или песня об Аскольде и Дире является вполне и логически довершённой. Основные пункты её: инородность венгров Аскольда и Дира и варягов Олега и Игоря; хитрость Олега, основанная на присвоении себе угорской народности; название Угорским места погребения угорских династов. В понятиях норманнской школы слова “не племени его” грамматическая невозможность; “придета къ намъ къ родомъ своимъ” бессмыслица; “гость подугорской” вставка; “еже ся ныне зоветь Угорьское” (о месте погребения Аскольда) случайность необъяснимая. К доказательствам, взятым из летописи, я присовокупляю сказанное в другом месте о существовании русского хаганата в 839-870 гг.; о названии Киева венгерским именем Sambath; о вассальских отношениях русских династов к хазарским хаганам до водворения в Киеве варяга-славянина Олега и т.д. Азиатское происхождение Аскольда падёт не иначе, как с опровержением приведённых по этому поводу исторических документов и фактов… Я не знаю о Дире, имеет ли он соименников у мадъяров; если бы не слишком произвольная смелость предположения, я счёл бы его за словено-русского князя, вассала и данника хазарских хаганов. Дир чисто славянское имя; срвн. у Козьмы Пражского Tyr, Tyro. Tyra мужское имя у Палацкого; Дирек (Dierek у Морошкина)[6]» (Гедеонов 2004: 194-196).

Мимо «венгерского следа» не прошёл и Г.В. Вернадский, по мнению которого, «рассказ представляет из себя легенду, которая, вероятно, сохраняет отзвук реальных исторических деталей. Что касается хазарской дани… скорее всего, дань для хазар собиралась мадьярским воеводой Оломом. Возможно, Аскольд и Дир правили Киевом от имени Олома. Когда позднее Олег захватил Киев, он сказал Аскольду и Диру: “Вы не князья, и не княжеского рода”, – и его слова следует понимать в том смысле, что Аскольд и Дир не считались независимыми правителями, а, скорее, чьими-то заместителями. Но если так, то чьими же? После того, как они были убиты по приказу Олега, их тела принесли ко дворцу Олома на Угорской горе. Почему? Очевидно, потому что они правили от имени Олома из его дворца, который служил резиденцией правителя» (Вернадский 1996: 354).

6 Помимо скандинавских, кельтских и славянских параллелей к имени летописного Дира имеются также кавказские параллели. В абазинском и абхазском языках известно мужское имя «Джир» (Словарь 2012: 35, 51). В.И. Абаев указывает: «æmyǵyr значит “супружеская” и заключает в первой части префикс общности æm-, а во второй – какое-то слово со значением ‘муж’ или ‘самец’. Таким словом могло быть ǵyr, которое теперь означает ‘боров’, ‘кабан’, но подобно другим аналогичным терминам, относящимся к животным, первоначально могло означать вообще ‘самец’ (ср. wyrs ‘жеребец’)… Если наше разъяснение слова æmyǵyr правильно, то ингушское engir, engær, чеченское emgær (название жён при многожёнстве) придётся рассматривать как усвоенные из осетинского» (Абаев 1958: 147-148).

ПВЛ сообщает, что на своём пути в Паннонию венгры прошли через район Киева: «В лѣто 6406 (898). Идоша угре мимо Киевъ горою, еже ся зоветь нынѣ Угорьское, и пришедше къ Днѣпру, сташа вежами; бѣша бо ходяще, яко и половци» (ПВЛ. 1997: 78). В действительности, поскольку согласно сообщению Бертинских анналов уже в 862 г. венгры совершили набег на владения Людовика Немецкого (843-876), их переход через Среднее Поднепровье должен был состояться раньше указанной в ПВЛ даты, и приходился как раз на период правления летописных Аскольда и Дира. Гипотетически вполне можно допустить, что на определённый период воинственные венгры утвердили свою власть над Средним Поднепровьем, а соответственно, построения Г. Эверса, С.А. Гедеонова, Г.В. Вернадского и других сторонников «венгерской» гипотезы потенциально могут оказаться верными. Другое дело, что надёжно доказать её при нашем уровне знаний невозможно.

Наконец, существует гипотеза, согласно которой оба князя представляют собой не реальных исторических лиц, а продукт народной фантазии, плод неверно истолкованных летописцами или их информаторами древних топонимов. Ещё Д.И. Иловайский предположил, что «летопись указывает на могилы Аскольда и Дира… эти-то могилы и подали, вероятно, повод сложить миф о двух киевских князьях и связать их имя с византийским известием о походе руссов на Константинополь в 865 г.… а в дальнейшем домысле книжников легенда связала их с Рюриком. Известно, что легенды народные особенно легко возникают около могильных и других курганов. Например, около Галича была Галичина могила, и предание связывало с ней основание города, около Кракова была могила его мифического основателя князя Крока и т.п.» (Иловайский 2015: 285).

По словам А.П. Толочко, «существовали некоторые топографические ориентиры, позволявшие домыслить стоящие за ними истории. В начале XII в. на территории города всё ещё высились несколько больших курганов, называемых “могилами”. Курганы были именными: “Олегова могила” на Щекавице, “Аскольдова могила” возле церкви св. Николая в Угорском и “Дирова могила” за церковью св. Ирины. Впечатляющие размеры этих погребальных сооружений, а также то обстоятельство, что, по крайней мере, одно из них – Олегова могила – принадлежало достоверно известному киевскому князю, позволяли думать, что и в двух других – Аскольда и Дира – также покоятся древние киевские правители. То, что их имена неизвестны среди правящей династии, а также то, что они (как уже знал Сильвестр) не фигурируют ни в одном из договоров с греками X в., заставляло отодвинуть их княжения на предыдущее, до-Олегово, время, и летописец нашёл “удачное” подтверждение, что так оно, видимо, и было: в византийской хронике он заприметил рассказ о походе руси на Константинополь в 860 г., следовательно, совершили его “киевские князья” Аскольд и Дир. Вероятно, то обстоятельство, что в хронике отыскивался только один поход, не позволило летописцу создать две отдельные “княжеские” биографии для Аскольда и Дира, и пришлось предпола-

гать их совместное правление, совместный поход и одновременную смерть» (Толочко 2015: 47-48).

Топонимы же «Аскольдова могила» и «Дирова могила» могли возникнуть совершенно при других, никак не связанных со временем жизни и деятельности летописных братьев, обстоятельствах. Никто ведь всерьёз не рассуждает о том, что в знаменитом Мамаевом кургане в Волгограде похоронен не менее знаменитый полководец Мамай.

После XI в. киевляне на несколько столетий забывают об Аскольдовой могиле, и лишь в XVII в. вновь вспоминают о ней, причём помещая её совершенно в ином месте, на Печерском плато. Ещё хуже обстоит дело с могилой Дира, которая неизвестна киевской исторической топонимике и искусственно воссоздана лишь в XVIII в. поручиком киевского гарнизона В.И. Новгородцевым, непонятно из каких соображений назвавшим могилой Дира некое всхолмление «от Старого Киева в трёх верстах недалеко от Кирилловского монастыря». Попытки археологов XIX в. найти в указанном месте захоронение летописного князя так и не увенчались успехом (Петров 2011: 218-233).

Примеров переноса, точнее, дублирования, а иногда простого изобретения топонимов и ойконимов известно более чем достаточно, как и примеров наделения именами собственными тех или иных возвышенностей, урочищ, балок, оврагов, никак не связанных с носителями этих имён. Летописи сообщают о существовании могил Олега в Ладоге (ПСРЛ. III: 108-109) и в Киеве на Щекавице (ПВЛ. 1997: 90).

По справедливому замечанию Е.Б. Грузновой, «сообщения летописи о сохранившихся могилах конкретных правителей объясняются склонностью редактора, работавшего над текстом в конце XI – начале XII в., к фиксации, если не к изобретению, топографических легенд» (Грузнова 2011: 44).

Именно к таким топографическим легендам уже более близкого к нам периода можно отнести и «могилу Рюрика», которой безосновательно объявляют курган «Шум-гора», расположенный между деревнями Подгорье и Заполье Батецкого района Новгородской области, и «Синеусову могилу» под Белозером, и «Труворово городище», «Труворову могилу», «Труворов крест» в Изборске.

Другим, не менее показательным примером народного краеведения могут служить многочисленные «Игоревы могилы», расположенные едва ли не у каждой деревни или села Житомирской области Украины, по соседству с городом Коростень, а заодно и всякого рода «Ольгины купальни» на реке Уж, «Ольгины колодцы», «Ольгины горы» там же и даже «Игорев брод» между селами Собичино (Комсомольское) и Сновидовичи, который, по преданию, выбила копытами конница князя Игоря, отправившаяся за данью к древлянам. Ещё более развита топонимика с именем княгини Ольги в Псковской области. Тут и многочисленные «Ольгины камни», «Ольгины ворота», «Ольгина гора», «Ольгин крест», «Ольгины сады», «Ольгин дворец», «Ольгины погреба». В Изборске же, вопреки летописным известиям о том, что Ольга была погребена в Киеве, с давних пор существовал топоним «Ольгина могила».

Подводя неутешительные итоги историографического обзора, видим, что ничего положительного об Аскольде и Дире сказать невозможно. Из древнерусских источников понятно лишь одно: какая-либо память о походе 860 г. в Киеве отсутствовала, летописцы узнали о нём только из византийских хроник и приписали его Аскольду и Диру, причём последнее произошло поздно, лишь на этапе создания ПВЛ в начале XII в., автор предшествующего ей Начального свода связи этого похода с Аскольдом и Диром не видел.

Ни один византийский источник, говорящий о событиях 860 г., имена Аскольда и Дира не упоминает, равно как вообще не называет имя правителя русов, хотя о нём самом говорится в рассказе Константина Багрянородного: «архонт этого племени собрал подданных на сход» (Кузенков 2003: 127). Обратим внимание на то, что речь идёт об одном правителе русов, а не о двух, таким образом, византийский источник расходится с летописной версией.

Место локализации страны напавших на Константинополь русов византийские авторы, к сожалению, не раскрывают, зато они свидетельствуют о том, что вскоре после похода Русь приняла христианство. Произошло это между 861-867 гг., при патриархе Фотии, о чём рассказывает он сам в «Окружном послании». В более поздних источниках, начиная с Константина Багрянородного, это событие отнесено к периоду второго патриаршества Игнатия, то есть между 867-877 гг. (после того как Василий I Македонянин (867-886) сверг Михаила III (842-867), он отстранил патриарха Фотия и вернул из ссылки Игнатия, которому возвратил патриарший сан). Объяснений этому противоречию может быть два: либо Константин Багрянородный, создавая жизнеописание своего деда, Василия Македонянина, приписал ему некоторые деяния его предшественника, в частности, крещение русов; либо при императоре Василии и патриархе Игнатии к русам действительно была отправлена новая церковная миссия, а её статус был повышен с уровня епископии до уровня архиепископии (обсуждение данной проблемы см.: Левченко 1956: 76-79; Сахаров 1980: 59-82; Брайчевский 1989: 69-78; Рапов 1998: 76-98).

Согласно повествованию самого Фотия в его «Окружном послании», Русь приняла у себя «епископа и пастыря» (Кузенков 2003: 75), а по рассказу Константина Багрянородного, архиепископа, который был «благосклонно принят народом» (Кузенков 2003: 127). В списке епархий Константинопольского патриархата, относящегося ко времени правления Льва VI Мудрого (886-912), под номером 61 упоминается Росская митрополия (Брайчевский 1989: 69-70; Рапов 1998: 119-120).

Эти сведения подтверждаются рассказом о путях купцов-русов Ибн Хордадбеха (писал в 40-80-е гг. IX в.), который отмечает, что прибывая в Багдад русы говорят, что они «христиане и платят подушную подать (джизью)» (Ибн Хордадбех 1986: 124), то есть налог, взимаемый с иноверцев (христиан и иудеев) за оказываемое арабскими властями покровительство.

Как справедливо заметил П.В. Кузенков, «едва ли ведение дипломатических переговоров с Византийской империей и назначение епископа, тем более архиепископа, могли бы иметь место в отношении некоей незначительной группы руси; и то и другое указывает на то, что Византия имела дело с достаточно мощным политическим образованием: ведь даже могущественный болгарский князь далеко не сразу добился назначения архиепископа для своей страны» (Кузенков 2003: 82). Где же находилось это «достаточно мощное политическое образование» русов, равновеликое Болгарии?

На удивление, древнерусские источники о столь важных и значимых событиях в истории христианизации Руси ничего не говорят (а ведь именно утверждение в Русской земле христианства было приоритетной темой для летописцев), поскольку в доступных им византийских источниках соответствующей информации не было – в них говорилось только о набеге русов на Константинополь. Следовательно, не только о самом этом походе, но и о последовавшем за ним принятии христианства никакой исторической памяти в Киеве XI-XII вв. не существовало[7]. Из этого может следовать, что к Киевской Руси данные события отношения не имеют.

Альтернативное объяснение было предложено М.Ю. Брайчевским, по мнению которого, летописцы XI-XII вв. сознательно замалчивали деяния Аскольда и приписывали их утвердившейся в Киеве новой варяжской династии, осуществив масштабную историческую фальсификацию. Так, летописное описание похода Вещего Олега на Царьград на самом деле есть описание похода Аскольда, летописный рассказ о крещении Владимира на самом деле есть описание крещения Аскольда и т.д. (Брайчевский 1980: 264-284; 1983: 276-297; 1989: 62-65, 80-84, 93-96, 195-241). Подобное конспирологическое объяснение сложно рассматривать всерьёз. По справедливым словам П.П. Толочко, гипотеза Брайчевского приводит к естественному вопросу «а где же летопись X в.? Ведь невозможно предположить, чтобы в IX в. в Киеве была создана полноценная хроника жизнедеятельности Аскольда, а правление князей X в. оказалось за пределами внимания летописцев» (Толочко 2003: 12).

Учитывая полное молчание древнерусских источников о крещении Руси в IX в., рядом историков, в том числе историков Церкви, над которыми меньше довлеют традиционные историографические стереотипы, был сделан вывод, что речь тут должна идти о какой-то «другой» Руси.

Первым к такому выводу пришёл ещё А.Л. Шлёцер, по заключению которого «Россы, осаждавшие в 866 г. Константинополь, никак не могут быть Осколдовыми Руссами. Первые составляли великий, сильный, завоевательный и давно уже известный народ, приводивший в ужас все берега Чёрного моря». В отличие от варягов-руси, по его мнению, это был «особенный народ, неизвестная орда варваров, вероятно народ прибрежный, показавшийся на Западе и исчезнувший»; «простое сходство в названии Рос и Рус обмануло и почтенного Нестора» (Шлёцер 1816: 86-117). А.Г. Кузьмин по поводу этого вывода констатировал: «Попытка Шлёцера противопоставить русов и росов с языковой точки зрения, конечно, не может быть убедительной. На это обстоятельство неоднократно обращали внимание. Зато представление о двойственной природе “Руси”, о наличии такового этнонима и в Прибалтике, и в Причерноморье неоднократно привлекало к себе внимание впоследствии» (Кузьмин 2003: 40).

По мнению Г. Эверса, задолго до появления в Восточной Европе варягов, в Северном Причерноморье проживал народ «рос» или «рус», который и дал начало и название Древнерусскому государству (Эверс 1825: 83-84; 1826: 205).

По словам С.М. Соловьёва, «название “русь” гораздо более распространено на юге, чем на севере, и что, по всей вероятности, русь на берегах Чёрного моря была известна прежде половины IX в., прежде прибытия Рюрика с братьями» (Соловьёв 1959: 126).

Н.П. Ламбин считал, что первоначальная Тмутараканская Русь – не славянское, а аланское княжество, о котором говорит Константин Багрянородный (Ламбин 1874: 58-95).

Е.Е. Голубинский констатировал: «Совершенное отсутствие в Киеве предания о таких важных событиях, как крещение князей и получение своего епископа, по нашему мнению, весьма и самым решительным образом говорит против вероятности мнения, что руссы, нападавшие на Константинополь и потом принявшие крещение, были Аскольд и Дир со своею дружиной» (Голубинский 1901: 38).

В.Г. Васильевский считал, что уже в первой половине IX в. имя русов было «не только известным, но и общераспространенным на южном побережье Чёрного моря» (Васильевский 1915: CX). В его представлении эта Черноморская Русь была не славянской, центром её он считает местность возле Анапы, которая географически почти совпадает с Тмутараканской. Подытоживая свои наблюдения, он писал: «Одним словом, мы хотим сказать, что все известия о Руси и русских до половины IX в. относятся к тавроскифам и объясняются отождествлением Руси с тавроскифами и этих последних с готами, валанготами, готаланами» (Васильевский 1915: CCLXXXII).

В.А. Пархоменко основательно разработал теорию о существовании «давней местной южной Руси, Руси Черноморско-Азовско-Донской». Сформировало её славянское население – потомки антов, оттеснённые кочевниками на юго-восток. По мысли учёного, «известные нам случаи набегов Руси на Сурож, Амастриду и Константинополь естественнее и исторически и географически сообразнее всего отнести к этой именно приморской Руси, представителям которой только и можно было достигнуть такой виртуозности в морском деле, приобрести такую известность на Чёрном море и чувствовать здесь себя господином положения. Даже Днепровской Руси, все же несомненно удалённой

7 По этой причине озвучиваемая иногда гипотеза, согласно которой Аскольд и Дир пали жертвой переворота, поскольку языческое большинство Киева не разделяло их христианизаторскую политику (Пархоменко 1913: 88-91; Брайчевский 1989: 89-93; Толочко 2003а: 9-18), является совершенно умозрительной.

от Чёрного моря и отделённой от него такими преградами, как населённые кочевниками степи и днепровские пороги, такая роль была совсем не по плечу – особенно в раннюю пору начала IX в. – о племенах же более северных и говорить нечего». Именно эта Русь и приняла крещение от Византии в IX в. (Пархоменко 1913: 12-59).

А.Н. Насонов, анализируя византийские и арабские источники о русах, пришёл к выводу, что согласно их сообщениям, русов надо понимать, как народ, живущий на юге. «Не подлежит сомнению, что в IX в. как у византийцев, так и у арабов с представлением о ''русах'' связывалось представление о Тавриде: русов они представляли себе обитателями Тавра» (Насонов 1940: 80). Более того, его исследования приводят к выводу, «что уже в первой половине IX в. и возможно раньше существовали русы, осевшие в Крыму» (Насонов 1940: 91). Таким образом, он приходит к выводу, что Черноморская Русь находилась в Крыму, а не на Таманском полуострове, который, по его мнению, в IX – первой половине X в. находился под властью хазар (Насонов 1940: 82).

Д.Л. Талис на основе анализа византийских источников и крымских топонимов с основой «рос» пришёл к выводу, что «Днепровскую Русь византийские писатели называли тавроскифами и таврами именно потому, что на неё было перенесено название народа, действительно обитавшего в Крыму в VIII-IX вв., т.е. росов» (Талис 1974: 99).

В новейшей историографии серьёзные аргументы в пользу древнего существования Причерноморской Руси привели в своих работах О.Н. Трубачёв (Трубачёв 2005: 131-188), К.А. Максимович (Максимович 2006: 14-56), А.Г. Кузьмин (Кузьмин 2003: 243-267), Я.Л. Радомский (Радомский 2004), А.С. Королёв (Королёв 2006: 88-102).

В свете данных о древнем существовании Причерноморской Руси, по словам О.Н. Трубачёва, «вновь встаёт вопрос об авторстве опустошительных морских походов на Амастриду и Константинополь IX в. (русы-славяне, русы-варяги или – какие-то “третьи” русы-росы?)» (Трубачёв 2005: 137).

Иеродиакон Никон (Лысенко) считал, что опорные базы русов, напавших на Константинополь в 860 г. находились в Крыму или в районе Ахиллова бега, а ставка кагана русов располагалась где-то на Дону (Никон 1989: 36).

Е.С. Галкина отметила, что «византийские источники первых трёх третей IX столетия определённо указывают на Северное Причерноморье и Крым как на место обитания русов» (Галкина 2002: 62).

Однако большинство исследователей предпочитает, не утруждая себя лишними вопросами, идти по простому пути, инерционно следуя за текстом летописи, и помещать страну напавших на Константинополь русов либо в районе Киеве, либо в районе Ладоги/Новгорода.

Теперь, когда все основные гипотезы относительно летописных Аскольда и Дира и возможности их участия в походе на Константинополь в 860 г. озвучены, попробуем взглянуть на проблему с позиции археологии.

В первую очередь посмотрим, что представлял собой Киев середины IX в. Не отрицая факт, что славянские поселения на киевских горах существовали как минимум с VI в., археологи признают, что даже в конце VIII в. по уровню социально-экономического развития они не дотягивали до синхронного им Пастырского городища и не могли претендовать на роль какого-либо значительного центра. Раскопки показали полное отсутствие в слоях этого периода предметов вооружения, ремесленных комплексов, укреплений, что достаточно выразительно «свидетельствует о рядовом характере поселения» (Комар 2012: 315). Говорить о наличии на Старокиевской горе даже во второй половине IX в. больших поселений «также не приходится» (Комар 2012: 315). По сути, Киев IX в. – типичное славянское «гнездо поселений», не могущее претендовать на статус какого-либо значимого политического центра. Культурный слой киевских поселений по прежнему беден, помимо лепной керамики и прочей домашней утвари в нём также не обнаружено характерных предметов «престижной культуры IX в. – украшений, оружия, монет, импортов» (Комар 2012: 315). Застройка Подола начинается лишь в конце IX в. и именно с этого времени, Киев попадает «в типологию “торгово-ремесленных поселений”, ориентированных на Днепр как торговую артерию» (Щавелев, Фетисов 2014: 26).

В Киеве середины IX в. нет и сколь-нибудь заметных следов присутствия скандинавов. Вопреки свидетельствам летописцев, «поселивших» здесь выходцев с севера, – сначала Аскольда и Дира, а затем и Вещего Олега с Игорем, – материалы Подола конца IX – середины X в. «в настоящее время не содержат ни единого предмета бесспорно скандинавского или “северного” происхождения» (Комар 2012: 315). Не лучше ситуация и на Замковой горе, где ряд исследователей помещают княжеский град. Как указывает А.В. Комар, «поселение на Замковой горе второй пол. IX – первой пол. X в. по культуре откровенно славянское, ничем не напоминающее культуру Ладоги или Рюрикового городища, что никак не вяжется с ожидаемым “русско-скандинавским” обликом дружины киевского князя» (Комар 2005: 132). Самые ранние следы норманнского присутствия в Киеве, по данным некрополей, приходятся только на середину и вторую половину X в. Следовательно, если русы и сидели в то время в Киеве, то эти русы явно были не скандинавами. Таким образом, археологические данные не позволяют говорить о том, что в середине IX в. на берегах Днепра существовало государство со столицей в Киеве, способное да и нуждавшееся в масштабной атаке на Византию, или в дипломатических сношениях с ней.

Отдельно отметим, что археология не находит и следов христианства в Среднем Поднепровье в IX в. (Петрухин 1995: 219-220), а без этого все рассуждения о том, что именно Киеве находилась Росская епархия, не имеют почвы.

К. Цукерман иронически заметил, что если бы византийский иерарх «попал в 869 г. на место будущего Киева, то ничего, кроме битых горшков волынцевского типа, он там бы не нашёл» (Цукерман 2007: 349). Однако сам учёный «отправляет» его в ещё более фантастическое путешествие в далёкую Ладогу (Цукерман 2007: 347-349).

Что он мог бы найти в этом крошечном посёлке на другом конце Европы? Битые горшки ладожского типа?

Вопреки декларациям некоторых авторов, видящих в Ладоге крупный центр «экономических и культурных контактов между Северной Европой, Арабским халифатом и Византией», в гавани которого «теснились морские суда, пришедшие с запада, и речные ладьи, приплывшие с юга», а правители «опираясь на свой флот, могли контролировать северные ветви великого Волжского, а затем и Днепровского военно-торговых путей» (Мачинский, Губчевская 2007), в реальности Ладога представляла собой небольшой посёлок, торжище-порт, возможно, неоднократно менявший своих хозяев. Площадь Ладожского поселения в VIII-IX вв. не превышала 5 га, а суммарные размеры поселения X в. составляли не более 6-8 га. В начале своего существования это была усадьба из трёх-пяти домов каркасно-столбовой конструкции, численность населения Ладоги в середине IX, то есть в интересующий нас момент, не превышала пары сотен человек (Кузьмин 2008: 69-94; Кузьмин, Волковицкий 2003: 45-57).

В IX в. посёлок в Ладоге не претендовал на столичный статус (Носов 2012: 107; 2017: 21) и вряд ли обладал военной и политической силой достаточной для того, чтобы совершить нападение на крупнейший город Европы, находившийся к тому же за многие сотни километров.

Об отсутствии каких-либо контактов Ладоги с Византией в IX в. говорит и почти полное отсутствие на поселении предметов произведённых в Византии, включая деньги. Уже одно это вступает в решительное противоречие со свидетельствами о контактах русов с Византией, имеющихся у Фотия, в сообщении Бертинских анналов, у Ибн Хордадбеха в 40-80-х гг. IX в. писавшего о том, что русы торгуют с греками и арабами мехами и мечами: «Если говорить о купцах ар-Рус, то это одна из разновидностей (джинс) славян. Они доставляют заячьи шкурки, шкурки чёрных лисиц и мечи из самых отдалённых [окраин страны] славян к Румийскому морю. Владетель (сахиб) ар-Рума взимает с них десятину (‘ушр)» (Ибн Хордадбех 1986: 124).

О.И. Богуславский отмечает, что найденные в Приладожье византийские монеты, количество которых достаточно малочисленно, попали на северо-запад Руси не ранее 950-980 гг. и происхождение их не связано с международной торговлей (Богуславский 1993: 132-157). Аналогичны выводы и других исследователей: те редкие византийские монеты, которые там иногда находят, могли попасть «в Северную Русь самыми разными путями, помимо “днепровского”» (Щавелев, Фетисов 2014: 19-20)[8], начало функционирования которого «как единой транзитной торговой магистрали от Балтики и до Чёрного моря», по А.С. Щавелеву и А.А. Фетисову, следует датировать не раннее чем серединой X в. До этого же, полагают историки, «путь из варяг в греки» был разбит на отдельные самостоятельные и не связанные отрезки – «северный» и «южный», между которыми «обнаруживается территориальная лакуна, где нет признаков торгово-экономической активности» (Щавелев, Фетисов 2014: 32).

Нет в Ладоге IX в. также ни малейших признаков существования церковной епархии Константинопольского патриархата.

Поселение на Рюриковом городище в середине IX в. ещё только формируется (Еремеев 2019: 67-92).

Таким образом, никаких материальных подтверждений тому, что из Киева или из Ладоги середины IX в. могла быть осуществлена атака на Константинополь, а затем организована церковная епархия, не существует. Однако не смотря на эти очевидные факты, иные места для формирования русского флота большинством историков не рассматриваются. Доля исследователей, кто видит и понимает ущербность такого подхода, к сожалению, не велика. Представление о том, что Русь появилась и сформировалась на северо-западе Восточной Европы настолько укоренилось в сознании большинства историков, что превратилось в шоры, мешающие замечать те вопиющие нестыковки и противоречия, которые возникают, как только гипотетические рассуждения о том, что в 860 г. Русь Аскольда и Дира была довольно мощным в военном отношении, но недолговечным и слабоцентрализированным протогосудаством, начинают обретать материальные, археологические черты.

Остаётся совершенно непонятно, как высокомилитаризированное общество, способное совершить беспрецедентный по дерзости набег на Константинополь, включая осаду столицы Византийской империи, могло не оставить материальных следов своего присутствия в Среднем Поднепровье. Объяснения, согласно которым «для управления столь обширными пространствами вожди руси не могли себе позволить пребывание в каком-то одном месте (недаром Фотий именует русь “кочевым народом”) и должны были постоянно перемещаться со своей дружиной, опираясь на систему малых градов-крепостей и союзы с племенными князьям» (Кузенков 2003: 83), бездоказательны, ибо никаких археологических подтверждений этому нет.

Н.А. Макаров констатирует: «Ни на Севере, ни на Юге мы не видим археологических памятников этого времени, которые могли бы выступать как места сосредоточения значительной военной силы, как административные центры, располагавшие ресурсами для организации грандиозных походов на Византию. Скромные размеры поселений, бедный набор оружия, отсутствие погребений военизированной знати заставляют усомниться в том, что “нашествие руси” на византийские владения в 860 г., очевидцем которого был патриарх Фотий, действительно являло собой военную акцию, угрожавшую существованию Царьграда» (Макаров 2012: 456). Правда, при этом снова реанимируется высказанная ранее П.В. Кузенковым мысль: «Единственным приемлемым разрешением противоречий между письменными источниками и археологией является признание того, что политическая организация руси в это время была ещё достаточно эфемерной структурой, находившейся в самой начальной стадии формирования. Сеть административных центров в этом объ-

8 Вероятно, это касается и византийской свинцовой печати-буллы от несохранившегося пергаментного документа IX в., найденной на Рюриковом городище, принадлежавшей византийскому спафарию и доместику Леону.

единении ещё не сложилась, население, инкорпорированное в эту систему, было немногочисленно» (Макаров 2012: 456-457).

Логика подобных рассуждений удивительна: цепь административных центров «как мест сосредоточения значительной военной силы» на севере и юге ещё не сложилась, население «немногочисленно», ресурсов «для организации грандиозных походов на Византию» нет, но при этом, именно Киевская (в широком смысле этого слова), а не какая-либо другая Русь в 860 г. совершает набег на Константинополь.

Специалисты установили, что путь из Ладоги к Константинополю в раннем средневековье занимал около двух месяцев. То есть, если русы пришли к стенам Царьграда 18 июня 860 г., то выйти из Ладоги или из Рюрикова городища флот должен был не позже второй половины апреля.

Известно, что Днепр в верховьях вскрывается ото льда в конце марта – начале апреля, а более северные реки, ещё позже[9]. Следовательно, на подготовку к походу у русов времени практически не было. Собрать же и оснастить караван в 200 (согласно Симеону Логофету и Брюссельской хронике: Кузенков 2003: 114, 156) или в 360 (согласно Венецианской хронике: Кузенков 2003: 151) судов без подготовки, как справедливо заметил А.В. Назаренко, «картина, мыслимая разве что теоретически» (Назаренко 2012: 34). В итоге, вывод напрашивается один. Если поход был задуман в Ладоге, то совершался он в несколько этапов: подготовка судов к походу, доставка их в регион достаточно близкий к побережью Чёрного моря, зимовка и, собственно, сам поход. Теоретически такое возможно, а вот практически... Проблема даже не в том, что византийская разведка могла прознать о намерениях русов, а значит, нападение не могло быть внезапным, как это следует из Гомилий константинопольского патриарха Фотия (Кузенков 2003: 35), сколько в том, что для зимовки флота необходимы базы, способные разместить и прокормить экипажи судов.

Если исходить из летописной традиции, согласно которой экипаж русской ладьи во время похода Олега Вещего на Константинополь в начале X в. составлял сорок человек (ПВЛ. 1997: 82; тоже в Начально своде – ПСРЛ. III: 108), то в походе Руси 860 г. должно было участвовать от 8 (если кораблей было 200) до 14,5 (если кораблей было 360) тысяч воинов. Такие цифры подтверждаются сопоставительными материалами других стран. В Скандинавии эпохи викингов «команда боевого корабля составляла обычно около полусотни воинов» (Фетисов 2008: 208); экипажи византийских судов того времени составляли: для хеландии – 50-100 человек, для памфила – 130-160 человек, для дромона – 230 гребцов и 70 воинов (Кузенков 2003: 68).

Даже если исходить из того, что летописная цифра дружинников, приходящихся на один корабль завышена, а цифры кораблей, называемые в источниках, условны, то в любом случае, для того, чтобы осуществить нападение на Константинополь, буквально потрясшее Царь городов, необходимо было серьёзное войско, соответственно, с неизбежностью речь должна идти о сотнях кораблей и тысячах воинов. Оценка русского войска в восемь тысяч человек выглядит вполне реалистичной (Пашуто 1968: 59; Кузенков 2003: 68; Цветков 2010: 58).

По современным меркам это три-четыре полка. Возможно, кому-то покажется, что не так уж и много, особенно на фоне армий XIX-XXI вв. Но на самом деле, это не так. Ибн Фадлан в 922 г. пишет, что с царем русов «постоянно находятся 400 мужей из числа богатырей, его сподвижников» (Ковалевский 1956: 146), т.е. речь идёт о малой или ближней дружине великого князя периода правления Олега и Игоря. По оценке Е.А. Шинакова, размер большой дружины Владимира Святославовича «включая гарнизоны степной линии, вряд ли превышал 5-7 тыс. человек. К этому, правда, надо добавить личные дружины некоторых из его сыновей. Реконструируемый по системе оплаты состав таких “малых дружин” (у Ярослава) – около 500 воинов (и гридей, и отроков)» (Шинаков 2009: 290-291). Заметим, речь идёт о времени когда Киевская Русь представляла собой сформировавшееся государство, со всеми надлежащими ему атрибутами власти, в том числе, позволяющими произвести мобилизацию, чего не было, да и, в принципе, не могло быть в середине IX в., когда будущую территорию Древнерусского государства населяли разрозненные, часто враждующие между собой племена.

Одной из главных причин малой численности дружин Киевской Руси Е.А. Шинаков называет трудности со снабжением, поскольку «землевладение было чётко отделено от власти, суверенитета, внешние же источники дохода (международная торговля, добыча, дани-контрибуции и откупы)… практически отсутствовали» (Шинаков 2009: 292). Правда, в приведённой цитате у Шинакова речь идет о конце X в., когда «войны Владимира носили оборонительный характер и приносили не прибыль, а расходы на укрепление степной границы» (Шинаков 2009: 292). Но судя по количеству воинов в дружинах киевских князей начала и конца XI в.[10], и в это столетие ситуация со снабжением армии была не намного лучше, а ведь в XI в. площадь Киева уже превышала 300 га, численность населения приближалась к 50 тысячам, что на порядок больше населения Киева и его округи середины IX в. Как уже говорилось выше, по свидетельству археологии, к моменту летописного появления в Киеве Аскольда и Дира, на месте «Матери городов русских» располагалось лишь несколько небольших славянских поселений, самое крупное из которых, так называемый

9 Иногда исследователи ссылаются на то, что в IX-X вв. климат Восточной Европы был значительно теплее, чем сейчас, поскольку в этот период наступил так называемый климатический оптимум. Следовательно, северные реки освобождались ото льда раньше, чем в наше время и раньше, чем в более поздний период средневековья. Но как показано в исследования С.И. Бараша, зима 860 г. была «очень суровой и многоснежной... В Европе замерзли не только все реки, но даже “Адриатическое море так замерзло, что в Венецию пешком приходить было можно”; по морскому льду ездили на повозках. (Обычно Адриатическое море не замерзает.) Вымерзли озимые культуры в южной и юго-западной Европе» (Бараш 1989).

10 По свидетельству ПВЛ киевский князь Святополк Изяславич, отправившийся на войну с половцами во главе отряда из восьмисот бойцов, при необходимости мог собрать восемь тысяч человек (ПВЛ. 1997: 252). Речь, скорее всего, идёт об ополченцах.

«городок Кия» на Старокиевской горе, занимал площадь ок. 2 га. Не лучше ситуация складывалась и на других территориях Древней Руси, где, по словам Н.А. Макарова, «лишь в единичных точках археология фиксирует раннегородские поселения первой половины IX в., их число остаётся сравнительно небольшим и во второй половине столетия» (Макаров 2012: 449). По настоящему «широкие масштабы» процесс урбанизации и, как следствие, прирост населения на Руси «принимает… лишь в середине – второй половине X в.» (Макаров 2012: 449).

Однако, даже в этот период до 50% от общего числа существовавших на Руси населенных пунктов – это деревеньки в 1-5 дворов с населением 10-50 человек, цепью вытянувшиеся вдоль рек, либо собранные в «гнёзда» вокруг укрепленного городища. Размеры таких агломераций на территориях благоприятных для земледелия обычно не превышали 2,5-3 км. В менее же пригодных для сельского хозяйства районах расстояние между селениями достигали 1-1,5 км, а радиус «гнезда» равнялся 5-8 км. Вот и давайте задумаемся, способен ли был «мал городок» Киев с округой в рассматриваемый нами период содержать и прокормить «армию» в несколько тысяч человек, тем более зимой, т.е. в самое голодное время года?

В.С. Нефёдов, отмечая, что городская община Гнёздова, в середине X в. насчитывавшая порядка одной тысячи человек, «вряд ли могла прокормить себя самостоятельно» (Нефёдов 2012: 99). Слишком малы для этого были площади сельхозугодий вокруг поселения. Всё это делало население Гнёздова «особенно зависимым от поставок продовольствия со стороны сельского населения региона» (Нефёдов 2012: 99). Обращает на себя внимание, что к середине X в., когда площадь Гнёздова увеличилась до 35 га, а постоянно проживающее в нём население достигло тысячи человек, заметно выросло и число окружающих его сельских поселений, позволявших насытить рынок сельскохозяйственными продуктами. Так, если в начале X в. в центральных районах Смоленской области, по оценке археологов, насчитывалось 30 сельских поселений, то к XI в. их число выросло до 89. Для сравнения: на Черниговщине в IX – начале XI в. возникло 17 поселений, в X-XI вв. возникло 36 посёлков, в XII – начале XIII в. – ещё 50 селений; в западной части белорусского Полесья в IX-X вв. возникло 12 поселений, в XI-XIII вв. – 70; в Могилёвском Поднепровье в конце IX-X в. появилось 18 поселений, в XI-XIII вв. – 73; в Полужье плотность населения в VI-IX вв. составляла 0,1-0,2 человека на 1 км/2, а в XII-XIII в. – уже 3 человека на 1 км/2 (Риер 2000).

Аналогично ситуация складывалась и на Киевщине, где, по оценке А.В. Комара, «"ядро полянского княжения" в преддревнерусское время (VIII-IX вв.) демонстрирует на удивление малое количество археологических памятников. Поселения волынцевской культуры расположились здесь узкой цепочкой вдоль Днепра, вытянутой с севера на юг от Киева до Канева» (Комар 2012а: 158). Но даже то малое количество славянских посёлков, которое найдено археологами, в первой четверти IX в. в большинстве своём было разрушено. Сам А.В. Комар, кстати, связывает разгром волынцевских поселений Правобережья и Левобережья Днепра с русами Аскольда и Дира (Комар 2005: 136)[11]. Некорректность данного вывода археолога отмечена многими исследователями, указывающими на отсутствие в IX в. сколько-нибудь заметных следов присутствия скандинавов и выходцев из северо-западного региона на территориях близких к Хазарии (Григорьев 2012: 94-127; Щавелев 2014а: 323-329; Щавелев, Фетисов 2017: 309-317). А.В. Григорьев связывает погромы на волынцевских поселениях Поднепровья с миграцией из Подунавья основателей роменской культуры – северян (Григорьев 2000; 2012: 94-127).

Для нас же важно другое. Только «во второй половине IX – начале X в. археологи наблюдают быстрый рост киевских поселений, процесс их слияния, формирования "детинца" и "посада" города. Однако, как нам представляется, и в это время город не намного превышал размерами соседние укреплённые поселения» (Михайлова 2010: 52). При этом, отмечает И.Б. Михайлова, «в середине X в. в "граде Кия" и на прилегавших к нему сёлах проживало больше людей, чем на землях, занятых другими полянскими племенами, что, разумеется, стимулировало развитие укреплённого центра киян. Однако, как можно заметить при сопоставлении количественных данных могильников, киевская округа по численности населения не выделялась среди таких крупных южных комплексов поселений, как черниговский, клоновский, седневский, шестовицкий» (Михайлова 2010: 53).

По подсчётам С.П. Романчука, при средней калорийности зерновых 350 кал/100 г и индивидуальной суточной потребности в 3050 кал, человеку в день необходимо 870-1000 г зерна (Романчук 1979: 67-75). В год это составляет примерно 340 кг на человека. Правда, исследователи оговариваются, что данная норма потребления рассчитана для взрослого работника-мужчины. Женщинам, детям и стрикам хлеба требуется меньше. Однако, как известно, потребности не всегда совпадают с возможностями. Поэтому в наших расчётах мы будем опираться на несколько иные цифры, приведённые Центральным статистическим комитетом России для рубежа XVIII-XIX вв. В это время официальная норма потребления на одного человека составляла 219 кг ярового или 256 кг озимого хлеба. Максимальный же предел среднедушевой нормы не опускался ниже 197 кг, да и то, только в том случае, если имелась возможность замещения хлеба картофелем. Иначе недоедание снижало продуктивность работников, что, как следствие, приводило к худшему сбору урожая в следующем году. В IX в., как известно, картофель на Русь ещё не завезли, поэтому в наших дальнейших расчётах мы будем исходить из того, что для нормального функционирования организма, вне зависимости от пола и возраста чело-

11 Любопытно, что при этом сам А.В. Комар не находит археологических доказательств присутствия в Киеве скандинавов ранее X в., зато обращает внимание, что на переживших разгром волынцевских поселениях встречаются предметы венгерского происхождения. Объяснить это можно лишь тем, что не скандинавы, а именно передовые отряды венгров, добравшиеся до Поднепровья, устроили разгром волынцевской культуры как в самом Киеве, так и в его округе.

века, хлеба ему в то время требовалось от 250 до 300 кг в год.

Если принять как допущение, что крестьянская семья в IX в. состояла примерно из шести человек (Енуков 2005: 166), из которых один-два человека были детьми и примерно столько же людьми пожилого возраста, то путём простого подсчета выясним, что только для собственного пропитания этой семье в год требовалось как минимум 1.2-1.5 т. зерна.

По существующим оценкам, в Среднем Поднепровье в конце I тыс. н.э. максимальные показатели урожайности составляли 40 пудов с десятины, т.е. приблизительно, 6,5 ц/га (Риер 2000: 102). Получается, что для прокорма среднестатистической семье требовалось приблизительно 3 га. Данная цифра вполне сопоставима с расчётами других исследователей. Так, например, А.В. Григорьев, оценивая сельскохозяйственные возможности северян Левобережья Днепра, приходит к выводу, что «наделы площадью около 4 десятин, даже при хорошем качестве земли могли лишь обеспечить прожиточный минимум их владельцев» (Григорьев 2000: 179). На первый взгляд, 3-4 га это не так уж и много. Тем более что, по оценкам специалистов, в рассматриваемый нами период один работник за сезон вполне мог обработать 7-8 га земли.

Однако, не следует забывать и ещё одну существенную деталь: вопреки известной русской пословице «хлеб всему голова», хлеб составлял лишь часть рациона населения Восточной Европы. Не меньшую потребность жители Древней Руси испытывали и в мясе, восполнение запасов которого едва ли компенсировалось охотой. Поскольку в настоящее время практически невозможно точно оценить поголовье и состав скота, имевшегося в распоряжении крестьянской семьи IX в., снова обратимся к данным XVIII в. Как показали исследования, в это период подсобное хозяйство семьи из 6-7 человек в среднем насчитывало одного или двух коней, пару волов, двух коров, 4-5 овец, 1-2 козы, 2-3 свиньи и какое-то количество домашней птицы. Естественно, вся эта живность также нуждалась в зерне. По нормативам XVIII в. годовой рацион лошади, без учёта сена, составлял 49 кг овса; свинье требовалось 25 кг овса, 82 кг ячменя, 16 кг гороха, плюс корнеплоды; птица, в среднем, потребляла 33-50 кг овса или ячменя. В итоге: в год на одного коня, 4 головы крупного рогатого скота, 2 свиньи и домашнюю птицу уходило порядка 4 ц зерна. Понятно, что для IX в. приведенные нормы потребления, как и количество животных, находящихся в распоряжении среднего крестьянского хозяйства, величины условные, поэтому поделим всё на два. В результате, к 12-15 ц зерна, необходимых для пропитания самих членов семьи, добавим еще 2 ц зерна, выделяемые на прокорм животным. Соответственно на 0.5 га увеличим и посевную площадь крестьянского хозяйства. Но и это ещё не всё. Для того чтобы собрать урожай, как известно, прежде необходимо что-то посеять. То есть, помимо зерна, идущего непосредственно на питание, у крестьян должен был быть и определённый запас зерна, используемого в качестве посадочного материала[12], а это, как следствие, влечёт за собой и увеличение посевных площадей. Так что прибавим к земельному наделу нашего крестьянского хозяйства еще 1 га земли. Итого. Только для обеспечения собственных нужд семье из 5-6 человек в IX в. необходимо было ежегодно засевать и обрабатывать 4-5 га земли. И это без учета земель под парами, огородов и прочих сельхозугодий.

Безусловно, приведённые расчёты имеют умозрительной характер, но, в целом, они не противоречат данным археологии. Дело в том, что во время раскопок археологи периодически находят зерновые ямы, в которых, предположительно, хранился посадочный материал. Считается, что одна зерновая ямы соответствовала одному двору. Зная же объём ямы, не трудно рассчитать засеваемую этим зерном площадь, а заодно, и уровень благосостояния её владельцев. Как выясняется, в первой половине IX в. средний объём зерновых ям позволял хранить в них 700-800 кг зерна. Этого хватало для того чтобы по весне засеять площадь около 5.5-6.5 га. То есть, примерно столько, сколько и предполагают приведённые выше расчёты. По подсчётам археологов, земельные наделы населения Левобережья Днепра в IX в. варьировались в пределах от 7 до 11 га.

Дальше, путём несложных математических действий, мы можем установить, сколько пахотных земель для прокорма требовалось сельхоз агломерации с населением в 30, 100 и более человек[13]. Однако, едва ли это необходимо. И без дальнейших подсчётов, очевидно, что содержание армии в несколько тысяч бойцов у населения Киева и близлежащих к нему земель в середине IX в. вызвало бы серьёзный продовольственный кризис.

Можно, конечно, допустить, что для снабжения армии Аскольд и Дир совершали экспроприацию продовольствия у населения, находившегося за пределами киевского домена, но и это маловероятно. Летописи утверждают, что даже после того как Олег наложил дань на древлян, северян и радимичей, русским князьям ещё неоднократно приходилось воевать с этими племенами, а чрезмерная жадность, как утверждают летописи, обернулась для князя Игоря гибелью.

Впрочем, проблема, чем накормить и где обогреть дружину в несколько тысяч бойцов в течение зимы, увы, далеко не единственная, которая могла возникнуть у братьев в ходе организации ими похода на Константинополь. Не менее остро стоял и вопрос, а где, собственно, столько бойцов набрать. Это только в летописи всё легко и просто: обосновались Аскольд и Дир в Киеве, «многы варягы съвокуписта и начаста владѣти польскою землею» (ПВЛ. 1997: 76). В действительности же, как известно, только сказка скоро сказывается, да не скоро дело делается. Поэтому давайте посмотрим, как слова летописца согласуются с реальностью.

По оценке Е.А. Шинакова, общая численность скандинавских мигрантов в Восточной Европе, отождест-

12 Для XV в. норма высева составляла 8 пудов на десятину (128 кг/га).

13 По подсчетам А.В. Григорьева, в середине X в. для автономного существования поселения в 200 дворов требовалось 2400 десятин пахотных земель (1 десятина = 1,092 га) (Григорьев 2000: 189).

вляемых им с русами письменных источников, до середины X в. следующая: «Русов – дружинников и купцов – было, вероятно, не более 1000 человек». Если же учитывать женщин, слуг и рабов, то, по мнению историка «численность русов могла равняться нескольким тысячам человек» (Шинаков 2009: 169).

По подсчётам А.А. Фетисова, гарнизон Гнёздова, численность постоянного проживающего населения которого в начале X в. колебалось от 400 до 600 человек, состоял из 50-60 бойцов (Фетисов 2008: 209). Материалы Тимерева и его округи, как единого торгово-административного комплекса поселений Ярославского Поволжья, по Фетисову, позволяют оценивать численность профессионального воинского отряда, находящегося здесь, до 40 человек (Фетисов 2008: 209). Столько же воинов включала в себя и дружина высокомилитаризированного Супрутского городища конца IX – начала X в., расположенного на Донском торговом пути (Фетисов 2008: 209). Безусловно, какие-то воинские контингенты имелись и в других населенных пунктах Древней Руси, в том же Киеве, например, но едва ли они были намного крупнее перечисленных. Так что трудно даже представить, где Аскольд и Дир могли бы набрать несколько тысяч бойцов.

Обратим внимание на то, что численность профессиональных воинских отрядов, расположенных в крупных по тому времени центрах дана на начало X в., то есть, на период, когда происходило формирование не только Древнерусского государства как такового, но и его профессиональных дружин, вкупе с присущей им дружинной культурой. В середине же IX в. ситуация была иная. На славянских поселениях Киева рассматриваемого нами периода не найдено предметов «престижной культуры IX в. – украшений, оружия, монет, импортов» (Комар 2012: 315), что недвусмысленно указывает на отсутствие здесь воинских контингентов, способных стать основой для профессиональной, к тому же, многотысячной, дружины, готовой совершить опустошительный набег на территорию Византийской империи, вплоть до осады Константинополя.

Существует гипотеза, что осаду Константинополя в действительности осуществили не русы, пришедшие с северных берегов Чёрного моря, а норманны, пришедшие с юга, со стороны Средиземного моря. В пользу связи похода 860 г. со скандинавами некоторые исследователи приводят свидетельство Иоанна Диакона (вторая половина X – первая четверть XI в.), в «Венецианской хронике» написавшего: «В это время народ норманнов (Normannorum gentes) на трёхстах шестидесяти кораблях осмелился приблизиться к городу Константинополю (Constantinopolitana urbs). Но так как они не могли никоим образом нанести ущерба неприступному городу, они дерзко опустошили окрестности, перебив там многое множество народу, и так с триумфом возвратились восвояси» (ДРЗИ. IV: 53-54). «Венецианские хроники» Иоанном Диаконом были написаны в начале XI в., то есть, почти через полторы сотни лет после события, которое у Диакона не датировано, а лишь привязано к ряду других событий, хронологический разбег которых составляет десять лет между смертью в 853 г. патриарха Виктора и смертью франкского короля Карла, умершего 25 января 863 г.

Поскольку количество кораблей «норманнов», участвовавших в походе, и сам результат набега у Иоанна Диакона расходятся с количеством кораблей русов и результатом вторжения по версии некоторых византийских и древнерусских источников[14], А.А. Васильев высказал предположение, что у Иоанна Диакона описан не «русский» поход 860 г., а неизвестный по другим источникам набег неких «норманнов», которые пришли под стены Константинополя после гибели русского флота, не ранее 861 г., и вернулись домой «с триумфом» (Vasiliev 1946: 42).

Действительно, в 859 г. норманнский флот из 62 кораблей под командованием норвежцев Гастинга и Бьерна совершил грабительский рейд в Средиземноморье. Ими были разграблены побережья Испании, Португалии, Африки, Балеарские и Питиузские острова, Майорка, Монорке, Форментере. После чего викинги устремились к берегам Италии, где были разграблены и сожжены Луна (её норманны приняли за Рим), Пиза и некоторые другие итальянские города. По свидетельству Себастьяна Саламанского (кон. IX – нач. X вв.) опустошив Италию, норманны «приплыли в Грецию и, наконец, вернулись в свою страну три года спустя» (Альфонсо 2002). Отсутствие упоминаний о набеге норманнов с юга в византийских хрониках Васильев объясняет тем, что византийцы иногда обходят молчанием важные события своей истории, известные по другим, не византийским источникам. К ним он относит и удачное нападение византийского флота на Дамиетту в Египте в 853 г., и поход на Константинополь Вещего Олега в 907 г., и крещение Руси при Владимире Святославовиче. Кроме того, Васильев допускает, что кратковременный набег викингов византийские хроники могли принять за арабский набег, один из которых состоялся в 861 г., когда флот критян опустошил Киклады, прошёл через Геллеспонт и достиг Проконнесских островов в Мраморном море.

В пользу своих предположений А.А. Васильев приводит отрывок из письма папы Николая I (858-867) императору Михаилу III (842-867), в котором Папа пеняет правителю Византии, что это не франки вторглись на Крит, опустошали Сицилию, захватывали греческие провинции и сжигали, убив множество людей, церкви Святых в предместьях Константинополя, это сделали оставшиеся без возмездия язычники. Папское письмо было написано 28 сентября 865 г. и многими исследователями считается указанием на набег Руси в 860 г. Однако, письмо папы Николая I никоим образом не доказывает, что язычники, грабившие пригороды Константинополя, были норманнами. А.А. Васильев в словах Папы о том, что нападавшие не получили должного возмездия, увидел подтверждение предположению, что после неудачного похода Руси последовал более успешный набег норманнов.

14 Согласно «Брюссельской хронике» русы пришли под стены Константинополя «с двумястами кораблями, которые, ходатайствами Всехвальной Богородицы, были христианами покорены, сокрушительно побеждены и истреблены» (Кузенков 2003: 156). Тоже самое утверждает и ПВЛ (ПВЛ. 1997: 76).

Реальных доказательств такого «раздвоения» похода на Константинополь, на самом деле, нет никаких. Версия о гибели флота русов вследствие бури, ставшей результатом божественной помощи Константинополю, появляется только в поздних источниках (Симеон Логофет, Брюссельская хроника) и её появление связано с религиозно-нравоучительными целями. Аутентичные византийские памятники (Гомилии и «Окружное послание» патриарха Фотия, «Житие патриарха Игнатия», Хроника продолжателя Феофана) ни о чём подобном не говорят, соответственно, невозможно вести речь о том, что письмо Николая I и Иоанн Диакон противоречат византийским источникам относительно результатов похода русов 860 г.

Не отрицая гипотетическую возможность того, что флотилия Гастинга и Бьерна (никаких других норманнов в Средиземном море как арабские, так и франкские источники в рассматриваемый период не упоминают) могла добраться до границ Византийской империи с юга, согласиться с точкой зрения Васильева невозможно. Даже если допустить, что греки по какой-то причине забыли упомянуть об осаде Константинополя норманнами, трудно представить, что греческий флот, в 860-861 гг. сконцентрированный в Средиземном и Мраморном морях, пропустил к столице вражеские корабли, которые вряд ли были небольшими моноскислами или акатиями[15], тем более, если придерживаться версии Иоанна Диакона насчитавшего у «норманнов» аж 360 судов. Более вероятно, что автор Венецианской хроники, знавший из франкских источников о норманнских рейдах у берегов империи, сопоставил эти события с известными ему византийскими данными об осаде Константинополя русами, и на основании этого решил, что речь идет об одном и том же событии, приписав его всё тем же известным ему норманнам. В пользу данного предположения говорит уже то, что в хронике Иоанна Диакона имеется ряд неточностей касающихся истории самой Венеции, на что обращали внимание исследователи. Стоит ли в таком случае ожидать от него точности в вопросах, далёких от освещаемой им в хронике темы? К числу неточностей в полной мере можно отнести и немыслимое количество судов, по версии Диакона, участвовавших в походе.

Можно вслед за А.А. Васильевым гипотетически допустить, что помимо Гастинга и Бьерна какие-то другие норманны между 859 и 861 гг. совершили описанную Иоанном Диаконом осаду Константинополя, но оснований для такого допущения нет никаких. Странно было бы, если бы состоящую из 62 кораблей флотилию викингов франки и арабы увидели, а армаду из 360 судов упустили из вида, до свидетельства Иоанна Диакона не написав о ней ни слова.

Самое логичное объяснение появления «норманнов» в тексте Иоанна Диакона состоит в следующем. Патриарх Фотий говорит о напавших на Константинополь русах: «народ с севера», «гроза гиперборейская», «скифский народ» и т.д. (Кузенков 2003: 23-65). Иоанн Диакон, или кто-то из его предшественников, просто перевёл на латинский язык подобное греческое определение как «северные люди» («норманны»).

В рассматриваемый период, по словам М.В. Бибикова, «для византийцев “северными” областями скорее считались крымские “климаты”, Причерноморье, Русь, Северный Кавказ и даже Фессалия. Более того, норманны в византийских текстах (начиная с XI в.) – отнюдь не “северные люди”, а, прежде всего, население Сицилийского королевства; “Северное море” – не Балтика, а “Гиркания”, т.е. Каспийское море. Устойчивость традиции соотнесения “севера” с причерноморским регионом объясняется принципом расположения этногеографических зон в соответствии с направлениями ветров. На этом основании “северными” являются народы, которых, как пишет Иоанн Цец (XII в.), овевает северный ветер Борей: это скифы и (народы) Эвксинского понта (Причерноморья). Поэтому деконкретизованный этноним “северный”, часто встречающийся в византийских источниках XI-XIII вв., чаще всего атрибутируется русским. Потому и социокультурный портрет “скифского” мира, разрабатываемый византийскими авторами, на основе античных традиций, неприложим к интересующему нас региону. При общем тезисе, что “Скифия” занимает всё “северное” пространство, скандинавский мир не включается в него византийскими авторами. Знания средневековых греков о скандинавах формируются на иной основе, чем представления о “тавроскифах”, т.е. русских, о германцах, других “латинянах” – жителях Западной Европы» (Бибиков 1986: 97-105).

В европейских источниках есть ещё два примера именования русов «северными людьми» («норманнами»).

В 871 г. восточнофранкский король Людовик II (843-876), отвечая на несохранившееся послание византийского императора Василия I Македонянина (867-886) и споря с ним о правильности употребления титулов (между Византией и франками шла полемика по вопросу о правомочности принятия правителями последних императорского титула), в числе прочего, заявил: «Хаганом (chaganus) же, как убеждаемся, звался предводитель (prelatus) авар (Avares), а не хазар (Gazani) или норманнов (Nortmanni), а также не правитель (princips) болгар (Vulgares), а король или государь (dominus) болгар» (ДРЗИ IV: 23-24).

Франки хорошо были знакомы с Аварским каганатом, а вот о Хазарии они, видимо, мало что знали и не имели с ней никаких стабильных контактов, соответственно, ничего не знали и о титуловании её правителей. Также ничего они не знали и о титуловании правителя неких «северных людей» (Nortmanni), так как с ними, видимо, тоже никаких стабильных контактов не поддерживали. А вот византийцы, очевидно, были хорошо знакомы как с хазарами, так и с «северными людьми», и Византия признавала за их правителями титулы каганов.

В византийском послании на месте «северных людей» (Nortmanni) франкского латиноязычного источни-

15 О классе судов викингов, а значит и о численности их экипажей судить трудно. Арабы называют плавсредства норманнов «меркаб», что значит «судно», «корабль», без более детальных пояснений, либо «кариб», под которым арабы подразумевали небольшое парусно-весельное судно. Исследователи сходятся во мнении, что «меркаб» применительно к судам норманнов соответствовал большому парусному кораблю типа драккара с экипажем от 26 до 70 человек.

ка, стояло, очевидно, что-то типа «северные скифы» (οἱ βόρειοι Σκύθαι) / «тавроскифы» (Ταυροσκύθες), как нередко в византийских источниках (Лев VI Мудрый, Лев Диакон, Михаил Пселл, Георгий Кедрин, Иоанн Зонара, Иоанн Киннам, Анна Комнина, Никита Хониат и т.д.) именуются русы, что было просто калькировано франками.

Лиутпранд Кремонский в X в. писал: «Ближе к северу обитает некий народ, который греки (Greci) по внешнему виду называют русью (ρουσίος), мы же по местонахождению именуем норманнами. Ведь на немецком (Teutonum) языке nord означает север, а man – человек; поэтому-то северных людей и можно назвать норманнами» (ДРЗИ IV: 38).

Очевидно, через термин «норманны» Лиутпранд или его информатор передал греческое τὰ βόρεια ἔθνη, τὰ βόρεια γένη – «северные народы» или οἱ βόρειοι Σκύθαι – «северные скифы», применяемое византийцами по отношению к руси с начала X в. («Росы, северные скифы» / Ῥῶς βόρεοι Σκύθοι упомянуты в разделе «Наумахика» трактата Льва VI Мудрого «Тактика» – Щавелев 2016: 236-350). В пользу этого говорит другое упоминание термина «норманны» Лиутпрандом Кремонским, который в первом томе «Книги возмездия» пишет: «Город Константинополь (Constantinopolitana urbs), который прежде [именовался] Византием (Bizantium), а ныне носит имя Нового Рима (Nova Roma), расположен посреди свирепейших народов. Ведь с севера его ближайшими соседями являются венгры (Hungarii), печенеги (Pizenaci), хазары (Chazari), русь (Rusii), которую иначе мы называем норманнами (Nordmanni), а также болгары (Bulgarii)» (ДРЗИ IV: 37).

Как видим, локализуется Русь к северу от Константинополя, причём Русь у Лиутпранда в числе ближайших соседей Византии. Есть и ещё один существенный момент – латинский текст Лиутпранда можно трактовать двояко: и как указание на то, что термин «норманны» Лиутпранд употребил только по отношению к Руси, и как указание на то, что под термин «норманны» попадают и все остальные народы из приведённого списка за исключением болгар. Косвенно на это указывают слова из трактата «Об управлении империей» Константина Багрянородного, в котором византийский император советует своему сыну: «Если потребуют когда-либо и попросят либо хазары, либо турки (венгры – М.Ж., С.Б.), либо также росы, или какой иной народ из северных и скифских» (Константин Багрянородный 1991: 54-55). Как видим, список северных народов у Багрянородного и у Лиутпранда практически совпадает. Сведения о походе Игоря Лиутпранд Кремонский почерпнул из рассказа своего отчима-дипломата. Сам Лиутпранд тоже дважды возглавлял посольства в Византию, знал греческий язык, и вероятно был осведомлён относительно практиковавшейся у византийцев терминологии.

Как видим, все три случая именования русов «норманнами» в европейских источниках (послание Людовика II, Лиутпранд Кремонский, Иоанн Диакон) связаны с Византией и, очевидно, восходят к византийской традиции, калькируя византийскую терминологию. В каких-либо европейских источниках, не связанных с Византией, русы никогда не именуются «северными людьми».

Таким образом, ни малейших оснований предполагать помимо похода русов 860 г. ещё некий набег на Константинополь «норманнов» источники не дают, все они говорят об одном и том же походе. Равно нет ни малейших оснований предполагать, что поход был совершён со стороны Средиземного моря. Аутентичные источники ясно свидетельствуют, что атака была осуществлена «народом с севера», «грозой гиперборейской», «скифским народом», то есть из Северного Причерноморья.

Но может быть свою армию Аскольд и Дир набирали в Скандинавии, а славяне и представители иных этносов Восточной Европы составляли лишь незначительную её часть? В ПВЛ ведь сказано, что Аскольд и Дир «многы варягы съвокуписта» (ПВЛ. 1997: 76). Рассмотрим и такую возможность. Изучив письменные источники и археологические материалы Скандинавии, А.А. Фетисов пришёл к выводу, что гарнизон одного из крупнейших торгово-ремесленных поселений Швеции IX-X вв., Бирки, по численности населения и площади сопоставимого с Гнёздовом, также не превышал 40-50 человек (Фетисов 2008: 209-210). Примерно столько же воинов включали в себя и дружины скандинавских ярлов, по Фетисову, управлявших достаточно большими областями-фьюльками. На это, в частности, указывают и сами скандинавские источники. К примеру, в «Саге о Харальде Прекрасноволосом», говорится, что каждый ярл, при необходимости, должен был предоставлять конунгу отряд из 60 воинов. Личная дружина самого конунга тоже состояла из 50-70 человек и составляла экипаж одного корабля (Фетисов 2008: 210).

В случае же, когда конунгом замышлялись более масштабные военные мероприятия, нежели объезд подвластных ему земель, воины набирались специально и со значительных территорий. Так Эрик Кровавая Секира, собирая войско для похода на побережье Англии, объехал несколько регионов Норвегии и помимо своих собственных отрядов позвал воинов с Оркнейских островов, «Южных островов» и из Ирландии.

Критикуя сторонников многочисленности норманнских отрядов, нападавших на Британские острова и империю франков, известный английский историк П. Сойер обращает внимание на то, что исследователи не располагают скандинавскими источниками, которые можно было бы сопоставить с известиями латинских хроник, повествующих о набегах викингов, а значит и уточнить их. Поэтому, пишет Сойер, «нет оснований сомневаться в достоверности их рассказов о передвижениях викингов, но существуют веские причины подозревать, что они преувеличивают, когда сообщают о размере и разрушительной деятельности этих грабительских отрядов» (Сойер 2006: 177).

Причины таких преувеличений хронистов, по мнению историка, кроются в естественной склонности людей «извинять поражения и превозносить победы, преувеличивая силу и жестокость врага». В полной мере эти слова можно отнести и к современным писателям, ко-

торые, считает учёный, «слишком охотно берут на веру подсчёты авторов того времени», что, в свою очередь, влияет на их восприятие и интерпретацию как лингвистических, так и археологических материалов, и тем самым уменьшает «их ценность в качестве независимого критерия правдивости письменных свидетельств» (Сойер 2006: 178).

Ещё одну проблему, с которой сталкиваются исследователи, пытаясь оценить размеры скандинавских отрядов и ущерб, нанесённый ими Западной Европе, Сойер видит в качестве переводов. Что в данном случае имеется ввиду? В английских хрониках, для обозначения отрядов викингов нападавших на Британию, обычно используется термин «here», перевести который можно как «армия» или «войско». Однако оба эти варианта прочтения термина, по мнению Сойера, как раз и «вводят в заблуждение» историков. Дело в том, что в современном понимании слова «армия», это нечто огромное, десятки и сотни тысяч солдат и офицеров. Близкие по смыслу ассоциации вызывает и слово «войско», за которым, также, видится военное подразделение, состоящее их множества вооруженных людей. Между тем, указывает Сойер, в законах Инэ начала VII в. говорится: «До семи людей мы называем разбойниками, от семи до тридцати пяти – бандой, а сверх того – here» (Сойер 2006: 180). То есть, в представлениях средневековых авторов подразделение численностью больше трёх дюжин бойцов – это уже армия или войско.

Впрочем, следует признать, что иногда перед словом «here» английские анналисты помещали ещё и слово «micel» – «великая». И именно это даёт основание сторонникам многочисленности отрядов викингов утверждать, что нападавших на брега Англии и Западной Европы скандинавов было действительно много. Доказать, равно, как и опровергнуть данную точку зрения сложно, потому, что, как отмечает Сойер, хроники крайне редко сообщают о количестве участников набегов, предпочитая указывать численность имеющихся у нападавших кораблей. А вот здесь-то, как раз, и начинается самое интересное: «по своему размеру, по крайней мере в IX-X вв., корабли (викингов – М.Ж., С.Б.), скорее всего, никогда не были большего размера, чем судно из Гокстада с тридцатью двумя вёслами, и, видимо, даже в XI столетии более крупные корабли постоянно использовались лишь в скандинавских водах. Присутствие таких мелких кораблей в викингских флотилиях лишь увеличивало их численность, но количество находившихся на них бойцов от этого не слишком-то возрастало. Вообще не совсем понятно, сколько человек вмещало в себя судно викингов. Предполагается, что на крупнейшем из них могло находиться до ста человек, но в пользу этого свидетельствует немногое. В средневековой Норвегии корабли иногда укомплектовывались пятью воинами на каждое весло, но есть большая разница между сражением в родных водах и путешествием за море, чтобы вести войну вдали от дома. Действительно, не похоже, чтобы на корабле вроде найденного в Гокстаде, когда-либо отправлялось в военный поход более тридцати двух человек. Очевидно, что именно об этом говорит комплект его щитов. К тому же в своём рассказе о битве 896 г. “Англосаксонская хроника” подтверждает тот факт, что максимальное количество воинов на скандинавских кораблях IX в. было именно такого порядка. В том году девять кораблей Альфреда дало бой шести неприятельским. Наверно, это была мелкая стычка, но кажется, что в распоряжении хрониста был рассказ очевидца, и он подробно описывает это событие. В бою были убиты команды двух скандинавских кораблей, а с третьего в живых осталось лишь пять человек. Команды остальных трёх кораблей бились на берегу до тех пор, пока прилив не помог им уплыть. Сообщается, что убитых датчан было 120, то есть эта цифра должна означать команды двух кораблей, команду третьего судна, не считая пятерых человек, и неизвестное количество погибших в бою на суше. Если принять 120 как число убитых датчан, хотя оно подозрительно напоминает удвоенное количество погибших с английской стороны – шестьдесят два, получается, что команда каждого из судов едва ли могла насчитывать более тридцати человек» (Сойер 2006: 184-185).

Не меньше сомнений у историка вызывает и численность кораблей участвовавших в набегах. Так, рассматривая сообщение «Англосаксонской хроники» утверждающей, что флот напавших в 851 г. на берега Англии викингов состоял из 350 судов, Сойер не без сарказма пишет, что «это число выглядит подозрительно, как результат десятикратного приумножения самого большого из упоминавшихся ранее флотов; в любом случае к нему стоит относиться так, как будто оно просто означает “много кораблей”» (Сойер 2006: 183).

Кроме того, сопоставляя события и here викингов IX-X вв. с событиями и micel here XI-XII вв., численность которых, по подсчётам историка, колебалась от 1500 до 5000 человек, Сойер приходит к выводу, что «ничто в источниках IX в. не подразумевает того, что “полчища” викингов бывали значительнее этого числа, и, скорее всего, большинство разбойничьих отрядов, если не все, состояло из трёх-четырёх сотен человек. К этой цифре нас подводит и единственный подробный рассказ о битве с викингами, содержащийся у Гинкмара в “Анналах Сен-Бертена”», когда в сентябре 866 г. отряд из 400 норманнов и бретонцев с Луары подошел к Ле-Ману и опустошил его. Уже тот факт, продолжает Сойер, что «отряд из 400 человек был в состоянии опустошить Ле-Ман, а затем победить воинство под командованием представителей высшей знати Западной Франкии наводит на мысль о том, что, несмотря на все преувеличения летописей, истинные размеры “армий” и “войск” викингов, воевавших в Франкской империи и Англии, были одного и того же порядка» (Сойер 2006: 186-187).

Одной из причин, по которой у викингов не могло быть многочисленных армий, историк называет сложности с содержанием и управлением войском «такого размера в течение хотя бы одной зимы». При этом Сойер ссылается на Фрэнка Стентона, считавшего важным достижением Вильгельма Завоевателя (1028-1087) как раз то, что ему «удавалось поддерживать существование своей армии в течение нескольких недель» (Сойер 2006: 187). Для нас данный пример показателен тем, что эта

армия, набранная для вторжения на Британские острова, состояла из пяти тысяч человек.

Итак, набрать, а главное содержать армию в несколько тысяч бойцов для набега на Константинополь в 860 г. в Скандинавии Аскольд и Дир вряд ли могли. Слишком сложное и дорогое это было удовольствие, да и, судя по английским и франкским хроникам, интересы викингов в то время лежали вдали от необъятных просторов Восточной Европы.

Есть и другие причины, позволяющие усомниться в преобладании скандинавов в армии русов, атаковавшей Константинополь. Речь идёт о том, что, как уже говорилось выше, в Киеве до сих пор не найдены скандинавские древности, равно как и иные явные признаки присутствия здесь норманнов ранее X в. Выглядит это более чем странно, будь Аскольд с Диром и их варяги пришельцами с севера. Действительно, трудно понять, почему несколько тысяч норманнов не оставили следов своего пребывания в Киеве, если это сумела сделать горстка скандинавов, основавшая в Ладоге в середине VIII в. хуторок из пяти хат.

А.С. Щавелев и А.А. Фетисов справедливо пишут: «Необходимо решительно поставить под сомнение гипотезу о том, что в IX в. некая “первая волна скандинавов” (“перво-русь”) появилась на юге Восточной Европы, поселилась там и активно действовала, но не оставляла никаких археологически фиксируемых следов, кроме глобальных разрушений. Эти “ранние скандинавы” должны были обладать уникальной спецификой, которая заключалась бы в полном отказе от всех скандинавских и североевропейских этнокультурных признаков. Они не пользовались типичными формами скандинавского оружия, не использовали скандинавские погребальные обряды, не оставляли признаков торговой (клады, погребения с торговым инвентарём) и военно-административной (создание своих опорных пунктов, погребения воинов) активности. Нам феномен такой тотальной маскировки представляется крайне маловероятным» (Щавелев, Фетисов 2017: 314).

Попытки объяснить данную несуразицу тем, что де викинги-варяги проследовали мимо Киева к Константинополю транзитом, прямиком из Ладоги, а значит, в принципе, и не могли оставить после себя сколь-нибудь заметных следов, разбиваются о ряд существенных фактов.

В частности, исследователям хорошо известно, что «по восточноевропейским рекам не ходили корабли, способные вместить до 70 человек, как это могло быть на Балтике» (Фетисов, Щавелев 2017: 57). Причины вполне объяснимы: мелководье, наличие на реках порогов, необходимость преодолевать волоки, протяжённость которых, в ряде случаев, достигала десяти и более километров. Всерьёз же рассуждать о том, что пассионарные викинги запросто тащили по суше, пусть и при помощи специальных катков, свои драккары, можно лишь обладая большой фантазией. Да и опыт трёх научных экспедиций, в разное время пытавшихся пройти путём «из варяг в греки», служит тому наилучшим доказательством и примером. Вот, что рассказал участник скандинавской экспедиции «Holmgard», состоявшейся в 1996 г.: «Опыт показывает, что для северной части древнего пути из варяг в греки подходили только очень лёгкие суда. При этом участки в верховьях Ловати и Каспли могли быть пройдены только весной после снежных зим и за короткий период времени. И даже тогда путешественники должны были справиться с очень сильным течением и множеством порогов на реке Ловать. Фактическое месторасположение северной части древнего водного пути не ясно. Возможно, что этот участок пути использовался в зимнее время. При помощи лошадей, по льду можно было покрыть большие расстояния за достаточно короткое время» (Звягин 2009: 188. Слова П.Е. Сорокина). То есть, про драккары можно забыть. Но если крупнотоннажные корабли по русским рекам, по крайней мере, северным, не ходили, то, значит, русская эскадра состояла из более мелких судов, способных перевозить 8-15, в крайнем случае – 20 человек. Простые арифметические подсчёты показывают, что в таком случае для армии в несколько тысяч бойцов потребовались бы многие сотни моноксил-однодеревок.

Надо ли напоминать читателю о том, что чем больше в караване плавсредств, тем ниже скорость передвижения и хуже управляемость им? Кроме того, движение по воде совершенно не подразумевает, что взойдя на борт ладьи в Ладоге, дружинники Аскольда и Дира сошли на берег, только придя к Киеву или Константинополю. Экипажу, какой бы физической силой он ни обладал, даже если судно идёт по течению, всё равно требуются остановки на отдых и сон, тем более, что плыть ночью по незнакомым рекам, мягко говоря, неблагоразумно. Помимо отдыха и сна, экипажу периодически также необходимо было пополнять запасы продовольствия, а заодно делать мелкий ремонт судна, если оно получило повреждение на воде или на волоке, что случалось не так уж и редко. Словом, по пути из Ладоги к Киеву караван судов не мог не останавливаться на привалы, на месте которых должны были остаться следы пребывания многотысячной армии. Однако пока следов подобных привалов археологами в Поднепровье не обнаружено.

Рассуждения же о том, что походные лагеря скандинавов найти практически невозможно, плохо согласуются со свидетельствами археологов, пишущих о других военных отрядах и структурах. Согласно оценке В.С. Флерова, «на однодневном бивуаке военного отряда в 50-100 и более человек, а особенно многодневном, могло остаться достаточное количество битой посуды, выброшенной тары (амфор) и костей животных для того, чтобы она воспринималась при внешнем осмотре как поселение, а места кострищ могут быть приняты за следы плохо сохранившихся очагов или зольники. Мало того, здесь же могли остаться следы походной кузницы, инструменты мастеров-кожевников (ремонт упряжи) и иных» (Флеров 2011: 99). Да и тот же сезонный лагерь «гостей» найденный возле Сарского городища (Леонтьев 2012: 166), говорит не в пользу предположений о невозможности найти следы передвигающихся отрядов. Трудно поверить в то, что гипотетические скандинавы, входившие в состав многотысячной армии

Аскольда и Дира, не смогли оставить после себя следов бивуаков, а вот 50-100 кочевников или купеческий караван способны были наследить настолько, что их бивуак археологами расценивается как поселение.

Есть здесь и другой существенный момент. История умалчивает о континентальных военных походах викингов, осуществлённых ими на территории Западной Европы. Тактика набегов скандинавских пиратов иная: подойти с моря, реже с заходом в реку, напасть и уйти с награбленным. Почему же, в таком случае, для Восточной Европы норманнами было сделано исключение и откуда викинги вообще узнали о том, что из Ладоги можно добраться до Константинополя следуя по Днепру, если учесть, что «путь из варяг в греки» в тот период ещё не существовал?

Зимний вариант, предложенный П.Е. Сорокиным, действительно позволил бы существенно сократить время движения каравана. Суда, поставленные на полозья, легче тащить как по льду, так и по снегу на волоках. Вместе с тем, зимний вариант имеет и свои собственные недостатки. Драккары по замершей реке всё равно не потащишь. Использование же более мелких судов потребовало бы привлечения и значительно большего поголовья тягловых животных, которых надо было не только собрать в необходимом количестве, но и кормить, как до старта экспедиции, так и в ходе неё. Поэтому, наиболее приемлемым видится комбинированный вариант подготовки к походу, совмещающий в себе версию П.Е. Сорокина и данные Константина Багрянородного, сообщаемые в трактате «Об управлении империей». По свидетельству византийского императора, подготовка торгового каравана киевских русов к походу на Константинополь в середине X в. выглядела следующим образом: «Славяне же, их (русов – М.Ж., С.Б.) пактиоты, а именно: кривитеины, лендзанины и прочие Славинии – рубят в своих горах моноксилы во время зимы и, снарядив их, с наступлением весны, когда растает лёд, вводят в находящиеся по соседству водоёмы. Так как эти [водоёмы] впадают в реку Днепр, то и они из тамошних [мест] входят в эту самую реку и отправляются в Киову (Киев – М.Ж., С.Б.). Их вытаскивают для [оснастки] и продают росам. Росы же, купив одни эти долблёнки и разобрав свои старые моноксилы, переносят с тех на эти вёсла, уключины и прочее убранство... снаряжают их. И в июне месяце, двигаясь по реке Днепр, они спускаются в Витичев, которая является крепостью-пактиотом росов, и, собравшись там в течение двух-трёх дней, пока соединятся все моноксилы, тогда отправляются в путь и спускаются по названной реке Днепр» (Константин Багрянородный 1991: 44-47).

Проще говоря, вполне вероятно, что какая-то часть моноксил и их экипажи, или только экипажи приходили из Ладоги (или Новгорода) в Киев зимой, остальные же однодеревки, как и описано в трактате Константина Багрянородного, славяне пригоняли весной, в половодье. И уже в Киеве или Витичеве происходил процесс формирования эскадры или конвоя. Однако, при всей привлекательности данного построения, реализовать его можно было не раннее середины X в., когда сложился единый политический организм, охватывающий большую часть Восточной Европы.

К середине X в. по данным как русских летописей, так и Константина Багрянородного, Киеву подчинялась большая часть Восточной Европы. Летописи называют подчинённые киевскими князьями к этому времени славянские «племена»: словене ильменские, кривичи, поляне, древляне, северяне, радимичи, уличи, хорваты, дулебы, тиверцы, а также финно-угорские чудь и меря (ПВЛ. 1997: 74-96). Близкий перечень даёт и Константин Багрянородный, упоминая в качестве «пактиотов» русов: кривитеинов (кривичей), лендзанинов (вероятно, радимичей: Жих 2017: 47-51; 2018а: 36-53), ультинов (уличей), дервленинов/вервианов (древлян), другувитов (дреговичей), севериев (северян) (Константин Багрянородный 1991: 44-45, 50-51, 156-157). Киеву, согласно Константину Багрянородному подвластны города: Немогарда (Новгород), Милиниска (Смоленск), Телиуца (Любеч-?), Чернигога (Чернигов), Вусеград (Вышгород), Витичев (Константин Багрянородный 1991: 44-47). Говорит Константин Багрянородный и о судостроительной индустрии, работающей в Восточной Европе в интересах киевских русов.

Таким образом, если для 940-х гг., достоверного времени княжения Игоря, как византийские, так и древнерусские источники подтверждают существование в Восточной Европе огромной варяжско-славянской политии с центром в Киеве, обладавшей демографическими, материальными и организационными ресурсами для атаки на Византию, то в источниках середины IX в. на её наличие нет и намёка, ни в аутентичных греческих, ни в ретроспективных русских.

Как справедливо заметил В.Я. Петрухин, «без прочных баз в Восточной Европе, где русские дружины могли собирать ладьи для похода, кормиться и собирать дань, ни военные, ни торговые предприятия были немыслимы» (Петрухин 2001: 80). Прав он и в том, что «200 ладей, которые внезапно появились под стенами самого Царьграда 18 июня 860 г., не могли пройти из волховской в днепровскую речную систему, не опираясь на договорные отношения с местным населением – кривичами» (Петрухин 2001: 80). Но вот были ли такие отношения у скандинавов с местными славянами в середине IX в. – это большой вопрос. В.Я. Петрухин считает, что были, поскольку о договоре-ряде между варягами, с одной стороны, и словенами, кривичами и мерей, с другой, говорится в ПВЛ, однако никаких материальных подтверждений этому нет. Да и Смоленск, согласно Начальному своду и ПВЛ перешёл под власть варяжских князей только при Олеге/Игоре (ПСРЛ. III: 107; ПВЛ. 1997: 76).

Теперь давайте попробуем посмотреть на проблему с другой, более «материальной» стороны. Известно, что для строительства 200 стругов, участвовавших в рижском походе 1656 г., на Касплю, где формировалась флотилия, по указу царя Алексея Михайловича было привезено «180 плотников с Оки, 1000 рабочих из Новгородской чети и 50 кузнецов из Москвы». Этими силами «за месяц… было полностью изготовлено и спущено в Западную Двину 120 стругов, а еще 80 – “обложе-

но", но ждали подвоза смолы для окончательной отделки» (Лукошков 2011: 216). Построенные на Каспле струги имели в длину 16-35 м. и могли вмещать в себя до 50 солдат, что, в некоторой степени, соизмеримо и со скандинавскими драккарами и с русскими ладьями, упомянутыми в ПВЛ. Есть и другие показательные примеры: в строительстве одного челна запорожскими казаками принимало участие «не менее 60 человек искусных... во всех ремёслах». Сама же работа занимала около 15 дней, а «от 5 до 6 тысяч добрых... казаков... в две или три недели изготовляют около 80 или 100 лодок» (Лукошков 2011: 216). Безусловно, как среди скандинавских викингов, так и среди славян хватало мастеров-судостроителей, равно как и кузнецов. Однако, имелась ли в Восточной Европе середины IX в. полития, способная организовать труд такого количества мастеров, которое было достаточно для оснащения 200 ладей способных вместить в себя экипажи в 30-40 человек в армии Аскольда и Дира? Сомнительно.

К тому же, человеческий фактор – не единственное условие необходимое для строительства челнов и стругов, требуются ещё и материальные ресурсы. Например, для оснащения судов участвовавших в упомянутом выше походе на Ригу, на Касплю из Нижнего Новгорода через Москву было доставлено 1000 пудов смолы, а также других расходных материалов – досок, штевней, перешв, щегол и райн, пакли, гвоздей, дранки, канатов и т.д. Причём, «учитывая низкую плотность населения и низкую производительность работ, сбор этих материалов и комплектующих должен был производиться с очень больших территорий и занимал длительное время» (Лукошков 2011: 217). И это говорится о середине XVII в., что же в таком случае говорить о середине IX-го? Без сомнения, технологии изготовления и оснастка судов русов конца I тыс. н.э. существенно отличались от технологий изготовления казачьих стругов и русских ладей второй половины II тыс. н.э., но даже с поправкой на это, по мнению А.В. Лукошкова, «подготовка и торгового каравана на Царьград и, тем более, военного похода были длительным процессом, занимавшим 50-60 дней и требовавшим наличия механизма управления и координации на довольно больших пространствах. Очевидно, что каждое плавание и поход планировались и готовились заранее» (Лукошков 2011: 217). Правда, при этом Лукошков не исключает, «что уже в IX-X вв. существовала особая группа профессионалов, которые обеспечивали весь комплекс мероприятий по подготовке и проведению плавания» (Лукошков 2011: 217). В целом соглашаясь с точкой зрения исследователя, констатируем, что если в существовании на Руси X в. профессионалов, способных спланировать, а главное подготовить и оснастить флот для набега на Константинополь, сомневаться не приходится, то вот, относительно IX в., тем более, в контексте похода Аскольда и Дира на Царьград, такие сомнения есть.

В историографии существует порочная традиция рассматривать период IX-X вв. обобщённо, в результате чего на IX в. часто механически экстраполируются явления, известные по источникам X в., в результате чего собственная историческая специфика IX в. оказывается утраченной. Главной задачей исследователя должна быть историческая конкретизация каждого периода, определение присущих ему специфических черт, а не «растворение» его в более широкой эпохе, позволяющее уйти от «неудобных» вопросов.

Подведем небольшой итог. Вопреки сообщению ПВЛ, археологические исследования на сегодняшний день не только не подтвердили факт присутствия скандинавов в Среднем Поднепровье ранее X в., но и поставили под сомнение саму возможности осуществить крупномасштабный набег на Константинополь в 860 г. как из Киева, так и из Ладоги. Не дают оснований помещать нападавшую на Византию Русь в Поволховье или в Киев и византийские источники, в которых нет конкретных указаний на то, откуда пришли русы, не упоминаются имена их правителей, а известна лишь дата набега и количество пришедших под стены Царьграда судов.

Но, может быть, набег на Константинополь планировался и стартовал не из Киева или Ладоги, а из какого-то иного места? Прежде чем ответить на этот вопрос, посмотрим, что говорят источники и археология о корабельном деле русов и их флоте.

Для полноты картины рассмотрим свидетельства о морских походах Руси за период с IX по XI в. Наиболее ранним из них является «Житие святого Стефана Сурожского», в церковнославянской версии которого, датируемой XIV-XV вв., сохранился переведённый с греческого полный текст «Жития». В нём говорится о том, что вскоре после смерти Святого Стефана (ок. 787 г.), город Сурож (ныне Судак) в Крыму, архиепископом которого был Стефан, был разграблен «великой ратью» русского князя Бравлина, пришедшего из «Великого Новагорода Рускаго» (Могаричев и др. 2009: 31). Разграблен был и гроб святого, после чего у князя случился приступ непонятной болезни, которая отступила только после того, как Бравлин приказал своим воинам вернуть награбленное и крестился. В конце VIII в., когда произошли описанные события, город Новгород, если понимать под ним современный Новгород Великий, ещё не существовал. Вряд ли в то время существовало и Рюриково городище, предшественник Новгорода. Поэтому сторонниками достоверности известия «Жития» высказывается предположение, что под «Новгородом Русским» следует понимать Неаполь Скифский в Крыму, о котором, вероятно, шла речь в греческом оригинале (Neápolis) и имя которого было калькировано славянским переводчиком как «Новгород» (Васильевский 1915: CCLXXXIII; Соболевский 1929: 1; Трубачёв 1999: 88-89; Галкина 2002: 56). В «Житии» не говорится о том, каким образом русы оказались под стенами Сурожа, пришли они на кораблях, на конях или пеше. Сказано лишь, что Бравлин пришел «силенъ зѣло» (Могаричев и др. 2009: 31). Не проясняет ситуацию и армянская версия «Жития святого Стефана». В ней возглавлял нападение на Сурож (в армянском «Житии» город Сухта) «некий Пролис, из злого и неверного народа, пришедши с войском» (Могаричев и др. 2009: 65). О Руси и Новгороде в армянском варианте «Жития», как и вообще о том, откуда пришло войско Пролиса, не говорится ни слова,

и в целом события излагаются короче, чем в славянской версии. В общем, если допустить, что гроб святого действительно разграбили русы, на вопрос, откуда они пришли и как добрались до Сурожа, «Житие святого Стефана Сурожского» ответить не может. Единственная зацепка – указание на «Новгород», которое, если верна гипотеза о калькировании славянским переводчиком греческого Neápolis, указывает на проживание русов непосредственно в Крыму.

Имя вождя русов О.Н. Трубачёв (восстанавливая его греческий оригинал как *Βραβλινος, с проведением ассимиляции согласных) относил к языку местного индоарийского населения Крыма (тавров) и этимологизировал через др.-инд. pravlīna- ‘раздавленный, поверженный, свалившийся’, интерпретируя это имя как прозвище *pravlīn(a)- (Трубачёв 1999: 88-89), связанное с событиями, произошедшими с Бравлином согласно «Житию Стефана Сурожского» («Изламати бо мя хочет единъ старъ святъ моуж, притисне мя (и давить мя), и дша ми с нужею изыти хочет»: Могаричев и др. 2009: 31). Таким образом, как имя вождя русов, так и вероятное место их локализации (Неаполь в Крыму) говорят о том, что «мы здесь имеем дело с каким-то особым, местным употреблением имени “русский” в пределах Крыма» (Трубачёв 1999: 88).

Более информативно относительно морского дела русов IX в. «Житие святого Георгия Амастридского». Ряд исследователей полагает, что «Житие» составлено между 820 и 842 гг. никейским митрополитом Игнатием, соответственно, поход Руси датируется временем до 842 г. (Васильевский 1915: 1-76, III-CXLI; Левченко 1956: 45-50; Ševčenko 1977: 113-131; Литаврин 2000: 24-32)[16]. Согласно сведениям этого источника, разорение византийских владений на южном побережье Чёрного моря, включая город Амастрида, русы начали с Пропонтиды, что указывает на то, что русы пришли на кораблях, класс которых, текст «Жития», тем не менее, определить не позволяет. Относительно того, откуда пришли русы, «Житие» содержит важное косвенное указание, отмечая, что у них сохраняет силу «древнее таврическое избиение иностранцев» (Васильевский 1915: LXIV), что, как и в случае «Жития Стефана Сурожского», связывает их с регионом Тавриды.

Следующий источник, упоминающий об активности Руси на море в первой половине IX в., «Книга стран» («Китаб ал-булдан») Ахмеда ал-Йа'куби, написанная ок. 891 г. В ней арабский автор, сообщает о том, что в 844 г. на испанскую Севилью напали «маджусы, которых называют русами» (ДРЗИ. III: 38). По сей день сообщение ал-Йа'куби норманистами используется как доказательство скандинавского происхождения Руси, хотя как справедливо заметила Т.М. Калинина, известие ал-Йа'куби «до сих пор не имеет удовлетворительной интерпретации» (Калинина 2001: 190). Проблема в том, что ни один другой, доступный исследователям арабский источник, нападавших на Севилью русами не называет. В них нападавшие названы либо «маджусами», то есть язычниками, либо «ал-урдуманийун», то есть норманнами, либо «маджусами из ал-урдуманийун», что ничего не меняет, поскольку нападение на город действительно совершили норманны.

В своё время известный востоковед А.Я. Гаркави высказал предположение, что упоминание русов в дошедшем тексте ал-Йа'куби принадлежит не самому Йа'куби, а было вставлено в него переписчиками. По версии Гаркави это могли быть «Али ибн-аби Мухаммед аль-Кинди аль-Анмати (одеяльщик), списавший в 1262 г. копию Мухлинского... или автор копии, служившей для Анмати оригиналом» (Гаркави 1870: 67, 71). Но даже если пассаж принадлежит самому ал-Йа'куби, Гаркави полагал, что «это его собственная догадка» (Гаркави 1870: 70), поскольку от испанских арабов он это имя услышать не мог, ведь они не называли нападавших русами, как не называли русами себя и сами скандинавы, нападавшие на города Средиземноморья, на что прямо указывают все доступные исследователям тексты. Не исключено, что уроженец Багдада, долгое время живший в Армении и Хорасане[17], именно там впервые и услышал имя «русь», особенно если учесть, что по свидетельству Ибн Хордадбеха русские купцы уже в 40-х гг. IX в. добирались до Багдада.

Есть основания полагать, что арабы иногда путали Андалусию и Анатолию, обозначая их почти одинаковыми терминами (Нефёдова 1958: 113-115; Рыбаков 1958: 116-119). Б.А. Рыбаков отмечает: «Ибн-Хаукаль сообщает о походах на землю “Ал-Андолус” таких причерноморских народов, как русы, славяне, печенеги и тюрки (мадьяры?). Вполне естественные по отношению к черноморской Анатолии, начинавшейся сразу за Босфором, подобные походы немыслимы в том случае, если речь идет об Андалузии, т.е. Омейадской Испании, для достижения которой кочевые войска печенегов и “тюрок” должны были бы проделать путь через весь континент Европы протяженностью в 4000 км. К сожалению, востоковеды (Бартольд, Минорский и др.) упорно переводят во всех случаях “Ал-Анадолус” как Испанию. Даже в таких бесспорных случаях, когда речь идет о морских окрестностях греческих Афин (“Афинское побережье”), определяемых Босфором и Геллеспонтом с одной стороны и Анатолийским (Малоазиатским) берегом с другой, переводчики заменяют Анатолию Испанией» (Рыбаков 1982: 185).

Не соглашаясь с такой интерпретацией, В.М. Бейлис, тем не менее, констатирует, что в ряде рукописей ал-Масуди город Абидос расположенный на малоазийском берегу пролива Дарданеллы вместо Абуду назван Андалус или Абдалус (Бейлис 1961: 23-24).

Согласно Ибн Хаукалю, «часто заходят в некоторые населённые [области] Андалусии корабли русов, тюрков-печенегов и разного народа из [числа] славян и булгар, и злобствуют в её областях, но часто и уходят, потерпев неудачу» (ДРЗИ. III: 90). То есть из текста Ибн Хаукаля следует, что в «Андалусию» приходят корабли русов, печенегов, славян и булгар, а значит, она находится в пределах досягаемости всех перечисленных народов. Можно привести и другой пример из работы

16 По другим версиям пассаж о «росах» – поздняя вставка, навеянная событиями 860 г. или 941 г.

17 Историческая область, расположенная в Восточном Иране. В Хорасане ал-Йа'куби жил до 873 г.

Ибн Хаукаля, из которого следует, что Андалусия в его представлении располагалась где-то недалеко от страны славян, русов, булгар и хазар. Говоря о разгроме Хазарии Святославом в 960-е гг., арабский автор пишет, что после этого русы «отправились к стране Византия и в Андалусию» (ДРЗИ. III: 89), что естественно связать с балканскими войнами Святослава. Поскольку едва ли воины киевского князя могли отправиться в Испанию, под «Андалусией» здесь, как и в первом примере, логично следует понимать византийские владения в Малой Азии.

По словам Е.Н. Шумилова, «средневековые арабские авторы прекрасно знали о существовании Кордовского халифата и именовали почти весь Иберийский полуостров ал-Андалусом. Но два просвещенных араба X в. – ал-Масуди и ибн-Хаукаль – сообщают нам о совсем другой территории, называемой Андалус (варианты, встречающиеся в копиях рукописных текстов – Андолус, Анадолус): это приморская область, где с целью торговли и грабежа периодически бывают русы. Такие данные они приводят тогда, когда говорят о событиях, имевших место на Чёрном и Каспийском морях. Ал-Масуди, в частности, пишет, что русы “путешествуют с товарами в страну Андалус, Румию, Кустантинию и Хазар”. Из его сообщения видно, что русы плавали вдоль побережья Чёрного моря, посещая европейско-черноморское побережье Византии (Румию), Константинополь (Кустантинию), Хазарию (Хазар) и Андалус. Об этом же говорит и ибн-Хаукаль: “И только иногда приходят к ним корабли русов, тюрок, славян и печенегов… Они опустошают области ал-Андалус, а иногда возвращаются ни с чем”. Печенеги участвовали в походах, скорее всего, на судах русов. Тот же ибн-Хаукаль, говоря о печенегах, указывает, что печенеги для русов, с одной стороны, “шип”, т.е. большая проблема, а, с другой стороны, это “их сила, и они выходили раньше к Андалусу, затем – к Барзаа”. Таким образом, ибн-Хаукаль подчеркивает, что печенеги ходили вместе с русами на судах в Андалус, а затем в Каспийское море – в главный город мусульманского Кавказа (в арабских источниках Барзаа). С VII в. центральную и юго-восточную части Малой Азии, с центром в городе Аморий, занимала одна из важнейших фем (провинций) Византии – Анатолик. В VII-IX вв. она постоянно подвергалась нападениям со стороны арабов. Видимо, именно по ней арабоязычные авторы стали называть Малую Азию как ан-Натолик (у ал-Фараджа), ан-Натулус (у ибн-Хордадбеха), ал-Анадолус (у ал-Масуди), Андалус. Тогда как европейская часть Византии именовалась ими Румом (Румией)» (Шумилов 2014: 30).

В свете приведённых источников и суждений исследователей, есть основания полагать, что А.Я. Гаркави абсолютно прав в том, что упоминание русов как нападавших на Севилью, действительно, собственная догадка Йа'куби, сопоставившего известные ему сведения об активности русов, именуемых арабами также маджусами, на Каспии и в Чёрном море, и на основании этого решившего, что маджусы разграбившие Севилью в 844 г. тоже были русами, пришедшими со стороны Чёрного моря, как это позже предположил и ал-Масуди (Калинина 2001: 202-203). Следовательно, известие ал-Йа'куби вряд ли стоит использовать не только для доказательства отождествления русов с норманнами, но и для классификации их флота.

Некоторая информация о флоте русов и их локализации содержится в проповедях византийского патриарха Фотия. Начнём с флота. У Фотия суда русов названы νῆες, что обычно переводится как «корабль». Каков был размер этих кораблей, какова численность их экипажей, Фотий прямо не указывает. Большинство исследователей полагает, что это были крупные, морские суда, вмещавшие в себя от 40 до 100 человек (Кузенков 2003: 68; Цветков 2010: 19).

На то, что в 860 г. со стороны русов действовали суда именно морского класса, указывает свидетельство «Жития патриарха Игнатия», согласно которому на судах русов имелись трохантиры (ὁ τροχαντήρ πλίου) – предположительно, корабельные лебёдки для поднятия паруса (Кузенков 2003: 105). О том, что корабли русов вмещали в себя до сотни человек, говорит ал-Масуди в рассказе о набеге русов на Каспий, состоявшемся после 912 г. (ДРЗИ. III: 114).

В главе Ναυμαχικά трактата «Тактика» византийского императора Льва VI Мудрого (866-912) о судах русов говориться следующее: «Малые же или большие дромоны по качеству вражеского народа снаряжать надо. Ибо не есть одно и то же снаряжение кораблей сарацинов или [снаряжение] так называемых росов северных скифов. Ибо если сарацины кумварии используют большие и медленные, скифы же акатии малые, и лёгкие, и быстрые: поскольку через реки в Евксинское море попадают, они не могут большие суда иметь» (Щавелев 2014: 371). А.С. Щавелев трактует термин ὁ ἀκατός μικρός как «малая торговая галера» (Щавелев 2014: 371), что, по его мнению, прямо указывает на небольшие размеры этого вёсельного плавательного средства[18].

О размерах кораблей русов можно судить и из трактата Константина Багрянородного «Об управлении империей», в котором говорится о том, что преодолевая днепровские пороги, свои суда русы либо тянут волоком, либо переносят на плечах, что говорит об их небольших размерах. У Константина Багрянородного речь

18 А.С. Щавелев полагает, что слова сорок второй главы трактата «Об управлении империей» «в верховьях реки Днепр живут росы» (Константин Багрянородный 1991: 172-173) указывают на поселение Гнездово и могут относиться к началу X в. (Щавелев 2014: 369-373), однако, ни у Константина Багрянородного, ни у его предшественников, не было точной физической карты Восточной Европы, и его описания региона достаточно условны и схематичны. Так, слова императора согласно которым «приходящие из внешней Росии в Константинополь моноксилы являются одни из Немогарда, в котором сидел Сфендослав, сын Ингора, архонта Росии, а другие из крепости Милиниски, из Телиуцы, Чернигоги и из Вусеграда. Итак, все они спускаются рекою Днепр и сходятся в крепости Киоава, называемой Самватас» (Константин Багрянородный 1991: 44-45) свидетельствуют, что и Новгород, по мнению Константина, находился в бассейне Днепра. Соответственно, что именно Константин, или его более ранний источник, подразумевал под «верховьями Днепра» – вопрос открытый и совершенно не факт, что речь идёт о верховьях Днепра в точном географическом (нашем) понимании, вполне возможно, что для него «верховьями Днепра» был район Киева. Согласно древнерусским источникам Смоленск в понятие «Русской земли» не включался (Рыбаков 1982: 61).

при этом идёт об однодеревках-моноксилах (μονόξυλον) (Константин Багрянородный 1991: 44-51).

При описании византийских экспедиций на Крит 934, 935, 949 гг. упомянуты корабли росов τὸ Ῥώς καράβιον. Καράβιον, обычно, переводится как «военная галера». Это позволило А.С. Щавелеву предположить, что в IX – первой половине X в. «русь использовала какой-то свой тип гребного судна (возможно, скандинавский?), и только к середине X в. перешла на славянские “однодревки”, получаемые от “пактиотов”-славян» (Щавелев 2016: 245). Странная получается картина: в IX – начале X в., когда скандинавы археологически едва фиксируются в Восточной Европе, в своих походах на Византию из Ладоги они используют типичные скандинавские суда, а с середины X в., когда и скандинавов на Руси всё больше и больше, и Русь уже в Киеве, у норманнов наступает технологический регресс: они резко теряют навыки строительства судов морского класса и переходят на суда, купленные у славян, лишь слегка их дооснащая. Такая картина выглядит малореальной. Скорее, есть все основания полагать что Ῥώς καράβιον, это не «корабли русов», а византийские транспортные суда «на которых переправлялись подразделения наёмников» из русов (Банников, Морозов 2014: 136). Вероятно, русы, служившие в византийском флоте, действовали на кораблях греков и были, скорее всего «морской пехотой» своего времени. Да и получили они, в среднем, столько же, сколько получали экипажи императорского флота, о чём с бухгалтерской скрупулезностью написал Константин Багрянородный (Васильев 1902).

Таким образом, источники позволяют говорить о наличии у русов двух типов кораблей:

(1) Известные по произведениям Льва Мудрого и Константина Багрянородного малые акатии (ὁ ἀκατός μικρός) или моноксилы (μονόξυλον), которые они использовали для передвижения по рекам Восточной Европы и для того, чтобы выходить по ним в Чёрное море. Такие корабли имели небольшой экипаж (10-20 человек) и их можно было проводить через пороги и волоки;

(2) Известные по произведениям Фотия, «Жития Игнатия» и ал-Масуди большие корабли (νῆες) с трохантирами (ὁ τροχαντήρ πλίου), предназначенные для плавания по Чёрному или Каспийскому морю и вмещавшие большой экипаж численностью до ста человек.

Очевидно, что корабли второго типа не могли производиться в Киеве, а тем более в Ладоге, поскольку в этом случае задача их транспортировки к Чёрному морю становилась практически нереальной, ведь их надо было нести на плечах как минимум упомянутые Константином Багрянородным примерно 10 км по пересечённой местности, чтобы миновать днепровские пороги, а ведь волоки на русских реках бывали и куда протяжённее. Их надо было строить непосредственно на морском берегу. Это приводит к выводу, что база русов, атаковавших в 860 г. Константинополь, находилась, скорее всего на побережье Чёрного моря.

Опыт экспедиций, предпринятых историками и энтузиастами по маршруту «из варяг в греки», когда наиболее трудные участки пути экспедиции преодолевали при помощи военной техники, и это при том, что суда энтузиастов были меньше предполагаемых судов Руси, и уж тем более скандинавских драккаров (Звягин 2009: 182-193), показал несостоятельность многих представлений исследователей о возможности существования крупнотоннажных судов у Руси в период Рюрика, Олега и Игоря, которая реально могла располагать лишь «малыми акатиями».

Это наблюдение можно сопоставить со свидетельством Михаила Пселла (1018 – ок. 1078). В своей «Хронографии» византийский историк пишет, что во время похода Руси на Византию, состоявшегося 1043 г., флот русов состоял из «маленьких и покрупнее» (Михаил Пселл 1978: 95) челнов, которые русы «нарубили где-то в глубине своей страны» (Михаил Пселл 1978: 95). По словам Михаила Пселла, русы запросили выкуп: «по тысяче статиров на судно» (Михаил Пселл 1978: 95). Под статиром у Пселла, как указано в комментариях, следует понимать византийскую номисму (примерно 1/72 золотого фунта).

По словам Скилицы, русы потребовали выплатить по три литры золота на каждого воина (Михаил Пселл 1978: 281). Вес византийской золотой литры 320 гр. и она равнялась 72 номисмам. С учетом приведённых цифр выкупа простой арифметический расчёт показывает, что экипаж русского корабля составлял 5 человек: в 1 литре 72 номисмы, следовательно греки должны были заплатить русам по 216 номисм на воина; как утверждает Михаил Пселл на каждый корабль русов греки должны были отдать по 1000 статир (номисм). Разделив 1000 на 216 получаем количество воинов на корабле, которое равняется 4,6 чел. Округлив, следуя данным Пселла, корабль русов вмещал пять человек. Если принимать во внимание свидетельство Михаила Атталита (ок. 1030 – ок. 1085), утверждавшего, что флот русов, нападавший на Византию в 1043 г., включал в себя 400 судов (Бибиков 2004: 92), то округлённо получается, что на одном судне находилось 6 воинов, а вся армия Руси состояла из 2220 воинов, что вполне реально для XI в. Как видим, и в середине XI в. киевские русы располагали лишь небольшими кораблями, видимо, аналогичными тем «малым акатиям», о которых говорил в начале X в. Лев Мудрый.

Таким образом, опираясь на византийские источники, говорящие о киевских русах, говорить о том, что у них были вместительные, на 40-100 человек суда, не приходится.

Если же в IX – начале X в. у русов, действительно, были суда морского класса, о чём говорят Фотий и ал-Масуди, и на что указывает свидетельство «Жития патриарха Игнатия» о трохантирах на русских кораблях, то эти русы явно приходили в Византию и на Каспий не из Поднепровья.

Теперь давайте посмотрим, что говорит о судах Руси археология. Раскопки в Ладоге подтвердили предположение исследователей о том, что уже в 30-50-х гг. IX в. поселение служило портом для приходивших в устье Волхова крупнотоннажных килевых, с клинкерной обшивкой судов, построенных в скандинавской традиции. Найдены в Ладоге и суда барочного и барочно-ладейного типа с гладкой обшивкой. То есть, теоретически, суда

вместимостью от 40 до 100 человек в Ладоге 860 г. могли быть. Проблема заключается в другом: могли ли эти суда преодолеть путь от Ладоги до Византии по рекам Восточной Европы и главное, преодолеть пороги на реках и волоки между ними? Одни авторы полагают, что от Ладоги к Новгороду и далее, по Днепру, Волге, Дону и соединяющим их рекам к арабам и в Византию ходили лишь прибывавшие из Швеции лёгкие и узкие суда длиной 12-16 м. По мнению других исследователей, крупнотоннажные суда доходили лишь до Ладоги, где заморские товары и воины перегружались на более мелкие. В пользу данного предположения приводятся известия более поздних источников, подробно описывающих способы преодоления Волховских порогов и тяготы купцов, которые те испытывали, доставляя товары из Ладоги в Новгород. Третьи исследователи, опираясь, в том числе и на скандинавские саги, убеждены в том, что морские суда скандинавы оставляли в Ладоге, а сообщение между Новгородом и Ладогой в этот период осуществлялось только по суше (подробнее см.: Сорокин 1997: 42-57).

Причина столь значительных расхождений во взглядах на проблему среди специалистов кроется в отсутствии более ранних источников, способных прояснить ситуацию с судоходством по русским рекам в рассматриваемый период; скудном археологическом материале, не позволяющем установить размеры и грузоподъемность судов Руси в IX-X вв.; неоднозначная трактовка климатических и навигационных условий восточноевропейских рек в рассматриваемое время. П.Е. Сорокин, в частности, полагает, что уровень воды в Волхове в VIII-IX вв. был значительно выше, чем в X-XI вв., да и современного (Сорокин 1997: 49). Согласны с точкой зрения П.Е. Сорокина и другие авторы (Шитов и др. 2005: 3-16), с единственной оговоркой: «Более высокий на 2-3 м[19] уровень воды мог углубить фарватер только в самой нижней части Гостинопольских порогов. Как это могло сказаться на экономике средневековой торговли – вопрос будущих междисциплинарных исследований» (Шитов и др. 2005: 16). Иначе на проблему смотрит И.И. Еремеев, утверждающий что «специальные исследования в Ильмень-Волховской пойме показали, что уровень воды в области истока Волхова в VII-IX вв. был значительно ниже уровня X-XI вв. и современного» (Еремеев 2019: 83).

Кто из процитированных авторов прав, судить не берёмся, но в любом случае, практически невероятно, чтобы скандинавские драккары могли свободно передвигаться по рекам Восточной Европы от Ладоги до Чёрного моря. А.А. Фетисов констатирует: «По рекам Восточной Европы, несмотря на распространенное мнение, никогда не ходили знаменитые большие драккары с драконьими головами. Они просто не смогли бы преодолеть большинство порожистых и мелководных участков всех тех рек, которые должны были привести торговцев и воинов с Балтики в Чёрное или Каспийское моря – земли Византии и арабского Халифата» (Фетисов 2019: 56). В пользу этого говорит отсутствие находок крупнотоннажных, сделанных на клинкерной основе, судов в Поднепровье, включая наиболее значимые для древнерусской истории поселения и городища, такие как Гнёздово и Киев. По мнению Фетисова, для движения по восточноевропейским рекам использовались более мелкие суда длиной 6-12 м, экипажи которых могли достигать 11 человек (Фетисов 2019: 56). Суда эти, по данным археологов, были моноксилами (Мурашёва 2017: 728; Сорокин 2018: 67), то есть лодками-однодеревками с наращенными бортами, а не драккарами. Наиболее крупные моноксилы из найденных могли вмещать в себя до 15 человек, значительный груз и совершать плавание как по рекам, так и по морю (Шаповалов 1991: 174-179; Журавлёва, Чубур 2010: 25-39).

Итак, если русы, атаковавшие Константинополь в 860 г. проживали во внутренних районах Восточной Европы, то предпринять свой поход они могли только на малых судах, подобных тем, которые описаны источниками применительно к походу 1043 г. Если же они действовали на крупнотоннажных морских судах, то их базовая территория должна располагаться где-то на черноморских берегах.

Есть и другие моменты, ставящие под сомнение возможность осуществления похода на Константинополь из Среднего Поднепровья, а тем более из Ладоги. Рассмотрим их. Выше уже отмечалось, что в настоящее время археологический материал северо-запада Восточной Европы не позволяет говорить о каких-либо прямых политических и экономических контактах данной территории с Византией ранее X в. Исходя из этого, трудно представить, что жившие в немноголюдной Ладоге скандинавы и примкнувшие к ним местные жители предприняли довольно сложный для воплощения поход, требующий не только серьёзной материальной подготовки, значительных физических усилий, но и хорошей логистики маршрута. Ещё труднее представить, что вообще могло подтолкнуть ладожан к осуществлению такого похода, особенно если учесть, что круг их экономических интересов ориентировался на Восток, а не на Византию. Захотелось пограбить? Но для того, чтобы осаждать Константинополь, нужны не только безумство и храбрость, но и значительный воинский контингент, которым как уже говорилось выше, северо-запад Восточной Европы в середине IX в. не обладал, нужны средства доставки, попросту – суда достаточной вместимости, хотя бы на 30-40 человек, как об этом пишет летописец. Но находок таких судов или их остатков, как уже было указано, археологи пока также не знают. Максимум, чем они располагают, относительно небольшие лодки-долблёнки вместимостью до 15-16 человек. Да и те, судя по всему, были сделаны не в скандинавской традиции, что было бы ожидаемо, если бы русы были норманнами.

Население Константинополя в середине IX в. превышало 300 тыс. человек. Даже если армия русов составляла восемь тысяч человек, едва ли она могла представлять серьёзную угрозу для такого города в обычной ситуации, если только не вспомнить об одном весьма важном обстоятельстве: русская флотилия пришла под стены Царьграда в аккурат после того как византий-

19 А именно на столько по мнению авторов работы уровень воды в Волхове превышал современный в VIII-IX вв.

ские армия и флот, возглавляемые императором Михаилом III (842-867), покинули столицу империи отправляясь на очередную войну с арабами. В городе остался гарнизон из ветеранов возглавляемый префектом Никитой Оорифом.

Часть историков полагает, что это не более чем случайное совпадение. Повезло русам, не более того. Такое везение выглядит странным, поэтому другая часть исследователей высказывает предположение, что об уходе византийской армии из столицы русам донесла хорошо поставленная разведка (Сахаров 1980: 53-54). Но в этом случае встаёт другая существенная проблема: в средние века сообщения передавались гонцами, которые передвигались пеше, верхом, на лодках или иных судах. Как уже говорилось выше, путь из Ладоги в Константинополь занимал не менее двух месяцев, из Киева месяц или чуть больше[20]. Даже если допустить, что гонец передвигался быстрее, чем обычный купеческий караван или военный конвой, всё равно для доставки информации по назначению требовалось значительное время, а с поправкой на сборы и формирование армады судов из 200 кораблей и воинского контингента к ним, можно предположить, для того, чтобы русы оказались под стенами Константинополя 18 июня 860 г., информатор русов должен был отправить гонца на Русь как минимум зимой, а то и осенью 859 г., что, согласитесь, не реально.

Поэтому логично допустить, что напавшая на Константинополь Русь находилось значительно ближе к границам Византии, чем Киев, а тем более Ладога. Также существует предположение, что «спонсорами» похода, или точнее, подстрекателями, могли выступить арабы, стремившиеся таким незатейливым способом помешать планам византийского императора, сорвать, либо отсрочить его поход (Цветков 2010: 39-50).

В наших предыдущих работах была приведена новая аргументация в пользу ранее обоснованной рядом учёных (Иловайский 2015: 46-80; Вернадский 1996: 270-293; Березовец 1970: 59-74; Седов 1998: 3-15; 1999: 50-82; 2002: 255-295; Галкина 2002; 2012) гипотезы об аланском происхождении Руси и локализации известного по источникам IX в. Русского каганата в Подонье, его тождественности с салтово-маяцкой (далее СМК) и волынцевской археологическими культурами (Жих 2018: 176-245; 2020: 210-245; Беззаконов, Жих 2021: 9-58).

Есть основания связывать с аланским Русским каганатом и такую, без преувеличения, беспрецедентную акцию как поход на Константинополь. В отличие от таких посёлков как Ладога или Киева середины IX в., которые превращаются в центры как-то значимых политий лишь в воображении некоторых авторов, СМК реально располагала всеми необходимыми материальными, демографическими, военными и организационными ресурсами для осуществления подобной военной акции.

Военный потенциал СМК по оценке А.А. Тортики «находился в пределах тьмы и мог составлять от 5 до 15 тыс. человек» (Тортика 2007: 267-273), то есть выставить армию в несколько тысяч бойцов для населения Подонья и Подонцовья было вполне реально. Но как быть с флотом? В арабских и византийских источниках русы характеризуются как мореходы или, по крайней мере, народ которому было знакомо судоходство, что, по мнению некоторых исследователей, как будто «было совершенно не свойственным для носителей салтовской культуры – алан и болгар» (Никон 1989: 35). Но так ли это очевидно, как традиционно считается?

Жившие в Северном Причерноморье ираноязычные народы с древности были знакомы с судоходством и корабельным делом. По свидетельству Диона Кассия, условия договора, заключенного в правление Марка Аврелия (161-180) между римлянами и сарматским «племенем» языгов включали в себя запрет судам языгов плавать по Дунаю, а им самим – занимать острова на этой реке (Dio Cass. LXXII, 19, 2; Дион Кассий 2011: 181); о переправах сарматов на ладьях через Дунай говорится у Аммиана Марцеллина (Amm. XVII, 13, 15-17, 27; Аммиан Марцеллин 2000: 139-140, 141) и у Зосима (Zosim. II, 21, 1-3; Зосим 2010: 110).

На основе анализа античных источников А.К. Нефёдкин приходит к выводу, что «некоторые племена сарматов занимались морским разбоем, что в общем не вяжется с нашим представлением о них как о кочевниках» (Нефёдкин 2011: 102-103).

Накопленные к настоящему времени археологические материалы говорят о том, что судоходство и корабельное дело у салтовцев было развито: на ряде салтовских городищ археологами открыты остатки пристаней. «Коробовы Хутора (32) – городище с каменной цитаделью и двумя дополнительными грунтовыми линиями обороны на возвышенности правого берега Донца. Вплотную к нему обширное селище площадью ≈30 га, прослеживаются древние грунтовые дороги, искусственное изменение рельефа и пристань»; «Сидорово (39) – на высоком коренном берегу Донца. Имеет наибольшую площадь из известных салтовских (17,9 га), сопровождается наибольшим из известных селищ (≈120 га). Рядом находится Татьяновское городище с пристанью»; «Мохнач (31) – мысовое городище на правом берегу Донца с камерной двухпанцирной цитаделью и грунтовыми укреплениями по периметру… Близ комплекса в реке найдена целая таманская раннесредневековая амфора, что свидетельствует об использовании Донца как торговой артерии в хазарское время» (Колода 2009: 38).

Раз были пристани, значит, были и суда, которые к ним причаливали. Само существование Донского торгового пути, не вызывающее сомнений, подразумевает, что по Дону и Донцу ходили купеческие караваны. «Находки древних судов и их снаряжения… на территории Верхнего и Среднего Дона – не такая уж большая редкость» (Золотарев 2005: 81).

Здесь, однако, хотелось бы ещё раз обратить внимание на проблемы связанные с функционированием речных путей. К сожалению, в трудах по истории Древней Руси, исследователи часто довольно однобоко и упрощённо освещают эту весьма не простую тему, в то время как в реальности, скажем, преодоление волоков – дело,

20 По подсчетам Н.Н. Воронина путь от Киева до Константинополя у купеческого каравана занимал 35-40 дней, при особо благоприятных условиях – 25 дней (Воронин 1948: 286).

отнюдь не лёгкое, требующее специальных навыков и соответствующих инфраструктур. В Приильменье в древнерусский период товары с крупнотоннажных морских судов, приходивших в Ладогу с Балтики, перегружались на новгородские плоскодонные речные челны, доставлявшие груз как к Новгороду, так и в другие регионы Руси. Для этих целей у новгородцев как минимум с XII в. существовали специальные артели, имевшие навыки и опыт в преодолении Волховских порогов и знавшие условия навигации по реке.

Есть все основания полагать, что в Подонье и Подонцовье ситуация складывалась аналогичным образом. Из византийских и итальянских источников известно, что прибывавшие из стран Средиземноморья путешественники и купцы в устье Дона пересаживались с морских судов на речные и поднимались вверх по Дону до волго-донского волока, где их пути разделялись. Кто-то отправлялся дальше по реке, к городищам СМК (пока они существовали), в земли славян, откуда начинался сухопутный путь на Оку, к верхней Волге. Кто-то, преодолев волго-донской волок, по Волге поднимался до Булгара или наоборот опускался к Каспийскому морю.

Опираясь на сохранившиеся свидетельства способов перетягивания судов с Волги на Дон и обратно в XVII-XVIII вв., можно составить некоторые представления о том, как этот процесс происходил и в более ранние времена. Корабли грузоподъемностью 30-80 т. в XVII в. по волоку перетаскивались целиком. Для этого под их корпус подводились и крепились дубовые колеса диаметром в 1,5 метра[21]. Наружу вводилась специальная упряжь, к которой пристегивалось от 10 до 50 пар волов. Обычно путь в 60 км[22] такой караван преодолевал за пять дней. Более крупные суда разбирались на части и уже после доставки к Дону собирались заново. Безусловно, в раннем средневековье курсирующие по Дону, Донцу, да и Волге суда были значительно меньше. Ал-Масуди утверждает, что между хазарами и булгарами, т.е. по Волге, ходят суда, среди которых встречаются как маленькие челны (заурак), так и большие торговые корабли (суфун) (Минорский 1963: 195-196). При этом, правда, ал-Масуди пишет: «Хазарский царь не имел (морских) судов (маркаб), и его люди не умели обращаться с ними; не будь этого, мусульманам от него было бы больше бед» (Минорский 1963: 200), что стало основанием для некоторых исследователей усомниться в наличии у хазар флота как такового.

Военного флота, способного противостоять арабскому на море, у хазар, скорее всего, действительно не было. Но его, судя по описаниям греков, не было и у киевских русов. Даже если грузоподъёмность торговых кораблей ходивших по Дону и Северскому Донцу в IX в. была значительно меньше, чем у судов более поздних веков, сложность преодоления волоков, в том числе и волго-донского, от этого не снижалась, а значит, нет никаких сомнений, что для обслуживания волоков даже в IX в. требовались определенные инфраструктуры, в обязанности которых входила транспортировка судов, обеспечение караванов тягловыми животными, продуктами, охраной на время движения по суше. Видимо, все эти функции, на паритетных началах и за определённую плату выполняли местные жители, среди которых были кузнецы, плотники, и, скорее всего, корабелы. То же самое можно предположить и касательно населения салтовских городищ и крепостей, многие из которых, по мнению С.А. Плетнёвой, помимо охранных и пограничных функций служили караван-сараями для купцов.

На активное использование в интересующий нас период волго-донского волока указывает то обстоятельство, что арабские авторы, в частности, ал-Масуди, считали Дон притоком Волги (Минорский 1963: 192-193, 196, 198). Видимо, арабы знали о волго-донском торговом пути и принимали его за единую водную систему.

В состав Русского каганата входили и славяне Днепровского Левобережья, ареал которых очерчен памятниками волынцевского типа (Седов 1998: 3-14; 1999: 50-82; 2002: 255-295; Галкина 2002: 275-285, 309-328; 2012: 294-300; Жих 2020: 223-225; Беззаконов, Жих 2021: 16, 22, 41-44). О навыках славян в деле постройки судов и их боевого использования свидетельствует ряд источников. Феофилакт Симокатта (VII в.) рассказывает о том, как в конце VI в. аварский «хаган потребовал от кесаря (византийского императора – М.Ж., С.Б.) увеличения выплат по договору. Когда же автократор не обратил на речи варвара ни малейшего внимания, тот немедленно начал войну. И вот хаган приказал славянам построить множество челнов, чтобы сделать Истр (Дунай – М.Ж., С.Б.) послушным себе [для переправы]» (Свод II: 17). В ходе осады Константинополя в 626 г. для боевых действий на море авары использовали славянские ладьи (Свод II: 66-71, 76-79, 84-89, 224-227, 272-273). Для киевских русов середины X в., как сообщает византийский император Константин Багрянородный, ладьи также изготавливали славяне (Константин Багрянородный 1991: 44-45). Соответственно, салтовские аланы-русы также могли использовать судостроительные навыки славян, а славянские воины, на равных правах с остальными населявшими Подонье и Подонцовье народами, могли участвовать в походе на Константинополь. Не лишним здесь было бы вспомнить и о том, что именно на Дону, в Воронеже, Пётр I строил военно-морской флот для действий на Азовском и Чёрном морях, а заодно и о том, что донские казаки всегда слыли как лихими наездниками, так и великолепными мореходами.

В пользу донской локализации нападавших на Константинополь русов, пусть косвенно, говорит и очевидец событий, константинопольский патриарх Фотий, отмечавший, что русы народ кочевой и что их страна отделена от Византии «столькими землями и племенными владениями, судоходными реками и морями без пристаней» (Кузенков 2003: 35). Подонье и Подонцовье, где, на наш взгляд, и располагался Русский каганат, в полной мере подходит под приведённое описание.

О том, что русы, совершившие в 860 г. поход на Константинополь, а затем принявшие крещение, были именно русами, которыми правил хакан, удосто-

21 На колёсах от Рязани до верховьев Дона перемещались и корабли митрополита Пимена, «ходившего» из Москвы в Константинополь в 1389 г.

22 Расстояние между Волгой и Доном в самом узком месте.

веряет источник, который исследователи часто не учитывают в силу его формально позднего происхождения (ср.: Сахаров 1980: 48-58). Речь идёт о сохранившейся в древнерусском переводе «Молитве по акафисте и каноне к Пресвятой Богородице» константинопольского патриарха Филофея Кокина (1353-1376, с перерывом), где он, вспоминая поход русов 860 г. и характеризуя помощь Богородины, которая согласно византийской традиции спасла город, указывает, что Она «спасла еси царствующий град от скифского воеводы, свирепого вепря онаго прегордаго кагана» (Акафисты различны. Почаев, 1776. С. 20).

В.В. Кожинов справедливо отмечает, что «текст убеждает, что патриарх Филофей основывался на неизвестном нам источнике, относящемся ко времени самого этого столь давнего события. Ведь в XIV в. никто уже не помнил о “кагане” и не мог называть русских “скифами”, а их предводителя – “воеводой” этого самого “кагана”… “реалии” Филофеевой молитвы ясно говорят о том, что ее сведения восходят к источнику пятисотлетней давности», а сама молитва могла быть составлена «в 1360 г., то есть к 500-летней годовщине нападения Руси на Константинополь» (Кожинов 2001: 224).

Следует обратить внимание и на ещё один принципиально важный момент. Если никаких подтверждений распространения христианства в Среднем Поднепровье или в Ладожско-Ильменском регионе, а там более существования там в середине IX в. церковной епархии, не существует, то с СМК дело обстоит совершенно иначе.

Вопреки утверждениям археологов, относящих СМК к государственной культуре Хазарского каганата, на салтовских памятниках «пока не найдено ни одного предмета иудейского культа» (Аксёнов 2013: 15). Иначе обстоит дело с фиксируемыми археологически следами распространения христианства. По словам В.С. Аксёнова «вытянутое положение женских костяков, учитывая присутствие среди погребального инвентаря женщин и детей Верхне-Салтовского могильника символов христианской веры, вероятно, следует объяснять влиянием христианства на погребальный обряд аланского населения данной общины. Немногочисленные находки символов христианской веры в захоронениях Верхнего Салтова этому не противоречат, ибо в эпоху раннего средневековья крест не все индивиды носили в повседневном костюме и не всегда клали крест в погребения. Поэтому крест из катакомбы № 99, как и другие крестовидные подвески из салтовских захоронений Подонья, следует рассматривать как свидетельство распространения христианства среди части аланского населения Северо-Западной Хазарии» (Аксёнов 2010: 363). При этом, считает археолог «как и в древнерусском обществе IX-X вв., христианская религия, по-видимому, получила первоначальное распространение среди социальной и воинской верхушки аланского общества Подонцовья» (Аксёнов 2010: 363). Но не только среди социальной верхушки, ибо в следующей своей работе археолог вполне допускает знакомство с христианской религией и «рядового салтово-маяцкого населения бассейна Северского Донца во второй половине VIII-IX вв.» (Аксёнов 2013: 19), что для нас принципиально важно, поскольку наилучшим образом характеризует степень проникновения христианства в салтовскую среду.

Находки погребений выполненных с соблюдением христианских традиций, а тем более культовых предметов, таких как нательные кресты, служат наилучшим доказательством обращения в христианство какой-то части населения СМК. Имеются и христианские культовые сооружения и храмы, построенные в IX в. и даже в VIII в. на Среднем Дону, имеющие непосредственное отношение к салтовцам. Речь идет о Маяцком городище, точнее его подземных святынях (Большие и Малые Дивы), которые еще А.А. Спицын рассматривал как «”монастырёк-погост”, обслуживавший в качестве погребального христианского центра значительную округу», куда православные аланы и булгары «свозили для погребения… членов своих семей и общин» (Шевченко 2011: 276).

Есть, таким образом, некоторые основания считать Маяцкое городище с прилегающей к нему белокаменной крепостью вполне подходящим местом для локализации религиозного центра Росской епархии. Особенно если учесть использование населением крепости соответствующих имён, что подтверждается обнаруженной в 1981 г. С.А. Плетнёвой надписью с именем «Иоанн» на одном из каменных блоков цитадели.

При этом Маяцкое городище – не единственное место в Подонье и Подонцовье, где обнаружены христианские культовые сооружения IX в. Ю.Ю. Шевченко, в частности, указывает на возможную связь с салтовской культурой и пещерного монастыря в Холках, где «могильник находится внутри крепостных укреплений городища, как это бывает только на погостах храмов внутри монастырских стен (укреплений). А погребения, сгруппированные на восточном мысу городища, – это ориентированные по оси восток-запад костяки – останки, положенные по требованиям христианского погребального обряда» (Шевченко 2011: 277).

На территории Подонья и Подонцовья известны и другие места, где в рассматриваемый нами период проживали христианские общины и где исследованы раннесредневековые пещерные комплексы, имеющие ранние литургические устройства. И хотя многие из них напрямую не связаны с населением СМК, принципиально другое: христианство, проникая на Дон и Северский Донец в VII-VIII вв., тем самым создало предпосылки для крещения русов Русского каганата задолго до их похода на Константинополь в 860 г. Набег лишь стал катализатором, ускорившим процесс обращения в христианство части дружины и знати.

Как видим, основания, в том числе и археологические, связывать «Фотиево крещение Руси» с Подоньем и Подонцовьем имеются. Показательно и то, что в списке епархий Константинопольского патриархата Росская митрополия соседствует с Аланской. Оснований помещать напавшую на Константинополь в 860 г., а затем крестившуюся Русь в Подонье и Подонцовье существенно больше, чем оснований помещать её в Киев или в Ладогу.

Посвятивший специальное исследование походу Руси 860 г. С.В. Цветков, также полагал, что вероятность

того, что к стенам Царьграда русы пришли из Киева по Днепру крайне низка (Цветков 2010: 54, 58) ввиду того, что такой поход вряд ли бы остался для византийцев незамеченным: в 941 и 944 гг. о приближении русов византийскому императору доложили болгары и херсонесцы (ПВЛ. 1997: 94, 96). Нечто подобное, по мнению Цветкова, должно было произойти и в 860 г., но, как свидетельствует Фотий, русы пришли к Константинополю неожиданно. Скрытно, считает историк, русы могли подойти к берегам Византии только спустившись по Дону (Цветков 2010: 51-55), с чем трудно не согласиться.

Из еврейско-хазарской переписки известно, что время плаванья по морю между Константинополем и Хазарией занимало 15 дней (Цветков 2010: 54). Правда не совсем понятно, отправной точкой в Хазарии был Итиль или Керченский пролив (и шире – Крым)[23]. Но это, в общем-то, не принципиально, ибо очевидно, что с Дона к Константинополю можно было попасть гораздо быстрее и незаметнее, чем из Киева по Днепру. С.В. Цветков полагал, что русы, выведя по Дону свой флот в море, ждали известия от арабов об уходе византийской армии из столицы «в дельте Кубани, сосредоточив там собранный со всей территории Русского каганата флот и войска и, получив известие от них, в первых числах июля направились к Константинополю» (Цветков 2010: 58).

Версия интересная, но возможно и то, что поход Руси на Константинополь был совершён из Крыма.

Считается, что в середине IX в. Крым был «поделён» между Византией и Хазарией, и влияние этих государств было на полуострове определяющим, а значит русы не могли осуществить поход на Константинополь с полуострова, оставшись незамеченными византийцами. Но так ли это на самом деле? Взаимоотношения между хазарами и византийцами в Крыму на протяжении всей своей истории были довольно сложными, дрейфуя от открытого противостояния к обоюдовыгодной торговле и совместным проектам, к числу которых в полной мере можно отнести строительство крепости Саркел на нижнем Дону, осуществленное по просьбе хазарских кагана и бека византийскими мастерами в 830-е гг. Вторжение в Причерноморье в середине 30-х гг. IX в. венгров коренным образом изменило расстановку сил. Византийский император Феофил (829-842), пользуясь сложившейся обстановкой, попытался восстановить византийское влияние в Крымской Готии и на ряде других территорий полуострова, но ему это не удалось: нападение венгров на поселения Готии заставили византийцев в середине IX в. уйти из региона (Айбабин 1999: 227), вследствие чего там наступил хаос. На принадлежавшие Византии города Крыма венгры, хазары и прочие «варвары» совершали опустошительные набеги, о чем говориться как в «Житии святого Кирилла», так и в трудах его современников. В частности, в письме епископу города Веллетри в Италии Анастасий Библиотекарь (815-879) рассказывает об окрестностях Херсона: «место опустело и сделалось необитаемым, храм разрушился, и вся та часть Херсонской области была почти покинута, так что видно было, что епископ Херсона с очень немногочисленным народонаселением оставался внутри того города, да и те казалось были скорее жители тюрьмы, чем города, из которого не смели выходить» (Айбабин 1999: 221).

Исследователи также обращают внимание на тот факт, что стратиги Херсонеса, по чину протоспафарии «не всегда титулуются императорскими, т.е. иногда не состоят и в разряде oi basilikoi (“царевы мужи”)». Всё это позволяет сделать предположение, что в 860 г. «фема была невелика или, лучше сказать, весьма скоро после её организации стала невелика, сохраняла отчасти унаследованный от городского совета архонтата управленческий, должностной аппарат (примером чему могут быть кир, “отец города” и экдик, в том числе как ek prosopou стратига), и её глава, повелевавший этим аппаратом, очевидно, не нуждался в постоянном полном штабном штате. Временами, как это было в июне 860 г., когда город находился в трудном положении из-за враждебного прессинга “толп язычников”, “многих нападений варваров”, здесь вообще могло наступить безвластие; во всяком случае, отсутствие на какой-то момент стратига – единственное логичное объяснение, почему херсониты не выполнили свою обычную обязанность, заранее не предупредили имперское правительство о морском походе на Константинополь “превосходящего всех жестокостью и склонностью к убийствам” “народа рос”» (Могаричев, Сазанов, Сорочан 2017: 234).

Могли ли русы воспользоваться ситуацией и совершить набег на Византию из Крыма? Вполне. Более того, именно в Крыму они как раз и могли «разжиться» крупнотоннажными судами, способными доставить их под стены Константинополя. Точно также как за несколько веков до этого судами Боспорского царства в своих набегах на Римскую империю пользовались готы, герулы, скифы и сарматы. В наличии таких судов у населения Крыма сомневаться не приходится. По утверждению А.И. Айбабина в Херсоне корабли начали строить ещё в V в. (Айбабин 2016: 186-209), и уже тогда были изданы постановления о наказании жителей Херсонеса «передавших варварам секреты кораблестроения». Исследователи полагают, что именно здесь между 834-840 гг. были построены лёгкие гребные суда для экспедиции Петроны Каматира, по просьбе хазар построившего Саркел (Крым 2003: 66). Порты имелись и в ряде других крымских городов, находившихся под протекторатом сначала Римской, а затем и Византийской империи. С приходом в Крым хазар портовые города Боспора и Фанагории перешли в их подчинение, что позволило хазарам установить контроль над Боспорским проливом – важнейшим участком пути из Византии в Приазовье и далее в Азию.

Показательно, что после строительства Саркела спафарокандидат Петрона Каматир рекомендует византийскому императору Феофилу не доверять хер-

23 Ряд исследователей полагает, что сообщение между Византийской империей и Херсоном осуществлялось по двум черноморским маршрутам. Кратчайший, по прямой линии, использовался в торговых и военных целях с античных времен. Для торгового тихоходного судна при благоприятной погоде путь длился около 10-11 дней. Другой вариант морского сообщения – вдоль западного и северо-западного побережья. Для конца XIV в. средняя продолжительность его (от Константинополя до Кафы) составляла 13 дней (Романчук 2008: 134).

сонесским протевонам и архонтам, стоявшим во главе города, которые являлись силой способной выразить несогласие с волей императора. Феофил прислушался к мнению чиновника и назначил его стратигом Херсонеса, приказав «тогдашнему протевону и всем [прочим] повиноваться ему» (Константин Багрянородный 1991: 172-173). В тоже время, из предписания императора следовало, что в случае мятежа «стратиг должен удалиться из города, торговые суда херсонитов, находящиеся в пределах фем южного побережья Чёрного моря, должны быть арестованы» (Романчук 2008: 224).

Напомним, что строительство Саркела и вступление Петроны в должность стратига Херсонеса датируется промежутком между 834-841 гг. Вместе с тем, как показывают «Табели о рангах», где перечислены чиновники Византии, местные представители муниципальной власти сохраняли своё влияние до времени, когда исчезают печати архонтов Херсона, то есть до 70-х гг. IX в. (Романчук 2008: 224).

Всё это необходимо учитывать при анализе ситуации в Крыму в 860 г., в том числе и в контексте сообщения патриарха Фотия о том, что набег русов был неожидан, равно как и в контексте вопроса, где русы могли произвести (или приобрести) крупнотоннажные морские суда, которых они попросту не могли иметь, обитая в глубине Восточной Европы.

Как мы уже знаем, в представлении византийцев Причерноморье и Крым, как раз и были тем самым гиперборейским севером, откуда должен был прийти мифический народ («гроза гиперборейская» у Фотия). Показательно и другое. М.В. Бибиков подчеркивает, что в представлениях византийских авторов «авасги и аланы и саки и даки, росы и савроматы, как и “собственно скифы”, и всякий народ, овеваемый дуновением Борея, называются общо скифами» (Бибиков 2017: 32). Причем, отмечает он, к скифской общности росов византийцы начали причислять уже в IX в. Исходя из этого, основания утверждать, что поход росов на Константинополь мог состояться из Крыма, значительно увеличиваются.

Близкой точки зрения придерживался ряд исследователей. Так, например, известный российский византинист В.Г. Васильевский, изучая византийские источники, пришёл к выводу, что родина росов нападавших на византийские владения – «северные берега Чёрного моря» (Васильевский 1915: I-CCLXXXVIII). И были эти росы, по мнению ученого, тавроскифами, в коих Василевский видел готов, валаноготов, готалан, обитавших в Крыму с античных времен: «в первой половине IX в. существовало несколько пунктов, к которым прикреплялось сначала греческое название Тавроскифы, а затем в том же столетии распространившееся имя Руси, не устранившее первого, более литературного, а служившее для него параллельным выражением, отчасти переводным. В самых звуках слова Тавроскифы есть элементы из которых в народном греческом языке, столь склонном к усечениям, могло выработаться название Рось... Какой из трёх центров – таврический, прднепровский или тмутараканский – был точкою отправления на Амастриду и Сурож, решить довольно трудно» (Васильевский 1915: CCLXXXII-CCLXXXIV).

Д.Л. Талис, а вслед за ним иеродиакон Никон, обратили внимание на средневековые крымские топонимы, указывающие на присутствие здесь росов или русов. По словам Д.Л. Талиса, они представляют собой «демотическую топонимику, скрытую от нас отсутствием источников» (Талис 1973: 230). В частности, на ряде каталонских и итальянских карт XIII в. Дон именуется Fiume Rossa, а на его левом берегу обозначена якорная стоянка casale de li Rossi, которую Никон отождествляет со средневековым поселением, найденным археологами возле хутора Рогожкино. Не исключает исследователь, что именно это поселение под именем Русия было известно арабам в IX-X вв., а как Росия (Ρωσία) упоминается в византийских хрисовулах XII в. Обращает внимание Никон ещё и на то, что среди археологического материала, найденного на могильнике поселения, встречаются нательные кресты византийского типа, которые могут быть датированы IX в., т.е. тем самым периодом, когда Фотием (или Игнатием) была крещена Русь. На всё тех же итальянских картах XIII в. западное побережье полуострова, ныне известное как Тендерская (Тендровская) коса, именуется Rossa. Весьма символично то, что в античный период эта коса называлась Ахилловым бегом (Αχιλλειοζ δρομοζ) и именно её византийские географы и историки IX-X вв. считали «родиной тавроскифов, к числу которых они относили народ “росс”, именуемый также “росс-дромиты”» (Никон 1989: 34). Юго-западнее Тендерской косы, на Тарханкутском полуострове, итальянские карты помещают Rossofar (Rosofar, Roxofar), т.е. «росский маяк», а местность южнее Евпаторийского (Майнакского) озера носила название Rossoca. Самое удивительное, что в ходе археологических изысканий на Тарханкутском полуострове, у села Окуневка, действительно, было раскопано массивное каменное сооружение, во времена оны служившее маяком. И это, как нельзя лучше, указывает на развитое мореходство обитателей соседнего с маяком раннесредневекового поселения. Правда, вопреки чаяниям Никона, следов славян в Крыму IX в. не обнаружено. Керамика, хозяйственные и жилые постройки, тип поселений в местах, где отмечены топонимы с корнем «рос», как показал Д.Л. Талис, относятся к СМК и указывают на этническую общность жившего здесь населения с алано-болгарами Подонья и Приазовья. Никакого другого этнически определенного материала раннесредневековые поселения степного и предгорного Крыма не содержат. Всё это позволило Д.Л. Талису поддержать «концепцию Д.Т. Березовца о полной или частичной идентификации носителей салтовской культуры с русами у арабских географов» (Талис 1973: 229-234; 1974: 87-99), что снова возвращает нас к проблеме Русского каганата и его локализации в Подонье.

Вполне вероятно, что поселения СМК в Крыму (Крым 2003: 55-59), которые поддерживали постоянные контакты с лесостепной зоной Подонья и Подонцовья, имели также и отношение к мореходству. В пользу такой локализации базы русов, атаковавших Константинополь, говорят греческие источники: «А скифский народ

Воспроизведение надписи по первой публикации.

Воспроизведение надписи по первому арабскому изданию.

Русская надпись, приводимая Ибн ан-Надимом (Зайцев, Морозов 2007: 115)

росов, что из числа народов, живущих вокруг Тавра, флотом совершал набеги на области Эвксинского Понта и стал помышлять о нападении на саму Византиду» («Сокращение историй» Иоанна Зонары; Кузенков 2003: 135). Слова о том, что нападению на Константинополь предшествовали более мелкие набеги русов на византийские причерноморские земли, подтверждают достоверность сообщений Житий Стефана Сурожского и Георгия Амастридского.

О.Н. Трубачёв обратил внимание на народ «Тоурси» (варианты: «Тоурсїи», «Тоур'си», «Тоуръси»), видимо, исходно *Тауро-руси, в «Житии Кирилла», который он интерпретировал как славянскую передачу греческого «тавро-русы» (*Ταυρο-ρως), и с которым, очевидно, связаны «русьские письмена», которые Кирилл, согласно его «Житию», обнаружил в Крыму (Трубачёв 2005: 175-182): «Обрѣте же тоу Еуаггелие и Псалтирь, роусьскими письмены писано, и человѣка обрѣть, глаголюща тою бесѣдою, и бесѣдова съ нимъ, и силу рѣчи приимь, своей бесѣдѣ прикладая различьная письмена гласная и съгласная, и къ Богоу молитву творя, въскорѣ чести и съказати, и мънози дивлѣаху, Бога хваляше» (Жит. Конст. VIII). Существование Евангелия и Псалтыри, написанных в Крыму «русскими письменами» в 860-х гг., прекрасно согласуется с византийскими источниками о крещении Руси в это время.

А.А. Спицын, справедливо отмечая, что «Алания крещена была, может быть, уже почти вся, когда в Киевской Руси христиане считались ещё единицами», полагал, что «русские, ставшие известными в Херсонесе Константину Философу и имевшие написанное на своём языке Евангелие, были аланы, и скорее донские или таврические» (Спицын 1909: 77). У аланов СМК Подонья и Подонцовья существовала письменность, известная по ряду эпиграфических памятников, проанализировав которые, Г.Ф. Турчанинов показал её связь со средневековым аланским письмом, уходящим корнями в скифо-сарматское письмо арамейского дукта (Турчанинов 1964: 72-87; 1990). Видимо, «русские письмена», увиденные в Крыму Кириллом, были близки к «системе письма сармато-алан Подонья» (Галкина 2002: 376).

Об особом письме русов, живущих где-то по соседству с Хазарией и Кавказом, сообщают и другие источники. В «Каталоге» Ибн ан-Надима (X в.) говорится: «Один мой знакомый, словам которого я имею полное право верить, рассказывал мне, что он послан был к правителю русов одним из кавказских владетелей. Он рассказал мне также, что у русов есть свои письмена, которые вырезаются на дереве; тут он вынул и показал мне кусок белого дерева, на котором были нарисованы знаки, изображающие, не знаю, целые ли слова или отдельные буквы» (Френ 1836: 51). Интересно, что Х.Д. Френ обратил внимание на сходство приводимых арабским автором письмен русов с новосинайскими надписями из Вади аль-Мукаттаба (I-IV вв.) (Френ 1836: 53-56), что согласуется с гипотезой Г.Ф. Турчанинова о происхождении аланской донской руники из арамейского письма.

Персидский историк Фахр-и Мудаббир (XII-XIII вв.), передавая более ранний источник, сообщает: «У хазар тоже есть письмо, которое происходит от русского; ветвь народа румийцев (греков), живущая около них (хазар – М.Ж., С.Б.), употребляет это письмо, и они называют румийцев русами. Они пишут слева направо, буквы не соединяют между собой. Букв всего 22» (Бартольд 1968: 466). О Киевской Руси здесь речь явно идти не может, поскольку к тому моменту, когда в ней началось широкое распространение письменной культуры (конец X – начало XI в.), Хазарии уже не существовало. Скорее всего, под «румийцами» здесь подразумеваются

аланы, среди которых, по свидетельству ал-Масуди, христианство распространилось «при появлении ислама и при Аббасидах» (Минорский 1963: 204). Алания в ряде раннесредневековых источников именуется «страной аланов и русов» (Карсанов 1996: 84-86).

Помимо имени-прозвища «Бравлин», О.Н. Трубачёв выявил в источниках ещё одно возможное слово из языка крымских русов, бывшего, по его мнению, индоарийским диалектом[24]. В «Житии Кирилла» говорится: «Бѣше же во Фоульстѣ языци доубъ великъ, срослъся съ чрешнею, подъ нимже требы дѣахоу, нарицающе именем Алеξандръ, женьскоу полоу не дающе пристоупати къ немоу, ни къ требамъ его» (Жит. Конст. XII). Учёный так комментирует этот пассаж: «Естественно, язычники не могли назвать своё священное дерево крестным именем 'Αλέξανδρος, явившимся здесь лишь записью по созвучию туземного (индоарийского таврского?) *alakša-dru- 'дуб-защитник' или 'запретное дерево' (ср. др.-инд. rákṣati 'охранять', греч. ἀλέξω то же, др.-инд. d(a)ru- 'дерево')» (Трубачёв 1999: 58).

Иеродиакон Никон полагал, что «после неудачи похода 860 г. на Константинополь, пораженные чудом[25], происшедшим на их глазах, россы, добравшись до своих опорных баз в Крыму или в районе Ахиллесова бега, направляют к византийцам посольство с просьбой “сделать их участниками в святом крещении”» (Никон 1989: 36).

Обычно в качестве аргумента против Причерноморья как отправного пункта похода русов приводят слова Фотия, согласно которым нападавшие отделены от Константинополя «столькими землями и племенными владениями, судоходными реками и морями без пристаней» (Литаврин 2000: 49). Помимо указания на возможную риторичность этих слов, следует отметить два момента: (1) Эти слова Фотий произносил непосредственно в момент когда русы находились под стенами города, а нападение, как он сам утверждал, было неожиданным (Кузенков 2003: 35), соответственно и точной информации об отправной точке похода у него просто могло не быть; (2) Основная часть Русского каганата (если верно его отождествление с СМК), действительно, находилась в глубине Восточной Европы и была отделена от Византии «реками и морями», в Крыму и Причерноморье находились лишь его окраинные земли. Соответственно, слова Фотия не противоречат гипотезе о том, что непосредственной базой для атаки на Константинополь были владения русов в Крыму и соседних районах Причерноморья и Приазовья, но стоял за ними Русский каганат, находившийся в глубине континента – в верховьях Дона и Северского Донца.

Интересно, что согласно приведённому выше свидетельству патриарха Филофея, поход на Константинополь возглавлял не сам каган, а его «воевода»[26], под которым может скрываться правитель крымских русов. Возможно, что и центр Росской епархии, созданной в 860-х гг., располагался не на основной территории СМК в Подонье и Подонцовье, как было предположено выше, а в Крыму.

Давно было замечено, что из договора Игоря с Византией 945 г. следует, что Русь имела некие владения в Крыму и соседних областях, откуда русы могут как воевать с византийскими владениями в районе Херсонеса, так и оказывать им военную помощь: «О Корсуньсций сторонѣ. Колко же есть городъ на той части, да не имуть власти князи рускыи, да воюеть на тѣхъ сторонахъ, а та страна не покоряется вам, и тогда, аще просит вой от насъ князь руский, дамы ему, елико ему будет требѣ, и да воюет… А о сихъ, иже то приходять черьнии болгаре и воюють въ странѣ Корсуньстий, и велимъ князю рускому, да ихъ не пущаеть, и пакостятъ сторонѣ его» (ПВЛ. 1997: 100).

Н.П. Ламбин (Ламбин 1874: 58-95) заметил, что, во-первых, «князь русский», о котором идёт речь в приведённом пассаже, никак не мог быть князем киевским (поскольку тот в договоре последовательно титулуется «великим» и очевидным образом не имел возможности для оперативных действий в районе Херсонеса), но только его вассалом, правившим какой-то областью в Крыму, а во-вторых, обратил внимание на то, что в рассказе Константина Багрянородного о крымских делах на месте русов договора в той же роли оказываются аланы: «[Знай], что эксусиократор Алании не живёт в мире с хазарами, но более предпочтительной считает дружбу василевса ромеев, и, когда хазары не желают хранить дружбу и мир в отношении василевса, он может сильно вредить им, и подстерегая на путях, и нападая на идущих без охраны при переходах к Саркелу, к Климатам и к Херсону. Если этот эксусиократор постарается препятствовать хазарам, то длительным и глубоким миром пользуются и Херсон, и Климаты, так как хазары, страшась нападения аланов, находят небезопасным поход с войском на Херсон и Климаты и, не имея сил для войны одновременно против тех и других, будут принуждены хранить мир» (Константин Багрянородный 1991: 52-53).

Учёный сделал справедливый вывод, что поскольку речь идёт о расположенных в Крыму Херсоне и климатах, то правитель аланов, о котором здесь говорится, никак не может быть государем Кавказской Алании, но только правителем страны, расположенной на Крымском полуострове. «По всем признакам, даже и по самому титулу

24 О.Н. Трубачёв считал, что в Северном Причерноморье наряду с иранским в античную и раннесредневековую эпохи существовал и индоарийский этноязыковой элемент, с которым он и связывал возникновение этнонима «росы»/«русы». Учитывая, что индоарийские и иранские диалекты весьма близки, а о специфике языков северопричерноморских народов мы знаем в силу скудости источников очень мало, не исключено, что те элементы, которые Трубачёв рассматривал как «индоарийские», могут оказаться иранскими (Грантовский, Раевский 1984: 14-16), возможно, имеющими специфические диалектные черты. Поэтому построения О.Н. Трубачёва и его индоарийские этимологии мы рассматриваем в контексте индоиранской версии начала Руси в «широком» её понимании (более «узкое», на котором настаивал учёный, едва ли возможно сформулировать в силу дефицита источников).

25 Как церковный историк Никон с доверием относится к поздней церковной традиции о гибели русского флота вследствие бури, вызванной вмешательством Богородицы.

26 Эти слова также указывают на то, что речь у Филофея не может идти об аварской осаде Константинополя в 626 г. (как иногда считают, поскольку традиция и в том случае приписывала спасение города Богородице), поскольку ею руководил именно сам каган: «29 июля сам богомерзкий хаган подступил к стене со всем своим сбродом и показал себя горожанам» (Свод II: 76).

надо полагать, что этот властодержец Алании – одно лицо с “князем русским” игорева договора, ибо и этот князь не самостоятельный, а князь-подручник, вассал, также может быть назван властодержцем, то есть держащим власть великого князя киевского» (Ламбин 1874: 68).

Итак, помимо византийцев и хазар, в Крыму, согласно источникам, представлена ещё одна серьёзная сила: аланы (Константин Багрянородный) или русы (Жития Стефана Сурожского, Георгия Амастридского, Кирилла; русско-византийский договор 945 г.), соответствующие, как показал Д.Л. Талис, археологическим памятникам СМК, представленным на полуострове (Талис 1973: 229-234; 1974: 87-99).

О наличии у русов владений непосредственно на черноморских берегах говорит и ал-Масуди: «В верховьях реки Хазар [есть] устье (речь идёт о Доне, принимаемом за приток Волги – М.Ж., С.Б.), соединяющееся с проливом из моря Понт (Чёрного – М.Ж., С.Б.), а оно – море русов; нет на нём никого другого, и они [живут] на одном из его берегов» (ДРЗИ. III: 114).

В свете современных знаний о распространении в Крыму памятников СМК (Крым 2003: 55-59) и топонимов с корнем «рос» (Талис 1973: 229-234; 1974: 87-99), под «эксусиократором Алании», о котором идёт речь в одиннадцатой главе трактата «Об управлении империей», можно понимать только правителя крымских аланов-салтовцев, именовавшихся «росами» или «русами». В IX в. он, судя по всему, подчинялся кагану русов, ставка которого, скорее всего, находилась на Салтовском городище, а к середине X в. оказался в вассальной зависимости от киевского князя, вероятно, позиционировавшего себя в качестве наследника Русского каганата (см. подробнее: Беззаконов, Жих 2021: 9-58) и ставшего главой всех русов, независимо от их этнической принадлежности. По справедливым словам Д.Т. Березовца, «название русы, как и названия скифы, сарматы, венеды и т.д. является собирательным» (Березовец 1970: 69).

Г.В. Вернадский в своё время писал: «Мы не думаем, что у Аскольда и Дира была достаточно большая армия, чтобы предпринять этот поход самостоятельно. У мадьяр, даже если мы предположим, что они согласились пропустить русов через Нижнеднепровский регион, не было кораблей, и они не знали, как вести войну на море, поэтому они не могли оказать какую-то реальную поддержку. Ожидать помощи можно было только от Русского каганата в Приазовье. Должно быть, кампания была предпринята совместными усилиями Аскольда и Дира и Русского каганата. Видимо, тмутараканский каган взял на себя инициативу в этом деле» (Вернадский 1996: 345).

Предложенные Вернадским версии движения эскадры Аскольда и Дира из Киева к Крыму для соединения с войском кагана русов (Вернадский 1996: 346-347) интересны, но упираются в то, что, на данный момент, как было показано выше, нет археологических оснований для помещения скандинавской колонии в Киеве середины IX в. Остановимся на точке зрения историка по поводу возникновения Русского каганата. Г.В. Вернадский считал, что имя «русь» происходит от иранского этнонима «рухс-асы», то есть «светлые асы», усвоенного скандинавами после установления ими контроля над донской и приазовской территориями: «мы позволим себе сделать пробный вывод о том, что скандинавы, проникшие в Приазовье в середине VIII в. смешались с местными асами и русами, и к концу века приобрели достаточную силу, чтобы угрожать Крыму. Мы можем предположить, что к этому времени им удалось создать не только вооруженные силы, но и организованное государство. Их правитель со временем присвоил себе хазарский титул кагана» (Вернадский 1996: 289).

Споря с норманистами, учёный, и сам был подвержен ряду порождённых норманизмом иллюзий, в том числе и необоснованному утверждению о вездесущии скандинавов и их политическом и военном влиянии на народы Восточной Европы в IX в. И, тем не менее, здравое зерно в рассуждениях Вернадского есть, с той лишь разницей, что скандинавы не создавали Русский каганат, а находились на службе у русского кагана (как мы знаем из Бертинских анналов), либо состояли в торговом и политическом союзе с ним. Поэтому условные Аскольд и Дир, если это не мифические персонажи, вполне могли участвовать в совместной акции, придя, возможно не из Киева, а из Верхнего Подонья (Супруты) или из Верхнего Поднепровья, скажем, с территории Гнёздова, где недавно обнаружили ранние слои (Мурашёва и др. 2020: 70-86).

Гнёздово с самого раннего периода своей истории было связано с СМК, что давно отмечено изучающими этот памятник археологами: «Есть основания предполагать, что начало подъёма Гнёздова связано с потоком переселенцев с юга, из славянских земель и, может быть, из Хазарского каганата. Наличие связей с тюрками иллюстрируется находками наборных поясов и уздечек. Наиболее близкие аналогии этим вещам можно указать в салтово-маяцких древностях» (Авдусин, Пушкина 1982: 75). Таким образом, участие варяжских союзников или наёмников в походе Русского каганата на Константинополь в 860 г., в принципе, допустимо.

Важен и вывод Вернадского, что «компания 860 г. была хорошо подготовлена, и для неё было выбрано подходящее время. Империя в это время находилась в самом разгаре войны с арабами» (Вернадский 1996: 346). Игнорировать это, как предлагают норманисты, наивно полагающие, что русы рванули в поход на Византию из Ладоги, что называется, «наобум Лазаря», то есть на авось, и так удачно и вовремя оказались под стенами Константинополя, попросту наивно. Для арабов осада русами Константинополя в 860 г., без преувеличения, стала подарком. В начале июня этого года византийский император возглавил очередной поход в Малую Азию, уведя с собой практически всю армию и флот. Столица империи, соответственно, в это время не имела сколько-нибудь существенной сухопутной, да и, по-видимому, морской защиты от вторжения, поскольку его как будто неоткуда было ожидать. В городе остался лишь небольшой гарнизон, возглавляемый префектом Никитой Оорифом. На сколько гарнизон был боеспособен, судить сложно, но, судя по всему, серьёзного сопротивления русам он не оказал.

Узнав об осаде Константинополя, Михаил III, находившийся к тому времени в Каппадокии, то есть, примерно в 500 км от своей столицы, вернулся в город, так и не вступив в какие-либо серьёзные столкновения с арабами. Иногда приходится читать, что император вернулся один, без войска, в сопровождении лишь телохранителей (Васильев 1900: 193). Однако такое предположение не выдерживает критики: вряд ли Михаил III рассчитывал, что его возвращение без поддержки армии и флота способно испугать противника настолько, что он уйдёт, сняв осаду. Поэтому есть все основания полагать, что какую-то часть войска и флота он всё-таки привёл с собой, и именно это, собственно, и заставило русов снять осаду и уйти. Отметим, что сам Фотий утверждает: «Неожиданным оказалось нашествие врагов – нечаянным явилось и отступление их» (Кузенков 2003: 60). То есть, скорее всего, росы ушли, как только узнали о приближении византийской армии и флота. Если исходная база похода росов находилась в Крыму, то их оперативная связь с арабами не представляла затруднений, какие неизбежно возникают в рамках «киевской», а тем более «ладожской» версии.

Могло ли нашествие русов существенно повлиять на результат греко-арабской войны, закончившейся поражением византийской армии в Малой Азию?[27] На наш взгляд, да. Вероятно, напуганный осадой столицы император и его окружение не рискнули снова увести в Азию весь пришедший с ними воинский контингент, оставив какую-то его часть в Константинополе, что не могло не отразиться на боеспособности армии, находящейся на «арабском» театре военных действий. Словом, русы, как вольные или невольные союзники арабов, задачу свою выполнили.

Здесь следовало бы обратить внимание на ещё один любопытный документ. Речь идёт о Синаксаре Константинопольской Великой Церкви[28], в котором говориться: «25 июня, нашествие сарацинов и рун, и лития во Влахернах» (Кузенков 2003: 98). За более чем вековую историю изучения Синаксаря исследователи так и не пришли к единому выводу, относится ли данное напоминание к арабской осаде Константинополя в 674-678 гг., или речь идет о событиях 860 г.? Причина в том, что до сих пор нет ясности, кто в цитируемом тексте скрывается под именем «руны» ('Pouv). Часть исследователей полагает, что речь идет о Руси, имя которой было искажено (Красносельцев 1892: 63; Grégoire, Orgels 1954: 141-142), часть допускает такую возможность, но не считает данное предположение доказанным (Кузенков 2003: 101). Если, окажется, что речь действительно идёт о Руси, то это будет ещё одним доказательством совместных действий арабов и русов, что в свое время предполагал А.А. Васильев: «Наша первая реакция заключается в том, что в этом имени мы можем иметь искаженную форму Rus или Ros, т.е. русские. Если бы это было правдой, то это было бы доказательством совместного арабо-русского нападения, о котором мы абсолютно ничего не знаем» (Vasiliev 1946).

Если посмотреть на торговую и прочую активность русов середины IX в., то она в это время проявляется преимущественно на восточном направлении. Именно на Восток, к арабам, совершают свои вояжи русские купцы, на верблюдах добираясь аж до самого славного города Багдада (Ибн Хордадбех 1986: 124), арабский мир был основным торговым партнёром Руси. В таком случае стоит ли удивляться желанию, да и возможности арабов в конфликте с Византией привлечь на свою сторону торговых партнеров, русов, людей крайне воинственных? Думаем, что ответ на этот вопрос вполне очевиден. Тем более, что речь о совместных войсковых операциях на море и суше вряд ли шла. Русам было достаточно отвлечь осадой Константинополя византийскую армию от военных операций в Малой Азии, с чем русы успешно справились.

Более сложен вопрос о роли хазар в рассматриваемых событиях. Они тоже могли быть заинтересованы в походе на Константинополь, не оставляя желания присвоить себе византийские владения в Крыму. Нечто подобное произошло и позже, если доверять такому спорному источнику как т.н. Кембриджский документ. Имеется ввиду история с царем Руси ХЛГУ, которого хазары заставили воевать с Византией в середине X в. Хазарам достаточно было не препятствовать походу Руси 860 г., как не препятствовали они походу русов на Каспий в 913/914 г., описанному ал-Масуди.

Со значительной долей уверенности можно говорить, что и походы на Каспий русы совершали из Крыма, поскольку только здесь они могли купить, нанять или построить крупнотоннажные суда, о которых пишет ал-Масуди. Как было показано выше, судов подобного класса у днепровских и ладожских русов в то время не было, да и не могли эти суда пройти в Каспийское море по рекам Восточной Европы.

Ал-Масуди прямо говорит о Чёрном море как стартовой точке похода русов на Каспий, которые далее прошли по Дону и в районе современного Волгограда переправились в Волгу: «После 300/ 912-13 г. прибыло около 500 кораблей, в каждом корабле – 100 человек. Вошли в залив моря Понт (Азовское море – М.Ж., С.Б.), соединенный (волго-донской переволокой, воспринимавшейся арабами как единая водная артерия – М.Ж., С.Б.) с морем Хазар (Каспийским – М.Ж., С.Б.). Там – люди, назначенные царём хазар, с сильным вооружением, сопротивляются тем, кто идёт с этого моря, и тем, кто идёт от той стороны суши, ответвление которой от моря Хазар примыкает к морю Понт... Когда же прибыли корабли русов к людям хазар, поставленным у начала пролива, то они послали к царю хазар [просьбу], чтобы им пройти по его стране, спуститься в его реку, войти в реку хазар (Волгу – М.Ж., С.Б.) и дойти до моря Хазар, которое [и есть] море Гиркании, Табаристана и других земель иноземцев… и [русы] вошли в пролив и достигли устья реки, стали подниматься по этому ответвлению воды (Дону – М.Ж., С.Б.), пока не вошли в реку хазар, и спустились по ней в город Атил…» (ДРЗИ. III: 114-115).

27 В сражение возле Хонариона арабы разбили византийскую армию, Михаил III с остатками войска вынужден был бежать.

28 Константинопольский синаксарь отмечает несколько дней, в которые полагалось совершать торжественные молебны (литии) в память об избавлении от нашествий варваров.

Как видим, русы из Чёрного и Азовского морей вошли в Дон, оттуда возле современного Волгограда переправились в Волгу, и двинулись на Каспий, что указывает на их проживание в Причерноморье. В.А. Пархоменко совершенно справедливо писал по этому поводу о невозможности иной локализации их опорной территории: «иная Русь – Днепровская, например, пробиралась бы на Волгу другим путём – таким именно, каким шёл князь Святослав после 968 г. – через Десну и Оку; более северная Русь избрала бы и более северный путь; если бы это были скандинавские норманны, они спустились бы просто по Волге, начиная с верховьев её, по пути давно известному им» (Пархоменко 1913: 57-58).

По свидетельству ал-Йа'куби, в 854 г. санарийцы обратились за помощью против арабов к трём правителям, коими были «сахиб ар-Рум» (император Византии), «сахиб ар-Хазар» (правитель Хазарии) и «сахиб ас-сакалиба» («государь славян») (Новосельцев 1990: 192). Вполне убедительна, на наш взгляд, гипотеза, отождествляющая «государя славян» ал-Йа'куби с каганом русов Бертинских анналов и сочинений арабо-персидских авторов (Седов 1999: 74-75; 2002: 287). Какой-либо иной силы, способной оказать помощь кавказским горцам, за исключением русов в Восточной Европе в это время просто не существовало. Но, возможно, дело не только в силе Руси. У истоков Русского каганата стояли аланы и другие выходцы с Северного Кавказа и вот как раз это и могло стать решающим аргументом для санарийцев, издревле живших по соседству с аланами у Дарьяльского ущелья. Ведь в отличие от византийцев и хазар, к которым санарийцы тоже обращались за помощью, у славян, и тем более у русов, если под ними подразумевать скандинавов, в то время не было ни малейшего мотива помогать горцам, равно, как и повода воевать с арабами, с которыми они, к тому же, успешно торговали. Иное дело донские русы, потомки кавказских аланов, под давлением арабов или хазар ушедшие на Дон. Тут мотивы вполне очевидны, да и контакты Дона с Кавказом вплоть до гибели салтовской культуры в начале X в. не прерывались.

Необходимо объяснить, почему у ал-Йа'куби санарийцы обратились к «сахибу ас-сакилиба», а не к «кагану русов», что как будто было бы более правильно. В действительности, никакой загадки тут нет. Славяне Днепровского Левобережья, носители волынцевской археологической культуры, были составной частью Русского каганата. У Ибн Хордадбеха русы причисляются к славянам как их «вид» («джинс») (Ибн Хордадбех 1986: 124), а Ибн ал-Факих (X в.), повторяя описанный Ибн Хордадбехом маршрут купцов из Восточной Европы в страны Халифата, что явно указывает на общий для этих авторов источник, вообще не упоминает русов, называя следующих этим маршрутом купцов просто «ас-сакалиба» – славянами (ДРЗИ. III: 35).

Не смотря на то, что в подавляющем большинстве случаев под термином ас-сакалиба арабы подразумевали славян, есть основания полагать, что он, как это было со многими терминами средневековой этнической номенклатуры, также мог распространяться и на остальное, особенно, светловолосое и голубоглазое население Восточной Европы, причисляемое арабами к потомкам Иафета, особенно, если оно было связано со славянами. Визуально для арабов, особенно тех, кто писал свои сочинения по рассказам купцов и путешественников, они могли не различаться.

Подведём итоги. Поскольку никаких следов исторической памяти о походе Руси на Константинополь в 860 г. и последовавшем за этим крещении в древнерусских источниках не обнаруживается, а археологически нигде на восточнославянской территории не выявляется признаков политии, которую можно было бы связать с этими событиями, мы считаем наиболее убедительной версию тех историков, которые считали, что за этими событиями стоит не Киевская (в широком смысле), а предшествующая ей «другая» Русь: Русь аланская, донская и причерноморская, археологическим соответствием которой является СМК. Из все культур Восточной Европы середины IX в. только СМК располагала всеми необходимыми материальными, демографическими, военными и организационными ресурсами для организации такого масштабного военного предприятия. Поскольку византийские источники говорят о том, что русами в этом походе использовались большие суда морского класса, исходную базу с которой был осуществлён поход, следует помещать в Крыму, где работали мастера, способные изготовить такие суда. В Крыму в это время были распространены памятники СМК, свидетельствующие о вхождении его части в состав Русского каганата. Впоследствии Константин Багрянородный знает о существовании здесь особого Аланского княжества, а русско-византийский договор 944 г. говорит о наличии здесь владений Руси, видимо, «по наследству» от Русского каганата перешедших под вассалитет к киевским русам и их правителю.

ЛИТЕРАТУРА

Абаев 1958 - Абаев В.И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. I. А-К’. М.; Л.: Издательство АН СССР, 1958. 656 с.

Авдусин, Пушкина 1982 - Авдусин Д.А., Пушкина Т.А. Гнёздово в исследованиях Смоленской экспедиции // Вестник МГУ. Серия 8. История. 1982. № 1. С. 68-80.

Айбабин 1999 - Айбабин А.И. Этническая история ранневизантийского Крыма. Симферополь: ДАР, 1999. 352 с.

Айбабин 2016 - Айбабин А.И. Византийские порты в Крыму в IV-VII вв. // Боспорские исследования. Вып. XXXIII. Керчь: Керченская городская типография, 2016. С. 186-209.

Аксёнов 2010 - Аксёнов В.С. Вещи славянского облика на салтовских памятниках Верхнего Подонечья // Славяно-русское ювелирное дело и его истоки. СПб.: Нестор-История, 2010. С. 73-78.

Аксёнов 2013 - Аксёнов В.С. Символы христианской веры в захоронениях салтово-маяцкой культуры с территории Харьковщины // Салтово-маяцька археологічна культура: проблеми та дослідження. Вып. 3. Харьков, 2013. С. 15-20.

Альфонсо 2002 - Альфонсо III. Хроника / перевод С. Железнова. 2002 / Электронный ресурс: https://www.vostlit.info/Texts/rus4/AlfonsoIII/frametext.htm (дата обращения - 08.09.2021).

Аммиан Марцеллин 2000 - Аммиан Марцеллин. Римская история (Res Gestae) / Под общей редакцией В.П. Сальникова; Перевод с латинского Ю.А. Кулаковского и А.И. Сонни. СПб.: Алетейя, 2000. 576 с.

Банников, Морозов 2014 - Банников А.В., Морозов М.А. История военного флота Рима и Византии (от Юлия Цезаря до завоевания крестоносцами Константинополя). СПб.: Евразия, 2014. 592 с.

Бараш 1989 - Бараш С.И. История неурожаев и погоды в Европе (по XVI в. н.э.). Л.: Гидрометеоиздат, 1989. 236 с.

Бартольд 1968 - Бартольд В.В. О письменности у хазар // Бартольд В.В. Сочинения. Т. V. Работы по истории и филологии тюркских и монгольских народов. М.: Наука, 1968. С. 466-467.

Беззаконов, Жих 2021 - Беззаконов С.Н., Жих М.И. Хакан народа рос // Исторический формат. 2021. № 3. С. 9-58.

Бейлис 1961 - Бейлис В.М. Ал-Мас'уди о русско-византийских отношениях в 50-х годах X в. // Международные связи России до XVII в. М.: Издательство АН СССР, 1961. С. 21-31.

Березовец 1970 - Березовець Д.Т. Про ім'я носіїв салтівської культури // Археологія. Т. XXIV. К., 1970. С. 59-74.

Бибиков 1986 - Бибиков М.В. Скандинавский мир в византийской литературе и актах // Скандинавский сборник. Вып. 30. Таллин, 1986. С. 97-105.

Бибиков 2004 - Бибиков М.В. BYZANTINOROSSICA: Свод византийских свидетельств о Руси. Т. I. М.: Языки славянской культуры, 2004. 736 с.

Бибиков 2017 - Бибиков М.В. «Скифская общность» в византийской литературной традиции // Восточная Европа в древности и средневековье. Т. XXIX. М., 2017. С. 34-35.

Богуславский 1993 - Богуславский О.И. Южное Приладожье в системе трансевразийских связей IX-XII вв. // Древности Северо-Запада России (славяно-финно-угорское взаимодействие, русские города Балтики). СПб., 1993. С. 132-157.

Брайчевский 1980 - Брайчевский М.Ю. О первых договорах Руси с греками // Советский ежегодник международного права. 1978. М.: Наука, 1980. С. 264-284.

Брайчевский 1983 - Брайчевский М.Ю. К вопросу о правовом содержании первого договора Руси с греками (860-863 гг.) // Советский ежегодник международного права. 1982. М.: Наука, 1983. С. 276-297.

Брайчевский 1989 - Брайчевский М.Ю. Утверждение христианства на Руси. К.: Наукова думка, 1989. 298 с.

Васильев 1900 - Васильев А.А. Византия и арабы. Т. 1. Политические отношения Византии и арабов за время Аморийской династии. СПб.: Типография И.Н. Скороходова, 1900. 407 с.

Васильев 1902 - Васильев А.А. Византия и арабы. Т. 2. Политические отношения Византии и арабов за время Македонской династии (867-959 гг.). СПб.: Типография И.Н. Скороходова, 1902. 555 с.

Васильевский 1915 - Васильевский В.Г. Труды. Т. III. Петроград, 1915. 416 с.

Вашари 1998 - Вашари И. О рунических системах письма Восточной Европы // Altaica. 1998. Т. II. С. 32-45.

Вернадский 1996 - Вернадский Г.В. Древняя Русь. Тверь: ЛЕАН, 1996. 448 с.

Воронин 1948 - Воронин Н.Н. Средства и пути сообщения // История культуры Древней Руси. Т. 1. М.; Л.: Издательство АН СССР, 1948. С. 280-314.

Галкина 2002 - Галкина Е.С. Тайны Русского каганата. М.: Вече, 2002. 428 с.

Галкина 2012 - Галкина Е.С. Русский каганат. Без хазар и норманнов. М.: Алгоритм, 2012. 336 с.

Гаркави 1870 - Гаркави А.Я. Сказания мусульманских писателей о славянах и русских. СПб., 1870. 315 с.

Гедеонов 2004 - Гедеонов С.А. Варяги и Русь. В двух частях / Автор предисловия, комментариев, биографического очерка – В.В. Фомин. Второе издание, комментированное. М.: Русская панорама, 2004. 656 с.

Гиппиус 2012 - Гиппиус А.А. До и после Начального свода: Ранняя летописная история Руси как объект текстологической реконструкции // Русь в IX-XI вв.: Археологическая панорама. М.: Институт археологии РАН, 2012. С. 37-62.

Голубинский 1901 - Голубинский Е.Е. История русской церкви. Т. 1. Ч. 1. М., 1901. 793 с.

Грантовский, Раевский 1984 - Грантовский Э.А., Раевский Д.С. Об ираноязычном и «индоарийском» населении Северного Причерноморья в античную эпоху // Этногенез народов Балкан и Северного Причерноморья: Лингвистика, история, археология. М., 1984. С. 14-16.

Григорьев 2000 - Григорьев А.В. Северская земля в VIII – начале XI века по археологическим данным. Тула: Гриф и К, 2000. 263 с.

Григорьев 2012 - Григорьев А.В. Население междуречья Днепра и Дона в VIII – первой половине XI в. // Древнейшие государства Восточной Европы. 2010. Предпосылки и пути образования Древнерусского государства. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2012. С. 94-127.

Грузнова 2011 - Грузнова Е.Б. Могилы правителей в ранний период русской истории // Труды исторического факультета СПбГУ. Т. 6. СПб., 2011. С. 42-54.

Гутнов 1993 - Гутнов Ф.Х. Эволюция верховной власти у алан в период военной демократии // Кавказ и цивилизации Востока в древности и средневековье. Владикавказ, 1993. С. 24-41.

Дион Кассий 2011 - Кассий Дион Коккейан. Римская история. Книги LXIV-LXXX / Перевод с древнегреческого под редакцией А.В. Махлаюка; комментарии и статья А.В. Махлаюка (Серия Fontes scripti antiqui). СПб.: Филологический факультет СПбГУ; Нестор-История, 2011. 456 с.

ДРЗИ. II - Древняя Русь в свете зарубежных источников. Хрестоматия. Т. II. Византийские источники / Составитель М.В. Бибиков. М.: Русский Фонд содействия образованию и науке, 2010. 384 с.

ДРЗИ. III - Древняя Русь в свете зарубежных источников. Хрестоматия. Т. III. Восточные источники / Составители Т.М. Калинина, И.Г. Коновалова, В.Я. Петрухин. М.: Русский Фонд содействия образованию и науке, 2009. 264 с.

ДРЗИ. IV - Древняя Русь в свете зарубежных источников. Хрестоматия. Т. IV. Западноевропейские источники / Составление, перевод и комментарии А.В. Назаренко. М.: Русский Фонд содействия образованию и науке, 2010. 512 с.

Енуков 2005 - Енуков В.В. Славяне до Рюриковичей. Курск: Учитель, 2005. 352 с.

Еремеев 2019 - Еремеев И.И. Планиграфия и хронология древнейших этапов жизни Рюрикова городища по материалам исследований 2013-2016 гг. // Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. 2019. № 2 (26). С. 67-92.

Жих 2016 - Жих М.И. Древние славяне на Волыни (I тыс. н.э.). Часть вторая // Исторический формат. 2016. № 2. С. 59-91.

Жих 2017 - Жих М.И. Радимичи (локализация, происхождение, социально-политическая история) // Исторический формат. 2017. № 1-2. С. 47-51.

Жих 2018 - Жих М.И. Работы Дмитрия Тарасовича Березовца и проблема локализации Русского каганата // Исторический формат. 2018. № 3-4. С. 176-245.

Жих 2018а - Жих М.И. Лендзяне Константина Багрянородного и радимичи «от рода ляхов» // Новые исторические перспективы: от Балтики до Тихого океана. 2018. № 4 (13). С. 36-53.

Жих 2018б - Жих М.И. О соотношении «Новгородской» и «Ладожской» версий сказания о призвании варягов в начальном русском летописании // Вестник «Альянс-Архео». 2018. Вып. 24. С. 3-44.

Жих 2020 - Жих М.И. Восточные славяне накануне государственности. М.: Вече, 2020. 448 с.

Журавлёва, Чубур 2010 - Журавлёва Ю.Б., Чубур А.А. Средневековое судостроение в юго-восточной Руси (бассейны Десны и Оки) по археологическим источникам // Вопросы подводной археологии. М., 2010. С. 25-39.

Зайцев, Морозов 2007 - Зайцев И.В., Морозов Д.А. Неизвестный и более ранний вариант древнерусской докириллической надписи Ибн ан-Надима // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2007. № 2 (28). С. 112-115.

Звягин 2009 - Звягин Ю.Ю. Великий путь из варяг в греки. Тысячелетняя загадка истории. М.: Вече, 2009. 240 с.

Золотарев 2005 - Золотарев П.М. Находки долбленых лодок на территории Верхнего и Среднего Дона // Археологические памятники Восточной Европы: Межвузовский сборник научных трудов. Воронеж: Воронежский государственный педагогический университет, 2005. С. 81-88.

Зосим 2010 - Зосим. Новая история / Перевод, комментарий, указатели Н.Н. Болгова. Белгород: Издательство Белгородского государственного университета, 2010. 344 с.

Ибн Русте 1869 - Абу-Али Ахмед Бен Омар Ибн-Даста. Известия о хозарах, буртасах, болгарах, мадьярах, славянах и руссах / Перевод с арабского, комментарии Д.А. Хвольсона. СПб., 1869. 200 с.

Ибн Хордадбех 1986 - Ибн Хордадбех. Книга путей и стран / Перевод с арабского, комментарии, исследования, указатели и карты Н. Велихановой. Баку: Элм, 1986. 428 с.

Иловайский 2015 - Иловайский Д.И. Разыскания о начале Руси. Вместо введения в русскую историю. М.: Академический проект, 2015. 522 с.

Калинина 2001 - Калинина Т.М. Арабские ученые о нашествии норманнов на Севилью в 844 г. // Древнейшие государства Восточной Европы. 1999. М.: Восточная литература, 2001. С. 190-210.

Карамзин 1989 - Карамзин Н.М. История государства Российского. Т. I. М.: Наука, 1989. 640 с.

Карсанов 1996 - Карсанов А.Н. Где находилась «страна алан и русских» // Актуальные проблемы археологии Северного Кавказа. XIX Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа. М., 1996. С. 84-86.

Ковалевский 1956 - Ковалевский А.П. Книга Ахмеда Ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921-922 гг. Статьи, переводы и комментарии. Харьков: Издательство Харьковского государственного университета, 1956. 348 с.

Ковалевский 1973 - Ковалевский А.П. Славяне и их соседи в первой половине X в. по данным аль-Масуди // Вопросы историографии и источниковедения славяно-германских отношений. М.: Наука, 1973. С. 62-79.

Кожинов 2001 - Кожинов В.В. История Руси и русского слова. Опыт беспристрастного исследования. М.: ЭКСМО-Пресс, 2001. 512 с.

Колода 2009 - Колода В.В. Проблемы градообразования в раннесредневековых контактных зонах (на примере лесостепного региона Северского Донца) // Средневековый город Юго-Востока Руси: предпосылки возникновения, эволюция, материальная культура. Курск, 2009. С. 35-43.

Комар 2005 - Комар А.В. К дискуссии о происхождении и ранних фазах истории Киева // Ruthenica. 2005. № 4. С. 115-137.

Комар 2012 - Комар А.В. Киев и Правобережное Поднепровье // Русь в IX-XI вв.: Археологическая панорама. М.: Институт археологии РАН, 2012. С. 300-333.

Комар 2012а - Комар А.В. Поляне и северяне // Древнейшие государства Восточной Европы. 2010. М.: Университет Дмитрия Пожарского, 2012. С. 128-191.

Константин Багрянородный 1991 - Константин Багрянородный. Об управлении империей / Тексты, перевод, комментарий; под редакцией Г.Г. Литаврина и А.П. Новосельцева. М.: Наука, 1991. 496 с.

Королёв 2006 - Королёв А.С. Можно ли ставить точку в изучении проблемы Приазовской Руси? // Сборник Русского исторического общества. Т. 10 (158). Россия и Крым. М.: Русская панорама, 2006. С. 88-102.

Красносельцев 1892 - Красносельцев Н.Ф. Типик церкви св. Софии в Константинополе IX в. Одесса: Типография Штаба Одесского военного округа, 1892. 101 с.

Крым 2003 - Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья. IV-XIII века / Отв. ред. Т.И. Макарова, С.А. Плетнева. М.: Наука, 2003. 532 с.

Кузенков 2003 - Кузенков П.В. Поход 860 г. на Константинополь и первое крещение Руси в средневековых письменных источниках // Древнейшие государства Восточной Европы. 2000. Проблемы источниковедения. М.: Восточная литература, 2003. С. 3-172.

Кузьмин 1974 - Кузьмин А.Г. Об этнической природе варягов (к постановке проблемы) // Вопросы истории. 1974. № 11. С. 54-83.

Кузьмин 2003 - Кузьмин А.Г. Начало Руси. Тайны рождения русского народа. М.: Вече, 2003. 432 с.

Кузьмин 2008 - Кузьмин С.Л. Ладога в эпоху раннего средневековья (середина VIII – начало XII в.) // Исследование памятников эпохи средневековья. СПб.: Нестор-История, 2008. С. 69-94.

Кузьмин, Волковицкий 2003 - Кузьмин С.Л., Волковицкий А.И. Пожары и катастрофы в Ладоге: 250 лет непрерывной жизни? // Ладога – первая столица Руси. 1250 лет непрерывной жизни. СПб., 2003. С. 45-57.

Ламбин 1874 - Ламбин Н.П. О Тмутараканской Руси // Журнал Министерства народного просвещения. СПб., 1874. Вып. I. С. 58-95.

Лебедев 1994 - Лебедев Г.С. Русь Рюрика, Русь Аскольда, Русь Дира // Старожитности Украіны-Руси. К., 1994. С. 146-152.

Левченко 1956 - Левченко М.В. Очерки по истории русско-византийских отношений. М.: Издательство АН СССР, 1956. 556 с.

Леонтьев 2012 - Леонтьев А.Е. На берегах озёр Неро и Плещеево // Русь в IX-XI вв.: Археологическая панорама. М.: Институт археологии РАН, 2012. С. 162-177.

Литаврин 2000 - Литаврин Г.Г. Византия, Болгария, Древняя Русь (IX – начало XII в.). СПб.: Алетейя, 2000. 398 с.

Лукошков 2011 - Лукошков А.В. Флот Древней Руси в плаваниях на Константинополь: находки и реконструкции // Труды Первой Международной конференции «Начала Русского мира». СПб.: БЛИЦ, 2011. С. 204-217.

Мавродин 1945 - Мавродин В.В. Образование Древнерусского государства. Л.: Издательство ЛГУ, 1945. 427 с.

Макаров 2012 - Макаров Н.А. Исторические свидетельства и археологические реалии: в поисках соответствий // Русь в IX-XI вв.: Археологическая панорама. М.: Институт археологии РАН, 2012. С. 448-459.

Максимович 2006 - Максимович К.А. Происхождение этнонима «Русь» в свете исторической лингвистики и древнейших письменных источников // KANISKION: Юбилейный сборник в честь 60-летия проф. И.С. Чичурова. М.: Издательство ПСТГУ, 2006. С. 14-56.

Мачинский, Губчевская 2007 - Мачинский Д.А., Губчевская Л.А. О первоначальной Руси. Старая Ладога, 2007. 113 с.

Минорский 1963 - Минорский В.Ф. История Ширвана и Дербенда X-XI веков. М.: Издательство восточной литературы, 1963. 265 с.

Михаил Пселл 1978 - Михаил Пселл. Хронография / Перевод, статья и примечания Я.Н. Любарского. М.: Наука, 1978. 324 с.

Михайлова 2010 - Михайлова И.Б. Малые города Южной Руси в VIII – начале XIII века. СПб.: Издательство СПбГУ, 2010. 294 с.

Мишин 2002 - Мишин Д.Е. Сакалиба (славяне) в арабском мире в раннее средневековье. М.: Крафт плюс, 2002. 368 с.

Могаричев и др. 2009 - Могаричев Ю.М., Сазанов А.В., Степанова Е.В., Шапошников А.К. Житие Стефана Сурожского в контексте истории Крыма иконоборческого времени. Симферополь: Антиква, 2009. 334 с.

Могаричев, Сазанов, Сорочан 2017 - Могаричев Ю.М., Сазанов А.В., Сорочан С.Б. Крым в «хазарское» время (VIII – середина X вв.): вопросы истории и археологии. М.: Неолит, 2017. 744 с.

Мурашёва 2017 - Мурашёва В.В. Находки деревянных корабельных деталей из Гнездова // V (XXI) Всероссийский археологический съезд. Сборник научных трудов. Барнаул: Алтайский государственный университет, 2017. С. 728.

Мурашёва и др. 2020 - Мурашёва В.В., Панин А.В., Шевцов А.О., Малышева Н.Н., Зазовская Э.П., Зарецкая Н.Е. Время возникновения поселения Гнёздовского археологического комплекса по данным радиоуглеродного датирования // Российская археология. 2020. № 4. С. 70-86.

Назаренко 2012 - Назаренко А.В. Русь IX века: обзор письменных источников // Русь в IX-XI вв.: Археологическая панорама. М.: Институт археологии РАН, 2012. С. 12-36.

Насонов 1940 - Насонов А.Н. Тмутаракань в истории Восточной Европы X века // Исторические записки. Т. 6. 1940. С. 79-99.

Насонов 1969 - Насонов А.Н. История русского летописания XI – начала XVIII века. Очерки и исследования. М.: Наука, 1969. 556 с.

Нефёдкин 2011 - Нефёдкин А.К. Военное дело сарматов и аланов (по данным античных источников). СПб.: Филологический факультет СПбГУ; Нестор-История, 2011. 304 с.

Нефёдов 2012 - Нефёдов В.С. Ранние этапы политогенеза на территории Смоленской земли (конец IX – первая половина XI в.) // Северная Русь и проблемы формирования Древнерусского государства. Вологда: Древности Севера, 2012. С. 89-113.

Нефёдова 1958 - Нефёдова Н.К. Куда ездили древние русы – в Андалусию или Анатолию? // Советское востоковедение. 1958. № 4. С. 113-115.

Никон 1989 - Иеродиакон Никон (Лысенко). «Фотиево» крещение славяно-россов и его значение в предыстории Крещения Руси // Богословские труды. Т. 29. М.: Издательство Московской Патриархии, 1989. С. 27-40.

Новосельцев 1990 - Новосельцев А.П. Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. М.: Наука, 1990. 264 с.

Новосельцев 2000 - Новосельцев А.П. Образование древнерусского государства и первый его правитель // Древнейшие государства Восточной Европы. 1998. Памяти члена-корреспондента РАН Анатолия Петровича Новосельцева. М.: Восточная литература, 2000. С. 454-477.

Носов 2012 - Носов Е.Н. Новгородская земля: Северное Приильменье и Поволховье // Русь в IX-XI вв.: Археологическая панорама. М.: Институт археологии РАН, 2012. С. 92-121.

Носов 2017 - Носов Е.Н. Рюриково городище – резиденция новгородских князей и его роль в становлении Новгорода // Рюриково городище. Новые этапы исследований. СПб.: Дмитрий Буланин, 2017. С. 18-33.

Пархоменко 1913 - Пархоменко В.А. Начало Христианства Руси. Очерк из истории Руси IX-X вв. Полтава: Электрическая типография В.И. Маркевича, 1913. 190 с.

Пашуто 1968 - Пашуто В.Т. Внешняя политика Древней Руси. М.: Наука, 1968. 472 с.

ПВЛ. 1997 - Повесть временных лет (Подготовка текста, перевод и комментарии О.В. Творогова) // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 1. XI-XII вв. СПб.: Наука, 1997. С. 62-315.

Петров 2011 - Петров Н.И. Аскольдова могила: от кургана к топониму // Труды Первой Международной конференции «Начала Русского мира». СПб.: БЛИЦ, 2011. С. 218-233.

Петрухин 1995 - Петрухин В.Я. Начало этнокультурной истории Руси IX-XI веков. Смоленск: Русич; М.: Гнозис, 1995. 320 с.

Петрухин 2001 - Петрухин В.Я. О «Русском каганате», начальном летописании, поисках и недоразумениях в новейшей историографии // Славяноведение. 2001. № 4. С. 78-82.

Присёлков 1996 - Присёлков М.Д. История русского летописания XI-XV вв. СПб.: Дмитрий Буланин, 1996. 326 с.

Прокопий Кесарийский 2013 - Прокопий Кесарийский. Война с персами. Война с вандалами. Тайная история / Перевод с греческого, вступительная статья, комментарии А.А. Чекалова; Отв. ред. Г.Г. Литаврин. СПб.: Алетейя, 2013. 544 с.

ПСРЛ. I - Полное собрание русских летописей. Т. I. Лаврентьевская летопись. М.: Языки славянской культуры, 1997. 496 с.

ПСРЛ. II - Полное собрание русских летописей. Т. II. Ипатьевская летопись. М.: Языки славянской культуры, 1998. 648 с.

ПСРЛ. III - Полное собрание русских летописей. Т. III. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.: Языки славянской культуры, 2000. 720 с.

ПСРЛ. VII - Полное собрание русских летописей. Т. VII. Воскресенская летопись. М.: Языки славянской культуры, 2001. 360 с.

ПСРЛ. IX - Полное собрание русских летописей. Т. IX. Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью. М.: Языки славянской культуры, 2000. 288 с.

Радомский 2004 - Радомский Я.Л. Этнический состав Причерноморской Руси. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М., 2004. 321 с.

Рапов 1998 - Рапов О.М. Русская церковь в IX – первой трети XII в. Принятие Христианства. Второе издание, исправленное и дополненное. М.: Русская панорама, 1998. 416 с.

Риер 2000 - Риер Я.Г. Аграрный мир Восточной и Центральной Европы в средние века (по археологическим данным). Могилев, 2000. 264 с.

Романчук 1979 - Романчук С.П. Историко-ландшафтный анализ древних систем хозяйства // Физическая география и геоморфология. Вып. 22. К., 1979. С. 67-75.

Романчук 2008 - Романчук А.И. Исследования Херсонеса-Херсона. Раскопки. Гипотезы. Проблемы. В двух томах. Т. 2. Византийский город. Тюмень: Издательство Тюменского государственного университета, 2008. 544 с.

Рыбаков 1958 - Рыбаков Б.А. Русь и страна Андалус в IX-X веках // Советское востоковедение. 1958. № 4. С. 116-119.

Рыбаков 1963 - Рыбаков Б.А. Древня Русь. Сказания. Былины. Летописи. М.: Издательство АН СССР, 1963. 364 с.

Рыбаков 1982 - Рыбаков Б.А. Киевская Русь и русские княжества XII-XIII вв. М.: Наука, 1982. 598 с.

Сахаров 1980 - Сахаров А.Н. Дипломатия Древней Руси. IX – первая половина X в. М.: Мысль, 1980. 360 с.

Свердлов 2003 - Свердлов М.Б. Домонгольская Русь. Князь и княжеская власть на Руси VI – первой трети XIII в. СПб.: Академический проект, 2003. 736 с.

Свод II - Свод древнейших письменных известий о славянах. Т. II. М.: Восточная литература, 1995. 592 с.

Седов 1998 - Седов В.В. Русский каганат IX века // Отечественная история. 1998. № 4. С. 3-14.

Седов 1999 - Седов В.В. Древнерусская народность. Историко-археологическое исследование. М.: Языки русской культуры, 1999. 312 с.

Седов 2002 - Седов В.В. Славяне. Историко-археологическое исследование. М.: Языки русской культуры, 2002. 622 с.

Словарь 2012 - Сводный словарь личных имен народов Северного Кавказа / Ответственный редактор профессор Р.Ю. Намитокова. М.: ФЛИНТА; Наука, 2012. 584 с.

Соболевский 1929 - Соболевский А.И. Топонимические заметки // Известия Таврического общества истории, археологии и этнографии. Т. III. Симферополь, 1929. С. 1-3.

Сойер 2002 - Сойер П. Эпоха викингов / Перевод с английского А.П. Санина. СПб.: Евразия, 2002. 352 с.

Соловьёв 1959 - Соловьёв С.М. История России с древнейших времён в пятнадцати книгах. Кн. I. М.: Издательство социально-экономической литературы, 1959. 812 с.

Сорокин 1997 - Сорокин П.Е. Природные условия и судовое дело Северо-Западной Руси // Древности Поволховья. СПб., 1997. С. 42-58.

Сорокин 2018 - Сорокин П.Е. О погребениях в ладье на территории Руси // Археология Древней Руси: проблемы и открытия. Материалы международной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения Д.А. Авдусина. М.: Издательство МГУ, 2018. С. 67-68.

Спицын 1909 - Спицын А.А. Историко-археологические разыскания. I-III // Журнал Министерства народного просвещения. Новая серия. Ч. XIX. 1909. № 1. С. 67-98.

Талис 1973 - Талис Д.Л. Топонимы Крыма с корнем «рос» // Античная древность и средние века. Вып. 10. Свердловск, 1973. С. 229-234.

Талис 1974 - Талис Д.Л. Росы в Крыму // Советская археология. 1974. № 3. С. 87-99.

Творогов 1976 - Творогов О.В. Повесть временных лет и Начальный свод (Текстологический комментарий) // Труды Отдела древнерусской литературы. Т. XXX. Л.: Наука, 1976. С. 3-26.

Творогов 1992 - Творогов О.В. Сколько раз ходили на Константинополь Аскольд и Дир? // Славяноведение. 1992. № 2. С. 54-59.

Толочко 1990 - Толочко О.П. До питання про сакральні чинники становлення князівської влади на Русі у IX-X ст. // Археологія. 1990. № 1. С. 51-63.

Толочко 2015 - Толочко А.П. Очерки начальной руси. К.; СПб.: Лаурус, 2015. 336 с.

Толочко 2003 - Толочко П.П. Русские летописи и летописцы X-XIII вв. СПб.: Алетейя, 2003. 296 с.

Толочко 2003а - Толочко П.П. Дворцовые интриги на Руси. СПб.: Алетейя, 2003. 224 с.

Тортика 2007 - Тортика А.А. Военно-политическая и социальная структура алано-болгарского населения лесостепного Подонья-Придонечья в Хазарское время (конец VIII – начало X вв.) // Восточная Европа в древности и средневековье. Т. XIX. М., 2007. С. 267-273.

Трубачёв 1999 - Трубачёв О.Н. Indoarica в Северном Причерноморье. Реконструкция реликтов языка. Этимологический словарь. М.: Наука, 1999. 320 с.

Трубачёв 2005 - Трубачёв О.Н. В поисках единства: взгляд филолога на проблему истоков Руси. Третье издание, дополненное. М.: Наука, 2005. 286 с.

Турчанинов 1964 - Турчанинов Г.Ф. О языке надписей на камнях Маяцкого городища и флягах Новочеркасского музея // Советская археология. 1964. № 1. С. 72-87.

Турчанинов 1990 - Турчанинов Г.Ф. Древние и средневековые памятники осетинского письма и языка. Владикавказ: Ир, 1990. 240 с.

Фетисов 2008 - Фетисов А.А. Численность «дружинных гарнизонов» на торговых путях Восточной Европы // Стародавній Іскоростень і слов'янскі гради. Коростень, 2008. С. 207-213.

Фетисов 2019 - Фетисов А.А. Предметный мир корабелов Гнездова в X веке // Смоленский край. 2019. № 2. С. 56-59.

Фетисов, Щавелев 2017 - Фетисов А.А., Щавелев А.С. Викинги. Между Скандинавией и Русью. М.: Вече, 2017. 320 с.

Флеров 2011 - Флеров В.С. Три проблемы в истории Хазарского каганата // Салтово-маяцька археологічна культура: 110 років від початку вивчення на Харківщині: збірник наукових праць. Харьков, 2011. С. 97-104.

Френ 1836 - Френ Х.Д. Письмена древних руссов // Библиотека для чтения. Т. XV. Отделение науки и художества. СПб., 1836. С. 49-59.

Цветков 2010 - Цветков С.В. Поход русов на Константинополь в 860 году и начало Руси. СПб.: БЛИЦ, 2010. 248 с.

Цукерман 2007 - Цукерман К. Перестройка древнейшей русской истории // У истоков русской государственности. СПб.: Дмитрий Буланин, 2007. С. 343-351.

Чичуров 1980 - Чичуров И.С. Византийские исторические сочинения: «Хронография» Феофана, «Бревиарий» Никифора. Тексты, перевод, комментарий. М.: Наука, 1980. 216 с.

Шаповалов 1991 - Шаповалов Г.И. Подводные исследования судов X-XI и XIV-XV вв. у о. Хортица // Древности степного Причерноморья и Крыма. Т. 2. Запорожье, 1991. С. 174-179.

Шахматов 2002 - Шахматов А.А. История русского летописания. Т. I. Кн. 1. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб.: Наука, 2002. 486 с.

Шевченко 2011 - Шевченко Ю.Ю. Пещерные храмы Подонья: Исторические судьбы в эпоху «Империи Чингисидов» // Сибирский сборник. Т. 3. Народы Евразии в составе двух империй: Российской и Монгольской. СПб., 2011. С. 272-290.

Шинаков 2009 - Шинаков Е.А. Образование Древнерусского государства. Сравнительно-исторический аспект. Второе издание, исправленное и дополненное. М.: Восточная литература, 2009. 477 с.

Шитов и др. 2005 - Шитов М.В., Бискэ Ю.С., Плешивцева Э.С., Макаров А.Я. Позднеголоценовые изменения уровня Волхова в районе Старой Ладоги // Вестник СПбГУ. Науки о Земле. 2005. № 4. С. 3-16.

Шлёцер 1816 - Шлёцер А.Л. Нестор. Русские летописи на древле-славянском языке. Ч. II. СПб., 1816. 842 с.

Шумилов 2014 - Шумилов Е.Н. Северное побережье Малой Азии как объект экспансии и торговли русов в IX-X вв. // Европа. 2014. № 13. С. 28-33.

Щавелев 2014 - Щавелев А.С. «В самых же верховьях реки Днепр обитают росы…» (DAI. 42. 60-61)1: к вопросу о первом упоминании торгово-ремесленного поселения руси у д. Гнездово // Міста Давньої Русі. Київ: Стародавній світ, 2014. С. 369-373.

Щавелев 2014а - Щавелев А.С. Племя северян и хазарские крепости: еще раз о геополитике юга Восточной Европы первой половины IX века // Книга Картины земли. Сборник в честь И.Г. Коноваловой. М.: Индрик, 2014. С. 323-329.

Щавелев 2016 - Щавелев А.С. Известие о «северных скифах» («росах») в трактате «Тактика» византийского императора Льва VI Мудрого // Историческая география. Т. 3. М.: Аквилон, 2016. С. 236-250.

Щавелев, Фетисов 2014 - Щавелев А.С., Фетисов А.А. К исторической географии Восточной Европы IX – начала X века. 1. Карта кладов и конфигурация торговых путей // Историческая география. Т. 2. М.: Аквилон, 2014. С. 7-53.

Щавелев, Фетисов 2017 - Щавелев А.С., Фетисов А.А. К исторической географии Восточной Европы IX в. 2. Карта скандинавских комплексов и артефактов // Древнейшие государства Восточной Европы. 2015. Экономические системы Евразии в раннее Средневековье. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2017. С. 278-328.

Щавелева 2004 - Щавелева Н.И. Древняя Русь в «Польской истории» Яна Длугоша (книги I-VI): Тексты, перевод, комментарий. М.: Памятники исторической мысли, 2004. 495 с.

Эверс 1825 - Эверс Г. Предварительные критические исследования для российской истории. Кн. 1. М.: Университетская типография, 1825. 154 с.

Эверс 1826 - Эверс Г. Предварительные критические исследования для российской истории. Кн. 2. М.: Университетская типография, 1826. 206 с.

Grégoire, Orgels 1954 - Grégoire H., Orgels P. Les invasions russes dans le Synaxaire de Constantinople // Byzantion. 1954. Vol. 24. S. 141-145.

Ševčenko 1977 - Ševčenko I. Hagiography of the Iconoclast Period // Iconoclasm. Birmingham, 1977. S. 113-131.

Vasiliev 1946 - Vasiliev A.A. The Russian attack on Constantinople in 860. Cambridge: The Mediaeval Academy of America, 1946. 246 s.

REFERENCES

Abaev 1958 - Abaev V.I. Istoriko-etimologicheskij slovar' osetinskogo yazyka. T. I. A-K' [Historical and etymological dictionary of the Ossetian language. Volume I. A-K'], Moscow; Leningrad, Izdatel'stvo AN SSSR Publ., 1958, 656 p. [in Russian].

Ajbabin 1999 - Ajbabin A.I. Etnicheskaya istoriya rannevizantijskogo Kryma [Ethnic history of the early Byzantine Crimea], Simferepol, DAR Publ., 1999, 352 p. [in Russian].

Ajbabin 2016 - Ajbabin A.I. Vizantijskie porty v Krymu v IV-VII vv. [Byzantine ports in the Crimea in the IV-VII centuries], in: Bosporskie issledovaniya [Bosporan studies], Vol. XXXIII, Kerch, Kerchenskaya gorodskaya tipografiya Publ., 2016, pp. 186-209 [in Russian].

Aksyonov 2010 - Aksyonov V.S. Veshchi slavyanskogo oblika na saltovskih pamyatnikah Verhnego Podonech'ya [Things of the Slavic appearance on the Saltov monuments of the Upper Donets], in: Slavyano-russkoe yuvelirnoe delo i ego istoki [Slavic-Russian jewelry and its origins], Saint-Petersburg, Nestor-Istoriya Publ., 2010, pp. 73-78 [in Russian].

Aksyonov 2013 - Aksyonov V.S. Simvoly hristianskoj very v zahoroneniyah saltovo-mayackoj kul'tury s territorii Har'kovshchiny [Symbols of the Christian faith in the graves of the Saltovo-Mayak culture from the territory of Kharkiv region], in: Saltovo-mayac'ka arheologichna kul'tura: problemi ta doslidzhennya [Saltovo-Mayatskaya archaeological culture: problems and research], Vol. 3, Harkov, 2013, pp. 15-20 [in Russian].

Al'fonso 2002 - Al'fonso III. Hronika / perevod S. ZHeleznova [Chronicle / translation by S. Zheleznov], 2002, Electronic resource: https://www.vostlit.info/Texts/rus4/AlfonsoIII/frametext.htm (Date of access - 08.09.2021) [in Russian].

Ammian Marcellin 2000 - Ammian Marcellin. Rimskaya istoriya (Res Gestae) / Pod obshchej redakciej V.P. Sal'nikova; Perevod s latinskogo YU.A. Kulakovskogo i A.I. Sonni [Roman History / Under the general editorship of V.P. Salnikov; Translation from Latin Yu.A. Kulakovsky and A.I. Sonny], Saint-Petersburg, Aletejya Publ., 2000, 576 p. [in Russian].

Avdusin, Pushkina 1982 - Avdusin D.A., Pushkina T.A. Gnyozdovo v issledovaniyah Smolenskoj ekspedicii [Gnezdovo in the research of the Smolensk expedition], in: Vestnik MGU. Seriya 8. Istoriya [Bulletin of Moscow State University. Episode 8. History], 1982, № 1, pp. 68-80 [in Russian].

Bannikov, Morozov 2014 - Bannikov A.V., Morozov M.A. Istoriya voennogo flota Rima i Vizantii (ot YUliya Cezarya do zavoevaniya krestonoscami Konstantinopolya) [History of the navy of Rome and Byzantium (from Julius Caesar to the conquest of Constantinople by the crusaders)], Saint-Petersburg, Evraziya Publ., 2014, 592 p. [in Russian].

Barash 1989 - Barash S.I. Istoriya neurozhaev i pogody v Evrope (po XVI v. n.e.) [History of crop failures and weather in Europe (to the 16th century AD)], Leningrad, Gidrometeoizdat Publ., 1989, 236 p. [in Russian].

Bartol'd 1968 - Bartol'd V.V. O pis'mennosti u hazar [About the writing of the Khazars], in: Bartol'd V.V. Sochineniya. T. V. Raboty po istorii i filologii tyurkskih i mongol'skih narodov [Essays. Volume V. Works on the history and philology of the Turkic and Mongolian peoples], Moscow: Nauka Publ., 1968. pp. 466-467 [in Russian].

Bejlis 1961 - Bejlis V.M. Al-Mas'udi o russko-vizantijskih otnosheniyah v 50-h godah X v. [Al-Mas'udi about Russian-Byzantine relations in the 50s of the 10th century], in: Mezhdunarodnye svyazi Rossii do XVII v. [International relations of Russia until the 17th century], Moscow, Izdatel'stvo AN SSSR Publ., 1961, pp. 21-31 [in Russian].

Berezovec 1970 - Berezovec' D.T. Pro im'ya nosiïv saltivs'koï kul'turi [On the name of the bearers of the Saltov culture], in: Arheologiya [Archeology], Vol. XXIV, Kyiv, 1970, pp. 59-74 [in Ukrainian].

Bezzakonov, ZHih 2021 - Bezzakonov S.N., ZHih M.I. Hakan naroda ros [Khagan of the Ros people], in: Istoricheskij format [Historical format], 2021, № 3, pp. 9-58 [in Russian].

Bibikov 1986 - Bibikov M.V. Skandinavskij mir v vizantijskoj literature i aktah [Scandinavian world in Byzantine literature and acts], in: Skandinavskij sbornik [Scandinavian compilation], Vol. 30, Tallin, 1986, pp. 97-105 [in Russian].

Bibikov 2004 - Bibikov M.V. BYZANTINOROSSICA: Svod vizantijskih svidetel'stv o Rusi [Code of Byzantine testimonies about Russia], Vol. I, Moscow, YAzyki slavyanskoj kul'tury Publ., 2004, 736 p. [in Russian].

Bibikov 2017 - Bibikov M.V. «Skifskaya obshchnost'» v vizantijskoj literaturnoj tradicii ["Scythian community" in the Byzantine literary tradition], in: Vostochnaya Evropa v drevnosti i srednevekov'e [Eastern Europe in Antiquity and the Middle Ages], Vol. XXIX, Moscow, 2017, pp. 34-35 [in Russian].

Boguslavskij 1993 - Boguslavskij O.I. YUzhnoe Priladozh'e v sisteme transevrazijskih svyazej IX-XII vv. [Southern Ladoga region in the system of trans-Eurasian relations in the 9th-12th centuries], in: Drevnosti Severo-Zapada Rossii (slavyano-finno-ugorskoe vzaimodejstvie, russkie goroda Baltiki) [Antiquities of the North-West of Russia (Slavic-Finno-Ugric interaction, Russian cities of the Baltic)], Saint-Petersburg, 1993, pp. 132-157 [in Russian].

Brajchevskij 1980 - Brajchevskij M.YU. O pervyh dogovorah Rusi s grekami [About the first treaties of Russia with the Greeks], in: Sovetskij ezhegodnik mezhdunarodnogo prava [Soviet Yearbook of International Law], 1978, Moscow, Nauka Publ., 1980, pp. 264-284 [in Russian].

Brajchevskij 1983 - Brajchevskij M.YU. K voprosu o pravovom soderzhanii pervogo dogovora Rusi s grekami (860-863 gg.) [To the question of the legal content of the first treaty between Russia and the Greeks (860-863)], in: Sovetskij ezhegodnik mezhdunarodnogo prava [Soviet Yearbook of International Law], 1982, Moscow, Nauka Publ., 1983, pp. 276-297 [in Russian].

Brajchevskij 1989 - Brajchevskij M.YU. Utverzhdenie hristianstva na Rusi [The establishment of Christianity in Russia], Kyiv, Naukova dumka Publ., 1989, 298 p. [in Russian].

CHichurov 1980 - CHichurov I.S. Vizantijskie istoricheskie sochineniya: «Hronografiya» Feofana, «Breviarij» Nikifora. Teksty, perevod, kommentarij [Byzantine historical works: "Chronography" by Theophanes, "Breviary" by Nicephorus. Texts, translation, commentary], Moscow, Nauka Publ., 1980, 216 p. [in Russian].

Cukerman 2007 - Cukerman K. Perestrojka drevnejshej russkoj istorii [Perestroika of ancient Russian history], in: U istokov russkoj gosudarstvennosti [At the origins of Russian statehood], Saint-Petersburg, Dmitrij Bulanin Publ., 2007, pp. 343-351 [in Russian].

Cvetkov 2010 - Cvetkov S.V. Pohod rusov na Konstantinopol' v 860 godu i nachalo Rusi [The campaign of the Rus against Constantinople in 860 and the beginning of Russia], Saint-Petersburg, BLIC Publ., 2010, 248 p. [in Russian].

Dion Kassij 2011 - Kassij Dion Kokkejan. Rimskaya istoriya. Knigi LXIV-LXXX / Perevod s drevnegrecheskogo pod redakciej A.V. Mahlayuka; kommentarii i stat'ya A.V. Mahlayuka (Seriya Fontes scripti antiqui) [Roman history. Books LXIV-LXXX / Translation

from ancient Greek, edited by A.V. Makhlaiuk; comments and article by A.V. Makhlaiuk (Series Fontes scripti antiqui)], Saint-Petersburg, Filologicheskij fakul'tet SPbGU Publ.; Nestor-Istoriya Publ., 2011, 456 p. [in Russian].

DRZI. II - Drevnyaya Rus' v svete zarubezhnyh istochnikov. Hrestomatiya. T. II. Vizantijskie istochniki / Sostavitel' M.V. Bibikov [Ancient Russia in the light of foreign sources. Reader. Volume II. Byzantine sources / Compiled by M.V. Bibikov], Moscow, Russkij Fond sodejstviya obrazovaniyu i nauke Publ., 2010, 384 p. [in Russian].

DRZI. III - Drevnyaya Rus' v svete zarubezhnyh istochnikov. Hrestomatiya. T. III. Vostochnye istochniki / Sostaviteli T.M. Kalinina, I.G. Konovalova, V.YA. Petruhin [Ancient Russia in the light of foreign sources. Reader. Volume III. Eastern sources / Compiled by T.M. Kalinina, I.G. Konovalova, V.Ya. Petrukhin], Moscow, Russkij Fond sodejstviya obrazovaniyu i nauke Publ., 2009, 264 p. [in Russian].

DRZI. IV - Drevnyaya Rus' v svete zarubezhnyh istochnikov. Hrestomatiya. T. IV. Zapadnoevropejskie istochniki / Sostavlenie, perevod i kommentarii A.V. Nazarenko [Ancient Russia in the light of foreign sources. Reader. Volume IV. Western European sources / Compilation, translation and comments by A.V. Nazarenko], Moscow, Russkij Fond sodejstviya obrazovaniyu i nauke Publ., 2010, 512 p. [in Russian].

Enukov 2005 - Enukov V.V. Slavyane do Ryurikovichej [Slavs before the Rurikovich], Kursk, Uchitel' Publ., 2005, 352 p. [in Russian].

Eremeev 2019 - Eremeev I.I. Planigrafiya i hronologiya drevnejshih etapov zhizni Ryurikova gorodishcha po materialam issledovanij 2013-2016 gg. [Planigraphy and chronology of the most ancient stages of the life of the Rurik settlement based on the research materials of 2013-2016], in: Studia Slavica et Balcanica Petropolitana, 2019, № 2 (26), pp. 67-92 [in Russian].

Evers 1825 - Evers G. Predvaritel'nye kriticheskie issledovaniya dlya rossijskoj istorii [Preliminary Critical Studies for Russian History], Kn. 1, Moscow, Universitetskaya tipografiya Publ., 1825, 154 p. [in Russian].

Evers 1826 - Evers G. Predvaritel'nye kriticheskie issledovaniya dlya rossijskoj istorii [Preliminary Critical Studies for Russian History], Kn. 2, Moscow, Universitetskaya tipografiya Publ., 1826, 206 p. [in Russian].

Fetisov 2008 - Fetisov A.A. CHislennost' «druzhinnyh garnizonov» na torgovyh putyah Vostochnoj Evropy [The number of "guard garrisons" on the trade routes of Eastern Europe], in: Starodavnij Iskorosten' i slov'yanski gradi [Ancient Iskorosten and Slavic cities], Korosten, 2008, pp. 207-213 [in Russian].

Fetisov 2019 - Fetisov A.A. Predmetnyj mir korabelov Gnezdova v X veke [The object world of Gnezdov shipbuilders in the 10th century], in: Smolenskij kraj [Smolensk region], 2019, № 2, pp. 56-59 [in Russian].

Fetisov, SHCHavelev 2017 - Fetisov A.A., SHCHavelev A.S. Vikingi. Mezhdu Skandinaviej i Rus'yu [Vikings. Between Scandinavia and Russia], Moscow, Veche Publ., 2017, 320 p. [in Russian].

Flerov 2011 - Flerov V.S. Tri problemy v istorii Hazarskogo kaganata [Three problems in the history of the Khazar Khaganate], in: Saltovo-mayac'ka arheologichna kul'tura: 110 rokiv vid pochatku vivchennya na Harkivshchini: zbirnik naukovih prac' [Saltovo-Mayatskaya archaeological culture: 110 years since the beginning of research in the Kharkiv region: a collection of scientific papers], Harkov, 2011, pp. 97-104 [in Russian].

Fren 1836 - Fren H.D. Pis'mena drevnih russov [The writings of the ancient Russ], in: Biblioteka dlya chteniya. T. XV. Otdelenie nauki i hudozhestva [Library for reading. Volume XV. Department of Science and Art], Saint-Petersburg, 1836, pp. 49-59 [in Russian].

Galkina 2002 - Galkina E.S. Tajny Russkogo kaganata [Secrets of the Russian Khaganate], Moscow, Veche Publ., 2002, 428 p. [in Russian].

Galkina 2012 - Galkina E.S. Russkij kaganat. Bez hazar i normannov [Russian Khaganate. Without Khazars and Normans], Moscow, Algoritm Publ., 2012, 336 p. [in Russian].

Garkavi 1870 - Garkavi A.YA. Skazaniya musul'manskih pisatelej o slavyanah i russkih [Legends of Muslim writers about Slavs and Russians], Saint-Petersburg, 1870, 315 p. [in Russian].

Gedeonov 2004 - Gedeonov S.A. Varyagi i Rus'. V dvuh chastyah / Avtor predisloviya, kommentariev, biograficheskogo ocherka – V.V. Fomin. Vtoroe izdanie, kommentirovannoe [Varangians and Russia. In two parts / Author of the preface, comments, biographical sketch - V.V. Fomin. Second edition, commented], Moscow, Russkaya panorama Publ., 2004, 656 p. [in Russian].

Gippius 2012 - Gippius A.A. Do i posle Nachal'nogo svoda: Rannyaya letopisnaya istoriya Rusi kak ob"ekt tekstologicheskoj rekonstrukcii [Before and after the Initial Code: Early Chronicle History of Russia as an Object of Textual Reconstruction], in: Rus' v IX-XI vv.: Arheologicheskaya panorama [Russia in the 9th-11th centuries: Archaeological panorama], Moscow, Institut arheologii RAN Publ., 2012, pp. 37-62 [in Russian].

Golubinskij 1901 - Golubinskij E.E. Istoriya russkoj cerkvi [History of the Russian Church], Vol. 1, Part 1, Moscow, 1901, 793 p. [in Russian].

Grantovskij, Raevskij 1984 - Grantovskij E.A., Raevskij D.S. Ob iranoyazychnom i «indoarijskom» naselenii Severnogo Prichernomor'ya v antichnuyu epohu [On the Iranian-speaking and "Indo-Aryan" population of the Northern Black Sea region in ancient times], in: Etnogenez narodov Balkan i Severnogo Prichernomor'ya: Lingvistika, istoriya, arheologiya [Ethnogenesis of the peoples of the Balkans and the Northern Black Sea region: Linguistics, history, archeology], Moscow, 1984, pp. 14-16 [in Russian].

Grégoire, Orgels 1954 - Grégoire H., Orgels P. Les invasions russes dans le Synaxaire de Constantinople [The Russian invasions in the Synaxary of Constantinople], in: Byzantion, 1954, Vol. 24, pp. 141-145 [in French].

Grigor'ev 2000 - Grigor'ev A.V. Severskaya zemlya v VIII – nachale XI veka po arheologicheskim dannym [Seversk land in the VIII – early XI century according to archaeological data], Tula, Grif i K Publ., 2000, 263 p. [in Russian].

Grigor'ev 2012 - Grigor'ev A.V. Naselenie mezhdurech'ya Dnepra i Dona v VIII – pervoj polovine XI v. [The population of the interfluve of the Dnieper and Don in the VIII - the first half of the XI century], in: Drevnejshie gosudarstva Vostochnoj Evropy. 2010. Predposylki i puti obrazovaniya Drevnerusskogo gosudarstva [The most ancient states of Eastern Europe. 2010. Background and ways of formation of the Old Russian state], Moscow, Russkij fond sodejstviya obrazovaniyu i nauke Publ., 2012, pp. 94-127 [in Russian].

Gruznova 2011 - Gruznova E.B. Mogily pravitelej v rannij period russkoj istorii [Graves of rulers in the early period of Russian history], in: Trudy istoricheskogo fakul'teta SPbGU [Proceedings of the Faculty of History of St. Petersburg State University], Vol. 6, Saint-Petersburg, 2011, pp. 42-54 [in Russian].

Gutnov 1993 - Gutnov F.H. Evolyuciya verhovnoj vlasti u alan v period voennoj demokratii [The evolution of supreme power among the Alans in the period of military democracy], in: Kavkaz i civilizacii Vostoka v drevnosti i srednevekov'e [Caucasus and civilizations of the East in antiquity and the Middle Ages], Vladikavkaz, 1993, pp. 24-41 [in Russian].

Ibn Hordadbekh 1986 - Ibn Hordadbekh. Kniga putej i stran / Perevod s arabskogo, kommentarii, issledovaniya, ukazateli i karty N. Velihanovoj [The Book of Ways and Countries / Translation from Arabic, comments, studies, indexes and maps by N. Velikhanova], Baku, Elm Publ., 1986, 428 p. [in Russian].

Ibn Ruste 1869 - Abu-Ali Ahmed Ben Omar Ibn-Dasta. Izvestiya o hozarah, burtasah, bolgarah, mad'yarah, slavyanah i russah / Perevod s arabskogo, kommentarii D.A. Hvol'sona [News about the Khazars, Burtases, Bulgars, Magyars, Slavs and Russians / Translated from Arabic, comments by D.A. Khvolson], Saint-Petersburg, 1869, 200 p. [in Russian].

Ilovajskij 2015 - Ilovajskij D.I. Razyskaniya o nachale Rusi. Vmesto vvedeniya v russkuyu istoriyu [Research about the beginning of Russia. Instead of an introduction to Russian history], Moscow, Akademicheskij proekt Publ., 2015, 522 p. [in Russian].

Kalinina 2001 - Kalinina T.M. Arabskie uchenye o nashestvii normannov na Sevil'yu v 844 g. [Arab scholars on the Norman invasion of Seville in 844], in: Drevnejshie gosudarstva Vostochnoj Evropy [Ancient States of Eastern Europe], 1999, Moscow, Vostochnaya literatura Publ., 2001, pp. 190-210 [in Russian].

Karamzin 1989 - Karamzin N.M. Istoriya gosudarstva Rossijskogo [History of Russian Goverment]. Vol. I, Moscow, Nauka Publ., 1989, 640 p. [in Russian].

Karsanov 1996 - Karsanov A.N. Gde nahodilas' «strana alan i russkih» [Where was the "country of the Alans and Russians"], in: Aktual'nye problemy arheologii Severnogo Kavkaza. XIX Krupnovskie chteniya po arheologii Severnogo Kavkaza [Actual problems of archeology of the North Caucasus. XIX Krupnov readings on the archeology of the North Caucasus], Moscow, 1996, pp. 84-86 [in Russian].

Koloda 2009 - Koloda V.V. Problemy gradoobrazovaniya v rannesrednevekovyh kontaktnyh zonah (na primere lesostepnogo regiona Severskogo Donca) [Problems of town formation in the early medieval contact zones (on the example of the forest-steppe region of the Seversky Donets)], in: Srednevekovyj gorod YUgo-Vostoka Rusi: predposylki vozniknoveniya, evolyuciya, material'naya kul'tura [Medieval city of the South-East of Russia: prerequisites for the emergence, evolution, material culture], Kursk, 2009, pp. 35-43 [in Russian].

Komar 2005 - Komar A.V. K diskussii o proiskhozhdenii i rannih fazah istorii Kieva [To the discussion about the origin and early phases of the history of Kyiv], in: Ruthenica, 2005, № 4, pp. 115-137 [in Russian].

Komar 2012 - Komar A.V. Kiev i Pravoberezhnoe Podneprov'e [Kyiv and the Right-Bank Dnieper], in: Rus' v IX-XI vv.: Arheologicheskaya panorama [Russia in the 9th-11th centuries: Archaeological panorama], Moscow, Institut arheologii RAN Publ., 2012, pp. 300-333 [in Russian].

Komar 2012a - Komar A.V. Polyane i severyane [Glades and northerners], in: Drevnejshie gosudarstva Vostochnoj Evropy [Ancient States of Eastern Europe], 2010, Moscow, Universitet Dmitriya Pozharskogo Publ., 2012, pp. 128-191 [in Russian].

Konstantin Bagryanorodnyj 1991 - Konstantin Bagryanorodnyj. Ob upravlenii imperiej / Teksty, perevod, kommentarij; pod redakciej G.G. Litavrina i A.P. Novosel'ceva [On the management of the empire / Texts, translation, commentary; edited by G.G. Litavrin and A.P. Novoseltseva], Moscow, Nauka Publ., 1991, 496 p. [in Russian].

Korolev 2006 - Korolev A.S. Mozhno li stavit' tochku v izuchenii problemy Priazovskoj Rusi? [Is it possible to put an end to the study of the problem of Azov Rus?], in: Sbornik Russkogo istoricheskogo obshchestva. T. 10 (158). Rossiya i Krym [Collection of the Russian Historical Society. Volume 10 (158). Russia and Crimea], Moscow, Russkaya panorama Publ., 2006, pp. 88-102 [in Russian].

Kovalevskij 1956 - Kovalevskij A.P. Kniga Ahmeda Ibn-Fadlana o ego puteshestvii na Volgu v 921-922 gg. Stat'i, perevody i kommentarii [The book of Ahmed Ibn-Fadlan about his journey to the Volga in 921-922. Articles, translations and comments], Harkov, Izdatel'stvo Har'kovskogo gosudarstvennogo universiteta Publ., 1956, 348 p. [in Russian].

Kovalevskij 1973 - Kovalevskij A.P. Slavyane i ih sosedi v pervoj polovine X v. po dannym al'-Masudi [Slavs and their neighbors in the first half of the tenth century. according to al-Masudi], in: Voprosy istoriografii i istochnikovedeniya slavyano-germanskih otnoshenij [Issues of historiography and source study of Slavic-German relations], Moscow, Nauka Publ., 1973, pp. 62-79 [in Russian].

Kozhinov 2001 - Kozhinov V.V. Istoriya Rusi i russkogo slova. Opyt bespristrastnogo issledovaniya [History of Russia and the Russian word. An unbiased research experience], Moscow, EKSMO-Press Publ., 2001, 512 p. [in Russian].

Krasnosel'cev 1892 - Krasnosel'cev N.F. Tipik cerkvi sv. Sofii v Konstantinopole IX v. [Typical of the church of St. Sophia in Constantinople, 9th century], Odessa, Tipografiya SHtaba Odesskogo voennogo okruga Publ., 1892, 101 p. [in Russian].

Krym 2003 - Krym, Severo-Vostochnoe Prichernomor'e i Zakavkaz'e v epohu srednevekov'ya. IV-XIII veka / Otv. red. T.I. Makarova, S.A. Pletneva [Crimea, the North-Eastern Black Sea region and Transcaucasia in the Middle Ages. IV-XIII centuries / Rev. ed. T.I. Makarova, S.A. Pletnev], Moscow, Nauka Publ., 2003, 532 p. [in Russian].

Kuzenkov 2003 - Kuzenkov P.V. Pohod 860 g. na Konstantinopol' i pervoe kreshchenie Rusi v srednevekovyh pis'mennyh istochnikah [Campaign of 860 to Constantinople and the first baptism of Russia in medieval written sources], in: Drevnejshie gosudarstva Vostochnoj Evropy. 2000. Problemy istochnikovedeniya [Ancient States of Eastern Europe. 2000. Problems of Source Studies], Moscow, Vostochnaya literatura Publ., 2003, pp. 3-172 [in Russian].

Kuz'min 1974 - Kuz'min A.G. Ob etnicheskoj prirode varyagov (k postanovke problemy) [On the ethnic nature of the Varangians (to the formulation of the problem)], in: Voprosy istorii [Questions of history], 1974, № 11, pp. 54-83 [in Russian].

Kuz'min 2003 - Kuz'min A.G. Nachalo Rusi. Tajny rozhdeniya russkogo naroda [Beginning of Russia. Secrets of the birth of the Russian people], Moscow, Veche Publ., 2003, 432 p. [in Russian].

Kuz'min 2008 - Kuz'min S.L. Ladoga v epohu rannego srednevekov'ya (seredina VIII – nachalo XII v.) [Ladoga in the early Middle Ages (mid-VIII – early XII century)], in: Issledovanie pamyatnikov epohi srednevekov'ya [The study of monuments of the Middle Ages], Saint-Petersburg, Nestor-Istoriya Publ., 2008, pp. 69-94 [in Russian].

Kuz'min, Volkovickij 2003 - Kuz'min S.L., Volkovickij A.I. Pozhary i katastrofy v Ladoge: 250 let nepreryvnoj zhizni? [Fires and disasters in Ladoga: 250 years of continuous life?], in: Ladoga – pervaya stolica Rusi. 1250 let nepreryvnoj zhizni [Ladoga is the first capital of Russia. 1250 years of continuous life], Saint-Petersburg, 2003, pp. 45-57 [in Russian].

Lambin 1874 - Lambin N.P. O Tmutarakanskoj Rusi [About Tmutarakan Rus], in: ZHurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya [Journal of the Ministry of Public Education], Saint-Petersburg, 1874, Vol. I, pp. 58-95 [in Russian].

Lebedev 1994 - Lebedev G.S. Rus' Ryurika, Rus' Askol'da, Rus' Dira [Russia of Rurik, Russia of Askold, Russia of Dir], in: Starozhitnosti Ukrainy-Rusi [Antiquities of Ukraine-Rus], Kyiv, 1994, pp. 146-152 [in Russian].

Leont'ev 2012 - Leont'ev A.E. Na beregah ozyor Nero i Pleshcheevo [On the shores of lakes Nero and Pleshcheyevo], in: Rus' v IX-XI vv.: Arheologicheskaya panorama [Russia in the 9th-11th centuries: Archaeological panorama], Moscow, Institut arheologii RAN Publ., 2012, pp. 162-177 [in Russian].

Levchenko 1956 - Levchenko M.V. Ocherki po istorii russko-vizantijskih otnoshenij [Essays on the history of Russian-Byzantine relations], Moscow, Izdatel'stvo AN SSSR Publ., 1956, 556 p. [in Russian].

Litavrin 2000 - Litavrin G.G. Vizantiya, Bolgariya, Drevnyaya Rus' (IX – nachalo XII v.) [Byzantium, Bulgaria, Ancient Russia (IX – early XII century)], Saint-Petersburg, Aletejya Publ., 2000, 398 p. [in Russian].

Lukoshkov 2011 - Lukoshkov A.V. Flot Drevnej Rusi v plavaniyah na Konstantinopol': nahodki i rekonstrukcii [The fleet of Ancient Russia on voyages to Constantinople: finds and reconstructions], in: Trudy Pervoj Mezhdunarodnoj konferencii «Nachala Russkogo mira» [Proceedings of the First International Conference "Beginnings of the Russian World"], Saint-Petersburg, BLIC Publ., 2011, pp. 204-217 [in Russian].

Machinskij, Gubchevskaya 2007 - Machinskij D.A., Gubchevskaya L.A. O pervonachal'noj Rusi [About original Russia], Staraya Ladoga, 2007, 113 p. [in Russian].

Makarov 2012 - Makarov N.A. Istoricheskie svidetel'stva i arheologicheskie realii: v poiskah sootvetstvij [Historical evidence and archaeological realities: in search of correspondences], in: Rus' v IX-XI vv.: Arheologicheskaya panorama [Russia in the 9th-11th centuries: Archaeological panorama], Moscow, Institut arheologii RAN Publ., 2012, pp. 448-459 [in Russian].

Maksimovich 2006 - Maksimovich K.A. Proiskhozhdenie etnonima «Rus'» v svete istoricheskoj lingvistiki i drevnejshih pis'mennyh istochnikov [The origin of the ethnonym "Rus" in the light of historical linguistics and ancient written sources], in: KANISKION: YUbilejnyj sbornik v chest' 60-letiya prof. I.S. CHichurova [Anniversary collection in honor of the 60th anniversary of Professor I.S. Chichurov], Moscow, Izdatel'stvo PSTGU Publ., 2006, pp. 14-56 [in Russian].

Mavrodin 1945 - Mavrodin V.V. Obrazovanie Drevnerusskogo gosudarstva [Formation of the Old Russian state], Leningrad, Izdatel'stvo LGU Publ., 1945, 427 p. [in Russian].

Mihail Psell 1978 - Mihail Psell. Hronografiya / Perevod, stat'ya i primechaniya YA.N. Lyubarskogo [Chronography / Translation, article and notes by Ya.N. Lyubarsky], Moscow, Nauka Publ., 1978, 324 p. [in Russian].

Mihajlova 2010 - Mihajlova I.B. Malye goroda YUzhnoj Rusi v VIII – nachale XIII veka [Small towns of South Russia in the VIII – early XIII centuries], Saint-Petersburg, Izdatel'stvo SPbGU Publ., 2010, 294 p. [in Russian].

Minorskij 1963 - Minorskij V.F. Istoriya SHirvana i Derbenda X-XI vekov [History of Shirvan and Derbend in the 10th-11th centuries], Moscow, Izdatel'stvo vostochnoj literatury Publ., 1963, 265 p. [in Russian].

Mishin 2002 - Mishin D.E. Sakaliba (slavyane) v arabskom mire v rannee srednevekov'e [Sakaliba (Slavs) in the Arab world in the early Middle Ages], Moscow, Kraft plyus Publ., 2002, 368 p. [in Russian].

Mogarichev i dr. 2009 - Mogarichev YU.M., Sazanov A.V., Stepanova E.V., SHaposhnikov A.K. ZHitie Stefana Surozhskogo v kontekste istorii Kryma ikonoborcheskogo vremeni [Life of Stefan Surozhsky in the context of the history of the Iconoclast Crimea], Simferopol, Antikva Publ., 2009, 334 p. [in Russian].

Mogarichev, Sazanov, Sorochan 2017 - Mogarichev YU.M., Sazanov A.V., Sorochan S.B. Krym v «hazarskoe» vremya (VIII – seredina X vv.): voprosy istorii i arheologii [Crimea in the "Khazar" time (VIII – the middle of the X centuries): questions of history and archeology], Moscow, Neolit Publ., 2017, 744 p. [in Russian].

Murasheva 2017 - Murasheva V.V. Nahodki derevyannyh korabel'nyh detalej iz Gnezdova [Finds of wooden ship parts from Gnezdovo], in: V (XXI) Vserossijskij arheologicheskij s"ezd. Sbornik nauchnyh trudov [V (XXI) All-Russian Archaeological Congress. Collection of scientific papers], Barnaul, Altajskij gosudarstvennyj universitet Publ., 2017, p. 728 [in Russian].

Murasheva i dr. 2020 - Murasheva V.V., Panin A.V., SHevcov A.O., Malysheva N.N., Zazovskaya E.P., Zareckaya N.E. Vremya vozniknoveniya poseleniya Gnyozdovskogo arheologicheskogo kompleksa po dannym radiouglerodnogo datirovaniya [The time of occurrence of the settlement of the Gnezdovsky archaeological complex according to radiocarbon dating], in: Rossijskaya arheologiya [Russian archeology], 2020, № 4, pp. 70-86 [in Russian].

Nasonov 1940 - Nasonov A.N. Tmutarakan' v istorii Vostochnoj Evropy X veka [Tmutarakan in the history of Eastern Europe in the 10th century], in: Istoricheskie zapiski [Historical notes], Vol. 6, 1940, pp. 79-99 [in Russian].

Nasonov 1969 - Nasonov A.N. Istoriya russkogo letopisaniya XI – nachala XVIII veka. Ocherki i issledovaniya [History of Russian chronicle writing in the 11th - early 18th centuries. Essays and studies], Moscow, Nauka Publ., 1969, 556 p. [in Russian].

Nazarenko 2012 - Nazarenko A.V. Rus' IX veka: obzor pis'mennyh istochnikov [Russia of the 9th century: a review of written sources], in: Rus' v IX-XI vv.: Arheologicheskaya panorama [Russia in the 9th-11th centuries: Archaeological panorama], Moscow, Institut arheologii RAN Publ., 2012, pp. 12-36 [in Russian].

Nefedkin 2011 - Nefedkin A.K. Voennoe delo sarmatov i alanov (po dannym antichnyh istochnikov) [Warfare of the Sarmatians and Alans (according to ancient sources)], Saint-Petersburg, Filologicheskij fakul'tet SPbGU Publ.; Nestor-Istoriya Publ., 2011, 304 p. [in Russian].

Nefedov 2012 - Nefedov V.S. Rannie etapy politogeneza na territorii Smolenskoj zemli (konec IX – pervaya polovina XI v.) [Early stages of politogenesis on the territory of the Smolensk land (late 9th - first half of the 11th century)], in: Severnaya Rus' i problemy formirovaniya Drevnerusskogo gosudarstva [Northern Russia and the problems of the formation of the Old Russian state], Vologda, Drevnosti Severa Publ., 2012, pp. 89-113 [in Russian].

Nefedova 1958 - Nefedova N.K. Kuda ezdili drevnie rusy – v Andalusiyu ili Anatoliyu? [Where did the ancient Rus go – to Andalusia or Anatolia?], in: Sovetskoe vostokovedenie [Soviet oriental studies], 1958, № 4, pp. 113-115 [in Russian].

Nikon 1989 - Ierodiakon Nikon (Lysenko). «Fotievo» kreshchenie slavyano-rossov i ego znachenie v predystorii Kreshcheniya Rusi ["Photios" baptism of the Slavic-Russians and its significance in the prehistory of the Baptism of Russia], in: Bogoslovskie trudy [Theological writings], Vol. 29, Moscow, Izdatel'stvo Moskovskoj Patriarhii Publ., 1989, pp. 27-40 [in Russian].

Nosov 2012 - Nosov E.N. Novgorodskaya zemlya: Severnoe Priil'men'e i Povolhov'e [Novgorod land: Northern Priilmenie and Volkhov region], in: Rus' v IX-XI vv.: Arheologicheskaya panorama [Russia in the 9th-11th centuries: Archaeological panorama], Moscow, Institut arheologii RAN Publ., 2012, pp. 92-121 [in Russian].

Nosov 2017 - Nosov E.N. Ryurikovo gorodishche – rezidenciya novgorodskih knyazej i ego rol' v stanovlenii Novgoroda [Rurik's settlement – the residence of the Novgorod princes and its role in the formation of Novgorod], in: Ryurikovo gorodishche. Novye etapy issledovanij [Rurik's settlement. New stages of research], Saint-Petersburg, Dmitrij Bulanin Publ., 2017, pp. 18-33 [in Russian].

Novosel'cev 1990 - Novosel'cev A.P. Hazarskoe gosudarstvo i ego rol' v istorii Vostochnoj Evropy i Kavkaza [The Khazar state and its role in the history of Eastern Europe and the Caucasus], Moscow, Nauka Publ., 1990, 264 p. [in Russian].

Novosel'cev 2000 - Novosel'cev A.P. Obrazovanie drevnerusskogo gosudarstva i pervyj ego pravitel' [The formation of the ancient Russian state and its first ruler], in: Drevnejshie gosudarstva Vostochnoj Evropy. 1998. Pamyati chlena-korrespondenta RAN Anatoliya Petrovicha Novosel'ceva [Ancient States of Eastern Europe. 1998. In memory of Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences Anatoly Petrovich Novoseltsev], Moscow, Vostochnaya literatura Publ., 2000, pp. 454-477 [in Russian].

Parhomenko 1913 - Parhomenko V.A. Nachalo Hristianstva Rusi. Ocherk iz istorii Rusi IX-X vv. [Beginning of Christianity in Russia. Essay on the history of Russia in the 9th-10th centuries], Poltava, Elektricheskaya tipografiya V.I. Markevicha Publ., 1913, 190 p. [in Russian].

Pashuto 1968 - Pashuto V.T. Vneshnyaya politika Drevnej Rusi [Foreign Policy of Ancient Russia], Moscow, Nauka Publ., 1968, 472 p. [in Russian].

Petrov 2011 - Petrov N.I. Askol'dova mogila: ot kurgana k toponimu [Askold's Grave: From a Mound to a Toponym], in: Trudy Pervoj Mezhdunarodnoj konferencii «Nachala Russkogo mira» [Proceedings of the First International Conference "Beginnings of the Russian World"], Saint-Petersburg, BLIC Publ., 2011, pp. 218-233 [in Russian].

Petruhin 1995 - Petruhin V.YA. Nachalo etnokul'turnoj istorii Rusi IX-XI vekov [The beginning of the ethnocultural history of Russia in the 9th-11th centuries], Smolensk, Rusich Publ.; Moscow, Gnozis Publ., 1995, 320 p. [in Russian].

Petruhin 2001 - Petruhin V.YA. O «Russkom kaganate», nachal'nom letopisanii, poiskah i nedorazumeniyah v novejshej istoriografii [About the "Russian Khaganate", the initial chronicle, searches and misunderstandings in modern historiography], in: Slavyanovedenie [Slavic studies], 2001, № 4, pp. 78-82 [in Russian].

Prisyolkov 1996 - Prisyolkov M.D. Istoriya russkogo letopisaniya XI-XV vv. [History of Russian Chronicle XI-XV centurie], Saint-Petersburg, Dmitrij Bulanin Publ., 1996, 326 p. [in Russian].

Prokopij Kesarijskij 2013 - Prokopij Kesarijskij. Vojna s persami. Vojna s vandalami. Tajnaya istoriya / Perevod s grecheskogo, vstupitel'naya stat'ya, kommentarii A.A. CHekalova; Otv. red. G.G. Litavrin [Procopius of Caesarea. War with the Persians. War with vandals. Secret History / Translation from Greek, introductory article, comments by A.A. Chekalova; Managing editor G.G. Litavrin], Saint-Petersburg, Aletejya Publ., 2013, 544 p. [in Russian].

PSRL. I - Polnoe sobranie russkih letopisej. T. I. Lavrent'evskaya letopis' [Complete collection of Russian chronicles. T. I. Laurentian Chronicle], Moscow, YAzyki slavyanskoj kul'tury Publ., 1997, 496 p. [in Russian].

PSRL. II - Polnoe sobranie russkih letopisej. T. II. Ipat'evskaya letopis' [Complete collection of Russian chronicles. T. II. Ipatiev Chronicle], Moscow, YAzyki slavyanskoj kul'tury Publ., 1998, 648 p. [in Russian].

PSRL. III - Polnoe sobranie russkih letopisej. T. III. Novgorodskaya pervaya letopis' starshego i mladshego izvodov [Complete collection of Russian chronicles. T. III. Novgorod First Chronicle of the Senior and Junior Editions], Moscow, YAzyki slavyanskoj kul'tury Publ., 2000, 720 p. [in Russian].

PSRL. VII - Polnoe sobranie russkih letopisej. T. VII. Voskresenskaya letopis' [Complete collection of Russian chronicles. T. VII. Resurrection chronicle], Moscow, YAzyki slavyanskoj kul'tury Publ., 2001, 360 p. [in Russian].

PSRL. IX - Polnoe sobranie russkih letopisej. T. IX. Letopisnyj sbornik, imenuemyj Patriarshej ili Nikonovskoj letopis'yu [Complete collection of Russian chronicles. T. IX. Chronicle collection, called the Patriarchal or Nikon Chronicle], Moscow, YAzyki slavyanskoj kul'tury Publ., 2000, 288 p. [in Russian].

PVL 1997 - Povest' vremennyh let (Podgotovka teksta, perevod i kommentarii O.V. Tvorogova) [The Tale of Bygone Years (Preparation of the text, translation and comments by O.V. Tvorogov)], in: Biblioteka literatury Drevnej Rusi. T. 1. XI-XII vv. [Library of Literature of Ancient Russia. Volume 1. XI-XII centuries], Saint-Petersburg, Nauka Publ., 1997, pp. 62-315 [in Russian].

Radomskij 2004 - Radomskij YA.L. Etnicheskij sostav Prichernomorskoj Rusi. Dissertaciya na soiskanie uchenoj stepeni kandidata istoricheskih nauk [Ethnic composition of the Black Sea Rus. Thesis for the degree of candidate of historical sciences], Moscow, 2004, 321 p. [in Russian].

Rapov 1998 - Rapov O.M. Russkaya cerkov' v IX – pervoj treti XII v. Prinyatie Hristianstva. Vtoroe izdanie, ispravlennoe i dopolnennoe [Russian Church in the 9th - the first third of the 12th century. Acceptance of Christianity. Second edition, corrected and enlarged], Moscow, Russkaya panorama Publ., 1998, 416 p. [in Russian].

Rier 2000 - Rier YA.G. Agrarnyj mir Vostochnoj i Central'noj Evropy v srednie veka (po arheologicheskim dannym) [Agrarian world of Eastern and Central Europe in the Middle Ages (according to archaeological data)], Mogilev, 2000, 264 p. [in Russian].

Romanchuk 1979 - Romanchuk S.P. Istoriko-landshaftnyj analiz drevnih sistem hozyajstva [Historical and landscape analysis of ancient economic systems], in: Fizicheskaya geografiya i geomorfologiya [Physical geography and geomorphology], Vol. 22, Kyiv, 1979, pp. 67-75 [in Russian].

Romanchuk 2008 - Romanchuk A.I. Issledovaniya Hersonesa-Hersona. Raskopki. Gipotezy. Problemy. V dvuh tomah. T. 2. Vizantijskij gorod [Explorations of Chersonesos-Kherson. Excavations. Hypotheses. Problems. In two volumes. Volume 2. Byzantine city], Tyumen, Izdatel'stvo Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta Publ., 2008, 544 p. [in Russian].

Rybakov 1958 - Rybakov B.A. Rus' i strana Andalus v IX-X vekah [Russia and the country of Andalus in the 9th-10th centuries], in: Sovetskoe vostokovedenie [Soviet oriental studies], 1958, № 4, pp. 116-119 [in Russian].

Rybakov 1963 - Rybakov B.A. Drevnya Rus'. Skazaniya. Byliny. Letopisi [Ancient Russia. Legends. Epics. Annals], Moscow, Izdatel'stvo AN SSSR Publ., 1963, 364 p. [in Russian].

Rybakov 1982 - Rybakov B.A. Kievskaya Rus' i russkie knyazhestva XII-XIII vv. [Kievan Rus and Russian principalities of the XII-XIII centuries], Moscow, Nauka Publ., 1982, 598 p. [in Russian].

Saharov 1980 - Saharov A.N. Diplomatiya Drevnej Rusi. IX – pervaya polovina X v. [Diplomacy of Ancient Russia. IX - the first half of the X century], Moscow, Mysl' Publ., 1980, 360 p. [in Russian].

Sedov 1998 - Sedov V.V. Russkij kaganat IX veka [Russian Khaganate of the 9th century], in: Otechestvennaya istoriya [National history], 1998, № 4, pp. 3-14 [in Russian].

Sedov 1999 - Sedov V.V. Drevnerusskaya narodnost'. Istoriko-arheologicheskoe issledovanie [Ancient Russian people. Historical and archaeological research], Moscow, YAzyki russkoj kul'tury Publ., 1999, 312 p. [in Russian].

Sedov 2002 - Sedov V.V. Slavyane. Istoriko-arheologicheskoe issledovanie [Slavs. Historical and archaeological research], Moscow, YAzyki russkoj kul'tury Publ., 2002, 622 p. [in Russian].

Ševčenko 1977 - Ševčenko I. Hagiography of the Iconoclast Period, in: Iconoclasm, Birmingham, 1977, pp. 113-131 [in English].

SHahmatov 2002 - SHahmatov A.A. Istoriya russkogo letopisaniya. T. I. Kn. 1. Razyskaniya o drevnejshih russkih letopisnyh svodah [History of Russian Chronicle. Volume I. Part 1. Searches for the most ancient Russian chronicles], Saint-Petersburg, Nauka Publ., 2002, 486 p. [in Russian].

SHapovalov 1991 - SHapovalov G.I. Podvodnye issledovaniya sudov X-XI i XIV-XV vv. u o. Hortica [Underwater research of ships of the X-XI and XIV-XV centuries. at about. Khortytsya], in: Drevnosti stepnogo Prichernomor'ya i Kryma [Antiquities of the Black Sea steppe and Crimea], Vol. 2, Zaporozhye, 1991, pp. 174-179 [in Russian].

SHCHavelev 2014 - SHCHavelev A.S. «V samyh zhe verhov'yah reki Dnepr obitayut rosy…» (DAI. 42. 60-61)1: k voprosu o pervom upominanii torgovo-remeslennogo poseleniya rusi u d. Gnezdovo ["Ross live in the very upper reaches of the Dnieper River…" (DAI. 42. 60-61)1: on the question of the first mention of a trade and craft settlement of Rus near the village of Gnezdovo], in: Mista Davn'oï Rusi [Cities of Ancient Russia], Kyiv, Starodavnij svit Publ., 2014, pp. 369-373 [in Russian].

SHCHavelev 2014a - SHCHavelev A.S. Plemya severyan i hazarskie kreposti: eshche raz o geopolitike yuga Vostochnoj Evropy pervoj poloviny IX veka [The tribe of northerners and the Khazar fortresses: once again about the geopolitics of the south of Eastern Europe in the first half of the 9th century], in: Kniga Kartiny zemli. Sbornik v chest' I.G. Konovalovoj [Book Pictures of the Earth. Collection in honor of I.G. Konovalova], Moscow, Indrik Publ., 2014, pp. 323-329 [in Russian].

SHCHavelev 2016 - SHCHavelev A.S. Izvestie o «severnyh skifah» («rosah») v traktate «Taktika» vizantijskogo imperatora L'va VI Mudrogo [News about the "Northern Scythians" ("Roses") in the treatise "Tactics" of the Byzantine Emperor Leo VI the Wise], in: Istoricheskaya geografiya [Historical geography], Vol. 3, Moscow, Akvilon Publ., 2016, pp. 236-250 [in Russian].

SHCHavelev, Fetisov 2014 - SHCHavelev A.S., Fetisov A.A. K istoricheskoj geografii Vostochnoj Evropy IX – nachala X veka. 1. Karta kladov i konfiguraciya torgovyh putej [On the historical geography of Eastern Europe in the 9th - early 10th centuries. 1. Map of treasures and configuration of trade routes], in: Istoricheskaya geografiya [Historical geography], Vol. 2, Moscow, Akvilon Publ., 2014, pp. 7-53 [in Russian].

SHCHavelev, Fetisov 2017 - SHCHavelev A.S., Fetisov A.A. K istoricheskoj geografii Vostochnoj Evropy IX v. 2. Karta skandinavskih kompleksov i artefaktov [On the historical geography of Eastern Europe in the 9th century. 2. Map of Scandinavian complexes and artifacts], in: Drevnejshie gosudarstva Vostochnoj Evropy. 2015. Ekonomicheskie sistemy Evrazii v rannee Srednevekov'e [Ancient States of Eastern Europe. 2015. Economic systems of Eurasia in the early Middle Ages], Moscow, Russkij fond sodejstviya obrazovaniyu i nauke Publ., 2017, pp. 278-328 [in Russian].

SHCHaveleva 2004 - SHCHaveleva N.I. Drevnyaya Rus' v «Pol'skoj istorii» YAna Dlugosha (knigi I-VI): Teksty, perevod, kommentarij [Ancient Russia in the "Polish History" by Jan Dlugosh (books I-VI): Texts, translation, commentary], Moscow, Pamyatniki istoricheskoj mysli Publ., 2004, 495 p. [in Russian].

SHevchenko 2011 - SHevchenko YU.YU. Peshchernye hramy Podon'ya: Istoricheskie sud'by v epohu «Imperii CHingisidov» [Cave temples of the Don region: Historical fate in the era of the "Empire of Chinggisids"], in: Sibirskij sbornik. T. 3. Narody Evrazii v sostave dvuh imperij: Rossijskoj i Mongol'skoj [Siberian collection. Volume 3. The peoples of Eurasia as part of two empires: Russian and Mongolian], Saint-Petersburg, 2011, pp. 272-290 [in Russian].

SHinakov 2009 - SHinakov E.A. Obrazovanie Drevnerusskogo gosudarstva. Sravnitel'no-istoricheskij aspekt. Vtoroe izdanie, ispravlennoe i dopolnennoe [Formation of the Old Russian state. Comparative-historical aspect. Second edition, corrected and enlarged], Moscow, Vostochnaya literatura Publ., 2009, 477 p. [in Russian].

SHitov i dr. 2005 - SHitov M.V., Biske YU.S., Pleshivceva E.S., Makarov A.YA. Pozdnegolocenovye izmeneniya urovnya Volhova v rajone Staroj Ladogi [Late Holocene Volkhov Level Changes in the Staraya Ladoga Region], in: Vestnik SPbGU. Nauki o Zemle [Bulletin of St. Petersburg State University. Earth sciences], 2005, № 4, pp. 3-16 [in Russian].

SHlyocer 1816 - SHlyocer A.L. Nestor. Russkie letopisi na drevle-slavyanskom yazyke [Nestor. Russian Chronicles in Old Slavonic], Vol. II, Saint-Petersburg, 1816, 842 p. [in Russian].

SHumilov 2014 - SHumilov E.N. Severnoe poberezh'e Maloj Azii kak ob"ekt ekspansii i torgovli rusov v IX-X vv. [The northern coast of Asia Minor as an object of expansion and trade of the Rus in the 9th-10th centuries], in: Evropa [Europe], 2014, № 13, pp. 28-33 [in Russian].

Slovar' 2012 - Svodnyj slovar' lichnyh imen narodov Severnogo Kavkaza / Otvetstvennyj redaktor professor R.YU. Namitokova [Consolidated dictionary of personal names of the peoples of the North Caucasus / Responsible editor Professor R.Y. Namitokova], Moscow, FLINTA Publ.; Nauka Publ., 2012, 584 p. [in Russian].

Sobolevskij 1929 - Sobolevskij A.I. Toponimicheskie zametki [Toponymic notes], in: Izvestiya Tavricheskogo obshchestva istorii, arheologii i etnografii [Proceedings of the Tauride Society of History, Archeology and Ethnography], Vol. III, Simferopol, 1929, pp. 1-3 [in Russian].

Sojer 2002 - Sojer P. Epoha vikingov / Perevod s anglijskogo A.P. Sanina [The Viking Age / Translation from English by A.P. Sanina], Saint-Petersburg, Evraziya Publ., 2002, 352 p. [in Russian].

Solov'yov 1959 - Solov'yov S.M. Istoriya Rossii s drevnejshih vremyon v pyatnadcati knigah [History of Russia from ancient times in fifteen books], Vol. I, Moscow, Izdatel'stvo social'no-ekonomicheskoj literatury Publ., 1959, 812 p. [in Russian].

Sorokin 1997 - Sorokin P.E. Prirodnye usloviya i sudovoe delo Severo-Zapadnoj Rusi [Natural conditions and ship business of North-Western Russia], in: Drevnosti Povolhov'ya [Antiquities of the Volkhov region], Saint-Petersburg, 1997, pp. 42-58 [in Russian].

Sorokin 2018 - Sorokin P.E. O pogrebeniyah v lad'e na territorii Rusi [About burials in the boat on the territory of Russia], in: Arheologiya Drevnej Rusi: problemy i otkrytiya. Materialy mezhdunarodnoj konferencii, posvyashchennoj 100-letiyu so

dnya rozhdeniya D.A. Avdusina [Archeology of Ancient Russia: problems and discoveries. Proceedings of the international conference dedicated to the 100th anniversary of the birth of D.A. Avdusin], Moscow, Izdatel'stvo MGU Publ., 2018, pp. 67-68 [in Russian].

Spicyn 1909 - Spicyn A.A. Istoriko-arheologicheskie razyskaniya. I-III [Historical and archaeological research. I-III], in: ZHurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya. Novaya seriya [Journal of the Ministry of Public Education. New series], Vol. XIX, 1909, № 1, pp. 67-98 [in Russian].

Sverdlov 2003 - Sverdlov M.B. Domongol'skaya Rus'. Knyaz' i knyazheskaya vlast' na Rusi VI – pervoj treti XIII v. [Domongolian Rus. Prince and princely power in Russia VI - the first third of the XIII century], Saint-Petersburg, Akademicheskij proekt Publ., 2003, 736 p. [in Russian].

Svod II - Svod drevnejshih pis'mennyh izvestij o slavyanah [Collection of the oldest written news about the Slavs], Vol. II, Moscow, Vostochnaya literatura Publ., 1995, 592 p. [in Russian].

Talis 1973 - Talis D.L. Toponimy Kryma s kornem «ros» [Toponyms of Crimea with the root "ros"], in: Antichnaya drevnost' i srednie veka [Antiquity and the Middle Ages], Vol. 10, Sverdlovsk, 1973, pp. 229-234 [in Russian].

Talis 1974 - Talis D.L. Rosy v Krymu [Ross in Crimea], in: Sovetskaya arheologiya [Soviet archeology], 1974, № 3, pp. 87-99 [in Russian].

Tolochko 1990 - Tolochko O.P. Do pitannya pro sakral'ni chinniki stanovlennya knyazivs'koi vladi na Pyci u IX-X st. [To the question of the sacred factors of the formation of princely power in Russia in the 9th-10th centuries], in: Arheologiya [Archeology], 1990, № 1, pp. 51-63 [in Ukrainian].

Tolochko 2003 - Tolochko P.P. Russkie letopisi i letopiscy X-XIII vv. [Russian chronicles and chroniclers of the X-XIII centuries], Saint-Petersburg, Aletejya Publ., 2003, 296 p. [in Russian].

Tolochko 2003a - Tolochko P.P. Dvorcovye intrigi na Rusi [Palace intrigues in Russia], Saint-Petersburg, Aletejya Publ., 2003, 224 p. [in Russian].

Tolochko 2015 - Tolochko A.P. Ocherki nachal'noj rusi [Essays on early Russia], Kyiv; Saint-Petersburg, Laurus Publ., 2015, 336 p. [in Russian].

Tortika 2007 - Tortika A.A. Voenno-politicheskaya i social'naya struktura alano-bolgarskogo naseleniya lesostepnogo Podon'ya-Pridonech'ya v Hazarskoe vremya (konec VIII – nachalo X vv.) [Military-Political and Social Structure of the Alano-Bulgarian Population of the Forest-Steppe of the Don-Don Region in the Khazar Time (late 8th - early 10th centuries)], in: Vostochnaya Evropa v drevnosti i srednevekov'e [Eastern Europe in Antiquity and the Middle Ages], Vol. XIX, Moscow, 2007, pp. 267-273 [in Russian].

Trubachev 1999 - Trubachev O.N. Indoarica v Severnom Prichernomor'e. Rekonstrukciya reliktov yazyka. Etimologicheskij slovar' [Indoarica in the Northern Black Sea region. Reconstruction of language relics. Etymological dictionary], Moscow, Nauka Publ., 1999, 320 p. [in Russian].

Trubachev 2005 - Trubachev O.N. V poiskah edinstva: vzglyad filologa na problemu istokov Rusi. Tret'e izdanie, dopolnennoe [In search of unity: a philologist's view of the problem of the origins of Russia. Third edition, revised], Moscow, Nauka Publ., 2005, 286 p. [in Russian].

Turchaninov 1964 - Turchaninov G.F. O yazyke nadpisej na kamnyah Mayackogo gorodishcha i flyagah Novocherkasskogo muzeya [About the language of inscriptions on the stones of the Mayak settlement and the flasks of the Novocherkassk Museum], in: Sovetskaya arheologiya [Soviet Archaeology], 1964, № 1, pp. 72-87 [in Russian].

Turchaninov 1990 - Turchaninov G.F. Drevnie i srednevekovye pamyatniki osetinskogo pis'ma i yazyka [Ancient and medieval monuments of Ossetian writing and language], Vladikavkaz, Ir Publ., 1990, 240 p. [in Russian].

Tvorogov 1976 - Tvorogov O.V. Povest' vremennyh let i Nachal'nyj svod (Tekstologicheskij kommentarij) [The Tale of Bygone Years and the Initial Code (Textual commentary)], in: Trudy Otdela drevnerusskoj literatury [Proceedings of the Department of Old Russian Literature], Vol. XXX, Leningrad: Nauka Publ., 1976, pp. 3-26 [in Russian].

Tvorogov 1992 - Tvorogov O.V. Skol'ko raz hodili na Konstantinopol' Askol'd i Dir? [How many times did Askold and Dir go to Constantinople?], in: Slavyanovedenie [Slavic studies], 1992, № 2, pp. 54-59 [in Russian].

Vashari 1998 - Vashari I. O runicheskih sistemah pis'ma Vostochnoj Evropy [On the runic writing systems of Eastern Europe], in: Altaica, 1998, Vol. II, pp. 32-45 [in Russian].

Vasil'ev 1900 - Vasil'ev A.A. Vizantiya i araby. T. 1. Politicheskie otnosheniya Vizantii i arabov za vremya Amorijskoj dinastii [Byzantium and the Arabs. Volume 1. Political relations between Byzantium and the Arabs during the Amorian dynasty], Saint-Petersburg, Tipografiya I.N. Skorohodova Publ., 1900, 407 p. [in Russian].

Vasil'ev 1902 - Vasil'ev A.A. Vizantiya i araby. T. 2. Politicheskie otnosheniya Vizantii i arabov za vremya Makedonskoj dinastii (867-959 gg.) [Byzantium and the Arabs. T. 2. Political relations between Byzantium and the Arabs during the Macedonian dynasty (867-959)], Saint-Petersburg, Tipografiya I.N. Skorohodova Publ., 1902, 555 p. [in Russian].

Vasil'evskij 1915 - Vasil'evskij V.G. Trudy [Proceedings], Vol. III, Petrograd, 1915, 416 p. [in Russian].

Vasiliev 1946 - Vasiliev A.A. The Russian attack on Constantinople in 860, Cambridge, The Mediaeval Academy of America Publ., 1946, 246 p. [in English].

Vernadskij 1996 - Vernadskij G.V. Drevnyaya Rus' [Ancient Russia], Tver, LEAN Publ., 1996, 448 p. [in Russian].

Voronin 1948 - Voronin N.N. Sredstva i puti soobshcheniya [Means and ways of communication], in: Istoriya kul'tury Drevnej Rusi [History of culture of Ancient Russia], Vol. 1, Moscow; Leningrad, Izdatel'stvo AN SSSR Publ., 1948, pp. 280-314 [in Russian].

Zajcev, Morozov 2007 - Zajcev I.V., Morozov D.A. Neizvestnyj i bolee rannij variant drevnerusskoj dokirillicheskoj nadpisi Ibn an-Nadima [Unknown and earlier version of the Old Russian pre-Cyrillic inscription of Ibn an-Nadim], in: Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki [Ancient Russia. Issues of medieval studies], 2007, № 2 (28), pp. 112-115 [in Russian].

ZHih 2016 - ZHih M.I. Drevnie slavyane na Volyni (I tys. n.e.). CHast' vtoraya [Early Slavs in Volhynia (1st millennium AD). Part two], in: Istoricheskij format [Historical format], 2016, № 2, pp. 59-91 [in Russian].

ZHih 2017 - ZHih M.I. Radimichi (lokalizaciya, proiskhozhdenie, social'no-politicheskaya istoriya) [The Radimichi: their habitat, origin, and socio-political history], in: Istoricheskij format [Historical format], 2017, № 1-2, pp. 47-51 [in Russian].

ZHih 2018 - ZHih M.I. Raboty Dmitriya Tarasovicha Berezovca i problema lokalizacii Russkogo kaganata [Works of Dmitry Tarasovich Berezovets and the problem of localization of the Rus' khaganate], in: Istoricheskij format [Historical format], 2018, № 3-4, pp. 176-245 [in Russian].

ZHih 2018a - ZHih M.I. Lendzyane Konstantina Bagryanorodnogo i radimichi «ot roda lyahov» [Lendians of Constantine Porphyrogenitus and Radimichs "of Lyahis' origin"], in: Novye istoricheskie perspektivy: ot Baltiki do Tihogo okeana [New historical perspectives: from the Baltic to the Pacific], 2018, № 4 (13), pp. 36-53 [in Russian].

ZHih 2018b - ZHih M.I. O sootnoshenii «Novgorodskoj» i «Ladozhskoj» versij skazaniya o prizvanii varyagov v nachal'nom russkom letopisanii [On the relationship between the "Novgorod" and "Ladoga" versions of the legend about the calling of the Varangians in the initial Russian annals], in: Vestnik «Al'yans-Arheo» [Herald "Alliance-Archeo"], 2018, Vyp. 24, pp. 3-44 [in Russian].

ZHih 2020 - ZHih M.I. Vostochnye slavyane nakanune gosudarstvennosti [Eastern Slavs on the eve of statehood], Moscow, Veche Publ., 2020, 448 p. [in Russian].

ZHuravleva, CHubur 2010 - ZHuravleva YU.B., CHubur A.A. Srednevekovoe sudostroenie v yugo-vostochnoj Rusi (bassejny Desny i Oki) po arheologicheskim istochnikam [Medieval shipbuilding in southeastern Russia (Desna and Oka basins) according to archaeological sources], in: Voprosy podvodnoj arheologii [Issues of underwater archeology], Moscow, 2010, pp. 25-39 [in Russian].

Zolotarev 2005 - Zolotarev P.M. Nahodki dolblenyh lodok na territorii Verhnego i Srednego Dona [Finds of dugout boats in the Upper and Middle Don], in: Arheologicheskie pamyatniki Vostochnoj Evropy: Mezhvuzovskij sbornik nauchnyh trudov [Archaeological monuments of Eastern Europe: Interuniversity collection of scientific papers], Voronezh, Voronezhskij gosudarstvennyj pedagogicheskij universitet Publ., 2005, pp. 81-88 [in Russian].

Zosim 2010 - Zosim. Novaya istoriya / Perevod, kommentarij, ukazateli N.N. Bolgova [New history / Translation, commentary, indexes by N.N. Bolgov], Belgorod, Izdatel'stvo Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta Publ., 2010, 344 p. [in Russian].

Zvyagin 2009 - Zvyagin YU.YU. Velikij put' iz varyag v greki. Tysyacheletnyaya zagadka istorii [The Great Road from the Varangians to the Greeks. Millennium mystery of history], Moscow, Veche Publ., 2009, 240 p. [in Russian].

Беззаконов Сергей Николаевич
– Независимый исследователь (Ростов-на-Дону, Россия).

Sergey Bezzakonov
– Independent Researcher (Rostov-on-Don, Russia).

bezzakonov@mail.ru

Жих Максим Иванович
– Общественно-научный проект «Российско-немецкий исторический семинар» (Санкт-Петербург, Россия).

Maksim Zhikh
– The Public and Scientific Project «Russian-German Historical Seminar» (Saint Petersburg, Russia).

max-mors@mail.ru

ОБЗОР ДАННЫХ ИСКОПАЕМОЙ ДНК: ГАПЛОКАРТЫ G и I

И.Л. Рожанский
Академия ДНК-генеалогии
Россия, 127591, г. Москва, ул. Дубнинская, дом 26, корпус 1
e-mail: info@dna-academy.ru
Scopus Author ID: 6602811767
Researcher ID: M-8875-2018
http://orcid.org/0000-0002-7571-7626
SPIN-код: 9823-3659

АВТОРСКОЕ РЕЗЮМЕ
Был собран и систематизирован материал по ископаемым образцам из Y-гаплогрупп G и I, опубликованный в научных работах с 2012 по май 2022 года. Данные по более чем 1000 образцам размещены на интерактивных каретах на платформе Google Maps (https://www.google.com/maps/d/edit?mid=13zk0SwvZkHX0PDNdoMjb6LuY0JruOVWU&usp=sharing и https://www.google.com/maps/d/edit?mid=1OF0IJexAbSiTwS2m6e6--SDnwSn689LX&usp=sharing). Согласно полученным результатам, ископаемые образцы ДНК из гаплогруппы I могут рассматриваться как важный источник по истории Европы от палеолита до периода бронзы, когда ее представители доминировали среди коренного населения. Его взаимодействие с переселившимися из Малой Азии носителями гаплогруппы G предопределило ход неолитической революции в Европе. В частности, кризис сообществ раннего неолита в начале IV тысячелетия до н.э., известный как гибель Старой Европы, сопровождался усилением и численным ростом ветвей из гаплогруппы I.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: **ископаемая ДНК, Y-гаплогруппа G, Y-гаплогруппа I, интерактивная карта, история Европы, Старая Европа.**

A REVIEW OF ANCIENT DNA DATA: HAPLOMAP OF G AND I

Igor Rozhanskii
Academy of DNA Genealogy
Russia, 127591, Moscow, st Dubninskaya, house 26, building 1
e-mail: info@dna-academy.ru

ABSTRACT
Data on ancient DNA samples from Y-chromosomal haplogroups G and I have been collected and arranged. They are taken from scientific sources published from 2012 to May 2022. More than 1000 samples have been placed onto interactive maps on the Google Maps platform (https://www.google.com/maps/d/edit?mid=13zk0SwvZkHX0PDNdoMjb6LuY0JruOVWU&usp=sharing and https://www.google.com/maps/d/edit?mid=1OF0IJexAbSiTwS2m6e6--SDnwSn689LX&usp=sharing). The current results on ancient DNA samples from I haplogroup can be considered as an important source on the European history since Paleolithic time until Bronze Age when its bearers dominated among the population of Europe. Its interaction with bearers of the haplogroup G, who migrated from Asia Minor, had a major impact in the process of Neolithic Revolution in Europe. In particular, a crisis of the Early Neolithic societies in the beginning of the 4th millennium BC (commonly known as the End of the Old Europe) has been accompanied by the 'resurgence' and numerical growth of people from the haplogroup I.

KEYWORDS: **ancient DNA, Y-chromosomal haplogroup G, Y-chromosomal haplogroup I, interactive map, history of Europe, Old Europe.**

ВВЕДЕНИЕ

Настоящая статья является продолжением серии обзоров по ископаемой Y-ДНК, начатой в 2017 году и продолженной спустя 4 года (Рожанский 2017; 2021). Предыдущий обзор был посвящен гаплогруппе R1b, по которой имеется самый большой массив данных – более 1000 образцов, охарактеризованных с помощью современных методов палеогенетики. При анализе данных удалось получить сведения по истории Европы и Центральной Азии, которые были ранее недоступны для исследователей, либо являлись предметом дискуссий и спекуляций. В частности, появились прямые подтверждения, что смена археологических культур Европы эпохи ранней бронзы (4500-4200 лет назад) сопровождалась резкими изменениями в демографии и быстрым ростом популяций, в которых доминировали носители гаплогруппы R1b.

Анализ демографической истории Европы был бы неполон без данных о линиях, которые уступили свое ведущее положение ветвям из гаплогруппы R1b.

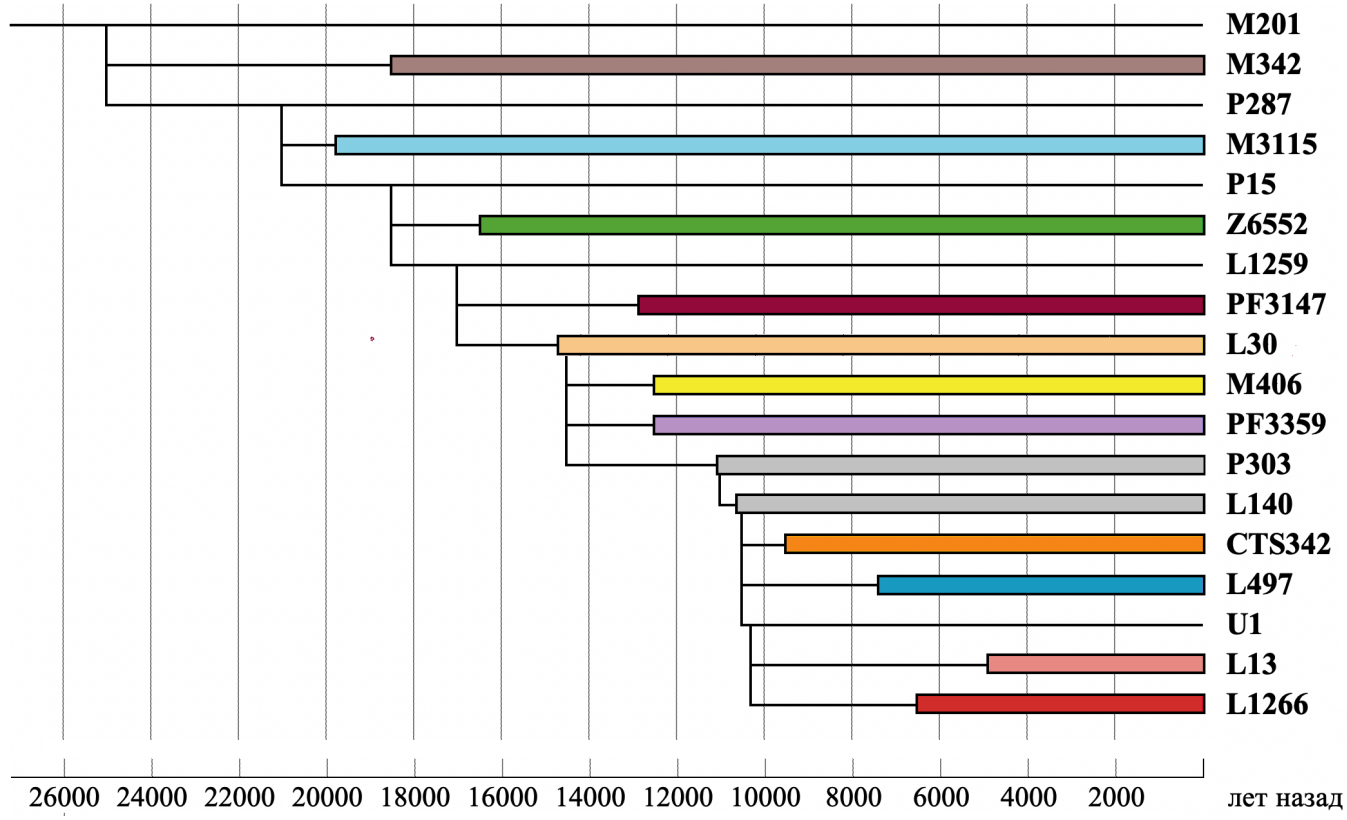


Рис. 1. Упрощенное древо гаплогруппы G, с указанием основных субкладов, датировок ветвления и времен жизни предков современных представителей ветвей (длина цветных прямоугольников)

По данным палеогенетики, население Старой Европы (в определении М. Гимбутас) составляли в основном носители гаплогрупп G-M201 и I-M170. Данные по находкам образцов из этих гаплогрупп в археологических памятниках должны представлять большую ценность для реконструкции древней истории Европы. С их помощью появляется возможность проверить гипотезы о древних европейских миграция независимыми методами. В частности, это касается процесса неолитизации Европы, о движущих силах которого нет связного представления. В предыдущем обзоре анализировались данные только по гаплогруппе R1b. Следуя тому же принципу, анализ данных по гаплогруппам G и I можно провести раздельно, но в данном случае более наглядная картина получается, если сделать это параллельно, двигаясь от эпохи к эпохе. О достоинствах и возможных недостатках такого подхода пусть судят читатели.

ПОСТАНОВКА ЗАДАЧИ И РЕЗУЛЬТАТЫ

Также как в предыдущем обзоре, собранные автором сведения из оригинальных работ размещены на интерактивных картах, где каждый образец помещен в место его находки, а информация по нему открывается в виде всплывающего окна при нажатии на символ. Постоянно обновляющиеся гаплокарты на платформе GoogleMaps можно найти по следующим ссылкам:

G-M201 https://www.google.com/maps/d/edit?mid=13zk0SwvZkHX0PDNdoMjb6LuY0JruOVWU&usp=sharing

I-M170 https://www.google.com/maps/d/edit?mid=1OF0IJexAbSiTwS2m6e6--SDnwSn689LX&usp=sharing

Каждый образец подписан его обозначением в оригинальной публикации, а также снабжен (если доступно) кодом в музейных каталогах, статьях археологов и т.п. Нотация Y-гаплогрупп, во избежание двусмысленности, приведена в соответствие с нотацией YFull v10.03.00 (https://www.yfull.com/tree/). Это дает возможности при необходимости быстро найти положение образца на YTree, пользуясь опцией поиска на портале YFull. Нотация митохондриальных гаплогрупп оставлена такой же, как в оригинальных работах. Если доступно, во всплывающем окне также дается т.н. покрытие (coverage) – среднее число прочтений полного генома образца. Его величина дает представление о степени сохранности ДНК и надежности определения снипов. При тестировании современных образцов ДНК стандартом считается покрытие от 10 до 30, что позволяет, как правило, получить исчерпывающую информацию о позиции на древе гаплогрупп Y-ДНК. Если оно меньше, то появляется неопределенность, нарастающая по мере убывания величины. По этой причине данные, полученные на покрытии менее 1, как правило, неоднозначны, а выводы, полученные из анализа, могут различаться у разных исследователей. Для большинства образцов с низким покрытием удается углубиться только на уровень самых поверхностных субкладов, что следует учитывать при работе с картой. В обозначениях датировок аббревиатура «cal» означает, что дата

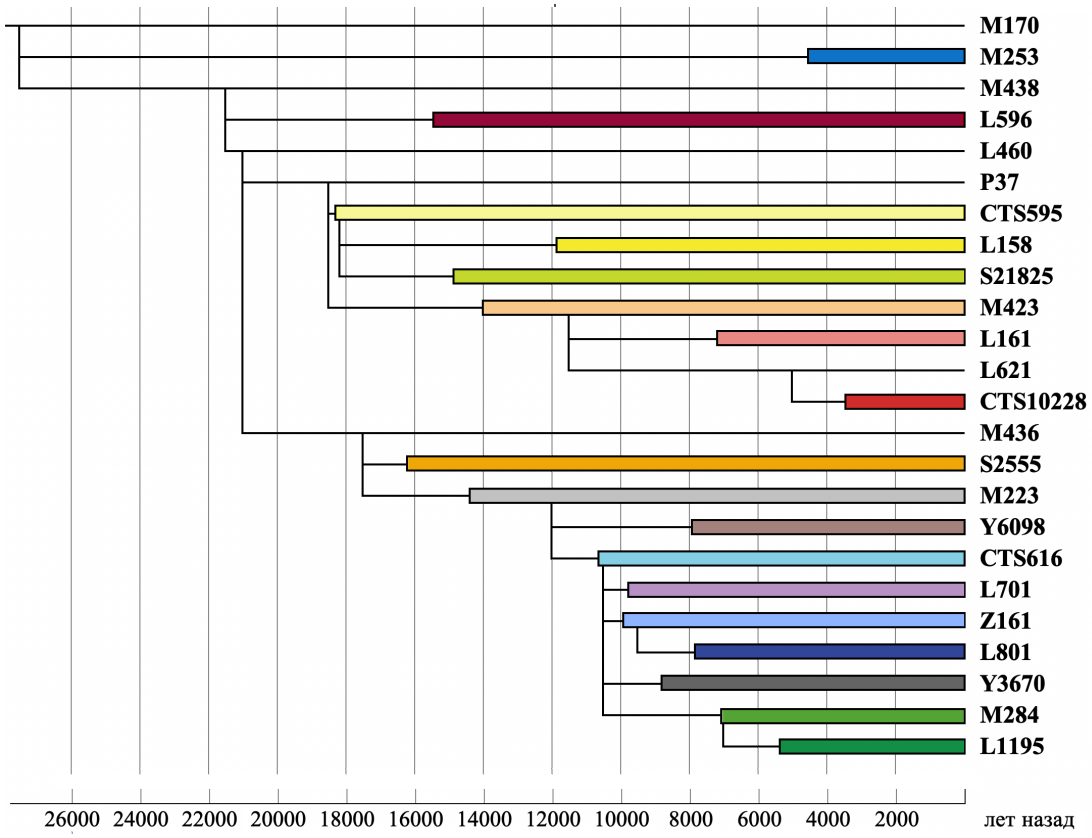


Рис. 2. Упрощенное древо гаплогруппы I, с указанием основных субкладов, датировок ветвления и времен жизни предков современных представителей ветвей (длина цветных прямоугольников)

была получена при радиоуглеродном анализе материала из того же образца и откалибрована по общепринятой методике. Доверительный интервал дается для 95 % вероятности. Если пометка «cal» отсутствует, то датировка было получена по косвенным данным: археологическому контексту, близкому родству с образцами, датировки которых известны, и т.д. При заполнении графы «археологический контекст» приоритет отдавался данным из оригинальных работ. Если они отсутствовали или были неоднозначными, привлекались материалы из работ археологов по соответствующей тематике. Названия мест находок и их координаты взяты из оригинальных статей. Если данных по координатам не было или они были заведомо неточными, их поиск автор проводил самостоятельно, используя все доступные материалы. Каждый образец снабжен ссылкой на публикацию, где он описан. Их список можно найти в конце статьи. В оригинальных работах можно, при необходимости, найти другие характеристики образцов, что были опущены в таблицах во избежание излишней перегруженности.

При пользовании картой следует иметь в виду, что образцы, взятые из одного и того же места, накладываются один на другой, а потому виден только последний из списка. Чтобы получить информацию по каждому, следует воспользоваться легендой к карте, где они выписаны по отдельности. Автор сознательно не стал их искусственно разносить, чтобы не искажать фактическое географическое положение того или иного археологического сайта. Для удобства работы с картой, образцы разных эпох обозначены разными символами: каменный век и энеолит – кружками, бронзовый век – ромбами, железный век – квадратами. Цвет символа соответствует принадлежности к субкладу той или иной гаплогруппы, согласно приведенным ниже схемам ветвления (рис. 1 и 2). Если ни один из обозначенных на схеме субкладов не удается определить, символ не закрашен.

Также как в предыдущем обзоре по гаплогруппе R1b, в список источников вошли работы, в которых анализ ДНК проводили по технологии NGS (Next Generation Sequencing), а сырые данные по секвенсированию образцов были размещены в открытом генетическом банке данных (https://www.ebi.ac.uk/ena/browser/home). Эти публикации датируются 2012 годом и позднее. Данные из более ранних работ на карту не нанесены как недостаточно информативные. Для дальнейшего уточнения привлекались материалы с порталов YFull (https://www.yfull.com/tree/) и Indo-European (https://indo-european.eu/ancient-dna/), на которых размещены результаты независимого анализа генетических данных для части опубликованных образцов.

По состоянию на конец мая 2022 года на интерактивной карте гаплогруппы G размещено 346 образцов, гаплогруппы I - 739 образцов. Они распределены по 6 слоям по хронологическому принципу. По тому же принципу построен обзор данных, который ориентирован на ключевые моменты по каждой из рассматриваемых эпох.

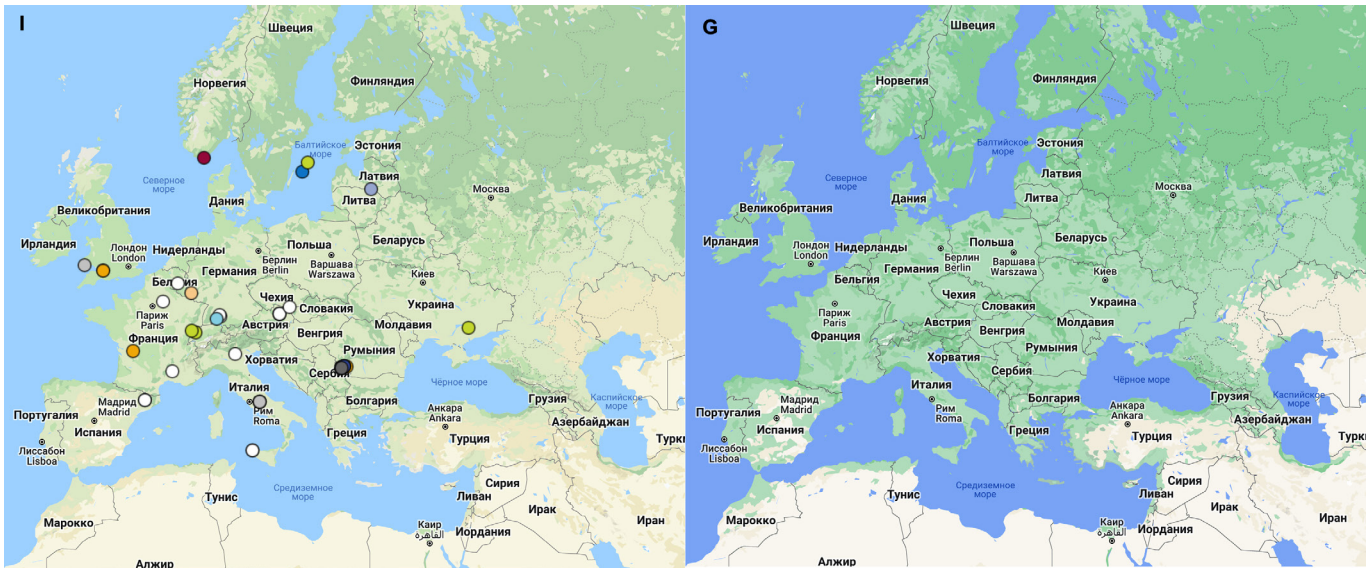


Рис. 3. Снимки экрана для слоев с образцами палеолита и мезолита от 18.06.2022

СЛОЙ № 1. ПАЛЕОЛИТ И МЕЗОЛИТ

В слой включено 44 образца с датировками от 31000 до 8000 лет назад, все из гааплогруппы I. Образцы из гаплогруппы G времен палеолита и мезолита пока отсутствуют в базах данных, что вызвано, прежде всего, недостаточной изученностью Передней Азии. Найдено всего несколько образцов ископаемой ДНК из Грузии, Турции, Ирана и Израиля, что датируются ранее, чем 10000 лет назад. Они из гаплогрупп C, E и J. В более изученной Европе столь ранние образцы из гаплогруппы G также пока не обнаружены. Очевидно, находки из гаплогруппы G времен палеолита – дело будущего.

Что касается гаплогруппы I, то имеющиеся на сегодняшний день данные говорят об ее глубоких европейских корнях. Ее носителей обнаружили в образцах из Австрии и Чехии со стоянок граветтской культуры верхнего палеолита. Они датируются 31000-29000 годами назад, что ранее, чем время разделения гаплогрупп I1-M253 и I2-M438 (30000-25000 лет назад, по расчетам YFull). В согласии с датировкой, ни у одного из этих образцов не обнаружены снипы, характеризующие гаплогруппы I1 и I2. Они из «нерасчлененной» гаплогруппы I, в которой до сих пор не обнаружено ни одного современного носителя. Та же родительская ветвь гаплогруппы I определена у более поздних образцов из палеолитической культуры Мадлен (16000-14000 лет назад) с территории Германии и Бельгии, но степень сохранности ДНК не позволяет это надежно подтвердить.

Образцы приемлемого качества эпохи мезолита распределены по разным субкладам, что существуют по сей день. Из-за недостаточной статистики сложно делать выводы о деталях в их географическом распространении. Например, в захоронениях у Железных Ворот на Дунае определили 6 субкладов из тех, что отмечены на рис. 2, но неизвестно, были те люди из одного племени или из разных. Можно также отметить, что пока в этом слое несколько чаще встречаются образцы из субкладов I2a-S21825 и I2a-S2555, что ныне являются одними из самых редких в гаплогруппе I. К последнему, в частности, принадлежит человек из Чеддера, живший 10565-9916 лет назад. От него получен самый ранний образец Y-ДНК с Британских островов (Brace et al. 2019).

СЛОЙ № 2. НЕОЛИТ

В слой входит 132 образца из гаплогруппы G и 111 образцов из гаплогруппы I с датировками от 9300 до 6000 лет назад. Определение слоя как «неолитического» несколько условно, потому что в разных регионах в этот интервал времен попадают также археологические культуры, которые принято относить к мезолиту (в частности, на севере Европы) и энеолиту (Передняя Азия). В данном случае, представляется более важным следовать датировкам, а не определениям археологов, которые могут меняться.

В данном слое число образцов из гаплогруппы G превышает их число из гаплогруппы I. Произошло это благодаря исследованиям палеогенетиков, посвященных культурам раннего неолита Европы: Старчево-Криж, Винча и линейно-ленточной керамики (Lipson et al. 2017; Mathieson et al. 2018). Выяснилось, что гаплогруппа G была основной среди людей, принадлежавших к этим культурам, с которыми связывают появление в Европе технологий неолита и производящего уклада хозяйства. Для образцов приемлемого качества установлены субклады G2a-PF3147, G2a-PF3359 и G2a-P303, общий предок которых жил около 17 тысяч лет назад, задолго до прихода людей из гаплогруппы G в Европу. Исследования по образцам на юго-востоке Турции позволили выяснить, где жили носители тех трех субкладов до переселения в Европу. Это хорошо известное археологам городище Чатал-Хююк и окружавшие его более мелкие поселения (Kılınç et al. 2016; Yaka et al. 2021). Эти находки следует считать прямым доказательство считавшегося долгое время спорным тезиса о Чатал-Хююке как прародине европейского неолита. За многие века жизни на ограниченном пространстве люди их этих трех ветвей полностью перемешались, а их потомки пересекли Босфор уже будучи перемешанными. То же самое наблюдается в неолитических захоронениях из Централь-

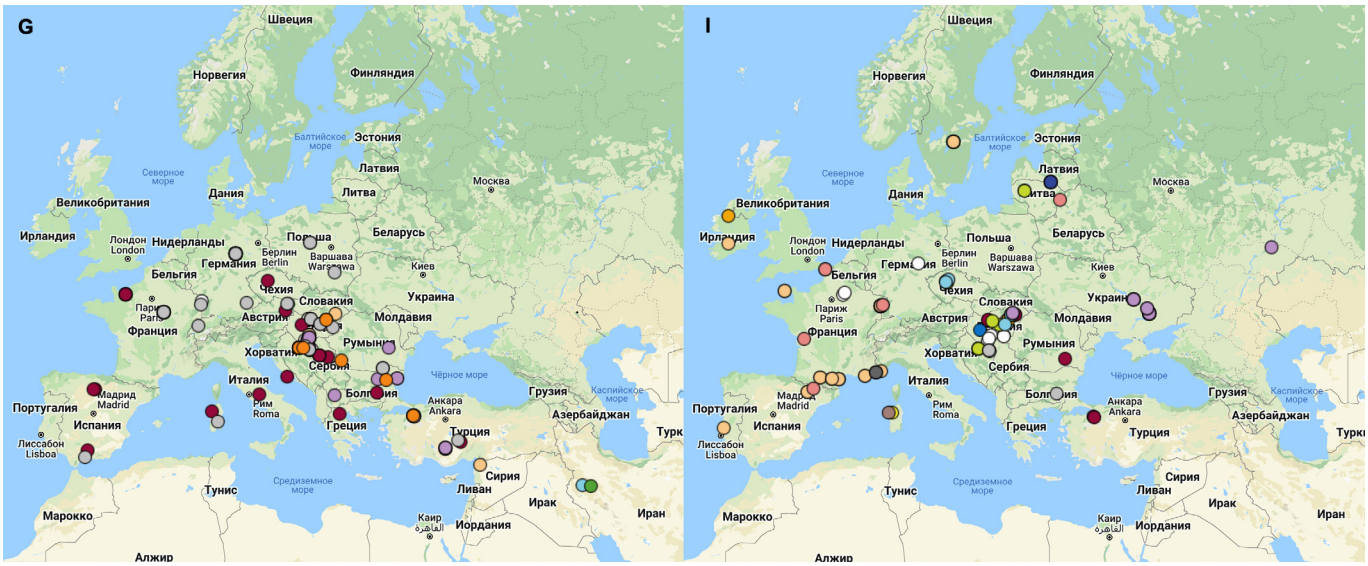


Рис. 4. Снимки экрана для слоев с образцами неолита от 18.06.2022

ной Европы – образцы из разных субкладов встречаются порой в пределах одной семейной группы.

На основании расчетов по полному геному людей из культур раннего неолита Европы и Малой Азии их объединили в один кластер, получивший название «анатолийские фермеры» (AF). Из расчета также сделали вывод об отсутствии сколько-нибудь значимого смешивания пришедших из Малой Азии земледельцев с коренным населением Балкан. Однако, это не так, если сопоставлять статистику по Y-ДНК. На 62 образца из культур раннего неолита Юго-Восточной Европы из гаплогруппы G приходится 30 образцов гаплогруппы I из тех же самых захоронений. У них определены те же субклады, что у жителей Балкан предшествующей эпохи мезолита. Следовательно, смешение было, и достаточно заметное, особенно по мужской линии. Почему его не зафиксировали расчеты по полным геномам, вопрос следует адресовать составителям алгоритмов.

За пределами Малой Азии и Восточной Европы образцы из той же триады субкладов гаплогруппы G найдены в Западном Средиземноморье, Германии и Франции, также в захоронениях местных неолитических культур. Здесь их доля сопоставима с долей гаплогруппы I, а это означает, что неолитическая революция в Европе происходила не только за счет миграции из Малой Азии, но и путем освоения новых навыков местным населением. По мере удаления от Балкан второй путь становился все более весомым.

Помимо «неолитической триады» G2a-PF3147, G2a-PF3359, G2a-P303, в слое присутствуют образцы из Ирана, что принадлежат к линиям, не обнаруженным в Европе той эпохи. Это ныне очень редкая ветвь G2b-M3115 и субклад G2a-Z6552, что в настоящее время характерен для народов Кавказа. По имеющимся на сегодняшний день единичным образцам невозможно оценить, где и в каком количестве жили носители этих ветвей в ту эпоху.

Гаплогруппа G отсутствует среди образцов из Ирландии, Швеции и Латвии, на территории которых тогда жили племена охотников-собирателей. Для них характерна гаплогруппа I, что представлена разными, далеко разошедшимися субкладами. Можно отметить, что среди них пока отсутствует гаплогруппа I1-M253, что в настоящее время является одной из самых больших по численности в Северной Европе. Днепро-донецкую культуру охотников, рыболовов и собирателей, что представлена в слое образцами с Украины, принято относить к неолиту. Среди людей, похороненных у днепровских порогов, отмечен только один субклад гаплогруппы I, а именно I2a-M223>L701, рост которого начался примерно за 2-2,5 тысячелетия до времени жизни тех людей (Mathieson et al. 2018). По имеющимся данным это была основная линия племен, живших на Среднем Днепре, но образцы из субклада L701 встречаются также в других местах, от Дуная до Хвалынска в Саратовской области (Anthony et al. 2022). Что стало движущей силой преимущественного роста и столь широкой географии сравнительно молодой в то время линии, еще предстоит выяснить.

СЛОЙ № 3. ЭНЕОЛИТ

Слой насчитывает 98 образцов из гаплогруппы G и 280 – из гаплогруппы I, с датировками от 6000 до 4500 лет назад. Как и с предыдущим слоем, определение «энеолит» здесь несколько условно, потому что в литературе принято относить культуры Северной Европы той эпохи к среднему и позднему неолиту. В данной ситуации приоритет отдавался не терминологии, а хронологии, что дает более объективную картину.

Распределение образцов из гаплогруппы G в Европе совпадает с тем, что было в предыдущую эпоху, но их доля относительно линий аборигенов из гаплогруппы I неуклонно снижается. Например, на территории Испании и Португалии соотношение образцов эпохи энеолита из гаплогрупп G и I составляет 17 к 65. В Центральной Европе, в ареале более ранней культуры линейно-ленточной керамики, гаплогруппа I также преобладает, но еще остаются анклавы, где линии гаплогруппы G из «неолитической триады» по-прежнему имеют перевес. Это захоронения трипольской культуры из пеще-

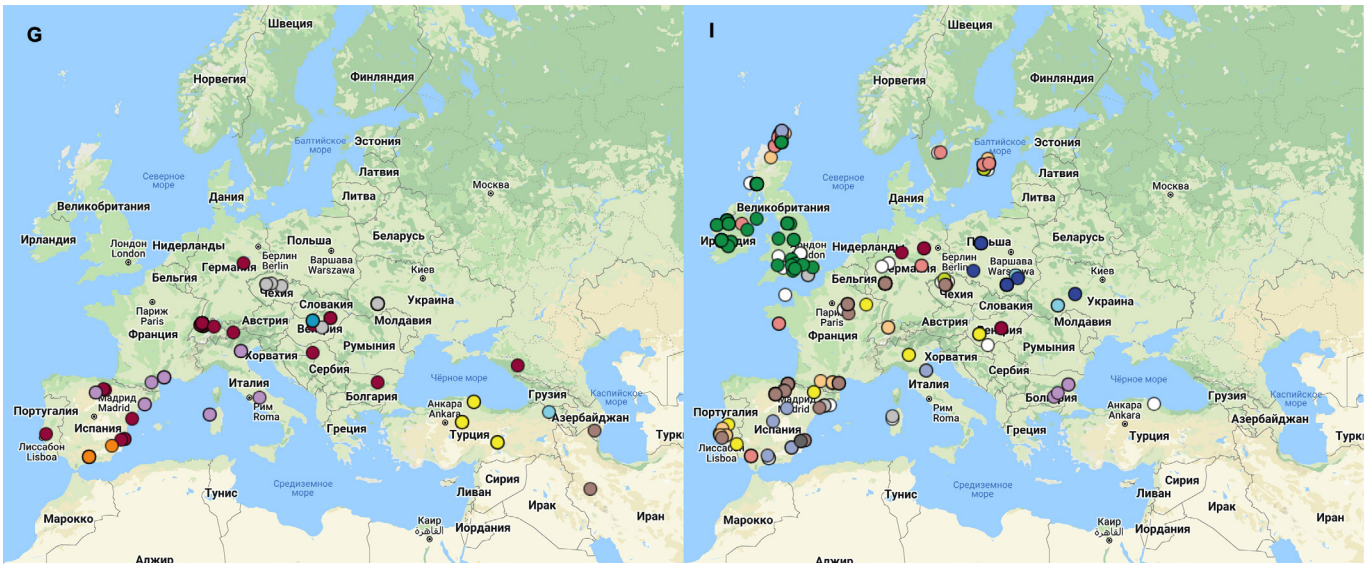


Рис. 5. Снимки экрана для слоев с образцами энеолита от 18.06.2022

ры Вертеба на Украине (Gelabert et al. 2022) и культуры Хорген в Швейцарии (Furtwängler et al. 2020). Субклад G2a-PF3147 определили у самого изученного, наверное, представителя той эпохи – «ледяного человека» Этци с итальянско-австрийской границы в Альпах (Keller et al. 2012). Результат теста был опубликован в 2012 году и стал сенсацией, потому что историки и археологи меньше всего ожидали, что древний европеец окажется из линии, что в современной Европе встречается крайне редко. Последующие находки подтвердили, что это не было случайностью.

Есть основания считать, что замена линий анатолийского происхождения на европейские далеко не всегда проходила мирно. Археологи отмечают многочисленные следы разрушений и пожаров в селениях на Балканах между 6000 и 5700 годами назад, а также заметный регресс в технологии (Anthony 2007: 225-230). В работах М. Гимбутас этот период получил образное название «Гибель Старой Европы». В расчетах по полному геному тот же период характеризуется как «возрождение наследия охотников-собирателей» (‘resurgence’ of hunter-gatherer ancestry) (Haak et al. 2015; Mathieson et al. 2018). Очевидно, все эти методы описывают одну и ту же цепь событий, детали которых пока неясны. Согласно гипотезе М. Гимбутас и ее последователей, они были вызваны вторжением степных племен, носителей индоевропейских языков. Однако это не подтверждают данные по ископаемой Y-ДНК на существующем уровне статистики – замещение происходило за счет местных, а не пришлых линий.

В то время, как в Европе продолжалась история тех же ветвей гаплогруппы G, что появились там ранее, в Переднкй Азии обнаруживают другие, не найденные до того субклады G1-M342 и G2a-M406 (Lazaridis et al. 2016; Skourtanioti et al. 2020). В настоящее время их носители живут в тех же местах (Турция, Иран, Азербайджан и другие страны Передней и Средней Азии), в Европе встречаются очень редко, преимущественно среди евреев-ашкенази. Очевидно, во времена раннего неолита их носители жили в стороне от мест, из которых шла миграция в Европу. Где именно, пока неизвестно в силу слабой изученности региона, в сравнении с Европой.

В археологических культурах Северной и Восточной Европы той эпохи образцы гаплогруппы G пока не найдены, а доминирует гаплогруппа I. Значительный перевес в статистике над гаплогруппой G в данном слое вызван, в первую очередь, детальными исследованиям по Британским Островам, что дали в сумме 92 образца из 280. В свою очередь, 47 из 92 британских и ирландских образцов (почти половина) приходится на ветвь I2a-M223>M284>L1195, рост которой начался 6300-4800 лет назад, уже после появления носителей неолитических культур на Островах. В силу обстоятельств эта молодая на тот момент линия оказалась демографически наиболее успешной. В настоящее время среди ее носителей встречаются почти исключительно уроженцы Британских Островов и их потомки в Новом Свете, но их доля многократно уступает той, что была во времена строительства Стоунхенджа.

Среди других линий гаплогруппы I, что характеризуют те или иные археологические культуры, можно отметить субклад I2a-M223>Z161>L801. Он оказался основной линией среди людей из культуры шаровидных амфор. Образцы поступили из 5 разных захоронений с территории Польши и Украины, что делает маловероятным случайный статистический выброс. Культуру шаровидных амфор ранее считали одной из предшественниц культуры шнуровой керамики (боевых топоров), но данные палеогенетики ставят под сомнение такую трактовку.

СЛОЙ № 4. БРОНЗОВЫЙ ВЕК

Слой по своей численности заметно уступает предыдущим. В него включено 39 образцов из гаплогруппы G и 108 – из гаплогруппы I, с датировками от 4500 до 2800 лет назад. О причинах столь явной убыли можно прочесть в предыдущем обзоре по гаплогруппе R1b (Рожанский 2021). Это следствие общего демографического кризиса в Европе в конце III тысячелетия до н.э., после

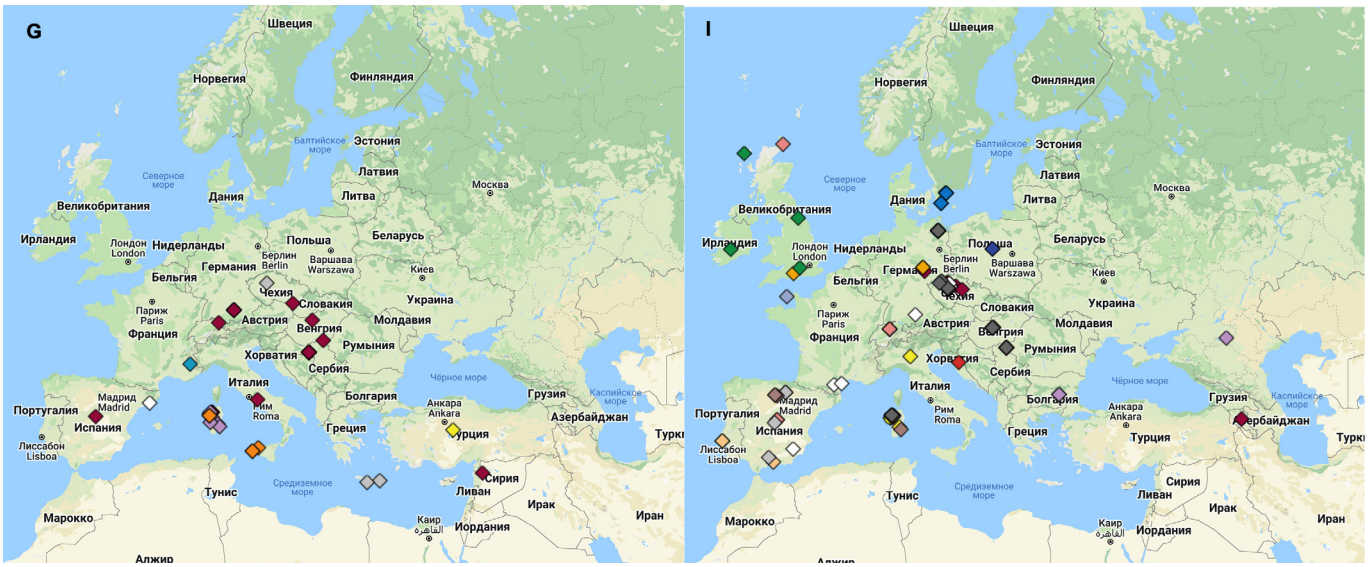


Рис. 6. Снимки экрана для слоев с образцами бронзового века от 18.06.2022

которого на западе Европы стал доминировать субклад R1b-L51, а на востоке – R1a-Z283.

Немногочисленные образцы гаплогруппы G из Центральной Европы принадлежат в основном к субкладу G2a-PG3147, что в эпоху неолита был основной линией региона. Тот же субклад отмечен в эпоху бронзы за пределами Европы – в Сирии (город Эбла) и Узбекистане (городище Саппали-тепе из бактрийско-маргианского археологического комплекса). Число образцов из Передней Азии и Леванта, как и в Европе, сильно уступает тому, что было в более ранние эпохи. Здесь преобладает гаплогруппа J, но о реальном соотношении гаплогрупп в регионе судить сложно из-за весьма скудной статистики.

Гаплогруппа I пережила кризис менее болезненно. Принадлежащие ей образцы находят в качестве минорных линий в захоронениях культур шнуровой керамики, колоколовидных кубков и особенно унетицкой, что пришла им на смену в Центральной Европе. Половину от погибших в битве времен поздней бронзы у реки Толлензе на севере Германии составляют люди из субклада I2a-M223>Y3670 (Burger et al. 2020). Вероятно, это была одна из основных линий племени, потерпевшего поражение в сражении с неизвестным пока противником. Доминировавший в днепро-донецкой неолитической культуре субклад I2a-M223>L701 продолжил свой путь на Восток. Принадлежащие к нему образцы нашли в захоронении ямной культуры в Калмыкии, а также на севере Пакистана в могильнике времен поздней бронзы (Allentoft et al. 2015; Narasimhan et al. 2019).

Впервые после единичных и не слишком надежных находок времен мезолита и неолита появляются образцы из гаплогруппы I1 (Allentoft et al. 2015). Их находят на юге Швеции, где эта гаплогруппа сейчас занимает первое место по распространенности. Эпохой бронзы датируется образец I18719 из Хорватии, у которого определили самую многолюдную современную ветвь гаплогруппы I2 - I2a-M423>CTS10228 (Patterson et al. 2021). Однако, по его датировке есть вопросы, поскольку ее оценивли по контексту, а не измеряли радиоуглеродным методом. Не исключено, что в будущем ее скорректируют в более позднюю сторону.

Наконец, отдельного упоминания заслуживает о. Сардиния. В обзоре гаплогруппы R1b отмечалось, что в эпоху бронзы это был своего рода «заповедник Старой Европы», где сохранился субклад R1b-V88, исчезнувший на континенте. Все то же самое касается гаплогрупп G и I, что принадлежат к ветвям, типичным для неолитической Европы.

СЛОЙ № 5. ЖЕЛЕЗНЫЙ ВЕК

В этот слой занесен 51 образец из гаплогруппы G и 40 – из гаплогруппы I, с датировками от 2850 до 1400 лет назад. Снижение их количества вызвано, прежде всего, сравнительно небольшим числом работ палеогенетиков, посвященных Европе железного века.

Обращает на себя внимание необычно большое (20 образцов) число находок из субклада G2a-L497, что в настоящее время занимает первое по численности место среди всех ветвей гаплогруппы G в Западной Европе. Большая их часть обнаружена в захоронениях латенской культуры из Франции, Чехии и Венгрии (Patterson et al. 2021). Распространение этой культуры связывают с экспансией кельтских племен. Видимо, носители субклада L497 входили в состав континентальных кельтов в качестве минорной линии, что в итоге способствовало его демографическому успеху в эпоху железа.

После большой паузы появляются данные ископаемой ДНК по Северному Кавказу, и они приносят результат в виде образцов из субклада G2a-Z6552 в захоронении кобанской культуры в Кабардино-Балкарии (Boulygina et al. 2020). В настоящее время этот субклад является одной из основных линий у осетин, карачаевцев, балкарцев и сванов, живущих в том же регионе.

В гаплогруппе I на первое место выходят образцы из различных ветвей гаплогруппы I1. Помимо Скандинавии, их находят в Англии, Франции, Польше, Германии и Италии, как правило, в захоронениях германских племен. Древний субклад I2a-L701 по-прежнему встречается среди степных народов, хотя и в единичных эк-

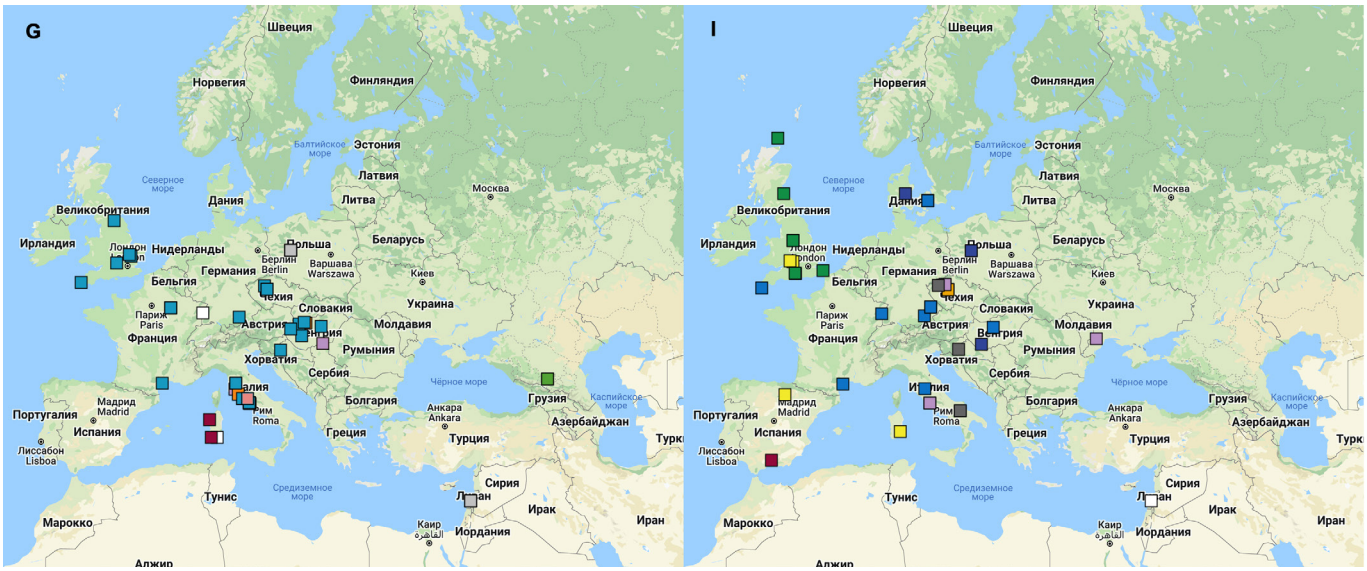


Рис. 7. Снимки экрана для слоев с образцами железного века от 18.06.2022

земплярах. В данном слое это образец scy301 из скифского некрополя Глиное в Приднестровье (Krzewinska et al. 2018b) и DA30 из сарматского кургана в Казахстане (Damgaard et al. 2018).

СЛОЙ № 6. СРЕДНИЕ ВЕКА И НОВОЕ ВРЕМЯ

Слой насчитывает 26 образцов из гаплогруппы G и 156 из гаплогруппы I, с датировками от раннего Средневековья (VI век н.э.) до XIX века. Несмотря на сравнительно небольшой охват по географии, статистика по основным ветвям в целом отображает современное состояние.

Гаплонруппа G представлена довольно скромно. Как в предыдущем слое, в Западной Европе наблюдается некоторый перевес субклада G2a-L497. В степной зоне Восточной Европы (Венгрия и Россия) появляются образцы из «кавказского» субклада G2a-Z6552, к которым добавляется ранее не обнаруженная ветвь G2a-L1266, что также характерна для современных жителей Кавказа. Их отсутствие в более ранних находках объясняется, очевидно, тем, что Кавказ остается белым пятном для палеогенетики. Детали истории этих двух ветвей – дело будущего.

В гаплогруппе I 114 из 156 образцов приходится на гаплогруппу I1-M253, во многом за счет масштабного исследования захоронений эпохи викингов (Margaryan et al. 2020). На втором месте идет славянская супер-ветвь I2a-M423>CTS10228, что пока ускользает от палеогенетиков в более ранние времена, за исключением единичного образца из Хорватии с сомнительной датировкой. Происхождение и обстоятельства бурного роста этой ветви, насчитывающей 30-35 миллионов современных носителей, по-прежнему остаются неясными. В образцах раннего Средневековья из Венгрии вновь появляется субклад I2a-M223>Z161>L801, что был основной линией у людей из культуры шаровидных амфор позднего неолита. Его определили у семейной группы из германского племени лангобардов, продвигавшегося с севера Германии в Италию. В настоящее время ветвь L801 является демографически наиболее успешной линией субклада I2a-M223, ранее широко распространенного в Европе. Ее носители прошли через бутылочное горлышко около 4000 лет назад, и в настоящее время на северо-западе Германии, в Нидерландах и Шотландии составляют 5-6 % от населения. Пришли их предки из Восточной Европы, или эта германская линия возникла независимо от той, что обнаружили в Польше и на Украине, пока неизвестно.

ОБСУЖДЕНИЕ

Как и в предыдущем обзоре, акцент в обсуждении следует сделать на белых пятнах в материалах палеогенетике и перспективах дальнейших исследований. В силу разных причин (научные приоритеты, наличие пригодного для анализа материала, финансирование, политические обстоятельства, и т.д.) многие ключевые для понимания регионы и эпохи остаются не охваченными. По принципиально важным для истории гаплогруппы G Закавказью, Месопотамии и Иранскому нагорью число образцов ископаемой ДНК невелико, и они неравномерно разбросаны по эпохам. Это не дает возможности даже в самых общих чертах прояснить вопрос, что имеет политическое значение для народов Кавказа – восходят ли самые распространенные среди них линии к древнейшим жителям региона, или их предки появились там в более поздние времена. Если второе, где находилась прародина? Другим белым пятном является Греция, древнейшая история которой должна представлять интерес для широкого круга специалистов, занятых проблемой возникновения европейской цивилизации. Имеющиеся единичные образцы бронзового века не дают сколько-нибудь внятного ответа на вопрос об этногенезе греков. Хотелось бы ожидать, что в будущем этот регион привлечет внимание палеогенетиков в большей степени, чем это происходит сейчас.

Текущая ситуация по Европе, демографическая история которой тесно связана с гаплогруппой I, вну-

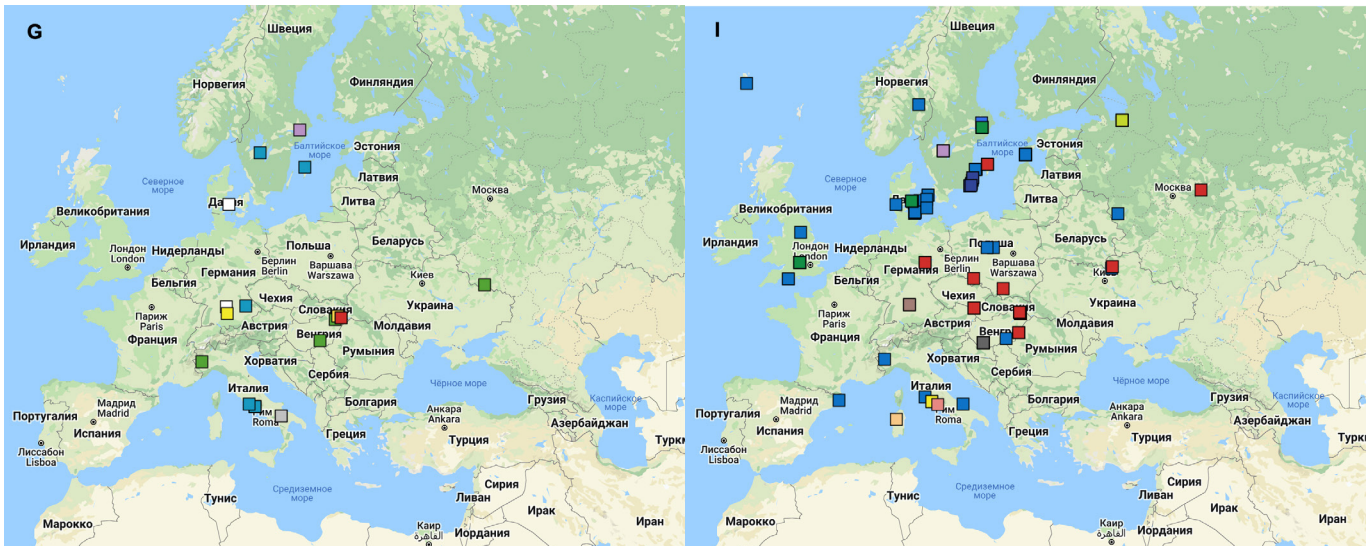


Рис. 8. Снимок экрана для слоев с образцами из Средневековья и Нового Времени от 18.06.2022

шает больше оптимизма. По таким регионам, как Пиренейский полуостров, Британские Острова, Чехия и Венгрия, имеются статистические значимые выборки ископаемой ДНК, что охватывают длительные промежутки времени. К ним быстро подтягиваются другие страны. Однако, Русская равнина по-прежнему представлена немногочисленными разрозненными образцами, а это не позволяет в настоящее время очертить восточную границу ареала гаплогруппы I в древности и установить характерные для данного региона ветви. Решение этой задачи имеет важное значение для истории Европы, в том числе по проблеме индоевропейской прародины. Исследования в этом направлении ведутся, но недостаточно активно.

Несмотря на активность исследователей из скандинавских стран, Эстонии и Германии, в ископаемой ДНК с севера Европы все еще имеются обширные лакуны. До сих пор не установлен регион, в котором в эпоху ранней бронзы начался рост гаплогруппы I1, ныне одной из принципиальных линий Северной Европы. Если в будущем он будет найден, и будет установлен археологический контекст первых носителей нынешних линий гаплогруппы I1, это даст новый материал по истории формирования германских народов и эволюции германских языков.

Из положительных моментов, что стали очевидны за последние 1-2 года, следует отметить ситуацию, которую можно описать как «гаплогруппы не горят», по аналогии с известной фразой М.А. Булгакова. При всех взлетах, падениях и бутылочных горлышках, что претерпевали гаплогруппы G и I за свою историю, среди наших современников до сих пор можно найти ветви, которые, казалось бы, давно угасли. Их носителей очень мало, но они регулярно появляются по мере роста популярности тестирования ДНК. Есть даже примеры, когда специалисты вначале идентифицировали новые линии среди ископаемых образцов, и их считали вымершими, но затем появлялись наши современники с таким же отнесением. Например, так произошло с редкой ветвью, в которой находится человек из Чеддера, живший более 10 тысяч лет назад. Без современных участников из подобных реликтовых ветвей был бы невозможен полноценный анализ древней ДНК.

ВЫВОДЫ

В гаплокартах G и I собран и систематизирован материал из десятков научных публикаций, в которых есть данные по более, чем 1000 образцам от палеолита до Нового Времени. По результатам их анализа можно сформулировать некоторые предварительные выводы по истории гаплогрупп G и I. В согласии с оценки, сделанными по современным данным, история гаплогруппы I уходит в Европу эпохи палеолита. После отступления ледника ее носители в течение не менее 4 тысячелетий доминировали в Европе. Истоки гаплогруппы G находятся, очевидно, в Передней Азии, однако детали ее ранней истории остаются неизвестными из-за отсутствия данных. Данные палеогенетики доказывают, что неолитическая революция в Европе началась с массового переселения земледельцев из Малой Азии, носителей неолитических культур Чатал-Хююка. По мере продвижения вглубь Европы ее коренное население из гаплогруппы I частично вытеснялось, частично поглощалось переселенцами, что в итоге дало новую этнокультурную общность, известную как Старая Европа. В начале IV тысячелетия до н.э. процесс смешения с численно возросшими линиями коренного населения Европы стал более интенсивным, что привело к серии конфликтов, известных как гибель Старой Европы. Численность носителей гаплогруппы G в ее ходе систематически снижается. В то же время продвижение новых технологий и обычаев на север Европы продолжается за счет линий гаплогруппы I, что переживают стадию быстрого роста. Демографический кризис, поразивший Европу на рубеже энеолита и бронзы, привел к сокращению доли обеих гаплогрупп. После его преодоления гаплогруппа I постепенно восстановила свою численность за счет новых линий, ранее находившихся в тени.

Из них особо следует выделить гаплогруппу I1-M253 и субклад I2a-CTS10228 что ныне доминируют на севере и юго-востоке Европы, соответственно. Рост гаплогруппы G продолжился на ее предполагаемой родине в Передней Азии, но детали пока недоступны из-за недостатка данных.

ЛИТЕРАТУРА

Рожанский 2017 - Рожанский И.Л. Исторические гаплокарты: обзор данных по ископаемой ДНК // Исторический формат. 2017. № 1-2. С. 92-114.

Рожанский 2021 - Рожанский И.Л. Обзор данных по ископаемой ДНК: гаплокарта R1b // Исторический формат. 2021. № 2. С. 21-35.

Allentoft et al. 2015 - Allentoft M., et al. Population genomics of Bronze Age Eurasia // Nature. 2015. Vol. 522. S. 167-172.

Amorim et al. 2018 - Amorim C.E.G., et al. Understanding 6th-century barbarian social organization and migration through paleogenomics // Nature Communications. 2018. Vol. 9. article № 3547.

Aneli et al. 2022 - Aneli S., et al. The Genetic Origin of Daunians and the Pan-Mediterranean Southern Italian Iron Age Context // Molecular Biology and Evolution. 2022. Vol. 39. № 2. article № msac014.

Anthony 2007 - Anthony D. The Horse, the Wheel and Language: How Bronze-age Riders from the Eurasian Steppes Shaped the Modern World. Princeton, 2007. 553 s.

Anthony et al. 2022 - Anthony D.W., et al. The Eneolithic cemetery at Khvalynsk on the Volga River // Praehistorische Zeitschrift. 2022. Published online March 23, 2022.

Antonio et al. 2019 - Antonio M.L., et al. Ancient Rome: A genetic crossroads of Europe and the Mediterranean // Science. 2019. Vol. 366. № 6466. S. 708-714.

Bortolini et al. 2021 - Bortolini E., et al. Early Alpine occupation backdates westward human migration in Late Glacial Europe // Current Biology. 2021. Vol. 31. № 11. S. 2484-2493.

Boulygina et al. 2020 - Boulygina E., et al. Mitochondrial and Y-chromosome diversity of the prehistoric Koban culture of the North Caucasus // Journal of Archaeological Science: Reports. 2020. Vol. 31. Article № 102357.

Brace et al. 2019 - Brace S., et al. Ancient genomes indicate population replacement in Early Neolithic Britain // Nature Ecology & Evolution. 2019. Vol. 3. S. 765-771.

Broushaki et al. 2016 - Broushaki F., et al. Early Neolithic genomes from the eastern Fertile Crescent // Science. 2016. Vol. 363. № 6298. S. 499-503.

Brunel et al. 2020 - Brunel S., et al. Ancient genomes from present-day France unveil 7,000 years of its demographic history // Proceedings of the National Academy of Sciences. 2020. Vol. 117. № 23. S. 12791-12798.

Burger et al. 2020 - Burger J., et al. Low Prevalence of Lactase Persistence in Bronze Age Europe Indicates Ongoing Strong Selection over the Last 3,000 Year // Current Biology. 2020. Vol. 30. № 21. S. 4307-4315.

Cassidy 2017 - Cassidy L. A Genomic Compendium of an Island: Documenting Continuity and Change across Irish Human Prehistory. PhD Thesis: Trinity College Dublin. School of Genetics & Microbiology. GENETICS, 2018.

Cassidy et al. 2020 - Cassidy L.M., et al. A dynastic elite in monumental Neolithic society // Nature. 2020. Vol. 582. S. 384-388.

Clemente et al. 2021 - Clemente F., et al. The genomic history of the Aegean palatial civilizations // Cell. 2021. Vol. 184. № 10. S. 2565-2586.

Coutinho et al. 2020 - Coutinho A., et al. The Neolithic Pitted Ware culture foragers were culturally but not genetically influenced by the Battle Axe culture herders // American Journal of Biological Anthropology. 2020. Vol. 172. S. 638-649.

Csáky et al. 2020 - Csáky V., et al. Early medieval genetic data from Ural region evaluated in the light of archaeological evidence of ancient Hungarians // Scirntific Reports. 2020. Vol. 10. article № 19137.

Damgaard et al. 2018a - Damgaard P.d.B., et al. 137 ancient human genomes from across the Eurasian steppes // Nature. 2018. Vol. 557. S. 369-374.

Damgaard et al. 2018b - Damgaard P.d.B., et al. The first horse herders and the impact of early Bronze Age steppe expansions into Asia // Science. 2018. Vol. 360. № 6396. Article № eaar7711.

Ebenesersdottir et al. 2018 - Ebenesersdóttir S.S., et al. Ancient genomes from Iceland reveal the making of a human population // Science. 2018. Vol. 360. № 6392. S. 1028-1032.

Feldman et al. 2019 - Feldman M., et al. Late Pleistocene human genome suggests a local origin for the first farmers of central Anatolia // Nature Communications. 2019. Vol. 10. Article № 1218.

Fernandes et al. 2018 - Fernandes D.M., et al. A genomic Neolithic time transect of hunter-farmer admixture in central Poland // Scientific Reports. 2018. Vol. 8. Article № 14879.

Fernandes et al. 2020 - Fernandes D.M., et al. The spread of steppe and Iranian-related ancestry in the islands of the western Mediterranean // Nature Ecology & Evolution. 2020. Vol. 4. S. 334-345.

Fischer et al. 2019 - Fischer C.-E., et al. Multi-scale archaeogenetic study of two French Iron Age communities: From internal social- to broad-scale population dynamics // Journal of Archaeological Science: Reports. 2019. Vol. 27. Article № 101942.

Fóthi et al. 2020 - Fóthi E., et al. Genetic analysis of male Hungarian Conquerors: European and Asian paternal lineages of the conquering Hungarian tribes // Archaeological and Anthropological Sciences. 2020. Vol. 12. Article № 31.

Fraser et al. 2018 - Fraser M., et al. New insights on cultural dualism and population structure in the Middle Neolithic Funnel Beaker culture on the island of Gotland // Journal of Archaeological Science: Reports. 2019. Vol. 17. S. 325-334.

Fregel et al. 2018 - Fregel R., et al. Ancient genomes from North Africa evidence prehistoric migrations to the Maghreb from both the Levant and Europe // Proceedings of the National Academy of Sciences. 2018. Vol. 115. № 26. S. 6774-6779.

Freilich et al. 2021 - Freilich S., et al. Reconstructing genetic histories and social organisation in Neolithic and Bronze Age Croatia // Scientific Reports. 2021. Vol. 11. Article № 16729.

Fu et al. 2016 - Fu Q., et al. The genetic history of Ice Age Europe // Nature. 2016. Vol. 534. S. 200-205.

Furtwängler et al. 2020 - Furtwängler A., et al. Ancient genomes reveal social and genetic structure of Late Neolithic Switzerland // Nature Communications. 2020. Vol. 11. Article № 1915.

Gelabert et al. 2022 - Gelabert, et al. Genomes from Verteba cave suggest diversity within the Trypillians in Ukraine // Scientific Reports. 2022. Vol. 12. Article №: 7242.

Gonzales-Fortes et al. 2017 - González-Fortes G., et al. Paleogenomic evidence for multi-generational mixing between Neolithic farmers and Mesolithic hunter-gatherers in the Lower Danube Basin // Current Biology. 2017. Vol. 27. № 12. S. 1801-1810.

Günther et al. 2015 - Günther T., et al. Ancient genomes link early farmers from Atapuerca in Spain to modern-day Basques // Proceedings of the National Academy of Sciences. 2015. Vol. 112. № 38. S. 11917-11922.

Günther et al. 2018 - Günther T., et al. Population genomics of Mesolithic Scandinavia: Investigating early postglacial migration routes and high-latitude adaptation // PLOS Biology. Vol. 16. Article № e2003703.

Haak et. al 2015 - Haak W., et al. Massive migration from the steppe was a source for Indo-European languages in Europe // Nature. 2015. Vol. 522. S. 207-211.

Haber et al. 2018 - Haber M., et al. A transient pulse of genetic admixture from the crusaders in the near east identified from ancient genome sequences // American Journal of Human Genetics. 2019. Vol. 104. № 5. S. 977-984.

Harney et al. 2019 - Harney É., et al. Ancient DNA from the skeletons of Roopkund Lake reveals Mediterranean migrants in India // Nature Communications. 2019. Vol. 10. Article № 3670.

Harney et al. 2021 - Harney É., et al. A minimally destructive protocol for DNA extraction from ancient teeth // Genome Research. 2021. Vol. 31. S. 472-483.

Hofmanová et al. 2016 - Hofmanova Z., et al. Early farmers from across Europe directly descended from Neolithic Aegeans // Proceedings of the National Academy of Sciences. 2016. Vol. 113. № 25. S. 6886-6891.

Immel et al. 2021 - Immel A., et al. Genome-wide study of a Neolithic Wartberg grave community reveals distinct HLA variation and hunter-gatherer ancestry // Communications Biology. 2021. Vol. 4. Article № 113.

Jones et al. 2015 - Jones E.R., et al. Upper Palaeolithic genomes reveal deep roots of modern Eurasians // Nature Communications. 2015. Vol. 6. Article № 8912.

Keller et al. 2012 - Keller A., et al. New insights into the Tyrolean Iceman's origin and phenotype as inferred by whole-genome sequencing // Nature Communications. 2012. Vol. 3. article № 698.

Key et al. 2020 - Key F.M., et al. Emergence of human-adapted Salmonella enterica is linked to the Neolithization process // Nature Ecology & Evolution. 2020. Vol. 4. S. 324-333.

Keyser et al. 2021 - Keyser C., et al. Genetic evidence suggests a sense of family, parity and conquest in the Xiongnu Iron Age nomads of Mongolia // Human Genetics. 2021. Vol. 140. S. 349-359.

Kilinç et al., 2016 - Kilinç G.M., et al. The Demographic Development of the First Farmers in Anatolia // Current Biology. 2016. Vol. 26. № 19. S. 2659-2666.

Krause-Kyora et al. 2018 - Krause-Kyora B., et al. Neolithic and medieval virus genomes reveal complex evolution of hepatitis B // eLife. 2018. Vol. 7. Article № e36666.

Krzewińska et al. 2018a - Krzewińska M., et al. Genomic and strontium isotope variation reveal immigration patterns in a Viking Age town // Current Biology. 2018. Vol. 28. № 17. S. 2730-2738.

Krzewinska et al. 2018b - Krzewińska M., et al. Ancient genomes suggest the eastern Pontic-Caspian steppe as the source of western Iron Age nomads // Science Advances. 2018. Vol. 4. № 10. Article № eaat4457.

Lazaridis et al. 2014 - Lazarifis I., et al. Ancient human genomes suggest three ancestral populations for present-day Europeans // Nature. 2014. Vol. 536. S. 409-413.

Lazaridis et al. 2016 - Lazaridis I., et al. Genomic insights into the origin of farming in the ancient Near East // Nature. 2016. Vol. 536. S. 419-424.

Lazaridis et al. 2017 - Lazaridis I., et al. Genetic origins of the Minoans and Mycenaeans // Nature. 2017. Vol. 548. S. 214-218.

Lipson et al. 2017 - Lipson M., et al. Parallel palaeogenomic transects reveal complex genetic history of early European farmers // Nature. 2017. Vol. 551. S. 368-372.

Malmström et al. 2019 - Malmström H., et al. The genomic ancestry of the Scandinavian Battle Axe Culture people and their relation to the broader Corded Ware horizon // Proceedings of the Royal Society B. 2019. Vol. 286. Article № 20191528.

Marchi et al. 2020 - Marchi N., et al. The mixed genetic origin of the first farmers of Europe // BioRxiv. 2020.

Marcus et al. 2020 - Marcus J.H., et al. Genetic history from the Middle Neolithic to present on the Mediterranean island of Sardinia // Nature Communications. 2020. Vol. 11. Article № 939.

Margaryan et al. 2020 - Margaryan A., et al. Population genomics of the Viking world // Nature. 2020. Vol. 585. S. 390-396.

Martiniano et al. 2016 - Martiniano R., et al. Genomic signals of migration and continuity in Britain before the Anglo-Saxons // Nature Communications. 2016. Vol. 7. Article № 10326.

Mathieson et al. 2015 - Mathieson I., et al. Genome-wide patterns of selection in 230 ancient Eurasians // Nature. 2015. Vol. 528. S. 499-503.

Mathieson et al. 2018 - Mathieson I., et al. The genomic history of southeastern Europe // Nature. 2018. Vol. 555. S. 197-203.

Mittnik et al. 2018 - Mittnik A., et al. The genetic prehistory of the Baltic Sea region // Nature Communications. 2018. Vol. 9. Article № 442.

Mittnik et al. 2019 - Mittnik A., et al. Kinship-based social inequality in Bronze Age Europe // Science. 2019. Vol. 366. № 6466. S. 731-734.

Narasimhan et al. 2019 - Narasimhan V.M., et al. The formation of human populations in South and Central Asia // Science. 2019. Vol. 365. № 6457. Article № eaat7487.

Neparáczki et al. 2017 - Neparáczki E., et al. Revising mtDNA haplotypes of the ancient Hungarian conquerors with next generation sequencing // PLoS ONE. Vol. 12. № 4. Article № e0174886.

Neparáczki et al. 2019 - Neparáczki E., et al. Y-chromosome haplogroups from Hun, Avar and conquering Hungarian period nomadic people of the Carpathian Basin // Scientific Reports. 2019. Vol. 9. Article № 16569.

Nikitin et al. 2019 - Nikitin A.G., et al. Interactions between earliest Linearbandkeramik farmers and central European hunter gatherers at the dawn of European Neolithization // Scientific Reports. 2019. Vol. 9. Article № 19544.

Novak et al. 2021 - Novak M., et al. Genome-wide analysis of nearly all the victims of a 6200 year old massacre // PLoS ONE. Vol. 16. № 3. Article № e0247332.

O'Sullivan et al. 2018 - O'Sullivan N., et al. Ancient genome-wide analyses infer kinship structure in an Early Medieval Alemannic graveyard // Science Advances. 2018. Vol. 4. № 9. article № aao1262.

Olalde et al. 2018 - Olalde I., et al. The Beaker phenomenon and the genomic transformation of northwest Europe // Nature. 2018. Vol. 555. S. 190-196.

Olalde et al. 2019 - Olalde I., et al. The genomic history of the Iberian Peninsula over the past 8000 years. // Science. 2019. Vol. 363. № 6432. S. 1230-1234.

Papac et al. 2021 - Papac L., et al. Dynamic changes in genomic and social structures in third millennium BCE central Europe // Science Advances. 2021. Vol. 7. № 35. Article № eabi6941.

Parker et al. 2020 - Parker C., et al. A systematic investigation of human DNA preservation in medieval skeletons // Scientific Reports. 2020. Vol. 10. Article № 18225.

Patterson et al. 2021 - Patterson N., et al. Large-scale migration into Britain during the Middle to Late Bronze Age // Nature. 2021. Vol. 601. S. 588-594.

Posth et al. 2021 - Posth C., et al. The origin and legacy of the Etruscans through a 2000-year archeogenomic time transect // Science Advances. 2021. Vol. 7. № 39. Article № eabi7673.

Rivollat et al. 2020 - Rivollat M., et al. Ancient genome-wide DNA from France highlights the complexity of interactions between Mesolithic hunter-gatherers and Neolithic farmers // Science Advances. 2021. Vol. 6. № 22. Article № eaaz5344.

Sánchez-Quinto et al. 2019 - Sánchez-Quinto F., et al. Megalithic tombs in western and northern Neolithic Europe were linked to a kindred society // Proceedings of the National Academy of Sciences. 2019. Vol. 116. № 19. S. 9469-9474.

Saupe et al. 2021 - Saupe T., et al. Ancient genomes reveal structural shifts after the arrival of Steppe-related ancestry in the Italian Peninsula // Current Biology. 2021. Vol. 31. № 12. S. 2576-2591.

Schroeder et al. 2019 - Schroeder H., et al. Unraveling ancestry, kinship, and violence in a Late Neolithic mass grave // Proceedings of the National Academy of Sciences. 2019. Vol. 116. № 22. S. 10705-10710.

Seguin-Orlando et al. 2021 - Seguin-Orlando A., et al. Heterogeneous Hunter-Gatherer and Steppe-Related Ancestries in Late Neolithic and Bell Beaker Genomes from Present-Day France // Current Biology. 2021. Vol. 31. № 5. S. 1072-1083.

Sikora et al. 2017 - Sikora M., et al. Ancient genomes show social and reproductive behavior of early Upper Paleolithic foragers // Science. 2017. Vol. 358. № 6363. S. 659-662.

Sirak et al. 2021 - Sirak K.A., et al. Social stratification without genetic differentiation at the site of Kulubnarti in Christian Period Nubia // Nature Communications. 2021. Vol. 12. Article № 7283.

Skoglund et al. 2014 - Skoglund P., et al. Genomic Diversity and Admixture Differs for Stone-Age Scandinavian Foragers and Farmers // Science. 2014. Vol. 344. № 6185. S. 747-750.

Skourtanioti et al. 2020 - Skourtanioti E., et al. Genomic History of Neolithic to Bronze Age Anatolia, Northern Levant, and Southern Caucasus // Cell. 2020. Vol. 181. № 5. S. 1158-1175.

Stolarek et al. 2018 - Stolarek I., et al. A mosaic genetic structure of the human population living in the South Baltic region during the Iron Agee // Scientific Reports. 2018. Vol. 8. Article № 2455.

Stolarek et al. 2019 - Stolarek I., et al. Goth migration induced changes in the matrilineal genetic structure of the central-east European population // Scientific Reports. 2019. Vol. 9. Article № 2455.

Szécsényi-Nagy et al. 2015 - Szécsényi-Nagy A., et al. Tracing the genetic origin of Europe's first farmers reveals insights into their social organization // Proceedings of the Royal Society B. 2015. Vol. 282. Article № 20150339.

Teschler-Nicola et al. 2020 - Teschler-Nicola M., et al. Ancient DNA reveals monozygotic newborn twins from the Upper Palaeolithic // Communications Biology. 2020. Vol. 3. Article №: 650.

Valdiosera et al. 2018 - Valdiosera C., at al. Four millennia of Iberian biomolecular prehistory illustrate the impact of prehistoric migrations at the far end of Eurasia // Proceedings of the National Academy of Sciences. 2018. Vol. 115. № 13. S. 3428-3433.

Van de Loosdrecht, et al. 2020 - Van de Loosdrecht M.S., et al. Genomic and dietary transitions during the Mesolithic and Early Neolithic in Sicily // bioRxiv. 2020.

Veeramah et al. 2018 - Veeramah K.R., et al. Population genomic analysis of elongated skulls reveals extensive female-biased immigration in Early Medieval Bavaria // Proceedings of the National Academy of Sciences. 2018. Vol. 115. № 13. S. 3494-3499.

Villalba-Mouco et al. 2019 - Villalba-Mouco V., et al. Survival of Late Pleistocene hunter-gatherer ancestry in the Iberian Peninsula // Current Biology. 2019. Vol. 29. № 7. S. 1169-1177.

Villalba-Mouco et al. 2021 - Villalba-Mouco V., et al. Genomic transformation and social organization during the Copper Age – Bronze Age transition in southern Iberia // Science Advances. 2021. Vol. 7. № 47. Article № abi7038.

Wang et al. 2019 - Wang C.-C., et al. Ancient human genome-wide data from a 3000-year interval in the Caucasus corresponds with eco-geographic regions // Nature Communications. 2019. Vol. 10. Article № 590.

Yaka et al. 2021 - Yaka R., et al. Variable kinship patterns in Neolithic Anatolia revealed by ancient genomes // Current Biology. 2021. Vol. 31. № 11. S. 2455-2468.

Žegarac et al. 2021 - Žegarac A., et al. Ancient genomes provide insights into family structure and the heredity of social status in the early Bronze Age of southeastern Europe // Scientific Reports. 2021. Vol. 11. Article № 10072.

REFERENCES

Allentoft et al. 2015 - Allentoft M., et al. Population genomics of Bronze Age Eurasia, in: Nature, 2015, Vol. 522, pp. 167-172 [in English].

Amorim et al. 2018 - Amorim C.E.G., et al. Understanding 6th-century barbarian social organization and migration through paleogenomics, in: Nature Communications, 2018, Vol. 9, article № 3547 [in English].

Aneli et al. 2022 - Aneli S., et al. The Genetic Origin of Daunians and the Pan-Mediterranean Southern Italian Iron Age Context, in: Molecular Biology and Evolution, 2022, Vol. 39, № 2, article № msac014 [in English].

Anthony 2007 - Anthony D. The Horse, the Wheel and Language: How Bronze-age Riders from the Eurasian Steppes Shaped the Modern World, Princeton, 2007, 553 p. [in English].

Anthony et al. 2022 - Anthony D.W., et al. The Eneolithic cemetery at Khvalynsk on the Volga River, in: Praehistorische Zeitschrift, 2022, published online March 23, 2022 [in English].

Antonio et al. 2019 - Antonio M.L., et al. Ancient Rome: A genetic crossroads of Europe and the Mediterranean, in: Science, 2019, Vol. 366, № 6466, pp. 708-714 [in English].

Bortolini et al. 2021 - Bortolini E., et al. Early Alpine occupation backdates westward human migration in Late Glacial Europe, in: Current Biology, 2021, Vol. 31, № 11, pp. 2484-2493 [in English].

Boulygina et al. 2020 - Boulygina E., et al. Mitochondrial and Y-chromosome diversity of the prehistoric Koban culture of the North Caucasus, in: Journal of Archaeological Science: Reports, 2020, Vol. 31, article № 102357 [in English].

Brace et al. 2019 - Brace S., et al. Ancient genomes indicate population replacement in Early Neolithic Britain, in: Nature Ecology & Evolution, 2019, Vol. 3, pp. 765-771 [in English].

Broushaki et al. 2016 - Broushaki F., et al. Early Neolithic genomes from the eastern Fertile Crescent, in: Science, 2016, Vol. 363, № 6298, pp. 499-503 [in English].

Brunel et al. 2020 - Brunel S., et al. Ancient genomes from present-day France unveil 7,000 years of its demographic history, in: Proceedings of the National Academy of Sciences, 2020, Vol. 117, № 23, pp. 12791-12798 [in English].

Burger et al. 2020 - Burger J., et al. Low Prevalence of Lactase Persistence in Bronze Age Europe Indicates Ongoing Strong Selection over the Last 3,000 Year, in: Current Biology, 2020, Vol. 30, № 21, pp. 4307-4315 [in English].

Cassidy 2017 - Cassidy L. A Genomic Compendium of an Island: Documenting Continuity and Change across Irish Human Prehistory. PhD Thesis: Trinity College Dublin. School of Genetics & Microbiology. GENETICS, 2018 [in English].

Cassidy et al. 2020 - Cassidy L.M., et al. A dynastic elite in monumental Neolithic society, in: Nature, 2020, Vol. 582, pp. 384-388 [in English].

Clemente et al. 2021 - Clemente F., et al. The genomic history of the Aegean palatial civilizations, in: Cell, 2021, Vol. 184, № 10, pp. 2565-2586 [in English].

Coutinho et al. 2020 - Coutinho A., et al. The Neolithic Pitted Ware culture foragers were culturally but not genetically influenced by the Battle Axe culture herders, in: American Journal of Biological Anthropology, 2020, Vol. 172, pp. 638-649 [in English].

Csáky et al. 2020 - Csáky V., et al. Early medieval genetic data from Ural region evaluated in the light of archaeological evidence of ancient Hungarians, in: Scirntific Reports, 2020, Vol. 10, article № 19137 [in English].

Damgaard et al. 2018a - Damgaard P.d.B., et al. 137 ancient human genomes from across the Eurasian steppes, in: Nature, 2018, Vol. 557, pp. 369-374 [in English].

Damgaard et al. 2018b - Damgaard P.d.B., et al. The first horse herders and the impact of early Bronze Age steppe expansions into Asia, in: Science, 2018, Vol. 360, № 6396, article № eaar7711 [in English].

Ebenesersdottir et al. 2018 - Ebenesersdóttir S.S., et al. Ancient genomes from Iceland reveal the making of a human population, in: Science, 2018, Vol. 360, № 6392, pp. 1028-1032 [in English].

Feldman et al. 2019 - Feldman M., et al. Late Pleistocene human genome suggests a local origin for the first farmers of central Anatolia, in: Nature Communications, 2019, Vol. 10, article № 1218 [in English].

Fernandes et al. 2018 - Fernandes D.M., et al. A genomic Neolithic time transect of hunter-farmer admixture in central Poland, in: Scientific Reports, 2018, Vol. 8, article № 14879 [in English].

Fernandes et al. 2020 - Fernandes D.M., et al. The spread of steppe and Iranian-related ancestry in the islands of the western Mediterranean, in: Nature Ecology & Evolution, 2020, Vol. 4, pp. 334-345 [in English].

Fischer et al. 2019 - Fischer C.-E., et al. Multi-scale archaeogenetic study of two French Iron Age communities: From internal social- to broad-scale population dynamics, in: Journal of Archaeological Science: Reports, 2019, Vol. 27, article № 101942 [in English].

Fóthi et al. 2020 - Fóthi E., et al. Genetic analysis of male Hungarian Conquerors: European and Asian paternal lineages of the conquering Hungarian tribes, in: Archaeological and Anthropological Sciences, 2020, Vol. 12, article № 31 [in English].

Fraser et al. 2018 - Fraser M., et al. New insights on cultural dualism and population structure in the Middle Neolithic Funnel Beaker culture on the island of Gotland, in: Journal of Archaeological Science: Reports, 2019, Vol. 17, pp. 325-334 [in English].

Fregel et al. 2018 - Fregel R., et al. Ancient genomes from North Africa evidence prehistoric migrations to the Maghreb from both the Levant and Europe, in: Proceedings of the National Academy of Sciences, 2018, Vol. 115, № 26, pp. 6774-6779 [in English].

Freilich et al. 2021 - Freilich S., et al. Reconstructing genetic histories and social organisation in Neolithic and Bronze Age Croatia, in: Scientific Reports, 2021, Vol. 11, article № 16729 [in English].

Fu et al. 2016 - Fu Q., et al. The genetic history of Ice Age Europe, in: Nature, 2016, Vol. 534, pp. 200-205 [in English].

Furtwängler et al. 2020 - Furtwängler A., et al. Ancient genomes reveal social and genetic structure of Late Neolithic Switzerland, in: Nature Communications, 2020, Vol. 11, article № 1915 [in English].

Gelabert et al. 2022 - Gelabert, et al. Genomes from Verteba cave suggest diversity within the Trypillians in Ukraine, in: Scientific Reports, 2022, Vol. 12, article №: 7242 [in English].

Gonzales-Fortes et al. 2017 - González-Fortes, G., et al. Paleogenomic evidence for multi-generational mixing between Neolithic farmers and Mesolithic hunter-gatherers in the Lower Danube Basin, in: Current Biology, 2017, Vol. 27, № 12, pp. 1801-1810 [in English].

Günther et al. 2015 - Günther T., et al. Ancient genomes link early farmers from Atapuerca in Spain to modern-day Basques, in: Proceedings of the National Academy of Sciences, 2015, Vol. 112, № 38, pp. 11917-11922 [in English].

Günther et al. 2018 - Günther T., et al. Population genomics of Mesolithic Scandinavia: Investigating early postglacial migration routes and high-latitude adaptation, in: PLOS Biology, Vol. 16, article № e2003703 [in English].

Haak et. al 2015 - Haak W., et al. Massive migration from the steppe was a source for Indo-European languages in Europe, in: Nature, 2015, Vol. 522, pp. 207-211 [in English].

Haber et al. 2018 - Haber M., et al. A transient pulse of genetic admixture from the crusaders in the near east identified from ancient genome sequences, in: American Journal of Human Genetics, 2019, Vol. 104, № 5, pp. 977-984 [in English].

Harney et al. 2019 - Harney É., et al. Ancient DNA from the skeletons of Roopkund Lake reveals Mediterranean migrants in India, in: Nature Communications, 2019, Vol. 10, article № 3670.

Harney et al. 2021 - Harney É., et al. A minimally destructive protocol for DNA extraction from ancient teeth, in: Genome Research, 2021, Vol. 31, pp. 472-483 [in English].

Hofmanová et al. 2016 - Hofmanova Z., et al. Early farmers from across Europe directly descended from Neolithic Aegeans, in: Proceedings of the National Academy of Sciences, 2016, Vol. 113, № 25, pp. 6886-6891 [in English].

Immel et al. 2021 - Immel A., et al. Genome-wide study of a Neolithic Wartberg grave community reveals distinct HLA variation and hunter-gatherer ancestry, in: Communications Biology, 2021, Vol. 4, article № 113 [in English].

Jones et al. 2015 - Jones E.R., et al. Upper Palaeolithic genomes reveal deep roots of modern Eurasians, in: Nature Communications, 2015, Vol. 6, article № 8912 [in English].

Keller et al. 2012 - Keller A., et al. New insights into the Tyrolean Iceman's origin and phenotype as inferred by whole-genome sequencing, in: Nature Communications, 2012, Vol. 3, article № 698 [in English].

Key et al. 2020 - Key F.M., et al. Emergence of human-adapted Salmonella enterica is linked to the Neolithization process, in: Nature Ecology & Evolution, 2020, Vol. 4, pp. 324-333 [in English].

Keyser et al. 2021 - Keyser C., et al. Genetic evidence suggests a sense of family, parity and conquest in the Xiongnu Iron Age nomads of Mongolia, in: Human Genetics, 2021, Vol. 140, pp. 349-359 [in English].

Kilinç et al., 2016 - Kilinç G.M., et al. The Demographic Development of the First Farmers in Anatolia, in: Current Biology, 2016, Vol. 26, № 19, pp. 2659-2666 [in English].

Krause-Kyora et al. 2018 - Krause-Kyora B., et al. Neolithic and medieval virus genomes reveal complex evolution of hepatitis B, in: eLife, 2018, Vol., 7, article № e36666 [in English].

Krzewińska et al. 2018a - Krzewińska M., et al. Genomic and strontium isotope variation reveal immigration patterns in a Viking Age town, in: Current Biology, 2018, Vol. 28, № 17, pp. 2730-2738 [in English].

Krzewinska et al. 2018b - Krzewińska M., et al. Ancient genomes suggest the eastern Pontic-Caspian steppe as the source of western Iron Age nomads, in: Science Advances, 2018, Vol.4, № 10, article № eaat4457 [in English].

Lazaridis et al. 2014 - Lazarifis I., et al. Ancient human genomes suggest three ancestral populations for present-day Europeans, in: Nature, 2014, Vol. 536, pp. 409-413 [in English].

Lazaridis et al. 2016 - Lazaridis I., et al. Genomic insights into the origin of farming in the ancient Near East, in: Nature, 2016, Vol. 536, pp. 419-424 [in English].

Lazaridis et al. 2017 - Lazaridis I., et al. Genetic origins of the Minoans and Mycenaeans, in: Nature, 2017, Vol. 548, pp. 214-218 [in English].

Lipson et al. 2017 - Lipson M., et al. Parallel palaeogenomic transects reveal complex genetic history of early European farmers, in: Nature, 2017, Vol. 551, pp. 368-372 [in English].

Malmström et al. 2019 - Malmström H., et al. The genomic ancestry of the Scandinavian Battle Axe Culture people and their relation to the broader Corded Ware horizon, in: Proceedings of the Royal Society B, 2019, Vol. 286, article № 20191528 [in English].

Marchi et al. 2020 - Marchi N., et al. The mixed genetic origin of the first farmers of Europe, in: BioRxiv, 2020 [in English].

Marcus et al. 2020 - Marcus J.H., et al. Genetic history from the Middle Neolithic to present on the Mediterranean island of Sardinia, in: Nature Communications, 2020, Vol. 11, article № 939 [in English].

Margaryan et al. 2020 - Margaryan A., et al. Population genomics of the Viking world, in: Nature, 2020, Vol. 585, pp. 390-396 [in English].

Martiniano et al. 2016 - Martiniano R., et al. Genomic signals of migration and continuity in Britain before the Anglo-Saxons, in: Nature Communications, 2016, Vol. 7, article № 10326 [in English].

Mathieson et al. 2015 - Mathieson I., et al. Genome-wide patterns of selection in 230 ancient Eurasians, in: Nature, 2015, Vol. 528, pp. 499-503 [in English].

Mathieson et al. 2018 - Mathieson I., et al. The genomic history of southeastern Europe, in: Nature, 2018, Vol. 555, pp. 197-203 [in English].

Mittnik et al. 2018 - Mittnik A., et al. The genetic prehistory of the Baltic Sea region, in: Nature Communications, 2018, Vol. 9, article № 442 [in English].

Mittnik et al. 2019 - Mittnik A., et al. Kinship-based social inequality in Bronze Age Europe, in: Science, 2019, Vol. 366, № 6466, pp. 731-734 [in English].

Narasimhan et al. 2019 - Narasimhan V.M., et al. The formation of human populations in South and Central Asia, in: Science, 2019, Vol. 365, № 6457, article № eaat7487 [in English].

Neparáczki et al. 2017 - Neparáczki E., et al. Revising mtDNA haplotypes of the ancient Hungarian conquerors with next generation sequencing, in: PLoS ONE, Vol. 12, № 4, article № e0174886 [in English].

Neparáczki et al. 2019 - Neparáczki E., et al. Y-chromosome haplogroups from Hun, Avar and conquering Hungarian period nomadic people of the Carpathian Basin, in: Scientific Reports, 2019, Vol. 9, article № 16569 [in English].

Nikitin et al. 2019 - Nikitin A.G., et al. Interactions between earliest Linearbandkeramik farmers and central European hunter gatherers at the dawn of European Neolithization, in: Scientific Reports, 2019, Vol. 9, article № 19544 [in English].

Novak et al. 2021 - Novak M., et al. Genome-wide analysis of nearly all the victims of a 6200 year old massacre, in: PLoS ONE, Vol. 16, № 3, article № e0247332 [in English].

O'Sullivan et al. 2018 - O'Sullivan N., et al. Ancient genome-wide analyses infer kinship structure in an Early Medieval Alemannic graveyard, in: Science Advances, 2018, Vol. 4, № 9, article № aao1262 [in English].

Olalde et al. 2018 - Olalde I., et al. The Beaker phenomenon and the genomic transformation of northwest Europe, in: Nature, 2018, Vol. 555, pp. 190-196 [in English].

Olalde et al. 2019 - Olalde I., et al. The genomic history of the Iberian Peninsula over the past 8000 years, in: Science, 2019, Vol. 363, № 6432, pp. 1230-1234 [in English].

Papac et al. 2021 - Papac L., et al. Dynamic changes in genomic and social structures in third millennium BCE central Europe, in: Science Advances, 2021, Vol. 7, № 35, article № eabi6941 [in English].

Parker et al. 2020 - Parker C., et al. A systematic investigation of human DNA preservation in medieval skeletons, in: Scientific Reports, 2020, Vol. 10, article № 18225 [in English].

Patterson et al. 2021 - Patterson N., et al. Large-scale migration into Britain during the Middle to Late Bronze Age, in: Nature, 2021, Vol. 601, pp. 588-594 [in English].

Posth et al. 2021 - Posth C., et al. The origin and legacy of the Etruscans through a 2000-year archeogenomic time transect, in: Science Advances, 2021, Vol. 7, № 39, article № eabi7673 [in English].

Rivollat et al. 2020 - Rivollat M., et al. Ancient genome-wide DNA from France highlights the complexity of interactions between Mesolithic hunter-gatherers and Neolithic farmers, in: Science Advances, 2021, Vol. 6, № 22, article № eaaz5344 [in English].

Rozhanskij 2017 - Rozhanskij I.L. Istoricheskie gaplokarty: obzor dannyh po iskopaemoĭ DNK [Historical haplomaps: review of ancient Y-DNA data], in: Istoricheskij format [Historical format], 2017, № 1-2, pp. 92-114 [in Russian].

Rozhanskij 2021 - Rozhanskij I.L. Obzor dannyh po iskopaemoĭ DNK: gaplokarta R1b [A revew of ancent DNA data: haplomap of R1b], in: Istoricheskij format [Historical format], 2021, № 2, pp. 21-35 [in Russian].

Sánchez-Quinto et al. 2019 - Sánchez-Quinto F., et al. Megalithic tombs in western and northern Neolithic Europe were linked to a kindred society, in: Proceedings of the National Academy of Sciences, 2019, Vol. 116, № 19, pp. 9469-9474 [in English].

Saupe et al. 2021 - Saupe T., et al. Ancient genomes reveal structural shifts after the arrival of Steppe-related ancestry in the Italian Peninsula, in: Current Biology, 2021, Vol. 31, № 12, pp. 2576-2591 [in English].

Schroeder et al. 2019 - Schroeder H., et al. Unraveling ancestry, kinship, and violence in a Late Neolithic mass grave, in: Proceedings of the National Academy of Sciences, 2019, Vol. 116, № 22, pp. 10705-10710 [in English].

Seguin-Orlando et al. 2021 - Seguin-Orlando A., et al. Heterogeneous Hunter-Gatherer and Steppe-Related Ancestries in Late Neolithic and Bell Beaker Genomes from Present-Day France, in: Current Biology, 2021, Vol. 31, № 5, pp. 1072-1083 [in English].

Sikora et al. 2017 - Sikora M., et al. Ancient genomes show social and reproductive behavior of early Upper Paleolithic foragers, in: Science, 2017, Vol. 358, № 6363, pp. 659-662 [in English].

Sirak et al. 2021 - Sirak K.A., et al. Social stratification without genetic differentiation at the site of Kulubnarti in Christian Period Nubia, in: Nature Communications, 2021, Vol. 12, article № 7283 [in English].

Skoglund et al. 2014 - Skoglund P., et al. Genomic Diversity and Admixture Differs for Stone-Age Scandinavian Foragers and Farmers, in: Science, 2014, Vol. 344, № 6185, pp. 747-750 [in English].

Skourtanioti et al. 2020 - Skourtanioti E., et al. Genomic History of Neolithic to Bronze Age Anatolia, Northern Levant, and Southern Caucasus, in: Cell, 2020, Vol. 181, № 5, pp. 1158-1175 [in English].

Stolarek et al. 2018 - Stolarek I., et al. A mosaic genetic structure of the human population living in the South Baltic region during the Iron Agee, in: Scientific Reports, 2018, Vol. 8, article № 2455 [in English].

Stolarek et al. 2019 - Stolarek I., et al. Goth migration induced changes in the matrilineal genetic structure of the central-east European population, in: Scientific Reports, 2019, Vol. 9, article № 2455 [in English].

Szécsényi-Nagy et al. 2015 - Szécsényi-Nagy A., et al. Tracing the genetic origin of Europe's first farmers reveals insights into their social organization, in: Proceedings of the Royal Society B, 2015, Vol. 282, article № 20150339 [in English].

Teschler-Nicola et al. 2020 - Teschler-Nicola M., et al. Ancient DNA reveals monozygotic newborn twins from the Upper Palaeolithic, in: Communications Biology, 2020, Vol. 3, article №: 650 [in English].

Valdiosera et al. 2018 - Valdiosera C., at al. Four millennia of Iberian biomolecular prehistory illustrate the impact of prehistoric migrations at the far end of Eurasia, in: Proceedings of the National Academy of Sciences, 2018, Vol. 115, № 13, pp. 3428-3433 [in English].

Van de Loosdrecht, et al. 2020 - Van de Loosdrecht M.S., et al. Genomic and dietary transitions during the Mesolithic and Early Neolithic in Sicily, in: bioRxiv, 2020 [in English].

Veeramah et al. 2018 - Veeramah K.R., et al. Population genomic analysis of elongated skulls reveals extensive female-biased immigration in Early Medieval Bavaria, in: Proceedings of the National Academy of Sciences, 2018, Vol. 115, № 13, pp. 3494-3499 [in English].

Villalba-Mouco et al. 2019 - Villalba-Mouco V., et al. Survival of Late Pleistocene hunter-gatherer ancestry in the Iberian Peninsula, in: Current Biology, 2019, Vol. 29, № 7, pp. 1169-1177 [in English].

Villalba-Mouco et al. 2021 - Villalba-Mouco V., et al. Genomic transformation and social organization during the Copper Age – Bronze Age transition in southern Iberia, in: Science Advances, 2021, Vol. 7, № 47, article № abi7038 [in English].

Wang et al. 2019 - Wang C.-C., et al. Ancient human genome-wide data from a 3000-year interval in the Caucasus corresponds with eco-geographic regions, in: Nature Communications, 2019, Vol. 10, article № 590 [in English].

Yaka et al. 2021 - Yaka R., et al. Variable kinship patterns in Neolithic Anatolia revealed by ancient genomes, in: Current Biology, 2021, Vol. 31, № 11, pp. 2455-2468 [in English].

Žegarac et al. 2021 - Žegarac A., et al. Ancient genomes provide insights into family structure and the heredity of social status in the early Bronze Age of southeastern Europe, in: Scientific Reports, 2021, Vol. 11, article № 10072 [in English].

Рожанский Игорь Львович
– Кандидат химических наук, Академия ДНК-генеалогии (Цукуба, Япония).

Igor Rozhansky
– PhD in Chemistry, Academy of DNA Genealogy (Tsukuba, Japan).

info@dna-academy.ru

ПРИЁМЫ ДОМОСТРОИТЕЛЬСТВА И ТИПЫ ПОСЕЛЕНЧЕСКИХ АГЛОМЕРАЦИЙ В ИСТОРИЧЕСКОЙ ПРУССИИ X – НАЧАЛА XX ВЕКОВ

В.И. Кулаков
Институт археологии Российской академии наук
Россия, 117036, Москва, ул. Дм. Ульянова, 19
e-mail: drkulakov@mail.ru
Scopus Author ID: 26038228300
SPIN-код: 3764-2260

АВТОРСКОЕ РЕЗЮМЕ
Столбовые конструкции, традиция сооружения которых жила на земле пруссов с эпохи энеолита, безраздельно господствовала в домостроительстве пруссов минимум до IX в. и доживает, не исключено, до Нового времени. В середине I тысячелетия н.э. под влиянием извне как исключение появляется результат смещения разноэтничных традиций – столбовая постройка с углубленным в грунт котлованом. Начиная с X в., как и остальные балтские племена, пруссы начинают самостоятельно овладевать приемами строительства срубных жилищ. Последние доживают, видимо, в прусской традиции домостроительства до XVI в.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: **Пруссия, домостроительство, срубы, каркасы.**

HOUSE BUILDING TECHNIQUES AND TYPES OF SETTLEMENT AGGLOMERATIONS IN HISTORICAL PRUSSIA OF THE 10TH - BEGINNING OF THE 20TH CENTURIES

Vladimir Kulakov
Institute of Archeology of the Russian Academy of Sciences
Russia, 117036, Moscow, Dmitry Ulyanov Street, 19
e-mail: drkulakov@mail.ru

ABSTRACT
Tradition of building houses using post construction, which existed on the land of the Prussians from the Eneolithic era, completely dominated over any other methods until at least the 9th century and survived possibly until the New Age. In the middle of the 1st millennium AD, under the outside influence, the post construction with a foundation pit dug deeper into the ground appeared as an exception – as a result of merging of multi-ethnic traditions. Starting from the 10th century, the Prussians, like the rest of the Baltic tribes, began to independently master techniques of log construction. The latter apparently survived in the Prussian tradition of house building until the 16th century.

KEYWORDS: **Prussia, house construction, log construction, frames.**

1. ПРУССКИЕ СЕЛЕНИЯ X-XIII ВВ.

Поселения раннесредневековых пруссов, как и ранее, в римское время, в эпоху раннего средневековья представлены открытыми поселениями (селища) без наличия оборонительных сооружений. Пруссы продолжают сооружение столбовых построек. Центром групп селищ являются городища, представленные четырьмя типами (А-Г), различающимися между собой принципами фортификации. Если до 1945 г. немецкие археологи изучению прусских поселений уделяли не много внимания, то в советское время ситуация с этим направлением археологической работы изменилась. Первый опыт комплексного изучения поселения раннесредневековых пруссов был предпринят Ф.Д. Гуревич, в 1949-1956 гг. изучавшей городище Craam/Грачевка и Medenau/Логвиново на Самбии (Зеленоградский р-н). Автор этих строк в 1979-1980 гг. проводил спасательные раскопки на селищах Wargenau/Малиновка и Michelau/Клинцовка-Каменка (Зеленоградский р-н Калининградской обл.), где были обнаружены жилые постройки VI-X вв.

В VIII-XIII вв. резко увеличившееся количество памятников археологии на Самбии (включая Куршскую косу), по данным полевых исследований на 2001 г. оно доходит до 177 объектов. Городища представлены типами А (трапециевидная в плане площадка о одним, реже – с двумя валами), Б (округлая в плане площадка с 1-2 невысокими валами), В (городище с 2-3 высокими

валами, в плане расположенными спирально) и Г (городище с двумя разновеликими площадками. Традиционные и для более раннего времени городища типа А на Самбии пока серьезно не исследовались. Аналогичные памятники изучены южнее, в пределах земель Вармии и Погезании. В VI-VIII вв. на них по внутреннему периметру вала сооружались столбовые жилые (?) и хозяйственные постройки. Однако уже с IX в. здесь появляются углубленные в грунт жилые срубы с печами-каменками, возводившиеся пруссами вплоть до XIII в. Нередко близ городищ типа А располагались селища разм. до 60 х 50 м, мощность культурного слоя достигала на них не более 0,5 м. Городища типа Б на своей площадке не содержали культурного слоя. При раскопках такого памятника у Kringitten/Куликово в валу обнаружены следы частокола, между столбами которого располагались жертвенные (?) очаги с золой и значительным количеством жженого янтаря (Смирнова 1992: 86). Городища типов В и Г, располагавшиеся в основном на мощных моренных или водораздельных возвышенностях, отличаются высотой своих валов – до 2,5 м. Культурный слой на городищах типа В обычно заполнен остатками пожара. Обнаружены на городище-2 Germau/Русское остатки наземного срубного сооружения разм. 7 х 2,20 м (Bönigk 1879/80: 120, 121). На городищах типа Г обнаружены как столбовые, так и срубные постройки, имевшие очаги и располагавшиеся как на малых, так и на больших площадках городищ. Как показывают раскопки городища Грачевка (Гуревич 1960: 421), в клетях у внутреннего фаса вала хранились запасы зерна пшеницы. Внешний фас вала часто покрывался для прочности каменным панцирем, в отличие от синхронных городищ ятвягов, где наружная поверхность валов обмазывалась глиной.

В VIII-XIII вв. селища пруссов располагаются в основном с напольной стороны городищ типов А и Г. У основания Куршской косы отмечены три крупных поселения разм. до 500 х 250 м (Kaup/Моховое, Wargenaua/Малиновка, Bledau/Сосновка), являющиеся торгово-ремесленными поселениями IX-XI вв. и отличавшиеся полиэтническим характером своего населения.

К настоящему времени в прусских поселенческих древностях известно 25 строительных комплексов, подавляющую часть которых можно с уверенностью считать остатками жилых помещений. Территория, с которой собран материал, представляет собой находки в западной части прусского племенного ареала – места наибольше плотности раннесредневекового прусского населения.

Значительная часть представленного в данной работе материала происходит из раскопок городища Грачевка. В ходе этих работ практически полностью вскрыта мысовая, малая площадка городища, размеры которой – 45 х 20 м. Культурный спой в ее юго-восточной части после завершения в 1951 г. работ был охарактеризован Ф.Д. Гуревич следующим образом: «Верхний слой, захвативший камни вала, простирался на глуб. до 0,8 м. Далее, на глуб. 0,82-0,85 м шел слой черно-коричневой земли с очень небольшим количеством находок, ниже которого на глуб. 0,30-0,50 м (в целом – на глуб. до 1,30-1,50 м – В.К.) начинался слой горелой земли и немногочисленных камней нижнего горизонта» (Гуревич 1951: 559). На глубинах от 0,25 до 1,54 м, то есть в пределах всех вышеописанных слоев, автор раскопок обнаружил девять прямоугольных в плане каменных кладок. Эти комплексы, внутри которых обнаружены как очаги с обкладкой из камней, так и скопления угля в открытом грунте, Ф.Д. Гуревич считала остатками столбовых жилых построек эпохи раннего средневековья.

К сожалению, абсолютное восстановление картины расположения и конструкции вскрытых Ф.Д. Гуревич построек Грачевки невозможно. Единственно возможным путем исследования явилось сведение воедино планов раскопов 1949-1951 гг. Последнее дало возможность выдвинуть предположение о наличии в восточной части раскопа остатков двух построек столбовой конструкции, несущие столбы которых были укреплены у основания кладками из мелких камней, среди которых остались пустые пространства (возможно – ямы?), округлой формы, являющиеся следами столбов. Эти кладки частично перекрываются прямоугольными в плане кладками, сложенными из обращенных плоскими сторонами вверх крупных камней. Оба варианта кладок по виду различны. Находки, сделанные на городище Грачёвка, позволяют отнести время существования его позднего строительного горизонта к XII – середине XIII вв.

Раскопками Ф.Д. Гуревич на площадке городища-1 Medenau/Логвиново, имеющей размеры 60 х 30 м, вскрыта площадь ок. 200 кв.м, то есть примерно четвертая часть всей площадки. Первый раскоп располагался в западной части площадки, второй – в восточной, у основания внутреннего вала, ограничивающего городище с напольной стороны. Второй вал шел параллельно восточнее. В раскопах обнаружен культурный слой толщ. до 0,5 м. В обоих раскопах встречены скопления камней, которые соответствуют остаткам пяти жилищ. Кладки, обнаруженные здесь, близки по виду и параметрам кладкам городища Грачевка. Среди камней построек городища Логвиново обнаружено от одного до трех открытых очагов округлой формы, окруженных камнями. В двух случаях очаги имеют глиняные поды. Как и жилища Грачевки, постройки Логвиново, как полагает Ф.Д. Гуревич (Гуревич 1960: 365-367), также имели стены столбовой конструкции. На самом деле реально можно считать столбовым только пом. (4), северо-восточный угол которого, обнаруженный в северной прирезке участка 2, представляет собой скопление ям с углистым заполнением.

Как и для Грачевки, для жилищ Логвиново невозможно распределить по отдельным жилым комплексам керамический материал. Кроме того, нет уверенности, что обнаруженные жилища вскрыты в пределах небольших раскопов («участков») полностью.

Раскопки на селище-2 Малиновка производились Балтийской экспедицией ИА АН СССР в 1979 г. (Архив ИА РАН, Кулаков В.И. 1979, № 7560) и подтвердили устойчивость традиции столбовых построек, возводившихся в юго-восточной Балтии ещё индоевропейским населением неолитической эпохи (рис. 1). Раскоп, заложенный на селище в ходе спасательных работ, вскрыл 100 кв. м,

что составляет седьмую часть предполагаемой площади памятника. Культурный слой в раскопе - серый суглинок толщиной от 0,4 до 0.8 м. На уровне предматерика в северной части раскопа обнаружены остатки столбового пом. 1, с развалом печи-каменки (рис. 2), в южной части раскопа - северо-восточная часть углубленного в землю пом. 2. Здесь находилась печь с остатками глиняного свода и четырьмя последовательно сооружавшимися полами. Обнаруженные находки позволили датировать пом.1 – IX-X вв., пом. 2 – X-XI вв. Материал из печи пом. 2 находит прямые аналогии в погребениях X-XI вв. расположенного в 0,6 км южнее могильника Yrzekapinis/Клинцовка-1.

Работы, произведенные Балтийской экспедицией ИА АН СССР в 1980 г. на селище-3 Клинцовка-Каменка, вскрыли 120 кв. м, примерно девятую часть предполагаемой территории селища (Архив ИА РАН, Кулаков В.И., 1980, № 7777). В южной части раскопа обнаружено пом. 1 – бессистемное скопление ям от столбов и кольев, не позволившее выявить очертания постройки, являвшейся, скорее всего, хозяйственный сооружением. К северу от пом.1 обнаружен углубленный в грунт котлован, окруженный по периметру столбовыми ямами – пом. 2. В пределах жилища обнаружены остатки открытого, ограниченного камнями очага, к северу от пом. 2 – развал камней второго очага. Дата этого жилища, судя по обнаруженной здесь керамике, VI-IX вв. Данная постройка представляет собой жилище типа полуземлянки (рис. 3).

Представленное выше состояние исследованности поселений пруссов пока не позволяет дать развернутую классификацию жилищ и, по состоянию исследованности памятников археологии Янтарного края ограничивается лишь рамками раннего средневековья. Тем не менее представляется возможным, расположив жилища в хронологическом порядке, выявить основные типы построек раннесредневековых пруссов.

Тип 1. К VI-X вв. относятся наземные жилища с расположенными по периметру столбовыми ямами. Примером таких построек может служить пом.1, обнаруженное при раскопках селища-2 Малиновка. Пом.1 выявлено на глуб. 0,35 м от современной дневной поверхности, представляет собой прямоугольное в плане пространство, ориентированное по линии север-юг, разм. 3 х 3 м, по периметру ограниченное ямами от столбов. Пять таких ям обнаружено по углам и длинным сторонам постройки, размеры ям – до 1 х 1 м, глуб. до 0,5 от уровня материка. Шестая яма в юго-восточном углу жилища уничтожена поздним котлованом. Заполнение столбовых ям – углистый слой или предматериковый грунт. По южному контуру помещения прослежены четыре ямы от кольев глуб. до 0,3 м. В северо-восточной части постройки обнаружена прямоугольная в плане яма глуб. 0,93 м, заполненная колотым горелым камнем, наибольшая концентрация которого отмечена в верхней части ямы. Заполнение ямы – золистый грунт с мелкими углями. В заполнении ямы встречены куски керамического шлака, фрагмент лощеного сосуна, куски костей животных. Видимо, это – развал печи-каменки для приготовления пищи и обогрева помещения, рухнувшей в подпечную яму. С северо-запада к жилищу примыкает квадратное в плане скопление мелких камней (фундамент пристройки?). Инвентарь в пределах жилища – развал крупного сосуда со следами правки на кругу, гвозди. Помещение по инвентарю датируется IX-X вв.

Подобные по конструкции жилища обнаружены при раскопках городищ Логвиново в пом. (1) (здесь и ниже №№ жилищ в скобках даются ввиду отсутствия у авторов раскопок своей нумерации жилищ), Bielany Wielkie в пом. (1), Germau/Русское в пом. (1). Для всех этих жилищ характерно расположение в углу печей-каменок, при раскопках обнаруженных в развалах. Две столбовые конструкции, обнаруженные раскопками на городище Грачевка, отличаются от других подобных помещений на поселениях пруссов отсутствием очагов и большими размерами (пом.(10) имеет разм. 16 х 5 м). Эти сооружения можно трактовать как постройки хозяйственно-оборонительного назначения. Такие длинные дома возводились на городищах Литвы в нач. II тысячелетия н.э. Как и на городище Грачевка, на литовских городищах такие постройки обнаружены у основания вала. При всей отрывочности полевой документации в пом. (10) можно предполагать наличие двух входов (и, соответственно, трех отсеков) со стороны площадки. Такими входами можно считать перерывы в каменной кладке, крепившей столбовые конструкции стен, причем столбы, судя по их следам, стояли примерно через 2-3 м. В остатках не полностью вскрытого пом. (II) обнаружен перекрытый более поздним валом слой горелой пшеницы, что подтверждает трактовку постройки как сооружения хозяйственного назначения. Столбовая конструкция наиболее архаична для пруссов и применялась ими при возведении различных по назначения сооружений, включая, по-видимому, и оборонительные частоколы на городищах и оборонительных валах (рис. 4).

Тип 2. Со столбовыми жилищами пом. 2 селища-2 Малиновка сближает наличие ям от столбов и кольев. Однако котлован жилища позволяет выделить эту постройку особо. Помещение 2 представляет собой обнаруженное на глуб. 0,4 м от современной дневной поверхности прямоугольное в плане углубление, ориентированное по линии запад-восток, раз.5 х 1,4 м, глуб. от уровня материка 1 м. В юго-западной части котлована выбрана округлая в плане яма диам. 1,5 м, впущенная в материк на 0,20 м ниже основного уровня дна котлована. С запада в яму вели две ступеньки. По северному краю котлована зафиксированы овальные в плане ямы 29 и 30, заполненные золистым суглинком. В яме 29 под развалом мелких камней – остатков открытого очага – обнаружены остатки челюсти коня. Как известно, балты (и прежде всего – население западной части балтского мира) придавали большое значение культовой стороне производительной деятельности. Не последнее место в прусских культовых церемониях занимали строительные жертвоприношения, остатки которого были выявлены в упомянутой выше яме помещения 2. Не исключен факт использования прусскими жрецами и вурсхайтами (старейшина общины с правами проведения культовых акций) огненных жертвоприношений

на благо процветания селений пруссов (рис. 5). Правда, такие комплексы известны пока преимущественно при могильниках раннесредневековых сембов.

Края всех ям и котлована помещения 2 укреплены камнями. По периметру котлован окружен ямами от небольших столбов глуб. до 0,3 м. В 1,5 м к северу от котлована обнаружен развал камней очага. Эти камни обнаружены в верхней части округлой в плане ямы, заполненной горелой землей и кусками угля. Инвентарь в котловане жилища и ямах – фрагменты лепной керамики с дополнительным обжигом, обломки костей животных. Прямые аналогии этому жилищу обнаружены при раскопках селища Daumen/Tumiany Rybaczówka (Варминьско-Мазурское воеводство, Польша), причем здесь, в пом. 3/73, как и в пом. 2 селища-3 Клинцовка-Каменка, под очагом обнаружены остатки строительной жертвы – зубы коня. Инвентарь всех этих жилищ позволяет их датировать VI-IX вв.

Тип 3. Из собранных 24 прусских построек половина представлена комплексами, при раскопках которых по периметру объекта обнаружены отдельные камни, лежащие плоской стороной вверх. Типичной постройкой такого типа является пом. 3 городища Грачевка. Жилище обнаружено Ф.Д. Гуревич на глуб. 0,75 м, представляет собой прямоугольную в плане каменную кладку, ориентированную по линии север-юг, разм. 7 х 4 м, состоящую из двух камор. По углам северной камеры находились камни диам. до 0,6 м, снизу фиксированные камнями меньших размеров, В каждой камере этого жилища по центру располагался наполненный углями открытый очаг, окруженный камнями. У очага южной камеры обнаружены бронзовые браслет, ложновитой перстень, балка складных весов, обломки бубенчиков, фрагмент держателя подвесок, янтарная бусина, куски янтаря, стрела. По типу браслета жилище датируется XII-XIII вв. и относится к раннему строительному горизонту городища. Несмотря на отрывочный характер полевой документации, это жилище можно интерпретировать как остатки срубной постройки с уложенными под нижний венец камнями. Такие каменные (плитняковые) «стулья» хорошо известны в народном зодчестве Карелии и Северо-Западной Руси, они служат предотвращению гниения нижних венцов сруба, способствуют лучшему проветриванию жилища. Жилища этого типа обнаружены на городищах Грачевка (среди них- две двухкамерные постройки), пом.1(9), Логвиново, пом. (1) – (3), (5), Русское, пом.(1), Wöklitz/Weklize, пом. (1). В последнем жилище сохранились остатки пола и нижнего венца сруба, который покоится на камнях фундамента. Кроме таких камней, характерными признаками таких построек является размещение очагов (иногда – с глиняным подом) в центре жилища, обнаруженные среди камней фундамента куски глиняной обмазки (остатки покрытия стен), наличие в ряде случаев фундаментов пристроек. При раскопках расположенного на берегу Вислинского залива городища Богданы обнаружены остатки сгоревших деревянных жилищ разм. 4 х 3 м, без столбовых ям. Возможно, они также относятся к описанному выше типу жилых сооружений. Данный тип жилища у пруссов зафиксирован в X-XIV вв. Следует отметить, что срубы с очагами, имеющими глиняный под, появились в Прибалтике уже во II-III вв. н.э. (Седов 1975: 252), причем срубные жилища Литвы имели устойчивый параметр ок. 4 х 4 м. Срубные постройки городища Грачевка конструктивно (остатки обмазки стен и каменное основание сруба) находит прямые аналогии в домостроительстве латгалов, земгалов и древних литовцев.

Материал, имеющийся к настоящему времени касательно срубных построек пруссов, не позволяет пока делать однозначные выводы. Однако как предположение можно выдвинуть тезис о том, что такая конструкция жилья была основной для населения междуречья рек Ногаты и Деймы к начала II тысячелетия н.э. Вполне вероятно, что жилища пруссов этого времени походили скорее не на общеизвестные срубные сооружения восточных славян, а имели, как и у жителей Западной Литвы X-XIV вв., поднимающиеся от нижнего венца вертикальные столбы. Строго говоря, такая конструкция может считаться не срубной, а каркасной. В вертикальных угловых столбах были вырезаны вертикальные же пазы, куда вставлялись обработанные топором узкие торцы горизонтальных брёвен. Такое жилище быстро собиралось и разбиралось. Срубно-каркасные дома, как показывают материалы зимних раскопок 1999 г. на Московском проспекте Калининграда, использовались в городе Löbenicht уже на рубеже XIII-XIV вв.

Наличие каркасной конструкции стен жилищ пруссов подтверждается данными «Помезанской правды» (1340-1433 гг.). В статье 44 «О нападении в доме» упоминается столбовая конструкция стены (дома или ограда усадьбы?), в статье 87 «О домашнем мире» пишется: «В чьих четырех столбах будет нарушен мир, тому причитается половина (возмещения) домашнего мира» (Пашуто 1955: 14-17). Другие источники упоминают отдельные детали конструкций и интерьера прусских жилищ XIV-XVI вв., времени дальнейшего развития домостроительства пруссов. В «Хронике Пруссии» Петра фон Дусбург упоминается то, что «...Криве безо всякого колебания показывал и то, как мертвый распоряжается одеждой, орудием, конями и челядью, и для вящей убедительности говорил, что на притолоке дома своего он оставил такой-то след копьем иди другим орудием» (Петр из Дусбурга 1997: 52). Этнографические сведения XVI в. дают нам возможность ознакомиться с архаикой прусского домостроительства. Постройки этого времени сооружались местным населением из дерева (стены) и соломы (крыша), в плане имели овальную форму (?). Существовало два типа построек – namus (дом, отапливаемый по-черному), при помощи открытого очага, ограниченного камнями - stabni) и umnode (дом с печью для хлеба /глинобитной?/ wumpnis). В печи последнего обыкновенно имелось углубление для углей для разжигания огня на следующий день. Возможно, этот уголь мог быть использован для отопления дома ночью. Такой уголь мог храниться в сосудах с многочисленными сквозными отверстиями. Фрагменты такой керамики встречаются на поселениях и могильниках исторической Пруссии на протяжении всего I тысячелетия н.э. В сведениях по прусской этнографии суще-

ствуют понятия buttan (сени), lanxto (окно), langalis (отверстие в крыше или стене для выхода дыма от очага), luckis (лучина), maltuwa (пристройка ручного помола муки или для хранения жерновов) (Fischer 1937: 18). Все эти понятия гипотетически можно связать со срубными жилищами, эти элементы жилища существовали у пруссов, возможно, уже к началу II тысячелетия н.э.

Кроме упомянутых выше трех типов жилищ пруссов известны два помещения (пом.(1), (2) селища Myslętin), представленные котлованами без окружающих столбовых ям. Описание одного из них таково. Пом.(1) обнаружено на глуб. 0,30 м, представляет собой прямоугольное в плане углубление, ориентированное практически по линии север-юг, разм. 6 х 2 м, глуб. до 0,4 от древней дневной поверхности. В северной части углубления обнаружены остатки округлой в плане печи (в яме?), диам. ок. 1,7 м. В печи прослежен слой угля. В заполнении котлована жилища обнаружены фрагменты круговой керамики со слабо отогнутым венчиком, орнаментированной прорезными линиями и штампом. Помещение по инвентарю датируется X-XI вв. (Ebert 1923: 27).

Наличие у пруссов углубленных в грунт жилищ (возможно, эта форма построек была связана с особенностями местного климата, в частности – интенсивным эоловым воздействием, требовавшим уменьшение «парусности» площади фасада дома) косвенно подтверждается сообщением М. Муриниуса о походе в Пруссию польского короля Болеслава II Смелого (после 1058 г.): «Пруссы, думая, что король удалился в Польшу, вышли из своих ям, а наиболее смелые, не видя перед собой никого, начали рассуждать о вторжении в Польшу...» (Murinius 1989: 37).

Размещение жилищ в пределах поселения и наличие строительных периодов можно пытаться восстановить только на примере раскопанной практически полностью малой площадки городища Грачевка. Материал, обнаруженный в пределах ряда жилищ, позволяет выявить ранний этап застройки площадки – XI-XII вв. В это время, судя по плану, сосуществовали две длинных столбовых постройки оборонительно-хозяйственного назначения и пять срубных построек. Все эти дома в плане образовывали улицу, ориентированную параллельно большему диаметру площадки, по линии северо-запад – юго-восток. Въезд на площадку, по-видимому, находился с запада и осуществлялся при помощи моста, перекинутого через ограждавший площадку в этом место ров. Судя по наличию в пределах пом. (10) и (11) слоя пожара, постройки этого горизонта были уничтожены огнем. Не исключено, что перед сооружением этих построек поверхность площадки была выровнена, на что указывает мощное скопление керамики в северо-восточной части площадки. Поселения пруссов упомянутой выше уличной планиграфии относятся к типу «lauks» и представляют собой соседскую общину.

Планировка жилищ более позднего строительного этапа Грачёвки (XII-XIII вв.) не дает возможности говорить о наличии здесь улицы. Такой же вывод следует из попытки воссоздания планировки городища-1 Логвиново. Возможно, здесь проявился второй, полицентричный вариант сложения прусского селения из нескольких усадебных хозяйств. Внешне непривычному взгляду такая планировка кажется хаотичной (рис. 6). На самом деле она – вполне самодостаточна, отвечает здоровому эгоцентризму прусских селян (как правило – зажиточных), мало интересовавшихся событиями за пределами своего двора-«kaim».

Выводы, базирующиеся на приведенном выше опыте разбора 24 построек раннесредневековых пруссов, заключаются в следующем:

Столбовые постройки на поселениях междуречья рек Ногаты и Деймы известны с эпохи энеолита. В эпоху раннего железа и в первой половине I тысячелетия н.э. предки пруссов продолжали возводить жилища только столбовой конструкции. При этом крыши покрывались, вероятно, камышом или прочими органическими материалами. Столбы соединялись между собой и с элементами двускатной (?) крыши верёвками. Возможно, уже к середине I тысячелетия н.э. у пруссов, как и у соседствующих балтских племен, появляются срубные постройки, однако конкретные доказательства этого пока отсутствуют. К этому времени относятся обнаруженные на прусском поселении две нехарактерные для балтов углубленные в грунт постройки со стенами предположительно срубной конструкции. Наличие подобных построек в мазурском регионе (селище Tumiany-Rybaczówka) со смешанным населением, а также конструктивные особенности этих сооружений (например, остатки глиняной обмазки стенок котлована), позволяет выдвинуть гипотезу о восприятии такого рода построек населением мазурского региона от соседствующих славян Мазовши.

Приведенный выше опыт типологизации жилищ пруссов позволяет выдвинуть предположение о том, что столбовые конструкции, традиция сооружения которых жила на земле пруссов с эпохи энеолита, безраздельно господствовала в домостроительстве пруссов минимум до IX в. В середине I тысячелетия н.э. под влиянием извне как исключение появляется результат смещения разноэтничных традиций – столбовая постройка с углубленным в грунт котлованом. Начиная с X в., как и остальные балтские племена, пруссы начинают самостоятельно овладевать приемами строительства срубных жилищ. Последние доживают, видимо, в прусской традиции домостроительства до XVI в.

К настоящему времени быт пруссов был известен лишь на основе фольклорно-этнографических данных. Как показывает местная устная традиция, на пороге орденских завоеваний в юго-восточной Балтии, хозяйство в прусском доме велось женщинами. Последние были настолько бесправны, что даже не могли в процессе еды сесть за один стол с домохозяином (Gerlach 1981: 27). Учитывая возможность приобретения мужчиной трех жен (Кулаков 2000: 30), можно смело предполагать, что все домашние дела у пруссов в эпоху раннего средневековья исполнялись женскими руками – от керамического производства до приготовления пищи. Правда, подобное неравноправное для женщин положение дел скорее должно фиксироваться с середины I тысячелетия н.э. Ранее, в эпоху римского влияния женщины в западнобалтском обществе занимали, судя по данным

погребальных памятников, равное с мужчинами положение.

2. ПОСЕЛЕНИЯ XIV-XVIII ВЕКОВ

Переселенцы, хлынувшие на землю пруссов широким потоком после 1283 г., даты завершения основного процесса завоевания Янтарного края Тевтонским Орденом, первоначально не был обильным. Крепостные крестьяне Центральной и Западной Европы, сохраняя в местах своего первоначального обитания жалкие остатки своей общинной свободы, не горели желанием испытывать судьбу на далёкой окраине Ойкумены, не пригодной для интенсивного земледельческого использования. Общеизвестен факт представленности в прусском сельском хозяйстве лишь подсечно-огневого земледелия. В рамках его методы селянин был вынужден каждые 2-3 года очищать от леса и распахивать (сохой) новый земельный участок. При этом урожай, достаточный для прокорма семьи и уплаты налогов вайделотам, а затем – администрации Тевтонского Ордена, не гарантировался. Таким образом, хозяйственные условия не способствовали в орденское время интенсивной, массовой миграции немецких крестьян в Пруссию. Трудами географов супругов Гертруды и Ганса Мортенсен в 20-х годах XX века был показан медленный процесс постепенного освоения немецкими землепашцами Великой пустоши (Große Wildnis – так в средневековье назывался грандиозный лесной массив, занимавший практически всю территорию Пруссии вплоть до Нового времени). К сожалению, история не сохранила информации о внешнем виде и, тем более, интерьере средневековых домов немецких крестьян в Пруссии. Однако орденские оборонительные сооружения известны нам в архитектурных остатках и в основанных на реальных параметрах реконструкциях довольно хорошо. Так, например, в центре некоторых средневековых немецких селений, располагавшихся по рубежам освоенной Орденом территории, высились небольшие укрепления, имевшие, как правило, вид бревенчатой или, реже, каменно-кирпичной оборонительной башни (рис. 7). В ней, несомненно, располагался небольшой орденский гарнизон, который не только нёс в башне службу, но и жил там. Семьи бойцов могли обитать в домах, возводившихся вокруг этой башни. В башне находилось место и для небольших культовых помещений наподобие капеллы Св. Анны в Орденском замке Кёнигсберг (рис. 8). Так формировалось селения, тип которого именовался немцами термином Hagen (Wild Haus). Прототипом упомянутых оборонительно-жилых сооружений служили башни орденских замков.

После крушения в 1525 г. Орденского государства в Пруссии во вновь созданное протестантское герцогство (Kurfürstum) Пруссия хлынул поток единоверцев из Западной Европы. Эти люди, притеснявшиеся у себя на родине, искали спасение далеко на востоке, под сенью прусских лесов. Правда, ввиду специфики своих хозяйственных занятий, эти крестьяне несли гибель лесам Янтарного края. На восток устремились обитатели различных германских земель, гугеноты Восточной Франции и голландские горожане-кальвинисты. В прусском культурном наследии ещё перед Первой Мировой войной (Gaerte 1929: 102) сохранялся мощный этнографический пласт в виде казавшимися бесчисленными домов, возведённых в XVIII – середине XIX веков с использованием различных культурных традиций.

Эти традиции реализовались прежде всего в чёткой планировке земельных угодий, прилегающих к деревенским усадьбам, составлявшим немецкую соседскую общину. Таким образом планировка немецкой деревни своей упорядоченностью (рис. 8) заметно отличалось от прусской системы типа «kaims» (см. выше). Важно отметить факт закладки немецких деревень на новых, необжитых пруссами угодьях (Riemann 1937: 323). Как правило, немецкие селения были планиграфически связаны с ручьями, то есть наличие проточной воды в процессе хозяйствования немецких переселенцев было крайне желательно.

Рядовой принцип сельской застройки в имперской провинции Восточная Пруссия был представлен, как правило, крупным домом с фахверковой системой несущих стен, в которых балки были положены, образую фигуры в виде квадратов. Такую постройку, покрытую тростниковой крышей и вмещавшую в своём объёме как жилую часть, так и стойла для скота, последний директор Музея «Пруссия» доктор Вильгельм Герте называл типом Lichtenfeld (Gaerte 1929: 103). Его особенностью было применение наряду с фахверковой системой формовки стен их дополнительной столбовой конструкции (в стойловой части). Это сближает дом типа Lichtenfeld с прусской постройкой типа 1 доорденского времени и, возможно, указывает хотя бы на частично автохтонный характер её генезиса.

До 1991 г. в Зеленоградском районе Калининградской обл. сохранялся только один дом со столбами, поддерживающими крышу, и с фахверковой конструкцией стен, располагавшийся у Sorgenau/Покровское. Размеры дома – 25 х 5 м, его внутренний объём был разделен перегородками на три отсека, дом был покрыт соломой. Не исключено, что дом был сооружен местным населением в первой половине XIX в. Его внешнему виду и параметрам совершенно аналогичен вид дома в Nuskern/Безымянка (рис. 9). Этот дом был сооружен на основании из валунов, стены сложены из кирпича, дом также разделен на три отсека, причем в среднем располагается хлебная печь. Резко отличаясь от окружающей типично среднеевропейской застройки XX в., эти дома донесли до нас средневековые традиции домостроительства немецких переселенцев, соединившиеся с некоторыми принципами прусского домостроения.

Принципиально такие постройки отвечают признакам планировки западно- и среднегерманского сельского дома (рис. 10). Формирование его планировки восходит к древнейшим временам, точнее – к эпохе римских влияний. Такие принципы домостроительства могли проникнуть в Пруссию ещё в начале новой эры с группами древних германцев, особо активно устремившихся в Янтарный край после 170-180 гг. н.э. (Кулаков 2003: 286).

В традиционных западногерманских домах в центре постройки располагалась «чёрная кухня» (в древности

– открытый очаг, обложенный по периметру камнями, в Новое время – каменная или кирпичная печь с дымоходом в виде усечённой сужающейся кверху пирамиды. По противоположным концам дома располагались жилое помещение с кладовыми и стойло для скота (преимущественно – для лошадей) (рис. 10). Зажиточные владельцы могли позволить себе устройство входных порталов со стенами нарядной фахверковой конструкции (рис. 11). Крестьяне с более скромным достатком обходились возведением стен срубного и столбового типа, при этом осознанно (или случайно ?) (рис. 12), воссоздавая прусские домостроительные традиции доорденского времени.

В частности, опубликованный Рихардом Детлефсеном (Dethlefsen 1990: Taf. 2) дом семьи зажиточного земледельца из Ebersbach bei Braunsberg (окрестности нынешнего г. Braniewo) представляет собой срубно-столбовую постройку (рис. 13,3) с побелённым уличным фасадом (рис. 13,1). Парадный вход в дом оформлен в виде фахверковой пристройки. В центре жилища – кирпичная печь для коромыслом для подвешивания двух котлов (рис. 13,9) для большого количества пищи (членам семьи и батракам). Как и орденские хозяйственные комплексы (Ritterhof), усадьба включает закрытый двор (фактически – тип patio), по периметру ограниченный амбарами и сараями (рис. 13,4). В этом дворе (рис. 14) содержалась в случае непогоды скотина (рис. 15).

Второй мощный по насыщению фактическим материалом раздел усадебного наследия Старой Пруссии составляет дом нижне- (северо-) германского типа. Его главная особенность – наличие коридора, разделяющего объём постройки на две равные части (рис. 16). Лишь незначительная часть крестьян-носителей этой системы домостроительства прибыла в Пруссию из коренных немецких земель Нижней Саксонии и Тюрингии. Преимущественно переселенцы прибывали из недавно освоенных немцами западнославянских племенных территорий на восточном берегу р. Эльба (Riemann 1937: 324). Таким образом, в генной памяти переселенцев заметное место должны были занимать рудименты славянского культурного наследия. На уровне домостроительства нижнегерманского типа эти рудименты нужно ещё установить. Но это – тема особого исследования.

Стены нижнегерманских домов при наличие средств у хозяина возводились из кирпича (рис. 17), а крыши покрывались не соломой и дранкой, как в эпоху средневековья, а черепицей.

Нижнегерманскую домостроительную традицию перенимают потомки куршей и ламатов (родственные пруссам западнобалтские племена, обитавшие в дельте р. Неман и её окрестностях. В частности, опубликованный Рихардом Детлефсеном дом из пос. Gilge (Kr. Labiau, ныне – пос. Матросово, Полеский район) (Dethlefsen 1990: Taf. 1) дом семьи зажиточного рыбака планиграфически полностью отвечает нормам нижнегерманской усадьбы (рис. 18). Правда, стены жилого дома сохраняют вид сруба, покоящегося на высоком каменном фундаменте. Значительно число хозяйственных служб вынесенного за его пределы, в частности – летняя кухня.

Таким образом, два основных типа жилых построек селян Старой Пруссии не только отразили традиции различных земель Германии и, возможно, приёмы западнославянского домостроительства, но и сохранили практически до современности рудименты строительного искусства пруссов.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1. ОСОБЫЕ ФОРМЫ СООРУЖЕНИЙ В ЗЕМЛЕ ПРУССОВ

Весьма редкими в юго-восточной Балтии формами строительной деятельности раннесредневековых пруссов являются оборонительные валы. Предназначение этих сооружения долгое время вызывало недоумение исследователей, которые в предвоенное время трактовали их либо как неуклюжие попытки пруссов предотвратить проникновение на Самбию и в другие особо важные «земли» крестоносной конницы в XIII в., либо предназначались сугубо для культовых целей, оберегая запретные для мирян священные участки (леса, водоёмы, луга и прочие урочища).

Если для большей части территории юго-восточной Балтии, населявшейся в историческое время различными западнобалтскими племенами, трактовка предназначения оборонительных валов продолжает оставаться неясной, то с Самбией ситуация в этом направлении более оптимистическая. Валы здесь, в сердце прусского ареала, обнаружены в юго-западной части Куршской косы (северо-восточнее пос. Лесное, у Музея природы Куршской косы), у её юго-западной оконечности (вал Schwedendamm у устья р. Тростянки, уничтоженный при строительстве железной дороги Königsberg-Cranz в 90-х годах XIX в.), в северо-восточной части Балтийской косы (вал Гардине к западу от совр. г. Приморска – рис. 19). Все эти сооружения, в последнем случае достигающие длины почти 1 км, прикрывают подходы к естественным или искусственным проливам, прорезавшим Куршскую и Балтийскую косы вплоть до XII в. Таким образом, валы Самбии предназначались и для предотвращения внезапного набега с грабительской целью на проливы, которыми следовали торговые суда (в эпоху викингов – по Неманскому отрезку пути «из варяг в греки»), и для возможного предотвращения несанкционированного доступа непосвящённых к этим чудесам природы (песчаные косы и проливы), сакрализовавшимся прусскими жрецами (Кулаков 2018: 21).

В X-XI вв. сооружение валов планиграфически увязывалось пруссами со складками местности. В результате такого творческого подхода валы не всегда были прямолинейны, обретая нередко извилистые или дугообразные очертания. Конструктивно их сооружение распадалось на несколько этапов:

1. Выравнивание основных неровностей рельефа на месте будущего вала.

2. Постройка на месте будущего вала парного частокола, причём ряды брёвен вкапывались на расстоянии не более 2-3 м, что косвенно фиксируется примерно такими сохранившимися параметрами верхней плоскости этих валов (соответственно равной расстоянию между основания брёвен частоколов, за пределы которых земля на гребне вала не могла далеко осыпаться с течени-

ем времени). Наружный ряд столбов, не исключено, был несколько выше (на рост человека) высоты внутреннего ряда, что требовалось для защиты обороняющихся на площадке вала.

3. Пространство между частоколами заполнялось, как показывают результаты раскопок (валов городищ, этот метод был актуален, видимо, и для оборонительных валов), массой валунов.

4. Вся деревянная конструкция засыпалась грунтом (как правило – супесью) вплоть до верхней точки внутреннего, обращённого в тыл частокола. Грунт брался извне от внешнего, обращённого к противнику частокола, что позволяло параллельно строительным работам на валу приготовить и наружный ров.

5. Внешняя поверхность вала выкладывалась валунами (рис. 20), что препятствовало (особенно при влажном климате Пруссии) быстрому доступу противника к гребню вала. Его крепостной ход (площадка на гребне вала) могла выстилаться брёвнами или брусьями. Правда, археологические свидетельства такой строительной акции отсутствуют.

Церковные постройки возникли в земле пруссов ещё в результате миссии епископа Христиана, в первой половине XIII в., что засвидетельствовано в неоднократных обращениях крещёных пруссов к римскому папе и в тексте мирного Христбургского (Киршпоркого) договора 1249 г. Наиболее ранние кирхи Пруссии сооружались из дерева, исследование их остатков археологами Балтии никогда не проводилось. Однако можно с полной уверенностью утверждать факт соответствия планиграфических форм (вытянутый по линии запад-восток с различными отклонениями прямоугольник с алтарной апсидой-целлой в восточной своей части и с башенной звонницей в своей западной части) этих ранних храмов более поздним каменно-кирпичным орденским кирхам. Они, как правило, возводились на месте первых деревянных христианских храмов, разобранных ввиду своей ветхости или же сожжённых восставшими пруссами в период с 1240 по 1295 г. (последняя дата актуальна, например, для кирхи Св. Катарины в Арнау-Марьино, Гурьевский р-н – рис. 21). Как правило, параметры древнейших церквей Пруссии (примером может являться неплохо сохранившаяся кирха Juditten) не превышали 30 х 60 м. Соответствие параметров деревянных и каменно-кирпичных церквей должно вытекать из документов на землепользование, выдававшихся уже в конце XIII в. настоятелям орденскими властями.

В случае моделировки этих деревянных церквей можно попытаться использовать весьма скромную орнаментику порталов более поздних, кирпичных культовых сооружений. Опираясь на доступный нам материал (в частности – довоенные фотографии кирхи Св. Николауса в Balga-Весёлое, Багратионовский р-н, рис. 22), следует сделать вывод о скромном, повторяющемся в виде элементов орнаментальных полос декоре (рис. 23), копировавшем на кирпичных порталах кирх XIV-XV вв. более ранний орнамент. В частности, крестообразный декор на портале кирхи в Бальге явно воссоздаёт изготовленный теслом по брусьям орнамент первичного, бревенчатого храма. Правда, не ясно, какого рода домостроительный приём использовался пруссами (они – основная масса трудового контингента в орденской Пруссии) на заре христианизации. Он мог заключаться как в столбовых, так и в каркасных стенах (рис. 24,3,4).

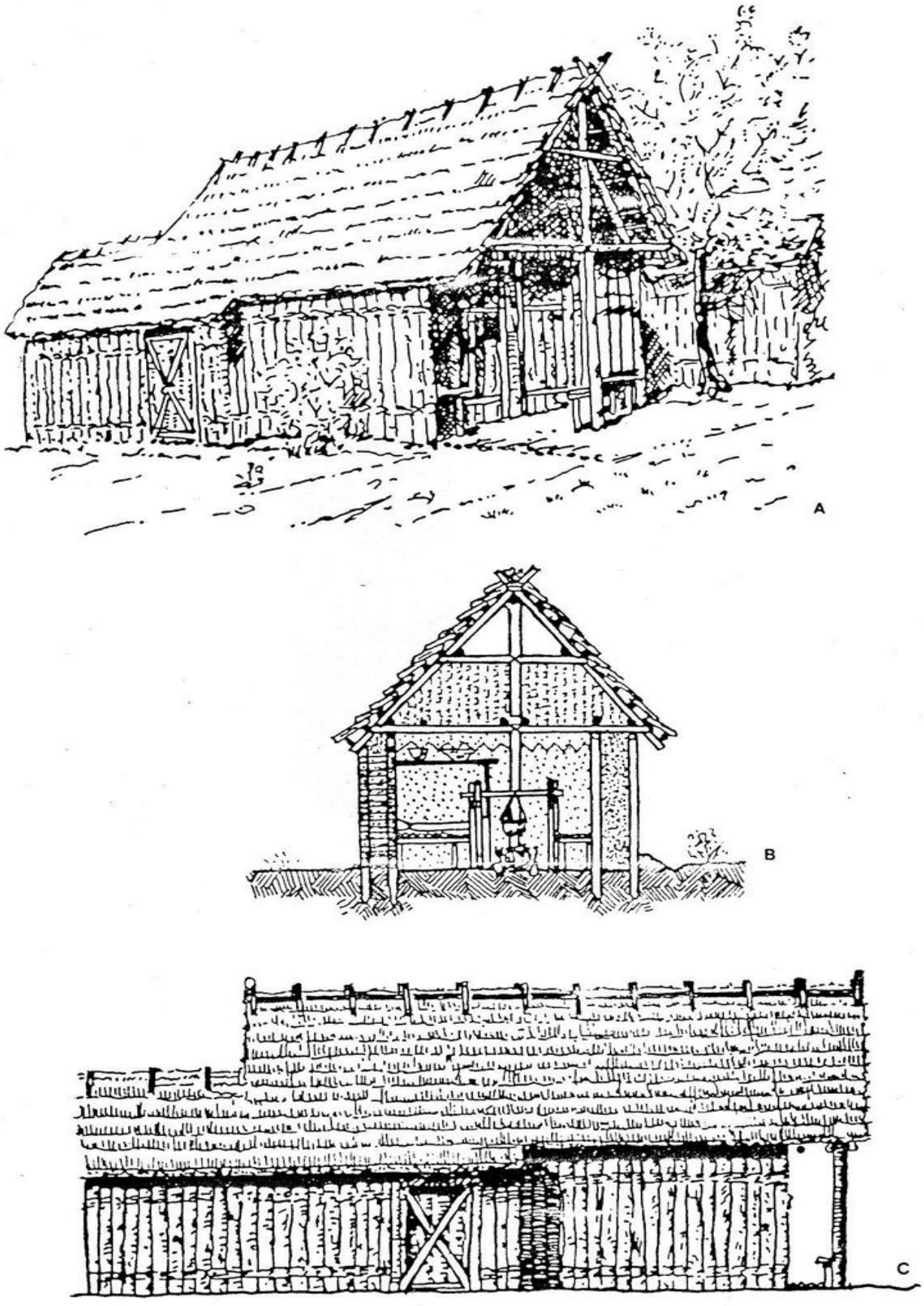


Рис. 1. Реконструкция внешнего вида неолитического жилища 13 из поселения Sucasse/Suchasz, woj. Elbląskie. A – общий вид, B – разрез с очагом, находившимся в центре жилого помещения, C – вид сбоку

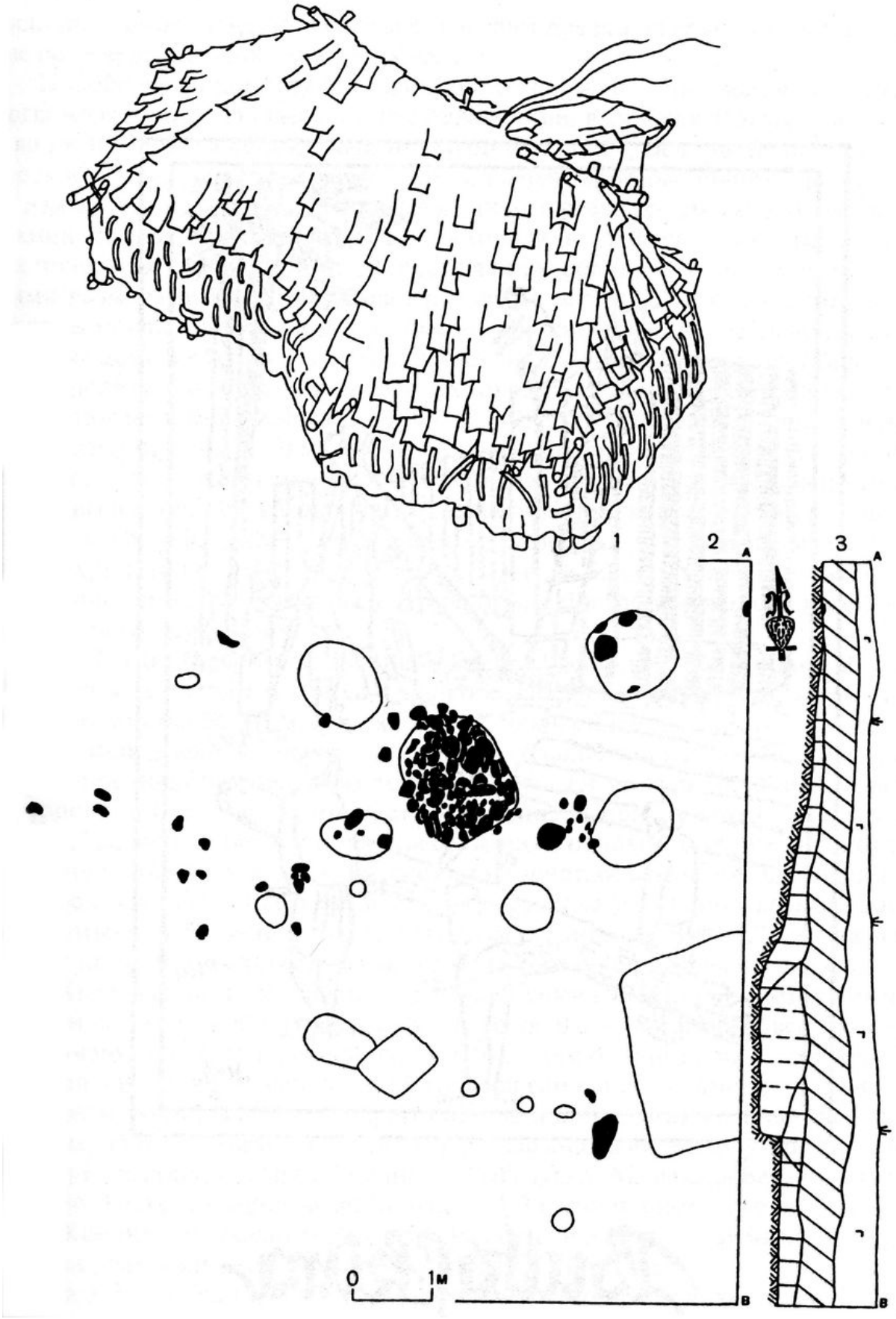


Рис. 2. Реконструкция и план столбовой постройки, обнаруженной на поселении Малиновка

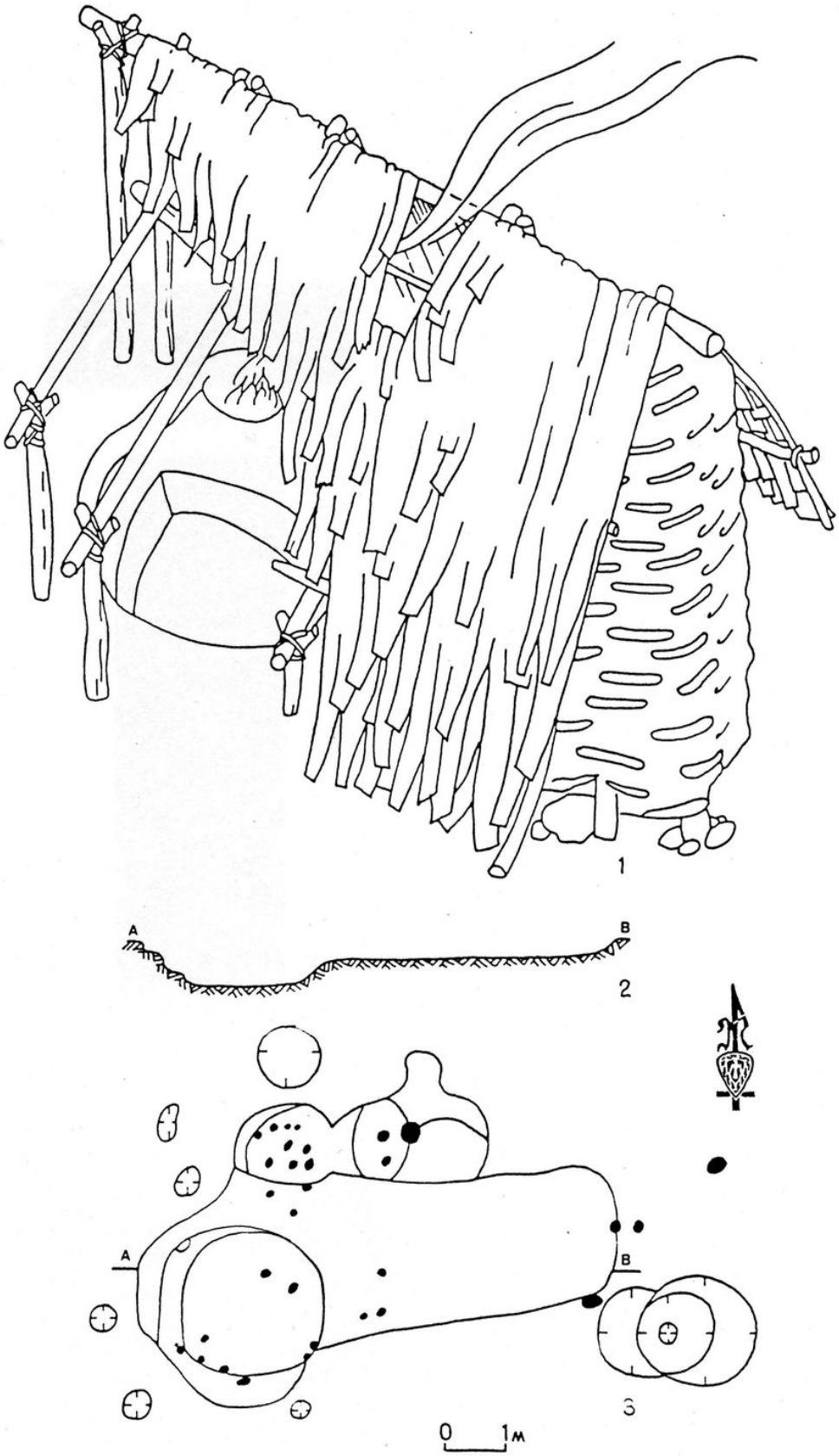


Рис. 3. Реконструкция (1), разрез (2) и план (3) полуземляночного жилища на поселении Клинцовка-Каменка

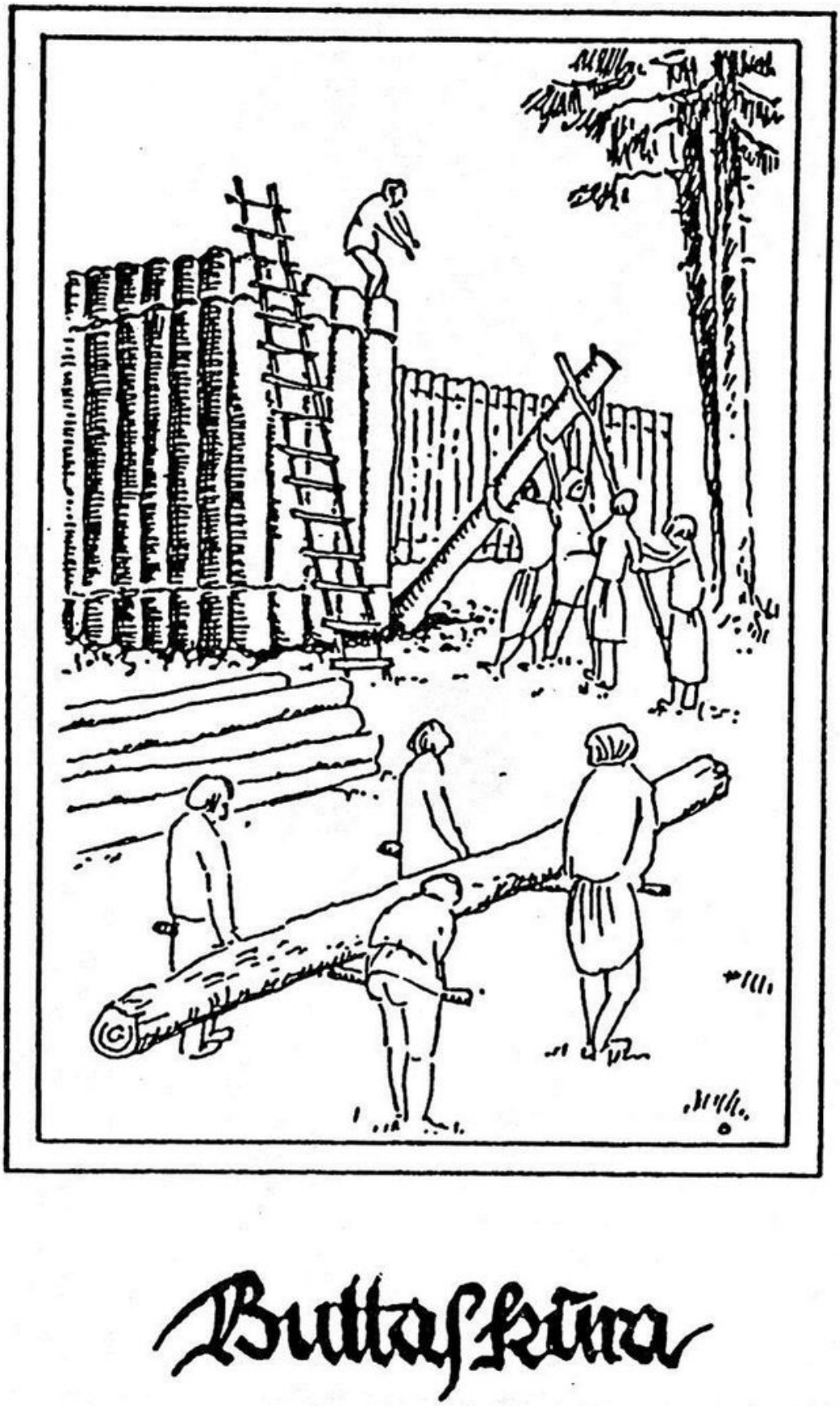


Рис. 4. Возведение раннесредневековыми пруссами оборонительного частокола (реконструкция Г. Поделя)

Рис. 5. Огненное жертвоприношение, осуществляемое жрецом-вайделотом с культовым жезлом-кривулей в правой руке (реконструкция Г. Поделя)

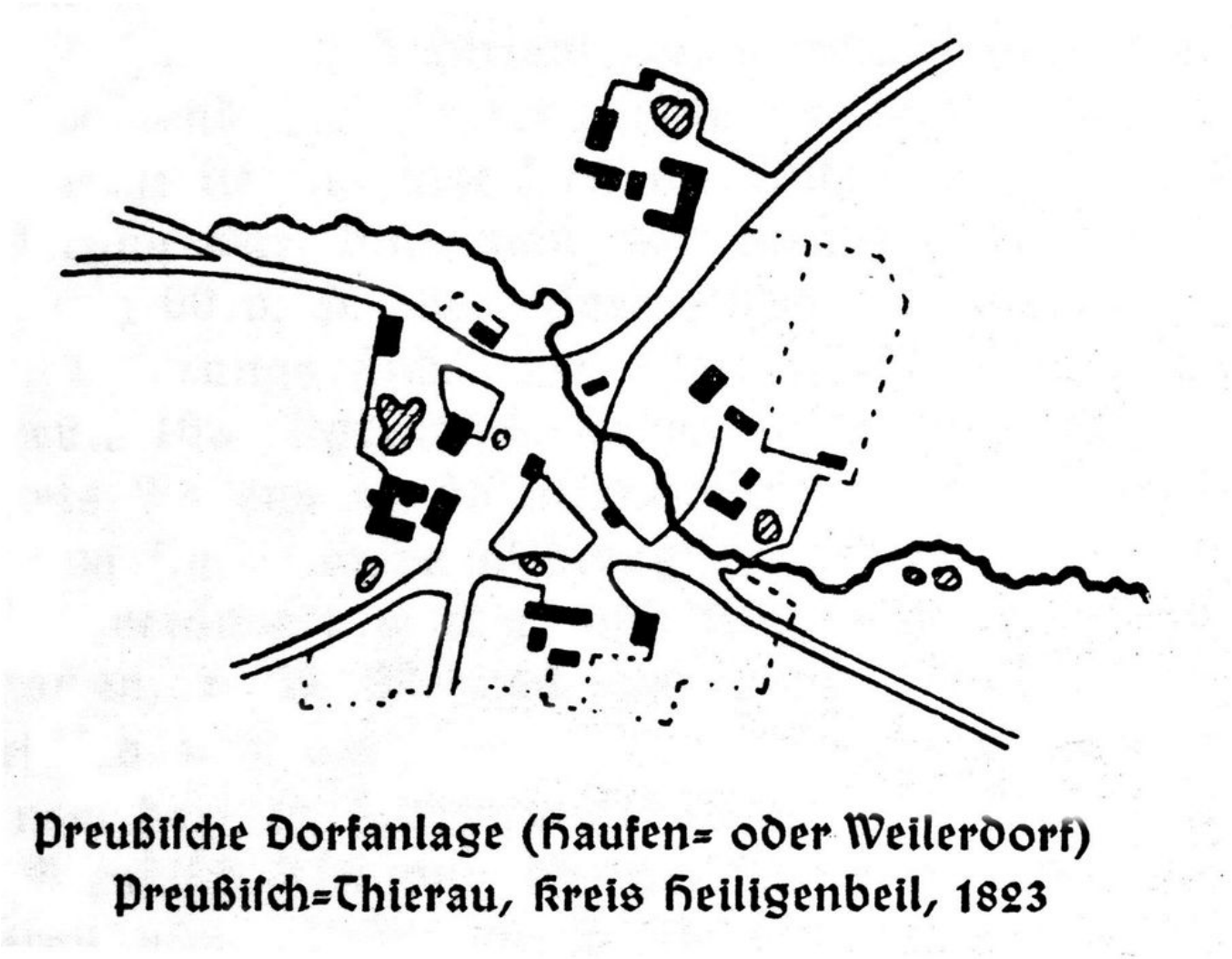


Рис. 6. Сложение прусского селения Нового времени (Preußisch-Tirau, Натангия) из нескольких усадеб типа «каймас»

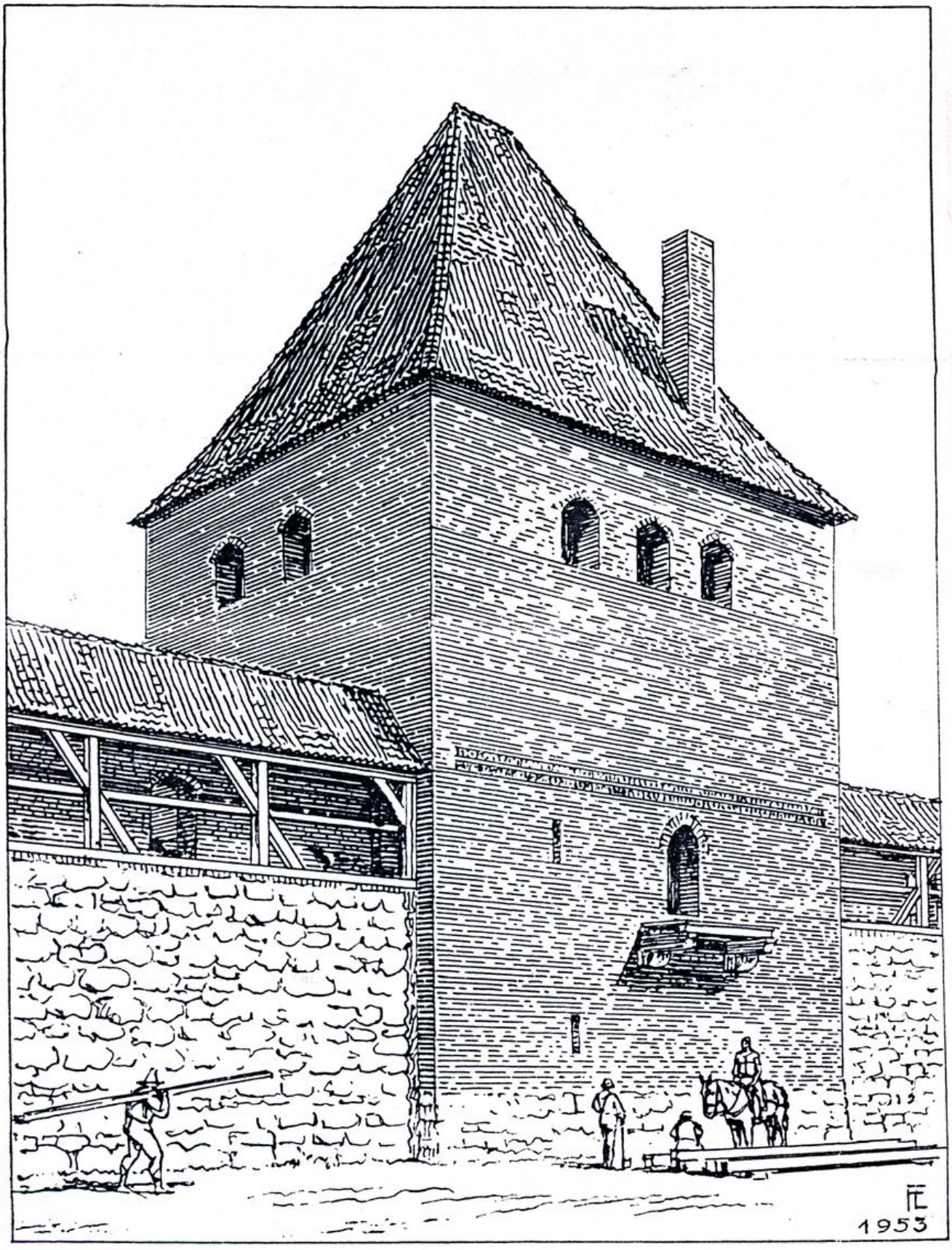


Рис. 7. Вид башни фогта фон Лиделау в составе северной стены Орденского замка Кенигсберг с северо-востока (реконструкция Фр. Ларса)

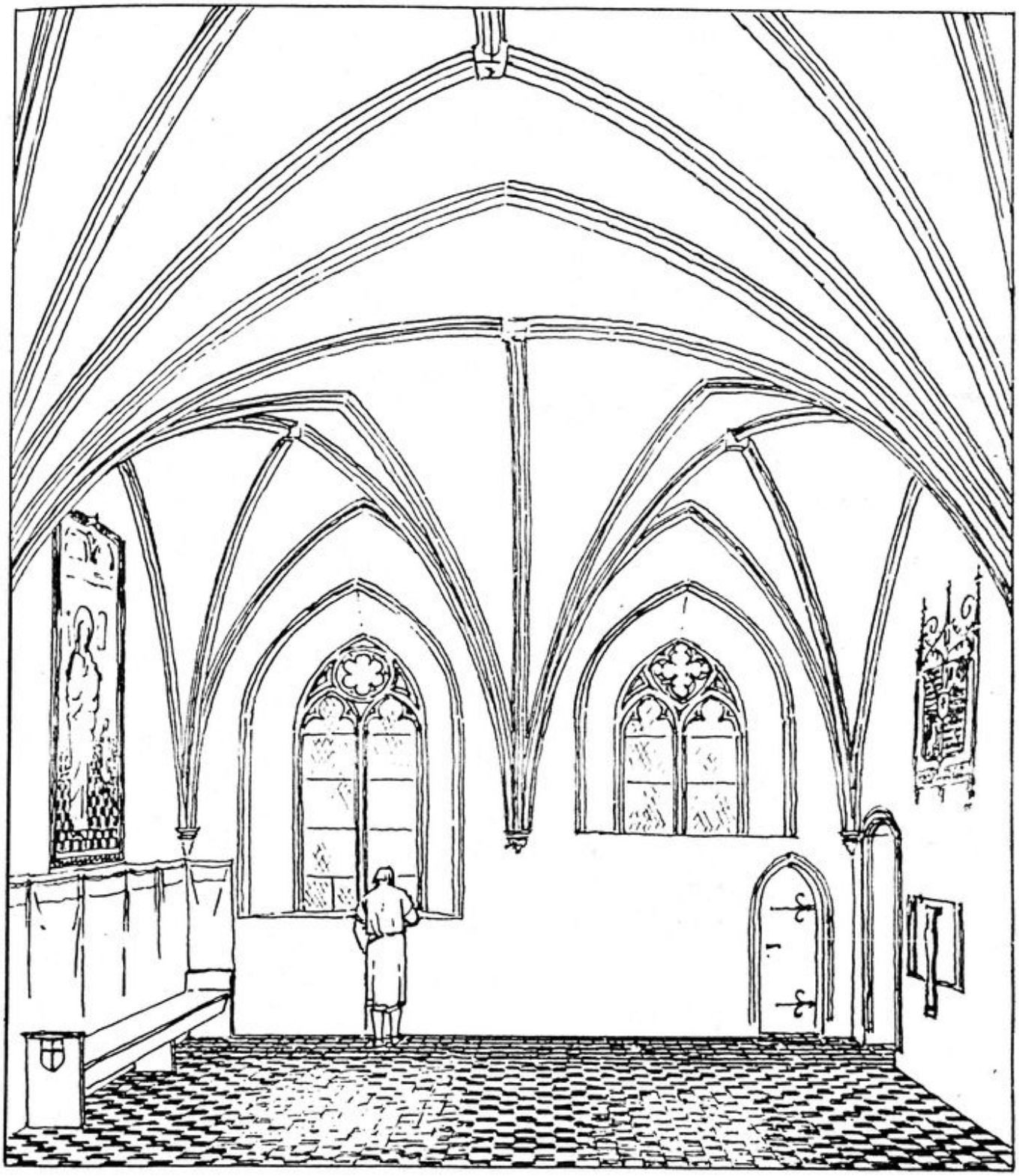


Рис. 8. Вид капеллы Св. Анны в Северном флигеле Орденского Замка Кёнигсберг (реконструкция Фр. Ларса)

Рис. 9. Вид традиционного дома в Nuskern/Безымянка в процессе сноса в 1977 г.

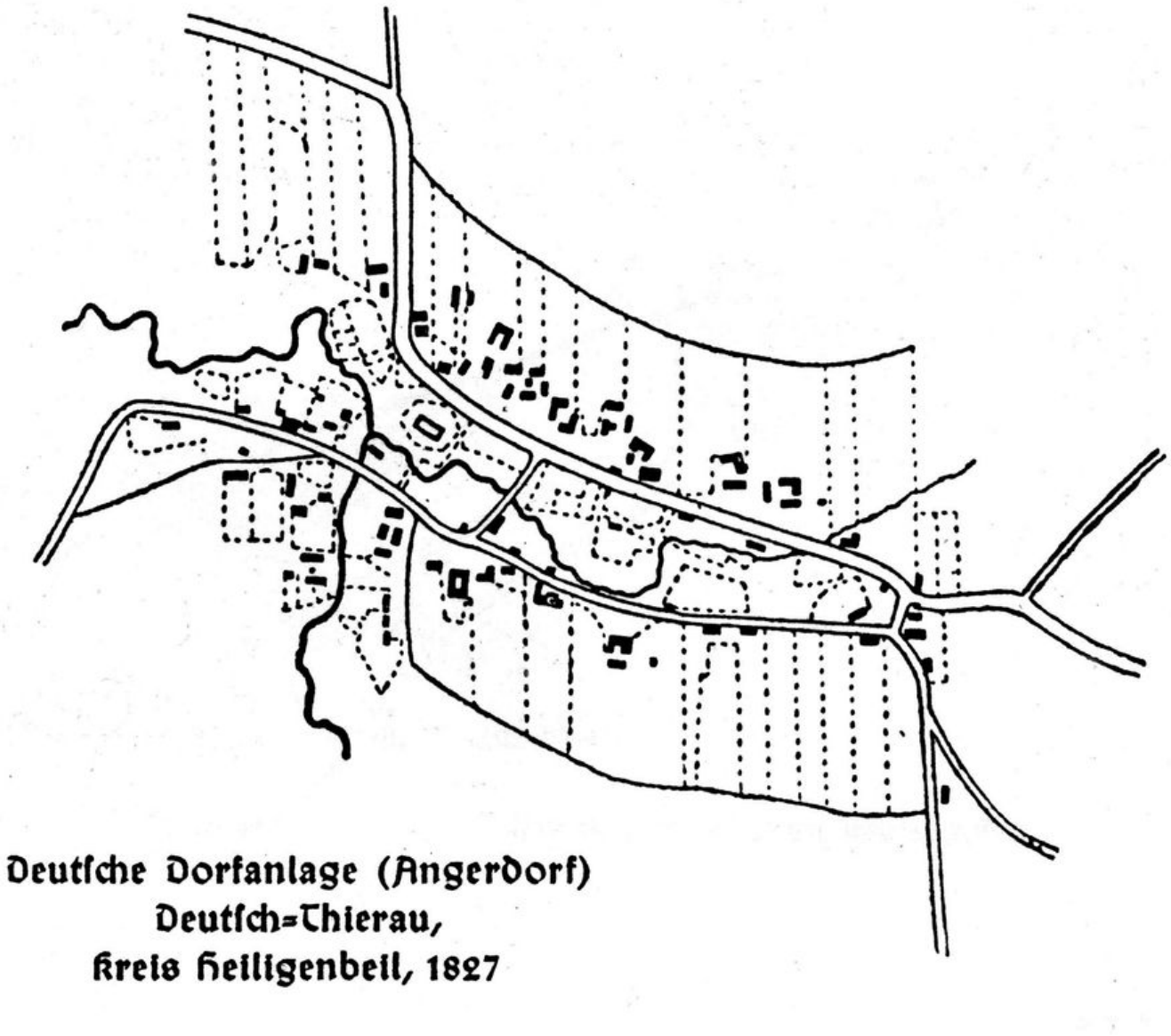


Рис. 10. План немецкой деревни Deutsch-Thirau, Kr. Heiligenbeil/Иванцово, Багратионовский р-н.

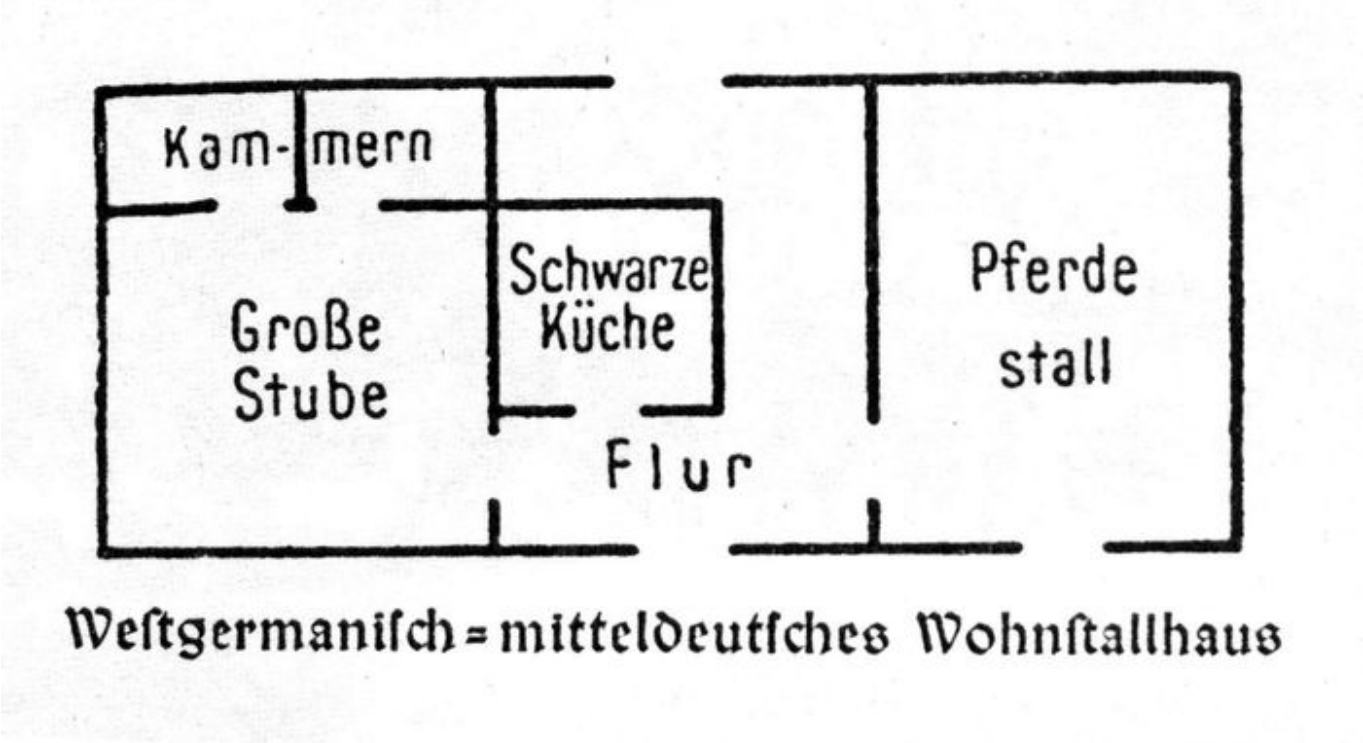


Рис. 11. Примерный план западно- и среднегерманского хозяйственно-жилого помещения

Рис. 12. Западно- и среднегерманский дом с входным порталом фахверковой конструкции

Westgermanisch = mitteldeutsches Wohnstallhaus aus Muhlack, Kr. Rastenburg

Foto: Dr. E. Riemann

Рис. 13. Западно- и среднегерманский дом срубно-каркасной конструкции

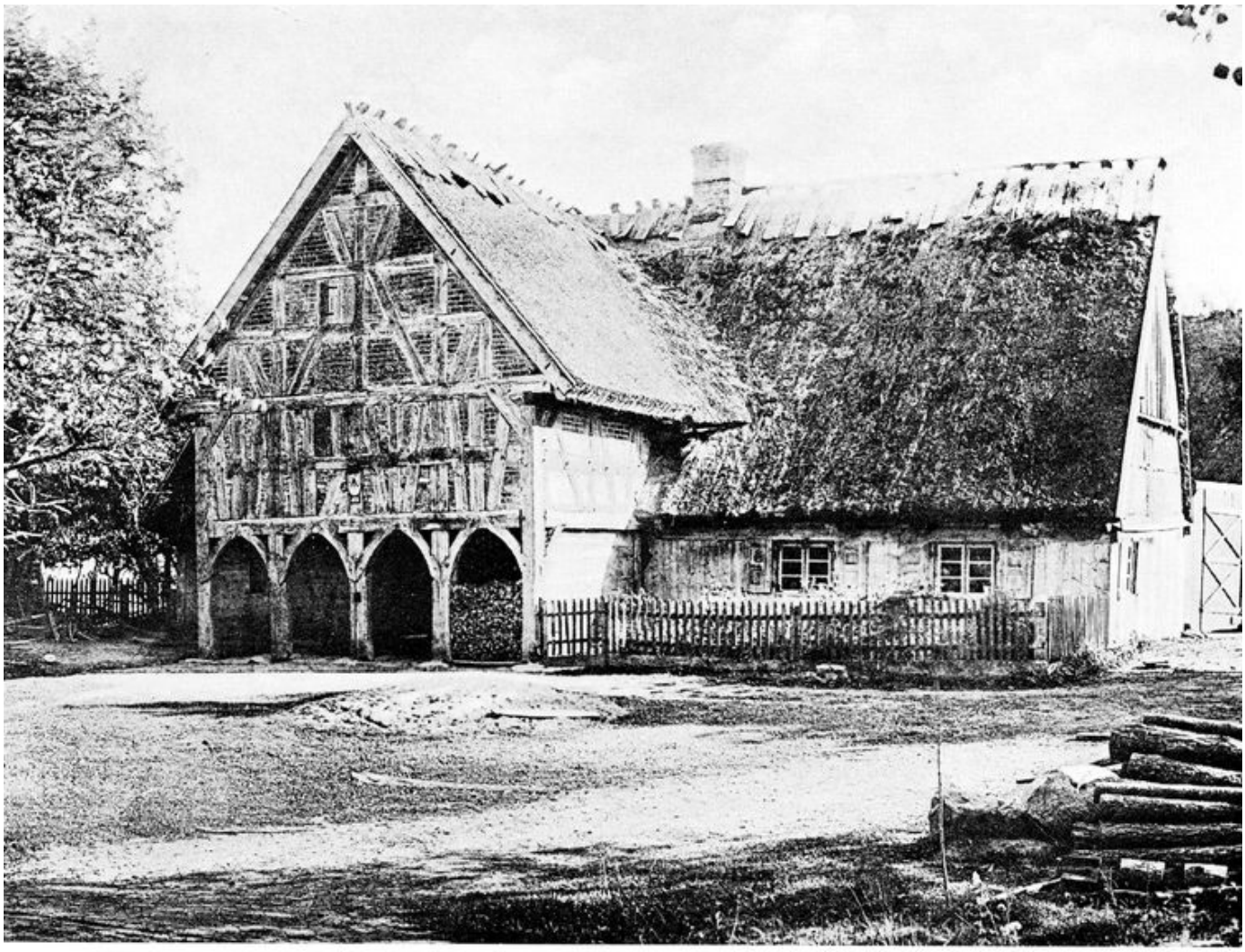


Abb. 1. Bauerngehöft in Ebersbach
(Vorderhaus).

Рис. 14. Входная пристройка, выполненная в технике фахверк дома семьи зажиточного земледельца из Ebersbach bei Braunsberg (окрестности нынешнего Braunsberg/Braniewo)

Abb. 3. Bauerngehöft in Kleefeldt
(Hofansicht, vom Vorderhaus aus gesehen).

Рис. 15. Хозяйственный двор прусской усадьбы

Abb. 4. Bauerngehöft in Kleefeldt
(Hofansicht, von der Scheune aus gesehen).

Рис. 16. Возвращения скота с пастбища в стойла в прусской сельской усадьбе

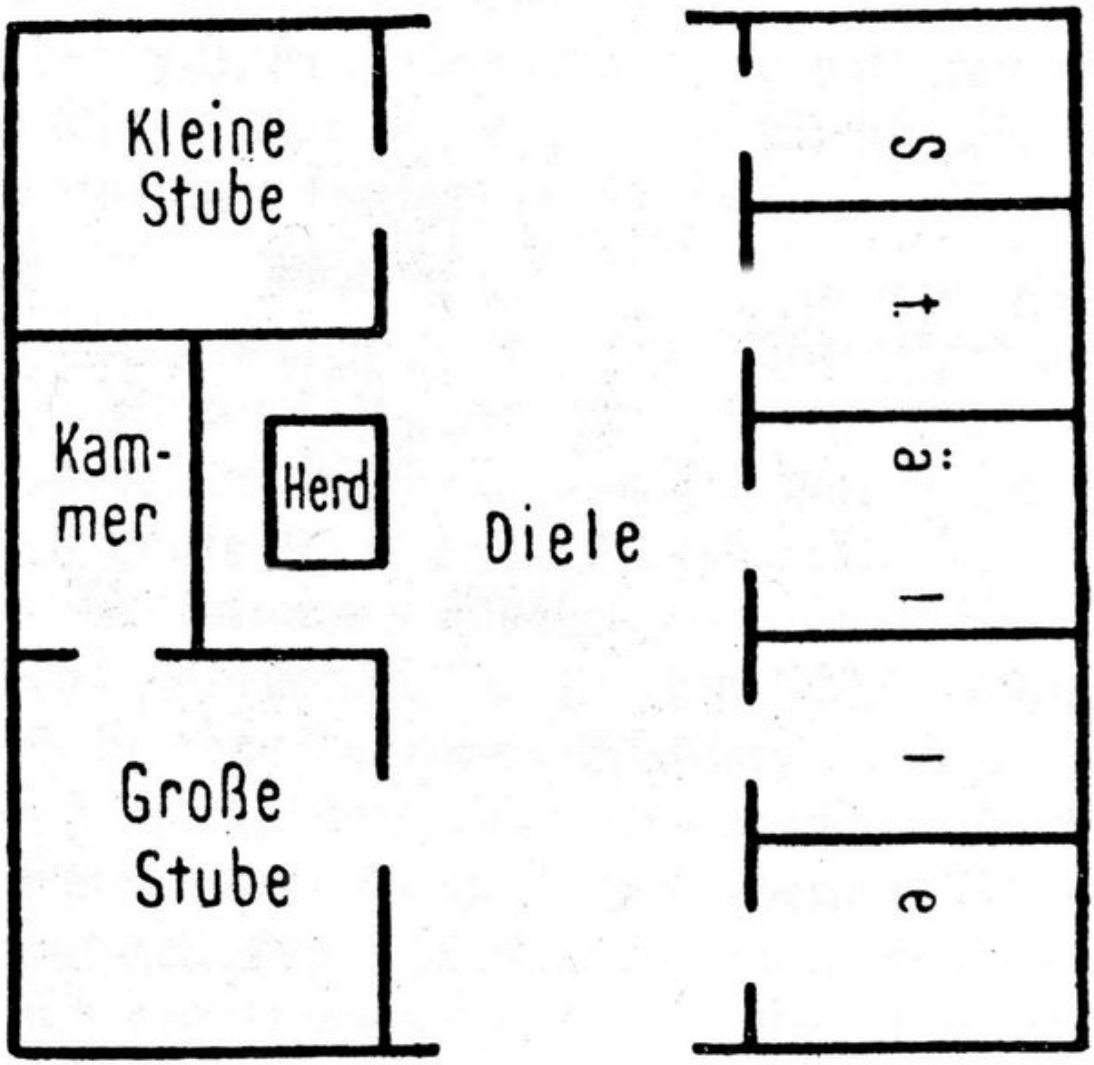


Рис. 17. План нижнегерманского сельского дома

Рис. 18. Фасад нижнегерманского сельского дома из Neu Passarge

Рис. 19. Вал Гардине на карте Самбии (1938 г.)

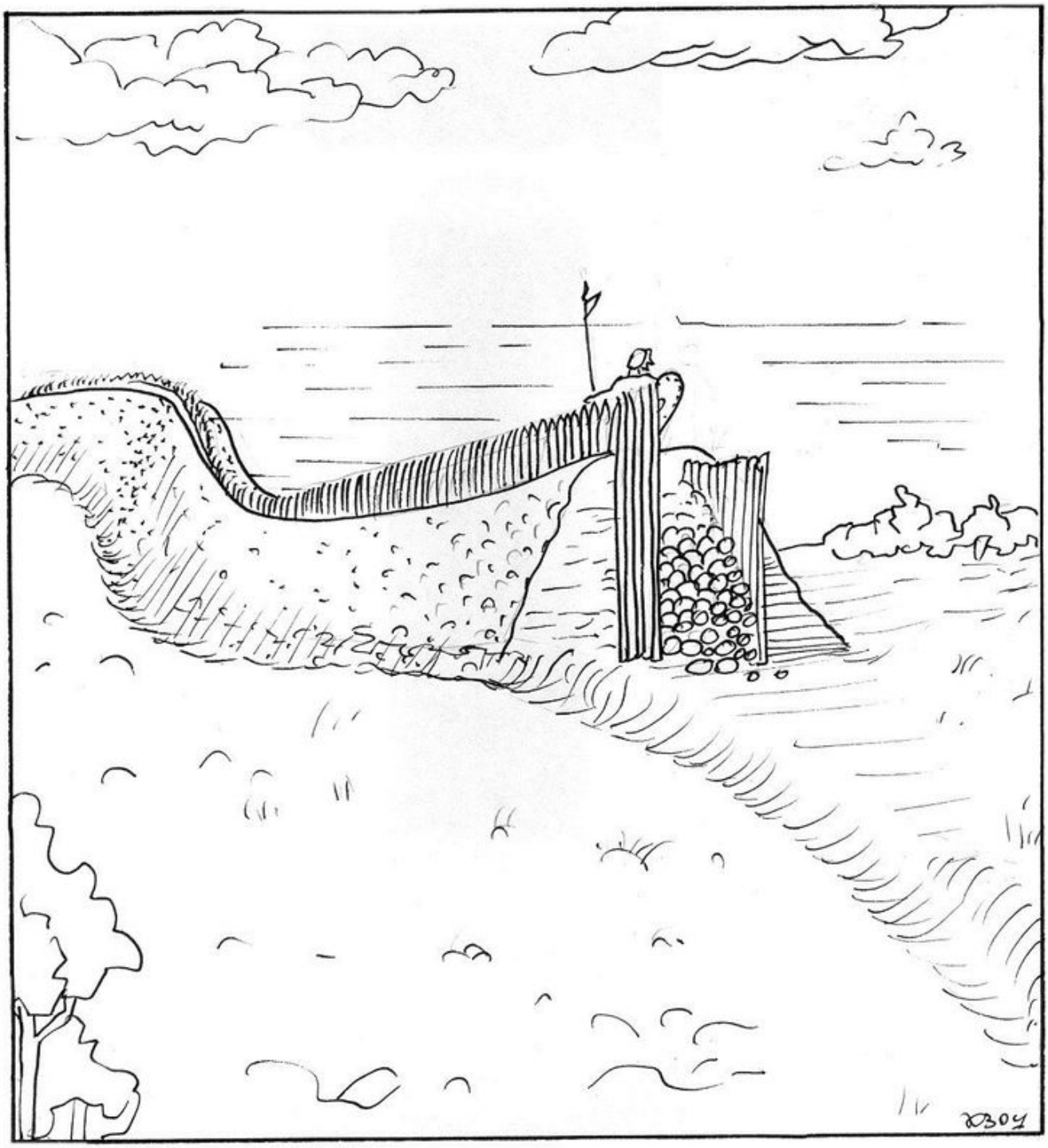


Рис. 20. Вид с юга на вал Гардине в разрезе (реконструкция В.И. Кулакова)

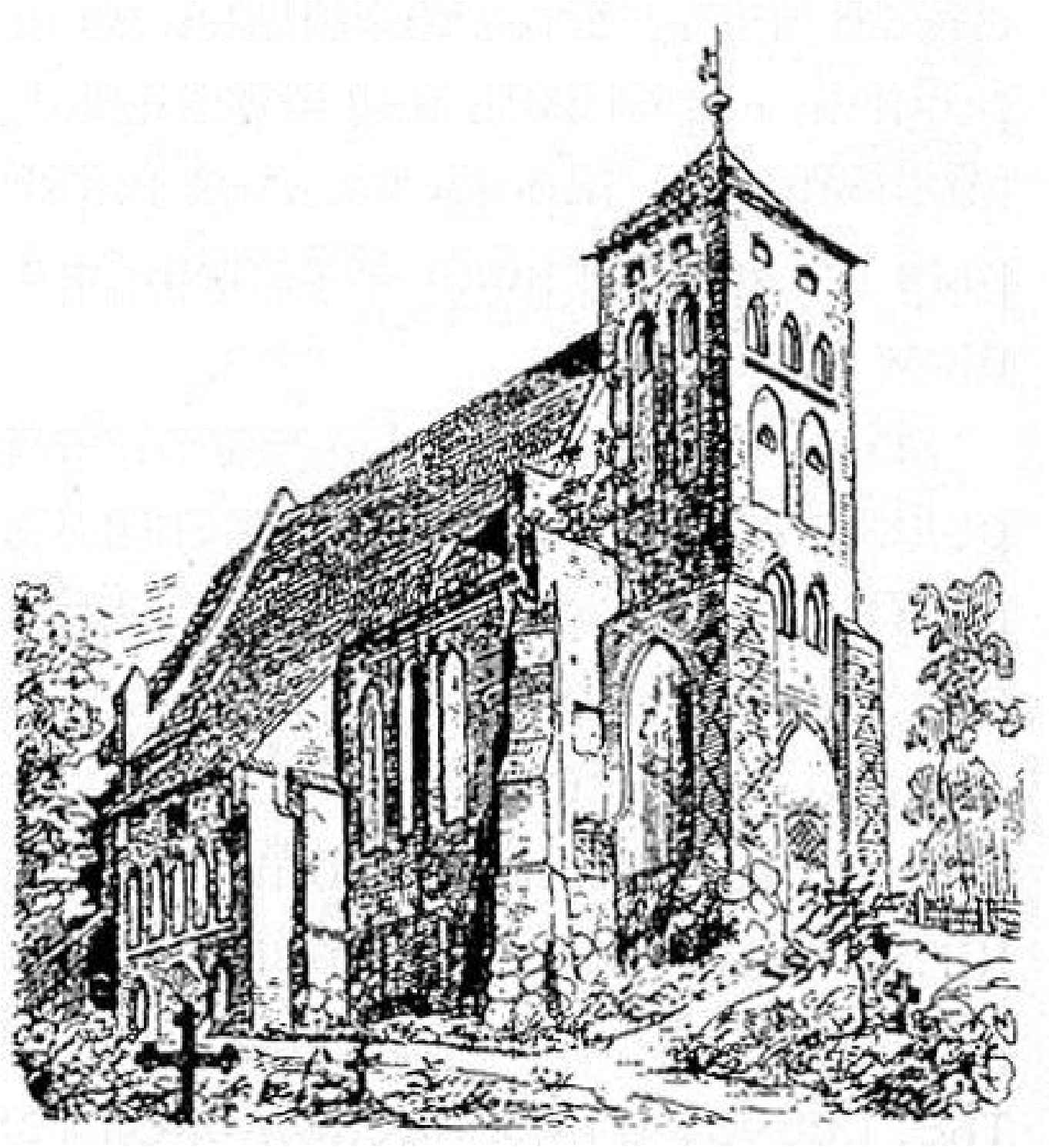


Рис. 21. Вид с северо-запада на каменно-кирпичную кирху Св. Катарины (рисунок конца XIX в.), построенную в Арнау в начале XIV в., как показали раскопки 1996 г., на прусском кладбище у существовавшей здесь ранее деревянной кирхи

Рис. 22. Вид с северо-запада на портал кирхи Св. Николауса в Бальге. Фото ок. 1938 г.

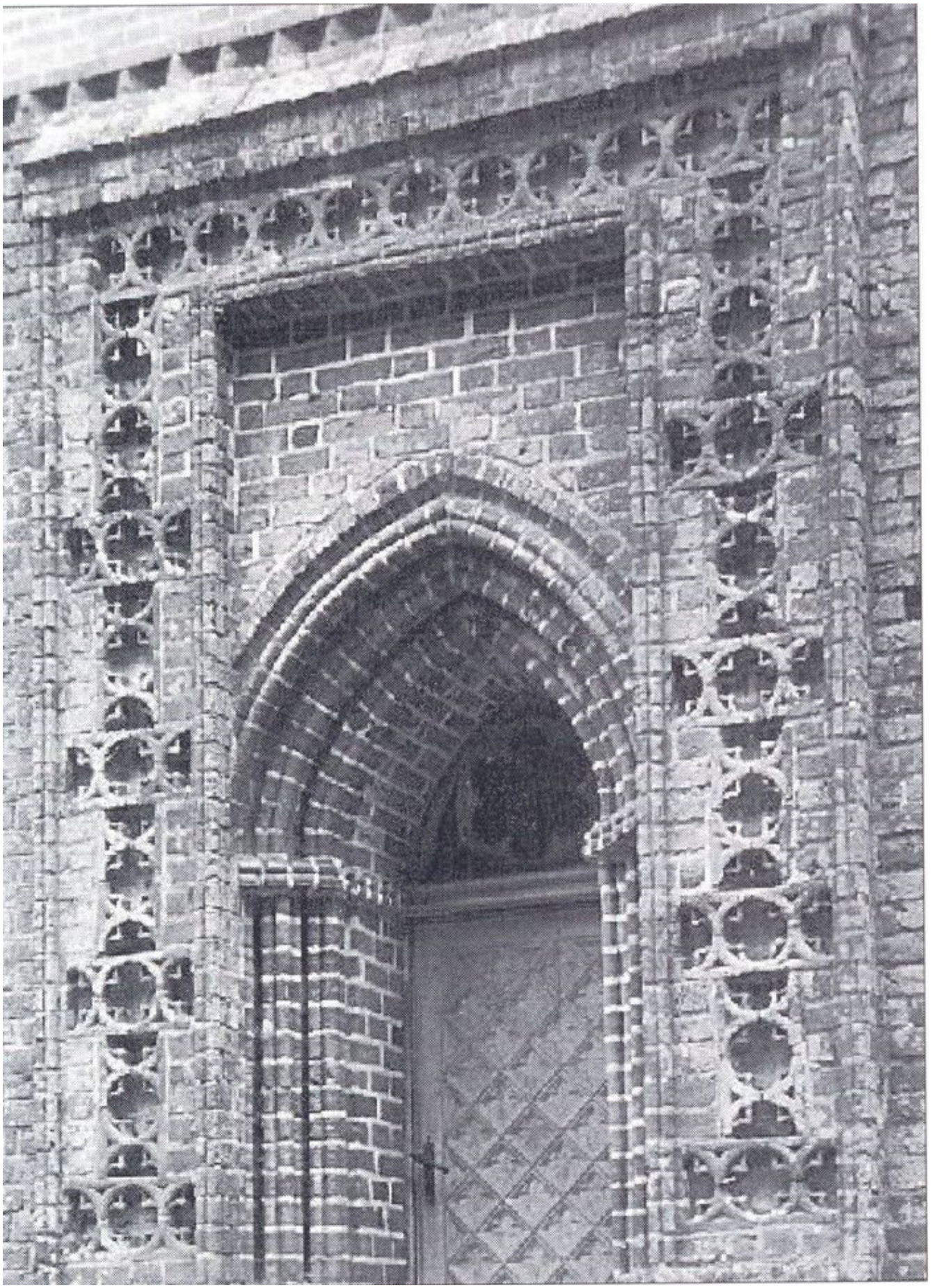


Рис. 23. Декоративное оформления фигурными кирпичами входа в кирху Св. Николауса в Бальге. Фото ок. 1938 г.

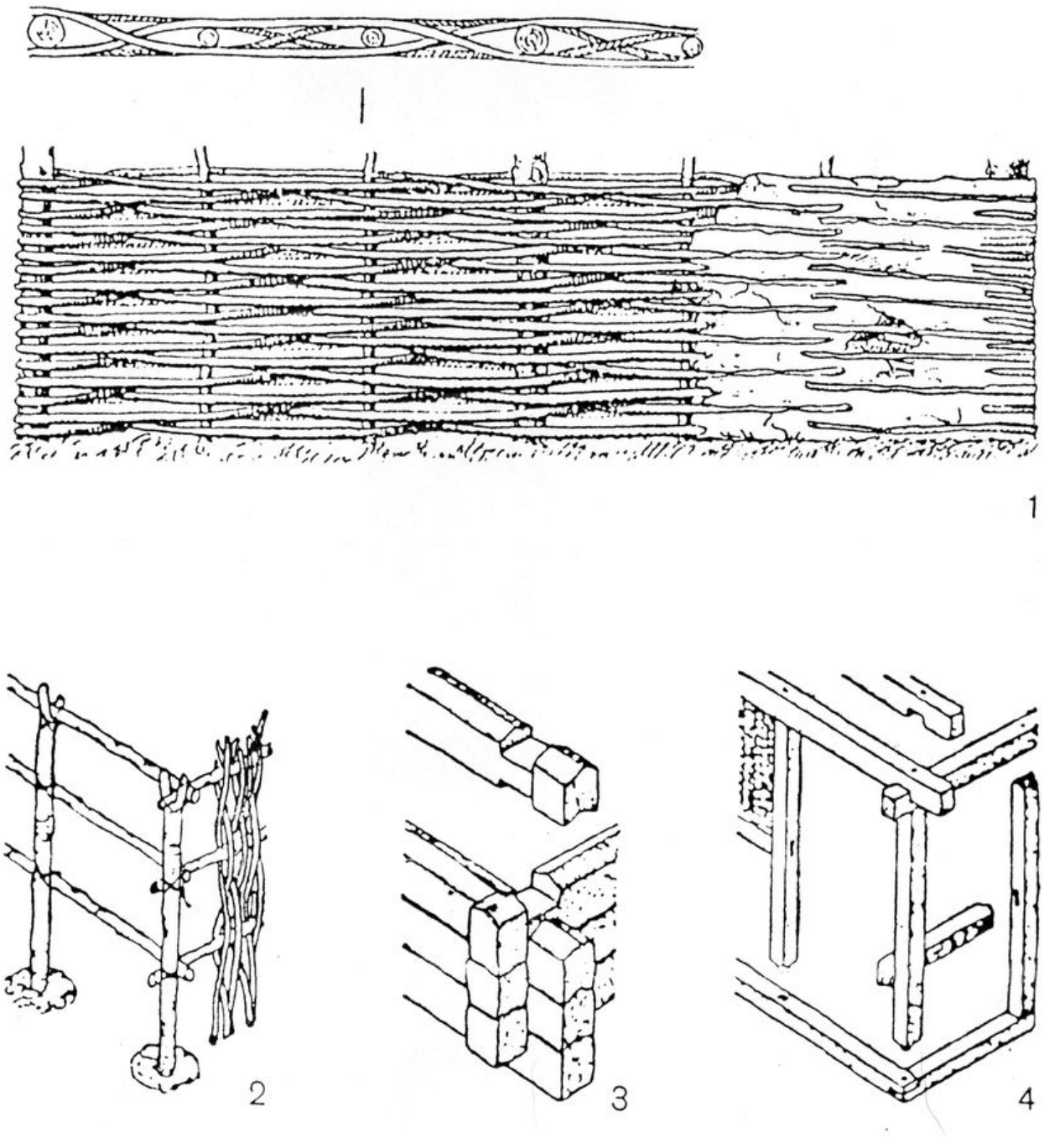


Рис. 24. Принципы изготовления стен в прусской домостроительной традиции по этнографическим данным XIX – начала XX вв.

ЛИТЕРАТУРА

Архив 1979 - Кулаков В.И. Отчёт о работе Балтийской экспедиции в 1979 г. // Архив Института археологии РАН. Ф. 1. № 7560.

Архив 1980 - Кулаков В.И. Отчёт о работе Балтийской экспедиции в 1980 г. // Архив Института археологии РАН. Ф. 1. № 7777.

Гуревич 1951 - Гуревич Ф.Д. Древние поселения Калининградской области // Краткие сообщения Института истории материальной культуры РАН. Вып. 38. М., 1951.

Гуревич 1960 - Гуревич Ф.Д. Из истории юго-восточной Прибалтики в I тысячелетии н.э. // Материалы и исследования по археологии СССР. Вып. 76. М.; Л., 1960.

Кулаков 2000 - Кулаков В.И. Женщина в древней Пруссии(2) // Скан Калининград. 2000. № 4.

Кулаков 2003 - Кулаков В.И. История Пруссии до 1283 г. М., 2003.

Кулаков 2018 - Кулаков В.И. Длинные валы Самбии // Res Humanitariae. T. XXIII. Klaipėda: Klaipėdos universitetas, 2018. С. 11-22.

Пашуто 1955 - Пашуто В.Т. Помезания. «Помезанская правда» как исторический источник изучения общественного и политического строя Помезании XIII-XIV вв. М., 1955.

Пётр из Дусбурга 1997 - Пётр из Дусбурга. Хроника земли Прусской. М., 1997.

Седов 1975 - Седов В.В. Жилища юго-восточной Прибалтики (I - начало II тысячелетия н.э.) // Древнее жилище народов Восточной Европы. М., 1975.

Смирнова 1992 - Смирнова М.Е. Городище Куликово // Vakarų baltų archeologija ir istorija. Klaipėda, 1992.

Bönigk 1879/80 - Bönigk H. Ueber ostpreussische Burgwälle // Prussia. Bd. 6. Königsberg, 1879/80.

Dethlefsen 1990 - Dethlefsen R. Das Bauernhaus in Pommern, Ostpreußen, Westpreußen, Posen und Schlesien. Hannover, 1990.

Ebert 1923 - Ebert M. Neuwerbungen des Prussia-Museums // Prussia. T. 24. H. Königsberg, 1923.

Fischer 1937 - Fischer A. Etnografia dawnich prusów. Gdynia, 1937.

Gaerte 1929 - Gaerte W. Eine altertümliche Bauernhausform in Ostpreußen // Königsberger Beiträge. Festgabe zur vierhundertjärigen Jubilfeier der Staats- und Universitätsbibliothek zu Königsberg Pr. Königsberg, 1929.

Gerlach 1981 - Gerlach H. Nur der Name blieb. Glanz und Untergang der alten Preussen. München; Züric, 1981.

Murinius 1989 - Murinius M. Cronika mistrzów pruskich. Olsztyn, 1989.

Riemann 1937 - Riemann E. Ostpreußische Folkskunde // Ostpreußen und der Ostseeraum. Der ostpreußische Erzieher. Königsberg, 1937. Nr 10.

REFERENCES

Arkhiv 1979 - Kulakov V.I. Otchot o rabote Baltiyskoy ekspeditsii v 1979 g. [Report on the work of the Baltic expedition in 1979], in: Arkhiv Instituta arkheologii RAN [Archive of the Institute of Archeology of the Russian Academy of Sciences], F. 1, № 7560 [in Russian].

Arkhiv 1980 - Kulakov V.I. Otchot o rabote Baltiyskoy ekspeditsii v 1980 g. [Report on the work of the Baltic expedition in 1980], in: Arkhiv Instituta arkheologii RAN [Archive of the Institute of Archeology of the Russian Academy of Sciences], F. 1, № 7777 [in Russian].

Bönigk 1879/80 - Bönigk H. Ueber ostpreussische Burgwälle [About East Prussian ramparts], in: Prussia, Vol. 6, Königsberg, 1879/80 [in German].

Dethlefsen 1990 - Dethlefsen R. Das Bauernhaus in Pommern, Ostpreußen, Westpreußen, Posen und Schlesien [The farmhouse in Pomerania, East Prussia, West Prussia, Posen and Silesia], Hannover, 1990 [in German].

Ebert 1923 - Ebert M. Neuwerbungen des Prussia-Museums [New acquisitions of the Prussia Museum], in: Prussia, Vol. 24, H., Königsberg, 1923 [in German].

Fischer 1937 - Fischer A. Etnografia dawnich prusów [Ethnography of ancient Prussia], Gdynia, 1937 [in Polish].

Gaerte 1929 - Gaerte W. Eine altertümliche Bauernhausform in Ostpreußen [An old-fashioned farmhouse form in East Prussia], in: Königsberger Beiträge. Festgabe zur vierhundertjärigen Jubilfeier der Staats- und Universitätsbibliothek zu Königsberg [Konigsberg contributions. Festgabe for the 400th anniversary of the State and University Library in Königsberg], Königsberg, 1929 [in German].

Gerlach 1981 - Gerlach H. Nur der Name blieb. Glanz und Untergang der alten Preussen [Only the name remained. Glory and fall of the old Prussians], München; Züric, 1981 [in German].

Gurevich 1951 - Gurevich F.D. Drevniye poseleniya Kaliningradskoy oblasti [Ancient settlements of the Kaliningrad region], in: Kratkie soobshcheniya Instituta istorii material'noj kul'tury RAN [Brief reports from the Institute of the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences], Vol. 38, Moscow, 1951 [in Russian].

Gurevich 1960 - Gurevich F.D. Iz istorii yugo-vostochnoy Pribaltiki v I tysyacheletii n.e. [From the history of the southeastern Baltic in the 1st millennium AD], in: Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR [Materials and research on archeology of the USSR], Vol. 76, Moscow; Leningrad, 1960 [in Russian].

Kulakov 2000 - Kulakov V.I. Zhenshchina v drevney Prussii (2) [Woman in ancient Prussia (2)], in: Skan Kaliningrad, 2000, № 4 [in Russian].

Kulakov 2003 - Kulakov V.I. Istoriya Prussii do 1283 g. [History of Prussia until 1283], Moscow, 2003 [in Russian].

Kulakov 2018 - Kulakov V.I. Dlinnyye valy Sambii [Long ramparts of Sambia], in: Res Humanitariae, Vol. XXIII, Klaipėda, Klaipėdos universitetas Publ., 2018, pp. 11-22 [in Russian].

Murinius 1989 - Murinius M. Cronika mistrzów pruskich [Chronicle of Prussian Masters], Olsztyn, 1989 [in Polish].

Pashuto 1955 - Pashuto V.T. Pomezaniya. «Pomezanskaya Pravda» kak istoricheskiy istochnik izucheniya obshchestvennogo i politicheskogo stroya Pomezanii XIII-XIV vv. [Pomezania. «Pomezanskaya Pravda» as a historical source for studying the social and political system of Pomezania in the 13th-14th centuries], Moscow, 1955 [in Russian].

Piotr iz Dusburga 1997 - Piotr iz Dusburga. Khronika zemli Prusskoy [Chronicle of the Prussian Land], Moscow, 1997 [in Russian].

Riemann 1937 - Riemann E. Ostpreußische Folkskunde [East Prussian folklore], in: Ostpreußen und der Ostseeraum. Der ostpreußische Erzieher [East Prussia and the Baltic Sea Region. The East Prussian educator], Königsberg, 1937, Nr 10 [in German].

Sedov 1975 - Sedov V.V. Zhilishcha yugo-vostochnoy Pribaltiki (I – nach. II tysyacheletiya n.e.) [Dwellings of the South-Eastern Baltic (I – early II millennium AD)], in: Drevneye zhilishche narodov Vostochnoy Yevropy [Ancient dwelling of the peoples of Eastern Europe], Moscow, 1975 [in Russian].

Smirnova 1992 - Smirnova M.Ye. Gorodishche Kulikovo [Hillfort Kulikovo], in: Vakarų baltų archeologija ir istorija [Archeology and History of the Western Balts], Klaipėda, 1992 [in Russian].

Кулаков Владимир Иванович
– доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Отдела археологии эпохи великого переселения народов и раннего Средневековья Института археологии РАН (Москва, Россия).

Vladimir Kulakov
– Doctor of Historical Sciences, Leading researcher of Department of Archeology of an Migration Period and early Middle Ages of Institute of Archeology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

drkulakov@mail.ru

ОДРИССКИЙ ЦАРЬ КОТИС I: ЛИТЕРАТУРНЫЙ ОБРАЗ И БИОГРАФИЯ

К.А. Анисимов
Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого
Россия, 300026, г. Тула, проспект Ленина, 125
e-mail: anisimov.cos@yandex.ru
SPIN-код: 1323-7170

АВТОРСКОЕ РЕЗЮМЕ
Предметом данной статьи является деятельность выдающегося фракийского правителя и дипломата Котиса I, правителя Одрисского царства, объединявшего в годы своего расцвета большую часть фракийских племен на севере Балканского полуострова. Успешная борьба Котиса с Афинским государством за контроль над черноморскими проливами в 363-360 гг. до н.э. привлекала к нему особое внимание античных авторов. Их сведения дополняет богатый нумизматический и эпиграфический материал. Всё это дает нам беспрецедентную возможность для восстановления биографии фракийского царя и для сравнения её с тем образом Котиса I, который сформировался в античной литературе. Интерес представляет также сравнение образов Котиса I и македонского царя Филиппа II в письменных источниках. Во многом деятельность Котиса предвосхитила аналогичные действия Филиппа II Македонского, предвосхитила рождение северобалканской державы нового типа. Котис являлся старшим современником Филиппа и тем самым не мог не оказывать влияния на будущего царя Македонии. Письменные источники позволяют говорить о том, что между двумя правителями состоялась личная встреча около 360/359 г. до н.э. Все это дает возможность рассматривать Котиса как непосредственного предшественника эллинистических монархов, а его правление – как явление, которое определило тенденции будущего развития античного мира.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Одрисское царство, одрисы, фракийцы, Котис I.

ODRIS KING COTYS I: LITERARY IMAGE AND BIOGRAPHY

Konstantin Anisimov
Tula State Pedagogical University
Russia, 300026, Tula, Lenin Street, 125
e-mail: anisimov.cos@yandex.ru

ABSTRACT
The subject of this article is the actions of the eminent Thracian king and diplomat Cotys I, the ruler of the Odrysian kingdom, which during its heyday united most of the Thracian tribes in the north of the Balkan Peninsula. Cotys successfully resisted the Athenian state for control over the Black Sea straits in 363-360 BC, which attracted attention of ancient authors to him. Their records are supplemented by rich numismatic and epigraphic material. All this provides us with an unprecedented opportunity to restore the biography of the Thracian king and to compare it with the image of Cotys I formed in ancient literature. Of interest is also a comparison of the images of Cotys I and the king Philip II of Macedon in written sources. In many respects, Cotys' actions preceded similar activities of Philip II of Macedon and formation of northern Balkan power of a new type. Cotys was an older contemporary of Philip and thus could not help but influence the future king of Macedonia. Written sources say that between the two rulers a personal meeting took place around 360/359 BC. All this makes it possible to view Cotys as the immediate predecessor of Hellenistic monarchs and his reign as a phenomenon that determined trends in the future development of the ancient world.

KEYWORDS: Odrysian kingdom, Odrysians, Thracians, Cotys I.

Думаю[1], не будет преувеличением, если сказать, что история Одрисского царства во Фракии привлекает несоразмерно своей исторической роли мало внимания в отечественной и мировой историографии. Заставшие расцвет этого государства Геродот и Фукидид описывают его как одну из самых обширных, богатых и могущественных держав известного эллинам мира. Появление обширной монархии на севере Балканского полуострова остановило продвижение скифов в этом регионе (Hdt. IV, 80). Одрисские цари внушали страх Македонии и государствам Северной Греции, а полисы фракийского побережья, в том числе входившие в Афинскую архэ, платили им дань (Thuc. II, 97, 1). В годы Пелопо-

1 Статья представляет собой дополненный и переработанный доклад, представленный на Международной научной конференции «Историк и текст», Москва, ИВИ РАН, Российская ассоциация антиковедов, 19-20 декабря 2019 г.

несской войны афинские и спартанские дипломаты боролись за их благосклонность (Thuc. II, 29, 5-6; Hdt. VII, 137). Особое место в истории Фракии занимает Котис I, последний из великих царей одрисов. Этот неординарный политик, полководец и дипломат, правивший Одрисским царством на протяжении более чем 20 лет, как никто другой из его предшественников, привлекал к себе внимание эллинских писателей, благодаря чему нет ни одного другого фракийского правителя, о котором бы у нас было столь обширное досье. Проблему составляет то, что все письменные источники, которые имеются в нашем распоряжении, не являются связным изложением исторических событий. Котис стал героем речей афинских ораторов, философов, комедиографов. Все это позволяет нам представить лишь то, КАК воспринимали царя одрисов авторы этих текстов, осветившие отдельные аспекты личности и политики этого выдающегося политика. Данная статья не претендует на полноту, в значительной степени она опирается на работы предшественников. Это лишь предварительная работа, необходимая для решения более амбициозной задачи – написания полноценной биографии Котиса на основании всех имеющихся источников.

Для античной традиции Котис стал хрестоматийной фигурой, воплотившей, наверное, все самые худшие по мнению древних греков пороки правителя. Но, в то же самое время, сквозь завесу ненависти и страха, который внушал он своим эллинским современникам, перед нами проступает фигура по масштабу сравнимая с Филиппом II Македонским, «величайшим царем своего времени». Звезда Филиппа начала восходить сразу после смерти Котиса и во многом македонский царь шел по стопам своего несправедливо забытого предшественника. Весьма показательно, что и Филипп описывался своими политическими врагами в Элладе очень схожими штампами, что еще более выделяет фигуру Котиса на фоне политических деятелей V-IV вв. до н.э. Наиболее ярко сходство между этими выдающимися политиками проявляется в речах Демосфена.

Впрочем, пожалуй, не стоит все так упрощать. Д. Котова, посвятившая обширную статью отражению личности Котиса в античной литературной традиции, отметила, что далеко не все наши источники рисуют Котиса в черных красках. Высказывания одних авторов выдают более благосклонное отношение к фигуре этого правителя, другие пытаются разобраться в причинах деспотизма Котиса, используют примеры внутренней борьбы царя одрисов с собственными недостатками для иллюстрации поиска баланса между человечностью и бременем династической миссии. Есть даже эпизод, в котором Котис приводится как пример благородного духа государственного деятеля (Kotova 2014: 40). Хотя, необходимо учитывать, что выводы из довольно лаконичных упоминаний Котиса могут быть крайне субъективными.

Наиболее раннее известие о Котисе связано с браком его дочери и афинского полководца Ификрата. Это событие сыграло важную роль и во внешней политике, и во внутренней политике Котиса и Афинского полиса. Очевидно по горячим следам свадебный пир был высмеян в комедии Анаксандрида, представителя Средней афинской комедии. Фрагмент этого произведения дошел до нас, благодаря Афинею (Anaxandrides F. 41 = Athen. 4, 131 a-c). Анаксандрид высмеивал Котиса, фракийский двор, показную роскошь, но тем не менее, само появление такой комедии свидетельствует о том, какое впечатление произвел в Афинах будущий царь одрисов в начале своей карьеры (Kotova 2014: 40-41). О свадьбе сообщают многие древние авторы, данные которых вероятно восходили к труду Феопомпа (Nepot. Iphicr. 3, 4; Sen. Exc. Controv. 6, 5; Athenaeus. 4, 131a-c). Сын Ификрата от этого брака Менесфей был стратегом в 357/356 г. до н.э., что позволяет датировать свадьбу его родителей 389/388 г., когда полководец действовал в Пропонтиде (Тачева 2008: 142-144). Из этого следует, что Котис стал известен афинянам еще до того, как стал царем, так как он возглавляет Одрисское царство около 383/382 г. до н.э. По всей видимости, роскошная свадьба дочери Котиса и успевшего уже заявить о себе афинского полководца сыграла не последнюю роль в судьбе обоих политиков.

В 383/382 г. афиняне с восторгом приветствуют нового царя, даруют ему почетное афинское гражданство и золотой венок (Dem. XXIII. 118). Однако, если афиняне рассчитывали, что Котис будет удобным партнером для них, то сильно ошибались. До нас дошел анекдот, рассказывающий, что, узнав о даровании ему афинского гражданства, Котис ответил: «И я дам им права моего племени». Так он приравнял Фракию и Афины, «дабы из-за обмена на одно благоволение не считают первого неравным вторым, не считают, что его происхождение более низкое, чем у афинян» (Val. Max. Facta et dicta memorabilia 3, 7 (ext.), 7 Kempf).

С самого начала Котис развернул бурную дипломатическую деятельность, целью которой было укрепить как международное положение Одрисского царства и его внутреннее единство (Анисимов 2017: 31-37). Важным элементом этой политики было поддержание добрых отношений с Афинами. Демосфен по этому поводу сообщает: «Ведь сам отец Керсоблепта, Котис, когда ему приходилось вести с кем-нибудь междоусобную войну, присылал к нам послов и был готов принять все наши условия. Тогда он понимал, как невыгодно ему вести войну с нашим государством. Когда же ему удалось установить свою власть над всей Фракией, он стал захватывать города, чинить несправедливости, совершать в пьяном виде непотребные поступки (нанося вред себе, а затем и нам), захватывать чужие территории – с ним стало невозможно иметь дело» (Dem. XXIII. 114).

О том, с кем приходилось вести Котису борьбу внутри своего царства наши сведения очень ограничены, но очевидно, что эта проблема не оставляла Котиса практически на всем протяжении его длительного царствования. Судя по всему, Котис был вынужден посвятить борьбе с оппозицией и сепаратистами большую часть своего правления. Именно с этой борьбой связаны, очевидно, многочисленные военные хитрости против фракийцев, применяемые Ификратом, находившемся на службе у Котиса (Polyen. III, 9, 4; 9, 25; 9, 33; 9, 34; 9, 41; 9, 46; 9, 50; 9, 60; 9, 62; Front. I, V, 24; VI, 3; II, XII, 4). Среди них выделяется упоминание о походе полко-

водца в Одрисиаду (Polyen. III, 9, 60; 9, 62), то есть Котису приходилось бороться даже против «титульного» племени своего царства. Аристотель в «Политике» упоминает о восстании некоего Адамаса или Адаманта, который отложился от Котиса, потому что тот оскопил его прежде (Arist. Pol. V, 12). Столь жестокая расправа, имевшая место в отроческие годы Адаманта, была очевидно связана с борьбой за власть в начале правления Котиса и была мерой устранения потенциального конкурента. Еще одно известное восстание в 361 г. до н.э. поднял Мильтокит, казначей государства, стремившийся захватить престол, судя по всему, или добиться создания для себя отдельного царства. Он даже обратился за помощью к Афинам (Dem. XXIII, 104). Это свидетельствует о том, что центробежные силы в стране были сильны, что скажется на судьбе страны после смерти Котиса.

Серьезные проблемы для Котиса представляли крупные независимые полисы на побережье, такие как Перинф и Византий. ПсевдоАристотель сохранил следующее свидетельство, характеризующее Котиса, как весьма ловкого и изворотливого политика: «(27) Фракиец Котис [175] пытался взять взаймы у перинфян денег для [того, чтобы набрать] [176] воинов, [25] а перинфяне не дали ему. Тогда он попросил, чтобы они дали, по крайней мере, людей из своих граждан для несения гарнизонной службы в некоторых местностях, [177] чтобы он смог использовать несущих там в настоящее время гарнизонную службу воинов. Они быстро исполнили это, надеясь стать хозяевами этих мест. [30] А Котис, посадив посланных под стражу, предложил перинфянам получить их обратно, послав те деньги, которые он пытался взять у них взаймы» (Ps-Arist. II. 1351 A). О конфликтах с Византием у нас нет прямых свидетельств, однако после смерти Котиса, пользуясь раздробленностью Одрисского царства, византийцы вместе с перинфянами и Аматоком добились перехода к ним ряда спорных территорий у наследника нашего героя (Йорданов 2000: 38-39). Небольшим полисам и эмпориям одрисский царь оказывал покровительство, способствуя их благосостоянию, о чем свидетельствует так называемая надпись из Пистироса (IGBulg. V 5557).

На западе страны интересы Котиса не ограничивались пределами Фракии. Согласно Эсхину, приблизительно в 382-379 г. до н.э. Ификрат во главе армии наемников помогал македонскому царю Аминте III вернуть занятые олинфянами территории. Аминта даже усыновил Ификрата в это время (Aeschin. II, 28), но полководец находился в эти годы на службе у Котиса, следовательно, этот акт закреплял дружественные отношения Македонии с одрисами (Разумов 2014: 174-174). Думаю, не будет большим преувеличением, если мы выскажем мысль, что именно благодаря поддержке Котиса Аминта, постоянно испытывавший давление со стороны своих соседей, сумел сохранить свое царство. Македония будет находится в сфере интересов одрисского монарха и позднее.

В целом, Котис добился значительных успехов к 366/365 г. до н.э. который стал своеобразным рубежом в биографии царя. Укрепив свою власть над фракийцами, он также укрепил власть над греческими полисами и эмпориями на побережье, в том числе такими значительными как Маронея. Если крупные полисы сохраняли самостоятельность, то мелкие поселения полностью находились под властью одрисских монархов, которые могли подарить их своим приближенным. Так Котис передал своему зятю Ификрату Дрис в окрестностях Маронеи (Theop. Fr. 175; Dem. XIII. 132). Любопытно, что на одном из сосудов Рогозенского клада, который представляет собой, по всей видимости, часть одрисской царской казны, Котис назван «сыном Аполлона» (Фол 1990: 73 и след.). Это подтверждает, что по отношению к своим подданным одрисский монарх позиционировали себя как лицо божественного или полубожественного статуса. И эта политика распространялась не только на фракийское население, но и на греческое.

Сакральные функции Котиса особенно ярко предстают перед нами в описании Феопомпа, хотя и неверно им понятые. Под «оскорблением Афины» нужно понимать некий фракийский религиозный обряд, не понятый греческим автором. По всей видимости, проводился некий специфический фракийский обряд священного брака царя и верховной богини. Сакральный статус Котиса также подчеркивался на его монетах, на которых он выступает в образе всадника-героя с правой рукой, поднятой в жесте благословения (лат. Aclamatio), впервые в античности (Порожанов 2011: 215).

Политическая и экономическая стабилизация внутри царства привела к новой активизации внешней политики одрисов. В 365 г. до н.э. Котис вмешался в конфликт персидского царя с восставшими в Малой Азии сатрапами, которых поддерживали Афины и Спарта. Сатрап Фригии Ариобарзан захватил Херсонес Фракийский и был осажден в Ассе войсками лидийского сатрапа Автофрадата, а Сест на Херсонесе Фракийском был осажден флотом карийского сатрапа Мавсола. С суши Сест осаждал Котис. Они должны были отвести свои войска с появлением Агесилая (Plut. Ages. II, 26-27). Надо полагать, Котис координировал свои действия с персами. Также он должен был позиционировать свои действия на Херсонесе как проафинские, чтобы получить поддержку херсонесских полисов и обезопасить себя со стороны Афин (Порожанов 2011: 225). Скорее всего, именно во время этой операции у Котиса окончательно сформировался план по овладению Херсонесом и тем самым взять под свой контроль проливы и всю черноморскую торговлю. Уже в 365 г. до н.э. Котис контролировал Кардию, полис находившийся на перешейке, соединявшем полуостров с материком и не входивший в Афинский морской союз (Цветкова 2008: 193 и след.).

Херсонесская война началась летом 363 г. до н.э. Для афинян вторжение Котиса стало полной неожиданностью. К концу 361 г. до н.э. в его руках оказался весь Херсонес (Цветкова 2008: 201-202). Одрисы контролировали Проливы и черноморскую торговлю, диктуя условия афинянам. Даже восстание Мильтокита, обратившегося за помощью в Афины (Dem. XXIII. 104; Dem. L, 4-6), не смогло остановить Котиса. Стратеги сменяли друг друга с пугающей регулярностью, но ничего не могли противопоставить дипломатическому искусству одрисского царя и таланту его полководцев –

Ификрата и Харидема. Одержав безусловную победу, Котис как господин Херсонеса обратился к афинянам, гарантируя безопасность понтийской торговли и обещая заботиться о делах афинских союзников – Маронеи и Фасоса (Dem. XXIII. 115). Определенно, это был пик могущества одрисского царя. Он диктовал условия всей Элладе, зависящей от поставок черноморского хлеба.

Несколько неожиданно Котис выступает как могущественный правитель, имевший в распоряжении флот, который мог контролировать Проливы, и обладавший влиянием не только на Маронею, но и на далекий Фасос. Этот важнейший экономический центр северной Эгеиды прежде не находился в сфере влияния одрисов. Единственный намек на имевшее место противостояние афинян и Котиса в этом регионе мы находим в биографии знаменитого соперника Ификрата – афинского стратега Тимофея (Nep., XIII, 1). Следовательно, Котис относительно успешно вел войну на два фронта.

В 360/359 г. до н.э. Котис принимал в своей резиденции Онокарсиде еще мало кому известного македонского династа Филиппа II, сына Аминты III. В Македонии последние несколько лет шла ожесточенная борьба за власть, к которой царь одрисов не остался равнодушным, делая ставку на некоего Павсания (Athen. XIV. 629; Diod. XV. 71, 77; XVI. 2). Переговоры Котиса и Филиппа завершились, как представляется, успешно для Филиппа. Котис не стал оказывать деятельную поддержку Павсанию. Для нас здесь важно, что даже в разгар Херсонесской войны Котис не упускал из внимания политическую ситуацию в Македонии.

Если следовать рассказу Феопомпа, который сохранил Афиней (Athen. XII p. 531E), то возможно тогда же Котис устроил некое действие, которое греки воспринимали как брак с богиней Афиной. Это священнодействие должно было стать апофеозом царя, но по мнению Феопомпа именно оскорбление, нанесенное богине, послужило причиной его падения. На вершине своего могущества Котис, вскоре после встречи с Филиппом, был убит двумя братьями из Эноса – Пифоном и Гераклидом. Согласно Аристотелю, они мстили за своего отца (Arist. Pol. V, 12). Братья – цареубийцы объявили, что убийство было совершенно по внушению бога Аполлона, но убежище они искали в Афинах. Афиняне приняли их как героев – освободителей, даровали гражданство и наградили золотыми венками (Dem. XXIII, 119).

Плутарх в «Изречениях царей и полководцев» приводит несколько анекдотов, рисующих образ Котиса в представлениях эллинов и, хотя бы отчасти, помогающих понять характер этого человека: «1. Котис человеку, подарившему ему барса, подарил в ответ льва. 2. От природы он был гневлив и жестоко наказывал за оплошности тех, кто ему прислуживал. И вот, когда один гость преподнес ему глиняные вазы, легкие и хрупкие, с очень искусными и похожими изображениями, как выпуклыми, так и вогнутыми, то гостя он отдарил, а все вазы разбил вдребезги, объяснив: “Чтобы от гнева не наказать слишком жестоко тех, кто разобьет их”» (Plut. Reg. et imp. apophth. 15, 1-2, 174d). А Феопомп (Athen. XII p. 531E; Harpocr. s. v. Κότυς) рассказывает о нем, что: «царь, возревновав однажды собственную жену, разорвал ее своими руками…». Плутарха дополняет Иоанн Стобей, компилятор V в. н.э.: Котис наказывал своих подчиненных безжалостно, так что один его друг сказал ему: «Это безумие, а не правление!». На что Котис ответил, что это его безумие делает его подданных разумными (Stob. Anthol. 4, 7, 45).

По-видимому, Котис действительно был вспыльчивым человеком, хотя едва ли он был столь неуравновешенным, как описывает Феопомп. Все, что мы знаем о Котисе из других источников, показывает нам совсем другого человека: умного и талантливого политика, полководца и дипломата, который мог действовать осторожно и взвешено, хорошо знал своих противников и умел пользоваться их слабостями. Он умел выбирать людей, и они платили ему преданностью, что демонстрирует история наемника Харидема. Котис выступает в роли покровителя эллинского населения своего царства, развивает торговлю. Он стремится распространить свою власть на независимые греческие полисы Пропонтиды, Эгейского побережья, Херсонеса Фракийского. В своей внутренней политике он использует религиозный фактор, подчеркивая свое сакральное положение царя-бога. После убийства царя мятежи знати, поддерживаемой Афинами привели к тому, что Одрисское царство распалось на три независимых и враждующих государства, а Афины вернули Херсонес (Dem. XXIII, 171-179). Вскоре, впрочем, молодой и амбициозный Филипп II превратил Македонию в великую державу и пользуясь раздорами между фракийскими династами и эллинскими государствами, он подчинил и тех, и других, открыв двери новой эпохе – эллинизму.

ЛИТЕРАТУРА

Анисимов 2017 - Анисимов К.А. Внешняя политика фракийского царя Котиса I // Классическая и византийская традиция. Сборник материалов XI научной конференции. Белгород, 2017. С. 31-37.

Аристотель 1983 - Аристотель. Политика / Перевод С.А. Жебелева под редакцией А.И. Доватура // Аристотель. Сочинения. В четырёх томах (Серия «Философское наследие»). Т. 4. М.: Мысль, 1983. 830 с.

Валерий Максим 2007 - Валерий Максим. Достопамятные деяния и изречения. В двух томах. Т. 1 / Перевод и комментарии С. Ю. Трохачева (Серия «ακμη»). СПб.: Издательство СПбГУ, 2007. 308 с.

Геродот 2005 - Геродот. История / Перевод Г.А. Стратановского. М.: Ладомир, 2005. 700 с.

Демосфен 1994 - Демосфен. Речи. В трёх томах. Т. I / Отв. ред. Е.С. Голубцова, Л.П. Маринович, Э.Д. Фролов (Серия «Памятники исторической мысли»). М.: Наука, 1994. 608 с.

Диодор Сицилийский 2012 - Диодор Сицилийский. Историческая библиотека / Перевод В.В. Латышев, М.Е. Сергеенко, В.М. Строгецкий, О.П. Цыбенко, А.Г. Алексанян, О.А. Васильева, Д.В. Мещанский и другие. М.: Самиздат, 2012. 750 с.

Йорданов 2000 - Йорданов К. Политическите отношения между Македония и тракийските държави (359-281 пр. Хр.). София, 2000. 269 с.

Корнелий Непот 1992 - Корнелий Непот. О знаменитых иноземных полководцах / Перевод с латинского и комментарии Н.Н. Трухиной. М.: Издательство МГУ, 1992. 208 с.

Плутарх 1990 - Плутарх. Застольные беседы / Перевод М.Л. Гаспарова. Л.: Наука, 1990. 92 с.

Плутарх 1994 - Плутарх. Сравнительные жизнеописания. В двух томах / Издание подготовили С.С. Аверинцев, М.Л. Гаспаров, С.П. Маркиш; Отв. ред. С.С. Аверинцев. М.: Наука, 1994. 674 с.

Полиен 2002 - Полиен. Стратегемы / Перевод О.Ю. Владимирской и др.; Под общей редакцией А.К. Нефёдкина. СПб.: Евразия, 2002. 608 с.

Порожанов 2011 - Порожанов К.С. Одриското царство, полисите по неговите крайбрежия и Атина от края на VI век до 341 г.пр.хр. Благоевград: Неофит Рильски, 2011. 292 с.

Псевдо-Аристотель 1969 - Псевдо-Аристотель. Экономика (Перевод Г.А. Тароняна) // Вестник древней истории. 1969. № 3. С. 215-242.

Разумов 2014 - Разумов Н.В. Афинские стратеги первой половины IV в. до н.э. на иностранной службе // Известия Алтайского государственного университета. 2014. № 4-1 (84). С. 173-177.

Секст Юлий Фронтин 1996 - Секст Юлий Фронтин. Военные хитрости (Стратегемы) / Перевод А.Б. Рановича; Вступительная статья и комментарии А.А. Новикова. СПб.: Алетейя, 1996. 224 с.

Тачева 2008 - Тачева М. Царете на древна Тракия. Книга първа. София: АГАТО, 2006. 245 с.

Феопомп Хиосский 2015 - Феопомп Хиосский. Отрывки. 2015 / Электронный ресурс: http://simposium.ru/ru/node/12650 (дата обращения – 06.07.2021).

Фол 1990 - Фол А. Политика и культура в Древна Тракия. София: Наука и Изкуство, 1990. 273 с.

Фукидид 1999 - Фукидид. История / Перевод Г.А. Стратановского. М.: Ладомир, 1999. 736 с.

Цветкова 2008 - Цветкова Ю. История на Тракийския Херсонес (от Троянската война до времето на римското завоевание). В. Търново: Фабер, 2008. 335 с.

Эсхин 1962 - Эсхин. О преступном посольстве / Перевод Н.И. Новосадского под редакцией К.М. Колобовой // Вестник древней истории. 1962. № 3.

Kotova 2014 - Kotova D. The Personality of Kotys in the Ancient Literary Tradition // Orpheus. Journal of Indo-European and Thracian Studies. 2014. Vol. 21. S. 37-63.

REFERENCES

Anisimov 2017 - Anisimov K.A. Vneshnyaya politika frakijskogo carya Kotisa I [The foreign policy of the Thracian king Kotys I], in: Klassicheskaya i vizantijskaya tradiciya. Sbornik materialov XI nauchnoj konferencii [Classical and Byzantine tradition. Collection of materials of the XI scientific conference], Belgorod, 2017, pp. 31-37 [in Russian].

Aristotel' 1983 - Aristotel'. Politika / Perevod S.A. ZHebeleva pod redakciej A.I. Dovatura [Politics / Translation by S.A. Zhebelev, edited by A.I. Dovatura], in: Aristotel'. Sochineniya. V chetyryoh tomah (Seriya «Filosofskoe nasledie») [Works. In four volumes (Series "Philosophical heritage")], Vol. 4, Moscow, Mysl' Publ., 1983, 830 p. [in Russian].

Cvetkova 2008 - Cvetkova YU. Istoriya na Trakijskiya Hersones (ot Troyanskata vojna do vremeto na rimskoto zavoevanie) [History of the Thracian Chersonese (from the Trojan War to the time of the Roman conquest)], Veliko Tarnovo, Faber Publ., 2008, 335 p. [in Bulgarian].

Demosfen 1994 - Demosfen. Rechi. V tryoh tomah. T. I / Otv. red. E.S. Golubcova, L.P. Marinovich, E.D. Frolov (Seriya «Pamyatniki istoricheskoj mysli») [Speeches. In three volumes. Volume I / Rev. ed. E.S. Golubtsova, L.P. Marinovich, E.D. Frolov (Series "Monuments of historical thought")], Moscow, Nauka Publ., 1994, 608 p. [in Russian].

Diodor Sicilijskij 2012 - Diodor Sicilijskij. Istoricheskaya biblioteka / Perevod V.V. Latyshev, M.E. Sergeenko, V.M. Strogeckij, O.P. Cybenko, A.G. Aleksanyan, O.A. Vasil'eva, D.V. Meshchanskij i drugie [Historical Library / Translation by V.V. Latyshev, M.E. Sergeenko, V.M. Strogetsky, O.P. Tsybenko, A.G. Aleksanyan, O.A. Vasilyeva, D.V. Meshchansky and others], Moscow, Samizdat Publ., 2012, 750 p. [in Russian].

Eskhin 1962 - Eskhin. O prestupnom posol'stve / Perevod N.I. Novosadskogo pod redakciej K.M. Kolobovoj [About the criminal embassy / Translation by N.I. Novosadsky, edited by K.M. Kolobova], in: Vestnik drevnej istorii [Herald of ancient history], 1962, № 3 [in Russian].

Feopomp Hiosskij 2015 - Feopomp Hiosskij. Otryvki [Excerpts], 2015, Electronic resource: http://simposium.ru/ru/node/12650 (Date of access – 06.07.2021) [in Russian].

Fol 1990 - Fol A. Politika i kul'tura v Drevna Trakiya [Politics and culture in Ancient Thrace], Sofiya, Nauka i Izkustvo Publ., 1990, 273 p. [in Bulgarian].

Fukidid 1999 - Fukidid. Istoriya / Perevod G.A. Stratanovskogo [History / Translated by G.A. Stratanovsky], Moscow, Ladomir Publ., 1999, 736 p. [in Russian].

Gerodot 2005 - Gerodot. Istoriya / Perevod G.A. Stratanovskogo [History / Translated by G.A. Stratanovsky], Moscow, Ladomir Publ., 2005, 700 p. [in Russian].

Jordanov 2000 - Jordanov K. Politicheskite otnosheniya mezhdu Makedoniya i trakijskite derzhavi (359-281 pr. Hr.) [Political relations between Macedonia and the Thracian states (359-281 BC)], Sofiya, 2000, 269 p. [in Bulgarian].

Kornelij Nepot 1992 - Kornelij Nepot. O znamenityh inozemnyh polkovodcah / Perevod s latinskogo i kommentarii N.N. Truhinoj [About famous foreign commanders / Translation from Latin and comments by N.N. Trukhina], Moscow, Izdatel'stvo MGU Publ., 1992, 208 p. [in Russian].

Kotova 2014 - Kotova D. The Personality of Kotys in the Ancient Literary Tradition, in: Orpheus. Journal of Indo-European and Thracian Studies, 2014, Vol. 21, pp. 37-63 [in English].

Plutarh 1990 - Plutarh. Zastol'nye besedy / Perevod M.L. Gasparova [Table talk / Translated by M.L. Gasparov], Leningrad, Nauka Publ., 1990, 92 p. [in Russian].

Plutarh 1994 - Plutarh. Sravnitel'nye zhizneopisaniya. V dvuh tomah / Izdanie podgotovili S.S. Averincev, M.L. Gasparov, S.P. Markish; Otv. red. S.S. Averincev [Comparative biographies. In two volumes / The publication was prepared by S.S. Averintsev, M.L. Gasparov, S.P. Markish; Managing editor S.S. Averintsev], Moscow, Nauka Publ., 1994, 674 p. [in Russian].

Polien 2002 - Polien. Strategemy / Perevod O.YU. Vladimirskoj i dr.; Pod obshchej redakciej A.K. Nefyodkina [Strategems / Translation by O.Yu. Vladimirskaya and others; Under the general editorship of A.K. Nefedkin], St. Petersburg, Evraziya Publ., 2002, 608 p. [in Russian].

Porozhanov 2011 - Porozhanov K.S. Odriskoto carstvo, polisite po negovite krajbrezhiya i Atina ot kraya na VI vek do 341 g.pr.hr. [Odrysian kingdom, polis along its banks and Athens from the end of the 6th century to 341 BC], Blagoevgrad, Neofit Ril'ski Publ., 2011, 292 p. [in Bulgarian].

Psevdo-Aristotel' 1969 - Psevdo-Aristotel'. Ekonomika (Perevod G.A. Taronyana) [Economics (Translated by G.A. Taronyan)], in: Vestnik drevnej istorii [Herald of ancient history], 1969, № 3, pp. 215-242 [in Russian].

Razumov 2014 - Razumov N.V. Afinskie strategi pervoj poloviny IV v. do n.e. na inostrannoj sluzhbe [Athenian strategists of the first half of the 4th c. BC. in foreign service], in: Izvestiya Altajskogo gosudarstvennogo universiteta [News of the Altai State University], 2014, № 4-1 (84), pp. 173-177 [in Russian].

Sekst YUlij Frontin 1996 - Sekst YUlij Frontin. Voennye hitrosti (Strategemy) / Perevod A.B. Ranovicha; Vstupitel'naya stat'ya i kommentarii A.A. Novikova [Military tricks (Strategems) / Translation by A.B. Ranovich; Introductory article and comments by A.A. Novikov], St. Petersburg, Aletejya Publ., 1996, 224 p. [in Russian].

Tacheva 2008 - Tacheva M. Carete na drevna Trakiya. Kniga perva [Kings of ancient Thrace], Sofiya, AGATO Publ., 2006, 245 p. [in Bulgarian].

Valerij Maksim 2007 - Valerij Maksim. Dostopamyatnye deyaniya i izrecheniya. V dvuh tomah. T. 1 / Perevod i kommentarii S. YU. Trohacheva (Seriya «ακμη») [Memorable deeds and sayings. In two volumes. Volume 1 / Translation and comments by S. Yu. Trokhachev (Series "ακμη")], St. Petersburg, Izdatel'stvo SPbGU Publ., 2007, 308 p. [in Russian].

Анисимов Константин Александрович
– Ассистент кафедры истории и археологии факультета истории и права Тульского государственного педагогического университета им. Л.Н. Толстого (Тула, Россия).

Konstantin Anisimov
– Assistant of the Department of History and Archeology of the Faculty of History and Law of the Tula State Pedagogical University (Tula, Russia).

anisimov.cos@yandex.ru

АТАКА ТРЁХ МАРШАЛОВ. СЕМЕНОВСКИЕ ФЛЕШИ ОКОЛО 8 (10) ЧАСОВ УТРА

В.П. Ануфриев
Независимый исследователь (Санкт-Петербург, Россия)
e-mail: vadimanufrief@yandex.ru
SPIN-код: 3724-6427

АВТОРСКОЕ РЕЗЮМЕ
Данная статья описывает события так называемой совместной атаки Даву, Нея и Мюрата, часто фигурирующей в отечественной историографии как третья атака флешей. Затрагивается вопрос потери русских орудий при эвакуации Северной и Восточной флешей, разбирается вступление в бой второй бригады кирасирской дивизии Дуки.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: **Бородинская битва, Отечественная война 1812 года, Северная и Восточная флеши.**

THE BATTLE OF BORODINO. SEMENOVSKY FLÈCHES AT ABOUT 8 (10) A.M. ATTACK OF THREE MARSHALS

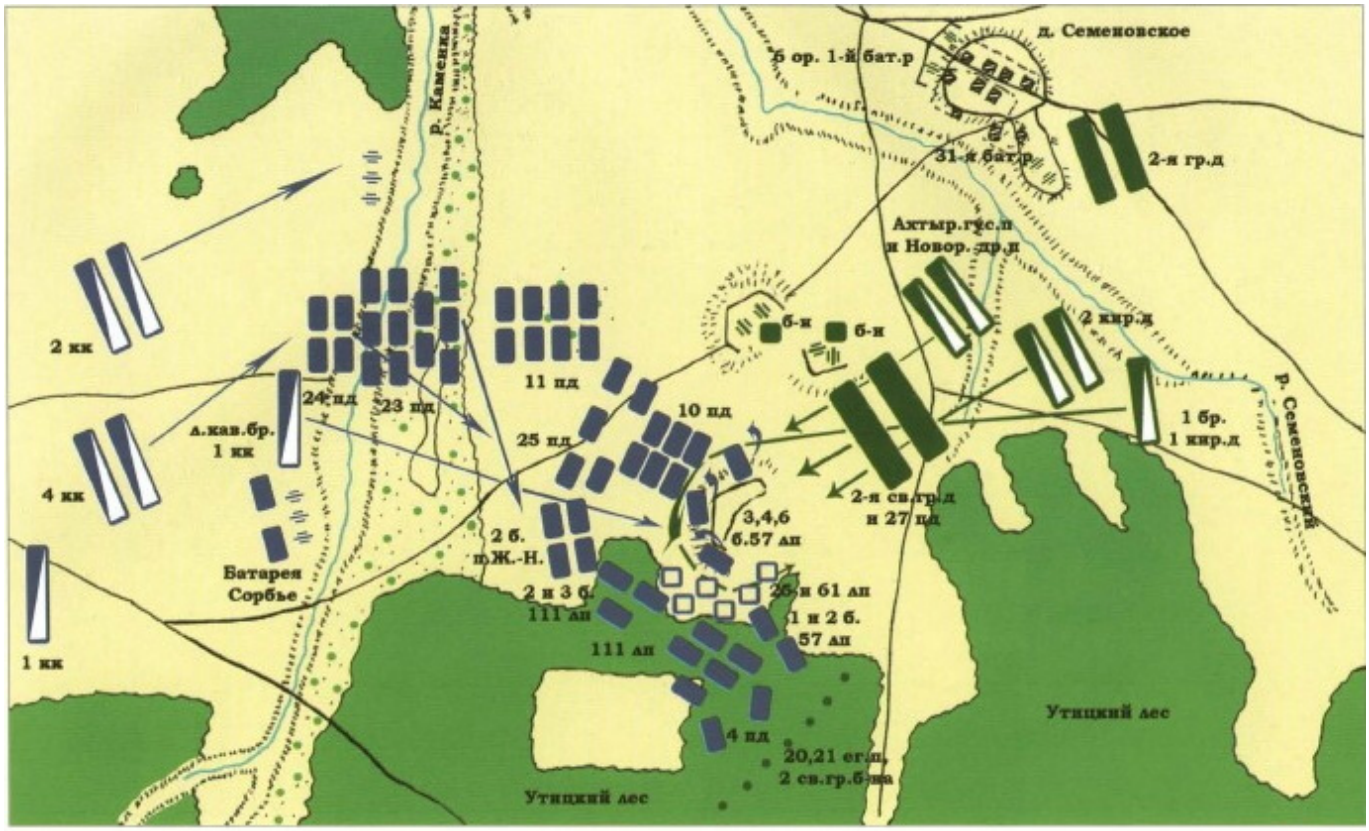
Vadim Anufriev
Independent researcher (St. Petersburg, Russia)
e-mail: vadimanufrief@yandex.ru

ABSTRACT
The article is devoted to the events of the so-called joint attack of Davout, Ney and Murat, often described in Russian historiography as the 3rd attack of flèches. The author touches the question of the loss of Russian cannons during evacuation of the Northern and Eastern flèches and analyzes in detail the entry into the battle of Duka's 2nd Cuirassier Division.

KEYWORDS: **Battle of Borodino, Patriotic War of 1812, Northern and Eastern flèches.**

11-я дивизия генерала Ж-Н. Разу 3-го корпуса Нея взяла Северную и Восточную флеши около 8 (10) часов утра без особых проблем. Некоторые подробности атаки сообщает офицер 4-го батальона этого полка капитан Г. Бонне: «В шесть часов нам прочли прокламацию Императора, и в семь часов 3-й корпус двинулся, чтобы атаковать 3 редута, которые наблюдали нас так же хорошо, как и мы их. 10-я дивизия была развернута и пошла вперед. Мы располагались лицом к неприятельской позиции, наискосок от Московской дороги… Движением вправо мы бросились сквозь заросли кустарника и прибыли под сильным огнем пушек к 1-му редуту (Северной флеши – В.А.), который был захвачен передовыми войсками. Полк [18-й линейный] пошел тогда на второй (Восточная флешь – В.А.), имея четыре батальона в развернутом строю, один за другим; он был легко взят тремя первыми [батальонами], вместе с четырьмя находившимися там разбитыми пушками. На половине пути между первым и вторым редутами командир [батальона] Фурнье был ранен, и я, приняв командование 4-м батальоном, свернул его в колонну, примыкая правым флангом ко рву взятого полком редута» (Отечественная война 2001: 68-69). Тот факт, что командир 4-го батальона, выбыл из строя, противоречит сообщению Бонне о легкости взятия Северной и Восточной флешей.

Эвакуация из этих двух флеши 12 орудий батарейной роты № 11 (из 2-й артиллерийской бригады) полковника А.А. Богуславского, о котором в наградных документах сказано, что «заставлял молчать сильные неприятельские батареи» и отражал «густые колонны французской пехоты… до последней крайности» (Бородино 2004: 275), началась позже, чем из Южной, а поэтому их потери были выше. Из Северной флеши удалось эвакуировать 4 орудия из 7 там имевшихся, тогда как с Восточной флеши удалось вывезти всего одно орудие из пяти. Поручик Д.П. Данилов, который командовал 5-ти орудийной батареей в Восточной флеши, откуда «наносил величайший вред неприятельским колоннам», после занятия французами батареи «исхитил из рук отбитую уже неприятелем пушку», за что и представлен К.Ф. Левенштерном к ордену Владимира 4-й степени (Бородино 2004: 275). Когда враг подступил к Восточному редуту Данилов приказать сбросить в ров одно орудие, которое загораживало проезд из-за гибели лошади. При эвакуации последнего оставшегося орудия с единственным оставшимся при нем бомбардире, оно подверглось атаке трех французов, двух из которых бомбардир оглушил



Расположение французских и русских войск в районе Семёновских укреплений (около 8 часов утра) 7 сентября 1812 г.

Схема расположение войск в районе Семёновских укреплений около 8 (10) часов утра (Земцов, Попов 2009: 32)

банником (Рассказы 1912: 345). Отличившимся артиллеристом мог быть «бомбардир Крыгин», который «поразил одного француза (бросившегося на орудие – В.А.) пробойником (банник с пробойником – В.А) в голову, который и взят нами в плен» (Бородино 2004: 281).

Наградные списки по 2-й арт. бригаде приводят фамилии фейерверкера 4-го класса Дмитрия Проценко и бомбардиров Ивана Тюринга, Василия Крыгина, Василия Искалина и Мартына Лукашева, которые «способствовали собственными своими силами (то есть на себе – В.А.) к снятию артиллерии с флеши», очевидно, Северной. Роль тягловой силы, вместо убитых и раненых лошадей, выполняли фейерверкер 4-го класса Иван Беляев и бомбардиры Ларион Никифоров, Семен Морозов, Алексей Герасимов, Тарас Седоусов и Михаил Бурлыга (Бородино 2004: 281). Вероятно, «командуя особенно 4-мя орудиями», уцелевшими (из 7) в Северной флеши, отличились той же 11-й батарейной роты поручик Гильденшанц, который сумел взорвать метким огнем зарядные ящики на противостоящей ему неприятельской батареи, подпоручики Кобяков, Мигай и Константинов, которые своим примером поощряли нижних чинов «к успешному исполнению своих обязанностей» (Бородино 2004: 275).

Потерю 7 орудий Богославским подтверждает одно раннее исследование А.И. Хатова. Правда, этот источник утверждает, что потеряны они были из состава 9-и орудий этой роты, занимавшей с 23 августа (4 сентября) Шевардинский редут (Хатов 1839: 44, 50-51). Ценность этой информации заключается не в ошибочном размещении автором орудий, а в понесённых ротой потерях, которые пришлись именно на Бородинское сражение, так как в Шевардинском бою эта артиллерийская рота участия не принимала. Когда Данилову было приказано собрать оставшиеся от 11-й батареи орудия, то он «их с трудом составил 6» (Рассказы 1912: 345), что предполагает возможное возвращение ещё одного орудия в ходе дальнейшего боя. Общие потери артиллеристов этой роты нижними чинами составили 20 убитыми, 69 ранеными и 5 пропавшими без вести (Бородино 2004: 337).

Кроме этих орудий в отражении атаки французов, а ещё больше, в эвакуации флешей, принимала артиллерия у д. Семеновской, в том числе, направленная сюда из резерва. Об этом говорит тот же Д.П. Данилов, который ещё до своего отхода «услышал выстрелы за собой из орудий» навесом, которые сначала приняли за неприятельские. Это могла быть батарейная рота № 3-й подполковника К.К. Таубе, о котором в представлении к одену св. Анны 2-го класса сказано, с 12 орудиями батареи «с большим успехом по неприятельским как батареям, так и колоннам, и при большой потере людей и подбитых лафетов успел привести вверенную ему батарею в надлежащий порядок, каковою неустрашимостью и деятельностью подал способ к действию артиллерии». При этом отличились штабс-капитан Немонов,

поручики Девочкин и Лазберх, и подпоручик Подольский. (Бородино 2004: 279).

11-я французская дивизия продолжила наступление в направлении д. Семёновской. Принявший в командование 4-й батальон 18-го линейного полка, идущий во 2-м эшелоне, капитан Бонне свернул его в колонну внутри рва Восточного редута. Но вскоре он был вынужден вступить в бой с русскими стрелками слева, и с «большой пехотной колонной» – справа от себя. Стрелками слева (севернее) могла быть русские егеря Гогеля и/или солдаты 2-й сводно-гренадёрская дивизия М.С. Воронцова, возможно, ранее прикрывавшие эту флешь. Два сводных гренадёрских батальона дивизии Воронцова, прикрывавших Северную и Восточную флеши (по одному на каждую флешь), не смогли оказать достойного сопротивления многократно превосходящему противнику. Это могли быть два сводных батальона 27-й дивизии из 2-й бригады, в частности, 2-й батальон майор Виленского пехотного полка Г.Т. Федорова-1-го, пожалуй, единственного офицера, никак не отмеченного Воронцовым и не представленного им к награде. А вот 1-ый сводный батальон 27-й дивизии майора Одесского пехотного полка М.А. Карпова-1-го, который был ранен и контужен при второй атаке, что отмечается при представлении его к повышению в чине (Бородино 2004: 231), вместе с другими батальонами Воронцова, мог составить, большую пехотную колонну справа, которая, однако, не принял ближнего боя. «Я развернул свой батальон, – пишет Бонне, – и двинулся без выстрела прямо на колонну; она отступила; производя это движение, мы подверглись жестокому обстрелу из орудий, которые находились в деревне (Семеновской – В.А.). Тем не менее, мы по-прежнему двигались вперед, пока не подошли совсем к краю оврага, который отделял нас от деревни на возвышенности» (Попов 1997: 12).

Французскую атаку на Семёновском направлении поддерживала лёгкая кавалерия, во главе которой находился и сам И. Мюрат, которому Наполеон, считая Даву выбывшим из дальнейшей борьбы (об этом ему донес генерал Сорбье, а среди русских разнесся слух о гибели Даву, так как падение этого маршала с лошади происходило у всех на виду), около 8 (10) утра передал общее руководство атакой. Но, оправившийся после контузии Даву отказался сдать командование. Поэтому, правы те, кто говорит о совместной атаке трех маршалов, которую многие отечественные историки считают третьей. «Военная энциклопедия» 1911 г. и В.Н. Земцов помещают его в 1-й лёгкой кавалерийской дивизии Брюйера, шедшая в авангарде I корпуса Нансути, другие – в 14-й бригаде лёгкой кавалерии Бёрмана, одной из первых вступившей в бой. Французский историк Анри Лашук пишет: «В бой поочередно вступают приданные кавалерийскому резерву (Мюрата – В.А.) бригады легкой кавалерии: две из III армейского корпуса и две из I корпуса. За ними двигалась легкая кавалерийская дивизия Брюйера (1-я – В.А.) и две кирасирские дивизии кавалерийского корпуса Нансути. Произошло несколько конных атак и схваток, проходивших с переменным успехом» (Лашук 2004: 526).

Кавалеристы Бёрмана, вероятно, в своей второй атаке также преследовали завершивших атаку и отходящих на исходные позиции новороссийских драгун, но не решаясь напасть на них, бросились на русскую пехоту и орудия (Попов 2003: 33). Здесь они захватили 2 конных орудия, которые могли быть из 8-й конной роты подполковника З.С. Шушерина 3-й артиллерийской резервной бригады 4-го кавалерийского корпуса. Эта рота размещалась у д. Семёновской, рядом с 1-й конной Донской ротой, и с началом французской атаки была направлена против Нея (Ларионов 1962: 122-126). Но она (или часть её орудий) также могла действовать против атакующей 4-й французской дивизии и вестфальцев 8-го корпуса Жюно, направленных между 7.30 и 8 часами утра в Утицкий лес, и несколько раз пытавшихся оттуда наступать (Попов 1995: 65-72). Д.П. Бутурлина сообщает, что после взятия южной флеши 57-м и 24-м лёгким полками, сводно-гренадерские батальоны графа Воронцова при поддержке полков 27-й пехотной дивизии, кирасиров Дуки, Новороссийского драгунского, Ахтырского гусарского и Литовского уланского полков с пятью орудиями конной артиллерии атаковали неприятеля и опрокинули его (Бутурлин: 1837: 268). Вполне возможно, у Бутурлина идёт речь о сводной 5-орудийной батареи, созданной позднее Сиверсом из 2-х батарейных и 3-х легких орудий, о которой он говорит в своём рапорте Кутузову (Бородино 2004: 254). Она действовала в районе д. Семеновской, и вполне допустимо, что 3 легких орудия этой сводной батареи были из той же 8-й конно-артиллерийской роты.

Атака вюртембержцев Бёрмана была остановлена сначала русским артиллерийским огнём. Их возвращение на исходные позиции поставили в сложное положение 11-ю дивизию Разу. Батальон Бонне из 18-го полка этой дивизии, продолжая движение вперед, столкнулся «нос к носу» у Семеновского оврага с русской «другой колонной, которая двигалась степенно и не спеша». «Все, – пишет он, – кто оставался на ногах из 4-го батальона, образовали полукруг и мы, медленно отступая, стреляя в эту колонну, возвратились в редут (Восточную флешь – В.А); это место было непригодно для обороны, так как оно было открыто с их стороны». От Восточной флеши Бонне отступил до густых кустарников, находившихся возле «первого редута (Северной флеши – В.А.)». Но и отсюда остатки 4-го батальона 11-й дивизии отступили от неё и укрылись в близлежащей «лесной поросли» (Попов 1997: 12; Отечественная война 2001: 69).

Вероятно, «другой колонной», с которой столкнулся Бонне были части 27-й дивизии Неверовского, первыми из армейского резерва поддержавшими 2-ю сводно-гренадёрской дивизию, для которой это была уже вторая контратака, если первой считать атаку на Южную флешь самого Воронцова. Сам командир 2-й сводной дивизии в этой второй атаке отмечает большинство своих батальонных (7 из 11) и ротных командиров, которые «при защищении укрепления с примерною неустрашимостью вели своих подчиненных на неприятеля, два раза опрокидывали его штыками, уничтожали его покушении и, быв всегда впереди, ободряли тем своих подчиненных, и содействовали великому урону непри-

ятеля» (Бородино 2004: 230-232). При этом, почти все они были ранены, а некоторые из них – по нескольку раз. Об участии своей дивизии в контратаке сам Неверовский сообщает в рапорте Кутузову: «26 числа вверенная мне дивизия была послана на подкрепление сводных гренадёрских баталионов (Воронцова – В.А.), находящихся на батареях, и здесь исполнила она долг чести и храбрости, уничтожая несколько раз неприятельские намерения, овладеть батареями» (Бородино 2004: 222). Об этом он говорит и в своих таких же лаконичных мемуарах (в его изложении все события борьбы за флеши уместились в два предложения): «Я…вошел в жесткий огонь, несколько раз дивизия и я с ней вместе ходили в штыки. Напоследок патроны и заряды пушечные все расстреляли и мою дивизию сменили» (Чтения 1859: 79-89). Введя 27-ю дивизию в бой, Багратион нарушил свое обещание Неверовскому пощадить его в предстоящем сражении, данное после Шевардинского боя, где эта дивизия, состоявшая на две трети из новобранцев, понесла большие потери. Но у Багратиона не было выбора, так как 27-я дивизия занимала развилку Семёновского оврага, и была ближайшей к атаковавшему противнику, что наглядно видно из приведённой здесь выше схемы (Земцов 2009: 32).

В ходе этой контратаки русские солдаты взошли на гребень рва Южного укрепления, о чём свидетельствует Рапп, который рисует следующую картину, очевидно, ближе к 8 (10) часам утра: «Мы овладели тремя редутами (флешами – В.А.) поддерживавшими неприятеля. Последний подоспел со свежими силами, в наших рядах произошло замешательство, и мы очистили два из этих укреплений (Северную и Восточную флеши – В.А.); даже третье (южное – В.А.) было в затруднительном положении. Русские стояли уже на гребне рвов (Россия первой половины XIX в 1991: 130-131). Среди свежих русских сил был кирасиры 2-й кирасирской дивизии генерал-майора И.М. Дуки, которые могли контратаковать прорвавшиеся к Семёновской части 11-й дивизии. Свидетелем этого был Р. Солтык, который сообщает: «Теперь дивизия Комаровского (Д.П. Неверовского – Д.Ц.) выдвинулась из второй линии боевого порядка для поддержки Воронцова; они обе совместно атаковали шанец, захваченный французами, и вернули его себе. В тот момент Ней выдвинулся на линию огня и вместе с двумя дивизиями Даву снова захватил левый шанец, одновременно с центральным шанцем, и готовился к штурму третьего шанца, который прикрывал деревню Семеновское. Приказ на это получила дивизия Разу; при своей первой атаке она была атакована русской кирасирской дивизией и отброшена, но она атаковала вновь и овладела этим шанцем (укреплением)». (Попов 1997: 17-18; Отечественная война 2017: 59).

Можно предположить, что здесь идёт речь о Восточной флеши. В пользу этого говорит сообщение командира 18-го линейного полка полковника П. Пельпора о том, что «дивизия Разу… прибыв на плато, которое было ей назначено, … завладела двумя вражескими батареями, но они вскоре были отняты русскими, которые были прогнаны в свою очередь. Эта часть поля битвы, довольно небольшая, оспаривалась с невообразимым упорством» (Земцов 2009: 31). Но как раз у Солтыка речь идёт о третьем укреплении, которое могло находиться непосредственно у д. Семёновской, так как Южную флешь, под которой можно было бы подразумевать это укрепление, Разу не атаковал. Косвенным доказательством этого может служить сообщение Боне, что солдаты его 4-го арьергардного батальона «подошли совсем к краю» Семеновского оврага, а это предполагает переход Семеновского оврага первыми тремя батальонами полка, составлявшими 1-й эшелон атакующей 11-й дивизии.

А вот кирасирами, отбившими Разу от Семёновской были солдаты 2-й кирасирской дивизии, первую линию которой на восточном берегу Семёновского ручья составляла 1-я бригада Н.В. Кретова (ближе к деревне стоял Орденский кирасирский полк, а слева от него – Екатеринославский), которая первой и пошла в атаку. Она ударила во фланг 14-й Вюртембергской бригады Бёрмана и отбили обратно 2 конных русских орудия, захваченные вюртембержцами, 1-й шеволежерский (конных егерей) полк которых, потеряв тяжело раненым командира Фалькенштайна, был отброшен вправо, 4-й конно-егерский – влево, а 2-й лейб-шеволежерский стал отступать к югу (Попов 2003: 33).

Преследуя отступающих до 1-го кавалерийского корпуса, русские кирасиры достигли Южной флеши. Известно о захвате русскими кирасирами, преследующими 14-ю бригаду легкой кавалерии Бёрмана, всех 4-х орудий 1-й Вюртембергской конной батареи капитана фон Бюрги (Бурги) из 25-й дивизии корпуса Нея, сильно пострадавшей еще при развертывании от огня русской артиллерии. Батарея подверглись атаке Военно-Орденского полка, который вюртембержцы приняли за своих. Ими трофеи не были вывезены по причине усталости лошадей, как сообщает лейтенант этой батареи Х. Фляйшман (Попов 2003: 34). Эта батарея находилась правее 23-й дивизии 8-го вестфальского корпуса Жюно, который, будучи послан на поддержку атакующих маршалов, выполнял роль связующего звена между Понятовским и Даву с Неем. Солдаты Жюно, достигнув возвышенности, отбили атаку орденских кирасир, которая, правда, касалась их косвенно, и до прямой рубки здесь не дошла.

Зато досталось батальонам 25-й малочисленной дивизии Ж-Г. Маршана, занявшим Южную флешь, оставленную было 57-м и 24-м полками. Непосредственно флешь заняли «два вюртембергских временных батальона – 1-й, состоявший из легких пехотинцев и пеших егерей, и 2-й (линейный), тогда как 3-й временный батальон (тоже линейный) располагался справа от укрепления» (Лашук 2004: 526). Бывший свидетелем этой схватки командир авангардного батальона 2-й бригады 23-й дивизии 8-го корпуса подполковник Бёдикер даже утверждает, «что оба батальона были изрублены» русскими кирасирами (Земцов 2009: 77). Факт посылки сюда 72-го полка 10-й дивизии, сменивший 2-й вюртембергский батальон, свидетельствует о серьезном положении обороняющихся французов и немцев.

А. Лашук прямо пишет о неоднозначной ситуации: «Опрокинув вюртембергских шеволежеров генерала

Бёрмана, русские кавалеристы в пылу преследования заскакивают в правую (южную) флешь, покинутую французской пехотой. Однако это укрепление лишь на короткий миг оказывается в их власти. Русская пехота не поддерживает свою кавалерию, и вюртембергские батальоны Маршана, своевременно подоспевшие к флеши, штыками выбивают из нее неприятельских всадников. Храбрые вюртембержцы прочно удерживают флешь в своих руках и даже выручают Мюрата, когда тому пришлось спасаться от русских кирасир» (Лашук 2004: 526). Полагают, что в Южную флешь ворвались кирасиры Екатеринославского полка. А вот спасался Мюрат, вероятно, от Военно-Орденских кирасир.

Он нашёл спасение в каре солдат 25-й Вюртембергской дивизии в Южной флеши. Причём, сделал это столь поспешно, что бросил на произвол судьбы единственного из всей свиты, потерявшейся ранее, слугу-негра (французы называли его со свойственным им юмором Нарциссом), который появился у Южной флеши вместе с русскими кирасирами. Схожесть их униформы с формой саксонских кирасир полка Цастрова из бригады Тильмана ввела в заблуждение вюртембержцев, сначала принявшие их за своих, а потому не ставших открывать огня. Пытаясь вразумить не совсем пришедших в себя немцев и боясь русских палашей больше чем своих пуль Нарцисс, одетый под стать своему хозяину, кричит: «Стреляйте! Стреляйте!». А тут ещё один из русских офицеров, воспользовавшись оцепенением немцев, чтобы усилить эффект, специально на немецком языке приказал своим кирасирам: «Рубите этих германских собак!». Только после этого каре дало залп, кирасиры отступили, а Нарцисс целым и невредимым оказался в редуте (Лашук 2004: 527).

Рапп даже в такой ситуации пытается представить Мюрата героем и чуть ли не спасителем. «Король Неаполитанский (Мюрат – В.А.), – пишет он, – заметив опасность, примчался, спешился, вошел в редут (Южную флешь – В.А.) и появился на парапете; своими призывами он воодушевил солдат. Редут снова наполнился, огонь принял страшные размеры, атакующие не решились на приступ (Россия первой половины XIX в. 1991: 131). Мюрат как мог, воодушевлял егерей. Плохо зная немецкий язык, и из-за схожести немецких слов «schiessen» – стреляйте и «scheus» – мерзкие, вместо фразы «Ах! Храбрые егеря, стреляйте егеря» с его уст слетает: «Ах! Храбрые егеря, мерзкие егеря!». (Лашук 2004: 527). «Появилось несколько эскадронов, – продолжает Рапп, – Мюрат сел на лошадь и опрокинул колонны, рассеянные по равнине» (Россия первой половины XIX в. 1991: 131). Этими несколькими эскадронами были три полка конных егерей, которые принудили русских «кирасиров к отступлению», как о том сообщает Бёдикер, а капитан 6-го полка Линзинген (Линсинген) из той же бригады утверждает, что русские кирасиры были «полностью опрокинуты» (Земцов 2009: 77). Это могли быть 4-й конно-егерский полк полковника шевалье Бульнуа из бригады Бёрмана, 6-й шеволежерский полк и 4-й вюртембергский конно-егерский полк Короля подполковника фон Мюнхингена из 9-й бригады Мурье той же дивизии Вельварта, приписанной в день сражения ко 2-му кавалерийскому корпусу. Но к этому времени в бой вступила не только эта дивизия, но и 1-я лёгкая Брюйера, в 4-й бригаде которой находился 16-й полк полковника шевалье Люиллье де Лассерра, который может быть отождествлен с конными егерями. Кроме того, в двух бригадах (1-й и 2-й) кавалерии Жирардэна д`Эменонвиль 1-го пехотного корпуса, приданной Нансути, находились 1-й, 2-й и 3-й конно-егерские полки, которые также могут претендовать на участие в этой контратаке.

Расстроенные эскадроны Орденского полка отходят на исходной позиции, где попадают под огонь французской артиллерии, который был так плотен, что большая часть ранений в полку была в конечности от вражеской картечи. Принявший командование полком после Шевардинского боя майор Ф.И. Вульф получает ранение «в самом начале сражения» (он потерял ногу), и его сменяет командир 3-го эскадрона ротмистр Т.М. Григоровский. Тем не менее, этот полк сохраняет ещё свою боеспособность и участвует чуть позднее в бою с кирасирами Тильмана. Потери его нижними чинами составили 12 убитыми, 28 ранеными, 39 пропавшими без вест; лошадей было потеряно 93 (Бородино 2004: 332). А вот Екатеринославскому кирасирскому полку повезло меньше. Командир его подполковник М.М. Волков получил новую контузию, к уже имевшимся с Шевардинского боя ране и контузии. Его сменил подполковник Ф.С. Уваров-3-й, который получил в ходе боя картечную контузию в шею и рану в правую руку. В командование полком вступил поручик А. Г. Хомяков 2-й, но и он получил рану, сдав командование поручику В. И. Чулкову-3-му. Нижних чинов полк потерял 117 человек (18 убитыми, 70 ранеными и 29 пропавшими без вести) и 95 лошадей. (Бородино 2004: 332). Именно за атаку этой 1-й бригады 1-й кирасирской дивизии был награждён не только непосредственный её командир Н.В. Кретов, получивший в этот день ранение, но и командир дивизии И.М. Дука.

После отражения русских кирасир Кретова в районе Южной флеши усилился русский артиллерийский огонь, который остановил 6-й польский уланский полк майора Сухоржевского из 15-й бригады 1-й легкой кавалерийской дивизии Брюйера. Этот полк отбил захваченные русскими кирасирами орудия 1-й Вюртембергской батареи, но не смог выполнить поставленной Мюратом основной задачи по преследованию кирасир 2-й бригады Толбузина, после их безуспешной атаки против 30-орудийной батареи, вероятно, Пернети (Пернетто). Эта русская бригада, стоявшей уступами во второй линии 2-й кирасирской дивизии, было послана в атаку И.М. Дукой, вероятно, по приказу Д. Голицына.

Н.И. Андреев так описывает наблюдаемую им атаку Малороссийского кирасирского полка этой бригады: «В полдень (в 10 часов по европейскому времени) 26-го я с капитаном нашим Шубиным поехал на пригорок, где слышался необыкновенный шум, и что же? Мы видим: два кирасирских полка, Новороссийский и Малороссийский… пошли на неприятельскую батарею. Картина была великолепная! Кирасиры показали свою храбрость: как картечь их не валила, но хотя половиною силы, они достигли цели и батарея была их.

Но что за огонь они вытерпели, то был ад! За любопытство наше, капитану Шубину оторвали правую руку, но впрочем на все судьба: это могло бы и не трогаясь с места быть; от сего отделаться нельзя» («Русский Архив» 1879: 193). В приведенной цитате допущена неточность (вообще их много у Андреева, так как писал он свои мемуары в 1844 г.). Новороссийский полк был драгунским и входил в 4-ый кавалерийский корпус генерал-майора К.К. Сиверса-1-го. Вероятно, речь у Андреева идет о Новгородском кирасирском полке, который, входил во 2-ю бригаду 2-й кирасирской дивизии, наряду с Малороссийским и Глуховским.

Известно также, что Малороссийский кирасирский полк атаковал (возможно, во время следующей контратаки) 46-й французский полк из 10-й дивизии к северу от Южной флеши. Только контратака французских кирасир 1-го кавалерийского корпуса Нансути спасла 2-ю бригаду 10-й французской дивизии, которую составлял 46-й полк. Она нейтрализовала атаку русских кирасир, в результате которой действия этой 2-й французской бригады осталась не очень заметными в сражении, а её командир барон Ш-С. Марион оказался в числе погибших. Под удар кирасир Толбузина попал выходящий из леса 85-й французский полк 4-й дивизии. Он не успел построить каре, но командир сумел собрать «компактную массу», которая и отбилась от русских кирасир.

Рапорты 61-го и 111-го линейных сообщают о том, что русские кирасиры, не доскакав до батареи, которую прикрывали 2-й и 3-й батальон 111-го полка, повернули назад, повторили атаки «второй и третий раз», но с тем же результатом. Тем не менее, Пернети пишет: «Я увидел большой отряд русской кавалерии, выходящий галопом через проход между крайним редутом и тем, что был расположен левее. Так как поблизости у нас не было войск, способных нас поддержать, я подготовил мои орудия к отступлению, но они были настигнуты этой кавалерией, которая, проскакав галопом по батарее, зарубила несколько канониров, защищавшихся ганшпугами. В конце концов эти кавалерис¬ты, не очень многочисленные, отошли в свою очередь под ударами нашей кавалерии и ускакали также галопом» (Земцов 2009: 56).

Кроме того, русские кирасиры в своей атаке на неприятельскую батарею подверглись обстрелу со стороны французской пехоты. Во как это описывает капитан 4-го батальона 108 полка полковник Ашар из 4-й французской дивизии Жиро де л'Эн: «В это время мы заметили отряд русских кирасир, мчавшихся как ураган. Они направлялись не прямо на нас, а на батарею из 30 орудий, которая вследствие на¬шего движения заняла позицию несколько сзади и ле¬вее нас. Проходя мимо нас, отряд отведал наших пуль, но это не замедлило его движение; не сделала этого и картечь нашей батареи; он опрокинул последнюю и изру¬бил на местах не успевших укрыться артиллеристов. Од-нако несколько французских эскадронов быстро смяли кирасир, и тем пришлось еще раз проехать мимо фланга нашей колонны, перенести ее огонь и штыки солдат, ко¬торые, выйдя массами из рядов, побежали им навстречу, преграждая путь наступления. В этом отряде было, по нашему счету, до 1500 русских кирасир, а вернулось из них к своим линиям едва ли более 200 человек. Осталь¬ные, и люди и лошади, пали на месте, и я даже не пом¬ню, чтобы кого-нибудь из них взяли в плен. Они были забронированы только спереди; их брони и каски были черного цвета. Отступали они медленно, жертвуя людьми ради порядка» (Россия первой половины XIX 1991: 156).

При возвращении «трёх или четырёх полков русских кирасир», они подверглись обстрелу не только со стороны 108-го французского полка, но и со стороны солдат барона Гюйарде (61-й полк) и Дюнема (25-й полк), быстро построивших каре между люнетом (Южной флешью) и Утицким лесом, о чём и сообщает рапорты 61-го и 111-го полков (Земцов 2009: 35). Наверно, не будет преувеличением сказать, что они были разгромлены в этих своих атаках. Именно поэтому не оставили рапортов ни командир дивизии генерал-майор И. М. Дука-2-й, ни командующий кирасирским корпусом и всей кавалерией 2-й армии генерал-лейтенант князь Д.В. Голицын 5-й, обойдённый к тому же при награждении. Он был представлен к награждению орденом Георгия 3-го класса, но, когда выяснилось, что он имеет такую награду, Кутузов представил его к Анне 3-й степени, что сам Голицын и его мать (прообраз пушкинской пиковой дамы) расценили как оскорбление. А вот отсутствие в числе награжденных Ф.И. Дреера и соответственно солдат и офицеров его 2-й бригады объясняется неудачей их атак, судя по отсутствию в источниках упоминаний об участии этих полков в дальнейшем сражении. Приводимую Жиро цифру возвратившихся из атаки этой бригады в несколько сотен, первоначальная численность которой и составляла примерно 1500 человек, подтверждают официальные данные потерь по полкам, с учётом Малороссийского кирасирского полка Шаталова-2-го, входившего в эту бригаду. Потери только нижними чинами составили: в Глуховском полку – 150 человек (39 убито, 77 ранено, 34 пропало без вести) и 237 строевых лошадей, в Новгородском – 143 человека (24 убито, 57 ранено, 62 пропало без вести) и 227 лошадей. Эти потери были самыми большими по сравнению не только с 1-й бригадой, но и с другими кавалерийскими полками. При этом, следует учесть, что возвратившихся сразу после атаки кирасир было значительно меньше, чем показывают официальные цифры, учитывающие возвратившихся позже. Так, к концу дня, как сообщает И.Р. Дрейлинг, в Малороссийский полк налицо оказалось 120 человек из 520 имевшихся к началу войны 1812 г. И на другой день их было не более 250. А ведь этот полк потерял меньше, чем вышеназванные: 140 нижних чинов (7 убитых, 50 ранено, 83 пропало без вести) и 218 лошадей. В лейб-эскадроне майора Г.Д. Снаденко из трех офицеров остался только командир (Соколовский был убит, и Маркелов тяжело ранен и пленен) (1812 год 1991: 376).

Сам командующий 2-й кирасирской бригадой М.И. Толбузин-1-й был смертельно ранен и его сменил майор Ф. И. Дреер, которому пришлось возглавить также и свой Новгородский кирасирский полк, командир которого полковник Б.С. Соковнин с ранениями в голову и ногу остался лежать на поле боя, где был подобран французами и пленен. Был убит командир эскадрона

Глуховского полка штабс-ротмистр Навроцкий, которого сменил штабс-ротмистр М.С. Белинский, получивший в этот день ранение и сдавший эскадрон поручику Ляховичу, но оставшийся при полку. Показательна судьба эскадрона этого Новгородского полка, которым командовал майор Кохиус. После его ранения эскадрон принял поручик А.И. Рачевский, затем поручик Кнорринг, а после их ранений его возглавил корнет Яковлев (Васильев 1993: 19-21). На эти два полка и пришлась основная масса потерь кирасир в их атаке на батарею, о которой пишет Жиро де л'Эн.

ЛИТЕРАТУРА

1812 год - 1812 год: Воспоминания воинов русской армии / Из собрания Отдела письменных источников Государственного Исторического музея / Сост.: Ф.А. Петров и др. М.: Мысль, 1991.

Андреев 1879 - Андреев Н.И. Воспоминания офицера 50-го егерского полка. Бородинская резня // Русский Архив. 1879. Т. 3. С. 191-198.

Балязин 1987 - Балязин В. Герои 1812 года. М.: Молодая гвардия, 1987.

Безотосный 1996 - Безотосный В.М. и др. Словарь русских генералов, участников боевых действий против армии Наполеона Бонапарта в 1812-1815 гг. // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII-XX вв.: Альманах. Т. VII. М.: Студия ТРИТЭ, 1996. С. 288-645.

Бородино 2004 - Бородино: документальная хроника. М.: РОССПЭН, 2004.

Бородинское поле 2021 - Музей-заповедник «Бородинское поле». 2021 / Электронный ресурс: https://www.borodino.ru/ (дата обращения – 08.02.2021).

Бутурлин 1837 - Бутурлин Д.П. История нашествия императора Наполеона на Россию в 1812-м году. Ч. 1. СПб., 1837.

Васильев 1993 - Васильев А. Русская регулярная кавалерия в Бородинском сражении. Боевое расписание // Цейхгауз. 1993. № 2. С. 11-14 (первая часть); 1993. № 3. С. 19-21 (вторая часть).

Васильев 2001 - Васильев А.А. Французский офицер Гийом Боннэ – участник Бородинского сражения // Отечественная война 1812 года. Источники. Памятники. Проблемы. Материалы IX Всероссийской научной конференции. М.: Калита, 2001. С. 64-71.

Военная энциклопедия 1911 - Военная энциклопедия. Т. V. Бородино. СПб.: Типография И.Д. Сытина, 1911.

Глинка 1991 - Глинка Ф.Н. Очерки Бородинского сражения. Киев: Дніпро, 1991.

Земцов, Попов 2009 - Земцов В.Н., Попов А.И. Бородино: Южный фланг. М.: Книга, 2009.

Ларионов 1962 - Ларионов А.П. Использование артиллерии в Бородинском сражении // 1812 год. К 150-летию Отечественной войны. Сборник статей. М., 1962. С. 116-133.

Лашук Анри 2004 - Лашук Анри. Наполеон. Походы и битвы. 1796-1815 / Перевод с французского. М.: Эксмо, 2004.

Попов 1995 - Попов А.И. Действия вестфальцев в Бородинском сражении // Отечественная война 1812 г. Источники. Памятники. Проблемы. М., 1995. С. 64-72.

Попов 1997 - Попов А.И. «Меж двух вулканов». Боевые действия в центре Бородинского поля // Бородино. Хроника сражения. Харьков: Рейтар, 1997.

Попов 2003 - Попов А.И. Вюртембержцы в Бородинском сражении // Военно-исторический журнал «Воин». 2003. № 1.

Раковский 1971 - Раковский Л.И. Кутузов. Л.: Лениздат, 1971.

Рассказы 1912 - Рассказы о 1812 годе (Отрывки из дневника А.А. Лесли) // Смоленская старина 1812-1912. Вып. 2. Смоленск, 1912. С. 321-400.

Россия 1991 - Россия первой половины XIX в. глазами иностранцев. Л.: Лениздат, 1991.

Рязанов 1997 - Рязанов А.М. Кирасиры в Бородинском сражении // Отечественная война 1812 года. Источники. Памятники. Проблемы. М., 1997. С. 252-258.

Французы 1912 - Французы в России. 1812 год по воспоминаниям современников-иностранцев. Ч. 1. М.: Задруга, 1912.

Харкевич 1900 - Харкевич В. 1812 год в дневниках, записках и воспоминаниях современников // Материалы Военно-учётного архива Генерального штаба. Вып. 1. Вильна, 1900. С. 121-204.

Целорунго 2008 - Целорунго Д.Г. Воспоминания Р. Солтыка, адъютанта начальника бюро разведки Главного штаба «Великой армии», о битве при Москве-реке // Отечественная война 1812 года. Источники. Памятники. Проблемы. Материалы XXI Международной научной конференции. М., 2008. С. 54-74.

Чтения 1859 - Чтения в императорском обществе истории и древностей российских. 1859. Кн. 1.

REFERENCES

1812 god - 1812 god: Vospominaniya voinov russkoj armii / Iz sobraniya Otdela pis'mennyh istochnikov Gosudarstvennogo Istoricheskogo muzeya / Sost.: F.A. Petrov i dr. [1812: Memoirs of the soldiers of the Russian army / From the collection of the Department of written sources of the State Historical Museum / Compiled by: F.A. Petrov and others], Moscow, Mysl' Publ., 1991 [in Russian].

Andreev 1879 - Andreev N.I. Vospominaniya oficera 50-go egerskogo polka. Borodinskaya reznya [Memoirs of an officer of the 50th Jaeger Regiment. Borodino massacre], in: Russkij Arhiv [Russian Archive], 1879, Vol. 3, pp. 191-198 [in Russian].

Balyazin 1987 - Balyazin V. Geroi 1812 goda [Heroes of 1812], Moscow, Molodaya gvardiya Publ., 1987 [in Russian].

Bezotosnyj 1996 - Bezotosnyj V.M. i dr. Slovar' russkih generalov, uchastnikov boevyh dejstvij protiv armii Napoleona Bonaparta v 1812-1815 gg. [Dictionary of Russian generals, participants in the hostilities against the army of Napoleon Bonaparte in 1812-1815], in: Rossijskij Arhiv: Istoriya Otechestva v svidetel'stvah i dokumentah XVIII-XX vv.: Al'manah

[Russian Archive: History of the Fatherland in evidence and documents of the 18th-20th centuries: Almanac], Vol. VII, Moscow, Studiya TRITE Publ., 1996, pp. 288-645 [in Russian].

Borodino 2004 - Borodino: dokumental'naya hronika [Borodino: documentary chronicle], Moscow, ROSSPEN Publ., 2004 [in Russian].

Borodinskoe pole 2021 - Muzej-zapovednik «Borodinskoe pole» [Museum-Reserve "Borodino Field"], 2021, Electronic resource: https://www.borodino.ru/ (Date of access – 08.02.2021) [in Russian].

Buturlin 1837 - Buturlin D.P. Istoriya nashestviya imperatora Napoleona na Rossiyu v 1812-m godu [The history of the invasion of Emperor Napoleon on Russia in 1812], Vol. 1, Saint Petersburg, 1837 [in Russian].

Celorungo 2008 - Celorungo D.G. Vospominaniya R. Soltyka, ady'utanta nachal'nika byuro razvedki Glavnogo shtaba «Velikoj armii», o bitve pri Moskve-reke [Memoirs of R. Soltyk, adjutant of the head of the intelligence bureau of the General Staff of the "Great Army", about the battle of the Moscow River], in: Otechestvennaya vojna 1812 goda. Istochniki. Pamyatniki. Problemy. Materialy XXI Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii [Patriotic War of 1812. Sources. Monuments. Problems. Proceedings of the XXI International Scientific Conference], Moscow, 2008, pp. 54-74 [in Russian].

CHteniya 1859 - CHteniya v imperatorskom obshchestve istorii i drevnostej rossijskih [Readings in the Imperial Society of Russian History and Antiquities], 1859, Vol. 1 [in Russian].

Francuzy 1912 - Francuzy v Rossii. 1812 god po vospominaniyam sovremennikov-inostrancev [French in Russia. 1812 according to the memoirs of foreign contemporaries], Vol. 1, Moscow, Zadruga Publ., 1912 [in Russian].

Glinka 1991 - Glinka F.N. Ocherki Borodinskogo srazheniya [Sketches of the Battle of Borodino], Kiev, Dnipro Publ., 1991 [in Russian].

Harkevich 1900 - Harkevich V. 1812 god v dnevnikah, zapiskah i vospominaniyah sovremennikov [1812 in diaries, notes and memoirs of contemporaries], in: Materialy Voennogo-uchyotnogo arhiva General'nogo shtaba [Materials of the Military Registration Archive of the General Staff], Vol. 1, Vilna, 1900, pp. 121-204 [in Russian].

Larionov 1962 - Larionov A.P. Ispol'zovanie artillerii v Borodinskom srazhenii [The use of artillery in the Battle of Borodino], in: 1812 god. K 150-letiyu Otechestvennoj vojny. Sbornik statej [1812. To the 150th anniversary of the Patriotic War. Digest of articles], Moscow, 1962, pp. 116-133 [in Russian].

Lashuk Anri 2004 - Lashuk Anri. Napoleon. Pohody i bitvy. 1796-1815 / Perevod s francuzskogo [Napoleon. Campaigns and battles. 1796-1815 / Translated from French], Moscow, Eksmo Publ., 2004 [in Russian].

Popov 1995 - Popov A.I. Dejstviya vestfal'cev v Borodinskom srazhenii [Actions of the Westphalians in the Battle of Borodino], in: Otechestvennaya vojna 1812 g. Istochniki. Pamyatniki. Problemy [Patriotic War of 1812. Sources. Monuments. Problems], Moscow, 1995, pp. 64-72 [in Russian].

Popov 1997 - Popov A.I. «Mezh dvuh vulkanov». Boevye dejstviya v centre Borodinskogo polya ["Between Two Volcanoes". Fighting in the center of the Borodino field], in: Borodino. Hronika srazheniya [Borodino. Chronicle of the battle], Harkov, Rejtar Publ., 1997 [in Russian].

Popov 2003 - Popov A.I. Vyurtemberzhcy v Borodinskom srazhenii [Wurttembergers in the Battle of Borodino], in: Voenno-istoricheskij zhurnal «Voin» [Military-historical magazine "Warrior"], 2003, № 1 [in Russian].

Rakovskij 1971 - Rakovskij L.I. Kutuzov, Leningrad, Lenizdat Publ., 1971 [in Russian].

Rasskazy 1912 - Rasskazy o 1812 gode (Otryvki iz dnevnika A.A. Lesli) [Tales of 1812 (Excerpts from the diary of A.A. Leslie)], in: Smolenskaya starina 1812-1912 [Smolensk antiquity 1812-1912], Vol. 2, Smolensk, 1912, pp. 321-400 [in Russian].

Rossiya 1991 - Rossiya pervoj poloviny XIX v. glazami inostrancev [Russia in the first half of the nineteenth century. through the eyes of foreigners], Leningrad, Lenizdat Publ., 1991 [in Russian].

Ryazanov 1997 - Ryazanov A.M. Kirasiry v Borodinskom srazhenii [Cuirassiers in the Battle of Borodino], in: Otechestvennaya vojna 1812 goda. Istochniki. Pamyatniki. Problemy [Patriotic War of 1812. Sources. Monuments. Problems], Moscow, 1997, pp. 252-258 [in Russian].

Vasil'ev 1993 - Vasil'ev A. Russkaya regulyarnaya kavaleriya v Borodinskom srazhenii. Boevoe raspisanie [Russian regular cavalry in the Battle of Borodino. Combat Schedule], in: Cejhgauz [Storeroom], 1993, № 2, pp. 11-14 (First part); 1993, № 3, pp. 19-21 (The second part) [in Russian].

Vasil'ev 2001 - Vasil'ev A.A. Francuzskij oficer Gijom Bonne – uchastnik Borodinskogo srazheniya [French officer Guillaume Bonnet – participant in the Battle of Borodino], in: Otechestvennaya vojna 1812 goda. Istochniki. Pamyatniki. Problemy. Materialy IX Vserossijskoj nauchnoj konferencii [Patriotic War of 1812. Sources. Monuments. Problems. Materials of the IX All-Russian Scientific Conference], Moscow, Kalita Publ., 2001, pp. 64-71 [in Russian].

Voennaya enciklopediya 1911 - Voennaya enciklopediya. T. V. Borodino [Military encyclopedia. Volume V. Borodino], Saint Petersburg, Tipografiya I.D. Sytina Publ., 1911 [in Russian].

Zemcov, Popov 2009 - Zemcov V.N., Popov A.I. Borodino: YUzhnyj flang [Borodino: Southern flank], Moscow, Kniga Publ., 2009 [in Russian].

Ануфриев Вадим Петрович
– Независимый исследователь (Санкт-Петербург, Россия).

Vadim Anufriev
– Independent researcher (St.Petersburg, Russia).

vadimanufrief@yandex.ru

БЕЛОПОВСТАНЧЕСКОЕ ДВИЖЕНИЕ НА КУБАНИ И ЕГО ПОДАВЛЕНИЕ: ПРИМЕРЫ ВОСПРИЯТИЯ ОЧЕВИДЦАМИ

И.Ю. Васильев
Научно-исследовательский центр традиционной культуры
«Кубанский казачий хор» (Краснодар, Россия)
e-mail: ivasee@mail.ru
SPIN-код: 8437-3902

АВТОРСКОЕ РЕЗЮМЕ
Белоповстанческое движение казачества и его подавление новой властью – основная составляющая завершающего этапа Гражданской войны на Кубани начала 1920-х гг. Особенности его восприятия населением ярко иллюстрируют приведённые в статье развёрнутые повествования, относящиеся к территории современного Ленинградского района. Мы видим, что в воспоминаниях о борьбе белых казаков с большевиками, озвученных как маститым историком, так и простым станичником, есть немало общего. Основной лейтмотив – неприятие внутригражданской смуты как таковой, отвращение к захлестнувшему общество насилию. Всё это присутствует наряду с восхищением некоторыми участниками борьбы, их героизмом и воинским мастерством. В рассказах о них видны элементы мифологизации, свойственной народному мировоззрению.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: **Кубань, казаки, Гражданская война, Краснодарский край, белое движение.**

THE WHITE REBELLION MOVEMENT IN KUBAN AND ITS SUPPRESSION: EXAMPLES OF EYEWITNESS PERCEPTION

Igor Vasilyev
Research Center of traditional culture
«The Kuban Cossack chorus» (Krasnodar, Russia)
e-mail: ivasee@mail.ru

ABSTRACT
The White movement of the Cossacks and its suppression by the new authorities was the main part of the final step of the Civil War in Kuban in the early 1920s. Its perception by the population is vividly illustrated by the provided detailed narratives related to the residents of the territory of the modern Leningrad region. We see that there is a lot in common about the fight of the White Cossacks with the Bolsheviks in the memories of a venerable historian as well as an ordinary peasant. The main leitmotif is the rejection of internal civil unrest as such, disgust for the violence that had swept society. All this is present along with the admiration of some participants of the war, their heroism and military skill. Elements of mythologization, characteristic of the people's worldview, are visible in the stories about them.

KEYWORDS: **Kuban, Cossacks, Civil War, Krasnodar Territory, White movement.**

Белоповстанческое движение казачества и его подавление новой властью – основная составляющая завершающего этапа Гражданской войны на Кубани начала 1920-х гг. Особенности его восприятия населением ярко иллюстрируют приведённые ниже развёрнутые повествования, относящихся к территории современного Ленинградского района. Какова специфика этих источников?

Рассказы очевидцев исторических событий, наряду с другими научными дисциплинами, изучает устная история. Это субдисциплина, находящаяся на стыке истории, культурной антропологии и отчасти филологии и журналистики, начала быстро развиваться во второй половине XX в. Устная история занимается сбором и анализом устных рассказов людей об исторических событиях и явлениях, повседневной жизни и быте в те или иные исторические периоды.

Толчком для ее развития послужили коренные изменения в укладе жизни, масштабные исторические события, такие как мировые войны; развитие междисциплинарных исследований, необходимость осмысления масштабного идеологического воздействия на человека, его психологической адаптации к резким изменениям действительности, реакции на те или иные исторические события, государственную политику (Портелли 2003; Розенталь 2003).

В русскоязычной историографии основание изучению устноисторической проблематики положил

историк Д.П. Урсу (Урсу 1989: 3-32). На Кубани начало устноисторическим исследованиям положил последователь Урсу и известный историк – казаковед О.В. Матвеев. Олег Владимирович собрал и опубликовал в многочисленных работах уникальные воспоминания последних старожилов, помнивших дореволюционное казачье прошлое, реконструировал на их основе категории воинской ментальности в рамках исторической картины мира кубанских казаков. Им также исследован ряд аспектов устной истории Великой Отечественной войны и пр. (Матвеев 2003; 2009; 2010: 101-113). Немалый вклад в устноисторические исследования региона, особенно в изучение народной памяти о Великой Отечественной войне и об этнополитических событиях и явлениях, внесли Е.Ф. Кринко и Т.П. Хлынина (Кринко и др. 2011).

К настоящему времени устная история прочно вошла в обиход российских исследователей. Устноисторические материалы использовались в крестьяноведческих работах Т. Шанина (Шанин 2002). Выходили обширные многотиражные работы, такие как «Речи немых» В.А. Бердинских (посвящена устной истории русского крестьянства в XX столетии) (Бердинских 2011).

Устноисторические материалы имеют ряд неоспоримых достоинств. Они могут передать восприятие того или иного исторического события или явления рядовым, неангажированным человеком и с его точки зрения. Устно- исторические исследования незаменимы для изучения системы ценностей данного общества, его реальной исторической картины мира, выраженной в оценках событий и явлений, их описании обычными людьми.

Н.И. Бондарь указывает, что развёрнутый устноисторический рассказ включает в себя описание события (явления), его привязку ко времени и месту, оценочную рефлексию по его поводу, описание его последствий. Порой такой рассказ даёт исследователю уникальный набор информации, которую зачастую нельзя почерпнуть из архивных источников, опубликованных мемуаров, прессы. В том числе – по некоторым малоизвестным и (или) замалчиваемым фактам и событиям. Хотя рефлексия и оценка в целом важнее.

Однако у устноисторических источников есть и свои погрешности, на которые необходимо делать поправку. Особенно в отношении конкретных фактов и действующих лиц, порой времени и места. Нередко имеют место осознанная либо неосознанная фольклоризация или мифологизация, чрезмерное обобщение, замена второстепенных персонажей на известные, значимые («Царица Екатерина» или «Суворов» в качестве основателей населённых пунктов, появившихся в XIX в.). Наблюдается и гиперболизация как в позитивную, так и негативную сторону (преувеличение масштабов людоедства во время голода 1933 г.).

Письменные мемуары, воспоминания имеют свою специфику. Но в данном случае она в целом сходна с таковыми у устноисторических источников. Хотя в мемуарах в большей степени присутствует рефлексия по поводу увиденного и услышенного, в т.ч. – профессиональная (Павленко 2009: 17-20).

Большая часть устных рассказов о Гражданской войне на Кубани посвящена теме террора. Последний – вообще одна из наиболее знаковых составляющих гражданского противостояния. Этот неизбежный спутник междоусобицы наиболее крепко врезается в память мирных жителей, например, детей (травмирующий опыт; то, о чём говорят старшие, от чего стремятся уберечь). Люди, столкнувшиеся с Гражданской войной в юном возрасте, по объективным причинам могли рассказать о ней уже в конце XX в.

Когда белые вновь заняли территорию нынешнего Ленинградского район в период 2-го Кубанского похода (Уманская была взята белыми 8 июля 1918 г.), здесь и в соседних станицах начались казни сторонников советской власти. Так, в станице Уманской погиб руководитель местной ячейки партии большевиков. В ст. Крыловской белыми, по официальным данным, был казнён 21 человек. В том числе учитель И.П. Гайдайчук – первый местный социал-демократ. А трое членов ревкома были насмерть забиты плетями. Были уничтожены (за исключением одного брата и сестры) многочисленные родственники председателя ревкома ст. Крыловской Д.А. Барышевского. Позднее, уже в 1920 г., он сам был убит в окрестностях станицы (ЦДНИКК. Ф. 1629. Оп. 1. Д. 129. Л. 9; Чистов 1967; Ярневский 1969; Павленко 2009: 17).

Уже после окончания масштабных боевых действий территория нынешнего Ленинградского района стала одним из центров казачьего повстанческого движения, направленного против советской власти. Его участники активно действовали до средины 1920-х гг.

Так, в 1920 г. в ст. Новоплатнировской во время похорон большевиков, погибших во время противостояния с белыми в 1918 г., был произведён салют. Во время него кто-то застрелил одного из сторонников советской власти, который помогал опускать гробы в могилу.

22 апреля 1920 г. в ст. Уманскую ворвался отряд белых повстанцев численностью до 1 тыс. чел. Во время Гражданской войны они воевали на стороне белых в составе 1-го и 2-го Запорожских полков. Бело-зелёные захватили административные здания и разоружили милицию. Они заявили, что являются «зеленоармейцами» и их лозунг – «Долой войну, долой коммуну, да здравствует Учредительное собрание и советы». Повстанцы призывали станичников присоединиться к ним. Они также повредили линию телефонной связи и забрали у заведующего продовольственным отделом Проказина 21750 руб. Никто не был убит.

Пик противостояния между белыми повстанцами и большевиками пришёлся на октябрь 1921 г., когда казачьи отряды Пацюка, Тищенко и Дубины полностью уничтожили в окрестностях хутора Александровского роту красноармейцев. После чего эти отряды понесли значительные потери в боях с подошедшими свежими силами красных и были частично рассеяны. Активные действия белые казаки продолжали и в 1922 г., когда особенно ярко проявил себя георгиевский кавалер, сотник Е.Ф. Дубина. В 1922 г. поезд, вышедший со станции Уманской, был остановлен его отрядом в составе 60 чел. при 4 пулемётах. Ценности, находящиеся в поезде,

были захвачены. При этом убито было всего двое пассажиров, в т. ч. бывший зампред исполкома города Ейска Ливенко (Тёр 2003: 42, 62; 2015: 53, 58).

Яркие эпизоды гражданского противостояния также отразились в мемуарах классика советской исторической науки Н.И. Павленко, родители которого переехали с Украины в станицу Уманскую в поисках лучшей доли: «По улице мимо нашего дома (двоих) обречённых (на казнь бело-зелёных) на полном скаку везли в тачанке, окружённой кавалькадой красных кавалеристов с обнажёнными шашками. Такие противники советской власти организовывались в отряды по два – четыре человека, нападали на сторонников нового порядка, убивали их, грабили или поджигали дома. Бело-зелёными их прозвали оттого, что летом они скрывались в камышах, обильно росших вдоль болотистых речек Сосыки и Еи. Зимой они находили приют в казачьих куренях: их легко было обнаружить по дыму, валившему из труб в ночные часы.

История этих двух несчастных оказалась весьма драматичной. Красноармеец вёз какие-то документы вышестоящему начальству. В чистом поле ему повстречались трое вооружённых всадников из бело-зелёных. Повернуть обратно красный курьер уже не мог: его телегу резвые лошади настигали без особых усилий. У несчастного был лишь один выход: разыграть роль человека, которому наконец удалось достичь давно желаемой мечты – повстречаться с повстанцами и влиться в их ряды. Старший бело-зелёный в эту легенду поверил и, вопреки возражениям двух своих товарищей, которым не терпелось пустить красноармейца в расход, с радостью принял нового бойца. Пополнение отряда отметили обильной выпивкой. Попавший в историю курьер вынужден был пить самогон наравне с остальными, но выходил во двор якобы по нужде и всякий раз закладывал два пальца в рот. Когда его новые товарищи опьянели настолько, что оказались в крепких объятиях Морфея, красноармеец сел на стоявшего осёдланным резвого коня, прихватил с собой ещё трёх лошадей и помчался в Уманскую докладывать своему начальству. За полную достоверность этого рассказа я не ручаюсь: вполне возможно, это был красивый миф, призванный повысить боевой дух красноармейцев» (ГАКК. Ф. Р-756. Оп. 1. Д. 785. Л. 1; ГАКК. Ф. Р-649. Оп. 1. Д. 18. Л. 7-8; ГАКК. Ф. Р-115. Оп. 1. Д. 36. Л. 7 – 7 об.; Тёр 2014: 124-125).

В этой связи особый интерес представляют воспоминания К.И. Жарино, участника и очевидца событий того времени. Сам он был красноармейцем-допризывником, лояльным к советской власти. При этом ему была известна и понятна казачья точка зрения на происходившие события, мифологизация некоторых событий и личностей. Например, он рассказал о подвигах и гибели знаменитого предводителя повстанцев Бандурко: «Вин гоняв их (большевиков) кажен день! Одын раз выехалы пять человек кавалеристов и тры линейки, по четыре человека (на каждой). Сколько это? Семнадцать человек... Фамилия командира была Зайцев. Заяц называли, тут пид горкой жил. На ём бурка, башлык! Он говорит: “Едем до Наума Егоровича в гости! – Да едьте!”. И так прошло часа полтора. Летять этот самый Зайцев и те четыре кавалериста. Никому ничего не сказали. И те дви линейки. Як выезжаешь с грэбли, по праву сторону, там будяки булы. В эти будяки кони (красноармейцев) встромылыся. И они лежат, четыре человека с винтовками. И ещё одна винтовка лежала. Они уже ны живи´ булы! А Бандурко за ними гнался. Як кони всталы, и там возле – Бандурко. Так вин прибиг, чотырёх чоловик порубав. Шашку обтэр о них и поихав. Шо ж вы, люди, йихалы! Винтовки, патроны! А як Бандурко побачили, так и поме´рли. Порубал. А что ж им нельзя было встать? Раз-два и нема Бандурки!? Не! Он йих гоняв кажен дэнь! Тико поихали, уже Бандурко караулит. – А куда Бандурко делся? – Застрелили его! Када его пиймалы, возле Краснодара. Пиймалы – арестовалы, в краснодарску тюрьму посадили. Так вин шо сделав? На утро выпустили их на прогулку. И днём утик с турмы (тюрьмы)! Сняв двоих часовых на крыше и спустился через дом до Кубани, сив на лодку и поихав. О человек! И крикнул: “Жизнь моя спасена навсегда!”. Добрался до аула, нашёл себе напарника хорошего. И они месяца два кудесничали: то там, то там. А потом узялы черкеса, узялы и сказалы: “Если Бандурку не представышь хоть живого, хоть убитого, мы семью твою заберем и постреляем!”. Вин дал слово представить. “Живого может и не представлю, а убытого представлю!”. Поихали в тот дом, (где они находились). Бандурко спал. На стенке висел пистолет с ремнём. Биля його. Он его потихоньку взял и… И представили его в тюрьму» (Павленко 2009: 17-18).

Заметно, что информант придерживается здесь народного взгляда на командира белых партизан, в котором заметна идеализация. Но его верность отчасти подтверждается другими источниками. А.В. Наконечный вспоминает: «В это время (1920 г. – Е.В. Тёр) с фронта явился в станицу фронтовой офицер Бандурка Алексей, очень влиятельный среди казаков. На каждом митинге выступал Бандурка Алексей… за примирение между казаками и иногородними…

Боясь усиления влияния Бандурки на казачье население, председатель станичного ревкома, руководитель ЧОНа[1] в первой половине августа (или во второй половине 1920 г.) решил его арестовать и отправить в Ейский отдел для превентивной изоляции. Тогда такая формула изоляции зачастую означала расстрел. Бандурка каким-то образом узнал о решении ревкома его арестовать, скрылся, сбежал в банду, за несколько часов до его ареста... Вскоре банда под руководством боевого офицера Бандурки быстро окрепла и выросла в серьёзную угрозу для советских органов власти, в станице стало очень тревожно жить. На коммунистов, комсомольцев, чоновцев, советский актив, красногвардейцев по ночам устраивались бандитские облавы… Мы были уверены, что в этих операциях чувствовалась ловкая рука Бандурки, с которыми власти не пошли на примирение, на компромисс тогда, когда руки Бандурки пока были чистыми» (ПМ КФЭЭ-1993. А/к 444. Ст. Крыловская. Ленинградский р-н. Инф.: Кузьма Ивано-

1 Части особого назначения, были специально организованы для борьбы с повстанцами.

вич Жарино, 1903 г.р. Иссл.: Гордовская Т.Н., Реко В.Р., Гриценко А.П.12. Цит. по: Тёр 2019).

Казачье повстанческое движение подавлялось крайне жестокими методами. Был распространён массовый террор против мирного населения. Каратели захватывали заложников, и, в случае невыполнения повстанцами требования сдаться, заложников немедленно казнили. Порой расстреливали сразу несколько десятков человек. Для того, чтобы хоронить их также использовали местных красноармейцев-допризывников. В том числе и К.И. Жарино: «Стали мобилизовывать ямы копать... На Зелёном клыну! Выкопали мы шесть траншей. Три метра – ширина, шесть – длина… Как раз попав я туда. До двадцати лет (возраст) отпустили домой, а с двадцать лет – оставили там. Четырнадцать человек...

Смотрим, по дамбе выдуть людей, у белье. Приводять – палимёта два, шашки наголо! Поставили, метров десять от траншеи. И начали спрашивать, кто желает первый умереть. Палахан Григорий Иванович говорить: “Я!”. Командир полка спрашивает: “Как фамилия? – Палахан Иван! – Раздевайтесь!”. Он снял с себя бельё. Их привели в белье всех. Снял бельё: “Идите, становитесь!”. Он подошёл, стал на колени, голову немножко приподнял, ударили ему. А потом начали по три человека становить и в оту же яму. Тридцать пять человек с ним расстреляли.

А командир сидыть на коню и говорит: “…Что ты скажешь перед смертью? – Тоби тудыть твою!”. Казал ему: “Привил убывать – убывай! Шо я тоби буду казать!?”. Тот за пистолет и расстрелял его. Взяли за ногы и утяглы» (ПМ КФЭЭ-1993. А/к 444. Ст. Крыловская. Ленинградский р-н. Инф.: Кузьма Иванович Жарино, 1903 г.р. Иссл.: Гордовская Т.Н., Реко В.Р., Гриценко А.П.).

По воспоминаниям К.И. Жарино, командир карательного отряда (информант называл его «комендант»), руководивший расстрелами, поражал своей чудовищной жестокостью. Такой, что у молодого красноармейца возникло желание убить его самого: «Одын раз уже прывылы мы (людей, которых должны были казнить). Уже карательный отряд поихал. А коменданту поручилы, шоб вин привил в исполнение. Так он набрал нас. Там тыжнёвый був, три человека. Привылы мы, а патронов не дал. Чи забыл, чи шо. Привелы мы до ямы. “Ну-ка становытесь по тры человека, стреляйте! – Так патрон нема! – Да ладно!”. Так он поклал их усих, руки назад. Один биля одного, один биля одного головы. Взял лопатку и одиннадцать человек порубал… Карательного отряда комендант. Мы стоялы просто не живи (сами как мёртвые)! Да стико ж можно! Этой лопаткой раз, раз!… Прямо в яме. Прошёл – готово! “Закидайте!”. Ще був одын чоловик, як я – зарубать бы його, гада! Так боялысь хлопцы, ны схотели. Я предлагал хлопцам: “Давайте його зарубаем! Ночью, никто ны бачит. Зарубаем – пидэм!”. Ны схотели! От хам, от хам! На скоко есть люды такие!» (ПМ КФЭЭ-1993. А/к 444. Ст. Крыловская. Ленинградский р-н. Инф.: Кузьма Иванович Жарино, 1903 г.р. Иссл.: Гордовская Т.Н., Реко В.Р., Гриценко А.П.).

Иногда после расстрела некоторые из казнимых оставались живы: «В первой группе было двое живых: Згода Филипп Яковлевич и дедушка Зеленько. Постреляли их! Они повставалы. Сталы просыть: “Товарищи, помилуйте нас! Мы ж с вами делылися последним куском хлеба!”. Джурило Иван, на горе он жил. Так мене пришлося ему голову открывать, прикиданный уже був. Думаю, раз такая тенденция, а он в таком состоянии, потихэньку пэрэкинулся личком (повернул лицо) и руки поставил вот так. И мы засыпаем, а вин приподнимается, и земля под него. А ночью встанет. И вин приподнимался, пока надо руками помогать. А тут руки как подал, и локти видно. “Стой, не закидай. Полезь, Жарино, открый ему голову!”. Полез я, открыл ему голову, с земли вытяг…» (ПМ КФЭЭ-1993. А/к 444. Ст. Крыловская. Ленинградский р-н. Инф.: Кузьма Иванович Жарино, 1903 г.р. Иссл.: Гордовская Т.Н., Реко В.Р., Гриценко А.П.).

Расстреливали родственников повстанцев, зажиточных и авторитетных станичников. Казнили в т.ч. женщин: «Бралы людей, хто родня (белых повстанцев), хто – зажитные люди. Вот таких бралы и стрелялы. Один день порасстрелялы – завтра митинг. “Выдавайте, выдавайте бандитов!”. Ну кого!? Через день обратно начали стрелять. Опять порасстрелялы группу тридцать пять человек. И там семьдесят. Уже сто пять человек! После того уже меньшими группами начали стрелять. То одиннадцать, то двенадцать, то восемь, то девять… В одной группе – сами´ (одни) женщины!… Воны нахо´дыли причину, бралы, расстреливалы и всё. Я ж не могу сказать, эту за то, эту за то. Сообщал карательному отряду председатель станичного совета... Людей побыли (побили) у нас так недельки две, и уехали» (ПМ КФЭЭ-1993. А/к 444. Ст. Крыловская. Ленинградский р-н. Инф.: Кузьма Иванович Жарино, 1903 г.р. Иссл.: Гордовская Т.Н., Реко В.Р., Гриценко А.П.). Имущество казнённых иногда сразу же присваивали сторонники советской власти: «За шо взялы Кондра´тенко!?... Жил хорошо, магазин свий имел. А був (красный) партизан Малый. Утром взялы Кондра´тенко, а вэчером Малый уже переихав в его дом» (ПМ КФЭЭ-1993. А/к 444. Ст. Крыловская. Ленинградский р-н. Инф.: Кузьма Иванович Жарино, 1903 г.р. Иссл.: Гордовская Т.Н., Реко В.Р., Гриценко А.П.). Масштабы террора нашли отражение и в воспоминаниях других очевидцев: «Козакив расстрэливалы чирыз одын дом (из каждого второго дома)» (ПМ КФЭЭ-1993. А/к 408. Ст. Ленинградская. Ленинградский р-н. Инф.: Мужской ф/к колхоза им. Ленина «Казачьи напевы»; Григорий Деомидович Филобок, 1919 г.р. Иссл.: Ярешко В.С., Зуб Е.В.). В качестве причины массового террора информант называет боязнь большевиков массового казачьего восстания, с которым было бы трудно справиться (ПМ КФЭЭ-1993. А/к 444. Ст. Крыловская. Ленинградский р-н. Инф.: Кузьма Иванович Жарино, 1903 г.р. Иссл.: Гордовская Т.Н., Реко В.Р., Гриценко А.П.).

Мы видим, что воспоминаниях о борьбе белых казаков с большевиками, озвученные как маститым историком, так и простым станичником есть немало общего. Основной лейтмотив – неприятие внутригражданской смуты как таковой, отвращение к захлестнувшему общество насилию. Всё это присутствует наряду с восхищением некоторыми участниками борьбы, их героизмом и воинским мастерством. В рассказах о них видны

элементы мифологизации, свойственного народному мировоззрению.

ЛИТЕРАТУРА

Бердинских 2011 - Бердинских В.А. Речи немых. Повседневная жизнь русского крестьянства в XX веке. М., 2011.

ГАКК - Государственный архив Краснодарского края.

Кринко и др. 2011 - Кринко Е.Ф., Тажидинова И.Г., Хлынина Т.П. Повседневный мир советского человека 1920-х – 1940-х годов: Жизнь в условиях социалистической трансформации. Ростов-на-Дону, 2011.

Матвеев 2003 - Матвеев О.В. Герои и войны в исторической памяти кубанского казачества. Краснодар, 2003.

Матвеев 2009 - Матвеев О.В. Историческая картина мира кубанского казачества. Особенности военно-сословных представлений (конец XVIII – начало XX в.). Автореферат диссертации на соискание учёной степени доктора исторических наук. Ставрополь, 2009.

Матвеев 2010 - Матвеев О.В. Партизаны Кубани в 1942-1943 гг.: героические символы и реальные люди (по материалам устной истории) // Голос минувшего. Кубанский исторический журнал. 2010. № 1-2.

Павленко 2009 - Павленко Н.И. Воспоминания историка // Родина. 2009. № 1.

ПМ КФЭЭ - Полевые материалы Кубанской фольклорно – этнографической экспедиции.

Портелли 2003 - Портелли А. Особенности устной истории // Хрестоматия по устной истории. СПб., 2003.

Розенталь 2003 - Розенталь Г. Реконструкция рассказов о жизни: принципы отбора, которыми руководствуются рассказчики в биографических нарративных интервью // Хрестоматия по устной истории. СПб., 2003.

Тёр 2003 - Тёр Е.В. Живая память. Краснодар, 2003.

Тёр 2014 - Тёр Е.В. Октябрь 1921 г.: бой у латышских хуторов в воспоминаниях очевидцев // Вестник архивиста Кубани. 2014. № 9.

Тёр 2015 - Тёр Е.В. В краю рек и курганов. Ленинградская, 2015.

Тёр 2019 - Тёр Е.В. Камышовая война: бело-зелёное движение в Ейском отделе Кубано-Черноморской области в 1920-1922 гг. в документах и воспоминаниях очевидцев. 2019 / Электронный ресурс: https://kzref.org/kamishovaya-vojna-belo-zelenoe-dvijenie-v-ejskom-otdele-kubano.html (дата обращения - 26.11.2021).

Урсу 1989 - Урсу Д.П. Методологические проблемы устной истории // Источниковедение отечественной истории: сборник статей. 1989. М.: Наука, 1989.

ЦДНИКК - Центр документации новейшей истории Краснодарского края.

Чистов 1967 - Чистов К.В. Русские народные социально-утопические легенды XVII-XIX вв. М., 1967.

Шанин 2002 - Шанин Т. Рефлексивное крестьяноведение. М., 2002.

Ярневский 1969 - Ярневский И.З. Устный рассказ как жанр фольклора. Улан-Удэ, 1969.

REFERENCES

Berdinskih 2011 - Berdinskih V.A. Rechi nemyh. Povsednevnaya zhizn' russkogo krest'yanstva v XX veke [Silent speeches. Daily life of the Russian peasantry in the 20th century], Moscow, 2011 [in Russian].

CDNIKK - Centr dokumentacii novejshej istorii Krasnodarskogo kraya [Documentation Center for the Contemporary History of the Krasnodar Territory] [in Russian].

CHistov 1967 - CHistov K.V. Russkie narodnye social'no-utopicheskie legendy XVII-XIX vv. [Russian folk socio-utopian legends of the 17th-19th centuries], Moscow, 1967 [in Russian].

GAKK - Gosudarstvennyj arhiv Krasnodarskogo kraya [State Archive of the Krasnodar Territory] [in Russian].

Krinko i dr. 2011 - Krinko E.F., Tazhidinova I.G., Hlynina T.P. Povsednevnyj mir sovetskogo cheloveka 1920-h – 1940-h godov: ZHizn' v usloviyah socialisticheskoj transformacii [The Everyday World of a Soviet Man in the 1920s-1940s: Life in the Conditions of Socialist Transformation], Rostov-on-Don, 2011 [in Russian].

Matveev 2003 - Matveev O.V. Geroi i vojny v istoricheskoj pamyati kubanskogo kazachestva [Heroes and wars in the historical memory of the Kuban Cossacks], Krasnodar, 2003 [in Russian].

Matveev 2009 - Matveev O.V. Istoricheskaya kartina mira kubanskogo kazachestva. Osobennosti voenno-soslovnyh predstavlenij (konec XVIII – nachalo XX v.). Avtoreferat dissertacii na soiskanie uchyonoj stepeni doktora istoricheskih nauk [Historical picture of the world of the Kuban Cossacks. Peculiarities of military class representations (late 18th – early 20th centuries). Abstract of the dissertation for the degree of Doctor of Historical Sciences], Stavropol, 2009 [in Russian].

Matveev 2010 - Matveev O.V. Partizany Kubani v 1942-1943 gg.: geroicheskie simvoly i real'nye lyudi (po materialam ustnoj istorii) [Kuban partisans in 1942-1943: heroic symbols and real people (based on oral history)], in: Golos minuvshego. Kubanskij istoricheskij zhurnal [The voice of the past. Kuban historical journal], 2010, № 1-2 [in Russian].

Pavlenko 2009 - Pavlenko N.I. Vospominaniya istorika [Memoirs of a historian], in: Rodina [Motherland], 2009, № 1 [in Russian].

PM KFEE - Polevye materialy Kubanskoj fol'klorno – etnograficheskoj ekspedicii [Field materials of the Kuban folklore-ethnographic expedition] [in Russian].

Portelli 2003 - Portelli A. Osobennosti ustnoj istorii [Features of oral history], in: Hrestomatiya po ustnoj istorii [Reader on oral history], St. Petersburg, 2003 [in Russian].

Rozental' 2003 - Rozental' G. Rekonstrukciya rasskazov o zhizni: principy otbora, kotorymi rukovodstvuyutsya rasskazchiki v biograficheskih narrativnyh interv'yu [Reconstruction of life stories: selection principles that guide storytellers in

biographical narrative interviews], in: Hrestomatiya po ustnoj istorii [Reader on oral history], St. Petersburg, 2003 [in Russian].

SHanin 2002 - SHanin T. Refleksivnoe krest'yanovedenie [Reflective Peasant Studies], Moscow, 2002 [in Russian].

Tyor 2003 - Tyor E.V. ZHivaya pamyat' [Living memory], Krasnodar, 2003 [in Russian].

Tyor 2014 - Tyor E.V. Oktyabr' 1921 g.: boj u latyshskih hutorov v vospominaniyah ochevidcev [October 1921: the battle near the Latvian farms in the memoirs of eyewitnesses], in: Vestnik arhivista Kubani [Bulletin of the archivist of Kuban], 2014, № 9 [in Russian].

Tyor 2015 - Tyor E.V. V krayu rek i kurganov [In the land of rivers and mounds], Leningradskaya, 2015 [in Russian].

Tyor 2019 - Tyor E.V. Kamyshovaya vojna: belo-zelyonoe dvizhenie v Ejskom otdele Kubano-CHernomorskoj oblasti v 1920-1922 gg. v dokumentah i vospominaniyah ochevidcev [Reed war: white-green movement in the Yeysk department of the Kuban-Black Sea region in 1920-1922. in documents and eyewitness accounts], 2019, Electronic resource: https://kzref.org/kamishovaya-vojna-belo-zelenoe-dvijenie-v-ejskom-otdele-kubano.html (Date of access - 26.11.2021) [in Russian].

Ursu 1989 - Ursu D.P. Metodologicheskie problemy ustnoj istorii [Methodological problems of oral history], in: Istochnikovedenie otechestvennoj istorii: sbornik statej [Source study of national history: a collection of articles], 1989, Moscow, Nauka Publ., 1989 [in Russian].

YArnevskij 1969 - YArnevskij I.Z. Ustnyj rasskaz kak zhanr fol'klora [Oral story as a genre of folklore], Ulan-Ude, 1969 [in Russian].

Васильев Игорь Юрьевич
– Кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Научно-исследовательского центра традиционной культуры «Кубанский казачий хор» (Краснодар, Россия).

Igor Vasilyev
– Candidate of Historical Sciences, Senior research associate of the Research Center of traditional culture «The Kuban Cossack chorus» (Krasnodar, Russia).

ivasee@mail.ru

В ПАУТИНЕ «ОТТЕПЕЛИ»: АНАЛИТИЧЕСКИЙ ДОКЛАД «ЦЕЗАРЬ ИКС-59» ЦРУ США С ОЦЕНКОЙ ДИСКУССИЙ ПО ИСТОРИИ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ В СОВЕТСКОМ ОБЩЕСТВЕ 1945-1959 ГГ.

Д.В. Суржик[1], М.П. Кузовкин[2]
[1]Институт всеобщей истории РАН
Россия, 119334, г. Москва, Ленинский проспект, д. 32а
e-mail: dimsu@inbox.ru
SPIN-код: 7128-7893
[2]Ассоциация историков Союзного Государства (Москва, Россия)
e-mail: michael.kuzovkin@gmail.com

АВТОРСКОЕ РЕЗЮМЕ
Как известно, изложение любого события с одной действовавшей стороны подобно фотографии, а с противоположной стороны – рентгеновскому снимку. В этой связи аналитический доклад Центрального разведывательного управления США «Советская историография Второй мировой войны» (название при цитировании: «Цезарь Икс-59») представляет особый интерес для отечественной историографии. Не впадая в крайность завышенной оценки иностранного анализа, ниже мы попробуем оценить сильные и слабые стороны этого историографического источника.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: ЦРУ, проект «Цезарь», историография, Великая Отечественная война.

IN THE WEB OF "THAW": THE US CIA'S ANALYTICAL REPORT "CAESAR X-59" WITH ASSESSMENT OF DISCUSSIONS ON THE HISTORY OF THE GREAT PATRIOTIC WAR IN SOVIET SOCIETY OF 1945-1959

Dmitry Surzhik[1], Mikhail Kuzovkin[2]
[1]Institute of World History, Russian Academy of Sciences
Russia, 119334, Moscow, Leninsky Avenue, 32a
e-mail: dimsu@inbox.ru
[2]Association of Historians of the Union State (Moscow, Russia)
e-mail: michael.kuzovkin@gmail.com

ABSTRACT
As is known, an account of any event from one of the acting parties is like a photograph, while from the opposite side - like an X-ray image. In this regard, the U.S. Central Intelligence Agency's analytical report Soviet Historiography of World War II (title when cited: "Caesar X-59") is of particular interest to domestic historiography. Without going to the extreme of overestimating the foreign analysis, the authors attempt to assess the strengths and weaknesses of this historiographical source.

KEYWORDS: CIA, «CAESAR» Project, historiography, Great Patriotic War.

О секретном аналитическом проекте «Цезарь» Центрального разведуправления Соединенных Штатов (русскоязычный перевод документа был опубликован нами в: Белов и др. 2015: 343-383) общественность узнала 22 июня 2007 г., когда было объявлено о том, что через пять дней ЦРУ рассекретит и поместит для общего доступа на свой Интернет-сайт очередной массив своих аналитических докладов. Опубликованные 27 июня 2007 г. документы можно разделить на два тематических блока:

1) имеющие отношение к внутренней и внешней политике, а также взаимоотношениям СССР и КНР – это проекты «Цезарь» (CAESAR), «Поло» (POLO) и «ЕСАУ» (ESAU). Эти 147 документов на 11 тысячах страницах о СССР и Китае, то они рассекречены в рамках программы «общественного контракта», по которому ЦРУ реши-

ло предоставлять общественности исторические документы о деятельности разведуправления;

2) так называемые «семейные ценности». Их составляют 693 страницы «записи разговоров журналистов, похищений, незаконных обысков и планов убийств», которые в 1970-х годах привели к серьезным расследованиям деятельности ЦРУ.

Проект «Цезарь» был инициирован Директоратом разведки (Directorate of Intelligence, DI) ЦРУ в 1952 году. До этого директор ЦРУ получал аналитические отчеты из нескольких отделов Управления оперативной разведки ЦРУ (Office of Current Intelligence, OCI). Целью проекта являлось получение всей доступной информации о руководстве СССР, из которой можно было сделать вывод о событиях, происходящих внутри его. Проект действовал с 1953 по 1973 года, за это время было составлено 147 документов, включающих в себя более 11 000 листов аналитических материалов. Первый доклад «Цезаря» был посвящен «делу врачей». Доклады проекта «Цезарь» предназначались для использования другими аналитиками и оперативными офицерами ЦРУ и иными агентствами разведывательного сообщества (The CAESAR 1953-1973).

В сентябре 1956 года Рей Клайн (Ray Cline) – на тот момент начальник Управления оперативной разведки – создал новое подразделение – Группу китайско-советских исследований (Sino-Soviet Studies Group, SSSG). Соответственно, проект «Цезарь» был разделен на два направления. Первое – проект «Поло» – создан в 1956 году для изучения руководства коммунистического Китая, второе – проект «Есау», создан в 1959 году для исследования советско-китайских отношений. В первые годы существования штат проекта состоял из трех – четырех специалистов по СССР и Китаю. В последствии штат Центра разросся до восьми человек. Это позволило, не теряя фокуса внимания на СССР, Китае и их отношениях, осветить другие проблемы, которые ранее не рассматривались. Результаты деятельности Центра помогли аналитикам понять такие ключевые вопросы, как мотивация политических решений и цели внешней политики, роль военного фактора в политике, а также идеологическую основу коммунистических режимов (The CAESAR 1953-1973: 2).

Руководство Управления оперативной разведки и заместитель директора ЦРУ по разведке (Deputy Director for Intelligence, DDI) отмечали, что Центр достиг цели создания основы для будущего стратегического анализа. В 1973 г. на базе Центра было создано новое Управление политических исследований (Office of Political Research, OPR). Последний затем вошел в состав Управления регионального и политического анализа (Office of Regional and Political Analysis). В 1981 году структура ЦРУ была реорганизована: на смену функционально-управленческой пришла комбинированная, регионально-функциональная структура, где тематические управления проводили междисциплинарный анализ «сквозь» Директорат (The CAESAR 1953-1973: 5-6).

При описании любых событий всегда необходимо описывать их со всех точек зрения участников события. При этом огромный интерес вызывает мотивировка действия противоположной стороны, то, на основе чего, действовали визави. На сегодняшний день появилась возможность заглянуть в некоторые аналитические документы ЦРУ, базируясь на которые верховное руководство США принимало свои решения в отношении СССР. Прежде всего это документы проекта «Цезарь».

Проект «Цезарь» был инициирован Директоратом разведки (Directorate of Intelligence, DI) ЦРУ в 1952 году. До этого директор ЦРУ (Director of Central Intelligence, DCI) получал аналитические отчеты из нескольких отделов Управления Оперативной Разведки ЦРУ (Office of Current Intelligence, OCI). Целью проекта являлось получение всей доступной информации о руководстве СССР, из которой можно было сделать вывод о событиях, происходящих внутри его. Первый доклад «Цезаря» был посвящен «делу врачей». Он предназначался для использования другими аналитиками и оперативными офицерами ЦРУ, а также других агентств разведывательного сообщества. В результате, «Цезарь» стал первой попыткой научного исследования, основанного на всех видах источников.

Предлагаемый документ «Цезарь-25», составленный в 1959 году, посвящен советской историографии Второй мировой войны. В нем рассматриваются влияние И.В. Сталина и партии на историографию войны, проанализирована реакция военных историков и писателей на эти труды, выходившие как при жизни Сталина, так и после его смерти, а также после доклада «О культе личности и его последствиях» Н.С. Хрущева на XX съезде партии.

Как можно судить из доклада, для анализа суждений избранных целевых групп ЦРУ были использованы открытые источники информации, включая специализированные издания. Последние включают в себя военно-исследовательские издания – журналы «Военная мысль», «Вестник воздушного флота», «Военное обозрение». К специализированным изданиям можно отнести также журналы «Вопросы истории» и «Коммунист». Были задействованы также и общественно-политические издания (журналы «Знамя» и «Октябрь», а также «Литературная газета»), с помощью которых проводился анализ мнений советских литераторов о событиях Великой Отечественной войны. С другой стороны, американские разведчики использовали публикации центральных советских газет: «Красная звезда», «Правда», «Труд» и «Известия». Вывод о дискуссиях в среде советских историков формировался на основе книг В.Я. Аварина «Борьба за Тихий океан», «Вторая мировая война» Г.А. Деборина, «Великая Отечественная война Советского Союза, 1941-1945 гг.» В.С. Тельпуховского, «Вторая мировая война 1939-1945 гг. Военно-исторический очерк», вышедший под общей редакцией генерал-лейтенанта С.П. Платонова, неназванный труд М.П. Толченова 1945 года (исходя из его пересказа, можно предположить, что имеется в виду: Толченов 1945), статья «Немецко-фашистский “дранг них остен” после Мюнхена» Ф.И. Нотовича и ряд других. В качестве примера упорства историков в отстаивании ими собственных концепций приводятся дебаты вокруг книги «Внешняя политика Великобритании от Версаля до Локарно 1919-1925» И.М. Лемина. В до-

кладе также упоминаются книги «западных» историков, а также аналитические труды немецких генералов, созданных для американского военного командования по опыту боевых действий Второй мировой войны[1].

Такой выбор источников, созданных в СССР, позволяет увидеть ситуацию внутри профессионального сообщества, но также ведет к путанице между дискуссией по конкретному вопросу и высказыванием на политические темы. Таким образом, использование центральных общественно-политических изданий внесло некоторый хаос в документ, преследовавший специализированный анализ мнений узко определенных профессиональных групп. Но это лишь половина беды. Читая документ, приходишь к выводу, приведенные работы выбраны с целью подтвердить выводы, необходимые составителям этой работы.

В целом, учитывая время создания документа и информационную закрытость СССР, можно говорить о тщательном поиске источников и… о весьма посредственном их анализе. Создается впечатление, что аналитики, которым передали эти источники, плохо понимали внутреннюю обстановку в Советском Союзе и имели слабое представление о советском обществе, что привело их к стереотипным и тенденциозным оценкам. С позиции сегодняшнего дня многие мысли документа вызывают сомнения или откровенное недоумение. Остановимся на некоторых утверждениях.

В самом начале документа авторы указывают на откровенно вредную роль Сталина в вопросах изучения истории Великой Отечественной войны. Это касается таких аспектов как начальный период войны, значение вклада союзников в Победу и преувеличение роли СССР в победе над Японией. Данная оценка, сделанная в 1959 г., касается сталинских оценок 1948 г. Безусловно, идеология влияла на исторические оценки Второй мировой войны в Советском Союзе. Но влияла она не только негативно (раздувая, например, культ личности И.В. Сталина). Имелись примеры неудачного замалчивания (секретного дополнительного протокола к советско-германскому договору 23 августа 1939 г. (электронная фотокопия опубликована в: Антигитлеровская коалиция 2019: 6-14); не разъяснялась проблема неготовности приграничных военных округов, несмотря на обилие донесений разведки), которые столь же неудачно в дальнейшем списывали многие проблемы первого периода войны на фактор внезапности гитлеровского нападения (сведенные воедино причины неудач Красной армии в первый период Великой Отечественной войны с их краткой характеристикой можно найти в: Лебедева и др. 2020: 41-46). Это молчание «официальной» советской историографии породило пустоту, которая была заполнена тенденциозными «антисталинскими» трудами периода «Оттепели» и (в значительной степени повторявшей ее) «Перестройки», которые напрямую обвиняли И.В. Сталина в поражениях и дискредитировали авторитет академических исследований у читателей 1980-90-х годов. С другой стороны, эти умолчания играли не только негативную роль. Трудно представить, какой была бы реакция советского общества, если бы оно, например, в те годы узнало бы о масштабах коллаборационизма или военных преступлений оккупантов.

Говоря о вкладе союзников в борьбу на фронтах Второй мировой войны, ее следует разделить на военные и экономические усилия. По оценкам отечественных военных историков, до 80% людских потерь, а также до 75% танков и штурмовых орудий, свыше 75% авиации, 74% артиллерийских орудий гитлеровской Германии приходятся на советский фронт. Что касается зарубежной военной помощи, следует учитывать, что доля ленд-лиза в общем количестве техники и вооружения, поступивших в армию и на флот с отечественных предприятий, составила: стрелкового оружия – 0,8 %, орудий и минометов – 1,8 %, танков и САУ – около 12,1 %, самолетов – около 15%, автомобилей – 32%; а продовольственные поставки по программе ленд-лиза составили 3,4% от отечественных заготовок и закупок продуктов питания (Кривошеев и др. 2010: 334; Жевалов 2018: 15; Еременко 2021).

Решающая роль СССР в победе над Японией раскрывается через два фактора, которые не были реализованы благодаря действиям Красной армии. Во-первых, с капитуляцией Квантунской группировки войск Япония потеряла крепкую промышленную базу, которая позволила бы императорскому двору эвакуироваться и развязать партизанскую войну против американских войск на Японских островах. То есть, Дальневосточная кампания советских войск предотвратила затягивание войны. А во-вторых, внезапный и сокрушительный разгром войск Японии и ее сателлитов на территории Китая спас мир от начала биологической войны, к которой Токио уже был готов (см.: Великая Отечественная 2013: 421, 424; Тайны 2021; Филонов 2022: 215).

Еще одно сомнительное умозаключение американских авторов, которое ставит под сомнение их объективность, гласит, что в первые месяцы войны советские войска не продемонстрировали своего превосходства и лишь в малой мере могли «тягаться с обстановкой». Эти выводы противоречат факту, что уже к началу Смоленского сражения «блицкриг» против СССР был сорван. И американские аналитики, опиравшиеся на труды пленных немецких генералов, не могли не знать этого. Более того, мемуары некоторых из них пестрят словами о сопротивлении Красной армии, куда более серьёзном, чем других вооруженных сил. Так, уже 24 июня 1941 г. генерал фон Хейнрици записал: «В общем и целом создаётся впечатление, что русский отводит свои силы на восток. Но если доходит до боя, то сражается он стойко. Он куда сильнее, чем французский солдат. Предельно выносливый, хитрый и коварный» (Заметки 2018: 62-63).

Попытка отрицать роль партии в организации и управлении партизанами и подпольем – это, скорее, снова укладывание фактов в прокрустово ложе выводов, сформулированных еще агитматериалами Управления военной информации США, в 1942-1945 гг. высоко оценивавшего русский народ, но отрицавшего роль компартии. Даже современные историки не отрицают, что ВКП(б) самого начала войны активно занималось

1 Сегодня некоторые из этих материалов доступны онлайн: German Report Series // Archive.org (https://archive.org/).

организацией партизанского движение и работой в подполье (Дюков 2012: 25-40).

Стоит уточнить также и предположение американских аналитиков о сопротивлении историков волне послевоенной пропаганды против Запада и сопутствующим ей искажениям роли союзников в войне. На наш взгляд, здесь смешиваются два аспекта: 1) дискуссии в среде историков и внутрипрофессиональные конфликты, выплескивающиеся на страницы прессы; и 2) оппозиция существующей идеологической установке. В качестве одного из таких примеров приводится критическая рецензия Е.А. Болтина на сборник «Труды по истории Великой Отечественной войны», указывающая на недооценку авторами книги вклада западных союзников СССР. Однако здесь, как нам представляется, нужно говорить не о «бунте» профессиональных историков против «официозной историографии», сколько дань модной теории конвергенции (сближении капиталистической и социалистической общественно-политических систем, завершение «холодной войны»). В Советском Союзе она опиралась на тезис Н.С. Хрущева о «мирном сосуществовании», выдвинутый в отчетном докладе ЦК КПСС XX съезду партии 14 февраля 1956 г.

Описывая «ревизионизм» 1956 года, авторы заявляют, что сильные тенденции к переоценке сталинистского исторического наследия появились даже перед открытием XX съезда. Но очевидно, что они ставят «телегу» впереди «лошади». Ведь сам съезд вызвал лавину переоценки сталинского наследия. И не только в истории Второй мировой войны, но и в государственном наследии, ведь через полгода после этого хрущевского доклада последовали восстания в Польше, а затем – в Венгрии.

Создавая картину «противоестественного» вмешательства партийных идеологов в публикации ветеранов войны и историков, документ изображает борьбу, которая, якобы, закончилась победой последних после разоблачения «культа личности». На наш современный взгляд точнее было бы сказать, что в 1956-1963 гг. одна идеологическая парадигма сменила другую. Да, в трудах историков периода «Оттепели» были введены новые источники, заявлены новые дискуссионные вопросы, но их решение вряд ли было объективным, ибо (рассматривая историю через призму «культа личности») оценивали события через призму личности, находившейся на вершине «пирамиды власти». Но этот подход не только не объясняет разную степень боеготовности в различных приграничных военных округах, но и слишком поверхностно излагает вопросы военного строительства и проблемы советского ВПК. Таким, например, был нашумевший в свое время труд А.М. Некрича «1941, 22 июня». Написанный на волне XX съезда КПСС, при рассмотрении сегодня, он нередко содержит ошибочные постулаты. Например, «Причины неудач советских войск в начальный период войны заключались также и в том, что […] Советские вооруженные силы не были приведены в состояние повышенной боевой готовности перед лицом очевидной угрозы. Центральный Комитет Коммунистической партии Советского Союза в своем постановлении от 30 июня 1956 г. “О преодолении культа личности и его последствий” указал, что серьезная ошибка была допущена Сталиным “в организации подготовки страны к отпору фашистским захватчикам”» (Некрич 1965: 162). По данному тезису доступные сегодня архивные материалы говорят о том, что 1) Советский Союз, активно наращивавший свою обороноспособность, не смог ее укрепить в должной мере к моменту нападения на него; 2) Генеральный штаб Красной армии буквально за полчаса до начала войны отправил в западные приграничные округа директиву «одновременно войскам Ленинградского, Прибалтийского, Западного, Киевского и Одесского военных округов быть в полной боевой готовности, встретить возможный внезапный удар немцев или их союзников» (см.: Страна 2011: 52-55; 79). В целом надо отметить, что постоянные ссылки авторов на слова Хрущева о некомпетентности Сталина в военных вопросах и, тем более, о панике генсека в 1941 г., выглядят, как минимум, некритичным пересказом слов Первого секретаря ЦК КПСС.

В целом же, документ создает двойственное впечатление. С одной стороны, для его создания были привлечены различные доступные источники в разных областях. Наглядно виден прекрасный уровень работы оперативников по сбору и систематизации информации на низовом уровне. Однако на уровне осмысления этих источников результаты оказались более скромными. Авторы следует в русле концепций периода «Оттепели», изображая конфликт там, где речь шла об обычной научной дискуссии. Более того, можно говорить, что документ в целом написан под определенным углом зрения. Что заставляет усомниться в беспристрастности и квалификации непосредственно штатных аналитиков Лэнгли.

ЛИТЕРАТУРА

Антигитлеровская коалиция 2019 - Антигитлеровская коалиция – 1939: Формула провала. Сборник статей / Под общей редакцией В.Ю. Крашенинниковой; ответственный редактор О.Г. Назаров. М.: Кучково поле, 2019.

Белов и др. 2015 - Белов Д.А., Буранок С.О., Суржик Д.В. и др. «Мы» и «они»: Великая Отечественная война в оценках англо-американской общественности и современной историографии. Самара: АСГАРД, 2015.

Великая Отечественная 2013 - Великая Отечественная война 1941-1945 томов: В 12 томах. Т. 5. Победный финал. Завершающие операции Великой Отечественной войны в Европе. Война с Японией. М.: Кучково поле, 2013.

Дюков 2012 - Дюков А.Р. Кто командовал советскими партизанами. М.: Вече, 2012.

Еременко 2021 - Еременко С.Б. К вопросу о потерях противоборствующих сторон на советско-германском фронте в годы Великой Отечественной войны: правда и вымысел. 2021 / Электронный ресурс: https://mil.ru/winner_may/history/more.htm?id=11359251@cmsArticle (дата обращения - 18.11.2021).

Жевалов 2018 - Жевалов С.А. Решение продовольственной проблемы в СССР в годы Великой Отечественной войны. Автореферат диссертации на соискание учёной степени кандидата исторических наук. Мытищи, 2018.

Заметки 2018 - Заметки о войне на уничтожение. Восточный фронт 1941-1942 гг. в записях генерала Хейнрици / Под редакцией Й. Хюртера; перевод с немецкого, предисловие к русскому изданию, комментарии О.И. Бэйды, И.Р. Петрова. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2018.

Кривошеев и др. 2010 - Кривошеев Г.Ф., Андроников В.М., Буриков П.Д., Гуркин В.В. Великая Отечественная без грифа секретности. Книга потерь. М.: Вече, 2010.

Лебедева и др. 2020 - Лебедева Н.С., Синицын М.В., Софронов К.И., Суржик Д.В. Вторая мировая и Великая Отечественная война: к 75-летию Победы. М.: Интеграция: Образование и Наука, 2020.

Некрич 1965 - Некрич А.М. 1941, 22 июня. М.: Наука, 1965.

Страна 2011 - 1941 год: Страна в огне: В двух книгах / Руководитель проекта: О.А. Ржешевский. Кн. 2. Документы и материалы. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2011.

Тайны 2021 - Тайны японской «Барбароссы». 2021 / Электронный ресурс: http://www.fsb.ru/fsb/history/archival_material/japanbarbarossa.htm (дата обращения - 18.11.2021).

Толченов 1945 - Толченов М.П. Последний этап войны на Тихом океане: Стенограмма публичной лекции полковника М.П. Толченова, прочитанной 24 августа 1945 г. в Лекционном зале в Москве. М.: Всесоюзное лекционное бюро при Комитете по делам высшей школы при СНК СССР, 1945.

Филонов 2022 - Филонов А.М. О применении Японией оружия массового поражения в войне против СССР // Хабаровский процесс: историческое значение и современные вызовы. Аналитические материалы Международного научно-практического форума, Хабаровск, 6-7 сентября 2021 / Составитель: Л.Д. Шаповалова. М.: Историческая память, 2022.

The CAESAR 1953-1973 - The CAESAR, POLO and ESAU Papers Overview. Cold War Era Hard Target Analysis of Soviet and Chinese Policy and Decision Making, 1953-1973. N/d. P. 1 / Электронный ресурс: http://www.foia.cia.gov/CPE/overview.pdf (дата обращения - 18.11.2021).

REFERENCES

Antigitlerovskaya koaliciya 2019 - Antigitlerovskaya koaliciya – 1939: Formula provala. Sbornik statej / Pod obshchej redakciej V.YU. Krasheninnikovoj; otvetstvennyj redaktor O.G. Nazarov [The Anti-Hitler Coalition – 1939: The formula of failure. Collection of articles / Under the general editorship of V.Y. Krasheninnikova; executive editor O.G. Nazarov], Moscow, Kuchkovo pole Publ., 2019 [in Russian].

Belov i dr. 2015 - Belov D.A., Buranok S.O., Surzhik D.V. i dr. «My» i «oni»: Velikaya Otechestvennaya vojna v ocenkah anglo-amerikanskoj obshchestvennosti i sovremennoj istoriografii ["We" and "they": The Great Patriotic War in the Assessments of the Anglo-American Public and Modern Historiography], Samara, ASGARD Publ., 2015 [in Russian].

Dyukov 2012 - Dyukov A.R. Kto komandoval sovetskimi partizanami [Who commanded the Soviet partisans], Moscow, Veche Publ., 2012 [in Russian].

Eremenko 2021 - Eremenko S.B. K voprosu o poteryah protivoborstvuyushchih storon na sovetsko-germanskom fronte v gody Velikoj Otechestvennoj vojny: pravda i vymysel [On the issue of the losses of the opposing sides on the Soviet-German Front during the Great Patriotic War: truth and fiction], 2021, Electronic resource: https://mil.ru/winner_may/history/more.htm?id=11359251@cmsArticle (Date of access - 18.11.2021) [in Russian].

Filonov 2022 - Filonov A.M. O primenenii YAponiej oruzhiya massovogo porazheniya v vojne protiv SSSR [On Japan's use of weapons of mass destruction in the war against the USSR], in: Habarovskij process: istoricheskoe znachenie i sovremennye vyzovy. Analiticheskie materialy Mezhdunarodnogo nauchno-prakticheskogo foruma, Habarovsk, 6-7 sentyabrya 2021 / Sostavitel': L.D. SHapovalova [Khabarovsk process: historical significance and modern challenges. Analytical materials of the International Scientific and Practical Forum, Khabarovsk, September 6-7, 2021 / Compiled by L.D. Shapovalova], Moscow, Istoricheskaya pamyat' Publ., 2022 [in Russian].

Krivosheev i dr. 2010 - Krivosheev G.F., Andronikov V.M., Burikov P.D., Gurkin V.V. Velikaya Otechestvennaya bez grifa sekretnosti. Kniga poter' [The Great Patriotic War without the secrecy stamp. The Book of Losses], Moscow, Veche Publ., 2010 [in Russian].

Lebedeva i dr. 2020 - Lebedeva N.S., Sinicyn M.V., Sofronov K.I., Surzhik D.V. Vtoraya mirovaya i Velikaya Otechestvennaya vojna: k 75-letiyu Pobedy [World War II and the Great Patriotic War: to the 75th anniversary of Victory], Moscow, Integraciya: Obrazovanie i Nauka Publ., 2020 [in Russian].

Nekrich 1965 - Nekrich A.M. 1941, 22 iyunya [1941, June 22], Moscow, Nauka Publ., 1965 [in Russian].

Strana 2011 - 1941 god: Strana v ogne: V dvuh knigah / Rukovoditel' proekta: O.A. Rzheshevskij. Kn. 2. Dokumenty i materialy [1941: The country is on fire: In two books / Project Manager: O.A. Rzheshevsky. Book 2. Documents and materials], Moscow, OLMA Media Grupp Publ., 2011 [in Russian].

Tajny 2021 - Tajny yaponskoj «Barbarossy» [Secrets of the Japanese "Barbarossa"], 2021, Electronic resource: http://www.fsb.ru/fsb/history/archival_material/japanbarbarossa.htm (Date of access - 18.11.2021) [in Russian].

The CAESAR 1953-1973 - The CAESAR, POLO and ESAU Papers Overview. Cold War Era Hard Target Analysis of Soviet and Chinese Policy and Decision Making, 1953-1973. N/d. P. 1, Electronic resource: http://www.foia.cia.gov/CPE/overview.pdf (Date of access - 18.11.2021) [in English].

Tolchenov 1945 - Tolchenov M.P. Poslednij etap vojny na Tihom okeane: Stenogramma publichnoj lekcii polkovnika M.P. Tolchenova, prochitannoj 24 avgusta 1945 g. v Lekcionnom zale v Moskve [The last stage of the Pacific War: Transcript of a public lecture by Colonel M.P. Tolchenov, delivered on August 24, 1945 in a Lecture hall in Moscow], Moscow, Vsesoyuznoe lekcionnoe byuro pri Komitete po delam vysshej shkoly pri SNK SSSR Publ., 1945 [in Russian].

Velikaya Otechestvennaya 2013 - Velikaya Otechestvennaya vojna 1941-1945 tomov: V 12 tomah. T. 5. Pobednyj final. Zavershayushchie operacii Velikoj Otechestvennoj vojny v Evrope. Vojna s YAponiej [The Great Patriotic War 1941-1945

volumes: In 12 volumes. Volume 5. The victorious finale. The final operations of the Great Patriotic War in Europe. War with Japan], Moscow, Kuchkovo pole Publ., 2013 [in Russian].

Zametki 2018 - Zametki o vojne na unichtozhenie. Vostochnyj front 1941-1942 gg. v zapisyah generala Hejnrici / Pod redakciej J. Hyurtera; perevod s nemeckogo, predislovie k russkomu izdaniyu, kommentarii O.I. Bejdy, I.R. Petrova [Notes on the War of annihilation. The Eastern Front 1941-1942 in the records of General Heinrici / Edited by J. By H.H. Hurter; translated from German, preface to the Russian edition, comments by O.I. Beida, I.R. Petrov], Saint-Petersburg, Izdatel'stvo Evropejskogo universiteta v Sankt-Peterburge Publ., 2018 [in Russian].

ZHevalov 2018 - ZHevalov S.A. Reshenie prodovol'stvennoj problemy v SSSR v gody Velikoj Otechestvennoj vojny. Avtoreferat dissertacii na soiskanie uchyonoj stepeni kandidata istoricheskih nauk [Solving the food problem in the USSR during the Great Patriotic War. Abstract of the dissertation for the degree of Candidate of Historical Sciences], Mytishchi, 2018 [in Russian].

Кузовкин Михаил Петрович
– Член Ассоциации историков Союзного Государства (Москва, Россия).

Mikhail Kuzovkin
– Member of the Association of Historians of the Union State (Moscow, Russia).

michael.kuzovkin@gmail.com

Суржик Дмитрий Викторович
– Кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института всеобщей истории РАН (Москва, Россия).

Dmitry Surzhik
– Candidate of historical sciences, Institute of World History, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

dimsu@inbox.ru

СЛАВЯНЕ ОБЩИННОЙ ЭПОХИ. РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ: ЖИХ М.И. ВОСТОЧНЫЕ СЛАВЯНЕ НАКАНУНЕ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ. М.: ВЕЧЕ, 2020. 448 С.

И.Ю. Васильев
Научно-исследовательский центр традиционной культуры
«Кубанский казачий хор» (Краснодар, Россия)
e-mail: ivasee@mail.ru
SPIN-код: 8437-3902

АВТОРСКОЕ РЕЗЮМЕ
В рецензии рассматривается книга петербургского историка М.И. Жиха, посвящённая восточным славянам I – начала II тысячелетий н.э., то есть в период, предшествовавший становлению восточнославянской государственности и охватывающий ранние этапы её развития.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: славяне, государственность, Древняя Русь, общины без первобытности.

SLAVS OF THE COMMUNAL EPOCH. BOOK REVIEW: ZHIKH M.I. EAST SLAVS ON THE EVE OF STATEHOOD. M.: VECHE, 2020. 448 p.

Igor Vasilyev
Research Center of traditional culture
«The Kuban Cossack chorus» (Krasnodar, Russia)
e-mail: ivasee@mail.ru

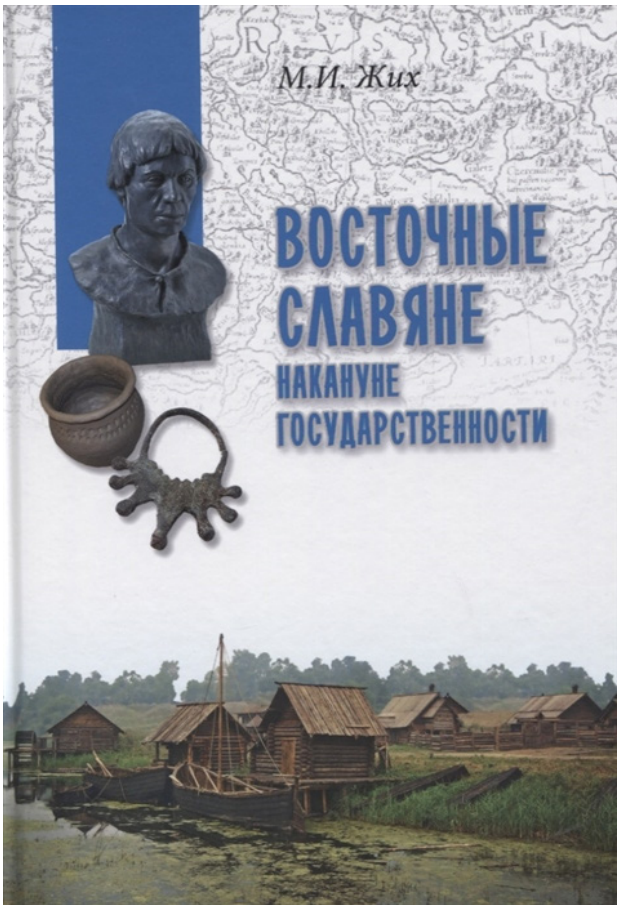
ABSTRACT
The review considers the book of the St. Petersburg historian M.I. Zhikh dedicated to the East Slavs of the 1st - early 2nd millennium AD, that is, in the period preceding the formation of the East Slavic statehood and covering the early stages of its development.

KEYWORDS: Slavs, statehood, ancient Rus', communal societies without primitiveness.

Книга М.И. Жиха «Восточные славяне накануне государственности» (Жих 2020) – яркое явление в историческом славяноведении последних лет. Сразу бросается в глаза то, что работа не ограничена рамками устоявшихся в науке исторических периодов. На мой взгляд, главное, что объединяет её составные части – единство (в общих чертах) уклада жизни восточных славян – участников значимых исторических событий, акторов межэтнического взаимодействия с сами разными народами.

Монография состоит из девяти глав: «Древние славяне на Волыни», «Древние славяне в среднем Поволжье по письменным и археологическим данным», «Кривичи», «Радимичи (локализация, происхождение, социально –политическая история)», «Славянская знать догосударственной эпохи, по данным начального летописания», «Русский каганат и этнографические сведения восточных источников о русах», «Сказание о признании варягов в начальном русском летописании», «Формирование восточнославянской государственности и реформы княгини Ольги», «Народ и власть в Киевской Руси (от племенных народных собраний до монгольского нашествия)». Такая структура книги позволяет совместить широкий территориальный и хронологический охват с углубленной проработкой отдельных тем.

В первой главе «Древние славяне на Волыни» автор стремится обосновать проживание славян на Волыни ещё в первые века н.э. В тот период имело место их вооруженная борьба с мигрирующими на юго-восток готами. Позднее им пришлось столкнуться с агрессией Аварского каганата, вследствие которой доминировавшая ранее в регионе древняя этническая общность дулебов



уступила господство своим соседям – волынянам. Значительная часть первых мигрировала на запад – на территорию современных Чехии и Польши (Жих 2020: 8-63).

В разделах, посвященных кривичам (Жих 2020: 106-138) и радимичам (Жих 2020: 139-188), показана возможность устойчивой раннеславянской этнокультурной общности, по всей видимости, не имевшей единого политического центра (кривичи), а также значительно более высокий уровень социально-политического и культурного развития восточнославянских политий до их включения в состав державы Рюриковичей, чем это было принято считать. Археологические данные не подтверждают уничижительных отзывов киевский летописцев о тех же радимичах. Во всех этих сообществах прослеживается многоуровневая структура власти, развитие городской жизни, ремесла и торговли. Так, шиферные пряслица, которые изготавливали в древлянском Овруче, находят далеко не только на этом городище. Возможно, их использовали в качестве платёжного средства, наподобие мелкой монеты.

М.И. Жих также указывает на неоднозначность ряда спорных вопросов, таких, как происхождение кривичей и радимичей, их прародины и путей миграций. Например, автор монографии полагает, что приписываемое древнерусскими книжниками радимичам и вятичам западнославянское происхождение всё же более вероятно для радимичей, для вятичей – менее, хотя вопрос остаётся дискуссионным.

Не всегда этнические группы славян при переселениях и других резких переменах сохраняли преемственность материальной культуры, которую можно проследить на основе археологических памятников: «Письменные источники, например, византийские… говорят о постоянных миграциях славян, их частых конфликтах с другими народами, где они являлись то нападающей, то обороняющейся стороной, о развитых у славян навыках партизанской войны и боя на воде. Великое переселение народов то возносило различные славянские общности к вершинам военно-политического успеха, то отбрасывало едва ли не к рабскому состоянию (например, покорённых дулебов в отношении аварского каганата). И данные археологии, и письменных источников говорят об отсутствии стабильности и постоянных изменениях. Именно к ним был приспособлен уклад жизни… Отдельные группы славян, пусть и совсем небольшие, стремились к самостоятельности и автономии. Отдельные самостоятельные группы на достаточно больших и труднодоступных территориях могли избежать неприятностей, в очередной раз обрушившихся на их соплеменников, быстро поменять место жительства и “перегруппироваться”» (Васильев 2017).

Однако славянская культура традиционно была внутренне разнообразной. Иную картину даёт культура погребальных сопок, которую традиционно связывают с ильменскими словенами (Жих 2020: 295-296). Она именуется по своим специфическим погребальным сооружениям. Сопка – это вид монументальной (высокой) погребальной насыпи курганного типа. «... Новгородские сопки наращивались в высоту (от 2 до 5, иногда до 10 м) в 2, 3 и более приёмов, и каждый ярус

мог содержать по несколько захоронений. В основании крупных сопок устраивался круг из камней, другой формы каменные выкладки и жглись костры»; «Большая часть раскопанных к настоящему времени сопок (в свете указанных исследований), судя по всему, представляла собой насыпи, погребальные функции которых “реализовывались” лишь после их окончательного (или почти окончательного) возведения. Остатки кремаций на стороне помещались на вершины подобных сопок неоднократно и не единовременно, образуя так называемые “поверхностные захоронения”. Таким образом, практически полностью сооружённая сопка какое-то время выступала в качестве действующего погребального объект». Реконструировать социальную структуру общества, представители которого возводили эти уникальные сооружения, не просто. Весьма вероятно, это было общество, в основе которого были разветвлённые родственные связи со сложной иерархией. Возможно, в основе организации данного социума лежало территориальное единство. В любом случае, погребальный обряд говорит о наличии многолюдных, стабильных и сплочённых сообществ (Петров 1995; 1999; Петрухин 2014: 313-331).

Рассмотрение специфики расселения радимичей даёт интересную информацию по проблеме коллективов выживания. Коллектив выживания – минимальная группа людей, могущих совместно обеспечить своё существование, пользуясь услугами посторонних в минимальной степени. Основная цель коллектива выживания – культурное и физическое самосохранение и воспроизводство. Коллектив выживания – частный случай контактной группы, его члены лично взаимодействуют друг с другом.

Это – характеристика коллектива выживания как идеального типа. На деле реальные коллективы выживания чаще всего активно сотрудничают друг с другом в рамках сетей коллективов, выполняет только часть функций, необходимых для поддержки членов коллектива.

Другая важная характеристика коллектива выживания – это коллектив, посредник между семьёй (отдельным человеком) и обществом в целом (народом, государством). Коллектив выживания амортизирует давление на человека государственных и прочих структур, помогает человеку защититься от произвола сильнейших, пережить трудные времена, экономические и социальные кризисы и пр. (Васильев 2021).

По данным археологических исследований можно определить размеры максимальной территориальной сети таких коллективов. В неё были объединены семьи, пользовавшиеся одной и той же мастерской, где изготавливали височные кольца (Жих 2020: 150). Вообще ремесленные мастерские наряду с религиозными центрами локального уровня, водными источниками, небольшими рынками традиционно являются узлами притяжения, вокруг которых формируются территориальные сети коллективов выживания.

Автор справедливо указывает на высокую вероятность того, что именьковская археологическая культура в Среднем Поволжье (III/IV-VII вв.) была создана славянами, что подтверждается как археологическими, так и письменными источниками. Данную точку зрения поддерживали такие видные исследователи, как В.В. Седов (археолог-славист) и С.Г. Кляшторный (тюрколог) (Жих 2020: 64-105). Возможно, именьковская культура создавалась представителями нескольких этносов при значительном участии славян, как и ряд других (черняховская культура и пр.).

Очень интересно включение в работу весьма правдоподобной версии о большом значении позднеаланского Русского каганата (носители салтово-маяцкой археологической культуры) для политогенеза восточных славян Поднепровья. Особенно развития в их среде элитарной воинской культуры с элементами степной традиции, сам этноним «Русь» (от самоназвания данной группы алан «рухс-асы»). По мнению автора книги, ряд описаний русов в письменных источниках более всего согласуется с данными по салтово-маяцкой культуре (географическая локализация, погребение посредством трупоположения в катакомбах и т.д.). Эта гипотеза происхождения Руси – не самая распространённая, но имеет свою достаточно развитую историографическую традицию (работы Д.Т. Березовца, Г.В. Вернадского, В.В. Седова, О.Н. Трубачёва, Е.С. Галкиной и др.) (Жих 2020: 210-245).

Вообще объединение под одной обложкой наработок сторонников разных концепций, представителей различных школ очень перспективно.

М.И. Жих касается и т.н. «спора о варягах». Тщательно проанализировав русские летописи и археологические источники с привлечением материалов скандинавских саг, исследователь приходит к выводу, что сильное политическое объединение на стыке восточнославянских земель и Балтики создали именно славяне. Вероятно, его центр находился в каменной крепости, известной в наше время как городище Любша. При этом в середине IX в. здесь и на других близлежащих территориях обнаруживается присутствие носителей дружинной варяжской культуры (носители которой могли иметь разное этническое происхождение). Один из их наиболее значимых центров находился на территории Великого Новгорода (т.н. Рюриково Городище). При том, что местное население, вероятнее всего, по большей части продолжало оставаться славянским.

Всё это хорошо согласуется с текстом «Повести временных лет». В частности, очень вероятно установление между местными славянами и варягами договорных отношений, что могло послужить основой для будущих новгородских вольностей (выборность князей и пр.). В пользу историчности летописного текста говорит и факт избрания представителями западнославянских политий своим князем иноземца Само (Жих 2020: 246-283). Как справедлтиво подчёркивает М.И. Жих в одной из более ранних работ «…Избрание князя из числа выдающихся по своим личным качествам мужей – традиционное для славян и других народов периода “военной демократии” явление… решающее значение имеет не этническая принадлежность или происхождение, а личные качества человека как воина, полководца, политика и дипломата… Ближайшей в славянском мире

типологической аналогией избрания среднеевропейскими славянами своим князем Само является "призвание" словенами и их союзниками (кривичами, мерей и чудью) в IX в. в качестве своего правителя варяга Рюрика… Появление Рюрика в землях словен, главенствовавших в северной восточнославянской политии, стало результатом определённого соглашения, "ряда", между ним и словенами, а также их союзниками (кривичами, мерей и чудью)» (Жих 2019: 35).

Это подтверждает гипотезу о гибкости и демократизме раннеславянских социально-политических структур, их способности быстро реагировать на перемены. Импонирует стремление автора книги использовать и интегрировать наработки как противников, так и сторонников «норманнской теории» возникновения Древней Руси. Говоря о социальной организации и специфике власти у восточных славян, М.И. Жих показывает её эволюцию от достаточно устойчивых союзов племён[1], имеющих этническую специфику, к городским общинам без первобытности[2].

В чём причина распада единой державы, которая была создана княгиней Ольгой и последующими правителями? Представляется, что их множество. Например, внешнеполитические и внешнеэкономические. Это падение в XI столетии платёжеспособности важнейшего рынка сбыта – Византийской империи. Снижение продаж сырья и сельхозпродуктов в Византию ослабило Киев как властный центр Древней Руси. В то время как расцвет империи в предыдущем X в. способствовал ускорению политогенеза на юге ареала расселения восточных славян.

К тому же сказались небольшие размеры собственно великокняжеских земельных владений, недостаточная многочисленность и разветвлённость управленческого аппарата. Огромную роль сыграла традиция бытования независимых локальных политий, управлявшимися народным собранием и советом знати.

Именно к такому обществу наиболее корректно применить концепт «Община без первобытности». Он был разработан во второй-третьей четверти XX в. и применялся к сообществам разной этнической принадлежности (раннесредневековые германцы, древнерусская народность, этносы Северного Кавказа). В развитие концепции внесли свой вклад такие известные учёные, как А.И. Неусыхин, И.Я. Фроянов, А.Ю. Дворниченко и др.

Во многом этот термин сходен с термином «вождество» (англ. chiefdom), который сформировался в западной науке примерно в тот же период времени.

При этом истоки теории можно найти в трудах таких известных дореволюционных историков, как В.И. Сергеевич, М.А. Дьяконов, С.Ф. Платонов и А.Е. Пресняков.

Кратко общины без первобытности можно охарактеризовать следующим образом:

Почти всегда – наличие земледелия. Нередко – городских поселений;

Высокий уровень духовной и материальной культуры, значимость территориальных социальных связей, очень часто – развитая социальная стратификация;

Наличие системы общественных повинностей разного типа, судопроизводства;

Слабость либо отсутствие государственного аппарата;

Выполнение функций госаппарата негосударственными (общинными, родственными и пр.) структурами;

Наличие элементов т.н. «военной демократии». Большое значение имеет собрание полноправных мужчин и/или аристократов.

Общины без первобытности внутренне разнообразны, например, они могут быть городскими или сельскими, в их рамках территориальные и родственные элементы социальной организации могут иметь разное значение. Они могут существенно различаться по количеству населения, площади подконтрольной территории.

Общинами без первобытности являются наиболее развитые акефальные общества (общества без развитого института политического лидерства). Но нередко община без первобытности – тоже самое, что и в той или иной степени «демократичное» вождество. Правители в общинах без первобытности очень часто есть, но власть их ограничена народным собранием, советом аристократов и пр. Интерес исследователя в рамках концепции общины без первобытности в большей степени сосредоточен на горизонтальных социальных связях, социальной активности большинства, чем в рамках концепции вождества.

Община без первобытности – очень гибкая дефиниция, включающая значительное разнообразие социальных укладов. Конкретная община без первобытности в определённый исторический период может не обладать всеми перечисленными выше признаками. Некоторые из них трудноотличимы от государств, другие – от раннеземледельческих общин.

Уклад жизни общин без первобытности может достаточно быстро меняться, усложняться либо упрощаться в зависимости от конкретных условий (Жих 2020; Община 2021).

Конечно, остаётся множество вопросов. Например, можно ли оседлое племя, имеющее компактную территорию расселения с чёткими границами, также считать общиной без первобытности? Наверное, можно.

Тогда, вероятно, и союзы племён, и древнерусские земли, сгруппированные вокруг городов, можно называть общинами без первобытности, организованными по трёхуровневому принципу: народное собрание, совет знати и князь. Такое общественное устройство, возможно, имеет древнейшие индоевропейские корни. Например, сходная структура власти была зафиксиро-

1 Под племенем надо понимать минимальную группу людей, имеющих особую этническую специфику (диалект, особенности обычаев и традиций, самосознание). Для племени характерны представления о кровном родстве его членов друг с другом (нередко это лишь идеологический конструкт). В племени нет полного равенства, но отношения внутри него достаточно демократичны.

2 Сам автор этот термин не использует, но подобный тип политий нередко называют именно так. Но вполне можно рассматривать общество определённой эпохи как уникальный феномен, благо историческая реальность никогда полностью не вписывается в рамки каких-либо концепций.

вана у хеттов в эпоху бронзы (Маккуин 1983). Она отличалась редкой гибкостью (например, возможностью усилить единовластие либо демократическое начало в зависимости от конкретных исторических условий) и приспособляемостью. И потому просуществовала тысячелетия.

В целом работа относится к наиболее, на наш взгляд, перспективному в наше время подходу в гуманитаристике, который заключается в максимально полном обобщении материала по конкретной теме с использованием достижений самых разных научных дисциплин и субдисциплин, различных соперничающих научных школ и направлений (историографическая база работы весьма обширна). У большинства из них есть серьёзные достижения, но нет монополии на истину.

ЛИТЕРАТУРА

Васильев 2017 - Васильев И.Ю. Древние славяне: культура «быстрого реагирования». 2017 / Электронный ресурс: https://semrez.ru/drevnie-slavyane-kultura-bystrogo-re/ (дата обращения - 18.05.2021).

Васильев 2021 - Васильев И.Ю. Коллективы выживания кубанских казаков // Исторический формат. 2021. № 1.

Жих 2019 - Жих М.И. Славянский правитель Само и его «держава» (629-658). Источники, локализация, социально-политическая организация, историческое значение. СПб., 2019.

Жих 2020 - Жих М.И. Восточные славяне накануне государственности. М.: Вече, 2020. 448 с.

Маккуин 1983 - Маккуин Дж.Г. Хетты и их современники в Малой Азии. М.: Наука, 1983.

Община 2021 - Община без первобытности. 2021 / Электронный ресурс: http://traditio.wiki/Община_без_первобытности (дата обращения - 18.05.2021).

Петров 1995 - Петров Н.И. К проблеме интерпретации сопок Северо-Западной Руси: летописные и фольклорные источники // Новгород и Новгородская земля. Вып. 9. Новгород, 1995.

Петров 1999 - Петров Н.И. Могилы превысокие: языческие курганы племенной аристократии Северо-Западной Руси VIII-IX вв. Будапешт, 1999.

Петрухин 2014 - Петрухин В.Я. Русь в IX-X веках. От призвания варягов до выбора веры. Второе издание, исправленное и дополненное. М., 2014.

REFERENCES

Makkuin 1983 - Makkuin Dzh.G. Hetty i ih sovremenniki v Maloj Azii [Hittites and their contemporaries in Asia Minor], Moscow, Nauka Publ., 1983 [in Russian].

Obshchina 2021 - Obshchina bez pervobytnosti [A community without primitiveness], 2021, Electronic resource: http://traditio.wiki/Obshchina_bez_pervobytnosti (Date of access - 18.05.2021) [in Russian].

Petrov 1995 - Petrov N.I. K probleme interpretacii sopok Severo-Zapadnoj Rusi: letopisnye i fol'klornye istochniki [On the problem of Interpretation of the Hills of Northwestern Russia: chronicle and folklore sources], in: Novgorod i Novgorodskaya zemlya [Novgorod and the Novgorod land], Vol. 9, Novgorod, 1995 [in Russian].

Petrov 1999 - Petrov N.I. Mogily prevysokie: yazycheskie kurgany plemennoj aristokratii Severo-Zapadnoj Rusi VIII-IX vv. [The graves are high: pagan burial mounds of the tribal aristocracy of Northwestern Russia of the VIII-IX centuries], Budapesht, 1999 [in Russian].

Petruhin 2014 - Petruhin V.YA. Rus' v IX-X vekah. Ot prizvaniya varyagov do vybora very. Vtoroe izdanie, ispravlennoe i dopolnennoe [Russia in the IX-X centuries. From the vocation of the Varangians to the choice of faith. Second edition, revised and expanded], Moscow, 2014 [in Russian].

Vasil'ev 2017 - Vasil'ev I.YU. Drevnie slavyane: kul'tura «bystrogo reagirovaniya» [Ancient Slavs: the culture of "rapid response"], 2017, Electronic resource: https://semrez.ru/drevnie-slavyane-kultura-bystrogo-re/ (Date of access - 18.05.2021) [in Russian].

Vasil'ev 2021 - Vasil'ev I.YU. Kollektivy vyzhivaniya kubanskih kazakov [Survival collectives of the kuban cossacks], in: Istoricheskij format [Historical format], 2021, № 1 [in Russian].

ZHih 2019 - ZHih M.I. Slavyanskij pravitel' Samo i ego «derzhava» (629-658). Istochniki, lokalizaciya, social'no-politicheskaya organizaciya, istoricheskoe znachenie [The Slavic ruler Samo and his "power" (629-658). Sources, localization, socio-political organization, historical significance], Saint-Petersburg, 2019 [in Russian].

ZHih 2020 - ZHih M.I. Vostochnye slavyane nakanune gosudarstvennosti [Eastern Slavs on the eve of statehood], Moscow, Veche Publ., 2020, 448 p. [in Russian].

Васильев Игорь Юрьевич
– Кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Научно-исследовательского центра традиционной культуры «Кубанский казачий хор» (Краснодар, Россия).

Igor Vasilyev
– Candidate of Historical Sciences, Senior research associate of the Research Center of traditional culture «The Kuban Cossack chorus» (Krasnodar, Russia).

ivasee@mail.ru

ПРАВИЛА ПУБЛИКАЦИИ В ЖУРНАЛЕ

В соответствии с требованиями ВАК и наукометрических баз данных РИНЦ и Scopus, в международном научном журнале «Исторический формат» вводятся следующие правила публикации.

Журнал публикует оригинальные статьи с результатами научных исследований на русском, английском, французском и немецком языках, относящиеся к исторической тематике, а также сообщения о проводимых под эгидой или при участии журнала научных мероприятиях. Редакция не вступает с авторами в содержательное обсуждение статей, переписку по методике написания и оформления научных статей и не занимается доведением статей до необходимого научно-методического уровня. Плата за публикацию в международном научном журнале «Исторический формат» не взимается. Авторский гонорар не выплачивается, не оплачивается рецензирование статей. Для обеспечения широкого доступа материалы журнала размещаются в Интернете: на сайте журнала, в научной электронной библиотеке «КиберЛенинка», в наукометрической базе данных РИНЦ и т.д.

Авторы статей, принятых к публикации высылают на электронный адрес редакции скан-копию бланка согласия, в котором дают разрешение на редактирование статьи, включение ее в электронные базы данных, а также на безвозмездную передачу указанных прав третьим лицам, при условии соблюдения их неимущественных авторских прав, извлечение из статьи и использование на безвозмездной основе метаданных (название, имя автора/правообладателя, аннотации, библиографические материалы и пр.) с целью включения в базы данных РИНЦ и Scopus, и подтверждение, что материал ранее не был опубликован и не находится на рассмотрении и/или не принят к публикации в каком-либо ином издании. Бланк согласия должен быть подписан автором и заверен в организации, в которой он работает или обучается.

В случае несоблюдения каких-либо требований редакция оставляет за собой право не рассматривать поступившие статьи. Журнал не публикует авторские материалы, ранее напечатанные в других изданиях; материалы, не соответствующие тематике журнала; статьи, не содержащие новой информации либо содержащие фактологические, исторические или иные ошибки, которые не могут быть исправлены; статьи, содержащие утверждения и гипотезы, прямо противоречащие установленным научным фактам; литературно-художественные и публицистические произведения любого содержания, в том числе и на научную тему; любую информацию и объявления, не имеющие непосредственного отношения к научной деятельности; материалы, содержащие сведения, которые составляют государст-венную либо коммерческую тайну; материалы, содержащие оскорбления, клевету либо заведомо ложные сведения в отношении граждан и организаций.

ПОРЯДОК СДАЧИ МАТЕРИАЛА:

Статья оформляется в соответствии с требованиями к оформлению материалов и высылается вместе со скан-копией заверенного бланка согласия на электронный адрес редакции: mail@histformat.com

Файлы должны быть поименованы по фамилии автора в латинской графике (например, IvanovStatya, IvanovBlank). Рукописи принимаются к рассмотрению непрерывно в течение года. Материал не должен превышать 1 п.л. (40 тыс. знаков с пробелами, включая рисунки, таблицы, список литературы и прочие компоненты статьи), сообщения — 0,5 п.л., рецензии — 0,2 п.л.

Статьи, поступившие в редакцию, подлежат внутреннему и внешнему рецензированию. Внутреннее рецензирование осуществляется редколлегией. Внешнее рецензирование научных материалов обеспечивается автором предоставленного материала и осуществляется специалистом соответствующего профиля, имеющим ученую степень доктора или кандидата наук. В случае несоблюдения каких-либо требований редакция оставляет за собой право не рассматривать такие статьи.

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ МАТЕРИАЛОВ:

Редколлегия журнала «Исторический формат» принимает только материалы, присланные файлом, прикрепленным к электронному письму (формат Word, файл с расширением .doc ., docx ., rtf). Статья должна быть оформлена строго в соответствии общими требованиями к оформлению научных публикаций и тщательно вычитана.

Рукописи, направляемые в журнал, должны содержать следующие разделы:

1. Индекс по Универсальной десятичной классификации (УДК).

2. Название статьи, ФИО автора(ов), сведения об авторе, адресные данные (полное юридическое название организации, адрес организации, адрес электронной почты всех или одного автора), авторское резюме и ключевые слова на русском языке, адрес электронной почты. Объем аннотации должен включать от 100 до 250 слов. Ключевых слов и словосочетаний должно быть не более 10.

3. Те же данные, указанные на английском языке, в той же последовательности, что в п. 2. Авторское резюме на английском языке (Abstract) может отличаться от русского аналога, но обязательно должно быть максимально подробным, чтобы выполнять функцию независимого от статьи источника информации. Информация резюме на английском должна быть понятна и интересна англоязычному читателю, который мог бы без обращения к полному тексту получить наиболее полное представление о тематике и уровне исследования.

4. Полный текст статьи, оформленный в соответствии с действующими требованиями журнала, приме-

чания, список использованной литературы (название «Литература»), список литературы в романском алфавите (название “References”).

Параметры оформления статьи: выравнивание — по ширине листа; первая строка — отступ 1,25; межстрочный интервал — одинарный; шрифт — Times New Roman; размер — 14; без автоматической расстановки переносов.

Иллюстрации (фотографии, рисунки, таблицы, графики, диаграммы и т.п.) должны иметь сквозную нумерацию согласно их положению в тексте и дополнительно прилагаться в виде отдельных файлов. Иллюстрации предоставляются в форматах tif или jpeg (разрешением не менее 300 dpi).

При оформлении статьи используется «гарвардский стиль» — оформление библиографии, когда список литературы выстроен в алфавитном порядке, а отсылка в тексте оформляется через фамилию автора (или фамилия первого автора, если авторов несколько), год издания и по необходимости номер страницы.

5. Список литературы с последующей английской транслитерацией. Автоматизировать процесс транслитерации можно, воспользовавшись программным обеспечением, которое доступно по адресу http://translit.ru (в раскрывающемся списке «Варианты» выбирать BGN). После автоматического транслитерирования необходимо вручную проверить правильность полученного результата и внести необходимые коррективы. Транслитерированные ссылки должны содержать только значащие для аналитической обработки элементы (ФИО авторов, название первоисточника, выходные данные). В списке литературы названия работ на языках, использующих нелатинизированные алфавиты, должны быть переведены на английский и заключены в квадратные скобки; названия источников должны быть транслитерированы, в конце следует указать язык оригинала в квадратных скобках. В случае цитирования книги название издательства (если это название учреждения) должно быть переведено на английский язык, во всех остальных случаях — транслитерировано, место издания — переведено.

Примером оформления публикации может служить любая статья в последнем опубликованном номере журнала. Просим авторов обратить на это внимание и следовать принятым правилам оформления материалов.

МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

ИСТОРИЧЕСКИЙ ФОРМАТ

2021, № 4

* * *

ЭЛЕКТРОННОЕ ПЕРИОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

Дата выхода номера: 09.08.2022
Формат 210x297
Электронный файл PDF
Гарнитура «Source Sans Pro»

Издатель: Редакция журнала
«Исторический формат»

Верстка: Жих М.И.

Редакция может не разделять точку зрения авторов статей, не вступает с авторами в содержательное обсуждение статей, переписку по методике написания и оформления научных статей и не занимается доведением статей до необходимого научно-методического уровня. Ответственность за содержание публикуемых материалов несет автор.

При любом использовании материалов ссылка на журнал обязательна.

* * *

E-mail редакции: **mail@histformat.com**
Официальный сайт: **http://histformat.com/**

16+

© Исторический Формат, 2021-2022
ISSN 2411-9415

вернуться к оглавлению ▲

http://histformat.com/